

ISSN 2070-9773

КЛИО

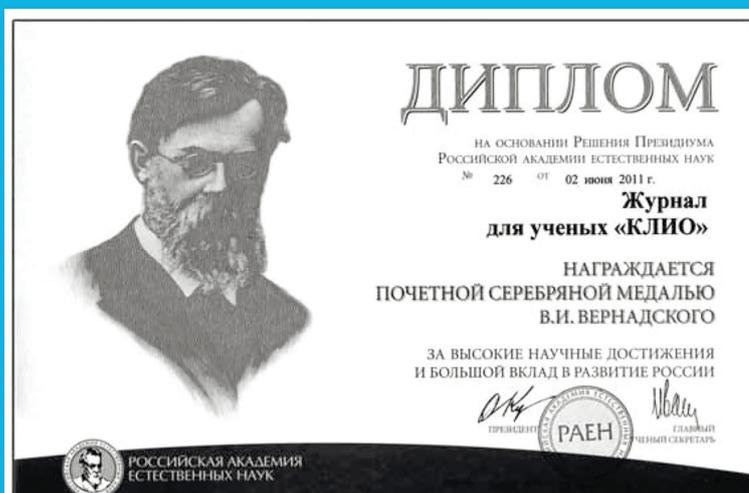

№08(200)

август 2023

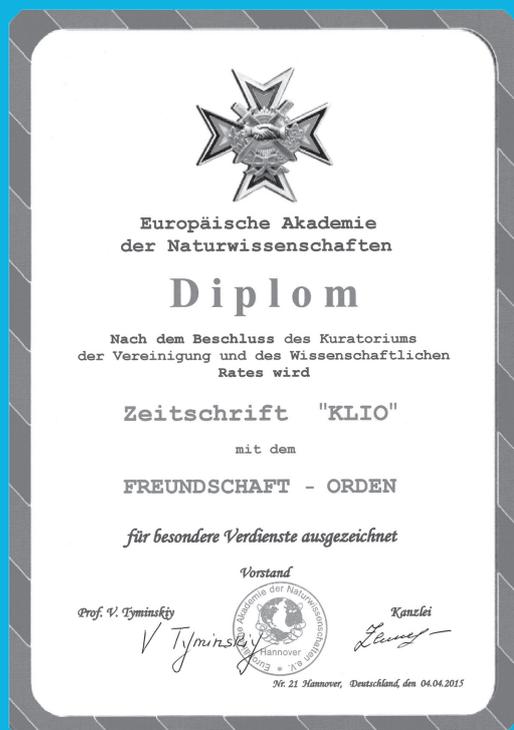
KLIO

РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА
 РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
 ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 №226 ОТ 02.06.2011
 журнал для ученых «Клио»
 награжден почетной серебряной
 медалью В.И. Вернадского
 за высокие научные достижения
 и большой вклад
 в развитие России

РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА
 ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ
 ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 (EUROPÄISCHE AKADEMIE
 DER NATURWISSENSCHAFTEN
 (IN HANNOVER) E.V.))
 ОТ 06.03.2014
 журнал для ученых «Клио»
 награжден серебряной медалью
 им. Альберта Швейцера
 за выдающийся вклад
 в содействие и развитие
 научных достижений

РЕШЕНИЕМ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО
 И УЧЕНОГО СОВЕТОВ
 ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ
 ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 ОТ 04.04.2015
 журнал для ученых «Клио»
 награжден Орденом дружбы

РЕШЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА
 ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ
 ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 (EUROPÄISCHE AKADEMIE DER
 NATURWISSENSCHAFTEN
 (IN HANNOVER E.V.)) №02 ОТ 11.07.2016
 журнал для ученых «Клио» награжден медалью
 им. Альберта Эйнштейна за особые заслуги

Журнал для ученых «Клио» 26 марта 2019 г.
включен в Перечень рецензируемых научных изданий
(5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.5. – Исто-
риография, источниковедение и методы исторического исследования), в
которых должны быть опубликованы основные научные результаты дис-
сертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of
the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ),
реализующей проект Министерства образования и науки РФ
«Разработка системы статистического анализа российской науки на основе
данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

КЛИО

Ежемесячный журнал для ученых

Печатный орган
Международной академии исторических и
социальных наук

№08(200)
август

ООО «Полторак»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Полтораки С.Н., доктор исторических наук, профессор, (Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА, ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Зотова А.В., доктор исторических наук, академик РАЕН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Измозык В.С., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Шабельникова Н.А., доктор исторических наук, профессор (Дальневосточный юридический институт МВД РФ, Владивосток, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байчуань Е., доктор исторических наук, научный сотрудник (Институт истории династии Цин при Народном университете Китая, Пекин, КНР)

Баранов В.П., доктор исторических наук, профессор, вице-президент Академии военных наук, генеральный инспектор Министерства обороны РФ (Академия военных наук, Москва, Россия)

Бондаренко А.Ф., доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора журнала «Исторический архив», Москва, Россия)

Голдин В.И., доктор исторических наук, профессор (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия)

Гехт А.Б., кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Еремеева А.Н., доктор исторических наук, профессор (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Краснодар, Россия)

Загребин С.С., доктор исторических наук, профессор (Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск, Россия)

Ипполитов Г.М., доктор исторических наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия)

Кашеваров А.Н., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург, Россия) (ответственный секретарь)

Кемальоглу Ильяс, доктор исторических наук, профессор (Университет Мармара, Стамбул, Турция)

Ковальская С.И., доктор исторических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан)

Купцова И.В., доктор исторических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Ли Юэнь, доктор технических наук, профессор (Шаньдунский университет, Цзинань, КНР)

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор (Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия)

Ма Минь, доктор исторических наук, профессор (Классический университет Центрального Китая, Ухань, КНР)

Макае П., PhD (Зимбабвийский университет Иезекииля Гути, Биндура, Зимбабве)

Мальшева С.Ю., доктор исторических наук, профессор (Казанский государственный университет, Казань, Россия)

Махлина С.Т., доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия)

Минц С.С., доктор исторических наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия)

Невская Т.А., доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия)

Пеев И.П., доктор психологических наук, профессор (Высшее военно-морское училище им. Николы Вапцарова, Варна, Болгария)

Репинецкий А.И., доктор исторических наук, профессор (Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия)

Самойлов Н.А., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Самарцева Е.И., доктор исторических наук, профессор (Тульский государственный университет, Тула, Россия)

Сидненко Т.И., доктор исторических наук, доцент (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин Ленинградской области, Россия)

Суряев В.Н., доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник (НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь, Минск, Беларусь).

Тальянова Эрен М., кандидат филологических наук (PhD) (Анкарский государственный университет, Анкара, Турецкая Республика)

Чернобаев А.А., доктор исторических наук, профессор (Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия)

Чэнь Кайкэ, доктор исторических наук, профессор (Институт Новой Истории Академии общественных наук Китая, Пекин, КНР)

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, академик РАН (Российская академия наук, Москва, Россия)

Яблочкина И.В., доктор исторических наук, профессор (Российский государственный университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Золотарёв В.А., доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

Гейхман И.Л., доктор технических наук, профессор (Международная академия исторических и социальных наук, Москва, Россия)

Дворниченко А.Ю., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Кащенко С.Г., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Лосик А.В., доктор исторических наук, профессор (Балтийский государственный технический университет (Военмех) им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия) (заместитель главного редактора)

Михеева Г.В., доктор педагогических наук, профессор (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия)

Попов А.А., доктор исторических наук, профессор (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Рубцов Ю.В., доктор исторических наук, профессор (Военный университет МО РФ, Москва, Россия)

Саркисов А.А., доктор технических наук, профессор, академик РАН (Российская академия наук, Москва, Россия)

Сенявская Е.С., доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)

Станкович М., доктор экономических наук, профессор (Крагуевацкий университет, Крагуевац, Сербия)

Триодин В.Е., доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербург, Россия)

Тыминский В.Г., доктор философских наук, профессор (Европейская академия естественных наук, Ганновер, Германия)

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Урал-Пресс». Индекс 14243

Адрес редакции: Россия, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11. лит. А, пом. 1 Н

Тел.: +7(950)0241405, +7(931)3332009, +7(906)2688714

Почтовый адрес редакции и издателя: 195220, Россия, Санкт-Петербург-220. Довостребования ООО «Полторак».

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Официальный сайт: <http://clioscience.com/>.

Электронный адрес научного периодического издания в Интернете:

<http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

© «Клио», 2023

© ООО «Полторак», 2023

© Авторы публикаций, 2023

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Савельева Д.И. (Санкт-Петербург). Египетские топонимы в «Хронике» Иоанна Никиуского.....	13
Малахова С.И. (Москва). Французские аристократы во время Фронды: личные отношения и политика	17
Лапунов А.А. (Санкт-Петербург). Концепция К.Г. фон Антона о «славянском характере»	24
Антонова Л.В. (Псков). Образ британца-колонизатора в романах Луи Жаколио	33
Арбеков А.Б. (Тула). Военные реформы Ричарда Холдейна в 1906 – 1912 годах по донесениям российских военных агентов в Лондоне	41
Ермишин Л.В. (Москва). Масштабирование репрессивной функции армии Болгарии после государственного переворота 9 июня 1923 г.....	50
Гейгер Н.Н. (Санкт-Петербург). Сусурлукский скандал в контексте общественно-политической жизни Турции конца XX века	59
Малышева Е.Б., Микаелян Л.А. (Санкт-Петербург). Применение Испанией политики мягкой силы в сфере образования и культуры.....	64
Пахоруков К.И. (Санкт-Петербург). Расширение внешнеполитических ресурсов субнациональных единиц. Регионы Франции	71

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Герасимова А.И. (Архангельск). История и архитектурно-конструктивные особенности храмового ансамбля поморского с. Нёнокса Архангельской области (по архивным источникам)	77
Баканов А.В. (Махачкала), Сидненко Т.И. (Санкт-Петербург). К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы).....	82
Гриценко А.И. (Москва). «Один из главных чиновников Университета»: роль инспектора студентов Московского университета в жизни студенчества во второй четверти XIX века	90
Девейкис М.В. (Санкт-Петербург). Николай II и российская музейная сфера	98
Прохорова Е.С. (Москва). Некоторые направления деятельности Совета Государственной обороны Российской империи в области военной политики в начале XX в.....	104
Купцова И.В., Мазин А.В. (Москва). Проблема денационализации в промышленной политике антибольшевистских правительств в 1918 году ..	111
Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н., Васильев В.Л. (Елабуга) Абдуназаров Л.М. (Кокан, Республика Узбекистан). Первые опыты советской власти по управлению кустарной промышленностью регионов	118
Дианова Е.В. (Петрозаводск). Участие кооперативных организаций в кинофикации сельской местности в 1920-е годы	124
Баранов А.В., Ишин А.В. (Краснодар). Политические настроения беднейшего крестьянства Юга России в условиях становления новой экономической политики.....	137
Половецкий С.Д., Володина Н.А., Обухов О.Ю. (Москва). Военно-учебные заведения Ленинграда в годы Великой Отечественной войны	147

Лю Лэй (Урумчи, КНР). Демографические изменения в составе русской эмиграции Синьцзян-Уйгурского автономного района.....	153
Сливко С.В. (Хабаровск). Роль Хабаровского краевого отделения общества «СССР – Япония» в укреплении советско-японских культурных связей (1960 – 1985 гг.).....	159
Мочалов Д.П., Магомедов Р.Р. (Оренбург). Международная реакция на запрет КПСС и проблема атлантизма после холодной войны.....	166
Волгин Е.И. (Москва). Проблемы деполитизации правоохранительной системы РФ после 1993 г.	174
Мартюкова Е.А. (Москва). Урегулирование греко-болгарского территориального спора на Парижской мирной конференции 1946 г. и его историческое значение.....	186

ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ

Трапезников Д.А. (Москва). Отражение этапа военной биографии А. В. Голицына эпохи борьбы с Лжедмитрием II в зеркале разрядных, летописных и иностранных источников.....	195
Постикэ Н.Б. (Москва). Просвещённая бюрократия на службе Российской империи (В.И. Вешняков)	201
Хавкин Б.Л. (Москва). Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс и генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц в советском плену	208

МНЕНИЕ

Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. (Санкт-Петербург). Синьхайская национальная революция в Китае и её итоги: два пути одного народа (историко-политологический аспект) (Часть 2)	219
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Полторак С.Н. (Санкт-Петербург). Водные пути снабжения блокадного Ленинграда. Рецензия на монографию «Водные дороги жизни блокадного Ленинграда: малоизвестные страницы».....	230
--	-----

The scholarly journal «Klio» 26.03.2019 has been included
in the list of leading peer-reviewed scholarly journals and publications
(5.6.1. – National history, 5.6.2. - General history, 5.6.5. - Historiography, source study and methods
of historical research

Abstracts of all articles appearing in «Klio» are published
in the International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

«Klio» participates in the Online Scholarly Library (OSL), which contributes to the realization
of the project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
«The development of a system of statistical analysis of Russian scholarship
on the basis of data from the Russian Scholarly Citation Index (RSCI)»

KLIO

**A monthly scholarly journal
(12 issues a year)**

**Print agency of the
International Academy of history and
social sciences**

**№08(200)
August**

**Poltorak Co. Ltd
ST. PETERSBURG
2023**

EDITOR IN CHIEF

Poltorak S.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician RANS (Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Pushkin, Leningrad Region, Russia)

FIRST DEPUTY EDITOR IN CHIEF, PUBLISHING EDITOR

Zotova A.V., Doctor of Historical Sciences, Academician RANS (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

DEPUTY EDITORS IN CHIEF

Izmozik V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg, Russia)

Shabelnikova N.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, Russia)

EDITORIAL BOARD

Baranov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-President of the Academy of Military Sciences, Inspector General of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Academy of Military Sciences, Moscow, Russia)

Bondarenko A.F., Doctor of Historical Sciences (Dep. Editor in Chief, Journal «Historical Archive», Moscow, Russia)

Chernobaev A.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia)

Chen Kaike, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of a modern history of the Chinese public Academy of Sciences, Beijing, PRC)

E Baychuan, Doctor of Historical Sciences, the research associate (Institute of history of a dynasty Cin at Public university of China, Beijing, PRC)

Eremeeva A.N., Doctor of Historical Sciences, Professor (Southern Branch of D. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia)

Goldin V.I., Doctor of Historical Sciences, Professor (Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)

Geht A.B., PhD in History, docent (The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia)

Ippolitov G.M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia)

Kashevarov A.N., Doctor of Historical Sciences, Professor (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia), (executive secretary)

Kemaloglu Ilyas, doctor of historical sciences, professor (Marmara University, Istanbul, Republic of Türkiye)

Kovalskaya S.I., Doctor of Historical Sciences, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)

Kuptsova I.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Li Yuen, doctor of technical sciences, professor (Shandong University, Jinan, PRC)

Lyubichankovskiy S.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia)

Makaye P., PhD (Development Studies), (Zimbabwe Ezekiel Guti University, Bindura, Zimbabwe)

Makhlina S.T., Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia)

Ma Min, Professor and PhD supervisor in history (Central China Normal University, Wuhan, PRC)

Malysheva S.J., Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan Federal university, Kazan, Russia)

Mints S.S., Doctor of Historical Sciences, Professor (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Nevskaya T.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia)

Peev I.P., Doctor of Psychology, Professor (Nikola Vaptsarov Higher Naval School, Varna, Bulgaria)

Repinetskiy A.I., doctor of historical sciences, professor (Samara State Socio-Pedagogical University, Samara, Russia)

Samartseva E.I., Doctor of Historical Sciences, Professor (Tula State University, Tula, Russia)

Samoilov N.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)

Sheremet I.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Sidnenko T.I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Leningrad State University named after A.S. Pushkin,

Pushkin, Leningrad Region, Russia)

Soldatenko V.F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding member of NAS of Ukraine (I.F. Kuras Institute of Political and Ethnic Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine)

Suryaev V.N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher (Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus).

Talianova Eren M., Doctor of Philology (Ph.D.) (Ankara State University, Ankara, Turkey)

Yablochkina I.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

Zagrebin S.S., Doctor of Historical Sciences, Professor (Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia)

CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Zolotarev V.A., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Dvornichenko A.J., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)

Kaschenko S.G., Doctor of Historical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)

Losik A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Ustinov Baltic State Technical University (Voenmeh), Saint Petersburg, Russia), (deputy chief editor)

Miheeva G.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (The National Library of Russia, Saint Petersburg, Russia)

Popov A.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Institute of Language, Literature and History Komi Science Centre, Syktyvkar, Russia)

Rubtsov J.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Military University under Russian Ministry of Defence, Moscow, Russia)

Sarkisov A.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Seniavskaya E.S., Doctor of Historical Sciences (Institute for Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Triodin V.E., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University of Culture and Arts, Saint Petersburg, Russia)

Tyminsky V.G., Doctor of Philosophy, Professor (European Academy of Natural Sciences, Hannover, Germany)

Vasiliev J.S., Academician of Russian academy of sciences (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University Saint-Petersburg, Russia)

Editorial address: Russian Federation, Saint Petersburg, Grazhdanskii pr., 11.

Phone: +7(950)0241405, +7(931)3332009.

The mailing address of the editorial board: 195220, Russian Federation, Saint Petersburg-220. 000 «Poltorak».

Post-restante.

Address: 195220, Sergey N. Poltorak, Post-restante 220, Saint Petersburg, Russia

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Official website: <http://clioscience.com/>.

E-mail address of scientific periodicals in the Internet:

<http://elibrary.ru/issues/asp?ld=2764>

ISSN 2070-9773

© «Klio», 2023

© Poltorak Co. Ltd, 2023

© Authors of publications, 2023

In the selection of articles the editorial board is guided by Klio's editorial policy and general ethical principles of publication.

The views expressed in the contributions are not necessarily those of the editorial board.

Reprints are permitted with the consent of the publisher and must include mention of prior publication in «Klio».

CONTENTS

GENERAL HISTORY

Savelyeva D.I. (<i>St. Petersburg</i>). Egyptian toponyms in the Chronicle of John of Nikiu.....	13
Malakhova S.I. (<i>Moscow</i>). French Aristocrats during the Fronde: Personal relations and politics	17
Lapunov A.A. (<i>St. Petersburg</i>). K.G. von Anton's concept of the 'Slavic character'	24
Antonova L.V. (<i>Pskov</i>). The image of the British colonizer in the novels of Louis Jacolliot ..	33
Arbekov A.B. (<i>Tula</i>). Military reforms of Richard Haldane in 1906-1912 according to reports of Russian military agents in London	41
Ermishin L.V. (<i>Moscow</i>). Scaling up the repressive function of the Bulgarian army after the coup d'état of June 9, 1923	50
Geiger N.N. (<i>St. Petersburg</i>). The Susurluk scandal in the context of the social and political life of Turkey at the end of the 20th century	59
Malysheva E.B., Mikaelyan L.A. (<i>St. Petersburg</i>). Spain's use of soft power policy in education and culture	64
Pakhorukov K.I. (<i>St. Petersburg</i>). Enlarging external policy capacities of subnational entities. French regions.....	71

NATIONAL HISTORY

Gerasimova A.I. (<i>Arkhangelsk</i>). History and Architectural Features of the Church Ensemble of the Pomor Village Nyonoksa of the Arkhangelsk Region (from archival sources)	77
Bakanov A.V. (<i>Makhachkala</i>), Sidnenko T.I. (<i>St. Petersburg</i>). On the question of the integration of Dagestan perimeters into the boss of the Russian empire (reasons and stages) (Part 2: stages)	82
Grytsenko A.I. (<i>Moscow</i>). "One of the main officials of the University": the role of the student superintendent of Moscow University in the students' life in the second quarter of the XIX century	90
Deveykis M.V. (<i>St. Petersburg</i>). Nicholas II and the Russian museum sphere	98
Prokhorova E.S. (<i>Moscow</i>). Some areas of activity of the State Defense Council of the Russian Empire in the field of military policy in the early 20 th century.....	104
Kuptsova I.V., Mazin A.V. (<i>Moscow</i>). The problem of denationalization in the industrial policy of the anti-Bolshevik governments in 1918.....	111
Gapsalamov A.R., Bochkareva T.N., Vasiliev V.L. (<i>Yelabuga</i>), Abdunazarov L.M. (<i>Kokan city, the Republic of Uzbekistan</i>). The first experiences of the Soviet government in the management of the handicraft industry of the regions.....	118
Dianova E.V. (<i>Petrozavodsk</i>). The participation of co-operative organizations in rural cinema development in the 1920s	124
Baranov A.V., Ishin A.V. (<i>Krasnodar</i>). Political moods of the poorest peasantry of the South of Russia in the context of the formation of a new economic policy.....	137
Polovetsky S.D., Volodina N.A., Obukhov O.Yu. (<i>Moscow</i>). Military educational institutions of Leningrad during the Great Patriotic War	147
Liulei (<i>Urumqi, People's Republic of China</i>). Demographic changes in the composition of Russian emigration in the Xinjiang Uygur autonomous region	153

Slivko S.V. (<i>Khabarovsk</i>). The role of the Khabarovsk regional branch of the society “USSR – Japan” in strengthening Soviet-Japanese cultural ties (1960 – 1985)	159
Mochalov D.P., Magomedov R.R. (<i>Orenburg</i>). International reaction to the prohibition of the CPSU and the problem of Atlanticism after the Cold War	166
Volgin E.I. (<i>Moscow</i>). Problems of depoliticization of the law enforcement system of the Russian Federation after 1993	174
Martyukova E.A. (<i>Moscow</i>). Settlement of the Greek-Bulgarian territorial dispute at the Paris Peace Conference in 1946 and its historical significance	186

CHARACTERS OF HISTORY

Trapeznikov D.A. (<i>Moscow</i>). Reflection of the stage of the military biography of A. V. Golitsyn of the era of the struggle against False Dmitry II in the mirror of discharge, annalistic and foreign sources	195
Postike N.B. (<i>Moscow</i>). Enlightened bureaucracy in the service of the Russian Empire (V.I. Veshnyakov)	201
Khavkin B.L. (<i>Moscow</i>). Field Marshal Friedrich Paulus and Artillery General Walter von Seydlitz in Soviet captivity	208

OPINION

Lapina I.Yu., Kargapoltsev S.Yu. (<i>St. Petersburg</i>). Xinhai National Revolution in China and its results: two ways of one people (historical and political aspect) (Part 2)	219
--	-----

REVIEW

Poltorak S.N. (<i>St. Petersburg</i>). Water supply routes of blockade Leningrad. Review of the monograph “Water roads of life in blockade Leningrad: little-known pages”	230
---	-----

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ/ GENERAL HISTORY

94(32)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_13

Дата поступления (Submitted) 24.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 06.08.2023

Египетские топонимы в «Хронике» Иоанна Никиуского¹

ДАРЬЯ ИГОРЕВНА САВЕЛЬЕВА

Институт Истории СПбГУ,

*Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9.*

e-mail: d-saveleva@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена «Хронике» Иоанна Никиуского, составленной епископом египетского города Никиу во второй половине VII в. и охватывающей события от сотворения мира до середины VII в. «Хроника» является ценным источником по истории Египта, поскольку ее автор описывает арабское завоевание Египта и отдельные события, происходившие на египетской земле. Текст «Хроники» содержит немалое количество египетских топонимов, представляющих интерес как историко-географический материал. Иоанн Никиуский в своем труде упоминает топонимы, а также связанные с ними уникальные сюжеты из истории Египта, отсутствующие в других известных нам источниках, что свидетельствует об использовании автором «Хроники» оригинальных египетских сочинений, которые не сохранились до наших дней. В «Хронике» Иоанна Никиуского также встречается ряд уже не существующих топонимов и топонимов, местоположение которых по сей день остается предметом спора в научной литературе. Ряд египетских топонимов зафиксирован в «Хронике» со значительными искажениями, возникшими, по всей видимости, в результате двойного перевода оригинала произведения с греческого на арабский язык, а с него – на классический эфиопский язык (геэз), в переводе на который до нас дошла «Хроника» Иоанна Никиуского.

Ключевые слова: эфиопская переводная литература, Иоанн Никиуский, геэз, Египет, египетские топонимы, византийская историография

Egyptian toponyms in the Chronicle of John of Nikiu

DARIA IGOREVNA SAVELYEVA

Institute of History,

St. Petersburg State University.

199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9.

e-mail: d-saveleva@mail.ru

Abstract. The paper deals with the Chronicle of John of Nikiu, compiled by the bishop of the Egyptian city of Nikiu in the second half of the 7th century and covering the events from Creation until the mid-7th century. The Chronicle is a valuable source on the history of Egypt, as its author described the Arab conquest of Egypt and individual events that took place on the Egyptian land. The text of the Chronicle contains a considerable number of Egyptian toponyms, which are of interest as historical and geographical material. John of Nikiu in his work mentions toponyms, as well as unique plots from the history of Egypt associated with them, which are absent in other sources known to us. This indicates that the author of the Chronicle used original Egyptian writings, which have not survived to our days. In the Chronicle of John of Nikiu there are also a number of toponyms that no longer exist or whose location is still a matter of dispute in scientific literature. A number of Egyptian toponyms are recorded in the Chronicle with significant distortions. To all appearances, this is the result of the double translation of the original work from Greek into Arabic, and then into the classical Ethiopian language (Ge'ez), in which the Chronicle of John of Nikiu came down to us.

Keywords: foreign literature in Ethiopic translation, John of Nikiu, the Ge'ez language, Egypt, Egyptian toponyms, Byzantine historiography

«Хроника» Иоанна Никиуского – памятник ранневизантийской историографии, представляющий собой Всемирную историю, составленную во второй половине VII в. епископом египетского города Никиу Ио-

анном. «Хроника», будучи изначально написанная, по всей видимости, на греческом языке², а затем переведенная на арабский язык, дошла до нас только в эфиопской редакции, в переводе на классический эфиопский язык (геэз)³ и, впо-

следствии, на амхарский язык. Сочинение Иоанна Никиуского содержит в себе многочисленные и ценные сведения о Египте в период арабского завоевания, которое описано в «Хронике» с точки зрения побежденных, а не победителей. Кроме того, в «Хронике» есть сюжеты из истории Египта, не встречающиеся в других источниках, что свидетельствует о том, что Иоанн Никиуский опирался на некие египетские предания, которые не дошли до наших дней. Текст «Хроники» содержит немалое количество представляющих ценность как историко-географический материал египетских топонимов, некоторые из которых будут рассмотрены в данной статье.

Особый интерес представляет египетский город Никиу, расположенный на юго-западе дельты Нила, где автор «Хроники» Иоанн занимал епископскую кафедру. В тексте «Хроники» город Никиу упоминается несколько раз⁴, в том числе в контексте его завоевания войском мусульман под командованием генерала Амра ибн аль-Аса. Описание захвата Никиу и прилегающих к нему территорий мусульманами описан Иоанном как свидетелем тех событий: «И после этого вошли мусульмане в Никиу и взяли его... Помолчим же ныне, ибо невозможно рассказать о злодеяниях, которые совершили мусульмане, когда захватили остров Никиу» (ወእምዝ : ቦኡ : እስላም : ውስተ : ነቅደስ : ወእጎዝዋ : ወኢረብቡ : መነሂ : መስተፃብኣነ : ናርምም : ይእኔ : እስመ : ኢይክል : ተናግሮ : እከያት : ከገብሩ : እስላም : ሰባ : እጎዝዋ : ለደሴተ : ነቅደስ) [4, с. 207/27-28, 208/7-8]. Несмотря на то, что город Никиу известен с III в. до н.э. одновременно под несколькими названиями: Никиу (Νικίους или Νικίου) на греческом языке, Пшати (Πυστι) на коптском языке и Никийус (نقيوس) или Ибшади (ابشادی) на арабском языке [5, с. 27] и является одним из наиболее часто упоминаемых городов, по версии Эмиля Амелино, в коптских источниках⁵, точное его местоположение остается неизвестным⁶. Сам автор сочинения, как видно из отрывка «Хроники», называет город Никиу островом, что, однако, не позволяет уточнить его местонахождение. Тем не менее, определить местоположение города Никиу позволяют два сюжета из эфиопского синаксаря: в дни памяти святого мученика Серапамона [8, с. 157, 159] и святого аббы Андроника [9, с. 65]. Согласно сюжетам, правитель Антианополя Ариан и сасанидский император Хосров II посещали Никиу, совершая поездки из Александрии в Верхний Египет, что свидетельствует о том, что город располагался непосредственно около или на пути из Александрии в Верхний Египет.

Иоанн Никиуский в своем сочинении, вероятно, не всегда корректно использует те или иные топонимы. Упомянув в контексте арабского завоевания Египта некий Локыйон⁷, Иоанн, как и в случае с Никиу, называет это место островом, сообщая, что египетский главнокомандующий Феодор вместе со своими войсками «отправился на Локыйон, который является островом»

(ወሒረ : ጎባ : ሎቅዮን : እንተ : ይእቲ : ደሴት) [4, с. 198/3-4], и сообщает о наличии «побережья Локыйона» (ለሐይቀ : ባሕር : ከሎክዮን) [4, с. 198/5-6]. Эмиль Амелино утверждал, что Иоанн Никиуский ошибся [7, с. 233-234], и подобный топоним не упоминается ни в одном известном источнике. Однако исследователь Мухаммад Рамзи Бей оспорил этот тезис [10, с. 290-291], отметив, что, действительно, острова с таким названием нет, но есть деревня Лукын (لوقين), расположенная в современной египетской мухафазе Бухейра в западной части дельты Нила. По мнению Рамзи Бея, Иоанн Никиуский в своей «Хронике» мог назвать этот топоним островом из-за того, что во время битвы между мусульманами и римлянами селение было окружено водой.

В тексте «Хроники» встречаются названия общеизвестных египетских городов, таких как Александрия и Мемфис, и названия древних городов, тщательно исследованных археологами и учеными. Однако при этом Иоанн Никиуский упоминает связанные с такими городами события, о которых нет информации в других источниках. Так, например, Иоанн рассказывает о наводнении в расположенном на западном берегу Нила в Верхнем Египте городе Исна (إسنا)⁸, одним из центров коптского христианства. Согласно «Хронике», «во время правления императора Маврикия (582–602) ночью к востоку от города Исна, который является столицей Рифа⁹, случилось наводнение» (ወበመዋዕለ : መሪቅ : ንጉሥ : ዓዲ : ወፅኦ : ማይ : እመንገለ : ምሥራቅ : ሀገረ : እስና : እንተ : ይእቲ : ርእሰ : አህጉረ : ረፍ : በሌሊት) [4, с. 181/16-18], в результате которого погибли многие жители города. Наводнения в Исне и окрестностях из-за близости Нила являлись привычным делом, однако про разрушительное наводнение именно в период правления императора Маврикия информации в других источниках, на которые мог опираться при написании своей «Хроники» Иоанн Никиуский¹⁰, не обнаружено. Это подтверждает, что Иоанн использовал для написания «Хроники» некие оригинальные египетские предания, к сожалению, не дошедшие до нас.

«Хроника» Иоанна Никиуского также содержит в себе топонимы, не встречающиеся более ни в одном известном источнике. Коптский хронист упоминает некое место под названием Абракыйун (አብራክዮን), все сведения о котором «Хроникой» исчерпываются: префект Египта Флавий Евтолмий Татиан (367–370) «построил двое каменных ворот с огромным трудом в месте, которое называется Абракыйун, и поставил он эти ворота для прохода через великую (большую) реку, и он укрепил Египет» (ወወእቲ : ከሐነጾን : ለክልኤ : አናቅጽ : እብን : በግብር : ዕፁብ : ውስተ : መካን : ዘይሰመይ : አብራክዮን : ወረሰዮሙ : አናቅጽ : ለሙባኣ : ፈለግ : ዐቢይ : ወአጽንዓ : ለሀገረ : ምስር) [4, с. 98/2-5].

Среди топонимов, которые зафиксированы только в «Хронике», можно также выделить топоним Айкела (አይከላ)¹¹. С Айкелой связан уни-

кальный сюжет, который дает представление об общественных волнениях в Египте в период правления императора Маврикия (582–602)¹². Согласно «Хронике», «были три брата в одном городе на севере Египта, который называется Айкела, он же Завия» (ወከኑ : ቫ : አኅው : ውስተ : አሐተ : ሀገር : እምንገለ : ደቡብ : ግብጽ : ከትሰምይ : በይከላህ : እንተ : ይእተ : ዛውያ ::) [4, с. 174/24-25]. Иоанн также сообщает, что «находился их город Айкела недалеко от города Александрия» (ወከኑት : ሀገራም : ወይከለ : ቅርብተ : እምሀገር : እስከንድርያ ::) [4, с. 174/29, 175/1]. Вышеупомянутые три брата, а также сын одного из них, были наместниками Египта, но «разграбили два города Бына и Бусир» (ወማህረከዎም : ለክልኤ : አሁንራት : ዘውእቶም : ብና : ወቡሲር :) [4, с. 175/3-4] и «сожгли город Бусир» (ወአውዐዎ : ለሀገር : ቡዲር¹³ :) [4, с. 175/6-7]. Они же выступили против префекта Александрии, после чего император Маврикий поручил префекту снять выходцев из Айкелы с должностей. Однако восставшие собрали людей «и захватили множество кораблей, на которых доставляли зерно в Александрию, и настал великий голод в городе» (ወነሥኡ : አሕማር : ብዙኅ : ከኮኑ : ያምጽኡ : ቦቱ : እከለ : ኅበ : ሀገር : እስከንድርያ : ወከነ : ረኅብ : ዐቢይ : በውስተ : ሀገር :) [4, с. 175/16-17]. В это время префектом Александрии был Иоанн, которого из-за жалоб жителей на голод император сместил с должности, однако позже «дал ему власть над городом Айкела» (ወወሀቦ : ሥልጣነ : ላዕለ : ሀገር : አይከላህ ::) [4, с. 175/26-27], в результате чего жители Айкелы «учинили беспорядки и раздоры по всей земле египетской: и на море, и на суше» (ገብኑ : ሀከከ : ወገእነ : ውስተ : ኩሉ : ሀገር : ምስር : በብሕር : ወበዮብስ ::) [4, с. 175/28-29]. Беспорядки не утихали, и префект Иоанн собрал военные силы под командованием Феодора, которые «атаковали жи-

телей Айкелы и победили их» (ወአኅተ : ይፅብእዎም : ለሰብአ : አይከላህ : ወሞእዎም :) [4, с. 177/20-21]. Город Айкела был сожжен, в связи с чем наличие второго названия города «Завия» представляется логичным. Однако упомянутое Иоанном второе название Айкелы – Завия (زاوية)¹⁴ лишь сужает список мест, где мог находиться центр бунта.

Стоит отметить наличие в тексте «Хроники» Иоанна Никиуского, по всей видимости, переставших существовать географических объектов. В «Хронике» дважды встречается гидроним Пидракон¹⁵, который, согласно сочинению Иоанна Никиуского, располагался к западу от города Александрия: «на канале (реке), который называется Пидракон, то есть Дракон, и который [протекает] недалеко от великого города Александрии на западе» (በውስተ : ረላግ : ዘይሰምይ : ቢድራኮን : ዘውእቱ : ተሞን : ብሂል : ወውእቱ : ቅሩብ : ምንገለ : ምዕራብ : ዘሀገር : ዐቢይ : እለ : እስከንድርያ ::) [4, с. 187/23-24]. Второе упоминание гидронима в «Хронике», однако, позволяет определить, что Пидракон начинался в Александрии и заканчивался в озере Марьют [7, с. 233-234]: «И пошли они к Марьюту и вошли в канал Пидракон» (ወሓሩ : ምንገለ : ማርዩጥ : ወቦኡ : ውስተ : ረላግ : ብድራኮን :) [4, с. 193/13-14].

Содержащиеся в «Хронике» египетские топонимы, в том числе встречающиеся только в данном сочинении, представляют особую ценность в рамках исторического контекста, позволяя локализовать важные исторические события, происходящие в Египте. Рассмотренные в данной статье египетские топонимы – лишь небольшая часть зафиксированных в тексте «Хроники» Иоанна Никиуского топонимов, и их дальнейшее исследование представляется весьма актуальным для анализа истории Египта.

Примечания

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00493, выполняемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

² Вопрос, на каком языке Иоанн Никиуский написал свою «Хронику», остается дискуссионным: по мнению В. Крама [1, с. 207] и Дж. Ховард-Джонстона [2, с. 185], «Хроника» была создана на коптском языке. Однако С.А. Французос полагает, что оригинальным языком текста был греческий [3, с. 79].

³ Из колофона «Хроники» [4, с. 222/16] известно, что на язык геэз сочинение было переведено в 1601 г. (1594 г. по эфиопскому летоисчислению).

⁴ Стоит отметить, что написание топонимов, встречающихся в тексте «Хроники» Иоанна Никиуского, не унифицировано. Название города Никиу зафиксировано в тексте в нескольких вариантах написания: ነቅዩስ (nāqəyus) [4, с. 207/27-28] и ነቅዩስ (nīqəyus) [4, с. 88/16], что, по всей видимости, можно объяснить ошибками в ходе перевода текста «Хроники» на арабский язык, либо уже позднее при переводе сочинения на язык геэз.

⁵ Город Никиу, например, неоднократно встречается в коптском синаксаре [6, с. 19, 98, 114, 241, 407, 464], а под коптским названием Пшати – в коптских агиографических циклах [7, с. 277-278].

⁶ Существует несколько версий [5, с. 27], где именно мог находиться египетский город Никиу: либо на месте современного города Ибшади, либо остатки Никиу частично перекрыты поселением Завийят Разин, либо Никиу был расположен на месте поселения Шабшир.

⁷ Написание топонима Локыйон также не унифицировано, он встречается в тексте «Хроники» в двух вариантах написания: ሎቅዮን (loqəyon) и ሎክዮን (lukəyun).

⁸ Город Латополис (Λατόπολις) на греческом языке.

⁹ В «Хронике» Иоанна Никиуского топоним Риф (ар-Риф), в тех случаях, где возможна его локализация, соответствует Верхнему Египту, но в арабо-мусульманской традиции данный топоним применяли для обозначения Нижнего Египта либо его западной части, что свидетельствует о том, что мусульмане и христиане средневекового Египта вкладывали в топоним Риф прямо противоположные значения [4, с. 84-85].

¹⁰ Иоанн Никиуский при создании своей «Хроники» мог опираться на следующие сочинения: «Хронография» Иоанна Малалы, «Роман о Камбисе», «Церковную историю» Сократа Схоластика и др. [5, с. 30-36].

¹¹ В тексте «Хроники» встречаются следующие варианты написания топонима: አይከለ (aykälä) [4, с. 175/8], ይከለ (yəkälä) [4, с. 175/1], አይከላህ (aykäläh) [4, с. 175/25].

¹² О том, что «Хроника» Иоанна Никиуского представляет собой ценный источник с детальной информацией о крупных общественных волнениях в Александрии и Египте пишет, в частности, М.А. Руднева [11, с. 70-75].

¹³ Несмотря на то, что в данной статье автор не рассматривает египетский топоним Бусир, стоит отметить, что в отрывке про Айкелу Бусир упоминается дважды в различном написании: ⲠⲓⲚⲥ (busir) и ⲠⲓⲚⲥ (bušir).

¹⁴ Букв. «угол» с арабского языка, уединенное место, где суфии проводят дни в поклонении. Входит в названия многих населенных пунктов Египта. Согласно Амелино, даже, если отсечь расположенные далеко от Александрии поселения, то останется как минимум пять деревень, в названия которых входит слово «Завия». Амелино предположил, что это деревня Завийят-Сакр [7, с. 73-74], поскольку она находится ближе всего к Александрии.

¹⁵ Написание дважды упоминаемого в тексте «Хроники» гидронима не совпадает: Ⲡⲉⲗⲁⲕⲏⲛⲉ (bidrakon) [4, с. 187/23] и Ⲡⲉⲗⲁⲕⲏⲛⲉ (bædrakon) [4, с. 193/14].

Литература и источники

1. Crum W. E. Review of The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, Translated from Zotenberg's Ethiopic Text // The Journal of Egyptian Archaeology 4, 1917, no.1, pp. 207–209.
2. Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: University Press, 2010. 573 p.
3. Французов С. А. Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 77–86.
4. Chronique de Jean, évêque de Nikiou / Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg // Extrait des Notices des Manuscrits. T. 24, 1re partie. Paris: Imprimerie nationale, 1883. 488 p.
5. Elagina D. The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiu: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version. PhD Diss. Universität Hamburg, 2018. cvi + 125 p.
6. Coptic Synaxarium. St. George Coptic Orthodox Church. Chicago, 1995. 506 p.
7. Amélineau É. La géographie de l'Égypte à l'époque copte. Paris: Imprimerie nationale, 1893. 630 p.
8. Le Synaxaire Éthiopien. Mois de Hedār / Édition critique du texte éthiopien et traduction par G. Colin // Patrologia Orientalis. T. 44, fasc. 3 (№ 199). Turnhout (Belgique), 1988. 182 p.
9. Le Synaxaire Éthiopien. Mois de Terr / Édition critique du texte éthiopien et traduction par G. Colin // Patrologia Orientalis. T. 45, fasc. 1 (№ 201). Turnhout (Belgique), 1990. 252 p.
10. Ramzi Bey M. Rectifications à l'ouvrage d'É. Amélineau. La géographie de l'Égypte à l'époque copte. // Mélanges Maspero III Orient Islamique. Le Caire, Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1935-1940. pp. 273–321.
11. Руднева М.А. Общественные волнения в Александрии и Египте (по данным «Хроники» Иоанна Никиусского) // Тульская историческая весна – 2022: исторические источники: эвристика, анализ и интерпретация: материалы III всерос. науч. конф. молодых учёных. Тула, 2022. С. 70–75. URL: https://tsput.ru/fb/int/tul_ist_vesna%202022/2/ (дата обращения: 23.07.2023).

References

1. Crum W. E. Review of The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, Translated from Zotenberg's Ethiopic Text // The Journal of Egyptian Archaeology 4, 1917, no.1, pp. 207–209.
2. Howard-Johnston J. Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: University Press, 2010. 573 p.
3. Frantsouzoff S. A. *Khronika Ioanna Nikiuskogo: nekotorye osobennosti yazyka i sodержaniya* [The Chronicle of John of Nikiu: Some Peculiarities of Its Languages and Contents]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [The Herald of Orthodox Holy Tikhon's Humanities University, Series III, Philology], iss. 4 (22), pp. 77–86 (in Russian).
4. Chronique de Jean, évêque de Nikiou / Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg // Extrait des Notices des Manuscrits. T. 24, 1re partie. Paris: Imprimerie nationale, 1883. 488 p.
5. Elagina D. The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiu: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version. PhD Diss. Universität Hamburg, 2018. cvi + 125 p.
6. Coptic Synaxarium. St. George Coptic Orthodox Church. Chicago, 1995. 506 p.
7. Amélineau É. La géographie de l'Égypte à l'époque copte. Paris: Imprimerie nationale, 1893. 630 p.
8. Le Synaxaire Éthiopien. Mois de Hedār / Édition critique du texte éthiopien et traduction par G. Colin // Patrologia Orientalis. T. 44, fasc. 3 (№ 199). Turnhout (Belgique), 1988. 182 p.
9. Le Synaxaire Éthiopien. Mois de Terr / Édition critique du texte éthiopien et traduction par G. Colin // Patrologia Orientalis. T. 45, fasc. 1 (№ 201). Turnhout (Belgique), 1990. 252 p.
10. Ramzi Bey M. Rectifications à l'ouvrage d'É. Amélineau. La géographie de l'Égypte à l'époque copte. // Mélanges Maspero III Orient Islamique. Le Caire, Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1935-1940. pp. 273–321.
11. Rudneva M.A. *Obshchestvennye volneniya v Aleksandrii i Egipte (po dannym «Khroniki» Ioanna Nikiusskogo)* [Social unrest in Alexandria and Egypt according to the Chronicle of John Bishop of Nikiu]. *Tul'skaya istoricheskaya vesna – 2022: istoricheskie istochniki: evristika, analiz i interpretatsiya: materialy III vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh* [Proc. of III-rd All-Russian Scientific conference of young scientists «Tula Historical Spring»: historical sources: heuristics, analysis and interpretation]. Tula, 2022. pp. 70–75. URL: https://tsput.ru/fb/int/tul_ist_vesna%202022/2/ (Accessed 23 July 2023) (In Russian).

© «Клио», 2023

© Савельева Д.И., 2023

УДК 94. 929.7

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_17

Дата поступления (Submitted) 21.06.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 09.07.2023

Французские аристократы во время Фронды: личные отношения и политика

СЕРАФИМА ИГОРЕВНА МАЛАХОВА

аспирант 1 года обучения, Московский
государственный университет им. М.В.Ломоносова,
кафедра Новой и новейшей истории
115516, Москва, Севанская, 7, к2,
e-mail: serafimasoma@mail.ru

Аннотация. Фронда (1648-1653) заметно повлияла на короля Людовика XIV – он с детства запомнил, насколько опасны непокорные аристократы. Во Франции Старого порядка работали патрон-клиентские отношения, при которых дворяне помогали своим подопечным, опираясь на их лояльность. Во многом по принципу этих связей формировались партии во время гражданской войны. Ссоры в семье влияли как на деятельность партий, так и на весь ход гражданской войны. В большинстве случаев родственники держались вместе, но были и разногласия (например, независимое поведение герцогини де Лонгвиль, мадемуазель де Монпансье и др.). Конфликты между членами разных фракций могли объясняться как враждой партий, так и личной неприязнью участников. Ссоры внутри партий часто объясняются завистью между членами корпораций и особенностями партий XVII в., то есть их аморфностью, непостоянным членством, постоянно меняющимся составом. Личные дружба или вражда были значительнее для дворян времени Фронды, чем принадлежность к фракции.

Ключевые слова: Франция середины XVII в., Фронда, дворянство, межличностные отношения, аристократические семьи

French Aristocrats during the Fronde: Personal relations and politics

SERAFIMA IGOREVNA MALAKHOVA

1st year postgraduate student, Lomonosov Moscow State University M.V.
Lomonosov, Department of New and Contemporary History,
115516, Moscow, Sevanskaya, 7, building 2
e-mail: serafimasoma@mail.ru

Abstract. Fronde (1648-1653) noticeably influenced King Louis XIV – he remembered from childhood how dangerous rebellious aristocrats are. In France of the Old Order, patron-client relations worked, in which nobles helped their wards, relying on their loyalty. Parties were formed largely on the basis of these ties during the Civil War. Quarrels in the family affected both the activities of the parties and the entire course of the civil war. In most cases, relatives stayed together, but there were also disagreements (for example, the independent behavior of the Duchess de Longueville, Mademoiselle de Montpensier, etc.). Conflicts between members of different factions could be explained both by the hostility of the parties and the personal hostility of the participants. Quarrels within parties are often explained by envy between members of corporations and the peculiarities of the parties of the XVII century, that is, their amorphousness, unstable membership, constantly changing composition. Personal friendship or enmity was more significant for the nobles of the Fronde's time than belonging to a faction.

Keywords: France in the middle of the 17th century, Fronde, nobility, interpersonal relations, aristocratic families

«**В** одном из покоев уже знакомого нам кардинальского дворца, за столом с позолоченными углами, заваленным бумагами и книгами, сидел мужчина, подперев обеими руками голову» – так начинается роман Александра Дюма «Двадцать лет спустя», по-

священный событиям во Франции и в Англии в 1640-1650-х гг. Неоднозначный персонаж, с которого известный романист начал повествование, это реальная историческая личность. Речь идет о кардинале Джулио Мазарини (1602-1661), который был крайне непопулярным первым ми-

нистром во Франции после смерти короля Людовика XIII (1610-1643). Итальянское происхождение кардинала, повышение налогов, ущемление феодальных привилегий – все это спровоцировало гражданскую войну, в которой участвовали самые разные слои общества.

Фронда (1648-1653) получила название от детской игры. «La Fronde» переводится с французского «праща». Современники заметили, что парижский парламент похож на школьника, которые стреляют из пращи в парижских рвах, бросаясь врассыпную, едва завидят полицейского комиссара, но, стоит тому скрыться из виду, собираются вновь. Эта гражданская война осталась в памяти французов благодаря многочисленным мемуарам участников, которые дают возможность с разных сторон исследовать личные отношения аристократов на фоне гражданской войны. Одни участники и участницы Фронды стремились в художественном стиле рассказать о своем опыте. К таким мемуаристам относятся мадемуазель де Монпансье, кардинал де Рец. Другие мемуаристы (де Ларошфуко, Ги Жоли, Дюбуиссон д'Обене) считали важным изложить события сухо, написать «объективную», с их точки зрения, историю Фронды.

Дюма неслучайно «поместил» Атоса, Портоса, Арамиса и д'Артаньяна по разные стороны баррикады. В реальности межличностные отношения дворян во время Фронды были запутанными, сложными, они часто менялись от любви до ненависти. Дворяне часто лавировали между «партиями» - я пишу это слово в кавычках, потому что политические группировки того времени мало схожи с современными партиями, меняли свои стратегии, придумывали способы, с помощью которых они могли добиться своих целей. Естественно, что при лавировании между лагерями принца Конде¹, парижского парламента и Мазарини участники гражданской войны часто конфликтовали. Изучение личных конфликтов французского дворянства важно для исследования гражданских войн, оно помогает понять особенности политической борьбы периода Фронды. От них зависели семейные отношения участников и участниц Фронды, выбор партий и их функционирование.

Фронда и социальные связи во Франции Старого порядка интересуют исследователей. В русскоязычной историографии есть одна монография В.Н. Малова [1]. Патрон-клиентским связям, которые оказывали влияние на партии, посвящены работы Ш. Кеттеринг [2]. О персоналиях Фронды, их межличностных отношениях и политических проектах написали Ж.-М. Констан [3] и С. Вернь [4].

Научная новизна работы заключается в том, что я изучаю политическое событие через призму межличностных отношений дворян и дворянок. Я рассматриваю гражданскую войну как совокупность личных конфликтов, связанных с

патрон-клиентскими отношениями ее участников. Клиентелы заметно влияли на функционирование партий, обуславливали деятельность участников Фронды. В XVII в. Франция делилась на кланы и клиентелы во главе с патронами. В этом проявилась трансформация вассально-ленных отношений в патрон-клиентские связи.

Родственные отношения имели огромное значение для французских дворян. Часто они выступали во время гражданской войны вместе со своими семьями, стремились улучшить положение фамилии. Было достаточно небольшой ссоры между дворянами, чтобы родственники обнажили шпаги для защиты чести своих домов. Подобный случай упоминает участник Фронды де Бюсси-Рабютен: «...господин ла Марш, мой родственник, пришел просить меня принять участие в дуэли Лузиньяна, его племянника, поссорившегося с Марином. Я согласился. Мы дрались шестеро против шестерых...» [5, с. 240].

Бывали и случаи, когда один из членов семьи начинал действовать против партии, в которой был могущественный родственник. Я видела несколько упоминаний о членах семьи, которых война «разбросала» по разным фракциям. Как ни странно, чаще встречались именно женщины, отложившиеся от ядра семьи для продвижения собственной линии.

Во время Фронды в доме Конде, важного политического деятеля эпохи Людовика XIV, временами царил раздор. В третьей части «Мемуаров» (март 1649-февраль 1651 гг.) де Ларошфуко сообщал, что принц рассорился с братом и сестрой, принцем де Конти и герцогиней де Лонгвиль, но потом собрал семью под своим руководством. В то время Конде лавировал между двором и парламентом, чем могли объясняться ссоры внутри семьи. До того, как принц решил помириться с фрондерами, он проявлял враждебность в отношении Конти и Лонгвиль [6, с. 305].

Автор подчеркивал, что ссора с родственниками не принесла Конде выгод, напротив, принцу навредила размолвка с ближайшими членами дома. Даже такой могущественный человек, как принц Конде, не мог успешно действовать против других партий, не считаясь со своими родственниками. В период мира в доме Конде партия была более могущественной. Помирившись с членами своей фамилии, Конде сразу же предпринял шаг для защиты ее интересов – стал требовать от Мазарини предоставление герцогу де Лонгвилю выгодного назначения [6, с. 305-306]. Возобновить союз с родственниками на словах было мало, от главы дома требовался патронаж над теми из них, у кого не было возможности добиться привилегий самостоятельно.

Госпожа де Лонгвиль была активной и влиятельной участницей Фронды. Супруга герцога де Лонгвиля, любовница герцога де Ларошфуко, она «пребывала тогда (речь идет о событиях

1643-1649 гг. – С.М.) в добром согласии со всей своей родней» [6, с. 225-226] Хорошие отношения с родственниками были одним из важнейших факторов, который обеспечивал даме влияние. В ответ на доброту членов семьи де Лонгвиль стояла на страже интересов фамилии. Многие аристократы стремились стать ее друзьями или любовниками для того, чтобы познакомиться поближе с Конде [6, с. 225-226]. Ларошфуко отмечал честность возлюбленной, которая вызвала уважение «однопартийцев» и ненависть кардинала Мазарини, боявшегося дамы сильнее, чем ее братьев-принцев [6, с. 307]. Принцесса публично выражала согласие с действиями Конде и сопровождала его в поездках.

Высокопоставленная женщина, правильно выстроившая стратегию поведения, могла играть важную роль как в родственных, так и в деловых связях. Однако Лонгвиль недолго была последовательной в отношениях с родственниками. Имея огромное влияние на братьев, герцогиня убедила Конде начать военные действия на втором этапе гражданской войны (1651 г.), а принца Конти, который только и искал предлог для отсрочки принятия духовного сана – присоединиться к войне [6, с. 360]. Мемуарист критиковал возлюбленную за этот шаг, который был вреден для партии и семьи герцогини. Де Лонгвиль должна была неминуемо стать объектом для нападок: «ее обвинят в разжигании беспорядков по собственной инициативе; она окажется ответственной во многих отношениях, как перед братом, так и перед всеми за разжигание войны в королевстве» [6, с. 3].

Ларошфуко сообщал, что герцогиня не считала нужным следовать во всем за принцем Конде, она реализовывала внутри фракции собственные чаяния. Партии принца мешали политические и любовные связи Лонгвиль. Конде и Конти были недовольны тем, что сестра начала любовную игру с герцогом Немуром, расставшись с преданным партии Ларошфуко. Бюсси-Рабютен не без цинизма писал об этой связи: «Принцесса Нормандская (В «Любовной истории галлов» так называлась герцогиня де Лонгвиль. В этом художественном произведении под вымышленными именами автор описал реальных действующих лиц – С.М.), сопровождавшая брата, не осталась равнодушной к достоинствам Амедея (герцога де Немура – С.М.) <...> Их интрижка не продлилась долго...» [5, с. 138]. Принцев задевали толки о представительнице их дома.

Ларошфуко объяснял ослабление партии Конде конфликтом между членами фамилии. Принц Конти и герцогиня Лонгвиль начали соперничать за влияние на парламентскую фрондерскую группировку, и, рассорившись, «воспылали друг к другу ненавистью, <...> в столкновениях приносили в жертву своим страстям и особой ожесточенности величайшие преимущества партии, вместо того чтобы установить свою власть <...>

они дали дорогу беспорядкам и мятежам...» [6, с. 408]. Госпожа де Лонгвиль поставила себя в сложное положение. Потеряв покровительство Конде и Конти, она была в немилости у мужа и у двора [6, с. 409]. Когда дама была союзницей своих могущественных братьев-принцев, их партия успешно добивалась поставленных целей, но, стоило ей проявить собственные интересы, произошла крупная семейная ссора. Конфликт навредил партии, расколов ее изнутри, поэтому, как я считаю, он был одной из причин ее поражения во Фронде.

Высокопоставленной фрондерке было далеко не выгодно остаться один на один с мужем в отдаленном от эпицентра важных событий губернаторстве. Потеряв свободу передвижения, она тут же бы утратила свое политическое влияние на события во взбунтовавшихся городах. В 1651 г. госпожа де Лонгвиль не хотела ехать к мужу из Парижа в Нормандию, опасаясь ареста. Герцог де Лонгвиль был недоволен поведением жены и требовал ее возвращения. Его подозрения растравил коадьютор Гонди, как тогда звали будущего кардинала де Реца, и сделал он это в политических целях [6, с. 360]. Желая выйти из повиновения супругу, герцогиня, имевшая большой политический вес в событиях гражданской войны, могла существенно повлиять на брата и заставить его руководить партией в ее интересах.

Похожую ситуацию описал Бюсси-Рабютен в одной из новелл «Любовной истории галлов» [7], в «Истории Анжели и Жинотика», посвященной герцогине де Монморанси и ее мужу, Колиньи де Шатийону. За историей эротических походов стоял политический расчет дамы, которая с помощью любовников, денег и связей вела собственную линию в гражданской войне. Супруга Колиньи де Шатийона, по роману Анжели, в реальности – герцогиня де Монморанси, уделяла слишком много внимания герцогу де Немуру. Ее муж выказал по этому поводу неодобрение и даже попросил друга сделать ей внушение. Вскоре после этого Колиньи погиб в армии Конде. Ги Жоли, секретарь кардинала де Реца, в «Мемуарах» пишет об этом так: «Господин принц тоже потерял там много людей, между прочим герцога де Шатийона, убитого пушечным выстрелом; о нем очень сожалели обе стороны» [8, с. 20]. Эта же история описана в «Любовной истории галлов»: «Однако Жинотик (Колиньи), командовавший атаками под началом принца Тиридата (Конде) и энергично теснивший врагов, был ранен выстрелом из мушкета в низ живота и следующей ночью умер» [7, с. 129].

В день похорон мужа Немур стал добиваться от Монморанси «высших милостей». Как оказалось, она не изменяла супругу до его смерти, боялась, что муж посадит ее под арест. Далее есть интересная подробность, которая объясняет страх дамы остаться заключенной под над-

зором мужа. Как и герцогиня де Лонгвиль, она была активной фрондеркой. Более того, Монморанси совершила множество преступлений против партии двора: поддерживала отношения с Конде, принимала деньги от испанцев и даже оплачивала убийство кардинала Мазарини [7, с. 159].

Эти сведения подтверждаются «Мемуарами» мадемуазель де Монпансье. Она пишет: «За преступления против государства колесовали двух мужчин: некоего Берто и еще Рикусса, брата одного из слуг принца де Конде (жена этого слуги состоит на службе у госпожи де Шатийон). Говорят, что в деле была замешана и сама госпожа де Шатийон, действовавшая в интересах Месье Принца, однако сам Месье Принц, как я слышала, отрицает, что знал о заговоре. Госпожа де Шатийон сбежала к себе в Марлу, потом пряталась во множестве мест и, наконец, укрылась в аббатстве Мобюиссон. Также в этом деле был замешан некий священник по имени Камбиак, переписка которого с госпожой де Шатийон была найдена и предана гласности Дигби. Еще говорили, что герцогиня сама во всем призналась аббату Фуке, хотя ее признание аббату странным образом противоречит интересам Месье Принца» [9, с. 438-439]. Не имея возможности свободно передвигаться, получать письма, отправлять средства, дама потеряла бы позиции в гражданской войне.

Совсем иначе выглядит история принцессы де Монпансье, верной участницы партии Конде. Родовитая аристократка, дочь Гастона Орлеанского, она оказалась вовлеченной во Фронду на стороне Конде отцом и оставалась в партии принца. Конфликт с Месье (Гастоном Орлеанским) возник из-за того, что тот позже переметнулся к мазаринистам и пытался перетянуть в их фракцию Мадемуазель. Различие политических стратегий отца и дочери проявилось очень скоро. В то время как фрондеры рассчитывали на личное присутствие Месье в его наследственных землях в Орлеане, он, склонный к колебаниям, переложил обязанности на плечи дочери. Монпансье вела себя решительно и предпринимчиво, она отправилась в Орлеан, чтобы навести там порядок. Предприятие было согласовано с фрондерскими вождями, и Мадемуазель восприняла это поручение как приказание Конде, которому она была рада подчиниться [9, с. 347]. Монпансье писала с гордостью о том, как быстро стала самостоятельной политической фигурой в гражданской войне, заслонив своего отца. Мадемуазель отмечала восторг солдат и офицеров, которые радовались ее прибытию к воротам Орлеана «даже больше, чем если бы это был Месье» [9, с. 352].

Монпансье выбирала по своему усмотрению, каким образом себя вести, в какой партии состоять, она не боялась остаться без покровительства отца и средств и действовала авто-

номно. Описывая очередной скандал с отцом из-за отказа сопроводить двор в Бургундию, принцесса привела красноречивые слова: «Мне нужно было в первую очередь подумать о своих интересах» [9, с. 293]. Вспоминая ее родословную и попытки найти выгодную партию при замужестве, нельзя проигнорировать богатое наследство, доставшееся ей от покойной матери. Политическую автономию принцессы можно объяснить ее финансовой независимостью. Мотивацией ее поступков было желание укрепить союз Людовика XIV с принцами крови. В этом она отличается от других активных участниц Фронды, действовавших часто ради денег. Активное участие Монпансье в делах лагеря Конде однозначно сделало его партию сильнее, а предприятия принца успешнее. Так, в битве при Сен-Антуанском предместье решительные действия герцогини спасли армию Конде и существенно повлияли на ход Фронды². Кстати, в этой битве на стороне принца участвовал дворянин де Валон; принцесса Монпансье отмечала, что он был ранен, но его лечение шло успешно, так как он был полным [9, Т. 2, с. 97]. Как тут не вспомнить Портоса, чье настоящее имя было дю Валлон? Независимость принцессы в этом сражении еще сильнее поссорила ее с отцом, который был недоволен ее поведением [9, Т. 2 с. 197].

Рассмотрев конфликтные ситуации, связанные с семейными узами, перейду к анализу ссор между участниками разных партий. На первый взгляд, существование подобных стычек абсолютно логично, ведь сама Фронда – это совокупность размолвок между влиятельными аристократами, разными партиями и социальными группами. Однако дворяне-участники фракций не воспринимали друг друга как личных врагов, напротив, известны случаи взаимопомощи между ними. Кардинал де Рец писал, что Талон, представитель партии Мазарини, предупредил его о готовящемся похищении [10, с. 293-296]. Мазаринист Талон предупредил коадьютора о готовящемся по приказу принца Конде его похищении. Это говорит о степени вражды между партией фрондеров и фракцией принца Конде. Стоит сказать, что похищение чловека в XVII в. считалось серьезным преступлением, за которое наказывали тюремным заключением. Благодаря сведениям, полученным от Талона, фрондеры смогли узнать о заказчике похищения и месте, куда Конде собирался заточить де Реца. Вероятно, двор воспринимал де Реца как менее опасного противника, чем принца Конде, но желал сохранить его в качестве противовеса кондеанцам.

Одна из самых громких стычек произошла между герцогом де Ларошфуко из фракции Конде и коадьютором Парижским из партии Фронды. Эта ссора была настолько известной, что воспоминания о ней оставили многие мемуаристы [11, с. 153]³, поэтому я не сомневаюсь в истинности эпизода и имею возможность раскрыть его

с большим количеством подробностей. Каждый рассказчик дал собственную интерпретацию произошедшему, но все они сходятся на том, что Ларошфуко напал на Гонди и зажал его между дверей. Главные герои сцены оставили свидетельства в мемуарах, поэтому конфликт можно рассматривать как со стороны пострадавшего, так и со стороны нападавшего.

По сообщению Ларошфуко, Рец хотел перейти из одной палаты парламента в другую, но герцог схватил дверь и не пропустил его. Голова Кoadъютора «оказалась просунутой в помещение приставов, тогда как туловище оставалось по ту сторону, в Большом зале» [6, с. 373]. Ларошфуко не без пафоса написал в «Мемуарах», что не поддался соблазну убить злейшего врага.

Де Рец вспоминал об эпизоде совершенно иначе. В интерпретации коадъютора Ларошфуко специально подстроил эту ситуацию, чтобы убить его. Рассказ о покушении написан драматично: «Я почувствовал, как моя шея застряла между двумя створками двери, которую г-н де Ларошфуко закрыл за мной, зовя Колиньи и Рикусса, чтобы убить меня. <...> Г-н де Шамплатре, прибежавший на шум, который был в комнате, увидел меня в таком отчаянном положении, сильно толкнул г-на де Ларошфуко: он сказал ему, что убийство такого характера – это позор и ужас; он открыл дверь и впустил меня» [10, Т. 3, с. 493-494].

Ларошфуко объяснял свой поступок дерзким поведением Гонди, который держал себя так, будто «с ним необходимо обращаться как с принцем» [6, с. 372]. Ларошфуко воспринял поведение Реца как провокацию, оскорбление принца Конде и членов его партии. В интерпретации Ларошфуко коадъютор возмнил себя равным по статусу принцу крови. Если рассматривать инцидент с такого ракурса, поведение герцога-мемуариста вполне логично. Он защищал честь патрона с помощью физической расправы над обидчиком. Ларошфуко считал справедливым, чтобы коадъютор «ответил жизнью за беспорядки, в которых был повинен» [6, с. 372-373]. Например, за начало Фронды, когда коадъютор Гонди спровоцировал строительство баррикад в Париже.

Вражда между Ларошфуко и Рецем просматривается по текстам воспоминаний этих титанов Фронды. Противники обвиняли друг друга в ведении бессмысленных интриг, в непомерности притязаний. Кoadъютор не преминул подчеркнуть связь Ларошфуко с сестрой принца, замужней герцогиней Лонгвиль. Описывая одну из ссор между участниками партии принцев, Гонди привел цитату Конде: «...вы сегодня же передадите герцогине де Монбазон, что для нашего примирения я требую: если она и впрямь отрежет я не знаю что у господина де Ларошфуко (курсив мой – С.М.), пусть не посылает это в серебряном сосуде моей сестре, как вот уже два дня она обе-

щает двум десяткам встречных» [10, Т. 2, с. 543]. Красноречиво описывает отношения Ларошфуко и Реца диалог в парламенте: «Мне все равно, что с тобой станется, предатель», – бросил мне в ответ де Ларошфуко. «Заткни свою глотку, Правдолюбец (так его прозвали в нашей партии)! Ты трус (в этом я солгал, ибо он был несомненный храбрец), а я священник – дуэль между нами невозможна» [10, Т. 3, с. 500].

Однако оба противника отдавали должное способностям друг друга. Ларошфуко отмечал влияние коадъютора на народ и священников Парижа. Рец подчеркивал, что Ларошфуко был «оракулом» принца Конде, всегда сопровождал его, показывал чудеса смелости. Возможно, одной из причин их вражды были дела не политические, а любовные. Оба «оппозиционера» прославились как ловеласы. Де Ларошфуко был более «праведным» в этом отношении, большую часть Фронды его спутницей была герцогиня де Лонгвиль, в то время как де Рец никогда не был любовником одной дамы. Ги Жоли сообщил в воспоминаниях любопытный факт о патроне: «с некоторых пор он питал к г-же де Лонгвиль очень живые и нежные чувства» [8, с. 16]. Кoadъютор был обрадован ее приездом в Париж и хотел «получить преимущества перед принцем Марсийяком (титул герцога де Ларошфуко до смерти его отца – С.М.), которого считал соперником» [8, с. 16]. Вероятно, фрондера интересовали больше политические соображения. Рецу было бы выгодно привлечь к партии влиятельную аристократку с помощью популярного в ту эпоху любовного языка. Поступок коадъютора в любом случае был направлен против Ларошфуко, который ожидал ее верности и в сексе, и в политике.

Естественно, что во время гражданской войны нередки были конфликты и между членами одной фракции. Эти конфликты могли способствовать как разложению партии, так и, наоборот, ее укреплению, потому что приводили к отсеиванию «неблагонадежных» членов. У Бюсси-Рабютена есть эпизод, в котором идет речь о конфликте на почве денег. Между Бюсси и Гито, дворянином из партии Конде, был заключен письменный договор, по которому последний обещал первому 50 тысяч ливров за 3 месяца в обмен на отказ от должности королевского лейтенанта в Ниверне и уход в отставку. Конде был доволен этой сделкой; принц дал мемуаристу слово, что на следующих выборах он поспособствует его избранию уполномоченным между сессиями провинциальных штатов Бургундии [5, с. 232]. Далее Бюсси написал, что с оплатой его услуг кондеанцы не торопились [5, с. 237-238].

Судя по всему, Бюсси выполнил волю Конде, но у него возникли сложности с Гито. Как пишет мемуарист, принц «настоятельно убеждал закончить с этим делом», но рассказчик не встретился с Гито и не заключил сделку. По какой причине

так произошло, автор не указывает. В тексте чувствуются подозрительное отношение к приближенному принца и обида на него. Будучи в одной партии, эти два дворянина не почувствовали себя союзниками, скорее, наоборот, они стали врагами. Когда принцев арестовали, Бюсси попытался решить вопрос с оплатой услуг: «...я побежал в особняк Конде, где, найдя Гито, предложил ему завершить наш договор. Он сказал мне, что больше не согласен с этими условиями и что именно принц должен дать ему обещанные мне деньги» [5, с. 238-239]. Мемуарист понял, что его использовали, не выполнив никаких ответных обещаний. После этого Бюсси упоминает о Конде как о человеке, выказавшем по отношению к нему «очень мало дружбы» [5, с. 239].

Бюсси-Рабютену не повезло во Фронде. Дворянин провел большую часть гражданской войны в «правоверном» лагере мазаринистов, но стоило ему сделать отступление в другую партию, он не получил от этого выгод и заклеил себя как предателя короны. В его сочинении показано, какие интриги и несправедливости происходили в партии Конде, и, как я думаю, они были одной из причин поражения этой фракции в гражданской войне. Неслучайно в «Мемуарах» Бюсси многократно делал реверансы в сторону королевской власти и подчеркивал свою лояльность.

Конфликты внутри партии объяснились не только недобросовестностью участников и ложными обещаниями, но и завистью между членами корпорации. Ги Жоли описал арест советника Брюсселя – событие, с которого началась парламентская Фронда. Первый президент парламента Моле питал тайную ревность к конкуренту и завидовал его репутации, поэтому подговорил власти задержать его. Личные счеты он свел заключением любимца народа в Бастилию. После предъявления письма об аресте, Брюссель изъясил покорность властям, ему нужно было только дозволение одеться и уединиться перед уходом, так как он принял лекарство. Девушка де Брюссель добавила, что ее отец, принявший лекарство в тот день, как он и предполагал, должен был уединиться перед отъездом [8, с. 9]. Однако из-за народных волнений уважаемый советник был препровожден в Бастилию «в том виде, в каком он был» и даже без обуви [8, с. 9]. Этот пример дает возможность показать, как сплетаются межличностные отношения с политическим противостоянием.

С меньшими подробностями Ги Жоли пишет об арестах и ссылках менее популярных оппо-

зиционером: тогда же был арестован президент Бланмениль; президент Шартон, Лэне и Луазель успели сбежать [8, с. 9]. Господина де Шавиньи заключили без явной причины, только по обвинению в том, что он склонил принца Конде к принятию интересов парламента. Шавиньи сделал это из мести Мазарини, который сместил его с должности секретаря парламента и отдал ее лояльному де Бриенну. В этой темной истории имеет место и предательство. Ходили слухи о том, что господин де Шавиньи согласовал свой план с президентом Перро, который принадлежал к партии принца, и он сообщил обо всем первому министру. Вероятнее всего, арест Шавиньи объясняется тем, что он был действительно крупной «партийной» фигурой, «чей дух, тесные связи с высшими лицами двора и парламента <...> были более опасными для кардинала, чем все народные волнения и ремонстрации парламента» [8, с. 15].

Партия двора могла арестовать парламентариев без объяснения причин. Выискивать опасных фрондеров помогали их завистники из парламента, которые для карьерного продвижения были готовы отправлять за решетку успешных коллег. Однако, как мне представляется, аресты парламентариев настолько всколыхнули народ, что значение партии Фронды стало больше. Многие фрондеры-парламентарии были популярны среди парижан, и те были готовы строить баррикады, чтобы добиться освобождения своих кумиров. Далее к фракции присоединились коадьютор Гонди, герцогиня де Шеврез и другие сильные политические фигуры. В результате внутреннего конфликта партия «заменяла» потенциальных предателей на популярные в народе и парламенте фигуры.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что чаще члены дворянской семьи держались сообща, стремились помогать друг другу и действовать в интересах фамилии, так как это было и в интересах каждого из ее членов. Если же аристократ стремился выстроить собственную политическую линию, у него редко удавалось осуществить свои замыслы без поддержки родственников. Семейные ссоры, личная неприязнь представителей корпорации, соперничество ухажеров дамы влияли как на деятельность фракций, так и на ход Фронды в целом. Таким образом, межличностные конфликты во время Фронды имели принципиальное значение и во многом определяли развитие событий в начале царствования Людовика XIV.

Примечания

¹ Людовик II де Бурбон-Конде (1621-1686) – полководец, победитель при Рокруа (1643), пэр Франции, первый принц крови.

² Битва при предместье Сент-Антуан 2 июля 1652 г. между королевским войском под командованием маршала де Тюренна и войском принца де Конде. В решающий момент мадемуазель де Монпансье со своими сторонниками взяла под контроль Бастилию и направила на королевское войско артиллерийский огонь, что спасло Конде.

³ История отражена в мемуарах мадам де Мотвиль [Motteville 1838: 414–415], аббата Шуази [Choisy 1966: 43–44], герцогини Немурской [Nemours 1990: 189–191], Ги Жоли [Joly 1738: 186–194]. Стогова А.В. Ущемленный

прелат: конструирование политического жеста во французских мемуарах второй половины XVII в. // Шаги/Steps. 2017. С. 153.

Литература и источники

1. Малов В.Н. Парламентская Fronde: Франция, 1643-1653. М.: Наука, 2009. 497 с.
2. Kettering S. Patrons, brokers and clients in Seventeenth-Century France. Oxford University Press, 1986. 332 p.
3. Constant J.-M. C'était la Fronde. P.: Flammarion, 2016. 397 с.
4. Vergnes S. Les Frondeuses: l'activité politique des femmes de l'aristocratie et ses représentations de 1643 à 1661. Université Toulouse le Mirail - Toulouse II. 2012. 997 p.
5. Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. P.: Chez Jean Anisson directeur de l'Imprimerie Royale, 1698. T. 1-2.
6. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P.: Chez Napoléon Chaix etc, 1865. 538 p.
7. Bussy-Rabutin R. Histoire amoureuse des Gaules. Liege, 1665. 258 p.
8. Joly G. Mémoires de Guy Joly // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. P.: chez l'éditeur du commentaire analytique du code civil, 1838. T. 3. 632 p.
9. Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. T. 1-2.
10. Cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz / Ed. A. Feillet, J. Gourdault et R. de Chantelauze. Grands écrivains de la France. P.: Hachette. 1870-1920. Vol. 1-10. (Mémoires. 1870-1880. T. 1-5.).
11. Стогова А.В. Ущемленный прелат: конструирование политического жеста во французских мемуарах второй половины XVII в. // Шаги/Steps. 2017. С. 152-166.

References

1. Malov V.N. *Parlamentskaya Fronde: Frantsiya, 1643-1653* [Parliamentary Fronde: France, 1643-1653]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 497 p.
2. Kettering S. Patrons, brokers and clients in Seventeenth-Century France. Oxford University Press, 1986. 332 p.
3. Constant J.-M. C'était la Fronde. P.: Flammarion, 2016. 397 p.
4. Vergnes S. Les Frondeuses: l'activité politique des femmes de l'aristocratie et ses représentations de 1643 à 1661. Université Toulouse le Mirail - Toulouse II. 2012. 997 p.
5. Bussy-Rabutin R. Mémoires du Comte de Bussy-Rabutin. P.: Chez Jean Anisson directeur de l'Imprimerie Royale, 1698. T. 1-2.
6. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P.: Chez Napoléon Chaix etc, 1865. 538 p.
7. Bussy-Rabutin R. Histoire amoureuse des Gaules. Liege, 1665. 258 p.
8. Joly G. Mémoires de Guy Joly // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. P.: chez l'éditeur du commentaire analytique du code civil, 1838. T. 3. 632 p.
9. Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. T. 1-2.
10. Cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz / Ed. A. Feillet, J. Gourdault et R. de Chantelauze. Grands écrivains de la France. P.: Hachette. 1870-1920. Vol. 1-10. (Mémoires. 1870-1880. T. 1-5.).
11. Stogova A.V. *Ushchemlennyi prelat: konstruirovaniye politicheskogo zhesta vo frantsuzskikh memuarakh vtoroi poloviny XVII v.* [The Aggrieved Prelate: the Construction of a Political Gesture in French Memoirs of the second half of the XVII century]. *Shagi* [Steps]. 2017. p. 152-166.

© «Клио», 2023

© Малахова С.И., 2023

УДК 94 (367) + 930(430)“17” + 930.85

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_24

Дата поступления (Submitted) 14.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 27.07.2023

Концепция К.Г. фон Антона о «славянском характере»

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАПУНОВ*независимый исследователь, соискатель, учитель
истории и обществознания.*

ГБОУ СОШ №221

198217, Санкт-Петербург, ул. Лёни Голикова, д. 15, к. 2

e-mail: alexlapunov@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется первая в своем роде концепция о славянском характере и нраве, изложенная лужицким ученым конца XVIII века К.Г. фон Антоном (1751-1818гг.) в его двухтомной энциклопедической работе «Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян» (1783,1789). Автор статьи не только излагает саму концепцию фон Антона, но и анализирует контекст ее возникновения, доказывает ее новаторский характер и рассматривает факторы, которые повлияли на лужицкого ученого в его восприятии славянских народов. Автор приходит к выводу, что фон Антон создал первую в своем роде критическую концепцию славянского темперамента и, таким образом, заложил нарративную традицию конца XVIII – XIX вв. об особом славянском характере и нраве. Используя исторические, этнографические, травелогические и лингвистические источники, а также подключая свой личный опыт взаимодействия с лужицкими сербами, он реконструировал темперамент древних славян и делил его качества на три группы: изначальные положительные качества, приобретенные отрицательные качества, а также отдельно отмечал воинственность древних славян. При этом, концепция фон Антона носит ярко выраженный фронтонный (пограничный) характер - он переносил опыт немецко-вендского взаимоотношения на всех славян.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, славяне, древние славяне, славянский характер, фон Антон

K.G. von Anton's concept of the 'Slavic character'

ALEXEI ALEKSEEVICH LAPUNOV*Independent researcher, applicant, teacher of history and social studies.*

School No. 221

198217, St. Petersburg, Leni Golikova Street, home 15, building 2

e-mail: alexlapunov@gmail.com

Abstract. The article analyzes the first of its kind concept of the Slavic character, set forth by the Lusatian scholar of the late 18th century K.G. von Anton (1751-1818) in his two-volume encyclopedic work 'The first experience of describing the origin of customs, tempers, opinions and knowledge of ancient Slavs' (1783, 1789). The author of the article not only outlines the very concept of von Anton, but also analyzes the context of its occurrence, proves its innovative nature and considers the factors that influenced the Lusatian scholar in his perception of the Slavic peoples. The author comes to the conclusion that von Anton creates the first of its kind critical concept of the Slavic temperament and, thus, lays down the narrative tradition of the late 18th-19th centuries about the special Slavic character. Using historical, ethnographic, travelological and linguistic sources, as well as connecting his personal experience of interaction with the Lusatian Serbs, he reconstructs the temperament of the ancient Slavs and divides its qualities into three groups: initial positive qualities, acquired negative qualities, and also speaks separately about the militancy of the ancient Slavs. At the same time, von Anton's concept has a pronounced pedimental (borderline) character - he transfers the experience of the German-Wendian relationship to all Slavs.

Keywords: Age of Enlightenment, Slavs, ancient Slavs, Slavic character, von Anton

Существует много работ, которые анализируют, как формировались представления об особом славянском характере в XIX веке [11, с. 337-453; 12, с. 148-169; 13, с. 102-113; 14, с. 3-19; 15, с. 11-50; 1, с. 124-147]. Для большинства публикаций отправной точкой служит знамени-

тая глава «Славянские народы» из трактата И.Г. Гердера «Идеи к философской истории человечества» [4, с. 499-500]. Все, что было написано другими авторами до Гердера, то есть практически весь XVIII век, в целом, обычно остается вне рамок исследования. Существует, правда,

несколько работ, посвященных XVIII столетию, как, например, монография Л. Вульфа [3, с. 149-295], где присутствуют две главы, посвященных представлению западноевропейских авторов о славянском характере и нраве в XVIII веке, однако, основной упор в ней делается на ориентальный дискурс. Отдельно можно упомянуть не потерявшую свою актуальность работу И. Собестианского [23, с. 1-352], посвященную разбору и анализу идей об особом славянском характере, начиная с античных времен и заканчивая XIX веком включительно. Однако и в ней эпохи, предшествующие Гердеру, упоминаются в крайне сжатом виде и анализ ограничивается лишь переводами выдержек из источников, посвященных данной проблематике с небольшими комментариями.

Во всех вышеназванных работах практически не затрагивается оригинальная концепция славянского характера, предложенная лужицким ученым Карлом Готлибом фон Антоном (1751 – 1818 гг.), который является автором первого энциклопедического труда о славянах «Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян» [26, s. 1-162; 27, s. 1-144], вышедшего в двух томах в 1783 и 1789 годах. В этой работе представлена первая в своем роде попытка критического описания славянского «характера» и «нрава». Как пишет сам фон Антон: «Об одних только древностях и нравах славян у нас, насколько я знаю, нет ничего полноценного» [26, s. VI]. Новаторство фон Антона в этом вопросе отмечал и Собестианский [23, с. 4]. Важно также заметить, что фон Антона оказал существенное влияние на взгляды в отношении славянских народов на И.Г. Гердера [10, с. 104-113] и некоторых других авторов.

Таким образом, рассмотрение концепции фон Антона о славянском характере и нраве является довольно актуальной для современной историографии. Кроме того, многие исследования, посвященные концепциям XIX века о славянском характере, получают твердую почву на основе нашего исследования, где приводятся и анализируются идеи фон Антона.

К. Г. фон Антон описывает славянский характер и нрав в пятой главе («Характер и внешний вид»), как в первом, так и во втором томе «Первого опыта описания...». Однако большая часть информации содержится именно в первом томе. В других главах он также частично раскрывает отдельные стороны этого вопроса: особенно в главе 9. («Война») и главе 10. («Форма правления, сословия и законы»)

При этом фон Антон использует три термина: «die Gebräuche» и «der Gemuth», которые на русский язык можно перевести как «нравы (= обычаи)» и «нрав», и «der Harakter [Charakter]», то есть характер или темперамент. В немецком языке «нравы» и «нрав» имеют немного разные значения, что отражается и в работе фон Антона. Так,

слово «нравы» встречается у него на пару с «обычаями», либо с «привычками»: «нравы и обычаи», «нравы и/ привычки». В то время «нравы» определяли нормы поведения, обычаи, традиции, регламентирующие отношения между членами сообщества [12, с. 7]. «Нрав» же в единственном числе являлся синонимом слова «характер». Фон Антон употребляет слово «нрав» только единожды, в пятой главе «Характер и внешний вид», как синоним слова «характер», что видно из контекста. Под характером же понимались психологические свойства народа, его темперамент.

Еще со времен античности существовала традиция отождествления качеств характера и нрава отдельного представителя народа со всем народом, и наоборот – народа с отдельным его индивидуумом. Эта традиция практически в неизменном виде продолжает своё существование и в XVIII веке. Ярким примером являются воззрения немецкого просветителя Вильгельма фон Гумбольдта¹, современника фон Антона. Он отождествлял народ с живым организмом, сродни человеческому индивидууму [6, с. 20-21]. Согласно этой концепции, все народы проходят тот же путь, что и человек: они рождаются, растут, достигают своего рассвета, а затем наступают старость – они приходят в упадок и даже могут исчезнуть с лица земли. При этом, народу присущи и другие свойства человеческого индивида, в том числе определенный характер и нрав, которые воспроизводятся из поколения в поколение. Для конца XVIII в. характерно активное привлечение описания психологии народа в истории, филологии, философии и т.п. Тому же принципу следует и фон Антон.

Важный момент, который привнес фон Антон в описание славянского характера – это то, что он впервые делает предметом исследования, собственно, сам славянский характер и нрав. До фон Антона славяне чаще всего рассматривались как часть других соседних народов, или же народов, обитавших здесь до славян, о которых имелись более четкие и ясные представления, которые и переносились на славян. Эта традиция зародилась еще в античные времена. Например, Прокопий Кесарийский сравнивал образ жизни славян с массагетами, а нрав – с гуннами: «Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, (...), но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы» [20, с. 297]. Представитель далматинского ренессанса Мавро Орбини в «Славянском царстве» описывал славян подобно тем народам, которые их окружали: «Были природою варвары и жительствовавали между такими же людьми свирепыми и варварскими, с которыми непрестанно воевали.» [18, с. 18]. Эта традиция дожила и до второй половины XVIII века. Например, итальянский путешественник, ученый-натуралист, этнограф и картограф А. Фортис описывал

славяноязычных морлахов. В своей знаменитой работе «Путешествии в Далмацию» он писал об этом народе: «Я увидел обычаи, поэзию, музыку, одежды и жилища столь же татарские, как и в Сибири» [28, s. 80].

Более того, фон Антон не только писал об отдельном славянском характере и нраве, он также наполнял эту форму конкретным содержанием, описывая славян как отельный народ. Его же предшественники наделяли славян качествами других народов. Часто это были всевозможные «варварские» черты характера народов, населявших причерноморские степи и соседние регионы: скифы, готы, гунны, авары, венгры, монголы, турки и др.² Поэтому славян рассматривали через призму этих народов.

Еще со времен средневековья начали складываться представления о всевозможных «варварских» чертах характера обитателей Восточной Европы [19, с. 42-70]. Западноевропейские авторы XVIII века унаследовали данную традицию и продолжали описывать славян в подобном дискурсе. Это было связано с тем, что у них имелось мало источников и литературы об этой части Европы XVIII века, поэтому приходилось использовать античные и раннесредневековые данные и переносить их на современных славян. Нередко даже в этнографических и травелогических работах XVIII века славяне описывались в дискурсах «варварских» народов. Например, современник фон Антона английский историк Э. Гиббон в «Истории упадка древнего Рима» сравнил славянский нрав со скифскими и «татарскими», к тому же, сравнивая славян с бобрами, намекал на их варварский внешний вид и темперамент [5, с. 502-506]. Подобных воззрений придерживались многие западноевропейские авторы XVIII века [3, с. 226 – 516].

По этой причине фон Антон писал, что на Западе еще со времен средневековья складывались определенные стереотипы в описании славянских народов: «Западные историки описывают их с уродливой стороны; для них они неверные, непостоянные, порочные, глупые, непонятливые, дерзкие, вороватые, немилосердные и т. д.» [26, s. 35]. фон Антон отчасти соглашался с эти тезисом, однако делал большую оговорку — славяне ведут себя таким образом только с чужими. Под «чужими», в первую очередь, понимались немцы и Церковь, «которые по религиозным причинам или просто, чтобы завладеть их землями, обращались с ними ужаснейшим образом» [26, s. 35].

В отличие от своих предшественников и современников, фон Антон со своей стороны пытался описать славянский характер с точки зрения того, как славянин относится к славянину, так как, по мнению фон Антона, к чужакам славяне относятся совершенно по-другому. «Друг с другом они держали себя вежливо, обнимали и целовали друг друга, когда сходились», — пишет

автор, ссылаясь на Саксона Грамматика [22, с. 150]. Кроме того, как замечает дальше фон Антон, «по отношению к людям, которые понимают их язык они не скрытны» [26, s. 36].

В отличие от многих своих предшественников и современников фон Антон имел довольно солидную базу источников для реконструкции славянского характера и нрава. Важной особенностью подхода лужицкого автора является то, что он, кроме античных и средневековых письменных источников, использует и сведения народоописания XVIII века. Действительно, именно в это время происходит становление таких наук как этнография и этнология [31, p. 271-286], и входит в своеобразную моду такой беллетристический жанр как травелог [13, с. 45-46]. Важно отметить, что в отличие от своих предшественников, фон Антон не просто переписывает информацию из древних книг. Для него античные и средневековые авторы и хроники, к которым он подходит критически, являются, в первую очередь, источниками сведений о древних славянах. Кроме того, фон Антон привлекает и свой личный опыт взаимоотношений с лужицкими сербами в Лужице.

Таким образом, на основе сопоставления и комбинирования древних и современных сведений фон Антон выделял черты, присущие славянам. Одни качества славянского характера фон Антон выявлял, основываясь на античных и раннесредневековых письменных источниках и сопоставляя их с народописанием XVIII в. на наличие этого качества у современных ему славянских «племен». Некоторые другие качества фон Антон выделял исходя из сопоставления качеств характера нескольких современных ему славянских племён. При этом он опирался на этнографические и травлеогические работы XVIII века. Если качество характера присуще нескольким славянским «племенам», значит оно было характерно и древним славянам (то есть до разделения их на «племена»). Соответственно фон Антону оставалось только найти его проявление в античных письменных источниках. Таким образом, реконструируемый им характер и нрав славян релевантны как древним, так и современным ему славянам XVIII века.

Фон Антон выделял у славян положительные и отрицательные качества. Ученый начинает описание с положительных. Он считает, что эти качества являются изначальными, присущими еще древним славянам.

Ученый выделяет у древних славян следующие положительные качества: дружелюбие, гостеприимство, заботливость и, как следствие, отсутствие нищих и нуждающихся, храбрость, свободолюбие, справедливость, веселье. Он считает, что им присуща радость, что им не известно было воровство, и что они свято соблюдают брак. Также, опираясь на Прокопия, фон Антон пишет, что «по существу они [славяне] не

плохие и совсем не злобные» [20, с. 297], отмечает, что древние славяне не были злыми и коварными, правда, добавляет, что только по отношению друг к другу. Древним славянам также неизвестно было воровство, а также, по мнению фон Антона, древние славяне свято соблюдали брак.

Кроме того, в главе 10 «Форма правления, сословия, законы» фон Антон раскрывает свободолюбие древних славян на примере власти. Он пишет: «Они [Древние славяне] не были подданными никакого монарха, а их политическая организация была первоначальной даже и во времена Прокопия, а это значит — демократической» [26, с. 90]. Здесь фон Антон опирается на характеристику власти славян Прокопия Кесарского: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» [20, с. 297]. О сословиях у славян фон Антон пишет: «Собственных сословий у них не было, и каждый человек был так же хорош, как любой другой. Поэтому на своих собраниях они совещались коллективно» [26, с. 91]. Однако при этом у славян были свои «господины» — князья, господари, жупаны, паны и т.п. Однако, опираясь на данные языка, фон Антон замечал: «Эти господа или князья, однако, имели лишь судебное господство или вообще никакого в нашем теперешнем смысле, так как для понятий «подданство», «покорность», «рабство» в славянском языке нет ни одного слова, так же как и для понятия свободы, хотя они и обладали, сами того не осознавая, этим сокровищем» [26, с. 93].

Стоит отметить, что фон Антон в главе 16 («Развлечения») отмечал «музыкальность» славян. Он пишет «Весь народ был и до сих пор является очень музыкальным. Без пения и музыки ничего не предпринимается, не совершается, а язык, каким бы грубым и хриплым он ни казался, прекрасно приспособлен для пения. Всегда очень приятно послушать песню, на каком бы из диалектов она ни исполнялась» [26, с. 143]. В дальнейшем это качество приобретёт ключевое значение в характеристики славян И. Г. Гердера.

Сразу же после положительных черт славянского характера, фон Антон приступал к описанию отрицательных. Ими являются: жестокость, мстительность, легкомыслие, пренебрежительное отношение к собственности и любовь к выпивке, а также коварство, недоверие и ненависть по отношению к немцам.

Эти качества не были изначально присущи древним славянам. Они либо появились под воздействием внешних обстоятельств, либо же логически вытекают из положительных. Поэтому фон Антон не только описывал отрицательные качества, но и пытался их «объяснить», то есть, понять причину их появления и проявления их к «чужакам». В некоторых местах, фон Антон пы-

тался даже «сгладить» их, делая их «мягче». По-рой фон Антона для объяснения даже пытался «вжиться» в роль славянина. Соответственно, он считал, что славян нужно именно «понять». Это отлично видно на примере жестокости и мстительности древних славян.

Жестокость, как писал фон Антон, «было естественным следствием их храбрости, не смягченной культурой» [26, с. 32]. Он раскрывал это качество в девятой главе («Война»). Он приводил примеры из Прокопия Кесарийского, когда славянские племена захватили фракийскую крепость Тзуруле, а затем разграбили всю Иллирию и Фракию, убив 20000 тысяч человек разными зверскими способами [20, с. 366]. Фон Антон объяснял жестокость славян тем, что это качество было свойственно всем народам на том этапе исторического развития.

Вторым примером служит Феофан Исповедник, который описывал поражение Императора Никифора от болгарского хана Крума в битве при Вырбишском проходе в 811 г., когда византийцы потерпели поражение, а главу Никифора, отрубивши, Крумос, на несколько дней выставил ее вонзенную на кол, (...). Потом, снявши ее, и очистивши череп, обделал его серебром, и величаясь заставлял пить из ней славянских начальников» [24, с. 193]. Основываясь на этом эпизоде, фон Антон пишет, что древние славяне делали из черепов поверженных ими врагов чаши. «Значит, они умели снимать скальп», — заключает фон Антон и добавляет, «что и христиане с недавних пор начали практиковать это в Америке» [26, с. 88], уравнивая таким образом древних славян и современных христиан.

Однако, в большей части, жестокими славяне были в отношении своих врагов. «Жестокость тех племен, которые вели войну с немцами, широко известна, но они слишком часто подстрекались на такие действия подобным обращением к себе» [26, с. 88], — замечает автор, имея в виду многочисленные примеры столкновений Империи и вендов, описанные в средневековых немецких хрониках. Таким образом, фон Антон пытается оправдать славян, имея в виду, что их жестокость была вынужденной.

Фон Антон выводит из жестокости мстительность древних славян. Если славянин не мог проявить жестокость, он затаивал ее в себе, становясь мстительным. Однако здесь мстительность является не только частью жестокости, но и частью справедливости. В качестве примера он приводил далматов, у которых «месть и справедливость обозначаются одним словом» [26, с. 34], и кашубов. Таким образом, жестокость древних славян выводится и объясняется фон Антоном из их природной храбрости, и смягчается и/или нивелируется им. Во всех описанных эпизодах он находил славянам оправдания. Подобную схему он применял и к остальным отрицательным качествам.

Отдельным качеством можно назвать воинственность древних славян. В отличие от многих последующих ученых, фон Антон считал древних славян довольно воинственным народом. Это качество он считал ни положительным, ни отрицательным. О воинственности древних славян фон Антон пишет в девятой главе «Война»: «Весь славянский народ был воинственным, и ему приходилось быть таким, потому что этого требовало положение славян по отношению к другим народам и им необходимо было искать новые места для проживания» [26, с. 82]. Таким образом, его появление у древних славян было связано с внешней средой. Воинственными они были только в отношении других народов. Более того, как считали многие ученые того времени, воинственность была характерна для многих древних народов, в том числе и для славян. Во втором томе, фон Антон привлекает идеи т.н. «социокультурной эволюции» или «теории стадийного развития цивилизаций» [29, с. 138-140; 2, с. 46-50], разрабатываемые в конце XVIII шотландскими просветителями (А. Фергюсон, Д. Юм и др.). Древние славяне, согласно этой концепции, находились на стадии «варварства», для которой воинственность и грубость были характерной чертой.

Фон Антон полагал, что воинственность древних славян, также, была обусловлена их религией: «Так как мне кажется, что война находилась в непосредственной связи с религией славян» [26, с. 82]. Затем он подробно раскрывает этот тезис. Например, автор замечает: «(...), они [славяне] все же верили, как кажется, что он [бог] заботится об их войнах, стоит на их стороне, и поэтому считали, что ведут священные войны» [26, с. 83]. В качестве примера, фон Антон приводит полабско-балтийских славян, а также эпизод из труда Константина Багрянородного, где этот автор описывает крещенных хорватов [8, с. 137].

Кроме того, это качество фон Антон выводит из славянского языка. Он замечает, во многих славянских диалектах сохранились схожие по звучанию слова, связанные с войной (нож, дротик, булава, щит, меч, копье, войско, пехота и т.п.), что говорит о их древнем происхождении.

Из воинственности славян вытекали и другие качества. Так как «во времена идолопоклонничества они верили в помощь своих божеств» [26, с. 83], а также «рассчитывая на непосредственную помощь одного из своих божеств» [26, с. 84] славяне постоянно были уверены в своей победе. Из воинственности, также, вытекала храбрость и мужественность древних славян: «Кто вел себя на войне храбро и отважно, считался мужественным» [26, с. 84]. Во втором томе фон Антон добавляет, что славянские войны были «невероятно яростными» [27, с. 49], но в первую очередь, по отношению к немцам.

Таким образом, древние славяне были согласно фон Антону воинственным народом. Из

этого качества также вытекает и их уверенность в своей победе, храбрость, мужественность и яростность. Однако всё это можно отнести к древним славянам. Хотя многие следы прежней воинственности, фон Антон находит и в XVIII веке, все же к его времени славяне по большей части утратили это качество.

Большую роль в характеристике славян в «Первом опыте описания...» является реалии Лужицы и живущих в ней лужицких сербов. К.Г. фон Антон, живя в Гёрлице, непосредственно занимался изучением этнографии, фольклора, языка и культуры лужицких сербов. Ныне его наследие хранится в Гёрлицкой библиотеке [30, с. 345]. Примером личного опыта наблюдения за славянами в Лужице может служить славянское веселье и жизнелюбие, а также легкомыслие и пренебрежительное отношение к собственности славян. Так легкомыслие, согласно фон Антону, является следствием их веселой и праздничной природы: «(...) этот серб тоже весел и радуется жизни. Одна из его народных песенок полностью отражает его характер: "Ханнушка, моя любимая, будь весела, даже если тебе не удастся посеять ни единого зернышка"» [26, с. 34]. Из легкомыслия выводится их пренебрежительное отношение к собственности. В качестве примера фон Антон приводит в качестве примера опять же родную Лужицу и лужицких сербов: «Я знаю примеры, когда положительно думающие и хозяйственно настроенные мужчины в Лужице упраздняли свои поместья и хотели передать их своим вендским крестьянам», однако крестьяне отказывались от этого, так как «до этого все убытки, связанные с домом и двором, касались только хозяина; теперь же все это коснется его самого» [26, с. 34]. Помещики, как поясняет фон Антон, это, в первую очередь, немцы. Таким образом, и этот недостаток объясняется последствием порабощения славян немцами.

Лужицкий и (шире) вендский фактор оказал существенное влияние на концепцию фон Антона о славянском характере и нраве. «Венды» это немецкий экзоэтноним, которым называли славянские племена междуречья Эльбы и Одера, а также Поморья (т.н. полабско-балтийские славяне). В XVIII вендами называли лужицких сербов, кашубов и полабов (древан в ганноверском Вендланде близ Люнебурга). Те реалии, сложившиеся между вендами и немцами в Средние века и Новое время, фон Антон проецирует на всех славян [9, с. 58-65]. Это можно видеть на примере отрицательных качеств славян, а также их «воинственности», которые по большей части являются качества конкретно вендов.

Согласно фон Антону отрицательные качества во многом сложились в результате постоянных войн, завоевания, порабощения и угнетения славян со стороны немцев и церкви: «Они [славяне] слишком хорошо знают, что они были хозяевами земель, которыми теперь владеют

их враги, немцы; причинные им жестокости все еще свежи в их памяти» [26, s. 36]. Поэтому в отношении их поработителей – немцев, славяне чаще всего и проявляя свои отрицательные качества: «Сербов в Лужице считают коварными и злыми по отношению к немцам. (...) Я прощаю им [славянам] их коварство, которое я бы скорее назвал недоверием» [26, s. 35-36]; «Когда их подавили, отняли у них их земли, а их самих сделали крепостными рабами, какие только пошлыны, сборы и службы не были на них наложены. (...) Разве все эти притеснения не должны были стать невыносимыми для свободного ранее народа? И разве не должна была возникнуть у этого народа ненависть к его угнетателям?» [27, s. 51].

Свою воинственность славяне также проявляли в отношении немцев и христиан: «Их войны были невероятно яростными. Как часто немецкие славяне, не теряя единения и веры, бунтовали при малейшей видимости свободы против своих поработителей – немцев. (...) Жесткое обращение, которое им приходилось терпеть от христиан, явно было причиной (...) их жестокости при победах, так как они, в таких случаях, пользовались правом расплаты и возмездия. И это до сих пор причина их недоверия, даже можно сказать, ненависти по отношению к немцам» [27, s. 49-50].

Именно такими, какими славяне являлись своим врагам – немцам и христианам, славяне попадают к западноевропейским историкам, которые «описывают их с уродливой стороны». Это понимал фон Антон. Поэтому он и взялся за описания славянского характера, дабы показать какими славяне были и являются на самом деле, то есть какими они являются по отношению друг другу, и старается объяснить отрицательные качества и воинственность, которые появились у них в следствии немецкого порабощения.

Кроме того, вендский фактор мог быть обусловлен и гносеологическим аспектом. Основными источниками фон Антона о древних славянах, откуда он брал информацию о славянском характере, являются хроники Гельмонда из Боссау, Адама Бременского, Титмара Мерзенбургского, Саксона Грамматика и житие Св. Отто Бамбергского, которые подробно освещали историю именно «вендов», то есть полабско-балтийских славян. Кроме того, фон Антон был знаком с «Vita Karoli Magni» Эйнхарда, где говорится о столкновениях Империи франков со «славянами», то есть вендами. Важно заметить, что чаще всего жители междуречья Лабы (Эльбы) и Одера, то есть венды, упоминались на страницах этих хроник просто как «славяне» Как сам фон Антон пишет про эти источники: «У них хорошие сведения о нравах и обычаях» [26, s. XIV], при этом сам замечает, что «они говорят только о немецких славянах, которые жили на Одере и на Эльбе. Таким образом, их сведения

отчасти слишком новы, отчасти однобоки» [26, s. XIV]. Однако это не мешает ему в дальнейшем брать большую часть информации именно из этих хроник.

Раз отрицательные качества возникли у славян под влиянием немцев, то получается, что тем славянским народностям, которые избежали этой участи, они не свойственны. Однако об этом фон Антон умалчивает.

То, что фон Антон делил славянский характер на положительные и отрицательный стороны, и считает, что первая является изначальной, тогда как вторая – приобретенная, роднит его со взглядами французского просветителя Ж. Ж. Руссо. Последний в «Рассуждениях о неравенстве» выводил концепцию о «естественном человеке», то есть целостном, добром, биологически здоровом, морально честном и справедливом индивиде. Таким человечество было в древние времена [21, с. 695-786]. Таким образом, можно сказать, что концепция «естественного человека» Руссо – это модернизированная концепция «благородного дикаря». В дальнейшем, по мере отрыва от природы («естественного состояния»), из-за определенных обстоятельств, которые выводили естественного человека из равновесия, происходит «порча» человечества. Таким образом, человечество изначально не было плохим, но стало злым и несправедливым потом. Однако Руссо считал, что порча человечества происходит по мере отрыва его от природы, а не благодаря исторической реальности. Последний момент в корне противоположен представлению фон Антона.

Мы не находим у фон Антона следов идей конца XVIII в. о влиянии климата на характер народа, а также следов античных «жидкостных» учений о темпераменте. В противоположность Руссо, фон Антон указывает на сугубо исторические причины, считая, например, что отрицательные качества появились в славянском характере вследствие их порабощения. Это роднит фон Антона с Вольтером и Д. Юмом, которые считали, что на характер народов влияет не только климат, но и общественная организация, законы, воспитание и т.п. [25, с. 605-621].

Последний момент, которой стоит отметить в этом контексте, это вопрос о том, что же является причиной, а что следствием: характер и нрав или же быт и нравы народа. фон Антон помещает главу про характер и нрав народа перед главами о религии, обычаях, праздниках, форме правления, военном деле и т.п. Это может говорить о том, что именно первое детерминирует второе. Однако если же проанализировать последующее содержание глав, то у фон Антона скорее наоборот – стиль жизни детерминирует характер. Например, как уже отмечалось, фон Антон писал, что на славянский характер повлияла их религия и демократическая форма правления. Или же стоит отметить тот факт, что отрицатель-

ной стороны характера по мнению фон Антона являются следствием завоевания и порабощения славян.

Это роднит взгляды фон Антона с Ш. Монтескье, который в «Персидских записках» утверждал, что нравственный облик народа, характер его законов обусловлены географическими факторами, экономикой, религиозными верованиями и политическими учреждениями данного общества [16, с. 11-259]. В работе «О духе законов» Монтескье развивает эти идеи: «Людьми управляют многие вещи: климат, религия, законы, руководствующие правила, примеры из прошлого, нравы, обычаи, и из всего этого образуется общий дух» [17, с. 285]. Таким образом, на народ влияют физическая география, климат, размеры территорий, расположение страны, качества ее земли, образ жизни народов, степень свободы, религия, склонностями, числом, богатством, торговлей, их нравами и обычаями.

Однако в отличие от Монтескье и некоторых своих современников (И.Г. Гердер), фон Антон не выводит какие-либо панпсихические сущности, т.е. не пишет о некоем «славянском духе» или «славянской душе». Этим займется Гердер и последующее поколение славистов в эпоху Романтизма и даже после. Славянский характер (особенно положительные качества и воинственность) фон Антона же носит скорее больше дескриптивный и справочный характер. Фон Антон не особенно стремится рефлексировать о причинах (особенно, когда пишет о положительных свойствах славянского характера), ограничиваясь конструированием «характера» на основе подбора тех или иных свидетельств из имевшихся в его распоряжении источников.

Подводя итог, можно сказать, что фон Антон был первым ученым, заложившим нарратив конца XVIII – XIX вв. об особом славянском характере и нраве. Делая предметом своего исследования (познания) именно славян как отдельного народа со своей уникальной непохожей на других индивидуальностью, он создает первую в своем роде критическую концепцию славянского темперамента. Используя широкий комплекс всевозможных источников и свои наблюдения за лужицкими сербами, фон Антон дает описание этого характера, наполняя его конкретными атрибутами. Он делит славянский темперамент на три группы: изначальные положительные качества, приобретенные отрицательные качества, а также отдельно говорит о воинственности древних славян. При этом некоторые атрибуты славянского характера логически вытекают из других. Другие, особенно отрицательные и воинственность, сложились у славян под влиянием извне или же являются свойственными всем народам на определенном этапе развития. Всем этим качествам фон Антон дает объяснения, комментарии. Огромную роль в концепции фон Антона сыграл лужицкий или вендский фактор. Он переносит опыт немецко-вендского фронтового взаимоотношения на всех славян. Это можно объяснить либо его личным опытом изучения лужицких сербов, либо с точки зрения методологии, использованной фон Антоном. Таким образом, складывается ощущение смещения акцента с части на целое: с вендов на всех славян. В дальнейшем именно в воззрениях фон Антона И.Г. Гердер найдет свой источник знаний о славянах или подтверждение своего видения славянских народов.

Примечания

¹ К. Г. фон Антон был знаком с его братом А. Фон Гумбольдтом. Оба состояли в Верхнелужицком научном обществе.

² Данный «варварский» дискурс отлично рассмотрен в монографиях Л. Вульфа [3, с. 226 – 516] и Б. Езерника [7, с. 1-358].

Литература и источники

1. Белов М.В. «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках «народности» // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 124-147.
2. Валижев М. Б. Цивилизация, или война миров. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 160 с.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
4. Гердер И.Г. Идеи к философской истории человечества. М., СПб., 2013. 760 с.
5. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 4 / Пер. с нагл. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2008. 624 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
7. Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. 358 с.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука. 1996. 496 с.
9. Лапунов А.А. Вендская тематика в работах К.Г. фон Антона и И.Г. Гердера // Клио. 2022. №11 (191). С. 58–65.
10. Лапунов А.А. Карл Готлиб Антон и Иоганн Готфрид Гердер // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2021. №3 (59). С. 104–113.
11. Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с.
12. Лескинен М.В. Концепт «Национальный характер/нрав народа» в языке российской науки второй половины XIX века. // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 148-169.
13. Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. 368 с.
14. Лескинен М.В. Славянские свойства русского народа в российских научных описаниях XIX века: от романтической идеализации к психологической типологии // Славяноведение. 2016. № 3. С. 3-19.

15. Leskinen M.V. *Характерология славян в русской интерпретации: способы изображения гендерных типов «этнического другого» во второй половине XIX в.* // *Токови Историје*. 2014. № 3. С. 11-50.
16. Монтескье Ш. Л. *Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян.* // Пер. с фр.; Вступ. ст. и коммент. Н. Саркитова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. 512 с.
17. Монтескье Ш. Л. *О духе законов.* // пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова. М.: РИПОЛ классик, 2019. 690 с.
18. Орбини М. *Царство Славян. Факты великой истории.* М.: Вече, 2015. 384 с.
19. Плешчиньски А. *Славяне в немецкой литературе XIII века: проблемы восприятия* // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. №1. С. 42 – 70.
20. Прокопий Кесарийский. *Война с готами* / Пер. Кондратьев С.П. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 514 с.
21. Руссо Ж. Ж. *Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми* // Прогулки одинокого мечтателя. *Рассуждение о науках и искусствах. Рассуждение о неравенстве* (Сборник). СПб.: Пушкинская библиотека, АСТ, 2004. С. 695-786.
22. Саксон Грамматик. *Деяния данов. В 2 томах (16 книг).* Т. 2.: книги XI- XVI /пер. с лат. А.С. Досаева. М.: Русская панорама, 2011. 616 с.
23. Собестианский И. *Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование.* М.: Либроком, 2011. 352 с.
24. Феофан Исповедник. *Хронография.* М.: Наука, 1980. 214 с.
25. Юм Д. *О национальных характерах* // Юм Д. Соч. В 2-х тт. Т. 2. М., 1996. 800 с.
26. von Anton K. G. *Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse.* B. 1. Leipzig: Böhme, 1783. 162 s.
27. von Anton K. G. *Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse.* B. 2. Leipzig: Böhme, 1789. 144 s.
28. Fortis A. *Put po Dalmaciji, priredio-Josip Bratulić.* Zagreb: Globus. 1984. 303 s.
29. Pocock J.G.A *Virtue, Commerce and History, Chiefly in the Eighteenth Century.* Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 321 p.
30. Pohrt H. *Karl Gottlob von Anton und seine slavistischen Interessen. Neues aus dem Sachlass.* // *Beitrage zur Geschichte der Slawistik.* Berlin. 1964. S. 325-246.
31. Vermeulen H. F. *Early History of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment: Anthropological Discourse in Europe and Asia, 1710-1808* / Proefschrift Universiteit Leiden. 2008. 411 p.

References

1. Belov M.V. «Slavyanskiy karakter»: russkie publicisty, literaturnye kritiki i puteshestvenniki pervoj poloviny XIX veka v poiskah «narodnosti» [“Slavic character”: Russian publicists, literary critics and travelers of the first half of the 19th century in search of “people”]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2012. No. 39. Pp. 124-147.
2. Valizhev M. B. *Civilizaciya, ili vojna mirov* [Civilization, or war of the worlds]. St. Petersburg, European University Press at St. Petersburg, 2019. 160 p.
3. Vul’f L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 560 p.
4. Gerder I.G. *Idei k filosofskoj istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophical history of mankind]. Moscow, St. Petersburg, 2013. 760 p.
5. Gibbon E. *Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoj imperii: Zakat i padenie Rimskoj imperii* [History of the Decline and Fall of the Roman Empire: The Decline and Fall of the Roman Empire]: In 7 v. V. 4. Moscow, TERRA Knizhnyj klub Publ., 2008. 624 p.
6. Gumbol’dt V. *Yazyk i filosofiya kul’tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985. 452 p.
7. Ezernik B. *Dikaya Evropa. Balkany glazami zapadnyh puteshestvennikov* [Wild Europe. The Balkans through the eyes of Western travelers]. Moscow, Lingvistika Publ., 2017. 358 p.
8. Konstantin Bagryanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej* [Constantine Porphyrogenitus. On the management of the empire]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 496 p.
9. Lapunov A.A. *Vendskaya tematika v rabotah K.G. fon Antona i I.G. Gerdera* [Vendian themes in the works of K.G. von Anton and I.G. Herder]. *KLIO*. 2022. No.11 (191). Pp. 58–65.
10. Lapunov A.A. *Karl Gotlib Anton i Iogann Gotfrid Gerder* [Carl Gottlieb Anton and Johann Gottfried Herder]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»* [Bulletin of the Tver State University. Series “History”]. 2021. No. 3 (59). Pp. 104–113.
11. Leskinen M.V. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti* [Great Russian / Great Russian. From the history of the construction of ethnicity. 19th century]. Moscow, Indrik Publ., 2016. 680 p.
12. Leskinen M.V. *Koncept «Nacional’nyj karakter/nrav naroda» v yazyke rossijskoj nauki vtoroj poloviny XIX veka* [The concept of “National character/nature of the people” in the language of Russian science in the second half of the 19th century]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2012. No. 39. Pp. 148-169.
13. Leskinen M.V. *Polyaki i finny v rossijskoj nauke vtoroj poloviny XIX v.: «Drugoj» skvoz’ prizmu identichnosti* [Poles and Finns in Russian Science in the Second Half of the 19th Century: “The Other” through the Prism of Identity]. Moscow, 2010. 368 p.
14. Leskinen M.V. *Slavyanskie svojstva russkogo naroda v rossijskih nauchnyh opisaniyah XIX veka: ot romanticheskoy idealizacii k psihologicheskoy tipologii* [Slavic properties of the Russian people in Russian scientific descriptions of the 19th century: from romantic idealization to psychological typology]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. 2016. No. 3. Pp. 3-19.
15. Leskinen M.V. *Harakterologiya slavyan v russoj interpretacii: sposoby izobrazheniya gendernykh tipov «etnicheskogo drugogo» vo vtoroj poloviny XIX v.* [Characterology of the Slavs in the Russian Interpretation: Ways of Depicting Gender Types of the “Ethnic Other” in the Second Half of the 19th Century]. *Токви Историје* [Current History]. 2014. No. 3. Pp. 11-50.
16. Montesk’е SH. L. *Persidskie pis’ma. Razmyshleniya o prichinah velichiya i padeniya rimlyan.* Per. s fr.; Vstup. st. i koment. N. Sarkitova [Persian letters. Reflections on the causes of the greatness and fall of the Romans. Translation from French; Introductory article and comments by N. Sarkitov]. Moscow, KANON-press-C Publ., Kuchkovo pole Publ., 2002. 512 p.
17. Montesk’е SH. L. *O duhe zakonov. per. na rus. yaz. A. Gornfel’da; vstupit. st. D. Haustova* [About the spirit of laws. translation into Russian by A. Gornfeld; introductory article by D. Khaustov]. Moscow, RИPOL klassik Publ., 2019. 690 p.
18. Orбини М. *Carstvo Slavyan. Fakty velikoj istorii* [Kingdom of the Slavs. Great History Facts]. Moscow, Veche Publ., 2015. 384 p.
19. Pleshchin’ski A. *Slavyane v nemeckoj literature XIII veka: problemy vospriyatiya* [Slavs in German literature of the 13th century: problems of perception]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. No.1. Pp. 42 – 70.
20. Prokopij Kesarijskij. *Vojna s gotami* / Per. Kondrat’ev S.P. [Procopius of Caesarea. War with the Goths / Translated by Kondratiev S.P.]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 514 p.

21. Russo ZH. ZH. *Rassuzhdenie o nachale i osnovanii neravenstva mezhdu lyud'mi* [Reasoning about the beginning and foundation of inequality between people]. *Progulki odinokogo mechtatelya. Rassuzhdenie o naukah i iskusstvah. Rassuzhdenie o neravenstve (Sbornik)* [Walks of a lonely dreamer. Discourse on the sciences and arts. Discourse on Inequality (Collection)]. St. Petersburg, Pushkin Library Publ., AST Publ., 2004. Pp. 695-786.
22. Sakson Grammatik. *Deyaniya danov. V 2 tomah (16 knigah). T. 2.: knigi XI- XVI /per. s lat. A.S. Dosaeva* [Acts of the Danes. In 2 volumes (16 books). Volume 2.: Books XI-XVI / translated from Latin by A.S. Dossaev]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011. 616 p.
23. Sobestianskij I. *Ucheniya o nacional'nyh osobennostyah haraktera i yuridicheskogo byta drevnih slavyan. Istoriko-kriticheskoe issledovanie* [Teachings about the national features of the character and legal life of the ancient Slavs. Historical-critical study]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 352 p.
24. Feofan Ispovednik. *Hronografiya* [Chronography]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 214 p.
25. YUm D. *O nacional'nyh harakterah* [About national characters]. IN the book: YUm D. Compositions in 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1996. 800 p.
26. von Anton K. G. *Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. B. 1.* Leipzig: Böhme, 1783. 162 s.
27. von Anton K. G. *Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. B. 2.* Leipzig: Böhme, 1789. 144 s.
28. Fortis A. *Put po Dalmaciji, priredio-Josip Bratulić.* Zagreb: Globus. 1984. 303 s.
29. Pocock J.G.A *Virtue, Commerce and History, Chiefly in the Eighteenth Century.* Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 321 p.
30. Pohrt H. *Karl Gottlob von Anton und seine slavistischen Interresen. Neues aus dem Sachlass. // Beitrage zur Geschichte der Slawistik.* Berlin. 1964. S. 325-246.
31. Vermeulen H. F. *Early History of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment: Anthropological Discourse in Europe and Asia, 1710-1808 / Proefschrift Universiteit Leiden.* 2008. 411 p.

© «Клио», 2023

© Лапунов А.А., 2023

УДК: 94 (42)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_33

Дата поступления (Submitted) 04.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 13.07.2023

Образ британца-колонизатора в романах Луи Жаколио

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01269,
<https://rscf.ru/project/23-28-01269/>

ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА АНТОНОВА

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
отечественной и всеобщей истории
Псковский государственный университет
180000, Псков, площадь Ленина, д. 2.
e-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется отражение темы колониального соперничества Британии и Франции на страницах приключенческих романов Луи Жаколио. Рассмотрены основные вехи биографии Л. Жаколио, бывшего колониальным чиновником во французских владениях в Индии, а затем публицистом, лектором, автором художественных произведений. На основе сочинений Л. Жаколио выявлены стереотипные представления французов об особенностях британского колониального господства, отношении англичан к подвластным народам, типичном характере и личных качествах самого британца-колонизатора. Сделан вывод о том, что романы Л. Жаколио являются ярким примером колониальной литературы второй половины XIX в., служившей одним из инструментов имперской пропаганды. Целью автора было влияние на общественное мнение, формирование негативного восприятия британцев как главных соперников Франции в процессе территориальной экспансии, противопоставление отрицательных персонажей-англичан и положительных, героических образов французов.

Ключевые слова: Луи Жаколио, «образ другого», колониализм, Британская империя, Французская империя, колониальная литература, имперская пропаганда

The image of the British colonizer in the novels of Louis Jacolliot

LIDIA VLADIMIROVNA ANTONOVA

Ph.D. in History, Associate Professor
of the Russian and World History Department
Pskov State University
180000, Pskov, Lenin Square, 2.
e-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the reflection of the theme of colonial rivalry between Britain and France in the adventure novels by Louis Jacolliot. The main facts of the biography of Louis Jacolliot are also considered. He was a colonial official in the French possessions in India, and then a publicist, lecturer, and author of the fiction books. Jacolliot's novels made it possible to reveal the stereotypical ideas of the French about the principles of British colonial rule, the attitude of the British towards subject peoples, the typical character and personal qualities of the British colonizer himself. It is concluded that L. Jacolliot's novels are a vivid example of colonial literature of the second half of the XIX th century. It served as one of the tools of imperial propaganda. The author's goal was to influence public opinion, to form a negative perception of the British as the main rivals of France in the process of territorial expansion, to contrast the negative characters of the British and the positive, heroic images of the French.

Keywords: Louis Jacolliot, «image of the other», colonialism, British Empire, French Empire, colonial literature, imperial propaganda

XIX столетие было периодом активной территориальной экспансии и ожесточённого колониального соперничества великих европейских держав в Азии, Африке, Океании. Инструментами имперской пропаганды становилась периодическая печать и публицистика [1, 2]. Колониальная те-

матика также стала чрезвычайно популярна в художественной литературе. Во многом именно благодаря ей у неискушённого европейского читателя создавался образ заморских владений и подвластных народов, иных цивилизаций [3]. Но, кроме того, в ней находила отражение тема конкуренции европейских метрополий за терри-

тории и особенности их колониальной политики. Поэтому данная литература может служить источником для изучения образа «другого» колонизатора – соперника в процессе раздела мира. Среди британских писателей этого жанра наиболее известны Р. Киплинг, Р. Хаггарт, Дж. Конрад, А. К. Дойл. Ярким его представителем во французской литературе являлся Луи Жаколио (1837–1890). Отечественными исследователями имя Жаколио обычно упоминается лишь вскользь в ряду второстепенных писателей приключенческого жанра, который сам по себе имеет репутацию развлекательного и несерьёзного [4]. Остановимся кратко на биографии писателя, поскольку на русском языке сведений о его жизни немного, и в них встречаются ошибки и неточности.

Луи Жаколио родился 31 октября 1837 г. в Шароле, Бургундия, в семье чиновника. В 1862 г. он получил диплом юриста в Парижской академии. В 1862–1865 гг. занимался адвокатской практикой в Сент-Этьене, департамент Луара. Коллеги оценивали его как талантливого молодого юриста, интересного собеседника, одарённого оратора. В то же время нравственные качества Жаколио ставились под сомнение – он открыто жил с любовницей, поступали жалобы на его непристойное поведение. В 1864 г. он подал прошение о поступлении на службу в колониальный магистрат. Он указал, что ему необходим тёплый климат из-за слабого здоровья, но одной из причин было желание вступить в неодобряемый родителями брак. В сентябре 1865 г. Жаколио был назначен заместителем судьи в Пондишери, и вскоре женился на Маргарите Фэй. Интересно, что на второй год пребывания в Индии он указал в анкете, что владеет санскритом. О его профессиональной деятельности в колониях известно крайне мало. Несмотря на критику за компрометирующий брак и долги, начальство ценило беспристрастность и твёрдость Жаколио в суде, и в 1867 г. его повысили до имперского судьи в Чандернагоре. Пробыв там всего четыре месяца, закончив написание своей первой работы «Библия в Индии», он вернулся во Францию для лечения, но уже весной 1869 г. отправился на Таити в той же должности. Таити был французским протектором, которым при формальном сохранении местной династии управлял губернатор. Через два с половиной месяца Жаколио отбыл во Францию с поручением защитить губернатора перед колониальным ведомством и императором от обвинений в своеволии и плохом управлении. Вскоре он написал памфлет «Правда о Таити», критическое содержание которого крайне не понравилось министерству. Его карьера в колониальном магистрате закончилась добровольной отставкой в 1870 г., но на Таити он ещё вернулся. Совместно с партнёрами Жаколио основал компанию, торговавшую винами и консервами. Успешным бизнес не стал, Жако-

лио конфликтовал с местной администрацией и другими купцами, что привело к искам по обвинению в клевете и финансовых спекуляциях. В 1872 г. он окончательно вернулся во Францию. Таким образом, в общей сложности Жаколио пробыл в колониях около четырёх лет. В 1873 г. он выступал с докладами на Международном конгрессе ориенталистов в Париже. Он также стал членом этнографического общества и начал читать публичные лекции, в основном, об Индии. В них Жаколио нещадно критиковал англичан. Так рассказывая о восстании сипаев, он восклицал: «Посмотрите! Почему Англия расстреливает, истребляет индийцев?... О, Англия, с её надменным девизом: мир принадлежит ей!» [5, р. 22]. В тот же период он увлекся спиритизмом, проводил у себя дома спиритические сеансы. В 1884 г. умерла Маргарита, а через два года Жаколио женился на Александре Гроссен, от брака с которой родилась дочь Сюзанна. В 1887 г. Жаколио поселился в Сен-Ибо-де-Винь, деревушке в департаменте Сены и Марны, был избран мэром и оставался на этом посту до своей смерти в 1890 г. [5; 6]. Более подробно о биографии Жаколио можно прочитать в эссе Д. Каракоста, опубликованном в журнале «Theosophical History» [5].

Надо сказать, что имя Жаколио часто упоминается в публикациях о спиритизме и теософии. Елена Блаватская называла его достойным исследователем индийской культуры и религии, комплементарные упоминания и ссылки на Жаколио неоднократно встречаются в её книге «Разоблачённая Изида». Блаватская утверждала, что «никакой путешественник не показал себя более честным в целом или более беспристрастным к Индии, чем Жаколио», хотя и отмечала, что необходимо разделять Жаколио-учёного и Жаколио-романиста [7].

Жаколио был необыкновенно плодовитым автором. За двадцать лет он написал более пятидесяти томов, в том числе приключенческие романы, травелоги, публицистические брошюры и сочинения, которые условно можно назвать научными. На первый взгляд, он демонстрировал обширнейшие знания о восточной литературе, философии, религиях, давал многочисленные переводы санскритских или тамильских текстов, заявляя, что перевёл их сам, в числе прочего назывались и «Законы Ману». Жаколио утверждал, что много путешествовал по свету, бывал в Африке, а в Индии провёл более десяти лет. Однако известные нам факты из биографии писателя говорят о том, что далеко не всему из этого можно верить [5; 6].

Уже современники критиковали Жаколио за то, что его сочинения полны выдумок и недостоверных сведений, преподнесённых как научные. В 1888 г. в «Журнале языкознания и сравнительной филологии» была помещена рецензия критического содержания на книгу доктора Поля Гибье о спиритизме. В частности, ему ставилось

вину, что он «...изучает работы малоизвестных востоковедов и фантастов, и особенно сочинения г-на Жаколио. Удивительно, что разглашательствам такого персонажа до сих пор доверяют. Несмотря на всё, что было сказано компетентными людьми, многие упорно верят, что г-н Жаколио прожил в Индии долгое время – двадцать лет, что он основательно выучил там тамильский и санскрит... Всё это неправда» [6, р. 76]. Далее излагалась биография Жаколио. Упоминалось, что в 1864 г. он принял участие в литературном конкурсе буриме, проводившемся под руководством А. Дюма, – факт, не способствовавший авторитету в академических кругах. Автор рецензии утверждал, что знания Жаколио об Индии представляются весьма поверхностными: он путает индийских божеств, помещает определённые касты в регионы, где их никогда не существовало, даёт браминам имена изгоев, на самом деле не знает тамильского языка. «О методах работы г-на Жаколио легко догадаться: большая уверенность в себе, мало сомнений, написанные кое-как заметки, сделанные индийцами посредственные переводы,... всё с примесью индуистских слов, написанных наугад и обогашенных фантазиями, созданными его богатым воображением. Это и есть фонд его произведений, которые пускают пыль в глаза изумленным наивным людям», – заключалось в статье [6, р. 79]. Подобного рода отклики на своё творчество Жаколио получал неоднократно. Он никогда не был по-настоящему принят в учёных кругах.

Как бы там ни было Жаколио безусловно обладал литературным талантом, пусть и несравнимым с талантом его соотечественников-современников Ж. Верна и А. Дюма. Он оставил после себя десятки романов, пользовавшихся популярностью не только у него на родине. Так в Российской империи в 1910 г. было издано восемнадцать томов его сочинений. А вот в вышедшем в 1930 г. томе «Литературной энциклопедии» Жаколио назван патриотом своей страны, идеологом её буржуазии, который недружелюбно относится к французским колонизаторам, не говоря уже об англичанах. Причиной этого называлось не принципиальное отрицание Жаколио европейских методов колонизации, а раздражение, вызванное успехами англичан, от которых сильно отставали французы. Также отмечалось, что в романах Жаколио психология героев примитивна, а научные сведения сильно устарели, поэтому «романы его – вредное чтение почти пинкертоновского типа... появление романов Ж. на советском книжном рынке является фактом отрицательного порядка» [8]. Закономерно, что с 1929 по 1989 гг. книги Жаколио почти не выходили в СССР. С 1990-х гг. его романы активно переиздаются в России.

Итак, научные сведения Жаколио не заслуживают большого доверия, но всё же он действи-

тельно был служащим французской колониальной администрации и поэтому его суждения об особенностях управления европейскими метрополиями своими подчиненными территориями представляют интерес. Мы обратимся именно к художественным произведениям Жаколио, так как широкая публика читала, прежде всего, романы.

Сюжетная сторона сочинений Жаколио типична, полна стереотипных ситуаций из приключенческой литературы XIX в. Например, герои романа «В дебрях Индии» (1888, в некоторых переводах – «В трещинах Индии») то и дело попадают в безвыходные ситуации и тут же блестяще из них выкручиваются, спасаясь то из ямы с ядовитыми змеями, то из пещеры с носорогом, то из английского плена. Действие происходит во время восстания сипаев, а главный герой – отважный французский авантюрист Сердар, движимый патриотизмом и ненавистью к врагам Франции, стремится восстановить её владычество в Индии и изгнать оттуда притеснителей-англичан. Читатель постоянно узнает новые подробности того, как тяжело живётся Индии: алчные британцы душат её несправедливостями, облагают бедных индусов податями, вытесняют хлопчатобумажное и шёлковое производство в угоду манчестерским и ливерпульским фабрикам, чрезмерной вывозкой риса провоцируют массовый голод и т.д. При этом автор утверждает, что воспоминания о французах таковы, что стоило им только дать знак, как индусы восстали против «красных мундиров», раджи дали слово стать во главе восстания, как только им пришлют трехцветное знамя и несколько французских офицеров, «...восемьдесят миллионов человек взялись бы за оружие с криком: “Да здравствует Франция!”» [9, с. 450]. По сюжету романа выходит так, что всё грандиозное восстание 1857–1859 гг. стало плодом хитроумного заговора, подготовленного Сердаром, совместно с туземным князем Нана Сахибом. Со всей очевидностью их замысел терпит неудачу, и мы читаем о последствиях: «...англичане наводнили кровью всю Индию, избивая стариков, женщин и детей..., чтобы раз и навсегда отбить у индусов охоту стремиться к восстановлению своей независимости... Каким ужасным зверем может сделаться англосаксонец, когда он боится что-нибудь потерять, – а он боялся на этот раз потерять Индию!» [9, с. 385].

Индии и Цейлону посвящён роман «Путешествие в страну слонов» (1876). Набор обвинений, выдвигаемых английским колонизаторам, примерно повторяется в каждом произведении Жаколио на индийскую тематику. «Французские индусы живут и любят нас. Английские индусы умирают с голоду и ненавидят своих притеснителей» [10], – резюмирует Жаколио свои рассуждения о колониальной Индии. Интересно, что в этом романе, говоря о грубости, алчности и

эгоизме англичан, он ставит в один ряд с ними и немцев, приписывая им те же отрицательные качества. Здесь же очень ярко звучит противопоставление соперников французам, последние превосходят англичан буквально во всём. К примеру, Жаколио детально описывает якобы существовавшую в Индии практику выдачи французских товаров за английские. Он рассказывает, как отборные французские товары по привозу в Индию снабжают этикетками лондонских, бирмингемских, манчестерских производителей. Срезанные же французские знаки потом помещают на бракованную шёлковую материю и расплзающиеся некачественные ленты с какой-нибудь английской фабрики. Даже лучшие бордосские, шампанские и бургундские вина в Индии продаются под видом английских [10].

Вторая половина 1870-х гг., когда было написано «Путешествие в страну слонов», это начало обострения военно-политического соперничества великих держав в Европе и в колониях. Жаколио рассуждает о состоянии и перспективах англо-французских отношений. Он говорит, что в политике Англия также беспринципна и нечистоплотна, как и в коммерции, в её планы входит «периодическое унижение Франции» [10]. Постоянная политическая задача Англии состоит в том, чтобы ослаблять влияние Франции на континенте и уничтожать её колониальное процветание в других частях света. Признавая очевидный успех англичан в колониальном соперничестве, Жаколио приписывает его исключительно британской ненависти, коварству, обманам. В заключении он делает вывод, что никакой союз между Англией и Францией невозможен, а потенциальными союзниками своей страны называет Россию и Америку. Первую потому, что она шаг за шагом приближается к Индии, а вторую – так как она уже имеет громадный торговый флот [10].

События романа «Пожиратели огня» (1887) разворачиваются в Австралии. Жаколио не упускает случая высказать своё мнение о колониальной политике англичан в этой части света. Ни в одном человеческом обществе, по его словам, нет столько дурных элементов, столько зла, вражды и коварства как на австралийском континенте и всё потому, что англичане заполнили его поселениями каторжников. Устами своих героев Жаколио обвиняет англичан в том, что они всячески препятствуют политическому росту и развитию этой страны, поскольку боятся, что стань колония слишком крупной и самостоятельной, она отделится подобно Североамериканским штатам. Англия отказывает в субсидиях переселяющимся в колонии, продаёт земли только доступными для богатых большими участками, продолжает ссылать на континент «отбросы городского населения», которые отбыв срок наказания, сразу пополняют число грабителей и разбойников [9, с. 790].

В «Пожирателях огня» Жаколио создан колоритный образ англичанина. Один из главных персонажей – натуралист и миссионер Джон Джильпинг. Он совсем не похож на англичан, беспощадно расправляющихся с сипаями, но тоже не льстит британскому самолюбию. Джильпинг неуклюжий, тучный, наивный, но, в целом, положительный герой. Однако по ходу повествования он, а вместе с ним и вся английская нация то и дело удостаивается нелюбимых характеристик: «не смотрите, что он любит выпить. Все англичане более или менее таковы»; «ужасные эгоисты эти англичане...Они воображают, что весь мир создан только для них» [9, с. 831, 829]. Этот образ разительно контрастирует с сильными, решительными, благородными героями британских писателей, но даже Жаколио готов признать наличие у англичан положительных черт – они никогда никого по-пустому не называют другом, а их честному слову вполне можно верить. Но лишь дав англичанину одну-две положительные характеристики, французский автор, тут же обрушивает на них красноречивую критику: «...эти лицемеры, мистики и пьяницы при случае проявляют примеры истинного героизма и мужества, побудительные причины которого всегда чисто национальные – английские, а не общечеловеческие» [9, с. 835].

Тексты романов Жаколио насыщены подобными пассажами относительно английского характера, а также отвлечёнными от сюжета пространными рассуждениями о порочности британской колониальной системы и способности Англии на любое предательство в международных отношениях. Жаколио обозначает Англию очень изобретательными и едкими метафорами: громадная пивка, которая протянула над миром ненасытные щупальца и сосёт кровь [11]; полип, простирающий вооружённые присосками щупальца по всей поверхности земного шара [9, с. 807]; британский спрут [9, с. 862] и др.

Жаколио даже приводит свою классификацию английских способов колонизации: в таких странах как Индия, где белые из-за климата не могут сами обрабатывать землю, они поощряют увеличение туземного населения и нещадно его эксплуатируют; в таких странах как Австралия, где белые могут самостоятельно преуспевать, они без сожалений истребляют туземцев. Можно сказать, что отчасти это описание пересекается с традиционным выделением в структуре британских имперских владений туземных и белых переселенческих колоний [12; 13]. Особенность повествования Жаколио в том, что он всячески стремится убедить читателя в достоверности своих сведений. Например, заявляет, что ниже будут перечислены официально установленные факты и приводит в форме пронумерованных пунктов примеры жестокости англичан. Так якобы богатые колонисты убивают австралийских туземцев для того, чтобы кормить их мясом сво-

их собак [9, с. 1062].

В романе «Факиры-очарователи» (1881) находим следующие оригинальные размышления о политической системе Англии и колоний. Жаколио напоминает, что английская нация делится на две всем известные партии – либералы и консерваторы. По его словам, одновременно существует также разделение на две другие оппозиционные группировки, которых он называет «святыми» и «политиками», и именно они оказывают огромное влияние на колонии. Когда больше власти у «святых», то они стремятся обратить индусов в христианство, раздают в громадном количестве Библии, заполняют Индию целой армией проповедников. Однако религиозные преследования приводят к таким беспорядкам, что на смену «святым» рано или поздно приходят «политики». Их цель – укрепить могущество Англии любыми средствами. В Индии они сразу начинают «ружьями, пушками, конфискацией, отчуждением присоединять и покорять ещё свободные провинции» [11]. Заметим, что Жаколио был невысокого мнения и о работе чиновников Французской империи. Колониальный комиссариат он называл «убежищем бездарностей метрополии», куда спроваживают недоучек, занятых исключительно личным обогащением [14]. Вероятно, это впечатление он составил за время собственной службы в колониях.

Одна из интересных тем, затронутых Жаколио в «Пожирателях огня» – миссионерство. И в других романах встречаются упоминания о том, что миссионерство – мощное средство, которое Англия применяет для расширения своих колоний, а Лондонское евангелическое общество мастерски использует разные методы для распространения своей пропаганды. Миссионерские суда совершают плаванья, например, по островам Полинезии. Члены общества высаживаются на берег, заходят в первое поселение туземцев, и, пока один из них «тиранит какую-нибудь шарманку», другие раздают аборигенам Библии и брошюры. В изложении Жаколио ничего благого в намерениях проповедников нет. Это своего рода первый этап колонизации той или иной территории. Строится храм, а затем вокруг него возникают десятки торговых контор и складов, и так «вся внутренняя и внешняя торговля данного острова монополизируется в руках Джона Буля» [9, с. 807].

В произведениях Жаколио не много женских персонажей, что типично для приключенческого жанра этого периода. Но в одном из эпизодов «Факиров-очарователей» главный герой неожиданно встречает англичанку в гареме индийского раджи. Её внешность описывается так: «Она была красива той английской красотой, которая с молочного белизною кожи и золотистыми волосами соединяет скверные зубы, большие ноги и плоскую грудь, а с ними и немного наглый и немного мечтательный вид золотушных женщин

туманного Альбиона» [11]. Позже оказывается, что эта леди прибыла в Индию, чтобы выйти замуж за миссионера, а в итоге стала фавориткой раджи. Самолюбию индуса льстило, что в гареме есть англичанка, а та тянула из него деньги, отправляла их в английский банк и планировала через несколько лет сбежать на родину, чтобы жить там безбедной и свободной. Эта совершенно неправдоподобная история позволила Жаколио создать образ англичанки – некрасивой и корыстной женщины, прикрывавшейся миссионерскими идеями. Действие «Факиров-очарователей» происходит после восстания сипаев, а сама книга была написана за восемь лет до романа «В дебрях Индии». Автор, отвлекаясь от основного повествования, много рассказывает о восстании. Оценки действий англичан, в целом, такие же, но здесь нет ещё авантюрной истории о французских кознях. Напротив, события излагаются Жаколио близко к исторической действительности. В частности, в качестве одной из основных причин восстания называется аннексия княжества Ауд, как и было на самом деле [11].

Роман «Затерянные в океане» (1893) рассказывает о приключениях двух французов Лонджале и Гроляра. Потерпев кораблекрушение, они оказываются на неизвестном острове в районе Зондского архипелага, который населяет вымышленное племя мокиссов. Герои помогают туземцам победить в сражении вражеское племя, и те в благодарность предлагают одному из «бледнолицых» занять трон только что умершего короля, а другой становится первым министром. Приятели совместно управляют мокиссами и надеются сделать их цивилизованным народом. Для начала решено всех одеть в штаны – первый признак цивилизации. Дальше планы французов ширятся – они мечтают о сооружении флота, открытии портов, поездке в Европу за орудиями, машинами и рабочими, а потом и о расширении территории нового государства и введении у мокиссов представительного правления. Не углубляясь в детали сюжета, процитируем Жаколио: «...может, им и удалось бы осуществить хоть часть этих планов, если бы коварный Альбион не встал им поперек дороги, если бы он не раздавил в зародыше нарождавшуюся цивилизацию и не уничтожил четырёхста пар штанов, заготовленных стараниями Ланжале, снова на многие годы ввергнув народ мокиссов в невежество, дикость и каннибализм... Впрочем, Англия только этим и занимается» [15]. Роман написан в достаточно ироничной манере, но, тем не менее, являет собой выразительную метафору представлений Жаколио об отличиях в целях и методах колонизации двух держав, ведь «между французами и англичанами – огромная разница» [15], – не устаёт подчёркивать он. Типичный, прежде всего, для британской имперской идеологии и колониальной литературы мо-

тив цивилизаторской миссии и «бремени белого человека» у Жаколио однозначно приписывается колонизатору-французу.

Тема цивилизаторства звучит и в других романах. Так в «Путешествии в страну слонов» Жаколио называет утверждения о прогрессивном влиянии англичан в Индии выдумками англоманов и спрашивает, почему Англия ничего не сделала для сорока миллионов париев – бесправной группы населения, одной из неприкасаемых каст [10]. Их положение, по-видимому, сильно занимало Жаколио, так как он посвятил этой проблеме также одно из своих публицистических произведений – «Парии человечества». Понимая, что это исторически сложившаяся данность, он, безусловно, осуждал факт существования подобных социальных групп в Индии. Включение париев в цивилизованное общество, по его мнению, осуществить крайне сложно из-за закоренелых предрассудков индусов, но французы не проявили бы к ним такого бесчеловечного равнодушия как англичане [16].

Трилогия «Берег чёрного дерева», «Берег слоновой кости», «Песчаный город» изображает чёрный континент накануне «схватки за Африку», развернувшейся в последние два десятилетия XIX – начале XX вв. Одна из центральных тем африканского цикла Жаколио – работорговля. В романе «Берег чёрного дерева» (1876, в других изданиях – «Чёрный берег») рассказывается история торгового дома Ронтонаков, основатель которого в первой половине XVII в. разбогател на торговле «чёрным деревом» – эвфемизм для обозначения живого товара. С тех пор семья продолжала этот бизнес. Когда же официально это было запрещено, контрабанду рабов стали прикрывать торговлей сахаром, кофе, тропическим деревом. Жаколио яростно осуждает практику работорговли, причём в традиционных, отвлечённых от сюжета исторических справках в равной степени достаётся всем вовлечённым в неё странам. На фигурирующем в романе работорговом судне «Оса» интернациональная команда – американцы, англичане, немцы, греки, итальянцы, датчане, а капитан – луизианец французского происхождения, от которого «в нём остались только быстрая сообразительность и некоторое щегольство в наружности и обращении» [14]. Жаколио утверждает, что Франция объединила усилия с Англией в борьбе с рабством. Но мы знаем, что на деле ситуация была не такой, какой её хотел представить французский автор. Рабство во Франции было впервые отменено в 1794 г., но восстановлено Наполеоном. В XIX в. борьба с рабством и работорговлей вызывала боязнь оказаться на поводу у Англии, а аболиционистское движение навевало французскому правительству воспоминания о революции. Если в Британии акт о запрете торговли рабами был принят в 1807 г., а полностью рабство в империи запрещено в 1833 г., то во

Франции это произошло только в 1848 г. Незаконная работорговля, однако, продолжалась повсеместно [17, с. 121–220]. Жаколио невысокого мнения об искренности англичан в стремлении пресечь торговлю неграми. Персонаж «Берега чёрного дерева» англичанин Голловей служил на работорговом судне, «а как джентльмен был членом всех человеколюбивых обществ – негрофильских, библейских, евангельских, покровительства животных и других, громоздящихся в свободной и торжествующей Англии» [14]. Жаколио также не упускает случая напомнить читателю, что Англия с одной стороны борется с торговлей неграми, а в то же время навязывает китайцам одуряющий их опиум.

В каждом своём произведении Жаколио обвиняет британцев в жестокости и пренебрежительном отношении к представителям других народов. При этом по отдельным его замечаниям мы понимаем, что сам автор также не был полностью свободен от типичных для европейцев XIX в. расовых предрассудков. Он не стесняется называть туземцев дикарями, приписывать африканцам и азиатам разные пороки и примитивность мышления. Например, экипаж корабля «Диана» из романа «В дебрях Индии» представляет собой «сбор пиратов и самых отчаянных мошенников, взятых с берегов Аравии: здесь были арабы, негры из Массуа, малайцы с острова Явы, два или три малабарца и один китаец, настоящие висельники...» [9, с. 452]. Африканских негров Жаколио закономерно считает глубоко отсталыми и нуждающимися в цивилизующем влиянии европейцев. Он глубоко сочувствует им в контексте проблемы работорговли и говорит, что «коренное население трудолюбиво, терпеливо, смыслено и обнаруживает большую способность к механическим работам», – характеристика добродушная, но в то же время и уничижительная [14]. Говоря об истреблении туземцев на зелёном континенте, Жаколио укоряет англичан в распространении ложных свидетельств об их почти животной дикости, в то время как позже стало известно, что население Тасмании и Австралии имело очень самобытную культуру, и вполне способно было усвоить европейскую цивилизацию [9, с. 948].

Как же сами британцы относились к произведениям Жаколио? В романе «Факиры-очарователи» Жаколио утверждает, что как только выходит его новая книга, английские журналы обрушивают на него ядовитую критику, заявляя, что все сочинения Жаколио – это «лишь пьяные бредни». Но его это не остановит, и он продолжит указывать на «воровство, насилия, постыдные убийства, которыми грязнит себя уже около двух столетий эта нация» [11]. Работы Жаколио, посвящённые Индии и спиритизму, переводились на английский и, по-видимому, привлекали большой интерес, прежде всего со стороны спиритистов. Например, в 1870 г. в Лондоне была

издана книга «Библия в Индии» [18], в 1884 г. в Нью-Йорке «Оккультные науки в Индии» [19]. А вот его романы, по-видимому, не выходили в Англии. Нам не удалось найти в печати упомянутых им отрицательных рецензий, и вообще сколько-нибудь содержательных откликов на его творчество. В одной заметке «The Examiner» за 1879 г. пересказывалась глава недавнего романа Жаколио «В стране слонов», при этом замечалось, что «некоторые рассказанные месье Жаколио вещи слишком удивительны, чтобы быть правдой, хотя у него репутация правдивого писателя» [20].

Романы Луи Жаколио – это типичный пример произведений XIX в. на колониальную тематику. С литературно-художественной точки зрения, на наш взгляд, они не выдерживают сравнения с лучшими образцами приключенческого жанра того периода. О научной составляющей уже было подробно сказано выше. Реконструкция хронологии жизненного пути, даже некоторые характеристики личности Жаколио со стороны современников дают серьёзные основания сомневаться во многих утверждениях относительно его личного опыта. Если говорить только о романах, то специфика жанра извиняет любые фантазии, только нужно понимать, что мало знакомые с историей, географией и текущей жизнью колоний обыватели могли принять за правду многое из того, в чём современный читатель сразу увидит выдумку. Тем не менее, в основу произведений Жаколио хотя бы отчасти легли впечатления от службы в колониальном аппарате. Движимый неподдельным интересом, Жаколио наверняка продолжал быть глубоко погружённым в жизнь колоний человеком и

будучи уже во Франции. Что касается темы имперского противостояния, то здесь более ценны не личные впечатления или описания исторических фактов, а эмоциональные оценки и образы колонизатора-соперника. В своём стремлении создать образ жестокого, жадного британца и благородного, милосердного француза Жаколио часто доходит почти до гротеска. Некоторые герои и ситуации в его романах, например, прославляющие Францию в бою с англичанами сипаи, выглядят карикатурно. В яростной англофобии Жаколио можно увидеть ревность к тому, что Англия вообще более успешна в своей колониальной политике, а смириться с потерей Индии французу Жаколио было особенно непросто. Он кажется искренним в своём сочувствии неграм-рабам и народам, пережившим кровавые войны с колонизаторами или поднимавшим против них неудавшиеся восстания. При этом очевидно, что Жаколио мечтает не о свободе и независимости Индии, а о возвращении её под французский контроль. Система британского колониального управления показана им как жёсткая бесчеловечная машина эксплуатации подвластных народов и выкачки ресурсов, хотя мы понимаем, что в данный период отношения всех метрополий с зависимыми территориями строились на сходных принципах. Таким образом, по романам Луи Жаколио мы не можем составить подлинного представления о колониальном соперничестве на уровне правительств, торговых компаний, миссионеров или учёных идеологов имперской пропаганды, но можем понять, как формировалось мировоззрение простого обывателя, какой образ британца-колонизатора закреплялся в сознании французского читателя.

Литература и источники

1. Дронова Н. В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды в Великобритании в 70-е годы XIX века // Новая и новейшая история: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 151–169.
2. Лоцманова Г. И. Из истории формирования колониальной идеологии английского империализма // Вопросы истории. 1963 № 2 С. 102–111.
3. Креленко Н. С., Парфёнов И. Д. Строительство Британской империи и образ представителя «чужой» культуры в английской литературе XVII – XX веков // Новая и новейшая история: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004 Вып. 21 С. 132–151.
4. Булычева В. П. Приключенческая литература: проблемы поэтики // Апробация. 2013. № 5 (8). С. 126–129.
5. Caracostea D. Louis-François Jacolliot (1837–1890). A Biographical Essay // Theosophical History. 2003. Vol. IX. № 1. P. 12–39.
6. Vinson J. Le Spiritisme (Fakirisme occidental), par le docteur Paule Gibier // Revue de linguistique et de philologie compare. 1888. Vol. 21. P. 75–87.
7. Блаватская Е. Разоблачённая Изида. Т. 1. [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/blavatskaya_elena/razoblachennaya_izida_tom_1.html#0 (дата обращения: 10.07.2023).
8. Жаколио Луи // Литературная энциклопедия. Т. 4. 1930. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le4/le4-1051.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 10.07.2023).
9. Жаколио Л. Грабители морей. В трущобах Индии. Пожиратели огня. М.: Альфа-книга, 2018. 1261 с.
10. Жаколио Л. Страна слонов. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/z/zhakolio_1/text_1876_voyage_aupays_des_elephants-olderforo.shtml (дата обращения: 10.07.2023).
11. Жаколио Л. Факиры-очарователи. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/z/zhakolio_1/text_1881_fakiry-ocharovateli.shtml (дата обращения: 10.07.2023).
12. Грудзинский В. В. Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 219 с.
13. Антонова Л. В. О применимости термина «колония» к Британской Индии // Метаморфозы истории. 2018. Вып. 12. 2018. С. 163–177.
14. Жаколио Л. Берег чёрного дерева. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/z/zhakolio_1/text_1876_bereg_chernogo_dereva.shtml (дата обращения: 10.07.2023).
15. Жаколио Л. Затерянные в океане. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/z/zhakolio_1/text_1893_zateriannye_v_okeane.shtml (дата обращения: 10.07.2023).
16. Жаколио Л. Парии человечества. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/z/zhakolio_1/text_1876_parii_

chelovechestva.shtml (дата обращения: 10.07.2023).

17. Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М.: Наука, 1992. 293 с.
18. Jacolliot L. Bible in India. Hindoo origin of Hebrew and Christian revelations. L.: John Camden Hotten, 1870. 323 p.
19. Jacolliot L. Occult science in India. Among the ancients, with the account of their mystic initiations, and the history of spiritism. N.Y.: John W. Lovell Company, 1884. 275 p.
20. The Examiner. 1879. August 9. P. 2.

References

1. Dronova N. V. *Tradicii imperskogo myshlenija i novicii imperskoj propagandy v Velikobritanii v 70-e gody XIX veka* [Traditions of imperial thinking and innovations of imperial propaganda in Great Britain in the 70s of the XIX century]. *Novaja i novejšaja istorija: Mezhevuz. sb. nauch. tr.* [Modern and Contemporary History: Interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, 2004. Vol. 21. P. 151–169.
2. Locmanova G. I. *Iz istorii formirovanija kolonial'noj ideologii anglijskogo imperializma* [From the history of the formation of the colonial ideology of British imperialism]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1963. No. 2. P. 102–111.
3. Krenenko N. S., Parfjonov I. D. *Stroitel'stvo Britanskoj imperii i obraz predstavitelja «chuzhoj» kul'tury v anglijskoj literature XVII – XX vekov* [The construction of the British Empire and the image of a representative of an «alien» culture in English literature of the 17th - 20th centuries]. *Novaja i novejšaja istorija: Mezhevuz. sb. nauch. tr.* [Modern and Contemporary History: Interuniversity collection of scientific papers] Saratov, 2004. Vol. 21. P. 132–151.
4. Bulycheva V. P. *Prikljuchenseskaja literatura: problemy pojetiki* [Adventure literature: problems of poetics]. *Aprobacija* [Approbation]. 2013. No. 5 (8). P. 126–129.
5. Caracostea D. Louis-François Jacolliot (1837–1890). A Biographical Essay // *Theosophical History*. 2003. Vol. IX. № 1. P. 12–39.
6. Vinson J. Le Spiritisme (Fakirisme occidental), par le docteur Paule Gibier // *Revue de linguistique et de philologie compare*. 1888. Vol. 21. P. 75–87.
7. Blavatskaja E. *Razoblachjonnaja Izida* [Isis Unveiled]. Vol. 1. Available at: https://royallib.com/read/blavatskaya_elena/razoblachennaya_izida_tom_1.html#0 (accessed: 10.07.2023).
8. Zhakolio Lui // *Literaturnaja jenciklopedija* [Literary Encyclopedia]. Vol. 4. 1930. Available at: <http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le4/le4-1051.htm?cmd=0&istext=1> (accessed: 10.07.2023).
9. Zhakolio L. *Grabiteli morej. V trushhobah Indii. Pozhirateli ognja* [Robbers of the seas. In the wilds of India. The fire eaters]. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2018. 1261 p.
10. Zhakolio L. *Strana slonov* [The land of the elephants]. Available at: http://az.lib.ru/z/zhakolio_l/text_1876_voyage_au_pays_des_elephants-oldorfo.shtml (accessed: 10.07.2023).
11. Zhakolio L. *Fakiry-ocharovateli* [Fakirs-enchanters]. Available at: http://az.lib.ru/z/zhakolio_l/text_1881_fakiry-ocharovateli.shtml (accessed: 10.07.2023).
12. Grudzinskij V. V. *Velikobritanija i ee imperija v seredine XIX veka: liberalizm i problema modernizacii* [Great Britain and its Empire in the middle of the 19th century: liberalism and the problem of modernization]. Cheljabinsk: Jenciklopedija Publ., 2015. 219 p.
13. Antonova L. V. *O primenimosti termina «kolonija» k Britanskoj Indii* [On the applicability of the term «colony» to British India]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphosis of History]. 2018. Vol. 12. 2018. P. 163–177.
14. Zhakolio L. *Bereg chjornogo dereva* [The coast of the black tree]. Available at: http://az.lib.ru/z/zhakolio_l/text_1876_bereg_chernogo_dereva.shtml (accessed: 10.07.2023).
15. Zhakolio L. *Zaterjannye v okeane* [Lost upon the ocean]. Available at: http://az.lib.ru/z/zhakolio_l/text_1893_zaterjannye_v_okeane.shtml (accessed: 10.07.2023).
16. Zhakolio L. *Parii chelovechestva* [Pariahs of humanity]. Available at: http://az.lib.ru/z/zhakolio_l/text_1876_parii_chelovechestva.shtml (accessed: 10.07.2023).
17. Abramova S. Ju. *Afrika: chetyre stoletija rabotorgovli* [Africa: four centuries of the slave trade]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 293 p.
18. Jacolliot L. Bible in India. Hindoo origin of Hebrew and Christian revelations. L.: John Camden Hotten, 1870. 323 p.
19. Jacolliot L. Occult science in India. Among the ancients, with the account of their mystic initiations, and the history of spiritism. N.Y.: John W. Lovell Company, 1884. 275 p.
20. The Examiner. 1879. August 9. P. 2.

© «Клио», 2023

© Антонова Л.В., 2023

УДК 93/94 (410+470)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_41

Дата поступления (Submitted) 23.06.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 11.07.2023

Военные реформы Ричарда Холдейна в 1906 – 1912 годах по донесениям российских военных агентов в Лондоне

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ АРБЕКОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник,

Тульский государственный музей оружия.

300002, г. Тула, ул. Октябрьская, 2,

e-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению реформ британской армии, проводившихся Военным министром Ричардом Холдейном в 1906 – 1912 гг., на основе донесений российских военных агентов в Лондоне. Актуальность исследования обусловлена продолжающейся научной дискуссией в среде англоязычных историков относительно результатов военных преобразований, осуществленных в Великобритании в обозначенный исторический период, и их влияния на ход Первой Мировой войны. Основными источниками в освещении данного вопроса послужили донесения и рапорты российских военных агентов в Лондоне, в обязанности которых входило пристальное изучение сухопутных вооруженных сил Великобритании. Аналитика компетентных российских военных представителей в сочетании с другими источниками и научными трудами отечественных и зарубежных историков позволяет с критической точки зрения изучать реорганизационные мероприятия Военного министерства Р. Холдейна. Из результатов настоящего исследования следует вывод, что российские военные агенты педантично и скрупулезно занимались освещением военных реформ британской армии в 1906 – 1912 гг., своевременно сообщая о всех мероприятиях Военного министра Р. Холдейна и в то же время выявляя как положительные, так и отрицательные стороны проводимых армейских преобразований.

Ключевые слова: Первая Мировая война, британская армия, Ричард Холдейн, Генеральный штаб, военная разведка, британо-германское соперничество, Британская империя, Российская империя, военные реформы, военные маневры

Military reforms of Richard Haldane in 1906-1912 according to reports of Russian military agents in London

ALEXANDER BORISOVICH ARBEKOV

Candidate of Historical Sciences, Researcher,

Tula State Museum of Weapons.

300002, Tula, st. October, 2,

e-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the reforms of the British army, carried out by the Secretary of the State for War Richard Haldane in 1906-1912, based on the reports of Russian military agents in London. The relevance of the study is due to the ongoing scientific discussion among English-speaking researchers regarding the results of military transformations carried out in Great Britain during the designated historical period, and their influence on the course of the First World War. The main sources in covering this issue were the reports of Russian military agents in London, whose duties included a close study of the British military forces. The analysis by Russian military representatives in combination with other sources and scientific works of Russian and English-speaking researchers makes it possible to study the reorganization measures of R. Haldane's War Office from a critical point of view. The results of this study lead to the conclusion that Russian military agents meticulously and scrupulously covered the military reforms of the British army in 1906-1912. They reported about all the activities of the the Secretary of the State for War R. Haldane and at the same time revealed both positive and negative aspects of the ongoing army reforms.

Keywords: World War I, British Army, Richard Haldane, General Staff, military intelligence, British-German rivalry, British Empire, Russian Empire, military reforms, military maneuvers

Одним из спорных вопросов историографии Первой Мировой войны (ПМВ) является уровень готовности и соответствия британских экспедиционных сил (БЭС), созданных в результате реформ военного министра Ричарда Холдейна 1906 – 1912 гг., по отношению к возло-

женным на них задачам. Часть исследователей полагает, что военные преобразования, осуществленные Великобританией накануне ПМВ, не достигли своей цели. Например, британский историк Н. Фергюсон в своей работе «Горечь войны» указывал, что, «несмотря на опыт войны с бурами, выявивший недостатки английской армии, к 1914 году ни одна из партий не сделала почти ничего для их исправления» [6, с. 141–142]. Критической позиции также придерживаются авторы коллективной монографии «Британская армия и Первая Мировая война», изданной в 2017 г. в серии книг «Армии Великой войны» под эгидой Кембриджского университета. Исследователи пришли к выводу, что «реформы Холдейна, в результате которых были созданы Британские экспедиционные силы (БЭС) и Территориальная армия (ТА), проводились в рамках очень жесткой финансовой политики и в большинстве случаев просто служили для ребрендинга существующих вооруженных сил» [7, р. 415]. В свою очередь авторы «Оксфордской истории британской армии», наоборот, полагают, что БЭС в целом были «хорошо подготовлены к войне» [8, р. 210], однако делают важное уточнение о готовности британской армии именно к «подвижным условиям 1914 г.» [8, р. 212].

Для дополнительной аргументации в пользу одной из сторон данной научной дискуссии, на наш взгляд, следует обратиться к аналитике российских военных агентов, прикрепленных официально к российскому посольству в Лондоне. Вплоть до начала ПМВ, даже несмотря на соглашение от 31 августа 1907 г. о разграничении сфер влияния Петербурга и Лондона в Центральной и Восточной Азии, российское командование по-прежнему воспринимало Великобританию как одного из потенциальных соперников и разрабатывало соответствующие военные планы вплоть до 1914 г. [1, с. 350–387]. В связи с этим сведения, поступавшие с берегов Темзы в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), имели очень высокую ценность в контексте выяснения военных возможностей Соединенного Королевства на данном историческом этапе. При этом, как указывают отечественные ученые, интерес к Туманному Альбиону со стороны российских военных кругов был обусловлен его ролью «"глобального балансира" в отношении великих держав, которую играла Англия со времени наполеоновских войн» [4, с. 62].

В отечественной историографии деятельность военных агентов в Лондоне уже становилась объектом пристального научного исследования. В этом отношении следует назвать труды Е.Ю. Сергеева, А.А. Улуяна [4], Н.Н. Лисицыной [2], А.Р. Томилина [5] и О.Е. Алпеева [1, с. 355–356]. Однако в работах перечисленных авторов не затрагиваются подробно реформы Р. Холдейна и их освещение российскими военно-дипломатическими представителями. В связи эти нам

представляется необходимым заполнить образовавшуюся лакуну и рассмотреть преобразования британской армии в 1906 – 1912 гг. на основе донесений компетентных российских военных специалистов.

Реформы Р. Холдейна пришлось на период службы в Лондоне четырех российских «дипломатов в погонах» – генерал-майора Константина Ипполитовича Вогака (1905 – 1907) и генерал-майора (с 1909 г. – генерал-лейтенанта) Николая Сергеевича Ермолова (1907 – 1917) и двух их помощников капитана Петра Александровича Половцова, временно исполнявшего обязанности военного агента в Лондоне в 1906 г., и капитана Николая Лаврентьевича Голеевского. Они на регулярной основе обеспечивали пересылку сведений из Лондона в Петербург о всех мероприятиях британского Военного министерства, сопровождая их своей аналитикой и заключениями, имевшими зачастую прогностический характер. Информация, предоставляемая военными агентами, публиковалась в военно-статистических сборниках о вооруженных силах страны-аккредитации [10], а также в виде отдельных статей в «Сборнике Главного управления Генерального штаба» [14; 15; 16], издававшегося под грифом «не подлежит оглашению» ежемесячно с марта 1909 г.

Военно-дипломатическая служба в Великобритании во многом облегчалась широкой гласностью, которой предавалась правительственная деятельность, в том числе в области военного строительства. Поэтому российские военные агенты в Лондоне имели возможность легальным способом получать необходимую им информацию без надобности прибегать к шпионажу. В этой связи по донесениям российских военных представителей можно четко проследить предпосылки, ход и результаты армейских реформ Р. Холдейна.

В начале XX в. британская военная организация находилась в состоянии глубокого структурного кризиса. Это было обусловлено негативными последствиями второй англо-бурской войны, ход которой выявил системные недостатки британской сухопутной армии. По признанию министра по делам Индии Дж. Гамильтона, Военное министерство Великобритании «с административной точки зрения» на тот момент времени находилось «в худшем положении» даже в сравнении с предыдущими годами [17, ф. 41].

В условиях острого внешнеполитического противоборства практически со всеми великими державами правительству Великобритании становилось очевидным, что вооруженные силы страны не способны в полной мере обеспечить безопасность огромных имперских владений и самой метрополии от угроз извне. Генерал-майор Н.С. Ермолов в донесении от 3 марта 1909 г. указывал: «Одно морское могущество, для при видения к успешному исходу большой войны, не-

достаточно: морские силы должны действовать в связи с сухопутными военными силами» [13, л. 6]. По этой причине правящий юнионистский кабинет предпринял ряд дипломатических маневров и тем самым осуществил постепенный выход Великобритании из «блестящей изоляции» за счет союза с Японией от 30 января 1902 г., который 12 августа 1905 г. был пролонгирован на 10 лет, и благодаря достигнутому 8 апреля 1904 г. «сердечному согласию» с Францией, разрешившему прежние колониальные споры между Лондоном и Парижем.

В то же время поиск «места под солнцем» и увеличение военно-морского флота Германии с каждым новым спущенным на воду кораблем усиливал алармистские настроения в британском социуме. Об этом ярко свидетельствует донесение российского военного агента в Лондоне генерал-майора Н.С. Ермолова от 31 марта 1909 г., в котором сообщалось, что «здесь [в Великобритании] все более и более усиливается боязнь перед Германией. За последние недели здесь чуть ли не “паника” <...> по поводу военно-морского бюджета [Германии] на 1909 – 1910 год. Германия быстро догоняет Англию и в 1911 или 1912 [году] может числом дредноутов сравняться с Англией» [13, л. 48–48/об.].

На фоне обострения гонки военно-морских вооружений все чаще появлялись публицистические произведения, в которых представители британской интеллигенции ошеломляли своих читателей апокалиптическим видением обозримого будущего. Согласно донесению генерал-майора К.И. Вогака, весной 1906 г. газета «Дэйли Мейл» разразилась серией статей под заглавием «Вторжение 1910 года», где автор Уильям Ле Кё нарисовал, со слов российского военного агента в Лондоне, картину полной «беспомощности Англии» перед возможной высадкой германских войск на Британских островах [11, л. 243/об.].

Высокая степень напряженности сохранялась и во взаимоотношениях Лондона и Петербурга, являвшимися традиционным соперниками в Большой игре [3] и по Восточной вопросу [2]. Под влиянием интенсивного российского военного строительства в Центральной Азии на рубеже XIX – XX вв. произошла кардинальная переориентация британской военной стратегии на континентальный лад. По итогам деятельности ряда особых комитетов в 1901–1902 гг. высший британский генералитет планировал в случае войны с Россией войска в составе трех армейских корпусов, дислоцированных в метрополии, задействовать только для обороны Индии [18, f. 80 – 80v]. Данная точка зрения в британском Генеральном штабе оставалась неизменной даже во время неудачной для Петербурга русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Директор оперативного отдела Генерального штаба генерал-майор Джеймс Грирсон в записке от 29 сентября 1904

г. указывал, что «из Соединенного Королевства, с военной, а не с морской точки зрения, в случае войны с Россией в одиночку ничего нельзя предпринять, кроме как усилить индийский гарнизон» [20, f. 143–144].

Пессимистичный взгляд офицеров Генерального штаба Великобритании был обусловлен тяжелым состоянием сухопутной армии метрополии, которая в актуальных исторических реалиях была неспособна даже серьезно подкрепить имперский гарнизон в Индии. В докладе начальника российской военной разведки генерал-майора В.П. Целебровского от 24 ноября 1904 г. указывалось: «Что же касается европейских войск в пределах самой Англии, то в них наблюдается еще большой беспорядок и <...> в настоящее время войска эти еще в худшем состоянии нежели были до бурской войны» [11, л. 42]. В этой связи совершенно неудивительно, что директор оперативного отдела Генерального штаба Дж. Грирсон на фоне Русско-японской войны неизменно придерживался позиции, что британское правительство должно было «стремиться по возможности избежать» войны с Россией [20, f. 144].

Наиболее рьяно с осуждением военной политики правительства А. Бальфура выступал президент Лиги национальной службы фельдмаршал граф Фредерик Робертс, занимавший пост Верховного главнокомандующего британской армией вплоть до его упразднения в 1904 г. в связи с формированием Генерального штаба. Фельдмаршал Робертс считал, что вооруженные силы страны в актуальном их состоянии были не способны обеспечить защиту Британской империи перед вызовами времени. Поэтому он призывал перейти к всеобщей воинской повинности или ввести обязательные курсы для массового обучения гражданского населения навыкам обращения со стрелковым оружием [4, с. 72–73; 7, р. 10–11]. Эти инициативы встречали противодействие со стороны правящего кабинета. Комментируя общественную дискуссию, состоявшуюся на берегах Туманного Альбиона, генерал-майор К.И. Вогак 6 июля 1905 г. сообщал в Петербург, что «возможность введения всеобщей воинской повинности в Англии <...> обыкновенно отрицается, как мероприятие совершенно несогласное с духом нации» [11, л. 71/об.].

Здесь необходимо пояснить, что к началу XX в. сухопутные вооруженные силы Великобритании включали в себя два компонента – регулярную армию и вспомогательные войска, состоявшие из пешего и конного ополчения (милиция и йоменри) и волонтеров. Британская армия, в отличие ведущих континентальных армий, имела добровольную основу и выстраивалась по классической кадрово-резервной системе, при которой служба делилась на действующую и резервную. Регулярные войсковые части могли применяться как для обороны метрополии,

так и для боевых действий за пределами Соединенного Королевства, в то время как вспомогательные войска предназначались только для защиты Британских островов. Во многом это было обусловлено низким уровнем подготовки последней категории вооруженных сил, несоответствующей стандартам своей эпохи. В рапорте от 8 августа 1905 г. генерал-майор К.И. Вогак резонно указывал, что «милиция, равно как и корпус волонтеров, по неудовлетворительности их организации, по отсутствию тактической подготовки, по неумению стрелять и по разнородности офицерского состава, совершенно не могут рассчитывать на успех в действиях против войск континентальных государств» [11, л. 104/об.].

После второй Англо-бурской войны правительство А. Бальфура предприняло ряд разрозненных военных реформ, поскольку в течение короткого периода времени пост Военного министра занимали два человека – У. Бродрик (1900 – 1903) и Х. Арнольд-Форстер (1903 – 1905), которые имели совершенно отличающиеся взгляды на будущее устройство британской военной системы [8, р. 201–203]. Поэтому политика кабинета Бальфура в отношении армии, по справедливому замечанию генерал-майора К.И. Вогака, складывалась «из ряда разных попыток, опытов и импровизаций, совершенно несообразных ни с действительными средствами страны, ни с ее главными задачами» [11, л. 125/об.]. В конечном итоге ни один из проектов военных преобразований, предложенных У. Бродриком и Х. Арнольд-Форстером, за исключением отдельных мер, не получил практического воплощения, что вызвало серьезное общественное недовольство.

Обозревая развернувшуюся межпартийную борьбу, генерал-майор К.И. Вогак писал, что оппозиция «все больше и больше верит в свой успех на следующих выборах». При этом он справедливо полагал, что «надежда либералов вполне основательна, так как, по общему мнению, в Англии давно уже не было столь непопулярного правительства, как нынешнее» [11, л. 84/об.]. В то же время российский военный агент в Лондоне верно считывал актуальную внутривнутриполитическую ситуацию в Великобритании, на основании чего сделал прогноз о том, что кабинет Бальфура не продержится до конца срока своих официальных полномочий. Предположение генерал-майора К.И. Вогака полностью оправдалось.

4 декабря 1905 г. юнионистский кабинет А. Бальфура подал в отставку, и король Эдуард VII поручил лидеру либеральной партии сэру Генри Кемпбелл-Баннерману сформировать новое правительство. Комментируя раздачу министерских портфелей, генерал-майор К.И. Вогак обратил внимание на фигуры трех политических деятелей – Р. Холдейна, Дж. Морли и Э. Грея, которым предстояло возглавить Военное министерство, Министерство по делам Индии и Ми-

нистерство иностранных дел соответственно. Если Э. Грей, по мнению российского военного агента в Лондоне, уже имел репутацию «искусного и знающего дипломата», то «остальные два являются совершенными новичками в предстоящей им деятельности» [11, л. 144–144/об.]. Поэтому генерал-майор К.И. Вогак пристально наблюдал за последующими шагами нового Военного министра.

В связи с резкой критикой, обрушившейся на кабинет Бальфура по вопросу военных преобразований, перед либеральным правительством Кемпбелл-Банермана стояла чрезвычайно сложная задача. С одной стороны, было необходимо разработать программу реформ, которая обеспечила бы возможность наиболее эффективного применения вооруженных сил Великобритании в случае национальной угрозы, с другой – сохранить прежний принцип военной организации, построенной на добровольной воинской службе и делавшей основной упор на поддержание имперского могущества страны в различных частях света. В связи с этим, как сообщал генерал-майор К.И. Вогак, Р. Холдейн был намерен «вести реформы не спеша и с достаточной осмотрительностью» [11, л. 175/об.].

В рапорте от 20 марта 1906 г. российский военный агент доложил в Петербург о контурах предстоявших преобразований, которые Военный министр обозначил в серии парламентских речей. Из доклада генерал-майор К.И. Вогака следовало, что Р. Холдейн по своим взглядам на организацию национальной обороны принадлежал к числу сторонников школы «Синей воды», «считавшей, что острова Соединенного Королевства вполне обеспечены флотом от вторжения в сколько-нибудь значительных силах» [11, л. 239/об.]. В этой связи Великобритании требовалась «небольшая, но прекрасных качеств постоянная армия, для нанесения первых ударов», для которой в мирное время был бы обеспечен «достаточный запас людей, из которых, в случае необходимости, всегда можно будет сделать настоящих солдат» [11, л. 240]. Поэтому Р. Холдейн считал, что «центр тяжести военной организации Англии должен быть перенесен на так называемые вспомогательные войска (милиция, волонтеры)» [11, л. 191/об.].

Стоит отметить, что мысли, изложенные Военным министром, ранее уже находили отражение во взглядах ключевых фигур британской армии [8, р. 196]. Поэтому реформаторские замыслы Р. Холдейна в своей основе не предполагали радикальных преобразований уже сложившейся военной системы. В донесении от 20 марта 1906 г. генерал-майор К.И. Вогак сообщал с берегов Темзы, что парламентская речь Военного министра произвела «самое лучшее впечатление и вызвала восторженные отзывы в прессе, без различия партий» [11, л. 240/об.]. Однако российский военный агент отнесся кри-

тически к изложенным Холдейном тезисам. По мнению российского военного представителя, позиция нового Военного министра носила паллиативный характер и исключала возможность проведения «настоящих военных реформ, направленных к тому, чтобы сделать английскую армию хоть сколько-нибудь пригодной для ведения войны с каким-либо континентальным государством» [11, л. 241].

В донесении 25 июля 1906 г. капитан П.А. Половцов, временно исполнявший обязанности военного агента, представил более подробный доклад о программе реформ, которую обозначил Военный министр. Фактически будущие армейские преобразования сводились к двум главным целям: 1) созданию мобильных Экспедиционных сил, призванных защищать «пределы Британской империи, где бы этим пределам не угрожала опасность»; и 2) формированию на случай «большой войны, грозящей опасностью существованию интересам государства», армии второй линии из мужчин, «добровольно подготовивших себя в мирное время к военной службе» [11, л. 300–300/об.].

В первом случае Р. Холдейн предполагал, что БЭС будут состоять из 6 пехотных дивизий и 4 кавалерийских бригад (или 1 кавалерийской дивизии) с соответствующими вспомогательными и тыловыми частями общей численностью около 150 тыс. чел. Отказ от корпусной организации армии был продиктован заключениями комиссии лорда Эшера от 1904 г., которая рекомендовала осуществлять мобилизацию войск «только дивизиями или бригадами», поскольку ранее армейские корпуса «существовали не иначе, как на бумаге» [19, р. 10]. Аналогичные пожелания выражали и высокопоставленные офицеры, состоявшие в Совете Армии (Army Council). В июле 1904 г. директор оперативного отдела Генерального штаба Дж. Грирсон заявил, что дивизионная структура обеспечивала гораздо большую гибкость в сравнении с корпусной системой, поскольку «было невозможно предсказать будет ли <...> полевая армия задействована в Индии, Канаде, Южной Африке или где бы то ни было еще» [7, р. 174]. Поддержку этим взглядам оказывал генерал-квартирмейстер британской армии, будущий начальник Имперского Генерального штаба, сэр Уильям Николсон, который подобно Дж. Грирсону в марте 1906 г. высказался в пользу сохранения дивизии как высшей тактической единицы [7, р. 174]. Стоить указать, что российские военные агенты в своих донесениях особо выделяли генерала У. Николсона, отмечая, что ему «суждено <...> сыграть выдающуюся роль в предстоящих новому Военному министру реформах» [11, л. 176/об.]. Генерал-майор К.И. Вогак в одном из рапортов включил его в ряд «самых выдающихся генералов британской армии» [11, л. 175/об.] и называл «главным кандидатом на пост начальника Генерального штаба» в обозри-

мом будущем [11, л. 176]. По мнению российского военного агента, назначение У. Николсона на пост генерал-квартирмейстера в 1906 г. было неслучайным и диктовалось желанием Р. Холдейна «скорее получить возможность пользоваться его советами» [11, л. 176].

По замыслу Военного министра, только треть числа БЭС должны были составлять войска, находившиеся на действующей службе, еще 70 тыс. привлекались из резерва, и оставшиеся 30 тыс. комплектовались из вспомогательных войск [11, л. 301]. С целью увеличения численности резерва и уменьшения суммы ежегодного военного бюджета Р. Холдейн намеревался сократить действующую армию на 20 тыс. чел., в том числе за счет войск, дислоцированных в колониях. В данном вопросе он планировал восстановить принцип «баланса», утвержденный в 1872 г. Военным министром Э. Кардвеллом, по которому половина пехотных батальонов служила в имперских владениях Великобритании, а другая половина – в метрополии. Если на начало 1906 г. соотношение батальонов было 84 к 72, то к концу года эта цифра должна была составлять 77 к 71, а к 1911 г. и вовсе удалось полностью восстановить «баланс» между колониями и метрополией – 74 к 74 [11, л. 302–302/об.; 10, с. 19–20, 117]. Кроме того, Р. Холдейн собирался вернуть прежние сроки армейской службы в пехоте и кавалерии – 7 лет действующей и 5 лет резервной [11, л. 302–302/об. 10, с. 19–20].

Если формирование БЭС не подразумевало кардинальный передел сложившейся британской военной организации и во многом опиралось на теоретические наработки предшественников Р. Холдейна, то идея создания Территориальной армии (ТА) вместо разрозненных контингентов вспомогательных войск являлось наиболее значительной мерой Военного министра. В рапорте от 27 июня 1906 г. капитан П.А. Половцов указывал, что «сокращения регулярных сил не могут быть достигнуты, если не будут созданы надежные милиционные войска» [11, л. 288/об.].

По проекту Военного министра, с 1 апреля 1908 г. прежние компоненты вспомогательных войск претерпевали трансформацию: ополчение зачислялось в специальный резерв для полного укомплектования БЭС, а волонтеры и йоманри «сплавлялись» в единую ТА, имевшую фиксированную штатно-организационную структуру и подразделявшуюся на 14 пехотных дивизий, 14 кавалерийских бригад и 14 артиллерийских батарей общей численностью около 300 тыс. чел. В военное время ТА вместо регулярной армии должна была нести бремя по обороне метрополии, а также выступать резервом для пополнения убыли БЭС, для чего подразумевалось в случае мобилизации проведение интенсивного обучения территориалов продолжительностью в 6 месяцев [12, л. 23–23/об.; 10, с. 29–32].

Несмотря на общие положительные результаты данной реформы, российские военные агенты выделяли и существенные недостатки, которые последовали за созданием ТА. Вместе с сокращением прежних вспомогательных войск упразднению подвергся прежний закон об обязательном зачислении мужчин в ополчение в случае неприятельского вторжения. Как справедливо констатировал генерал-майор К.И. Вогак в рапорте от 19 марта 1907 г., «из рук Военного министерства будут, следовательно, изъяты единственные средства для пополнения рядов войск в случае недостатка охотников» [12, л. 26/об.]. При этом российские военные представители указывали, что зачисление бывших ополченцев в специальный резерв не достигло полностью своей цели, поскольку вместо положенных по штату 61,265 чел. к маю 1909 г. удалось привлечь 55,301 чел. [13, л. 72]. В то же время боевая подготовка данной категории военнослужащих оставалась на достаточно низком уровне. В частности, владение стрелковым оружием войсками специального резерва было охарактеризовано генерал-майором Н.С. Ермоловым как «ничтожное» [13, л. 72/об.]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в ТА, в которой на 1 марта 1911 г. 3/5 состава не прошли и первоначального курса обучения стрельбе [15, с. 11].

Серьезные трудности возникли и с вербовкой добровольцев в ТА. Согласно рапорту генерал-майора Н.С. Ермолова от 14 февраля 1909 г., к 1 января 1909 г. Военному министерству Великобритании удалось завербовать только 2/3 положенного штата ТА – вместо 312 тыс. чел. было зачислено всего 207 тыс. [13, л. 2]. Для срочного исправления ситуации в 1909 г. либеральное правительство издало указ об учреждении отдельного территориального резерва численностью в 100 тыс. чел., в который после 4-летней службы в ТА зачислялись добровольцы сроком от 1 года до 4 лет. Задачей территориального резерва при мобилизации являлось пополнение ТА по штатам военного времени [13, л. 131–131/об.]. Однако некомплект оставался хроническим и к марту 1911 г. составлял 40 тыс. чел. от положенного числа добровольцев [15, с. 10].

В ряд негативных последствий Военных реформ Р. Холдейна, российские военные агенты включали также общую слабость тактической организации британской армии. В связи с возвратом к прежней системе попарно «связанных» батальонов «полк в английской пехоте не представляет собой тактической единицы, но является подразделением административным и отчасти территориальным» [10, с. 19]. По этой причине крупные британские соединения – бригады и дивизии – как и во времена Крымской войны (1853 – 1856) на практике оставались плохо сплоченными боевыми формированиями.

Другой не менее важной мерой Военного министра Р. Холдейна стало создание в 1909 г. Им-

перского Генерального штаба, первым начальником которого был назначен сэр У. Николсон. Основная идея этой реформы заключалась в трансформации армии метрополии и британских колоний в общеимперские вооруженные силы, находившиеся под контролем единого организационного центра в Лондоне [14, с. 11–12]. На бумаге реформа Имперского Генерального штаба позволяла многократно увеличить военный потенциал Соединенного Королевства, поскольку численность войск Великобритании и ее имперских владений, включая Индию, Египет и переселенческие колонии, составляла, по оценкам российских военных специалистов на 1911 г., 1,336,054 чел. [10, с. 100]. Эта цифра в сравнении с совокупной малой численностью БЭС и ТА уже представляла собой настоящую величину, незначительно уступающую по потенциалу ведущим военным державам Европы того времени. Однако на практике «имперские вооруженные силы» не имели единообразной тактической организации, а в доминионах отсутствовали конкретные законоположения, предусматривавшие отправление местных войсковых частей «в состав общей имперской армии» [10, с. 195].

Результат реформ Р. Холдейна и, как следствие, степень готовности британской армии к войне определялась задачами, которые перед ней формулировались правительством. После ратификации «сердечного соглашения» с Францией Великобритания в период Танжерского кризиса 1905 – 1906 гг. выступила на стороне Третьей республики, что поспособствовало дальнейшему обострению отношений Лондона и Берлина. В этих обстоятельствах министры на Даунинг-стрит под влиянием аналитиков Генерального штаба стали искать соглашения с Петербургом для урегулирования прежних противоречий в Центральной Азии и на Дальнем Востоке [6, с. 102]. Начиная с 1910 г., британский Генеральный штаб проводит регулярные консультации с французским генералитетом на предмет союзных действий против Германии. Уже в разгар Агадирского кризиса 1911 г. российские военные представители в Лондоне общались о намерении британского командования направить БЭС для поддержки Франции в случае войны со Вторым рейхом [4, с. 347–350]. Однако степень готовности британской армии к осуществлению этих замыслов закономерно вызывала сомнения российских военных специалистов.

В частности, об этом свидетельствуют заметки, опубликованные в «Сборнике ГУГШ», о британских военных маневрах 1912 г., на которых официальным наблюдателем от России выступал генерал-лейтенант Н.С. Ермолов [16]. В сентябре 1912 г. в окрестностях Кембриджа были проведены последние масштабные предвоенные учения, которые в общих чертах демонстрирова-

ли уровень боеспособности британской армии. Высокое значение этих маневров подчеркивало присутствие на них в качестве зрителя короля Георга V, «при котором для разъяснения обстановки состоял начальник военной академии генерал Робертсон» [9, с. 225].

В маневрах под общим руководством начальника Имперского Генерального штаба Джона Френча были задействованы 4 полевых дивизии пехоты, 2 кавалерийские дивизии и 1 территориальная бригада общей численностью около 50 тыс. чел., разделенные примерно поровну на две армии – синюю под командованием генерала Дж. Грирсона и красную под командованием генерала Д. Хейга, который был охарактеризован Н.С. Ермоловым как «молодой и энергичный генерал» [16, с. 19]. Важно отметить, что по предвоенным мобилизационным планам именно обозначенным офицерам предстояло возглавить I и II корпуса БЭС [7, р. 210].

Красная армия Д. Хейга отыгрывала роль германского десанта, высадившегося на британском побережье с целью захвата Лондона. По этой причине красный командующий был заочно помещен в более благоприятные условия: в его распоряжении находились исключительно регулярные подразделения – 1-я и 2-я пехотные и одна кавалерийская дивизии, которые к началу маневров уже завершили свое сосредоточение. Синяя армия Дж. Грирсона, напротив, помимо наличия в составе территориальной бригады, была вынуждена по ходу действий осуществлять концентрацию своих сил, постепенно прибывавших из разных районов Англии к Ковентри и Бирмингему, где располагалась база обороняющейся стороны [16, с. 18–19].

Маневры начались 16 сентября, и первый день ознаменовался передвижением войсковых частей обеих сторон и проведением рекогносцировок на предмет расположения противника. 17 сентября пехотные дивизии Д. Хейга заняли линию Коулиндж – Хендон, а кавалерия, передвигавшаяся на правом фланге красной армии, получила задачу выдвинуться вперед через Ньюмаркет к Кембриджу с целью выяснения действий синей стороны [16, с. 27]. В это же время генерал Дж. Грирсон, ожидая наступление противника по шоссе Ньюмаркет – Сафрон-Уолден – Лондон, принял рискованное решение силами 3-й и 4-й пехотных и одной кавалерийской дивизий занять всю линию фронта протяженностью около 25 км от Сафрон-Уолдена до холмов к юго-востоку от Кембриджа, где на возвышенности Гог-Магог окопалась территориальная бригада. К 11.00 кавалерийская дивизия Д. Хейга попала под обстрел территориалов, в результате чего завязался продолжительный бой, в ходе которого красным, несмотря на частные успехи, так и не удалось занять высоту Гог-Магог. В итоге к концу второго дня маневров конница Хейга была отведена назад, а пехота осторожно пере-

двинута ближе к месту столкновения [16, с. 28]. При последующем разборе маневров командующий красной армией подвергся критике из-за того, что не воспользовался изолированным положением территориальной бригады и не нанес ей поражение 17 сентября, что неизбежно повлияло бы на дальнейший ход событий [9, с. 226].

На следующий день 18 сентября в окрестностях Хорсхита и Кэмпс-Грина произошел главный бой. Командующий красной армией генерал Д. Хейг отдал распоряжение 1-й и 2-й пехотным дивизиям, находившимся на рубеже Коулиндж – Хендон, начать наступление на позиции Вест Уикхем – Кэмпс-Грин. Из-за предшествующих опрометчивых действий генерала Дж. Грирсона между 3-й и 4-й пехотными дивизиями синей армии образовался довольно большой разрыв длиной в 9 км, в который к полудню вклинилась 2-я пехотная дивизия красных. В результате 4-я дивизия Грирсона в районе пруда Уигмор Понд около Кэмпс-Грина была атакована 2-й дивизией Хейга. Опасаясь изолированного разгрома своих частей, командующий синей армией отдал приказ территориальной бригаде покинуть высоты Гог-Магог в окрестностях Кембриджа и форсированным маршем направиться к Хорсхиту, чтобы восстановить связь между 3-й и 4-й дивизиями и тем самым предотвратить возможный прорыв красных [16, с. 30].

К счастью Грирсона, Хейг не воспользовался разобщенностью подразделений синих и очень быстро утратил инициативу. В значительной степени, по мнению российского военного наблюдателя, на это повлияло первоначальное решение командующего красной армией расположить кавалерию на правом фланге своего наступления, в связи с чем ее удар утром 18 сентября фактически пришелся в пустоту. При этом если бы генерал Хейг решил выдвинуть кавалерийскую дивизию впереди своей армии, то в решающий момент сражения 18 сентября красным мог сопутствовать успех [16, с. 27]. Однако только после полудня генерал Хейг начал спешно переводить конницу на левый фланг, чтобы поддержать действия 2-й пехотной дивизии, но к концу дня для нее уже вырисовывались тактические Канны. К 15.00 территориальная бригада успешно развернула боевые порядки в предместье Хорсхита прямо напротив позиций 1-й красной дивизии, предотвратив ее дальнейшее продвижение в образовавшийся разрыв. В это же время кавалерия синей армии при поддержке 4-й дивизии несколько раз со своего правого фланга успешно атаковала 2-ю дивизию красных, заняв к концу дня Кэмпс-Грин и захватив в плен одну вражескую роту [9, с. 225, 16, с. 30–31].

Таким образом, как констатировалось в «Сборнике ГУГШ», по итогам столкновения 18 сентября «синий отряд имел за собой тактическое преимущество, так как успел не только вполне сосредоточить свои силы, но и развил

довольно ясно вырисовывавшееся тактическое окружение противника» [16, с. 31]. По первоначальному замыслу военные маневры планировалось проводить до 19 сентября, но начальник Имперского Генерального штаба Дж. Френч отдал распоряжение прекратить дальнейшие действия. По мнению генерал-лейтенанта Н.С. Ермолова, это решение было продиктовано политическими соображениями, поскольку «было признано желательным дать общественному мнению впечатление, что победил обороняющийся, т.е. Англия» [16, с. 19].

Наряду с явными проблемами в управлении войсками в ходе осенних маневров 1912 г. с негативной стороны себя проявил и общий уровень тактической подготовки британской армии. Как указывали российские военные обозреватели, «сомкнутые части наступали под сильным огнем с нескольких сот метров; пехота на близкой дистанции перестреливалась с батареей гаубиц; синие части оказались в тылу красных, но и те и другие продолжали стрелять в разные стороны; все части перепутались; различные части имели фронт в самых различных направлениях; вообще бой производил впечатление отдельных стычек и ничем не напоминал действия на маневрах континентальных армий» [9, с. 226].

Резюмируя результаты военных реформ 1906 – 1912 гг., на наш взгляд, следует процитиро-

вать заметку, помещенную в «Сборнике ГУГШ» за декабрь 1911 г.: «Реорганизация, введенная Холдейном, является талантливой попыткой создать наилучшую армию при вербовочной и добровольной системе; неудовлетворительность результатов следует приписывать не ошибкам реорганизатора, а несостоятельности основного принципа, неспособного в условиях современной жизни нации, доставлять вооруженные силы, достаточные для обеспечения империи» [15, с. 14].

Таким образом, следует полагать, что, невзирая на положительные результаты отдельных мер Военного министра Р. Холдейна, а именно создание единого Имперского Генерального штаба, формирование единообразной ТА вместо разрозненных вспомогательных войск, увеличение численности резерва, все же реформы не достигли в полной мере поставленной цели. Как свидетельствуют донесения российских военных агентов, преобразования носили паллиативный характер, в связи с чем БЭС в изначальном задуманном виде оказались не готовыми к реалиям ПМВ. И уже после ее начала правительство Г. Асквита было вынуждено организовать масштабную пропагандистскую кампанию по привлечению добровольцев в ряды британской армии, а в 1916 г. и вовсе ввести всеобщую воинскую повинность.

Литература и источники

1. Алпеев О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885 – 1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX вв. Т. 26: Россия и война: междунар. науч. сб. в честь 75-летия Брюса Меннинга. М.: Модест Колеров, 2018. С. 320–387.
2. Лисицына Н.Н. Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX – начале XX века: взгляд на Восток // Клио. 2005. № 1 (28). С. 161–166.
3. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 454 с.
4. Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. 480 с.
5. Томилин А.Р. Русские военные агенты в Лондоне и методы их работы в 1875–1885 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 111–120.
6. Фергюсон Н. Горечь войны: новый взгляд на Первую мировую. М.: АСТ: Corpus, 2019. 635 с.
7. Beckett I., Bowman M., Connelly M. The British Army and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 482 p.
8. The Oxford History of the British Army / ed. by D.G. Chandler, I.F. Beckett. Oxford: Oxford University Press, 2003. 485 p.
9. Военный сборник. 1912. № 12.
10. Вооруженные силы Британской империи: (по данным к 1 января 1911 года) / Гл. упр. Ген. штаба. СПб.: Изд. Отдела Генерал-квартирмейстера, 1911. 211 с.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 970.
12. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 977.
13. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 988.
14. Сборник Главного управления Генерального Штаба (ГУГШ). 1909. Вып. 8.
15. Сборник ГУГШ. 1911. Вып. 31.
16. Сборник ГУГШ. 1913. Вып. 45.
17. British Library: African and Asian Studies (BLAAS). Curzon Papers. Mss Eur F111/162. Hamilton to Curzon, 27 January 1903.
18. BLAAS. Curzon Papers. Mss Eur F111/358. Persian Question, 2 December 1902.
19. Report of the War Office (Reconstitution) Committee. Part II. London: H.M. Stationery Office, 1904.
20. The National Archives, Kew (TNA). Public Records Office. Foreign Office 106/109. Memorandum by Major-General J.M. Grierson, 29 September 1904.

References

1. Alpeev O.E. «Svyashchennyj ogon» russkogo General'nogo shtaba. Planirovanie «pohoda v Indiyu» voennym vedomstvom Rossii, 1885 – 1914 gg. [“Sacred Fire” of the Russian General Staff. Planning of a “campaign to India” by the Russian military department, 1885–1914]. *Russkij sbornik. Rossiya i vojna: mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik v chest' 75-letiya Bryusa Menninga, T. 26* [Russian digest. Russia and War: International Scientific Digest in Honor of Bruce Manning's 75th Anniversary, Vol. 26], 2018. Pp. 320–387.
2. Lisicya N.N. *Russkie voennye agenty v Londone v konce XIX – nachale XX veka: vzglyad na Vostok* [Russian military agents in London at the end of the 19th – beginning of the 20th century: a view at the East] // *Klio*, no. 1 (28), 2005, Pp.

161–166.

3. Sergeev E.YU. *Bol'shaya igra, 1856 – 1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii* [The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia]. Moscow, 2012. 454 p.
4. Sergeev, EYu & Ulunyan, AA *Ne podlezhit oglasheniyu: Voyennyye agenty Rossiyskoy imperii v Yevrope i na Balkanakh, 1900 – 1914* [Confidential. Military Agents of Russian Empire in Europe and Balkan peninsula. 1900–1914], Realii-Press Publ, Moscow, 2003. 480 p.
5. Tomilin A.R. *Russkie voennye agenty v Londone i metody ih raboty v 1875–1885 gg.* [Russian Military Agents in London and their Working Methods (1875–1885)]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2020. No. 6. Pp. 111–120.
6. Ferguson N. *Gorech' vojny: novyj vzglyad na Pervuyu mirovuyu* [The Pity Of War: Explaining World War I]. Moscow, AST: Sorrus Publ., 2019. 635 p.
7. Beckett I., Bowman M., Connolly M. *The British Army and the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 482 p.
8. *The Oxford History of the British Army*. Oxford, 2003. 485 p.
9. *Voennyj sbornik* [Military Compilation]. 1912. No. 12.
10. *Vooruzhennyye sily Britanskoj imperii* [Military Forces of the British Empire]. Saint-Petersburg, 1911, 211 p.
11. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Archive of Military History (hereafter RGVIA)]. Fund. 2000. Reg. 1. File 970.
12. RGVIA. F. 2000. Reg. 1. F. 977
13. RGVIA. F. 2000. Reg. 1. F. 988
14. *Sbornik Sbornik Glavnogo upravleniya General'nogo SHTaba (GUGSH)* [Compilation of the Main Directorate of the General Staff (GUGSH)]. 1909. Issue 8.
15. Compilation of GUGSH. 1911. Issue 31.
16. Compilation of GUGSH. 1913. Issue 45.
17. British Library: African and Asian Studies (BLAAS). Curzon Papers. Mss Eur F111/162. Hamilton to Curzon, 27 January 1903.
18. BLAAS. Curzon Papers. Mss Eur F111/358. Persian Question, 2 December 1902.
19. Report of the War Office (Reconstitution) Committee. Part II. London: H.M. Stationery Office, 1904.
20. The National Archives, Kew (TNA). Public Records Office. Foreign Office 106/109. Memorandum by Major-General J.M. Grierson, 29 September 1904.

© «Клио», 2023

© Арбеков А.Б., 2023

УДК 94(497.2)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_50

Дата поступления (Submitted) 02.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 09.07.2023

Масштабирование репрессивной функции армии Болгарии после государственного переворота 9 июня 1923 г.

ЛЕОНИД ВАЛЕРЬЕВИЧ ЕРМИШИН

аспирант, кафедра истории южных и западных славян,
исторический факультет, ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова».
119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4.
e-mail: lyermishin@inbox.ru

Аннотация. Одной из определяющих особенностей внутривнутриполитической жизни Болгарии в период между двумя мировыми войнами можно считать стабилизирующее значение в ней национальных вооружённых сил. Научный интерес автора статьи сфокусирован на процессе трансформации традиционной внутри регуляторной функции болгарской армии до карательно-репрессивной. Использование армии за пределами полномочий, предусмотренных нормативно-правовым полем в межвоенной истории Болгарии, было обусловлено развитием противоречий в функционировании политической системы страны и необходимостью обеспечить преодоление кризиса в жизнедеятельности общества. В статье рассматриваются причины и условия, в которых болгарская армия применялась правительством Александра Цанкова для удержания политической власти в стране после государственного переворота 9 июня 1923 года. Специальное внимание уделяется деятельности третьей контрразведывательной секции, так называемой «порковой команды» военного министерства, подчинявшейся непосредственно министру войны. В статье впервые вводится в научный оборот ряд документов из архива Межсоюзнической военно-контрольной комиссии в Болгарии. На основании анализа источников периодической печати того периода, документов Российского государственного военного архива и Архива внешней политики Российской Федерации, автор приходит к заключению, что внутривнутриполитическая репрессивная функция армии после государственного переворота увеличивалась в масштабах применения и приняла формы террористических действий, проводимых под прикрытием органов государственной власти.

Ключевые слова: Болгарская армия, внутренняя политика, государственный переворот, репрессивная функция, поркова команда

Scaling up the repressive function of the Bulgarian army after the coup d'état of June 9, 1923

LEONID VALER'EVICH ERMISHIN

Postgraduate Student, Department of the History of the
Southern and Western Slavs, Faculty of History, Moscow
State University named after M.V. Lomonosov.
119192, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27, building 4.
e-mail: lyermishin@inbox.ru

Abstract. One of the defining features of Bulgaria's internal political life between the two world wars can be considered the stabilizing importance of the national armed forces in it. The scientific interest of the author focuses on the process of transformation of the traditional intra-regulatory function of the Bulgarian army into a punitive-repressive one. The use of the army beyond the powers provided by the normative-legal field in the interwar history of Bulgaria was due to the development of contradictions in the functioning of the political system of the country and the need to ensure overcoming the crisis in the life of society. The article examines the reasons and conditions under which the Bulgarian army was used by the government of Alexander Tsankov to retain political power in the country after the coup d'état of June 9, 1923. Special attention is paid to the activities of the third counterintelligence section, the so-called "porkova command" of the Ministry of War, which reported directly to the Minister of War. The article for the first time introduces a number of documents from the archive of the Inter-Allied Military Control Commission in Bulgaria. On the basis of the analysis of periodical press sources of that period, documents of the Russian State Military Archive and the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, the author concludes that the internal political repressive function of the

army after the coup d'état increased in scale and took the form of terrorist actions carried out under cover of state authorities.

Keywords: *Bulgarian army, internal politics, coup d'état, repressive function, porkova command*

Первая мировая война ускорила глобальные изменения сложившегося миропорядка. Казалось бы, после её окончания человечество перелистнуло эти страницы своей истории, и милитаризм должен был бы уступить место гуманитарным способам разрешения разногласий. Однако именно в межвоенный период в ряде европейских государств возник тренд активного влияния национальных армий на внутреннюю политику. Подавление восстания в ноябре 1919 г. в Германии, гражданская война 1918-1922 гг. в России, вооружённое восстание в сентябре 1922 г. в Греции, военный переворот в сентябре 1923 г. в Испании показали, что развитие парламентаризма не исключает склонности некоторых политических элит к тоталитарному стилю управления государством. Для реализации таких задач политики нередко использовали именно армию в качестве принудительного ресурса для взаимодействия с населением.

Влияние армии на развитие внутривнутриполитической жизни Болгарии выявило сложный и неоднозначный характер этого процесса. Военный переворот и вооружённые восстания в 1923 г. продемонстрировали, насколько далёк исторический процесс взаимодействия общества и государства от необратимости прогресса политических форм.

Временная российская военная администрация целью создания болгарского войска продекларировала обеспечение внутренней безопасности нового государственного образования. Тогда эта цель актуализировалась сложной внутривнутриполитической обстановкой противостояния двух социальных групп – болгарского и турецко-мусульманского населения Княжества.

После государственного переворота 9 июня 1923 г. традиционная внутривнутриполитическая регуляторная функция, при реализации которой армия боролась с разбойничеством и проявлениями межконфессиональной вражды в последней четверти XIX века не могла гарантировать необходимый эффект. В короткое время произошла трансформация этой функции в репрессивно-карательную.

Процесс преобразования внутривнутриполитической регуляторной функции болгарской армии после государственного переворота пока не получил комплексной исторической оценки. В разное время его затрагивали в своих трудах Нинко Косашко¹, Момчил Йонов², Владимир Станев³, Веселин Янчев⁴. Однако фокус исследований болгарских историков был сосредоточен на других, хотя и близких темах.

Отражение процесса преобразования внутривнутриполитической регуляторной функции болгар-

ской армии можно найти в архивных документах, воспоминаниях современников событий и периодических изданиях того времени. В отечественной историографии данная тема не рассматривалась. Однако не вызывает сомнений актуальность ответа на вопрос, почему армии в определённых исторических условиях выполняли функции, не только не предусмотренные для них конституциями, но и прямо им противоречащие.

Удержание власти после государственного переворота 9 июня 1923 г. для пришедшего к власти правительства Александра Цанкова стало главным вопросом на фоне разрастающегося протестного движения в крестьянской (около 80% населения) и рабочей (около 11% населения) среде страны. Новая политическая власть, монарх и руководители Военного союза⁵ увеличением численности принудительно-силового ресурса, расширением полномочий карательной подсистемы армии – военно-судебной части, изменением законодательной базы вывели спираль насилия в стране на новый уровень.

Армия Болгарии и ранее могла использоваться против любого массового проявления неподчинения законной власти: неразрешённые собрания, манифестации, беспорядки. Командир армейского подразделения, прибывшего по вызову гражданских или полицейских властей, был обязан только троекратно предупредить о намерении применить оружие с помощью барабана или трубы. Правила привлечения армии к наведению порядка в мирной обстановке были приняты Указом царя Фердинанда I⁶ и дополнены в Законе об истреблении разбойничества⁷. Гражданские и полицейские власти имели право прибегнуть к помощи армии для обеспечения порядка, безопасности и в других случаях, когда подобная мера была необходима по их мнению. «Временное руководство об организации военной службы в условиях военного положения» и Закон об истреблении разбойничества, принятые в 1921 г. [6, с. 757] давали армейскому командиру право в любое время дня и ночи войти в частный дом, запретить собрание граждан, задержать опасное лицо или отдать приказ на применение оружия подчинённым. Привлечение армии предусматривалось как при объявлении военного положения в стране, так и в мирной обстановке.

В период подавления июньских вооружённых выступлений 1923 г. сторонников свергнутого земледельческого правительства режим военного положения в Болгарии не вводился. Действия армии и жандармерии против вооружённых сограждан теоретически могли оправдываться тремя нормативно-правовыми

актами, действовавшими в июне 1923 г.: «Руководством о содействии армии гражданским властям», введённым в 1900 г. [4, с. 36-36], «Законом о жандармерии» 1920 г. [4, с. 56-57] и «Законом об устройстве армии и пограничной стражи Царства Болгария» 1923 г. [4, с. 55]. В каждом из этих правовых документов были определены условия, которые на наш взгляд, не полностью соблюдались в период июньской вооружённой борьбы 1923 г. Однако исследование этого вопроса находится за рамками настоящей статьи.

После июньских событий 1923 г. начальник Софийского военного гарнизона генерал-майор Велизар Лазаров своим совершенно секретным приказом утвердил «Инструкцию по действиям войск столичного гарнизона при подавлении мятежей и внутренних беспорядков в столице». Дата документа точно не установлена, однако по мнению В.Янчева документ был подписан до 1 сентября 1923 г. [4, с. 153]. В своём приказе Лазаров определил условия, при которых должно быть применено оружие против гражданских лиц. Условия из приказа Лазарова явно противоречили действовавшим в Болгарии законам и конституции [4, с. 155, 157]. Тем не менее его приказ не был отменён вышестоящим командиром, а сам он не подвергался уголовному преследованию. Можно предположить, что приказ Лазарова был первым документом, который легализовал антиконституционные действия армии с молчаливого согласия новой политической власти.

С началом Сентябрьского вооружённого восстания 1923 г. на значительной территории царства начались боевые действия. Военное положение было введено Указом царя на основании представления кабинета министров 22 сентября. Согласно Конституции, такое нормативно-правовое изменение должно было быть одобрено Обыкновенным народным собранием (ОНС) не позднее пяти дней после объявления. Однако сделать это было невозможно – XX ОНС было распущено Указом царя в июне 1923 г.⁸

Антиконституционность действия правительства Цанкова – введение военного положения с нарушением установленного порядка – никак не было отражено в основных периодических изданиях. Даже формально независимая газета «Утро» сообщила только о применении кавалерийских армейских подразделений при арестах коммунистов 14 сентября 1923 г. в Софии, когда не было даже представления болгарского правительства о введении военного положения⁹.

Таким образом, можно утверждать, что применять армию для подавления протестного движения в стране правительство Цанкова начало задолго до предоставления вооружённым силам необходимых полномочий и антиконституционно по исполнению.

Примечательное свидетельство о внутреннем положении в Болгарии на ноябрь 1923 г.

оставил агентурный источник № 126 Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) РСФСР: «Никто не уверен в своей жизни – пуля, в случае самого ничтожного подозрения. Горожане и крестьяне обязаны при прохождении солдат или одиночного офицера – вставать и стоять «смирно». Вся власть в руках военных»¹⁰.

Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) и Болгарская коммунистическая партия (БКП) после июньского и сентябрьского поражений 1923 г. не прекратили существования как политическая сила. Поддержка значительной части населения Болгарии оставалась на их стороне, что способствовало формированию заграничных центров в целях продолжения борьбы за власть в стране. По информации из газет того времени, коммунисты и некоторые земледельцы¹¹ начали открыто призывать разрушить буржуазию и вооружить рабочих и малоимущих¹². Внутриболгарские центры БЗНС и БКП вели как легальную, так и незаконную борьбу. К середине лета 1924 г. по всей стране была создана сеть коммунистических пятёрок – тайных боевых групп¹³.

Закон о защите государства, принятый в январе 1924 г. с некоторыми оговорками поставил коммунистическую партию вне закона. В феврале 1924 г. руководители заграничных комитетов БЗНС и БКП в Москве подписали соглашение о совместной подготовке к новому вооружённому восстанию [11, с. 181]. В марте и июне 1924 г. курс на активные революционные действия был закреплён соответствующими постановлениями политического бюро центрального комитета российской коммунистической партии (РКП (б)), и в Болгарию должна была начаться тайная поставка оружия и боеприпасов¹⁴.

Другая политическая сила, македонские националистические организации, не получила ожидаемого уровня поддержки своей деятельности со стороны нового правительства. Надо отметить, что в сложившейся после окончания Первой мировой войны ситуации ни одно болгарское правительство не могло удовлетворить их запросы. Возможность присоединения Македонии к Болгарии или получение ей полной автономии в принципе была иллюзорной. Цанков, как и его предшественник А. Стамболийский, был вынужден проводить политику на смягчение болгаро-сербских отношений и подтвердил Нишские соглашения¹⁵. Более того, Цанков в октябре 1924 г. посетил с дипломатической миссией Белград, что не могло приветствоваться деятелями македонского национально-освободительного движения.

В июне-августе, а затем в декабре 1923 г. в Москве состоялись переговоры между представителями автономистского крыла Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и РКП (б). Автономистов не устраивала пассивность правительств Болгарии в отноше-

нии македонского вопроса, что способствовало проявлению ими интереса к Балканской коммунистической федерации [15, с. 106, 111]. Контакты ВМРО с коммунистами не могли не вызывать опасений как со стороны официальной власти, так и союзнического военного командования в Болгарии¹⁶. «Македонские» связи РКП (б) привели к подписанию руководителями автономистов 29-30 апреля 1924 г. «Декларации об объединении македонского революционного движения», в которой её лидеры, Тодор Александров¹⁷ и Александр Протогеров¹⁸, выразили готовность ВМРО к совместной с коммунистами борьбе [11, с. 189]. Однако ВМРО с конца 1923 г. ввязалась в войну одновременно на нескольких направлениях, в том числе внутри себя. К концу 1924 г. главные её лидеры, в том числе Александров, были уничтожены в само истребительной борьбе.

Нагнетание внутривластной напряженности вынуждало новую власть противодействовать и усиливать реакционно-репрессивные меры. Необходимо отметить, что правительство Цанкова решало эту задачу комплексно.

Численность личного состава, находившегося в прямом подчинении министра войны за период с 1 июня по 1 октября 1923 г., снизилась на 1620 человек (с 27862 до 26242 человек соответственно)¹⁹. В оставшиеся месяцы 1923 г. и в 1924 г. численность вооружённых сил изменялась незначительно. Ограничения Нейиского мирного договора²⁰ болгарское правительство обойти не могло. Кроме того, значение имел недостаток финансов на содержание армии.

После трагических событий 16 апреля 1925 г. также произошло некоторое уменьшение численности офицеров (при террористическом акте в соборе Св. Неделя погибли 10 офицеров действующей армии и 40 офицеров запаса, среди которых были 11 генералов), подофицеров и личного состава. Однако относительное снижение быстро было восстановлено.

К ноябрю 1925 г. в руках министра войны был сосредоточен весь наличный принудительно-силовой ресурс государства. К армии, жандармерии и пограничной страже добавились полиция, служащие таможни, акцизной стражи и лесники – все эти государственные служащие были вооружены ещё со времён режима БЗНС. Почти в два раза увеличилось количество чиновников в Министерстве войны с 1854 до 3327 человек²¹. Вероятно, увеличение численности военных чиновников было связано в первую очередь с расширением масштаба карательной функции армии. Министерству войны стало не хватать военных следователей, военных прокуроров и военных судей.

Болгарские историки полагают, что численность вооружённых сил была увеличена на 10 тысяч милиционеров-добровольцев [3, с. 237], чему не удалось найти полного подтверждения в документах архива Межсоюзнической воен-

но-контрольной комиссии (МВКК)²². Однако общая тенденция к увеличению силового ресурса не вызывает сомнений.

Режим военного положения позволил запустить процессуальный конвейер военно-уголовного делопроизводства. Сроки рассмотрения в военно-полевых судах были значительно меньшими в сравнении с гражданскими судами. В военно-полевых судах у правительства и военного командования были дополнительные преимущества. Офицер действующей армии в 1923-1925 гг. Стоян Илиев в своих воспоминаниях пишет, что при рассмотрении дела военно-полевым судом г. Русе против группы рядовых армии активно использовался командный ресурс для обеспечения нужного судебного вердикта. Оказывалось давление на свидетелей и защитников обвиняемых, среди которых был сам Илиев [20, с. 120-121].

Болгарский журналист, дипломат и общественный деятель Пётр Нейков в воспоминаниях оставил такие свидетельства о том времени: «Тюрьмы были переполнены сознательными и достойными гражданами. Несколько раз на день я встречал их на центральных улицах (Варны – Л.Е.), ведомых как медведей перед глазами унылой и молчаливой толпы. Тяжёлые их цепи звякали по брусчатке» [21, с. 239].

Газеты периодически сообщали о пресечении деятельности подпольных военных ячеек коммунистов и земледельцев²³. В Варне, Самокове, Враце, Русе были организованы крупные судебные процессы²⁴. Софийский военно-полевой суд 31 августа 1925 г. приговорил к повешению 8 человек²⁵. Шуменский военно-полевой суд признал виновными 420 человек, из которых 68 были приговорены к смертной казни²⁶. Военно-полевые суды рассматривали дела в отношении женщин и детей. Среди осуждённых были сотни подростков, в том числе девочки 13-16 лет. Военно-судебная часть Министерства войны стала главным государственным органом, обеспечивавшим применение карательных мер воздействия.

Офицер МВКК майор Желине в апреле 1921 г. назвал Болгарию страной, «где человеческая жизнь имеет очень малое значение»²⁷. В 1925 г. эта констатация сохраняла свою актуальность. Смертные приговоры и их публичное приведение в исполнение стали частью повседневности.

Проявления насилия со стороны новой власти ко всем оппонентам отразила на своих страницах газета «Утро». В ходе выборов 1924 г. в местные органы власти министр внутренних дел неоднократно был вынужден отвечать на обвинения народных избранников в превышении полномочий представителями подведомственной ему администрации на местах, вплоть до «террора в отношении не только коммунистов и земледельцев, но и представителей партий порядка и права»²⁸.

За пределами столицы Болгарии, по данным ИНО ОГПУ, почти в каждой околии (*уезде – Л.Е.*) появились террористические группы, избивавшие всякого, кто выступал против правительства²⁹. Вероятно, деятельность одной из таких групп, усиленных личным составом действующей армии, осветила газета «Отечество». 23 июня 1925 г. в Хасковском округе была уничтожена банда «разбойника Ганева» сборным отрядом 10-й родопской пехотной дружины, 6-го кавалерийского полка³⁰ и местных жителей. В ходе боя погибли три солдата, и был расстрелян на месте взятый в плен Иван Игнатев³¹. Ранее накопленный опыт по приравниванию политических противников к разбойникам, масштабированный под новые условия, был востребован в армии.

Показательный тактический приём использования армии против гражданского населения указан в донесении ИНО ОГПУ РСФСР. «Народное собрание голосовало кредит в 27 млн. левов на контр-четы, к образованию которых уже приступили. По имеющимся сведениям, эти контр-четы поведут следующую тактику: нападение на населённые пункты, для того чтобы спровоцировать население своим поведением, как якобы местные четы. Предполагается, что при появлении воинских частей контр-четы будут скрыты населением и таким образом сумеют выявить и уничтожить укрывателей, а равно и действительные четы, которые до сих пор остались неуязвимыми, вопреки мерам администрации и армии»³². Подтверждений применения этого приёма нами не установлено.

Армия как государственный институт приняла непосредственное участие в терроре по отношению к части болгарского населения. Действующие офицеры третьей контрразведывательной секции министерства войны под командованием сначала майора, а с 6 мая 1925 г. подполковника Димитра Поркова³³, в период с февраля по апрель 1925 г. совершили ряд убийств политических противников правительства А.Цанкова. Жертвами были признаны Спас Дупаринов, Стоян Калычев, Крум Попов, подполковник Никифор Никифоров, Василий Стамболийский, Георгий Дамянов, капитан Йоновский, Константин Янков, Христо Коджейков, Вылчо Иванов, капитан Кротнев, его супруга Нина Кротнева и другие [6, с. 264-277].

Система военного правосудия покрывала террористические действия офицеров третьей секции. Одно из обескураживающих свидетельств – убийство Нины Кротневой в Софии 16 апреля 1925 г. в частном доме на улице Карла Шведского. Около 22.00 у дома Кротневых остановилась машина, из которой вышли офицер в кавалерийской военной форме (Куцаров) и гражданский. Они потребовали от Кротневой сесть в машину и проехать с ними в полицию. Однако Кротнева пошла в дом. Куцаров последовал за ней, после

чего прозвучали несколько выстрелов, которые слышала свидетельница Маргарита Толева. При осмотре тела Нины Кротневой в черепе были обнаружены две пули разных калибров. Согласно следственному делу № 15/1925 г. 1-го Софийского полевого военного следователя Нина Кротнева покончила жизнь самоубийством – дело было закрыто [6, с. 710-711].

В болгарской и отечественной историографии деятельность третьей секции пока не стала предметом специального изучения. В материалах следственного дела в отношении «порковой команды» есть несколько высказываний Д. Поркова и его подчинённых об обстановке, в которой они действовали в 1923-1925 гг. Порков свидетельствовал: «Неофициально мы занимались слежкой и донесением министру войны о деятельности отдельных офицеров «капитанской» Лиги Дамяна Велчева³⁴» [6, с. 45]. Другое примечательное свидетельство Поркова относится к ликвидации без приговора судебных органов выявленного агента МВКК, который был схвачен с деньгами, полученными за раскрытие местонахождения склада с оружием. «Я приказал капитану Кочо Стоянову, поручику Томе Прендову и ещё одному офицеру отвезти его за Новоселци (село вблизи от Софии - Л.Е.) и расстрелять. [...] На его трупе была оставлена записка «Каждого предателя ожидает такая участь» [6, с. 45]. Это подтверждает, что офицеры третьей секции министерства войны Болгарии в период 1923-1925 гг. находились вне правового поля и не опасались последствий за свои противозаконные действия. Им было обеспечено прикрытие на самом высоком уровне государственного управления.

Офицер 3-ей секции Пенчо Сарафов раскрыл дополнительные подробности работы своего подразделения. «В каждом полку были офицеры 3-ей контрразведывательной секции [...], поддерживавшие связь с полицией для сбора сведений, которыми они делились и с командирами полков. Скрытыми способами сведения представлялись в Министерство войны» [6, с. 49]. Ещё более откровенным в своих заявлениях был другой сотрудник 3-ей секции Илия Ковачев: «Третья секция была личным органом министра войны И.Вылкова³⁵, который одновременно был руководителем Военного союза. Через 3-ю секцию Вылков приводил в исполнение как собственные намерения, так и пожелания правительства, а в наибольшей степени монарха [...] Только 3-я секция, личный орган Вылкова, а через него монарха и правительства была всегда готова защищать корону. Армия в то время была воспитана в духе монархизма» [6, с. 49-50].

Другой свидетель, гражданский водитель Александр Петрович, услугами которого часто пользовались сотрудники 3-ей секции, сообщил следствию детали её подчинённости. «Неофициальной деятельностью 3-ей секции сразу после переворота было выявление и слежение за

прогрессивными представителями в армии и вне армии, в их числе были коммунисты и земледельцы. [...] Третья секция была прямо подчинена министру генералу И. Вылкову» [6, с. 50].

Приведённые свидетельства позволяют сделать вывод, что положение в армии в 1923-1925 гг. не давало повода для спокойствия и уверенности новым политическим силам, оказавшимся у власти. Министр войны Вылков был вынужден использовать практически любые незаконные средства для сохранения положения правительства А. Цанкова, своего лично и монарха.

В мае-июне 1925 г. произошли события, обозначившие верхние границы масштабирования репрессивной функции армии. После коммунистического террористического акта из офицеров третьей секции неустановленные лица (или лицо) сформировали несколько групп, осуществлявших массовые умерщвления незаконно арестованных граждан. Убийства проводились на территории Софийского военного училища, казарм 1-го пехотного, 4-го артиллерийского и лейб-гвардии конного полков в период с 16 апреля по начало июня 1925 г. Трупы вывозились автомобилями и зарывались на территории Илиенского форта, в районе четвёртого километра Цариградского шоссе. Многочисленные останки были обнаружены в ходе следственных действий уже в советский период [6, с. 288].

Следственное дело с официальным названием «Варвары» стало основой судебного процесса над «порковой командой». Процесс проходил в

два этапа в 1946 г., 1953-1954 гг. Были признаны убитыми и пропавшими без вести около 500 человек [6, с. 264-277]. Почти все члены «порковой команды» были приговорены к пожизненному заключению, некоторые из них покончили с собой.

Таким образом, после военного переворота правительство Цанкова все усилия направило на удержание власти. Армии в этом процессе отводилась главная роль. Можно утверждать, что с 9 июня 1923 г. внутриполитическая репрессивная функция армии непрерывно увеличивалась в масштабах применения. К февралю 1925 г. она приняла формы террористических действий, проводимых под прикрытием органов государственной власти.

Использование армии в терроре против населения создало нестабильную конфигурацию в расстановке политических сил в стране. В самой армии значительно укрепилось неприятие частью офицерского корпуса репрессий по отношению к гражданскому населению. Политический блок, приведший правительство Цанкова к власти, раскололся. Образ «кровавого вампира», как называли Цанкова, не устраивал болгарские деловые круги, международных деловых партнёров и тем более был очень неудобен конституционному главе государства царю Борису III. Правительство Цанкова, за исключением военного министра Вылкова, было вынуждено уйти в отставку 4 января 1926 г. Уровень репрессий в стране пошёл на спад. В развитии болгарских вооружённых сил начался другой этап.

Примечания

- ¹ Косашки Н. Революционният процес в армията (9 юни 1923 – 1929 г.). София, 1988.
- ² Йонов М. Българската армия като държавна институция след първата световна война 1919-1929 г. София, 1995.
- ³ Станев В. Междусъюзническият военен контрол в България (1920–1927). София, 2018.
- ⁴ Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Септември 1923 година провалът на едно поръчано въстание. София, 2023.
- ⁵ Военный союз (военная Лига, офицерская Лига) – нелегальная организация офицеров действующей армии и запаса, сыгравшая значимую роль в политической истории Болгарии межвоенного периода. Функционировала в период с 1919 по 1947 гг.
- ⁶ Фердинанд I Саксен-Кобург-Готский (1861-1948). С 1887 по 1908 гг. князь, а с 1908 по 1918 гг. царь Болгарии.
- ⁷ Пряпорец. 22 августа 1924 г. № 187. С. 2. <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 08.02.2023). Параграф 2 Указа царя Фердинанда I № 60 от 1900 г; Статья 2 Закона об истреблении разбойничества от 7 декабря 1922 г., утверждённого Указом Бориса III № 721.
- ⁸ Утро. 11 июня 1923 г. № 4158. «Преврата, сваленото правителство, новият кабинет». <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).
- ⁹ Утро 14 сентября 1923 г. № 4237 С. 1. «Арестите на комунистите». <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 24.02.2023).
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 04. Оп. 9 П. 64 Д. 886. Л. 28-29.
- ¹¹ Бывший земледельческий министр Райко Даскалов с июня 1923 г. в Праге развернул активную деятельность по непризнанию мировым сообществом правительства А.Цанкова.
- ¹² Пряпорец. 2 июля 1923 г. № 146. С. 1. «Преди да се е подпалил огъня». <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 25.03.2023).
- ¹³ Дневни новини. Варна, 18 июля 1924 г. № 3. http://catalog.libvar.bg/view/check_user.pl?id=4719&SRV=false&LANG=bg (Дата обращения 25.02.2023).
- ¹⁴ Пряпорец. 14 августа 1924 г. № 179. <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 07.02.2023); Пряпорец. 18 августа 1924 г. № 182. <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 07.02.2023); Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 339. Л. 34. Донесение представителя болгарского правительства Петрова № 776 от 21 августа 1924 г.
- ¹⁵ Договор между Царством Болгария и Королевством сербов, хорватов и словенцев от 23 марта 1923 г. Согласно договору, Болгария брала на себя обязательства по борьбе с незаконной деятельностью ВМРО на своей территории.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 325 Л. 335-337. Информационная справка о Балкано-дунайской коммунистической федерации разведывательного отдела французской армии в Румынии от 21 января 1921 г.
- ¹⁷ Александров Тодор, Попорухев (1881-1924). Болгарский революционер, организатор террористических актов, один из лидеров македонского национально-освободительного движения. Руководил ВМРО в

1919-1924 гг.

¹⁸ Протогеров Александр, Николов (1867-1928). Генерал-лейтенант болгарской армии, один из лидеров македонского национально-освободительного движения. В период 1919-1925 гг., благодаря руководящему положению во ВМРО, оказывал существенное влияние на внутреннюю политику Болгарии.

¹⁹ РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 315. Л. 73-82. Донесение представителя болгарского правительства Петрова совету делегатов Ликвидационного органа № 142 от 7 июня 1923 г.; РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 315. Л. 33-41. Донесение представителя болгарского правительства Петрова совету делегатов Ликвидационного органа № 2404 от 8 октября 1923 г.

²⁰ Неййский мирный договор между Третьим Болгарским царством и главными союзными державами: США, Британской империей, Францией, Италией и Японией был подписан 27 ноября 1919 г., ратифицирован Народным собранием Болгарии и вступил в силу с 9 августа 1920 г.

²¹ РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 318. Л. 54-68. Донесение представителя болгарского правительства Петрова Совету делегатов Ликвидационного органа № 445 от 10 ноября 1923 г.

²² Для надзора за выполнением условий Неййского мирного договора в августе 1920 г. была создана Межсоюзническая военно-контрольная комиссия. В неё входили делегаты от Великобритании, Франции, Италии и Японии. Постепенно этот орган, кроме непосредственного влияния на ход военных реформ, присвоил себе право регламентировать деятельность исполнительной власти Болгарии. Архив МВКК после Второй мировой войны в качестве военного трофея оказался в распоряжении частей красной армии и в настоящее время хранится в Российском государственном военном архиве (РГВА).

²³ Отечество. 10 апреля 1925 г. № 224 С. 4. «Новости недели». <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).

²⁴ Утро. 5 июня 1925 г. № 4743; 7 июня 1925 № 4745. <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).

²⁵ Утро. 1 сентября 1925 г. № 4817. <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).

²⁶ Отечество. 18 июля 1925 г. № 238. С. 4. <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).

²⁷ РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 325. Л. 249. Рапорт майора Желине от 16 апреля 1921 г.

²⁸ Утро. 19 мая 1924 г. № 4436; 24 мая 1924 г. № 4440. <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 06.02.2023).

²⁹ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 9 П. 64 Д. 886. Л. 41. Сводка ИНО ОГПУ № 44 от 23 ноября 1923 г.

³⁰ На 23 июня 1925 г. в болгарской армии не было 6 кавалерийского полка. Были 3-й, 10-й и лейб-гвардейский кавалерийские полки. Вероятно, речь идёт о 6-ой дружине конной жандармерии г.Харманли. 10-я родопская пехотная дружина входила в состав 8-го Беломорского пехотного полка.

³¹ Отечество. 11 июля 1925 г. № 234. С. 4. <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 06.02.2023).

³² АВПРФ. Ф. 04. Оп. 9. П. 65. Д. 908 «Болгария. Информационные материалы. 1925 г.». Л. 46. Сводка № 1 ИНО ОГПУ. Внутреннее положение в Болгарии на 7 февраля 1925 г.

³³ РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 271. «Списки офицеров Болгарской армии». Л. 238.

³⁴ Велчев Дамян, Дамянов (1883-1954). Один из организаторов Военного союза. Уволен из армии в первый раз 1 февраля 1921 г. После переворота 9 июня 1923 г. возвращён на службу в жандармерию, в последующем командовал Софийским военным училищем. Повторно уволен из армии в 1928 г. После военного переворота 19 мая 1934 г. приговорён к смертной казни, которая была заменена на пожизненное заключение. В 1940 г. помилован. Один из организаторов переворота 9 сентября 1944 г. Военный министр в период 1944-1946 гг. В период с 1946 г. по 1947 г. полномочный представитель Болгарии в Швейцарии. Отказался вернуться по вызову в Болгарию и был лишён гражданства. Ташев Т. Министрите на България ... С.89-90.

³⁵ Вылков Иван, Вылков (1875-1962). Закончил софийское военное училище в 1896 г. четвёртым по преимуществу из 104 юнкеров. В период с 1900 по 1907 г. последовательно окончил Михайловскую артиллерийскую академию и Николаевскую академию генерального штаба в Санкт-Петербурге. Участвовал в Балканских и Первой мировой войнах. Был одним из руководителей Военного союза в период 1920-1928 гг. С 10 июня 1923 г. по 11 января 1929 г. министр войны Царства Болгария. Ташев Т. Министрите на България ... С.98-99.

Литература и источники

1. Косашки Н. Революционният процес в армията (9 юни 1923 – 1929 г.). София: Военно издателство, 1988. 342 с.
2. Йонов М. Българската армия като държавна институция след първата световна война 1919-1929 г. София: Министерство на Отбраната «Св. Георги Победоносец», 1995. 297 с.
3. Станев В. Междусъюзническият военен контрол в България (1920–1927). София: Унив. издателство «Св. Климент Охридски», 2018. 328 с.
4. Янчев В.К. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Септември 1923 година провалът на едно поръчано въстание. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2023. 490 с.
5. Пряпорец. 22 августа 1924 г. № 187. С. 2. URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 08.02.2023).
6. Петров Х., Христов Х. «Белият терор» от 1923-1925 г. Три епохи на държавна репресия. София: Сиела Норма АД, 2016. 878 с.
7. Утро. 11 июня 1923 г. № 4158. «Преврата, сваленото правителство, новият кабинет». URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).
8. Утро. 14 сентября 1923 г. № 4237 С. 1. «Арестите на комунистите». URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 24.02.2023).
9. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 04. Оп. 9 П. 64 Д. 886. Л. 28-29.
10. Дневни новини. Варна. 18 июля 1924 г. № 3. URL: http://catalog.libvar.bg/view/check_user.pl?id=4719&SRV=false&LANG=bg (Дата обращения 25.02.2023).
11. Гришина Р.П. Государственный переворот 9 июня 1923 года и его последствия // Болгария в XX веке: Очерки политической истории [Е. Л. Валева отв. редактор]. М.: Наука, 2003. 463 с.
12. Пряпорец. 14 августа 1924 г. № 179. URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 07.02.2023).
13. Пряпорец. 18 августа 1924 г. № 182. URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 07.02.2023).
14. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 339. Л. 34. Донесение представителя болгарского правительства Петрова № 776 от 21 августа 1924 г.
15. Палешутски К. Македонското освободително движение след Първата световна война (1918-1924). София: БАН, 1993. 269 с.
16. РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 325 Л. 335-337. Информационная справка о Балкано-дунайской коммунистической федерации разведывательного отдела французской армии в Румынии от 21 января 1921 г.
17. РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 315. Л. 73-82. Донесение представителя болгарского правительства Петрова совету

- делегатов Ликвидационного органа № 142 от 7 июня 1923 г.
 18. РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 315. Л. 33-41. Донесение представителя болгарского правительства Петрова совету делегатов Ликвидационного органа № 2404 от 8 октября 1923 г.
 19. РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 318. Л. 54-68. Донесение представителя болгарского правительства Петрова совету делегатов Ликвидационного органа № 445 от 10 ноября 1923 г.
 20. Илиев С. Из спомените ми. София: Св. Георги Победоносец, 1993. 315 с.
 21. Нейков П. Спомени. София: Отечественния фронт, 1990. 499 с.
 22. Отечество. 10 апреля 1925 г. № 224 С. 4. «Новости недели». URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 21.02.2023).
 23. Утро. 5 июня 1925 г. № 4743; 7 июня 1925 № 4745. URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).
 24. Утро. 1 сентября 1925 г. № 4817. URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).
 25. Отечество. 18 июля 1925 г. № 238. С. 4. URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Дата обращения 21.02.2023).
 26. РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 325. Л. 249. Рапорт майора Желине от 16 апреля 1921 г.
 27. Утро. 19 мая 1924 г. № 4436; 24 мая 1924 г. № 4440. URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 06.02.2023).
 28. АВПРФ. Ф. 04. Оп. 9 П. 64 Д. 886. Л. 41. Сводка ИНО ОГПУ № 44 от 23 ноября 1923 г.
 29. Отечество. 11 июля 1925 г. № 234. С. 4. URL: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Дата обращения 06.02.2023).
 30. АВПРФ. Ф. 04. Оп. 9. П. 65. Д. 908 «Болгария. Информационные материалы. 1925 г.». Л. 46. Сводка № 1 ИНО ОГПУ. Внутреннее положение в Болгарии на 7 февраля 1925 г.
 31. РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 271. «Списки офицеров Болгарской армии». Л. 238.
 32. Ташев Т. Министрите на България, 1879-1999. София: Мининистерство на отбраната «Св. Георги Победоносец», 1999. 679 с.

References

1. *Kosashki N.* Revoliutsionniat protses v armiiata (9 iuni 1923 – 1929 g.) [The revolutionary process in the army (9 June 1923 – 1929)]. Sofia : Military Publ., 1988. 342 p.
2. *Ionov M.* Bŭlgarskata armiiata kato dŭrzhavna institutsiia sled pŭrvata svetovna voŭna 1919-1929 g. [The Bulgarian Army as a State Institution after the First World War 1919-1929]. Sofia : Ministry of Defence “St. Georgi Pobedonosets” Publ., 1995. 297 p.
3. *Stanev V.* Mezhdusŭiuznicheskiiat voenen kontrol v Bŭlgariia (1920–1927) [Inter-Allied Military Control in Bulgaria (1920-1927)]. Sofia : Univ. publishing house “Sv. Kliment Ohridski, 2018. 328 p.
4. *Ianchev V.* Armiiata, obshtestven red i vŭtreshna sigurnost. Septemvri 1923 godina provalŭt na edno porŭchano vŭstanie. Sofiia, 2023. [Army, public order and internal security. September 1923 the failure of an ordered uprising]. Sofia : University Press “St. Kliment Ohridski”, 2023. 490 p.
5. The Pryaporets (newspaper). 22 August 1924, No. 187. p. 2. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Accessed: 08 February 2023).
6. *Petrov H., Hristov H.* «Beliiat teror» ot 1923-1925 g. Tri epohi na dŭrzhavna represiiia [The “White Terror” of 1923-1925. Three eras of state repression]. Sofia : Ciela Norma AD Publ., 2016. 878 s.
7. The morning (newspaper). June 11, 1923, No. 4158. “The coup, the ousted government, the new cabinet”. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image>. (Accessed: 21 February 2023).
8. The morning (newspaper). September 14, 1923, No. 4158. “The Arrests of the Communists”. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 24 February 2023).
9. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 04. Inventory 9. Folder 64. File 886. Pages 28-29.
10. The Daily News. Varna (newspaper). July 18, 1924, No. 3. Available at: http://catalog.libvar.bg/view/check_user.pl?id=4719&SRV=false&LANG=bg (Accessed: 25 February 2023).
11. *Grishina R.P.* Gosudarstvennyi perevorot 9 iunina 1923 goda i jego posledstviia. Bolgariia v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii [The coup d'état of June 9, 1923 and its consequences. Bulgaria in the twentieth century: Essays on political history]. Moscow :The Science Publ., 2003. 463 p.
12. The Pryaporets (newspaper). 14 August 1924, No. 179. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 07 February 2023).
13. The Pryaporets (newspaper). 18 August 1924, No. 182. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 07 February 2023).
14. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 1707k. Inventory 1. File 339. Page 34. Report of the representative of the Bulgarian government Petrov No. 776 of 21 August 1924.
15. *Paleshutski K.* Makedonskoto osvoboditelno dvizhenie sled Pŭrvata svetovna voŭna (1918-1924) [The Macedonian liberation movement after the First World War (1918-1924)]. Sofia : Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1993. 269 p.
16. RGVA. Fund 1707k. Inventory 1. File 325. Pages 335-337. Fact sheet on the Balkan-Danube Communist Federation of the French Army Intelligence Department in Romania dated January 21, 1921.
17. RGVA. Fund 1707k. Inventory 1. File 315. Pages 73-82. Report of the representative of the Bulgarian government, Petrov, to the Council of Delegates of the Liquidation Body No. 142 of June 7, 1923.
18. RGVA. Fund 1707k. Inventory 1. File 315. Pages 33-41. Report of the representative of the Bulgarian government, Petrov, to the Council of Delegates of the Liquidation Body No. 2404 of October 8, 1923.
19. RGVA. Fund 1707k. Inventory 1. File 315. Pages 54-68. Report of the representative of the Bulgarian government, Petrov, to the Council of Delegates of the Liquidation Body No. 445 of November 10, 1923.
20. *Iliev S.* Iz spomenite mi [From my memories]. Sofia : “St. George the Victorious” Publ., 1993. 315 p.
21. *Neikov P.* Spomeni. [The Memories]. Sofia: Fatherland Front Publ., 1990. 499 p.
22. The Fatherland (newspaper). April 10, 1925 No. 224 P. 4. “News of the Week”. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 21 February 2023).
23. The morning (newspaper). June 5, 1925 No. 4743; June 7, 1925 No. 4745. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 21 February 2023).
24. The morning (newspaper). September 1, 1925 No. 4817. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 21 February 2023).
25. The Fatherland (newspaper). July 18, 1925, No. 238. P. 4. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 21 February 2023).
26. RGVA. Fund 1707k. Inventory 1. File 325. Page 249. Major Geline’s report of 16 April 1921.
27. The morning (newspaper). 19 May 1924, No. 4436; 24 May 1924, No. 4440. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 06 February 2023).
28. AVP RF. Fund 04. Inventory 9. Folder 64. File 886. Page 41. Summary of the Foreign Observatory of the United State Political Directorate (INO OGPU) No. 44 of 23 November 1923.

29. The Fatherland (newspaper). July 11, 1925, No. 234. P. 4. Available at: <http://82.147.128.134/prd/public/image> (Accessed: 21 February 2023).
30. AVP RF. Fund 04. Inventory 9. Folder 65. File 908. Page 46. Summary of the Foreign Observatory of the United State Political Directorate (INO OGPU) No. 1. Internal situation in Bulgaria on February 7, 1925.
31. RGVA. Fund 1707k. Inventory 1. File 271. Page 238.
32. Tashev T. *Ministrite na Bŭlgariia, 1879-1999* [The Ministers of Bulgaria, 1879-1999]. Sofia : Ministry of Defence "St. George the Victorious" Publ., 1999. 679 p.

© «Клио», 2023

© Ермишин Л.В., 2023

УДК: 94 (560)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_59

Дата поступления (Submitted) 20.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 02.08.2023

Сусурлукский скандал в контексте общественно-политической жизни Турции конца XX века

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЕЙГЕР

Аспирант

Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

E-mail: nikolaigeiger997@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена Сусурлукскому скандалу и его последствиям для общественно-политической жизни Турции конца XX века. В ноябре 1996 г. на западе республики произошла автомобильная авария, которая вызвала широкий общественный резонанс: в одной машине оказались находящийся в розыске криминальный лидер, парламентарий и полицейский. В статье повествуется об основных фигурантах Сусурлукского скандала и реакции активистов на произошедший инцидент. Раскрываются попытки расследовать причины данного скандала и привлечь причастных политиков к ответственности. На основании докладов, подготовленных разными органами в 1980-х — 1990-х гг., представлены выводы о сотрудничестве между мафией и государственными структурами. Также в статье поднимается вопрос существования на территории Турции подконтрольных государству специальных вооруженных формирований, в состав которых входили ультраправые националисты из преступного мира. Организованные в рамках антикоммунистического проекта «Гладио» данные отряды должны были противодействовать распространению левых идей в стране, однако члены таких формирований оказались замешаны в разного рода преступлениях.

Ключевые слова: Турция, Сусурлукский скандал, Контргерилья, Гладио, криминальный мир, организованная преступность, секретные армии

The Susurluk scandal in the context of the social and political life of Turkey at the end of the 20th century

NIKOLAI NIKOLAEVICH GEIGER

Postgraduate student

The Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University

199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., b. 7–9

E-mail: nikolaigeiger997@gmail.com

Abstract. The article casts light on the Susurluk scandal and its consequences for the social and political life of Turkey at the end of the 20th century. In November 1996, a car accident occurred in the west of the republic, which caused a wide public outcry: a wanted criminal leader, a parliamentarian and a policeman were in the same car. The article focuses on the people involved in the Susurluk scandal and the reaction of activists to the incident. Attempts to investigate the causes of this scandal and bring the politicians involved to justice are also mentioned by the author. On the basis of reports prepared by various bodies in the 1980s — 90s, conclusions are presented about the cooperation between the mafia and state structures. The article also raises the question of the existence of state-controlled special armed formations, which included ultra-right nationalists from the Turkish underworld. Organized as part of the anti-communist Gladio project, these secret groups were supposed to counteract the spread of leftist ideas in the country, but members of such formations were involved in various kinds of crimes.

Keywords: Turkey, Susurluk scandal, Counter-Guerrilla, Gladio, criminal world, organized crime, secret armies

После Второй мировой войны главным приоритетом Соединенных Штатов в отношении Турции стало вступление республики в состав НАТО и интеграция Анкары в западную систему защиты от коммунистической идеологии. Турция имела важное стратегическое положение для Североатлантического альянса: стра-

на вступила в НАТО в 1952 г. и стала восточным флангом блока во время холодной войны.

При этом во второй половине XX века Турция представляла собой государство, раздираемое противоречиями: республика пережила череду военных переворотов и волны политического насилия. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. на

юго-востоке страны активно велась борьба с сепаратистскими отрядами Рабочей партии Курдистана (РПК). В обществе поднимались разговоры о том, что государственные структуры вербуют ультраправых националистов из турецкого преступного мира для борьбы с боевиками РПК и левыми активистами, однако никаких однозначных доказательств тому не было, и турецкие власти, как правило, отвергали эти обвинения.

Ситуация кардинально изменилась, когда 3 ноября 1996 года недалеко от населенного пункта Сусурлук, расположенного в турецкой провинции Балыкесир, черный автомобиль марки «Мерседес» с номерным знаком АС 600 врезался в грузовик. В машине находились некий мужчина с документами на имя Мехмета Озбая, девушка с документами на имя Мелахат Озбай [1, s. 33], заместитель начальника полиции Стамбула Хусейн Коджадаг и депутат парламента от «Партии истинного пути» (тур. *Doğru Yol Partisi*) Седат Буджак. Выжить удалось только последнему [2, s. 374-376].

Выяснилось, что документы на имя Мехмета Озбая принадлежали Абдулле Чатлы — мафиози и лидеру ультранационалистической военизированной организации «Серые волки» (тур. *Bozkurtlar, Ülkü Ocakları*). Вместе с ним была его возлюбленная — модель Гонджа Ус. Полицейский, парламентарий и криминальный авторитет были настолько необычным сочетанием пассажиров, что сразу же привлекли внимание общественности.

Находившийся в международном розыске Абдулла Чатлы был известным криминальным лидером. Его считают организатором кровавых событий в анкарском районе Бахчелиэвлер в октябре 1978 г., в результате которых погибли 7 членов прокоммунистической «Рабочей партии Турции» (тур. *Türkiye İşçi Partisi*) [3, s. 43]. Также он находился в тесных контактах с Мехметом Али Агджой и Оралом Челиком — боевиками-националистами, ответственными за убийство редактора газеты *Milliyet* Абди Ипекчи и покушение на Папу Римского Иоанна Павла II [2, s. 102, 205]. Спустя 22 дня после военного переворота 12 сентября 1980 г. Чатлы бежал в Западную Европу, в 1984 г. был задержан за наркоторговлю в Париже. В 1990 г. он совершил побег из швейцарской тюрьмы Бостадель и, имея на руках фальшивые документы, возвратился в Турцию [3, s. 44].

Сопровождавшая его Гонджа Ус была сводной сестрой девушки одного из товарищей Абдуллы Чатлы. Изначально девушка работала учительницей, но со временем бросила эту профессию и устроилась крупье в казино отеля *Opura* в Кушадасы [2, s. 318]. Супруга криминального лидера Мераль призналась, что знала о существовании Гонджи Ус и закрывала глаза на эти отношения, длившиеся два с половиной года [2, s. 319]. При этом сама Ус также находилась в стадии бракоразводного процесса [1, s. 60].

Единственным выжившим пассажиром был парламентарий Седат Эдип Буджак — представитель курдского племени Буджак и глава подразделения «деревенской охраны», представлявших собой вооруженные формирования, которые противостояли РПК на юго-востоке Турции [3, s. 182].

Считается, что именно через Седата Буджака познакомилась Абдулла Чатлы и Хусейн Коджадаг, четвертый фигурант инцидента в Сусурлуке [2, s. 60]. За годы своей карьеры последний служил в разных городах Турции, в 1986 г. был отстранен от дел, однако по решению суда ему позволили вернуться в профессию. Как раз во время службы на юго-востоке страны он познакомился с семьей Буджак, и эта дружба продлилась до последних дней жизни полицейского.

Все четверо возвращались в автомобиле из Кушадасы в Стамбул. Перед этим они провели два дня в отеле *Opura*, где некогда работала Гонджа Ус. Заведение ранее находилось в управлении «короля казино», владельца многочисленных бизнесов Омера Лютфю Топала, убитого неизвестными 28 июля 1996 г., за несколько месяцев до аварии в Сусурлуке. Согласно одной из версий, именно Чатлы мог быть причастен к нападению на Топала: на оружии, использованном при убийстве бизнесмена, были обнаружены отпечатки пальцев Чатлы [4, p. 571].

Через два дня у Гонджи Ус должно было состояться заседание по бракоразводному процессу, именно поэтому Абдулла Чатлы настаивал на скорейшем возвращении в Стамбул [2, s. 374]. Хусейн Коджадаг был за рулем автомобиля, Седат Буджак сидел рядом с ним на переднем сидении. Гонджа Ус и Абдулла Чатлы были на заднем сидении.

Когда автомобиль въехал в Сусурлук, Коджадаг опасным маневром обогнал идущую колонну грузовиков, перегнал сопровождавшую машину с охраной и начал разгоняться. Далее «Мерседес» на скорости 230 км/ч врезался в кузов грузовика, который выехал на трассу с заправочной станции. Единственного выжившего Седата Буджака сначала перевезли в Балыкесир, а затем на вертолете доставили в Стамбул [2, s. 374-376].

Документы, обнаруженные в машине, стали свидетельством того, что Абдулла Чатлы находился под покровительством тогдашнего министра внутренних дел Турции и депутата от «Партии истинного пути» Мехмета Агара, благодаря которому криминальный лидер получил поддельное удостоверение личности и право на пользование оружием [3, s. 209]. В «Мерседесе» был также обнаружен арсенал оружия, включавший в себя несколько пистолетов с глушителями.

Авария в Сусурлуке вызвала большой общественный резонанс. Расследования журналистов и представителей неправительственных организаций привели к возникновению ряда

серьезных обвинений в адрес политиков за их сотрудничество с мафиозными структурами. Неравнодушные граждане организовывали манифестации, а начиная с февраля 1997 г. активисты проводили акцию «Одна минута темноты для постоянного света» (тур. *Sürekli Aydınlık İçin Bir Dakika Karanlık*), в рамках которой каждый день ровно в 21:00 включали и выключали свет в своих домах на протяжении одной минуты. Таким способом участники акции настаивали на привлечении к ответственности представителей власти за их потворство деятельности криминальных военизированных структур, а также требовали «преодолеть темноту» и проложить путь к «чистому обществу» [5, s. 28].

На фоне обвинений в предоставлении Абдулле Чатлы фальшивых документов Мехмет Агар, сославшись на проблемы со здоровьем у своей дочери, ушел с поста главы МВД через 5 дней после аварии в Сусурлуке. Тем не менее наличие депутатской неприкосновенности являлось препятствием к проведению судебного разбирательства в отношении Агара.

26 ноября 1996 г. заместитель премьер-министра Турции Тансу Чиллер выступила с любопытным заявлением, отметив, что не была знакома с Абдуллой Чатлы, однако считает его достойным человеком, поскольку тот действовал в интересах родины [6]. Тем не менее под сильным давлением общественности 29 ноября 1996 г. в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ) была сформирована состоящая из 9 депутатов комиссия по расследованию ситуации, возникшей в связи с инцидентом в Сусурлуке.

Лишь в декабре 1997 года с Мехмета Агара и Седата Буджака сняли депутатскую неприкосновенность [1, s. 43]. Суд государственной безопасности (СГБ) в Стамбуле подготовил обвинительное заключение и возбудил уголовное дело в отношении двух политиков, вменяя им «создание группировки с целью совершения преступления, несообщение компетентным органам сведений о лицах, подлежащих аресту и задержанию, злоупотребление служебным положением» [7, s. 138].

Агар дал показания в СГБ в 1998 году. В ходе трехчасового допроса он отказывался отвечать на многие вопросы, утверждая, что уточняемая информация является «государственной тайной». Политик также заявил, что его могут судить только в Верховном суде, поскольку он занимал пост министра внутренних дел во время многих событий по данному делу [8].

Сначала СГБ вынес решение о неподсудности дела суду государственной безопасности, однако в Верховном суде дело также не рассматривалось. В конечном счете СГБ постановил о приостановке судебного процесса. Парламентская следственная комиссия также заявила об отсутствии необходимости передавать дело Агара в Верховный суд [8]. Таким образом, судебные про-

цессы в отношении Агара, связанные с инцидентом в Сусурлуке, на долгое время прекратились, и он продолжил свою политическую карьеру.

Лишь в 2011 г. 11-й Верховный уголовный суд Анкары приговорил Мехмета Агара к пяти годам тюремного заключения по иску, поданному против него по обвинению в «руководстве преступной организацией». После отбытия 1 года и 4 дней в тюрьме в Айдыне Агар был условно освобожден [8].

В свою очередь, Седат Буджак, оказавшийся в одном автомобиле с Абдуллой Чатлы, вовсе избежал наказания. Хотя сначала Верховный кассационный суд приговорил парламентария к 1 году 15 дням тюремного заключения, он был условно освобожден [9].

Хотя разговоры о связях между государством, полицией и мафией о интенсифицировались именно на фоне инцидента в Сусурлуке, подобные утверждения были зафиксированы в государственных отчетах еще до аварии. В частности, первый отчет («Отчет МІТ 1987») был подготовлен сотрудником Национальной разведывательной организацией (МІТ) Мехметом Эймюром в 1987 году и представлен тогдашнему президенту Тургуту Озалу. В документе содержатся выводы о координации между криминальным миром, полицией и государственными чиновниками. Согласно отчету, начальник полиции Стамбула Унал Эркин и его заместитель Мехмет Агар (занимал данный пост в 1980-е гг.) имели отношения с преступным миром [10, s. 91-118].

После того как первый отчет МІТ просочился в прессу, Мехмет Эймюр подал в отставку, однако в 1995 г. он вернулся в разведывательную организацию в качестве главы отдела по борьбе с терроризмом. В этот период он написал второй отчет МІТ, в котором говорилось о существовании подконтрольной государству военизированной организации, созданной под видом борьбы с РПК и некоторыми левыми организациями. В эту группировку, в частности, входили Абдулла Чатлы, Халук Кырджи, Сами Хоштан, замешанные в ряде преступлений, включая убийства и торговлю наркотиками.

Данный отчет был обнародован тогдашним председателем «Рабочей партии» (тур. *İşçi Partisi*) Догу Перинчеком на пресс-конференции, состоявшейся 21 сентября 1996 г., примерно за 1,5 месяца до аварии на Сусурлуке. В его заявлении говорилось, что вооруженное формирование подчинялось руководителю главного управления безопасности Мехмету Агару (занимал данный пост с 1993 по 1995 гг.) и курировалось его советником Коркутом Экенем. Оно состояло из бывших ультраправых боевиков с криминальным прошлым, а главное управление безопасности выдавало этим людям полицейские удостоверения и зеленые паспорта (выдаются только высокопоставленным лицам). Именно в

этом документе впервые появилась информация о том, что Абдулла Чатлы имеет фальшивые документы на имя Мехмета Озбая. Согласно отчету, члены формирования также занимались незаконным оборотом наркотиков в Германии, Нидерландах, Бельгии, Венгрии и Азербайджане под видом участия в деятельности, направленной на борьбу с терроризмом [11, с. 81-90].

После аварии в Сусурлуке было составлено три доклада. Первый из них подготовила Национальная разведывательная организация. 17 ноября 1996 г. руководитель MIT Сонмез Коксал лично направил документ тогдашнему премьер-министру Турции Неджметтину Эрбану. Отчет был обнародован лишь в 2013 г. В документе утверждалось о существовании поддерживаемой Тансу Чиллер группы, именуемой «Преступная организация Чиллер» (тур. *Çiller Özel Örgütü*). В нее входили сотрудники разведки, высокопоставленные чиновники и боевики «Серых волков». Согласно докладу, внутри государства существуют неконтролируемые вооруженные силы, которые могут заниматься нежелательной деятельностью, отличной от нужд государства [12].

Тем не менее сомнения в правдивости отчета MIT привели к тому, что в 1997 г. глава правительства Турции Месут Йылмаз поручил председателю инспекционного совета при премьер-министре Кутлу Савашу составить второй отчет. Согласно документу, проблема Сусурлука «состоит из целого и цепочки событий» [13, с. 11]. Речь идет о ряде нераскрытых убийств (включая убийство упомянутого Омера Лютфю Топала) и прочих нерасследованных происшествий.

В отчете утверждается, что военизированные формирования, созданные под крылом главного управления безопасности и жандармерии для борьбы с РПК, со временем стали вовлечены в разного рода преступления. В частности, Кутлу Саваш зафиксировал существование секретного разведывательного и антитеррористического отдела жандармерии (JİTEM), который действовал на юго-востоке страны [13, с. 25]. Сотрудники данного подразделения были причастны ко многим преступлениям в данном регионе (пытки, насильное перемещение гражданского населения и пр.). Такие вооруженные структуры состояли в основном из сотрудников службы безопасности или разведки с большим стажем работы, при этом преступления в отношении гражданского населения часто совершались бывшими членами РПК, которых называли «исповедниками» (тур. *itirafçı*) [13, с. 25]. Таким людям предлагали иммунитет от судебного преследования либо сокращали сроки тюремного заключения в обмен на то, что они переходили на другую сторону и выступали против своих бывших товарищей.

Весной 1997 г. парламентская следственная комиссия во главе с Мехметом Элькатмышем опубликовала 350-страничный отчет касательно

ситуации вокруг Сусурлука. Комиссия пришла к выводу, что внутри государства существовали бандформирования, получавшие поддержку со стороны разведки, жандармерии и полиции. После разоблачения такой схемы понимание правового государства в Турции было подорвано, поскольку в стране появилась возможность государственного финансирования незаконных структур, осуществляющих противоправную деятельность, в том числе угрозы, убийства, вымогательства и др. Согласно представленным в отчете выводам, данное обстоятельство негативно сказалось на доверии граждан к властям, тем более что действия, предпринятые госслужащими, были засекречены под предлогом «государственной тайны» [14, с. 316].

В ходе парламентского расследования было установлено, что еще в 1952 г. для противодействия коммунистической угрозе и левым движениям заработал так называемый Тактический мобилизационный совет (тур. *Seferberlik Taktik Kurulu*). Впоследствии название этой организации менялось на Управление специальных операций (тур. *Özel Harp Dairesi*) и Командование войск специального назначения (тур. *Özel Kuvvetler Komutanlığı*), однако суть деятельности этой секретной структуры оставалась прежней [14, с. 287].

Данные секретные структуры в широком смысле являлись частью тайной операции НАТО «Гладио», разработанной западными спецслужбами в странах альянса для потенциального военного противостояния с СССР и его союзниками после Второй мировой войны. Турецкая часть соответствующей операции получила название «Контргерилья» (тур. *Kontgerilla*) [15, р. 229]. Вербовка, как правило, велась среди ультранационалистически настроенных членов турецкого преступного мира. В обмен на иммунитет от судебного преследования за их незаконную деятельность, например, незаконный оборот героина через Турцию в Западную Европу, ультраправые представители турецкой мафии участвовали в операциях против членов военизированной группировки Армянская тайная армия освобождения Армении (АСАЛА), а затем, особенно с конца 1980-х годов, в ликвидации подозреваемых в членстве или сочувствии РПК.

Таким образом, можно заключить, что под покровительством государства в Турции существовали специальные подразделения, созданные для борьбы с идеологическими противниками, но также запятнавшие себя в серии преступлений, включая нераскрытые убийства, мафиозные разборки и контрабанда наркотиков. В результате расследований вскрылось сотрудничество между радикальным националистическим движением с определенными кругами, называемыми «глубинным государством». Топоним «Сусурлук» превратился в имя нарицательное, означающее беззаконие с попуститель-

ства властных структур. Разоблачения в рамках Сусурлукского скандала нанесли большой удар по доверию турецкого народа к своим политическим лидерам, однако фактически никто не был привлечен к ответственности по итогам нашумевшего скандала.

Литература и источники / References

1. Türk H. Susurluk Labirenti. İstanbul: Akademi TV Programcılık Reklam, Film Yapım ve Yayın Pazarlama A.Ş., 2005. 182 s.
2. Yalçın S., Yurdakul D. Reis. Gladio'nun Türk Tetikçisi. İstanbul: Doğan Egmont Yayıncılık ve Yapımcılık Tic. A.Ş. 2011. 399 s.
3. Berberoğlu E. Susurluk. 20 Yıllık Domino Oyunu. İstanbul: İletişim Yayıncılık A. Ş., 1997. 256 s.
4. Human Rights Foundation of Turkey. 1998 Turkey Human Rights Report. Ankara: 2000. 587 p.
5. Sezer Şanlı. Bir Yurttaş Protestosu Olarak Sürekli Aydınlik İçin Bir Dakika Karanlık Eylemleri. Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Sayı 48. Denizli: 2022. ss. 23-45.
6. Çiller: Çatlı şerefli. Milliyet: 1996. URL: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/ciller-catli-serefli-5263277> (Accessed: 05.07.2023).
7. Poyraz Akyol C. Zamanın Sabrı. İstanbul: Destek Yayınları, 2022. 192 s.
8. Abdullah Çatlı: Susurluk skandalı nedir, 3 Kasım 1996'daki trafik kazasının ardından neler yaşandı? BBC News Türkçe: 2021. URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-57230730> (Accessed: 07.07.2023).
9. Sedat Edip Bucak'ın hapis cezası ertelendi. Hürriyet: 2006. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/sedat-edip-bucakin-hapis-cezasi-ertelendi-5429327> (Accessed: 07.07.2023).
10. Doğan S. MİT Raporu Olayı. İstanbul: Kaynak Yayınları, 1988. 126 s.
11. Perinçek D. Çiller Özel Örgütü. TBMM Susurluk Komisyonu'na Sunulan Dosya ve Belgeler. İstanbul: Kaynak Yayınları, 1996. 384 s.
12. Susurluk Raporu (Sönmez Köksal). URL: [https://tr.wikisource.org/wiki/Susurluk_Raporu_\(Sönmez_Köksal\)](https://tr.wikisource.org/wiki/Susurluk_Raporu_(Sönmez_Köksal)) (Accessed: 11.07.2023).
13. Savaş K. Kutlu Savaş'ın hazırladığı Susurluk Raporu. İstanbul: Radikal, 1998. 96 s.
14. T.B.M.M. Tutanak Dergisi. 98-inci Birleşim. Ankara: 1997. Dönem 20. Cilt 27. Yasama yılı 2. ss. 259-423.
15. Ganser D. NATO's Secret Armies: Operation Gladio and Terrorism in Western Europe. London: Routledge, 2005. 302 p.

© «Клио», 2023

© Гейгер Н.Н., 2023

УДК 94(460)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_64

Дата поступления (Submitted) 07.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 18.07.2023

Применение Испанией политики мягкой силы в сфере образования и культуры

ЕЛЕНА БОРИСОВНА МАЛЫШЕВА

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), школа Международные отношения Гуманитарного института, старший преподаватель, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: lyshma@mail.ru

ЛУСИНЕ АРТАКОВНА МИКАЕЛЯН

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), школа Международные отношения Гуманитарного института, старший преподаватель, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: laluz93@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются два из многочисленных способов влияния на внешнюю и внутреннюю политику других государств при помощи мягкой силы на примере Испании. Мягкая сила имеет две составляющие: политика, проводимая государством и его авторитет в международном сообществе, то есть внешний фактор, и внутренняя обстановка в стране, которую определяют низкий уровень преступности, уровень жизни, а также состояние культуры и образования, то есть внешний фактор.

Степень влияния государства определяется при помощи рейтингов, составленных после социологических опросов или на основе статистических данных. Оценка проводится с точки зрения тех или иных специфических характеристик, оцениваются достижения в экономике, в высоких технологиях и бизнесе, а также достижения в спорте, в культуре или наличие какой-либо особой черты, которая позволяет оказывать влияние на глобальный мир. Многие страны проводят специальную политику создания и культивирования определенных ценностей и норм политической и экономической модели с целью создания благоприятного образа страны в глазах мировой общественности.

Испания вернулась на мировую арену в 80-е годы прошлого столетия, после сорока лет политической и экономической изоляции, связанной с неприятием мировым сообществом режима Франко. Кухня, солнце и пляжи сразу же привлекли в страну туристическую отрасль, но правительство Испании не было заинтересовано в том, чтобы страна стала лишь местом отдыха. Особые полномочия были возложены на министерство Культуры и Спорта с целью создания учебных центров, которые проводили бы политику распространения испанского языка организуя обучение языку как за рубежом, так и при помощи языкового туризма. Через некоторое время эти функции взял на себя специально организованный для этих целей Институт Сервантеса.

В области культуры вопросами взаимодействия занимается Испанское агентство по международному сотрудничеству, которое действует под руководством Генерального департамента по сотрудничеству и развитию культуры за рубежом. Испания уделяет огромное внимание международному культурному сотрудничеству, как и многие страны, которые предпринимают серьезные шаги для поддержания внешней культурной политики на высоком уровне.

В условиях развивающейся экономики знания национальные системы образования и культура выступают как действенные инструменты дипломатии, привлекая людей всего мира в национальные университеты, создавая необходимые связи и каналы влияния в интересах продвижения национального образа за рубежом.

Ключевые слова: мягкая сила, имидж Испании, Марка Испании, культурное сотрудничество, обмен студентами

Spain's use of soft power policy in education and culture

ELENA BORISOVNA MALYSHEVA

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU), School of

*International Relations of the Humanities Institute, Senior Lecturer,
195251, St. Petersburg, Politekhnikeskaya st., 29
e-mail: lyshma@mail.ru*

LUSINE ARTAKOVNA MIKAELYAN

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU), School of
International Relations of the Humanities Institute, Senior Lecturer,
195251, St. Petersburg, Politekhnikeskaya st., 29
e-mail: laluz93@mail.ru*

Abstract. This article discusses two of the many ways to influence the foreign and domestic policies of other states with the help of soft power on the example of Spain. Soft power has two components: the policy pursued by the state and its authority in the international community, that is, an external factor, and the internal situation in the country, which is determined by a low crime rate, standard of living, as well as the state of culture and education, that is, an external factor.

The degree of influence of the state is determined by ratings compiled after opinion polls or based on statistical data. The assessment is carried out from the point of view of certain specific characteristics, achievements in the economy, in high technology and business, as well as achievements in sports, culture, or the presence of any special feature that allows you to influence the global world. Many countries have a special policy of creating and cultivating certain values and norms of the political and economic model in order to create a favorable image of the country in the eyes of the world community.

Spain returned to the world stage in the 80s of the last century, after forty years of political and economic isolation associated with the rejection of the Franco regime by the world community. The cuisine, the sun and the beaches immediately attracted the tourism industry to the country, but the Spanish government was not interested in the fact that the country would become just a vacation destination. Special powers were assigned to the Ministry of Culture and Sports in order to create training centers that would carry out a policy of spreading the Spanish language by organizing language training both abroad and with the help of language tourism. After a while, these functions were taken over by the Cervantes Institute, which was specially organized for these purposes.

In the field of culture, cooperation issues are handled by the Spanish Agency for International Cooperation, which operates under the guidance of the General Department for Cooperation and Development of Culture Abroad. Spain pays great attention to international cultural cooperation, as do many countries that are taking serious steps to maintain a high-level foreign cultural policy.

In the conditions of a developing knowledge economy, national education systems and culture act as effective tools of diplomacy, attracting people from all over the world to national universities, creating the necessary connections and channels of influence in the interests of promoting the national image abroad.

Keywords: *soft power, image of Spain, Brand of Spain, cultural cooperation, student exchange*

В международных отношениях влияние одного государства на политику другого может осуществляться двумя способами: путём военного, экономического либо дипломатического давления, которое имеет цель изменить внешний или/и внутривнутриполитический курс второго государства, жесткая сила, либо применить стратегию, при которой другое государство добровольно изменит свой внешний или/и внутривнутриполитический курс на основе привлекательности к ряду политических атрибутов первого государства (Аликин 2013. № 9. с. 47–57).

Понятие мягкой силы было введено американским политологом Джозефом Найем в 1990 году, в своей работе он писал «Soft power» – «это понуждение других хотеть результатов, которые вы хотели бы получить». «Мягкая сила», писал он, «в период развитого информационного пространства это по большей части результат достижений в обществе и в экономике, чем просто усилий правительства. Некоммерческие организации, обладающие «мягкой силой», могут помочь правительству в достижении его целей,

тоже касается и представителей бизнеса» (Нье 2005, 191р). Другими словами, можно сказать, что мягкая сила означает создание, культивирование определенных ценностей и норм политической и экономической модели и последующее их распространение и популяризацию за пределами национальных границ с целью влияния на внешнюю и внутреннюю политику других стран, то есть это способ реализовать национальные интересы страны, не прибегая к помощи оружия или экономического давления на другие страны.

В своей статье Леонова Г. О. указывает, применение принципов мягкой силы осуществляется не только когда речь идёт о международных процессах и отношениях, но и в сфере влияния на отдельные страны и регионы мира. Автор также отмечает, что использование мягкой силы даёт возможность странам оказывать влияние на мировое сообщество, даже если они не входят в Совет Безопасности ООН, не владеют ядерным оружием или находятся на окраине мира (Леонова 2013. № 4 (279). с. 27–40).

Далее автор отмечает, что в мягкой силе есть

две важные составляющие: внешняя, т.е. внешняя политика и авторитет в международных делах государства, а также внутренняя, в которую входят информационные ресурсы и коммуникативная мобильность. Не вызывает сомнений то, что такие факторы как проводимая идеология, уровень жизни и развитые технологии так же помогают стране создать необходимый образ, увеличивающий потенциал воздействия на другие государства.

Общепринятыми и широко используемыми инструментами мягкой силы являются политическая популяризация страны, насколько популярен язык страны в других странах мира, степень развития туристической отрасли, достижения в популярных видах спорта, уровень системы образования и заинтересована ли она в культурных и студенческих обменах. Примером может послужить модель образования в США. В Соединённых Штатах финансирование образования в 2,5 раза превышает финансирование армии. Около полумиллиона иностранных студентов, после получения высшего образования в Штатах, начинают понимать политическое и социальное устройство страны, основанное на американских ценностях, а также увидеть принципы свободной торговли и экономического либерализма в действии. Когда такие люди занимают высокие посты в экономических и политических структурах своей страны они становятся проводниками американского влияния (Давыдов 2004. № 1 (4). с. 69–80).

Британская газета «Дейли Мейл» в 2012 году в статье «Кто правит миром» (Britain..., 2012) составила рейтинг двадцати наиболее влиятельных стран, верхнюю строчку рейтинга, как можно было бы предположить, заняла Великобритания, по мнению газеты, проведение Олимпийских Игр, а также спортивные и культурные достижения, основным из которых является новый фильм о Джеймсе Бонде, позволили стране обогнать общепринятого лидера во многих областях жизни, США.

Третье место заняла Германия не только из-за того, что страна занимает лидирующую позицию в экономике, а благодаря авторитету и деятельности Института Гёте и успехам Бундеслиги. Франция получила четвёртое место за музеи и национальную кухню, а Швеция пятое за дружельюбие. Последующие страны оценивались с точки зрения влияния их на моду, поп музыку, успехов в экономике, политике и бизнесе. В этом рейтинге Испания заняла 14 место с традиционным набором солнце, кино и еда.

В середине двадцатого века Испания оказалась на грани полной мировой изоляции для того, чтобы избежать её страна стала проводить последовательную политику мягкой силы в Латинской Америке на основе принципов «испанидад»: единство языка, культуры и политических взглядов, но результатом этой политики стали

лишь крепкие экономические связи (Лобанова 2017. №9. с.61–68). Смена политического курса Испании после смерти диктатора Франко началась с принятия «Закона о политической реформе», что позволило Испании проводить политику интеграции в мировое сообщество. Одним из условий интеграции, несомненно, являлась популяризация языка, но в стране не было центров, которые проводили бы политику распространения испанского языка, а распоряжения правительства о создании центров Культуры Испанского языка не выполнялись. Ситуация кардинально изменилась в преддверие открытия Всемирной Выставки. Для успешного её проведения нужны были иностранцы, представители делегаций, которые бы обеспечили перевод и сопровождение международных организаций. В срочном порядке были выделены фонды на создание учебных курсов и подготовку квалифицированных преподавателей.

Таким образом к 1988 году испанское правительство создало экзамен DELE по образу и подобию кэмбриджских экзаменов по английскому языку и экзаменов, проводимых институтом Гёте, по немецкому языку для того, чтобы существовал единый критерий по оценке знаний и документ, признаваемый и ценимый во всех странах мира (DELE 2016). В 1992 году Всемирная Выставка прошла с огромным успехом.

Промышленный прорыв Испании привёл к тому, что интерес к испанскому, как к языку ведущей державы возрос, в Европе возник дефицит преподавателей, в 1991г. Министерство Культуры и Спорт передало вновь созданному Институту Сервантеса, который взял на себя функции распространения испанского языка и литературы а так же организации, проведения и проверки экзаменов Diploma de Español como Lengua Extranjera (DELE), оставаясь под патронажем Министерства Культуры Испании и сотрудничестве с Университетом Саламанки (данные взяты с официального сайта DELE). В настоящее время в 43 странах мира находятся 86 представительств Института, целью Института, как и прежде, является популяризация испанского языка и культуры, для этого он разрабатывает специальные учебные программы и методики изучения языка, подготавливает и издаёт большими тиражами учебники, предназначенные для людей различных возрастных групп, самим же обучение языку Институт не занимается. Работа Института приносит свои плоды: в 2017 году испанский изучали 21млн человек, в 2020 г., однако, коронавирусная пандемия привела к значительному уменьшению числа обучающихся по различным программам, например, количество сдающих экзамен DELE упало на 50%, но как указано в ежегодном отчёте Института, количество желающих изучать язык онлайн выросло на 1,2 миллиона по сравнению с предыдущими годами (Instituto Cervantes 2020). Для продвижения

культуры Испании за рубежом существует Генеральное управление политикой и культурной индустрией при Министерстве Культуры, сферы интересов Испании распространяются на Латинскую Америку, Европу, Азию, США, Африку, а также страны, расположенные на Восточном побережье Средиземного моря, для этих территорий разработана особая культурная политика: проводятся выставки под общим названием «Испания в движении», а также создана сеть «Домов», например, Дом Азии (Химич. Терентьева 2018. Т. 1. № 1. с. 197–207).

Вступление Испании в «Болонский процесс» позволило Испании использовать ещё один инструмент мягкой силы, а именно, обучение иностранных студентов на территории страны. Эту функцию взял на себя фонд «Каролина», который занимается налаживанием связей и различных контактов с иностранными университетами. Иностранным преподавателям испанского языка предлагают повысить квалификацию на специальных курсах, активно используются программы студенческой мобильности и программы двойного диплома, для повышения конкурентоспособности с другими европейскими университетами, некоторые программы обучения проводятся на английском языке. Помимо этого, развиваются проекты Erasmus и Erasmus+, которые не только позволяют получить диплом одного из европейских университетов, но и дают чувство единства наций в едином европейском сообществе, совместные научно-исследовательские проекты с профессорами зарубежных университетов, международные научные конференции и конгрессы так же помогают в обмене опытом и научными знаниями.

Третьей составляющей образовательной политики страны является обучение испанскому языку в качестве идиоматического туризма: для желающих овладеть языком на «бытовом» уровне, для ведения бизнеса или просто для путешествий, различные лингвистические центры обеспечивают обучение в зависимости от поставленной цели. Такой туризм положительно влияет не только на внешнюю политику, но и на экономику страны.

Для укрепления имиджа страны в 2012 году в Испании был запущен проект «Марка Испании» (Marca España), более точно следовало бы переводить «сделано в Испании», который гарантировал высокое качество продукции и услуг, произведённых в Испании. Правительство финансировало экономическую, культурную, социальную и научно-технической сферы. Большое внимание было уделено созданию образа безопасной страны, способной принять различные религии, обычаи и традиции, было уделено особое внимание проблеме дискриминации, учитывая исторический опыт Испании, особое внимание было уделено дискриминации женщин, и решения проблемы мигрантов и бежен-

цев, которая в Испании стоит особо остро в силу географического положения.

Испания вкладывает значительные средства для сохранения своего материального и нематериального культурного наследия. В Испании находится 44 объекта, признанных Юнеско объектами культурного наследия, к ним относятся постройки римского периода, периода арабского завоевания и, конечно же, уникальные постройки архитектора Гауди. Нематериальным наследием считается испанский язык, испанские праздники и традиции, а также неповторимая средиземноморская кухня, все это наследие бережно сохраняется и передаётся из поколения в поколение (Устинович, Переверзева 2019. Т. 9. № 2 (31). с. 156–161).

В октябре 2018 г. на смену проекту «Марка Испании» пришёл новый, который называется «Глобальная Испания» (España Global), задачи и цели этого проекта остались прежними: создать благоприятный образ страны как за рубежом, так и в самой стране, так как испанцы, в отличие от жителей других стран, дают более низкие оценки своей стране, чем иностранцы. Повышение рейтинга страны осуществляется при помощи плана «цифровой дипломатии», принятого в 2015г. и призванного повысить интерес к стране при помощи социальных сетей. Однако в мировом рейтинге 2018 года Испания всё также осталась на четырнадцатой строчке (The 2018 Country RepTrak). Испания сама проводит опросы и составляет рейтинги, например, Королевский институт Элькано в 2018г. составил Барометр имиджа Испании (Barómetro de la imagen de España 2018), в котором Испания европейские страны, участвовавшие в опросе, оценили её на 7,1 по 10-балльной шкале; в Индексе глобального присутствия (объем экспорта, количество туристов, спортивные достижения международного уровня и др.) Испания заняла одиннадцатое место (The Soft Power 30 Report 2018).

Как и многие страны, которые предпринимают серьезные шаги по усовершенствованию идей внешней культурной политики, Испания уделяет огромное внимание международному культурному сотрудничеству. Как отметил премьер-министр Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро в своем докладе на встрече иностранных послов в 2008 г. «культура является существенной составляющей любого государства, претендующего на важные позиции в мире. Развитие дипломатии и внешних сношений позволяет нам лишь утверждать, что наш язык и культура вместе с Его Величеством Королем Испании являются нашими лучшими посланниками за рубежом» (Rodríguez Zapatero 2008).

В 2011 году министерством иностранных дел и сотрудничества, министерством культуры Испании, Институтом Сервантеса, обществом «Испанская культурная деятельность» был разработан и принят «Национальный план внешней

культурной деятельности». Были рассмотрены четыре основных направления внешней политики Испании в области культуры, такие как: поддержка культурного сотрудничества в целях развития, содействие сохранению наследия и культурному самовыражению, интернационализация культурных и творческих индустрий, поощрение межкультурного диалога. В этот же период появилось понятие, описывающее такого рода деятельность: испанофония, то есть распространение испанского языка и культуры, но не одной Испании, а полностью ибероамериканской общности, то есть Испании, Португалии и стран Латинской Америки, с последующим созданием соответствующей лингвополитической и культурологической инфраструктуры (Ковалевская 2015. № 5–2. с. 141–145). Такой план был обусловлен тем, что именно посредством культуры возможно создать чувство единства нации и единого этноса.

Задачей плана стало создание нового, молодого, приближённого к современным реалиям образа Испании, в соответствии с современными тенденциями, таким направления как мода и дизайн было уделено особое внимание, не остались в стороне интерактивные развлечения, анимация и современная архитектура. Как отмечает в своей статье К. Тисли: «Межкультурные контакты в Испании явно обусловлены местным взаимодействием экономической, политической и культурной динамики» (Teasley 2004, с. 266). Для каждого региона была разработана особая стратегия с его спецификацией и особенностями его культурных связей с Испанией. Традиционный подход к налаживанию международных связей так же был сохранён, программы культурных обменов, объявление года культуры различных стран «Перекрестный год культуры», который помогает наиболее полно раскрыть образ Испании в какой-либо конкретной стране, развитие движения городов-побратимов, помощь развивающимся странам в сохранении их культурного наследия и поощрение культурного самовыражения. Национальный план привлёк внимание представителей академической общности и творческой интеллигенции Испании и стал темой активного обсуждения (Боголюбова, Николаева 2013. № 9. с. 47–57).

Испания сотрудничает с другими странами почти во всех областях культуры: музыка, кинематограф, литература и танцы. Сотрудничество не ограничивается традиционным проведением конференций и конгрессов, используются новые, прогрессивные формы, например, проект «Летняя сессия», когда творческая молодёжь может приехать в Испанию для приобретения новых знаний и обмена опытом, а испанские художники могут попрактиковаться о одном из музеев или художественном центре в разных странах мира.

Несмотря на то, что мягкая сила характеризу-

ется как влияние, оказываемое на другие страны, которое происходит как бы само по себе, Испания создала специальные институты, основной задачей которых является создание положительного образа Испании и популяризации её в мировом сообществе.

Как уже упоминалось ранее распространением и популяризацией испанского языка и культуры занимается Институт Сервантеса (Instituto Cervantes 2020) несмотря на то, что он был основан относительно недавно, многие страны расценивают его опыт в качестве образца эффективной деятельности по продвижению национальной культуры и языка за рубежом (Teasley 2004, с. 266). Его деятельность стала возможна благодаря согласованным действиям министерства иностранных дел и министерства культуры, и, хотя финансирование Института в последние годы сократилось, в результате чего закрыты телевидение Сервантеса, количество мероприятий, проводимых Институтом осталось прежним.

В области культуры вопросами взаимодействия занимается Испанское агентство по международному сотрудничеству, которое действует по руководству Генерального департамента по сотрудничеству и развитию культуры за рубежом. Сеть агентства состоит из тридцати центров и офисов по всему ибероамериканскому пространству (страны, в которых испанский и португальский язык является официальным) а также осуществляет сотрудничество с дипломатическими миссиями, находящимися на территории Испании. Основная деятельность агентства направлена на Латиноамериканские страны и Африку, для этого созданы особые центры, которые имеют название «дом»: Дом Африки, Дом Азии и т. д.

Продвижением имиджа Испании в сфере образования занимается Совет по образованию, который подчиняется непосредственно Министерству образования, в его обязанности входит распространять испанский язык в системе образования принимающей страны, развивать отношения между учебными и исследовательскими центрами, информировать о других проблемах образования и т. д.

Экономическим продвижением занимается Испанский институт внешней торговли под руководством Министерства Промышленности, Туризма и Коммерции. Большая часть ресурсов института предназначена для испанских компаний посредством различных программ продвижения, экспорта, подготовки специалистов по внешней торговле и т. д. (Astakhov 2014. № 1 (3). с. 26–33).

Испания целенаправленно проводила политику мягкой силы начиная с середины двадцатого столетия, когда перед ней встала угроза полной изоляции опираясь на принцип (Лобанова 2017. №9. с.61–68), что помогло ей преодолеть период сорокалетней изоляции от мира и

достичь финансового и промышленного процветания. Имидж Испании сохраняется неизменным, несмотря на череду правительственных и политических кризисов, обрушившихся на страну за последнее время. Образ Испании строится не только на восприятии её как туристической страны с чистыми пляжами, высоким уровнем сервиса и тёплом море, но и осознании того, что Испания имеет глубокое историческое наследие, оригинальную, не схожую с другими странами культуру и большой экономический потенциал.

И как отмечает в своей статье Пупышева М.В.: «В сложившейся ситуации становится очевидным, что будущий рост влияния Испании тесным образом связан с усилением и распространением испанофонии, которая за счет развитой системы государственных и неправительственных институтов может обеспечить достаточную информационную поддержку продвижению имиджа страны как современной развивающейся державы, двигающейся по пути научного и технического прогресса» (Пупышева 2020. № 2. с. 210).

Литература и источники

1. Аликин А. А. Мягкая сила и нормативная сила Европы: генеалогические истоки двух концепций мягкого влияния в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Серия: Политология 2017. №4. С.152–164.
2. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Актуальные тенденции внешней культурной политики Испании // Латинская Америка. 2013. № 9. С. 47–57.
3. Давыдов Ю. П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // Международные процессы. 2004. № 1 (4). С. 69–80.
4. Леонова О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2013. № 4 (279). С. 27–40.
5. Лобанова Д. А. Доктринальная основа политики «мягкой силы» Испании в Латинской Америке в середине XX в. // Латинская Америка. 2017. №9. С.61– 68.
6. Ковалевская Н. В. Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 5–2. С. 141–145.
7. Пупышева М. В. Испанофония как ресурс внешней политики Испании // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 206–213.
8. Устинович Е. С., Переверзева О. В. Мировая политика: испанская модель «мягкой силы» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 2 (31). С. 156–161.
9. Химич Г. А., Терентьева Е. Д. Роль гуманитарного сотрудничества в современной внешней политике Испании // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 1. № 1. С. 197–207.
10. Astakhov E. M. Reflexiones sobre el poder blando de España // Ибероамериканские тетради. 2014. № 1 (3). С. 26–33.
11. Nye J. S. Jr. Soft Power the Means to Success in World Politics // New York: PublicAffairs, 2005, 191p
12. C. Teasley the Culture of Discourse on Educational Reform in Spain // Review of Education, Pedagogy, and Cultural Studies, 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1080/10714410490905302> свободный. (Дата обращения: 18.06.2021).
13. Barómetro de la imagen de España (BIE). // Madrid: Real Instituto Elcano, 2018. 98 p.
14. Britain-tops-global-soft-power-list Who Rules the World? The Top 20 in Full. [Электронный ресурс] // Daily Mail, 2012. Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2234726>., свободный. (Дата обращения 28.02.21).
15. DELE [Электронный ресурс]: [сайт]. – la Universidad de Salamanca, 2016 – Режим доступа: <https://www.dele.org.>, свободный. (Дата обращения 17.02.21).
16. Instituto Cervantes [Электронный ресурс]: [сайт]. // Режим доступа: <http://www.cervantes.es.>, свободный. (Дата обращения 28.02.21)
17. Rodríguez Zapatero J. L. En interés de España: una política exterior comprometida [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.maec.es/es.>, свободный. (Дата обращения: 28.02.2021).
18. The Soft Power 30 Report 2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://soft-power30.com/wp-content.>, свободный. (Дата обращения: 28.02.2021).
19. 2018 Country RepTrak [Электронный ресурс] // Reputation Institute. 2018. режим доступа: <https://www.reputationinstitute.>, свободный. (Дата обращения: 28.02.2021).

References

1. Alikin A. A. *Myagkaya sila i normativnaya sila Evropy: genealogicheskie istoki dvukh kontseptsii myagkogo vliyaniya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Soft Power and European Normative Power: Genealogical Origins of Two Concepts of Soft Power in International Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Perm University. Series: Political Science]. 2017. No. 4. Pp.152–164.
2. Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. *Aktual'nye tendentsii vneshnei kul'turnoi politiki Ispanii* [Actual trends in the foreign cultural policy of Spain]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]. 2013. no. 9. Pp. 47–57.
3. Davydov Yu. P. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [“Hard” and “soft” power in international relations]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes]. 2004. No. 1 (4). Pp. 69–80.
4. Leonova O. G. *Myagkaya sila – resurs vneshnei politiki gosudarstva* [Soft power is a resource of the state's foreign policy]. *Observer*. 2013. no. 4 (279). Pp. 27–40.
5. Lobanova D. A. *Doktrinal'naya osnovova politiki «myagkoi sily» Ispanii v Latinskoj Amerike v seredine XX v.* [Doctrinal Basis for Spain's “Soft Power” Policy in Latin America in the Middle of the 20th Century]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]. 2017. No.9. Pp.61– 68.
6. Kovalevskaya N. V. *Rol' ispanskogo yazyka kak «myagkoi sily» vo vneshnei politike Ispanii* [The role of the Spanish language as “soft power” in Spanish foreign policy]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l'* [Historical and socio-educational thought]. 2015. No. 5–2. Pp. 141–145.
7. Pupyshva M. V. *Ispanofoniya kak resurs vneshnei politiki Ispanii* [Hispanophonie as a resource for Spanish foreign policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State University. Series: History and political sciences]. 2020. No. 2. Pp. 206–213.
8. Ustinovich E. S., Pereverzeva O. V. *Mirovaya politika: ispanskaya model' «myagkoi sily»* [World politics: the Spanish model of “soft power”]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and law]. 2019. Vol. 9. no. 2 (31). Pp. 156–161.
9. Khimich G. A. Terent'eva E. D. *Rol' gumanitarnogo sotrudnichestva v sovremennoi vneshnei politike Ispanii* [The role of

- humanitarian cooperation in contemporary Spanish foreign policy]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of RUDN University. Series: International Relations]. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 197–207.
10. Astakhov E. M. Reflexiones sobre el poder blando de España // *Iberoamerican notebooks*. 2014. no. 1 (3). С. 26–33.
11. Nye J. S. Jr. *Soft Power the Means to Success in World Politics* // New York: PublicAffairs, 2005, 191p
12. C. Teasley the Culture of Discourse on Educational Reform in Spain // *Review of Education, Pedagogy, and Cultural Studies*, 2004. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/10714410490905302> (accessed: 18.06.2021).
13. Barómetro de la imagen de España (BIE). // Madrid: Real Instituto Elcano, 2018. 98 p.
14. Britain-tops-global-soft-power-list Who Rules the World? The Top 20 in Full. // *Daily Mail*, 2012. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2234726> (accessed: 28.02.21).
15. DELE. la Universidad de Salamanca, 2016. Available at: <https://www.dele.org> (accessed:17.02.21).
16. Instituto Cervantes. Available at: <http://www.cervantes.es> (accessed: 28.02.21).
17. Rodríguez Zapatero J. L. En interés de España: una política exterior comprometida. Available at: <http://www.maec.es/es> (accessed: 28.02.2021).
18. The Soft Power 30 Report 2018. Available at: <https://soft-power30.com/wp-content> (accessed: 28.02.2021).
19. 2018 Country RepTrak // Reputation Institute. 2018. Available at: <https://www.rep-utationinstitute> (accessed: 28.02.2021).

© «Клио», 2023

© Малышева Е.Б., Микаелян Л.А., 2023

УДК 94(44)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_71

Дата поступления (Submitted) 30.06.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 16.07.2023

Расширение внешнеполитических ресурсов субнациональных единиц. Регионы Франции

КОНСТАНТИН ИГОРЕВИЧ ПАХОРУКОВ*экстерн Санкт-Петербургского государственного университета,**199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9.**e-mail: k.pakhorukov@mail.ru*

Аннотация. В статье изучается опыт Франции по повышению внешнеполитического потенциала регионов как единиц системы административно-территориального управления страны. Анализируются положения подготовленной МИД Франции в 2016 г. «белой книги» по данной проблематике, а также вышедшего в 2019 г. национального гида по децентрализованному сотрудничеству. Рассматривается деятельность как представителей центральной власти в регионах, региональных властей, так и французских зарубежных представительств. Проводится мысль о переходе Франции к использованию территориальных коллективов в качестве дополнительного рычага для проведения своего внешнеполитического курса с присвоением региону негласной роли координатора внешних связей всех субнациональных единиц, находящихся на его территории. Констатируется, что на практике происходит не только развитие внешней деятельности регионов, но и усиление контроля за ней со стороны Парижа.

Ключевые слова: *регионы, Франция, реформа, децентрализация, внешняя деятельность, дипломатия, трансграничное сотрудничество*

Enlarging external policy capacities of subnational entities. French regions

KONSTANTIN IGOREVICH PAKHORUKOV*Extern, Saint-Petersburg State University**199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9.**e-mail: k.pakhorukov@mail.ru*

Abstract. This article studies the French experience concerning an increase of external policy capacities of regions as units of administrative and territorial division of the country. Analysis is made of the white paper clauses on this issue designed by the French Foreign Ministry in 2016 as well as of the national handbook on decentralized cooperation. This article looks at activity of the national authorities' representatives in regions, regional authorities and also of the French diplomatic representations. The survey suggests that France started to use territorial units as a complementary instrument to exercise its foreign policy with a covert role of a region as a coordinator of external relations of all subnational entities situated on its territory. It states that in fact there is not only the development of external activity of regions but also the strengthening of control over it by Paris.

Keywords: *regions, France, reform, decentralization, external activity, diplomacy, transborder cooperation*

Введение

Во Франции, традиционно рассматриваемой в качестве унитарного государства с сильным централизованным началом, второе десятилетие XXI в. ознаменовалось периодом реформирования системы административно-территориального управления, следствием которого стало в том числе расширение возможностей для внешней деятельности территориальных коллективов.

Была радикально перекроена карта административно-территориального устройства

страны. В 2016 г. произошло укрупнение существовавших с 1982 г. в качестве административно-территориальных единиц 22 регионов, по итогам которого во французской метрополии их стало 13. При этом 6 регионов сохранили свои границы, 5 – возникли в результате слияния двух регионов, 2 – при слиянии трех регионов. Таким образом, они окончательно перестали соответствовать границам исторических провинций.

Регионам были приданы новые параметры – географические, демографические, экономические, которые должны были позволить им осуществлять полномочия, сопоставимые с ком-

петенцией регионов соседних с Францией стран. Предполагалось, что за счет этого удастся повысить вовлеченность во внешнюю деятельность данных французских субнациональных единиц.

В этой связи Управлением МИД Франции по внешней деятельности территориальных коллективов в 2016 г. совместно с межведомственной Национальной комиссией по децентрализованному сотрудничеству была подготовлена «белая книга» «Дипломатия и территория. За увеличение ресурсов внешнеполитических действий». В нее вошло 21 предложение по развитию партнерства между государством и территориальными коллективами [1, р. 115-143]. Кроме того, в 2019 г. в развитие «белой книги» был опубликован национальный гид по децентрализованному сотрудничеству.

В настоящей статье рассматриваются ключевые положения данных документов применительно к французским регионам и их претворение на практике.

Дипломаты – кураторы регионального сотрудничества

Внешняя деятельность территориальных коллективов с 1983 г. находилась в ведении координатора от МИД Франции, впоследствии возглавившего профильное управление. Впоследствии в ряде французских посольств стали появляться должности дипломатов, курирующих внешние связи французских территориальных коллективов. Однако только в соответствии с «белой книгой» подразумевалось введение таких дипломатических ставок повсеместно.

10 февраля 2017 г. МИД Франции объявило о том, что во всех французских зарубежных дипмиссиях появились «корреспонденты по сотрудничеству» на субгосударственном уровне. В основной функционал дипломатов вошли следующие задачи:

1) отслеживание условий для развития децентрализованного сотрудничества в государстве пребывания;

2) содействие развитию отношений между французскими и местными субнациональными единицами; 3) формулирование мнения о целесообразности выделения по линии Управления МИД Франции по внешней деятельности территориальных коллективов финансирования на реализацию проектов; 4) распространение информации о французских территориях; 5) осуществление координации между различными французскими территориальными коллективами при наличии у них общего местного партнера [2].

Несмотря на всю многогранность деятельности, данный дипломат по статистике в большинстве случаев (более чем в 50 странах) подчиняется советнику по сотрудничеству и культурной деятельности (в 43 странах обязанности возло-

жены напрямую на советников). Объясняется это необходимостью тесного взаимодействия с местным гражданским обществом. В случае России это атташе по институциональному сотрудничеству – сотрудник культурного направления посольства. Так, эта «связка» дипломатов была ответственна с французской стороны за проведение в 2021 г.– начале 2022 г. российско-французского Года межрегионального сотрудничества.

Однако есть страны, где соответствующие полномочия переданы дипломатам, курирующим другие досье: советнику по политическим вопросам (Ирак, Испания, КНР, Саудовская Аравия, Япония), руководителю группы прессы (Катар), юридическому советнику (Великобритания, Вьетнам), сотруднику группы науки и образования (Аргентина, Индонезия, Канада) или экономики (Бразилия, Бенин, США). В случае небольшой по составу зарубежной миссии, эту функцию может выполнять сам посол (Замбия, Папуа-Новая Гвинея, Эритрея) или его заместитель (Бахрейн, Парагвай, Черногория, Южный Судан) [3].

На практике решение о наделении обязанностями конкретного сотрудника оставлено за главой дипмиссии в стране пребывания. Как представляется, это объясняется спецификой отношений Франции с конкретными государствами.

Кроме того, в круг полномочий такого дипломата вошло курирование всех представительств французских территориальных коллективов в стране пребывания (в случае их наличия), в частности периодическая организация встреч их руководителей в формате совещания при после. Стоит сказать, что, например, в КНР свои представительства в различных китайских провинциях имеет большая часть французских регионов, поэтому консолидация их деятельности чрезвычайно важна не только в целях их контроля, но и для взаимообогащения практиками сотрудничества [4].

Так, основными задачами офиса агентства регионального развития Иль-де-Франс в Шанхае являются привлечение в регион зарубежных предприятий для создания рабочих мест и развития связей французского среднего и малого бизнес с китайскими партнерами. А у представительства Пэи-де-ля-Луар в Циндао к обозначенным задачам отнесены развитие сотрудничества между университетами, лицеями и исследовательскими центрами, партнерство в спортивной и культурной сферах, а также контроль за побратимскими связями городов двух регионов [5].

Учреждение дипломатических советников префектов регионов

Другой вехой в развитии внешней деятельности региональных властей стало введение долж-

ности дипломатического советника регионального префекта [1, р. 115]. Она была учреждена в развитие соглашения о сотрудничестве между МИД и МВД Франции 2015 г. Предполагалось, что советники будут отвечать «за международное развитие территорий (с акцентом на экономическую сферу), децентрализованное и приграничное сотрудничество, контроль за перемещением лиц и борьбу с нелегальной иммиграцией» [6]. Интересно, что в соответствии с «белой книгой» предполагался также «обмен кадрами» между различными структурами, подотчетными МИД Франции, и территориальными коллективами, открытых данных о реализации данного положения нет.

Назначаемые французским МИДом дипломатические советники появились у всех префектов регионов за исключением Иль-де-Франс и Корсики, поскольку в первом и так расположены все министерства, а у второго существует особый статус со специфической практикой внешних контактов [7, р. 11]. Подразумевалось, что советники помогут высокопоставленным французским чиновникам, которые не обязаны быть экспертами по внешнеполитической проблематике особенно в случае приграничного положения региона (например, по особенностям франко-британских отношений в контексте Нормандии и Бретани или миграционных вопросов на юге Франции).

На практике на должность дипломатического советника префекта стали направляться опытные дипломатические сотрудники, преимущественно работавшие во французских зарубежных диппредставительствах на позициях советников (расчет был сделан на использовании многочисленных контактов дипломатов в развитии зарубежных связей регионов), однако среди них неоднократно встречаются и послы, и генконсулы (на 2023 г. – 6 бывших послов и генконсулов) [8].

Были и те, кто, напротив, после работы дипломатическим советником префекта стал послом. Например, советник по сотрудничеству и культурному действию Посольства Франции в Москве Ф.Вуари по завершении заграникомандировки стал советником префекта Гранд-Эст, а в 2020 г. назначен Послом МИД Франции по межправительственным комиссиям и трансграничному сотрудничеству.

При введении должности дипсоветника префекта региона в Париже исходили из того, что данное территориальное измерение оптимально, поскольку охватывает все менее значительные по размеру территориальные единицы. При этом последние структуры, равно как и негосударственные акторы, например, деловые круги могут прибегать к помощи дипсоветников. Здесь любопытно, что, по словам самих советников, они не имеют права на инициативу и в своей деятельности руководствуются поступающими

запросами [7, р. 6-7]. Скорее их роль комплементарно-техническая. Таким образом говорить о том, что дипсоветники активно продвигают развитие децентрализованного сотрудничества, на наш взгляд, вряд ли возможно. Зато они стали дополнительной контролирующей инстанцией внешней деятельности регионов со стороны Парижа.

Продвижение регионального экономического потенциала

В «белой книге» было уделено особое внимание экономической повестке деятельности региональных структур. Так, одной из задач посольств было объявлено продвижение марок, созданных территориальными коллективами [1, р. 117].

Здесь стоит сказать, что в 2011 г. МИД Франции была запущена программа «маркировки» точечного тематического сотрудничества территориальных коллективов (РАСТ) в случае наличия у них интереса к этому. «Маркировка» стала предоставляться на основании опыта децентрализованного сотрудничества коллектива или реализации специфического проекта непосредственно на территории коллектива. С 2020 г. программа получила наименование EXPE-ST. В случае подачи досье на маркировку орган местной или региональной власти соглашается работать с французским внешнеполитическим ведомством в рамках предложенных ему миссий, включающих как отправку его представителей за границу, так и прием иностранных партнеров (транспортные расходы покрываются МИДом). Предполагается, что по итогам миссии должно быть принято решение о возможности ее осуществления на долгосрочной основе. При этом акцент преимущественно делается на странах, в которых французские территориальные коллективы мало представлены [9]. Так, на 2022 г. среди французских регионов маркировку получили региональные советы О-де-Франс (переоборудование бывших угольных шахт и осуществление энергетического перехода), Овернь-Рона-Альпы (осуществление энергетического перехода), Прованс-Альпы-Лазурный берег (борьба с изменением климата) [10].

Значительное внимание в «белой книге» было уделено упрочению сотрудничества французских территориальных коллективов с французским агентством развития, а также с тесно взаимодействующими с МИД Франции национальными агентствами – Business France и Atout France [1, р. 116-118]. Так, Business France, занимающееся международным развитием французской экономики, адаптировало программу France Export к деятельности территориальных коллективов и одновременно увеличило привлечение иностранных инвестиций во Францию. Atout France сконцентрировалось на продвижении за рубежом туристического потенциала ре-

гионов. Одновременно было объявлено о подготовке ежегодного обзора, отслеживающего маршруты идущих во Францию туристических потоков. Предполагалось, что, основываясь на полученных данных, посольства будут способствовать открытию новых воздушных и ж/д связей с французскими регионами. Что характерно, именно в это время в 2016-2019 гг. были запущены новые рейсы между регионами Франции (из Лиона, Марселя, Монпелье и Ниццы) и Москвой, просуществовавшие вплоть до коронавирусной пандемии.

От трансграничного сотрудничества до Форума международных связей территориальных коллективов

Среди других положений «белой книги» выделим рекомендацию уделять больше значения трансграничному сотрудничеству в рамках соглашений, заключаемых с европейскими партнерами Франции, как в целях удовлетворения потребностей населения приграничных районов, так и развития данных территорий. Отмечалась необходимость усиления созданной в 1997 г. по инициативе французских властей ассоциации «Трансграничная операционная миссия», в том числе путем учреждения межведомственного комитета по приграничной политике. В плане взаимодействия французских посольств с префектами приграничных регионов в пример была поставлена французская дипмиссия в Испании и Андорре [1, р. 124-126]. Задуманное удалось реализовать на практике: так, например, в Аахенском договоре о сотрудничестве между Францией и Германией 2019 г. 4 глава посвящена именно упрочению регионального и приграничного сотрудничества» путем преодоления административных и правовых разночтений из-за различий в законодательстве двух стран [11].

Отдельное внимание было уделено также облегчению финансирования внешней деятельности субнациональных единиц различными путями: как за счет ресурсов Европейского союза, так и за счет расширения круга государственных игроков, оказывающих поддержку тому или иному проекту (например, путем привлечения Управления внешней деятельности территориальных коллективов МИД Франции к софинансированию культурных программ Французского института – основного оператора французской культурной политики за рубежом).

МИД Франции также ангажировалось поддерживать национальные и международные ассоциации территориальных коллективов в их шагах, направленных на признание усиления роли местного уровня власти международными организациями (с фокусом на сфере устойчивого развития) [1, р. 131-136].

Было решено придать новое измерение существующему с 2010 г. Форуму международных связей территориальных коллективов [1,

р. 140]. Если изначально он был сориентирован преимущественно на франкоговорящие страны Африки и Средиземноморья, то впоследствии в нем стали принимать участие государства всех регионов мира, включая Россию. С 2017 г. Форум был преобразован в ежегодные Встречи по международным связям территориальных коллективов с участием от 500 до 1000 чел, представителей 30-40 государств (в 2022 г. их проведение было отменено по техническим причинам) [12].

Определение границ дозволенного

Важнейшим положением «белой книги» стало создание юридического гида внешней деятельности территориальных коллективов.

Сначала 24 мая 2018 г. вышел совместный циркуляр МВД и МИД Франции, адресованный префектам и напоминающий принципы, которые территориальным коллективам предписано руководствоваться во внешней деятельности. К числу основных были отнесены: уважение международных обязательств Франции и прерогатив центральной власти; соблюдение разделения компетенции территориальных коллективов разных уровней; соблюдение нейтральности госслужбы (например, невозможность осуществления гуманитарной деятельности на территориях, чей статус не признан Францией); уважение принципа отделения церкви от государства; соблюдение принципов равенства, свободы собраний и свободы отправления культа [13, р. 3-7].

Однако среди этих принципов допустимы исключения. Так, например, в 2016 г. было разрешено участие предприятий региона Рона-Альпы в реставрации базилики в Алжире (включенной в перечень культурного наследия) [14].

В 2019 г. МИД Франции совместно с Национальной комиссией по децентрализованному сотрудничеству был опубликован вышеупомянутый гид. В нем оказались отражены как положения «белой книги», направленные на развитие децентрализованного сотрудничества, но, что немаловажно, и разъяснения об ограничениях для территориальных коллективов в их внешней деятельности.

Так, в гиде допускается возможность сбора информации о сотрудничестве в расположенных во Франции дипломатических и консульских представительствах, однако указывается на необходимость ее здоровой оценки в части, касающейся внешней политики стран, которые они представляют, а также данных о реальном положении региональных и местных властей за рубежом. В качестве самого надежного источника рассматривается информация, поступающая из французских диппредставительств. Здесь МИД Франции предостерегает о разнице в объеме полномочий между французскими и зарубежными субнациональными единицами, в частности отмечая, что у некоторых регионов могут

быть полномочия, сопоставимые по объему с компетенцией государства, а также призывает помнить о строгих национальных и европейских правилах по соблюдению конкуренции и недопущению дискриминации при оказании содействия различным структурам в экономической сфере.

В гиде подчеркивается обязанность употреблять во всех документах официальные названия, признаваемые Францией, для недопущения нанесения вреда французской дипломатии. Запрещаются неправомерное использование должностей и рангов (например, посла или высокого представителя) в том числе для вежливости. Не разрешается размещение флагов и эмблем, непризнанных Францией, что может быть расценено в качестве провокации и привести к нарушению общественного порядка. Под запрет подпадает взаимодействие с лицами и организациями, находящимися под санкциями Франции, ЕС или ООН.

В гиде акцентируется необходимость координации внешней деятельности с посольствами Франции. Так, указывается, что визиты французских делегаций за рубеж в зоны повышенной опасности могут осуществляться лишь с согласия посла, в ином случае, к нарушителям может быть применена гражданская или уголовная ответственность. Отмечается важность взаимодействия с заграничными для недопущения совпадения графика контактов территориальных коллективов с национальным и местным электоральными календарями, визитами официальных делегаций и другими событиями, а также для недопущения обмена визитами, полезность которых не только вызывает сомнение, но и может повредить внешней деятельности территориальных коллективов [15, р. 74-77].

Литература и источники / References

1. Livre blanc. Diplomatie et territoires. Pour une action extérieure démultipliée. Paris, 2017. P. 219
2. Communiqué de la Direction générale de la mondialisation, de la culture, de l'enseignement et du développement international. Un correspondant «coopération décentralisée» pour les collectivités territoriales françaises dans chaque ambassade. 10.02.2017. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/communiqu_e_-_un_correspondant_pour_les_collectivites_territoriales_francaises_dans_chaque_ambassade_cle82276b.pdf (дата обращения: 20.06.2023)
3. Liste des correspondants pour la coopération non gouvernementale dans les postes diplomatiques. Version 2022. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/mise_a_jour_2022_-_correspondants_pour_la_cooperation_non_gouvernementale_cle884d8f.pdf (дата обращения: 20.06.2023)
4. Liste des représentants des collectivités locales françaises en Chine. Ambassade de France en Chine. 26.03.2021. URL: <https://cn.ambafrance.org/Collectivites-locales-representees-en-Chine#Basse-Normandie> (дата обращения: 20.06.2023)
5. Collectivités locales représentées en Chine. URL: <https://cn.ambafrance.org/Collectivites-locales-representees-en-Chine> (дата обращения: 20.06.2023)
6. Coopération entre le ministère des Affaires étrangères et du développement international et le ministère de l'intérieur. 25.08.2015. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/cooperation_maedi-minint_cle81421d.pdf (дата обращения: 20.06.2023)
7. Carvalho A., Bento de Oliveira Neves A., Subiranas J. Les conseillers diplomatiques en région et l'Amérique latine. // Sciences Po. 2019. OPALC Working paper. №2. P. 1-16. URL: <https://www.sciencespo.fr/opalc/sites/sciencespo.fr/opalc/files/Working%20Paper%20%20Conseillers%20diplomatiques.pdf> (дата обращения: 20.06.2023)
8. Conseillers diplomatiques auprès des préfets de région. 12.06.2023. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/la-delegation-pour-l-action-exterieure-des-collectivites-territoriales-daect/article/les-conseillers-diplomatiques-aupres-des-prefets-de-region> (дата обращения: 20.06.2023)
9. Programme EXPE-CT. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/valoriser-mon-expertise-territoriale-a-l-etranger/programme-expe-ct/> (дата обращения: 20.06.2023)
10. Liste des lauréats au label EXPE-CT, programme de valorisation de l'expertise des collectivités territoriales. 23.02.22. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales>

Заключение

Как видно, положения программного документа – «белой книги» – о развитии внешних связей французских территориальных коллективов реализуются на практике. В унитарной Франции территориальные коллективы становятся значимыми игроками в международных контактах. В Париже уделяют данному направлению приоритетное внимание. Наглядное подтверждение – привлечение высокопоставленных дипломатов в качестве советников региональных префектов, а также создание ставок дипломатов, ответственных за «децентрализованное сотрудничество», во всех французских посольствах. Между тем советники прикреплены не к председателям региональных советов, а к представителям центральной власти, что в большой степени отвечает задачи контролирования региональной активности во внешней деятельности.

Можно констатировать, что сегодня Франция перешла к модели использования территориальных коллективов в качестве дополнительного рычага для проведения своего внешнеполитического курса. При этом региону негласно уделена роль куратора всех внешних связей находящихся на его территории субнациональных единиц – департаментов и коммун.

Встает вопрос: не приведет ли активное развитие внешних связей французских территориальных коллективов и обмена опытом с другими регионами к дальнейшей федерализации Франции? Исключать этого нельзя, но пока их степень автономности все-таки условна. Однако можно сказать, что французский опыт продвижения межрегионального сотрудничества может быть использован в практической работе и федеративными государствами.

- les/valoriser-mon-expertise-territoriale-a-l-etranger/programme-expe-ct/ (дата обращения: 20.06.2023)
11. Traité entre la République française et la République fédérale d'Allemagne sur la coopération et l'intégration franco-allemandes. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/Allemagne/relations-bilaterales/le-traite-d-aix-la-chapelle-sur-la-cooperation-et-l-integration-franco-allemand/#:~:text=Depuis%20janvier%202020%2C%20la%20France,franco%20allemand%20assure%20le%20suivi.> (дата обращения: 20.06.2023)
12. Rencontres de l'AICT 2021. URL: <https://cites-unies-france.org/12e-edition-des-Rencontres-de-l-action-internationale-des-collectivites> (дата обращения: 20.06.2023)
13. Cadre juridique de l'action extérieure des collectivités territoriales et de son contrôle. NOR: INTB1809792C. 24.05.2018. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf/circ?id=43376> (дата обращения: 20.06.2023)
14. Conseil d'État, 3ème - 8ème SSR, 17/02/2016, 368342, publié au recueil Lebon. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000032076884/> (дата обращения: 20.06.2023)
15. Guide juridique de l'action extérieure des collectivités territoriales. Paris, 2019. P. 144

© «Клио», 2023

© Пахоруков К.И., 2023

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ/ NATIONAL HISTORY

УДК 39+72.03(470.1/.2)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_77

Дата поступления (Submitted) 10.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 18.07.2023

История и архитектурно-конструктивные особенности храмового ансамбля поморского с. Нёнокса Архангельской области (по архивным источникам)

АЛЁНА ИГОРЕВНА ГЕРАСИМОВА

*Младший научный сотрудник
научного центра традиционной культуры и музейных практик
Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН.
163020, Архангельск, Никольский пр., д. 20.
e-mail: gerasimova.a@fciarctic.ru*

Аннотация. В статье на основе использования широкого круга архивных источников проведен анализ культовых храмов Ненокотского погоста, расположенного в 91 км от Архангельска, на Летнем берегу Белого моря. Предметом исследования выступают архитектурно-конструктивные особенности храмового комплекса, состоящего из летней, холодной пятишатровой церкви во имя Живоначальной Троицы и зимней, теплой шатровой церкви Николая Чудотворца XVIII в., колокольни XIX в. Ненокотский погост является одним из самых старых погостов на Русском Севере, культовые постройки которого несут в себе многовековую историю, где каждый период оставил свой след в существовании храмов. Благодаря архивным документам удалось проследить изменения архитектурных и художественных элементов, конструкции храмов, их утрату. При помощи сравнительного метода был описан культовый комплекс XIX в. и современное состояние памятника. Автор пришел к выводу о том, что современный вид приближен к тому, который описывается в документах. В настоящее время реставраторы опираются на архивные источники, где содержатся описания храма, а также на схемы архитектора В.В. Суслова и других архитектурных экспедиций, фиксировавших образ храмов. Несмотря на утрату некоторых декоративных элементов, комплекс сохранил в себе суровую «северность» и отразил мастерство русских плотников.

Ключевые слова: Русский Север, Арктика, народная архитектура, деревянное зодчество, культовый ансамбль, архитектурно-конструктивное устройство, декор, Ненокса

History and Architectural Features of the Church Ensemble of the Pomor Village Nyonoksa of the Arkhangelsk Region (from archival sources)

ALYONA IGOREVNA GERASIMOVA

*Associate Researcher
of the Scientific Center of Traditional Culture and Museum Preservation N.
Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
163020, Nikolsky Ave., 20, Arkhangelsk
e-mail: gerasimova.a@fciarctic.ru*

Abstract. The article analyzes the religious temples of the Nenokotsky pogost, located 91 km from Arkhangelsk, on the Summer Coast of the White Sea, on the basis of a wide range of archival sources. The subject of the study are architectural and structural features of the temple complex, consisting of a cold («summer»), five-chambered church in the name of the Life-church of the Holy Trinity and warm («winter») tent church of St. Nicholas the Wonderworker of the XVIII century, bell tower of the XIX century. Nenokotsky pogost is one of the oldest churchyards in the Russian North, the religious buildings of which have a centuries-old history, where each period left its mark on the existence of temples. Thanks to archival documents it was possible to trace the changes in architectural and artistic elements, the design of temples, their loss. With the help of compara-

tive method, the cult complex of the XIX century and the modern state of the monument were described. The author came to the conclusion that the modern appearance is close to the one described in the documents. At present, the restorers rely on archival sources, which contain descriptions of the temple, as well as on the schemes of architect V.V. Suslov and other architectural expeditions. Despite the loss of some decorative elements, the complex retained its severe "northernness" and reflected the skill of Russian carpenters.

Keywords: *Russian North, Arctic, folk architecture, wooden architecture, cult ensemble, architectural and constructive elements, decor, Nyonoksa*

Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике», № гос. рег. – 122011300471-0.

Памятники деревянной архитектуры составляют уникальное культурное наследие региона и страны в целом. В большей степени они расположены на Русском Севере – особой территории, сохранившей до настоящего времени объекты историко-культурного наследия, воплощающие историю народа. В сельских исторических поселениях Арктической зоны Российской Федерации еще сохраняются культовые постройки, воплотившие в себе все умение и мастерство, с которыми народные зодчие создавали свои творения.

Ненокса была основана в XIV в. (она упоминается в Уставной грамоте двинян к Василию Дмитриевичу Московскому «в лето 1397»). Предполагается, что на этом месте проживала чужд: «местность между Онегой и Двиной по западному побережью Белого моря древние новгородцы называли «Чудским Заволочьем»... Называлась тогда Ненокса Усольем Ненокским» [1].

«Ненокса – это не просто обычная поморская деревня. Она – сам дух нашего беломорского Севера», – так отзывались о поселении те, кому хоть раз удавалось его посетить [2, с. 1]. Оно расположилось по берегу одноименной реки и к XVI в. выросло в крупный посад, благодаря соляному промыслу. Традиционный способ добывания соли из соляных источников сохранялся здесь до конца XIX в. Ненокса также является одним из самых старых православных приходов на Русском Севере. В нем сохранились уникальные памятники деревянного зодчества, которые передают все то богатство и свободолюбие, которыми владели и дорожили жители Севера.

Ненокоцкий погост состоит из нескольких памятников культовой архитектуры: церковью Живоначальной Троицы и Николая Чудотворца XIII в., колокольни XIX в. Архитектура храмового ансамбля отражает традиции поморского храмового строительства. Уникальность его заключается в Троицкой церкви, которая является единственным в своем роде пятишатровым храмом в России.

Поморские село Ненокса всегда привлекало путешественников своей красотой и величием. Так, в конце XIX в. его посетил академик архитектуры В.В. Суслов, впоследствии оставивший подробное описание поселения и, в особенности, Троицкой церкви в своей работе «Путевые заметки о севере России и Норвегии»

[3]. В.В. Суслов уделяет внимание не только Ненокским церквям, но и повседневной жизни Посада, жителям, их облику и промыслам. Архитектор анализирует архитектурно-конструктивное устройство и декор храма.

Описание храмового ансамбля Ненокского Посада XIX в. содержится в «Кратком историческом описании приходов и церковей Архангельской Епархии»: «о времени образования прихода точных сведений не имеется. Но несомненно, что он весьма древний: он существовал еще до 1420 г., когда священником м.б. первым был Иоанн Вепрев. Известно также, что в Неноксе находились вотчины монастырей Кирилло-Белозерского, Сийского, Архангельского и Николаевского Корельского; вероятно, что первые деревянные церкви устроились на средства этих монастырей» [4, с. 214-216]. Можно предположить, что данная информация взята из «Памятной книги», в которой не прописано точное время создания Ненокского прихода, но указано монахи каких монастырей начали осваивать и развивать промыслы на территории Неноксы [4].

«Памятная книга» 1822 г. – один из самых подробных источников по описанию Ненокского («Ненокоцкого») прихода. Она содержит в себе описания церковей; каталог местных бывших священников (там же и указан Иоанн Вепрев «который помер в 1420 году» [5, л. 11]); последние страницы содержат краткие описания событий по годам. Из записей можно узнать, когда и какой священник приезжал в Ненокский посад, когда проходила литургия, встречаются записи и о морозе, губившем посевы; земли, принадлежащие церквям. Последняя запись «о кончине почившего Государя Императора Николая Павловича, скончавшегося к великой скорби...» [5, л. 15] датируется 18 февраля 1855 г.

Именно в этом источнике содержится повествование о том, что до 1725 г. в Посаде существовали три церкви и колокольня: «церковь верховных Апостолов Петра и Павла деревянная, вверху другая церковь Николая Чудотворца деревянная с трапезною и третья Цековъ Параскевы нареченная пятницы деревянная же» [5, л. 1]. Помимо этого, дается точная дата пожара, в результате которого были полностью утрачены три церкви погоста – «в 1725 году июня 25 дня... сходились с великим страхом дождевые тучи с громом и молнией...» [5, л. 1].

Больше информации об архитектурно-конструктивных особенностях Ненокских культовых постройках содержится в клировых ведомостях. Данный вид источника представляет собой описание церквей, причт и прихожан. Так, в ведомости за 1843 г. прописано, что церковь Живоначальной Троицы «построена в 1729 года тщанием и иждивением прихожан. Зданием деревянная, холодная, с таковою же колокольнею, которая построена 1834 года, обшита досками и раскрашена. Престолов в ней три: в настоящей во имя Св. Троицы, в пределах Ея по правую сторону во имя Успения Божией Матери, а по левую – во имя Апостолов Петра и Павла. Утварью и облачением Священно- и церковнослужителей не скудна» [6, Л. 2]. В большей степени благодаря данным источникам удалось восстановить более полную картину Ненокского прихода XIX в.: проследить изменения церквей, состав священнослужителей и количество прихожан. По данным клировых ведомостей, в Ненокском приходе существовало пять церквей (в начале 1940-х гг. осталось четыре, церковь Святой Мученицы Параскевы обветшала, была разобрана, а престол перенесен в Никольскую церковь) [6].

Одним из первых В.В. Суслов подробно описал Троицкую церковь в Неноксе: «Одна из более интересных церквей этого посада состоит из главного восьмиугольного сруба, на котором поставлен другой, меньшего размера. На уступе первого сруба устроены теремки, называемые местными жителями «херувимчиками». Второй сруб оканчивается закругленным откосом, в виде карниза. Поверх сруба возвышается шатер с шейкою и главкою. Шатер здесь, против обыкновения, не представляет собою сплошной сруб, а устроен при помощи стропильной системы. К четырем сторонам главного восьмиугольника церкви примыкают четырехугольные срубы, из которых восточный занят алтарем, западный имеет значение притвора, а два боковых выражают собою особые приделы. Эти четырехугольные срубы вверху переходят в восьмиугольные и увенчиваются также пирамидальными покрытиями с главками. К северному и южному приделам церкви, с восточной стороны, пристроены еще четырехугольные прирубы с бочкообразными покрытиями для алтарей. В данное время церковь обшита тесом, вследствие чего были утрачены ее детали» [3, С. 37]. Суслов отмечал, что при обшивке тесом были утрачены такие архитектурные элементы, как теремки. Это архитектурные детали ставились по углам прямоугольного сруба, в месте, где он переходил в восьмиугольный. Они находились на всех углах четырех прямоугольных срубов и только одна сохранилась на алтарном.

По типу постройки Троицкая церковь является храмом «о двадцати стенах». Это один из немногих сохранившихся памятников такого типа. Церковь имеет крещатый план, образованный

центральным восьмериком с четырьмя прирубами, расположенными по четырем сторонам света.

Восточный прируб служил алтарем, западный притвором, в двух других находились Успенский и Петропавловский престолы. Центральный восьмерик и четыре прируба покрыты высокими шатрами, заканчивающимися крупными главками. Алтарные прирубы заканчиваются килевидными бочками. Такой же архитектурный элемент был использован на кокошниках второго яруса восьмерика. Еще один утраченный на сегодняшний день элемент церкви – резные крыльца, которые вели на паперть. В географической реконструкции В.В. Суслов постарался восстановить первоначальный облик Троицкой церкви до утраты архитектурных элементов в 1870 г. В клировых ведомостях за 1850 г. говорится о том, что «фундаментом и крышею на паперти не прочна» [7, Л. 44]. В ведомости за 1890 г. указывается: «все церкви деревянные, крепкие и прочные, кроме Троицкой церкви, наружной окраски ее, которую необходимо перекрасить» [8, Л. 21]. В этой же ведомости более подробно содержится описание Троицкой церкви после ее реконструкции в 1870 г. После осадки церковь была поднята «на один аршин в высоту, поставлена на прочный спробульчанаго камня фундамент, обшита и закрыта новым с напуском тесом и окрашена снаружи приличными масляными красками» [8, Л. 23]. Деревянные кресты на главках церкви были обиты железом «для прочности». Внутри отреставрирован иконостас с сохранением «византийского вкуса» [8, Л. 23], побелены и обтянуты холстом стены.

Таким образом, Троицкая церковь подверглась влиянию традиций нового времени: храм обшили тесом, убрали некоторые декоративные элементы (теремки и резные крыльца), увеличили окна, кресты на куполах обили железом, штукатурили внутренние стены. Все эти конструктивные нововведения разрушали прежнюю гармонию храма. Это повлияло на то, что он потерял свою неповторимость, превращаясь в маловыразительную и лишенную индивидуальности постройку.

Еще один храм Ненокского погоста – теплая шатровая Никольская церковь. Это деревянный храм, не такой величественный, как Троицкая церковь, но тоже не лишен северной красоты и суровости. Церковь построена в 1763 г. «тщанием прихожан» [9, Л. 5]. Изначально в ней находился один престол во имя Николая Чудотворца. После 1840 г., когда из-за ветхости разобрали церковь Параскевы Пятницы, престол перенесли в Никольскую. В 1843 г. была поставлена на новый фундамент, перекрыта и обшита тесом снаружи, покрашена масляными красками и «утварью посредственна» [6, Л. 1]. В 1850 г. церковь была обшита досками и внутри. В плане она представляет собой «восьмерик на четверике с

трапезной». Церковь имела две главки, на сегодняшний день одна утрачена. На паперть ведут две двери, находящиеся на противоположных стенах. На паперти два окна. От основного маленького помещения трапезная и паперть отделяют бревенчатыми стенами. После 1845 г. Никольская церковь преобразилась: «была поставлена на новый фундамент, перекрыта новым тесом, обшита снаружи и окрашена желтой краской в 1884 г. перебраны полы и окрашены, а также окрашена снаружи вся церковь работа произведена на церковную сумму» [10, Л. 23].

Церковь Николая Чудотворца тоже постигла участь преобразования «по моде» того времени. Помимо обшивки тесом и покраски, была утрачена главка с алтарной бочки. Из сохранившегося акта об осмотре работ по восстановлению Никольской церкви следует, что «полы... опущены на 2 вершка, а в Параскевенском приделе и коридорах на 1 четверть аршина...» [11, Л. 10].

Между церквями расположена колокольня, построенная в 1843 г. «на церковную сумму» [6, Л. 1]. В 1843 г. она обшита досками и покрашена желтой масляной краской. Композиция девятистолбовой трехъярусной колокольни традиционна – «восьмерик на четверике». Ярус звона был прорезан восьмью арками и завершен небольшим куполом с главкой на барабане. По бокам арок звона и на углах граней «восьмерика» присутствует окантовка. При строительстве новой колокольни, чтобы не отступать от плана, некоторые декоративные элементы просто прорисовывались. После постройки новая колокольня в высоту была 13,2 сажень, имела 10 колоколов и самый большой весил 55 пудов. Обшита досками и покрашена масляными красками. Местным жителям понравилась новая колокольня и «найдена весьма исправною и прочною» [12, Л. 17].

В 1884 г. были перебраны полы и окрашена «с наружной стороны масляными красками на 2 раза» [11, Л. 10]. Сменена главка и крест, а также «покрывившаяся колокольня спрямлена, к колокольне приделано новое крыльце...» [11, Л. 10]. В ведомости за 1880 г. указано, что колокольня нуждается в срочном перекрытии из-за обветшалых зубчиков.

Во второй половине XX в. прошли реставра-

ционные работы по восстановлению колокольни. На сегодняшний момент большая часть архитектурно-конструктивных элементов сохранена, колокольня приближена к тому виду, в каком ее возвели в 1834 г.: «по среди поставлен столп, вокруг коего и рублена четвериком до звонового яруса рублена осмериком... В звонах подобна каменной, окон звоновых 8 без ставней..., выкрашена масляными красками до купола пригожею желтою» [12, Л. 18].

Колокольня завершает ансамбль и своим ярким видом придает ему живость, разбавляя северную суровость, которая присутствует как в храмовом ансамбле, так и в архитектуре самого поморского поселения.

Приведенная характеристика храмового комплекса с. Ненокса с опорой на архивные документы, позволяет говорить об особенностях архитектурно-пространственной организации поселения, главное место в котором занимает комплекс. Исходя из внешнего зрительного восприятия, Ненокса – это традиционное поселение, история которого насчитывает более шестисот лет существования, являющееся типичным поселением с открытым пространством и раскинувшееся по берегу реки в нескольких километрах от Белого моря. Благодаря тому, что Ненокский погост находится на холме, он и служит архитектурной доминантой. Храмовый комплекс выступает в качестве ориентира в пространстве, поэтому народные мастера создавали настолько сложные и одновременно восхитительные архитектурные формы, чтобы уже издалека был виден величественный силуэт сооружения.

Приведенный анализ показал, что храмовый комплекс в с. Ненокса формировался веками. Каждый период оставлял свой след в архитектурных элементах ансамбля. Некоторые составные части утрачивались под влиянием разных факторов, в том числе и моды. Стоит отметить, что изменения, так или иначе, исказили композицию и общий вид храмов, построенных в XVIII в. Тем не менее, храмовый ансамбль села Ненокса является значимым образцом культовой деревянной архитектуры на Русском Севере.

Литература и источники

1. Кологриев А. Из прошлого Неноксы // Архангельск. 1914. №119. С.2.
2. Беляев А. Севера душа... // Северный рабочий. 1997. №131. С.1.
3. Сулов В.В. Путевые заметки о севере России и Норвегии академика архитектуры В.В. Сулова. Санкт-Петербург: тип. А.Ф. Маркса, 1888. 75 с.
4. Краткое историческое описание приходов и церквей и приходов Архангельской Епархии. Вып. 1. Уезды Архангельский и Холмогорский. Архангельск: Типо-литография наследн. Д. Горяйнова, 1894. С.214-216.
5. Государственный архив Архангельской области (ГАО). Ф. 29. Оп. 40. Д. 25.
6. ГАО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 86.
7. ГАО. Ф. 29. Оп. 38. Д. 58.
8. ГАО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 16.
9. ГАО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАО. Ф. 448. Оп.1. Д. 6.
11. ГАО. Ф. 29. Оп. 4.т.2. Д. 2085.
12. ГАО. Ф. 29. Оп.4т.2. Д. 1361.

References

1. Kologriev A. *Iz proshlogo Nenoksy* [From Nenoksa's Past]. *Arkhangel'sk* [Arkhangelsk] 1914. №119. p.2.
2. Belyaev A. *Severa dusha...*[The Soul of the North]. *Severnyi rabochii* [Northern Worker]. 1997. № 131. p.1.
3. Suslov V.V. *Putevye zametki o severe Rossii i Norvegii akademika arkhitektury V.V. Suslova* [Travel notes on the North of Russia and Norway by Academician of Architecture V.V. Suslov]. St. Petersburg: tip. A.F. Marksa, 1888, 75 p.
4. *Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvei i prikhodov Arkhangel'skoi Eparkhii. Vyp. 1. Uezdy Arkhangel'skii i Kholmogorskii* [A Brief Historical Description of the Parishes and Churches of the Arkhangelsk Diocese. Volume 1. Arkhangelsk and Kholmogorsk uyezds]. Arkhangelsk, Tipo-litografiya nasledn. D. Goryainova, 1894, pp. 214-216.
5. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti (GAAO) [State Archive of the Arkhangelsk Region] F. 29. Op. 40. D. 25.
6. GAAO. F. 29. Op. 37. D. 86.
7. GAAO. F. 29. Op. 38. D. 58.
8. GAAO. F. 448. Op. 1. D. 16
9. GAAO. F.448. Op. 1. D. 2.
10. GAAO. F. 448. Op.1. D. 6.
11. GAAO. F. 29. Op. 4.t.2. D. 2085.
12. GAAO. F. 29. Op.4t.2. D. 1361.

© «Клио», 2023

© Герасимова А.И., 2023

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_82

Дата поступления (Submitted) 27.05.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 09.06.2023

К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы)

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ БАКАНОВ*Историк, независимый исследователь*

367030, Россия, Махачкала

e-mail: mr.bakanov85@mail.ru

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА СИДНЕНКО*д. и. н., проф., проректор по учебной работе МИПК**Академия дополнительного профессионального образования*

195267, Россия, Санкт-Петербург, ул. Ушинского, д. 5/1

e-mail: sidnenko@list.ru

Аннотация. Если проанализировать все те множественные научные труды, кои на сегодняшний день в той или иной степени представляют и отображают динамику вхождения дагестанских периметров в лоно российской государственности, то можно говорить о том, что означенный процесс подразделяется на несколько взаимообусловленных этапов. Как на то прямо указывают абсолютно все ведущие специалисты данной проблематики, хотя на начало XIX в. русско-дагестанское взаимодействие и имело весьма и весьма длинную и богатую на события историю, однако, констатируем то, что до этих пор Великороссия расценивала этот край лишь только как свой внешнеполитический диаметр. Как факт, в дальнейшем этот ракурс изменился. И, оперируя лишь фактами истории, отметим то, что тогда, когда от утверждения в масштабах Предкавказья и вплоть до окончания XVIII в. будь то Московское, а дальше и Санкт-Петербургское Правительство еще ни в коей мере не имея сил и средств к тому единственно готовили устойчивый плацдарм для будущего освоения каспийско-черноморского периметра, то далее, а именно с началом XIX в., уже имея все к тому Российская Империя, в пошаговой динамике сумела превратить его в свой органично-неотъемлемый рубеж. И тут же констатируем то, что на освоение Дагестана у Империи ушло ни больше и ни меньше шесть десятилетий.

Ключевые слова: Дагестан, Российская Империя, Кавказ, интеграция, геополитика, Иран, Османская Империя

On the question of the integration of Dagestan perimeters into the bosom of the Russian empire (reasons and stages) (Part 2: stages)

ALEXANDER V. BAKANOV,*Historian independent researcher*

367030, Russia, Makhachkala,

e-mail: mr.bakanov85@mail.ru

TATYANA IVANOVNA SIDNENKO*Doctor of Historical Sciences, Prof., Vice-Rector for Academic Affairs MIPK**Academy of Additional Professional Education*

195267, Russia, St. Petersburg, st. Ushinsky, d. 5/1

e-mail: sidnenko@list.ru

Abstract. If we analyze all those multiple scientific works that today to one degree or another represent and reflect the dynamics of the entry of the Dagestan perimeters into the bosom of Russian statehood, then we can say that the aforementioned process is divided into several interdependent stages. As absolutely all leading experts on this issue directly point to it, although at the beginning of the 19th century. Russian-Dagestan interaction had a very long and eventful history, but we state that until then, Russia regarded this region only as its foreign policy diameter. In fact, in the future this perspective has changed. In addition, operating only with the facts of history, we note that when, from approval on the scale of Ciscaucasia and up to the end of the 18th century. Whether it was the Moscow, and then the St. Petersburg Government, still not having the strength and

means to do so, they were the only ones preparing a stable foothold for the future development of the Caspian-Black Sea perimeter. From the beginning of the 19th century, already having all to that, the Russian Empire, in step-by-step dynamics, managed to turn it into its organically integral frontier. Therefore, we state that the development of Dagestan took the Empire no more and no less than six decades.

Keywords: *Dagestan, Russian Empire, Caucasus, integration, geopolitics, Iran, Ottoman Empire*

Как уже на то было указано в первой части этого исследования, тогда, когда подготавливаемая и направляемая к этому самой историей и влекомая в данный регион, как геополитическими, так и геоэкономическими выгодами и перспективами, с началом XIX в. Россия приступила к освоению кавказских гор, то скажем то, что все в этот же канун, имея все к тому, последняя освоилась и в лоне Дагестана [1, с. 135-139]. Следует напомнить, «что хотя присутственное утверждение и укоренение Государства Российского в плоскостных периметрах Северо-Восточного Кавказа и состоялось практически сразу же вслед за тем, как к последнему по их полномасштабному завоеванию были присоединены территории Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, и хотя на всем протяжении, начиная со второй половины XVI и вплоть до самого окончания XVIII столетия изначально Москва, а в последующем и Санкт-Петербург постоянно, а порой и весьма активно влияли на формирование и развитие общекавказских дел» [1, с. 135], однако, обозначим то, что в заявленный рубеж, Великороссия расценивала этот край лишь только как свой внешнеполитический диаметр [2, с. 4-5; 3, с. 6-9; 4, с. 50-51; 5, с.7-8]. Как факт, в дальнейшем оный остается за Россией. И развивая только что представленный сюжет, отметим то, что тогда, когда на всем течении означенной формации, а именно от утверждения Двуглавого Орла в границах Предкавказья и вплоть до окончания XVIII в., любая государственная единица, кавказского периметра, пусть даже и по факту учинения любой присяжной формы иль даже подданства по отношению Великороссии, что собственно тогда периодически имело место быть, по мнению Н.И. Покровского [6, с. 106-108] и Е.Н. Кушевой [7, с. 19-20], а так же и других историков [2, с. 4-6; 3, с. 6-9; 4, с. 50-51; 8, с. 320; 9, с. 3; 10, 35-36; 11, с. 83-85; 12, с. 61], за основное правило, еще устойчиво являлась – оставалась суверенной силой, а весь каспийско-черноморский радиус лишь внешнеполитическим диаметром последней, то вот с началом XIX в., с фронтальным освоением кавказского периметра Великороссия пошагово сумела превратить его в свой органично-неотъемлемый рубеж. При этом оставляя без внимания другие территории кавказских гор, где, скажем, каждый частный регион, бесспорно, что имел свою особую динамику и ракурсы включения в состав общероссийского пространства, заметим то, что период интеграции масштабов Страны гор проистекал на протяжении шести десятков лет, и то, что он может быть разбит на три

взаимообусловленных этапа.

Важно подчеркнуть, что тогда, когда, начиная со второй половины XVI и практически вплоть до самого окончания XVIII столетия, русско-дагестанские, а точнее и более те взаимоотношения и связи, которые на том отрезке времени существовали между Государством Российским с одной стороны, и эклектикой дагестанских государственных образований с другой пусть и при некоторых частных отступлениях за основное правило выстраивались не иначе как по принципу взаимоотношения двух суверенных сил, то констатируем, то, что означенный этап являл собой не фазу интеграции, а лишь ее подготовительный период. Как опять же на то было указано в первой части данного статейного исследования, если «еще со времен Ивана Грозного (1530-1584), а в особенности, начиная с того самого момента, как по завершению смутного времени на Российском Престоле утвердился Михаил Федорович Романов (1596-1645), и вплоть до начала правления Императора Александра I (1777-1825) Великороссия на постоянной основе и поддерживала взаимоотношения и контакты со всеми основными политическими силами и государственными единицами масштабов Страны гор» [1, с. 136], однако констатируем то, что в заявленный рубеж последняя над ними не давила. Означенное подтверждают факты. И, говоря лишь фактами истории, отметим то, что тогда, когда от утверждения в пределах Предкавказья и вплоть до окончания XVIII в. будь то Имперское иль Царское Правительство, пусть даже и на пиках интенсивности взаимодействия с эклектикой различных политических формирований пределов дагестанских рубежей и учинением периодических присяг на верноподданство от местных политических элит, с наличием эквивалентного иранского а так же и османского противовеса [2, с. 3-7; 4, с. 50-51; 6, с. 106-109; 11, с. 82-85; 12, с. 57-61, с. 68; 13, с. 78-82; 14-16] и ряда прочих факторов, имея твердым пограничем русло Терек [17, с. 87], тождественно еще ни в коей мере не имели никаких реальных перспектив для полного, а иногда и даже для частичного контроля региона, а иже и присяжных государственных образований [4; 7; 8; 9; 14-16], где, скажем, оные от этого лавировали и получали выгоды с трех рук, а царская, а равно и имперская администрации, смотрели на все эти комбинации по принципу «все вижу, но не вижу» иль попросту «сквозь пальцы», то констатируем то, что означенные обстоятельства и выступают совокупным доводом к тому, что представленный канун не фаза интеграции, как утверждает ряд историков, а

лишь ее подготовительный этап. За этим также обозначим то, что, по компетентному суждению Х.-М. Хашаева [10, с. 36] и ряда прочих лиц [5; 7; 11; 12; 16], присяги дагестанских политических элит на верноподданство Российскому Правительству до XIX в., не юридическое подданство, со всеми вытекающими казуистики, а лишь вхождение под покровительство России.

Продолжая и уточняя выше обозначенное положение относительного того, что еще со времен Ивана Грозного (1530-1584), и вплоть до начала правления Императора Александра I (1777-1825) Великая и Неделимая развивала и поддерживала двусторонние отношения со многими государственными единицами масштабов Страны гор, заметим то, что на том отрезке времени, означенные отношения имели рваную динамику, и объективно что являлись ограниченны в своем охвате. Как на то прямо указывает целый ряд различных историографических разработок [8-10; 16] тогда, когда на всем протяжении своей обозримой истории, Дагестан в плане территориально-административного устройства представлял собой ни что иное как сверх дробный регион, в периметрах которого всегда и постоянно присутствовало и независимо друг от друга развивалось несколько десятков сугубо местных политических образований [18, с. 111-121], и тогда когда на всем протяжении уже не раз представленной формации в зависимости от сиюминутной конъюнктуры политическая мозаика данного региона одновременно собиралась 10 – 12-ю разноименными владениями феодального типа, а параллельно и 50-ю, а то и 60-ю политическими образованиями, кои вошли в отечественную историографию под аббревиатурой «вольных обществ» [17, с. 83-91], то констатируем то, что в очерченный рубеж Восточная активность как правило, затрагивала только феодальные владения [7-10; 15; 16; 19-23]. При этом обозначим то, что их территории тогда не весь, а в среднем половина Дагестана [24, с. 11]. И указав на только что означенный нюанс, укажем также и на то, что тогда, когда до самого начала XIX в., будь то имперская или царская администрация в процессе построения взаимодействия с эклектикой разноименных политических образований масштабов дагестанских гор имели и поддерживали отношения лишь только с частью этих государственных образований, где, скажем, эти отношения тогда к тому же были рваными и частно-прецедентными, и в силу ряда факторов на тех или иных отрезках времени и с той или иной условной единицей, как факт, могли меняться от союзных до полностью враждебных и в общем часто прерывались, а далее возобновлялись заново, то это все аргументация к тому, что уже не раз очерченная фаза не время интеграции, а лишь ее подготовительный этап. Здесь так же констатируем то, что в представленный канун пределы Страны гор, пусть и за их

претензией на данный регион, тождественно ни в коей мере не являлись частью Турции, а рано и Ирана [17, с. 83-91].

Как на то было только что указано тогда, когда, начиная со второй половины XVI и по сути вплоть до самого окончания XVIII в., будь то царская или же имперская администрация поддерживали и развивали свои двусторонние отношения лишь только с частью дагестанских сил, то следует отметить то, что за этим рубежом означенный расклад *de facto* быстро видоизменился. Важно подчеркнуть, что хотя на всем протяжении только что очерченной формации пусть и с наличием отдельных попыток зацепиться за плоскостные периметры западно-каспийской низменности, кои, безусловно, что тогда имелись и в канун правления Ивана Грозного (1530-1584), а инерцией и в канун правления его сына Федора Ивановича (1557-1598), а в последующем и в период правления Бориса Годунова (1552-1605) [7; 11, с. 82-83; 13, с. 79-81; 16; 25, с. 60-61, с. 101, с. 109; 26, с. 268-269, с., 363] и Петра Великого (1672-1725) [8 с. 344-355; 9 с. 412-418; 11, с. 84-85; 15, с. 199-201; 16 с. 110-124; 27, с. 71-74; 28 с. 336] и Московское, а в дальнейшем и Санкт-Петербургское правительство как в виду османского, да как собственно и иранского противовеса, а тождественно и ввиду собственной экономической и геополитической неподготовленности к действиям подобного разряда еще ни в коей мере не стремились овладеть масштабом Страны гор [7-9; 11, с. 81-85], однако обозначим то, что, пройдя представленный этап, Россия стала к этому стремиться [11, с. 85-86; 6, с. 174-178, с. 179-183; 29, с. 99-102; 30, с. 65-66]. Напомним, что означенное было связано с началом освоения Кавказа [1, с. 139]. При этом акцентируем внимание и, говоря лишь фактами истории, означим то, что коль скоро в отличие от прошлого, бесспорно, что являясь к этому моменту ведущей внешней силой, как собственно, по отношению всего каспийско-черноморского, так собственно и дагестанского периметра, а также и имея твердые позиции в масштабах Предкавказья, а равно и военно-политическую, а так же и экономическую базу, для освоения представленных пространств, Российская Империя с началом XIX в. *de facto* стала постепенно утверждаться в Закавказье, а иже и в других локациях Кавказа, то с этим действием последняя, активизировав свою политику по отношению разноименных феодальных величин масштабов западного Каспия, а параллельно и установив устойчивые отношения и с целым рядом вольных обществ, по сути, стала контролировать и Дагестан. И здесь же констатируем то, что, по мнению В.Г. Гаджиева [16, с. 203; 21, с. 20] и прочих лиц [10, с. 34; 14, с. 12; 22, с. 7-8; 31-33], до 1813 г. имперская администрация, при получении «добровольно-принудительных» присяг на подданство, установила плотное взаимодействие практически со всей

линейкой государственных образований лона Страны гор, и то, что в означенный канун, за этим действием все оные «кнутом и пряником», а иже и экономическим, и политическим давлением, утратили свой прежний суверенный статус [30, с. 66-68].

Из всего только что сказанного можно сделать лишь только один однозначный вывод, который своим смысловым контекстом будет говорить о том, что с началом XIX в., имея все к тому Россия приступила к освоению масштабов Страны гор, и то, что в означенный канун, Русско-дагестанское взаимодействие, *de facto* изменило свой характер. Как на то прямо указывают многочисленные историографические изыскания [7-11; 16], если, начиная еще с того самого момента как по покорению Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств Царство Московское, а в последующем и Российская Империя на постоянной и твердой основе стали присутствовать и расширять свои границы в лоне плоскостных периметров Кавказа подавляющее большинство дагестанских государственных образований вплоть до самого окончания XVIII в. пусть даже и по факту учинения периодических присяг на верноподданство Великодержавии еще во всем продолжали жить своей собственной и ни кем не ограниченной «политической и экономической жизнью» [8, с. 320], то вновь заметим то, что за этим рубежом, все оные утратили свой прежний суверенный статус. Добавим, что с означенным все оные утратили и ракурс заграничных [2, с. 3-4]. И обосновывая этот тезис отметим то, что, когда на всем течении с момента утверждения в периметрах Восточного Кавказа, и вплоть до самого начала XIX в., будь то имперская иль царская администрация, как собственно, и весь кавказский регион, рассматривали дагестанские периметры лишь только как свой внешнеполитический диаметр, где, скажем, не считая прочего озвученное может быть доказано тем фактом, что делопроизводство по отношению дагестанских политических образований того периода, а также и взаимоотношения с последними с завидной регулярностью на том отрезке времени велись по линии Коллегии и Министерства иностранных дел, а так же и Посольского приказа [19-23], то вот с началом этого столетия, в процессе поглощения Каспийско-черноморского периметра масштабы оно, а частным взглядом и масштабы западного побережья Каспия, за соответствующей рокировкой делопроизводства, а равно и тональностей взаимодействия, по отношению Великодержавии все больше начинают представлять не внешнеполитический, а исключительно и только ее внутривластный рубеж. При этом обращаясь к тезисам Х.-М. Хашаева добавим то, что, когда до XIX в. все дагестанские присяжники Двуглавого Орла, за получением и денежных и прочих поощрительных вознаграждений, пусть и при частных

исключениях из правила практически всегда его самостоятельные и свободные союзники [10, с. 36], то вот с началом этого столетия, за продолжением поощрительной политики суждением все этого же автора [10, с. 36-37], а так же и С. Броневского [34, с. 302] все оные, пусть собственно и с сохранением практически всех прежних жизненных порядков в подвластных им локациях, но объективно, что имея полное табу на внешнюю политику и ряд других ограничений в действиях [30, с. 68], бесспорно, что уже его вассалы.

Следует отметить, что тогда, когда по началу XIX в., а точнее и более в первую декаду этого столетия, русско-дагестанское взаимодействие, кое на том отрезке времени происходило между эклектикой дагестанских государственных образований с одной стороны и Российской Империей с другой, как факт, приобрело вассально-сюзеренный вид, то следует отметить то, что за этим рубежом последнее еще раз изменило свой характер. Важно подчеркнуть, что коль скоро «военно-политическая и дипломатическая нейтрализация» Османской Турции, а так же и шахского Ирана, где, скажем, эти обстоятельства стали самоочевидны на момент окончания XVIII столетия, укрепление России в Предкавказье, да как собственно и ее последующее продвижение в Закавказье, «позволяли считать вопрос о присоединении Кавказа к Российской Империи делом времени» [23, с. 11-12], то заметим то, что блестяще завершившаяся русско-иранская и русско-турецкая компании 1804-1813 и 1806-1812 гг. соответственно, Гюлистанский мирный договор (1813) и Бухарестское соглашение (1812), бесспорно, что уже его решили [16, с. 201; 23, с. 19-20; 30, с. 66-68]. Добавим, что с означенным, за исключением незначительных пространств, Кавказ стал полностью российским. При этом акцентируем внимание и констатируем то, что тогда, когда за поражением в означенных компаниях Иран, а равно и Османская Империя *de jure* признавали за Россией «все территории» Каспийско-черноморского периметра «какие» были ей тогда подвластны, а также и отказывались от своих претензий на дагестанские, а также и азербайджанские и в большей части и грузинские и многие другие территории представленного радиуса [35, с. 208-214], где все же, уточняя, скажем то, что пределы дагестанских рубежей, за исключением Дербента по сути ни когда и не являлись частью оных (т.е. Ирана и Турции) [17, с. 83-91], то, исходя из выше приведенных ракурсов Санкт-Петербургская администрация ссылаясь на присяги подданства, решила что она приобрела, а частью и освоила масштабы Страны гор. И тут же констатируем то, что последствием означенного представления стало то, что с ратификацией условий выше приведенных мирных соглашений, Имперское Правительство, расценивало Дагестан лишь только как свой органично-неотъемлемый ру-

беж, а все его народонаселение и их правителей единственно как новых подданных, обязанных хранить ему покорность [30, с. 68].

Важно подчеркнуть, что тогда, когда по подписание Гюлистанского, мирного соглашения, Имперское Правительство, беря за аргумент условия множественных верноподданнических присяг, полученных им от местных политических элит, а тождественно и условия только что обозначенного договора стало рассматривать и воспринимать масштабы Страны гор лишь только как свой органично-неотъемлемый рубеж, то тут же скажем то, что в означенный канун последнее владело оным только номинально. Как на том сходятся абсолютно все ведущие отечественные, а тождественно и западные историки-кавказоведы [2; 3; 5; 6; 14; 31-33] если, по началу XIX в., а точнее и более в первую декаду этого столетия Санкт-Петербургская администрация за постоянным усилением своего военно-политического и экономического присутствия и влияния в данном регионе и смогла установить твердое и устойчивое, взаимодействие а отчасти и контроль практически над всей линейкой государственных образований лона Страны гор, однако все-таки заметим то, что в представленный рубеж означенный контроль во многом был еще не плотным. Как факт, в дальнейшем этот ракурс изменился. И, фокусируя внимание на только что озвученном, во-первых, обозначим то, что тогда, когда с началом XIX в. Имперское Правительство, еще ни в коей мере не могло держать под плотным наблюдением, а значит и контролем все многочисленные политические силы, а равно и локации пределов дагестанских гор, и в должной степени тогда, фиксировало только феодальные владения, и ряд равнинных и предгорных вольных обществ [6; 22; 31-33], то далее а именно в 20-х и 30-х этого ж столетия с созданием широкой сети укреплений, а равно и увеличением воинского контингента и усилением полномочий приставов и рядом прочих мер, последнее, бесспорно, что смогло существенно усилить и расширить географию и уровень контроля и с этим частью охватить нагорный комплекс и иже повсеместно пресекать все осязаемые возмущения [16; 22; 31-33], а во-вторых, то, что в динамику означенного времени в масштабах дагестанского периметра, уже не осталось величин которые бы не дали присяг. И тут же констатируем то, что, когда начало XIX в. – *de facto* это есть ни что иное как начальная формация – этап – процесса интеграции пределов Страны гор под сень Двуглавого Орла, то объективно, что представленный канун ни что иное как его вторая фаза.

Если даже самым беглым образом взглянуть на все те множественные научные изыскания, кои на сегодняшний день в той или иной степени раскрывают и показывают сущность и природу интеграции дагестанских периметров в лоно

российской государственности, то следует отметить то, что второй этап означенной динамики *de facto* стал тем временем, когда все дагестанские владельцы утратили свою былую самостоятельность. Как на то прямо указывает целый ряд различных историографических работ [3; 6; 30; 31; 33], да как собственно и целый ряд источников [36, л. 3; 37, л. 32-34; 38, л. 94] тогда, когда на протяжении первых 15-ти, а то и 20-ти лет прошедших от начала XIX в., основной, а, пожалуй, что и единственной заботой Санкт-Петербургского Правительства по отношению всех тех феодальных владений, а тождественно и всех тех вольных обществ лона Страны гор, кои на том отрезке времени так или иначе учинили ему верноподданническую присягу было удержание их в визуальной покорности и тогда, когда в только что означенный канун последнее за пресечением внешнеполитической активности этих величин в целях недопущения шероховатостей и недоразумений во взаимоотношениях еще практически ни как не вмешивалось в их внутренний уклад, то следует отметить то, что в дальнейшем оное все больше начинает это делать. Хотя заметим то, что означенное было не критично. И, обосновывая этот тезис, отметим то, что хотя в 20-х и 30-х XIX в., как собственно и далее Санкт-Петербургское Правительство, с преодолением отчетливо заметного сопротивления к тому [6, с. 130-147; 8, с. 79; 30, с. 65-73; 31], в отличие от прошлого, *de facto* стало плотно контролировать и направлять и даже в чем-то уточнять и дополнять и видоизменять сугубо внутривнутриполитические ракурсы всех дагестанских феодальных величин, где скажем часть из них тогда была расформирована [30, 65-73] и ряда местных вольных обществ, однако, тут же обозначим то, что в глобальном рассмотрении в заявленный рубеж, последнее, пусть собственно и делая порой системные ошибки, но все-таки прекрасно понимая пагубность тотальных изменений за сохранением, и старых принципов организации и прежних институций власти, и судопроизводства и многого другого, еще ни в коей мере не стремилось упразднить и демонтировать их прежний жизненный уклад [10, с. 36-37; 31, с. 167; 36, л. 3; 37, л. 33]. За этим так же констатируем то, что в заявленный канун и вплоть до полной интеграции масштабов Страны гор все дагестанские владельцы и подотчетные старшины вольных обществ, уже являлись не вассалов и присяжников Двуглавого Орла, а только лишь поверенных в делах, практически во всем зависящих от воли и благоволения Верховной власти.

Важно подчеркнуть, что тогда, когда к окончанию первой трети XIX в. за постоянным усилением и укреплением своего военно-политического и экономического присутствия и влияния в лоне дагестанского периметра Санкт-Петербургское правительство, уже как факт, во многом контролировало данный регион, однако тут же обозна-

чим то, за этим рубежом в границах оногo его позиции *de facto* сильно пошатнулись. Как опять же на то прямо указывает целый ряд источников [22; 36, л. 3-4; 37, л. 34-35], да как собственно и такие авторитетные историки-кавказоведы как Н.И. Покровский [6, с. 130-147], С.С. Эсадзе [31, с. 33], В.Г. Гаджиев [16, с. 197-201, с. 211-213], Х.-М. Хашаев [10, с. 40-44], и многие другие [2-5; 8, с. 79-80; 30, с. 65-68; 31-33], если в только что означенный канун при процессе освоения Северо-Восточного Кавказа Имперское командование сталкивалось, а тождественно и преодолевало сопротивление единственно идущее со стороны эклектики разрозненных, или же не до конца подготовленных и скоординированных между собой политических образований и движений данного периметра, где заметим, что это обстоятельство по компетентному суждению фельдмаршала Барятинского тогда во многом способствовало решению и выполнению всех основных целей и задач сугубо местной политики [39, с. 67], то далее оно столкнулось с хорошо организованной и монолитной силой. Означенное было связано с развитием и расцветом Имамата [6]. При этом акцентируем внимание и говоря лишь фактами истории во-первых обозначим то, что тогда, когда к концу 30-х XIX в. пусть собственно и в разных территориях по разному (и в частности в нагорных рубежах гораздо меньше чем в границах плоскости) [22, с. 200, с. 368-369, с. 427; 37, л. 34; 40, л. 66], но все-таки за должной объективностью российское влияние охватывало весь западно-каспийский ради-

ус [39, с. 68], то далее, а именно в канун 40-х, а равно и 50-х все этого ж столетия с тотальным возмущением всего Восточного Кавказа [31, с. 40-41; 39, с. 68], где, скажем, это обстоятельство по мнению очевидцев той эпохи определялось целым рядом «необдуманных и притеснительных» решений и неустойчивым «управления», и рядом злоупотреблений [39, с. 68; 40, л. 34, л. 40; 41, л. 10, л. 15, л. 18-19], а так же горскою ментальностью [31, с. 33; 41, л. 7, л. 63], с объединением и сплочением разноименных дагестанских и чеченских обществ и учинением единой Теократии [6] имперская администрация, на полных 19 лет, по большей части потеряла весь нагорный комплекс этого периметра, и иже не могла себя спокойно чувствовать в предгорьях и равнине оногo [6; 37, л. 35; 39, с. 68; 42, л. 4], а, во-вторых то, что масштабное и крайне жесткое, военное сопротивление с этой Теократией, где объективно, что открытая борьба с движением мюридизма имела место быть еще и до очерченного времени [2; 6; 33], в процессе интеграции пределов дагестанских рубежей в общероссийское пространство, как раз таки – есть третий – заключительный этап. И, завершая эту часть статьи, отметим то, что в канун имперского присутствия вполне себе считалось то, что лишь только с покорением Государства Имамат, с тотальным и полномасштабным освоением и подчинением всех локаций лона Страны гор себе, что стало очевидно после взятия Гуниба (9 – 25 августа 1859 г.), Россия завершила интеграцию, а может даже и завоевание Дагестана [43, л. 12].

Литература и источники

1. Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской Империи (причины и этапы) (Часть 1: причины) // Клио. 2023, № 6. С. 134-142.
2. Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, Военно-Походная Тип. Главного Штаба Кавказской Армии, 1860 – 159 с.
3. Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору московских ведомостей. Санкт-Петербург, Тип. Безобразова и К., 1865. – 259 с.
4. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. – 448 с.
5. Баддели Джон. Завоевание Кавказа русскими, 1720-1860. М.: Центрполиграф, 2010. – 351 с.
6. Покровский Н.И. Кавказские войны и Имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. – 511 с.
7. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией вторая половина XVI – 30- годы XVII века. М.: Издательство АН СССР, 1963. – 372 с.
8. История Дагестана. Том I. М.: Наука, 1967. – 422 с.
9. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. А.Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988. – 554 с.
10. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: АН СССР, 1961. – 260 с.
11. Магомедханов М.М., Баканов А.В, Гарунова С.М. К предыстории Российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2018, № 12. С. 80-86.
12. Магомедханов М.М., Баканов А.В, Гарунова С.М. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (часть вторая, раздел 2) // Клио. 2020, № 4. С. 56-71.
13. Магомедханов М.М., Баканов А.В, Гарунова С.М. Эмирова М.Н. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (часть первая) // Клио. 2020, № 1. С. 74-87.
14. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М.: Изд. Академии Наук СССР, 1960. – 404 с.
15. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX века. М.: Соцэкгиз, 1958. – 242 с.
16. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: «Наука», 1965. – 391 с.
17. Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период XVI-XIX вв. // Клио. 2022, № 2. С. 82-96
18. Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период раннего средневековья и ордынскую и пост ордынскую эпоху // Клио. 2022, № 1. С. 111-126.
19. Белоруков С.А. Сношения России с Кавказом. М.: Университетская тип., 1889. – 715 с.
20. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, Дагестанское книжное издательство. 1958. – 338 с.
21. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев М.: Наука, 1988 – 357 с.
22. Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / под. ред. С. Бушуева и Р. Магомедо-

- ва. Махачкала, Дагестанское государственное издательство, 1940. – 470 с.
23. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / под. ред. М.О. Косвена и Х-М. Хашаева. М.: Издательство восточной литературы, 1958. – 371 с.
24. Умаханов М.-С. К. Дагестан во второй половине XVIII – нач. XIX веков: проблемы политического положения, социально-экономического и государственного устройства. Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. – 299 с.
25. Вернадский Г.В. Московское Царство. Т. I. Тверь-Москва: ЛЕАН, Аграф, 2000. – 512 с.
26. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга IV. Т. 7-8. М.: Мысль, 1989. – 783 с.
27. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1869 – 649 с.
28. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга XI. Т. 17-18. М.: Мысль, 1993 - 671 с.
29. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. / Н.С. Кипянина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев. М.: Изд-во МГУ, 1984. – 328 с.
30. Магомедханов М.М., Баканов А.В, Гарунова С.М. К истории Российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019, № 6. С. 65–75.
31. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, типография Гутьенберг, 1907. – 616 с.
32. Блиев М.М. Россия и горцы большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. – 880 с.
33. Блиев М.М. Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. – 592 с.
34. Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Часть вторая. М.: Типография С. Селивановского, 1823. – 485 с.
35. Юзефович Т.П. Договоры России с Востоком (политические и торговые) Санкт-Петербург, Типография О.И. Бакста, 1869. – 296 с.
36. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260.
37. Российский Государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755.
38. Российский Государственный исторический архив (РГИА) Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393
39. Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859. Тифлис, Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1861. – 403 с.
40. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 846. Оп. 16. Д. 6528
41. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. ВУА Д. 6551.
42. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (ЦГА РД) Ф. 236. Оп. 2. Д. 60
43. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 846. Оп. 16. Д. 6677

References

1. Bakanov A.V., Sidnenko T.I. *K voprosu ob integracii dagestanskix perimetrov v lono Rossijskoj Imperii (prichiny i etapy) (Chast' 1: prichiny)* [On the question of the Dagestan perimeters into the boss of the Russian Empire (reasons and stages) (Part 1: reasons)]. *Klio* [KLIO]. 2023, vol. 6, pp. 134–142.
2. Fadeev R. *Shest' desyat let Kavkazskoj vojny* [Sixty years of the Caucasian War]. Tiflis, Voenno-Pokhodnaya Tip. Glavnogo Shtaba Kavkazskoj Armii Publ., 1860. 159 p.
3. Fadeev R. *Pis'ma s Kavkaza k redaktoru moskovskix vedomostej* [Letters from the Caucasus to the editor of "Moskovskie vedomosti"]. Saint-Petersburg, Tip. Bezobrazova i K Publ., 1865. 259 p.
4. Degoev V. *Bo'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'* [The Great Game in the Caucasus: history and modernity]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2001. 448 p.
5. Baddeli Dzhon. *Zavoevanie Kavkaza russkimi, 1720-1860* [The Russian conquest of the Caucasus, 1720-1860]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2010. 351 p.
6. Pokrovskij N.I. *Kavkazskie vojny i Imamats Shamilya* [Caucasian wars and the Imamats of Shamil]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 511 p.
7. Kusheva E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ix svyazi s Rossiej vtoraya polovina XVI – 30- gody XVII veka* [The nations of the North Caucasus and their ties with Russia second half of the 16th - 30s of the 17th century]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963. 372 p.
8. *Istoriya Dagestana*. [History of Dagestan]. Vol. I. Moscow, Nauka Publ., 1967. 422 p.
9. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshix vremen do konca XVIII v.* [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. pod red. A.L. Narochnickogo. Moscow, Nauka Publ., 1988. 554 p.
10. Xashaev X.M. *Obshhestvennyj stroj Dagestana v XIX v.* [The social structure of Dagestan in the XIX century] Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 260 p.
11. Magomedxanov M.M., Bakanov A.V, Garunova S.M. *K predystorii Rossijskogo upravleniya Severo-Vostochnym Kavkazom* [On the prehistory of the Russian administration of the North-Eastern Caucasus]. *Klio* [KLIO]. 2018, vol. 12, pp. 80–86.
12. Magomedxanov M.M., Bakanov A.V, Garunova S.M. *Russko-dagestanskije trgovno-ekonomicheskie svyazi v period sushhestvovaniya Carstva Moskovskogo (chast' vtoraya, razdel 2)* [Russian-Dagestan trade and economic relations during the existence of the Kingdom of Moscow (part two, section 2)]. *Klio* [KLIO]. 2020, vol. 4, pp. 56–71.
13. Magomedxanov M.M., Bakanov A.V, Garunova S.M. Emirova M.N. *Russko-dagestanskije trgovno-ekonomicheskie svyazi v period sushhestvovaniya Carstva Moskovskogo (chast' pervaya)* [Russian-Dagestan trade and economic relations during the existence of the Kingdom of Moscow (part one)]. *Klio* [KLIO]. 2020, vol. 1, pp. 74–87.
14. Fadeev A.V. *Rossiya i Kavkaz v pervoj treti XIX veka* [Russia and the Caucasus in the first third of the XIX century]. Moscow, Izd. Akademii Nauk SSSR Publ., 1960. 404 p.
15. Smirnov N.A. *Politika Rossii na Kavkaze v XVI-XIX veka* [Russian policy in the Caucasus in the XVI-XIX centuries]. Moscow, Soczhe'kgiz Publ., 1958. 242 p.
16. Gadzhiev V.G. *Rol' Rossii v istorii Dagestana*. [Russia's role in the history of Dagestan]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 391 p.
17. Bakanov A.V. *K voprosu o territorial'no-administrativnom ustrojstve Dagestana v period XVI-XIX vv.* [On the issue of the territorial-administrative structure of Dagestan in the period of 16th-early 19th centuries]. *Klio* [KLIO], 2022, vol. 2, pp. 82-96
18. Bakanov A.V. *K voprosu o territorial'no-administrativnom ustrojstve Dagestana v period rannego srednevekov'ya i ordynskuyu i post ordynskuyu epoxu* [On the issue of the territorial-administrative structure of Dagestan in the early middle ages, the horde and post-horde epochs]. *Klio* [KLIO]. 2022, vol. 1, pp. 102-117.
19. Belorukov S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom* [Russia's relations with the Caucasus]. Moscow, Universitetskaya tip. Publ., 1889. 715 p.
20. *Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII vv. Dokumenty i materialy* [Russian-Dagestan relations of the 17th - first quarter of the 18th centuries Documents and materials]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958. 338 p.
21. Gadzhiev V.G. *Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.* [Russian-Dagestan relations in the 18th – early 19th centuries. Collection of documents]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 357 p.
22. *Materialy po istorii Dagestana i Chechni (pervaya polovina XIX veka)* [Materials on the history of Dagestan and Chechni]

- ya (first half of the 19th century)] / pod. red. S. Bushueva i R. Magomedova. Maxachkala, Dagestanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1940. 470 p.
23. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII-XIX vv. pod. red. M.O. Kosvena i X-M. Xashaeva* [History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th-19th centuries]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1958. 371 p.
24. Umaxanov M.-S. K. *Dagestan vo vtoroj polovine XVIII – nach. XIX vekov: problemy politicheskogo polozheniya, social'no-ekonomicheskogo i gosudarstvennogo ustrojstva* [Dagestan in the second half of the XVIII – early XIX centuries: problems of the political situation, socio-economic structure and government structure]. Makhachkala, IIAE DNC RAN Publ., 2011. 299 p.
25. Vernadskij G.V. *Moskovskoe Carstvo* [Moscow Kingdom]. Vol. I. Tver-Moscow: Lean-Agraf Publ, 2000. 512 p.
26. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevnejshix vremen* [History of Russia since ancient times]. Book IV. Vol. 7-8. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 783 p.
27. Butkov P.G. *Materialy dlya novej istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god. Ch. I* [Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803 Part 1]. Saint-Petersburg, Tip. Imper. Akad. Nauk Publ., 1869. 649 p.
28. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevnejshix vremen* [History of Russia since ancient times] Book XI. Vol. 17–18. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 671 p.
29. *Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnej politike Rossii: vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX v.* [Caucasus and Central Asia in Russian foreign policy: the second half of the 18th - 80s of the 19th century]. N.S. Kipyagina, M.M. Bliev, V.V. Degoev. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1984. 328 p.
30. Magomedxanov M.M., Bakanov A.V, Garunova S.M. *K istorii Rossijskogo upravleniya Severo-Vostochnym Kavkazom* [On the history of the Russian administration of the North-Eastern Caucasus]. Klio [KLIO]. 2019, vol. 6, pp. 65–75.
31. E'sadze S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom* [Historical note on the management of the Caucasus]. Vol. I. Tiflis, tipografiya Gu`enberg Publ., 1907. 616 p.
32. Bliev M.M. *Rossiya i gorcy bol'shogo Kavkaza na puti k civilizacii* [Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus on the Path to Civilization]. Moscow, Mysl' Publ., 2004. 880 p.
33. Bliev M.M. Degoev V.V. *Kavkazskaya vojna* [Caucasian war]. Moscow, Roset Publ., 1994. 592 p.
34. Bronevskij S. *Novejshie geograficheskie i istoricheskie svedeniya o Kavkaze. Chast' vtoraya* [The latest geographical and historical information about the Caucasus. Part two]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo Publ., 1823. 485 p.
35. Yuzefovich T.P. *Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovye* [Treaties between Russia and the East (political and trade)]. St. Petersburg, Tipografiya O.I. Baksta Publ., 1869. 296 p.
36. *Rossijskij Gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arxiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)] F. 14719. Op. 1. D. 260.
37. *Rossijskij Gosudarstvennyj istoricheskij arxiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)] F. 1287. Op. 46. D. 2755.
38. RGIA. F. 381. Op. 21. D. 13393.
39. *Otchet namestnika kavkazskogo i glavnokomanduyushhego Kavkazskoj armiej za 1857, 1858, 1859* [Report of the Vice-roy of the Caucasian and Commander-in-Chief of the Caucasian Army for 1857, 1858, 1859]. Tiflis, Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo Publ., 1861. 403 p.
40. RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 6528.
41. RGVIA. F. BYA. Д. 6551.
42. *Central'nyj Gosudarstvennyj Arxiv Respubliki Dagestan (CzGA RD)* [Central State Archive of the Republic of Dagestan] F. 236. Op. 2. D. 60.
43. RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 6677.

© «Клио», 2023

© Баканов А.В., Сидненко Т.И., 2023

УДК: 378.014.15

DOI: 0.51676/2070-9773_2023_08_90

Дата поступления (Submitted) 03.08.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 14.08.2023

«Один из главных чиновников Университета»: роль инспектора студентов Московского университета в жизни студенчества во второй четверти XIX века

АЛИНА ИГОРЕВНА ГРИЦЕНКО*соискатель кафедры Истории России XIX – начала XX в.**Московского государственного университета**им. М.В. Ломоносова**195220, Гражданский пр., 11**e-mail: a.i.n.a.1991@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются роль и значение деятельности инспектора студентов Московского университета в период 1830-х – 1850-х гг. На основании данных опубликованных и архивных источников – университетских отчетов, уставов 1804 и 1835 гг., Высочайших и министерских распоряжений, должностной инструкции инспектора и др. рассматриваются формы его взаимодействия со студентами, формы контроля, поощрения и наказания казенных и своекоштных питомцев университета, отношение к проступкам и шалостям воспитанников. Кроме того, в статье анализируются механизмы взаимодействия инспектора с другими должностными лицами – как вышестоящими (попечителем учебного округа и министром народного просвещения), так и подчиненными ему субинспекторами. Делается вывод о том, что несмотря на достаточно подробную регламентацию функций инспектора, предпринятую в николаевскую эпоху, стремление университетских властей к постоянному контролю за учащимися университета далеко не всегда удавалось реализовать на практике, как в силу широкого круга обязанностей инспектора, а также его довольно снисходительного отношения к студенческим проступкам, так и ввиду сопротивления находившейся в то время в стадии становления студенческой корпорации с ее особыми этикой и ценностями.

Ключевые слова: Императорский Московский университет, инспектор студентов, П.С. Нахимов, С.С. Уваров, казеннокоштные студенты

“One of the main officials of the University”: the role of the student superintendent of Moscow University in the students’ life in the second quarter of the XIX century

ALINA IGOREVNA GRITSENKO*Candidate for a degree of the Department of History of Russia**in XIX - early XX century,**Moscow State University**195220, Grazhdansky Ave, 11**e-mail: a.i.n.a.1991@mail.ru*

Abstract. The article examines the role and significance of the student superintendent’s activities in 1830s - 1850s. Based on data from published and archival sources such as university reports, University Statutes 1804 and 1835, supreme and ministerial orders, the superintendent’s job description etc., the forms of his interaction with students, forms of control, encouragement and misconduct and pranks of students are seriously explored. In addition, the article analyzes some mechanisms of interaction between the superintendent and other officials - both higher (the trustee of the educational district and the minister of public education), and subinspectors subordinated to him. It is concluded that despite detailed regulation of the superintendent’s functions undertaken in the Nikolai I Epoch, the desire of the university authorities to monitor university students constantly was not always able to be realized into practice, both due to the wide range of duties of the superintendent as well as his rather condescending attitude to student misconduct, and because of the resistance of the student corporation, which was at that time in progress and filled with its special ethics and values.

Keywords: Imperial Moscow University, student superintendent, P.S. Nakhimov, S.S. Uvarov, state students (kazennokoshtnye)

Во все века своей истории Московский университет был не только ключевым звеном в системе российского высшего образования в том ее виде, как она сформировалась в Российской империи в XIX веке, но и важным центром культуры и науки, который подготовил множество профессионалов, деятелей науки, чиновников. Закономерно при этом, что будущие ученые, медики, юристы в период своего пребывания в университете по причине юного возраста нуждались и в известной степени контроля и надзора со стороны университетских властей, потому что нередко позволяли себе «шалости» и более серьезные проступки, не соответствующие статусу «университетских питомцев» [1, с. 71-72].

Руководство Московского университета и стоявшее над ним Министерство народного просвещения на протяжении XIX столетия применяло при этом различные формы, методы и подходы к контролю над студенческой массой, причем особенно серьезное значение придавалось им после принятия университетского Устава 1835 года. В рамках различных подходов, принятых в социальной истории, данную проблематику комплексно затрагивали в своих трудах такие крупные исследователи университетской истории как Л.И. Насокина [2], Ф.А. Петров [3], А.Ю. Андреев [4], а также С.И. Посохов применительно к истории Харьковского университета [5] и Е.А. Вишленкова – на материалах Казанского университета того времени [6].

Однако ни одна из вышеуказанных работ не исследует роль отдельных представителей университетской администрации в управлении студентами, хотя система управления, выстроенная в российских университетах в 1830-1840-х гг., предполагала ключевое участие в судьбе учащихся таких фигур как попечитель учебного округа и инспектор студентов.

При этом инспектор уже в ту эпоху определялся официальными документами как один из главных чиновников всего университета и являлся должностным лицом, непосредственно взаимодействовавшим со своими подопечными. В настоящий момент в рамках отечественной историографии университетской истории первой половины XIX в. только К.С. Казакова и Т.Н. Жуковская в своих работах уделили достаточное внимание роли инспектора студентов в истории взаимодействия студенчества и университетского начальства, и их работы [1, 7], написанные на материалах Санкт-Петербургского университета, стали отправной точкой для подобного исследования реалий Московского университета, предпринятого в рамках данной статьи.

Источниковая база данного исследования включает в себя как архивные данные, так и опубликованные официальные акты, материалы ведомственного «Журнала Министерства

народного просвещения» (ЖМНП), а также межуарную литературу, дающую материал для изучения «обратной связи», то есть степени эффективности административных мер, принимаемых инспектором, и отношения к ним «питомцев Университета». При этом следует отметить, что источники разного происхождения дополняют друг друга. Так, отчеты университетов 1830-1850-х гг. не содержат развернутого описания проступков студентов и принятых мер дисциплинарного характера, а описание состояния университетов в ту эпоху носит лишь формально-статистический характер. Архивные же документы описывают отдельные инциденты, связанные с проступками студентов и реакцией инспектора и вышестоящих властей [1, с. 74], но не создают общей картины взаимодействия инспекторов с их подопечными.

Принципы и практики формально-административного контроля инспектора над студентами сложились в университетах Империи далеко не сразу. На рубеже XVIII-XIX вв. в Московском университете ввиду малочисленности студентов, их разночинного происхождения и тесных взаимоотношений с преподавателями господствовали патриархальные порядки, которые в современной научной литературе определяются как «семейный стиль» управления и «отеческая забота» инспекторов, избравшихся в то время из числа профессоров [1, с. 71]. Университетский Устав 1804 года [8] прямо указывал на выборный характер данной должности (§ 115) и предписывал инспектору воздействовать на студентов «увещанием» с целью «возбудить прилежание к учению» (§ 116).

В 1800-1820-х гг. подобного отношения к многочисленным, преимущественно казеннокоштным учащимся, в целом, хватало для поддержания порядка в университете, когда основными «прегрешениями» студентов были самовольные отлучки, пьянство и разного рода «дерзости». И инспектор, и попечитель вплоть до конца 1820-х гг. не были заинтересованы в излишне строгих наказаниях, поскольку и социальная дистанция между ними и студентами была еще не так велика [1, с. 72-73].

Кроме того, формально-жесткие правила для многих студентов компенсировались необязательностью их исполнения. Как писал Я.И. Костенецкий о Московском университете в 1820-е гг., инспектор и ректор могли не знать студентов в лицо, так что от их претензий было легко отделаться [Цит. по: 9, с. 109]. Впрочем, к казенным воспитанникам это не относилось – они все время оставались на виду у непосредственного начальства. Однако и им на руку играл тот факт, что вплоть до николаевских времён в российских университетах не было писанных правил поведения для студентов, поэтому решения и инспектора, и попечителя по поводу проступков студентов носили прецедентный характер.

Исключением в этом ряду был университет в Дерпте, где с целью контроля над своенравной студенческой корпорацией правила были созданы ещё в 1803 г. [1, с. 73].

Меры воздействия, применявшиеся инспектором по отношению к нарушителям дисциплины, также были разнообразны, но в основном выглядели как замена родительского воспитания. Так, периодически практиковались принудительные работы в зданиях, временное облачение в крестьянскую одежду и даже розги – наказание, привычное для студентов-поповичей и дворян, выходцев из Благородного пансиона. Если же студенческие «шалости» выходили за рамки разумного, инспектор мог объявить о душевной болезни и отправить студента на лечение в университетскую клинику, сохраняя за ним его статус и место на курсе. [1, с. 72].

С начала 1830-х гг. мемуаристами отмечалась такая новая форма наказания облачение в солдатскую шинель и, в случае повторного проступка, «обритие» головы. По крайней мере, о таком наказании как о позорной для учащихся, но эффективной мере воздействия упоминал в своих воспоминаниях Ф.И. Буслаев, бывший в юности казенным студентом Московского университета [10, с. 206].

Важнейшей причиной, побудившей университетские власти в 1830-е гг. изменить порядок взаимодействия инспектора со студентами в сторону большей бюрократизации и создания формальных правил, стало увеличение количества учащихся и наметившееся преобладание в общей массе студентов дворянских отпрысков, учившихся на собственном содержании и потому мало подконтрольных инспектору казенных студентов [1, с. 74]. Возникла необходимость контролировать поведение студентов за пределами университета. С этой целью в 1827 г. студентов в Москве впервые подчинили полиции, что означало ограничение их свободы в городе, что затронуло и своекоштных учащихся [11, с. 206].

Постепенно появлялись и новые формы надзора за студентами в городе, осуществлявшиеся инспектором. Общеизвестно, что московские студенты очень любили посещать театры, и порой профессора, поочередно исполнявшие обязанности инспектора, снисходительно относились к пропуску лекций в дни театральных премьер. Но чаще пребывание студентов в театре строго контролировалось. Как писал мемуарист П.Ф. Вистенгоф, учившийся в Московском университете в начале 1830-х гг., в то время дело дошло до предоставления особых мест инспекторам и их помощникам в театральной зале, с которых они следили за поведением своих подопечных. Существовали и известные инспектору специальные «студенческие» места [9, с. 111-112].

В середине того же десятилетия министерство народного просвещения, во главе с С.С.

Уваровым, предложило назначать инспектора студентов из числа «посторонних чиновников», что означало освобождение профессоров от этой нагрузки [12, с. 47]. В современной научной литературе, как правило, данная мера считается разумным распределением полномочий в рамках структур управления университетом [13, с. 62].

В конечном счете, условия взаимодействия инспектора со студенчеством Московского университета закрепил университетский Устав 1835 г., § 69 которого прямо требовал от министра назначать инспектора студентов по предложению попечителя «из военных или гражданских чиновников». Устав, по сути, создавал полноценную вертикаль управления университетскими обитателями: инспектор прямо подчинялся попечителю, решения которого по студенческим делам утверждались министром или, при необходимости, императором (§§ 70–72) [14].

Из обязанностей инспектора в сформировавшейся новой системе управления университетами Устав 1835 г. выделяет собственно контроль поведения учащихся – «Особенный и ближайший надзор за нравственностью всех учащихся в Университете» (§ 71). Только ближе к концу документа упоминается другой объект забот инспектора студентов – «хозяйственная часть» (§ 154). Также примечательно, что исполнять свои многочисленные обязанности инспектору отныне призваны были помогать подчиненные – помощники (также позднее именовавшиеся субинспекторами) по «нравственной части» и эконом по хозяйственным делам. [14].

Материально деятельность инспектора и его подчиненных также была обеспечена в достаточном объеме. Так как инспектор и его сотрудники посвящали службе в Университете все свое время и «не заняты другими обязанностями» (§ 71 Устава), им были положены соответствующие их статусу оклады (инспектор студентов, как и ординарный профессор, имел VII класс – § 131) [14]. 1 мая 1834 г. по предложению Уварова Высочайшим повелением инспектору студентов Московского университета было положено жалованье в 3000 рублей в год, а его помощникам – по 1500 в год. Для покрытия этих расходов были не только сокращены расходы университета, но и расширено его содержание из государственной казны [15, с. 83-84].

Многочисленные обязанности инспектора студентов должны были, согласно § 74 Устава [14], быть подробно описаны в специальном «наставлении», составленном отдельно для каждого университета сообразно местным особенностям. Инструкция для инспектора Московского университета была хронологически первой и стала образцом для аналогичных предписаний инспекторам в Харькове и Казани. В соответствии с данным документом ключевые обязанности инспектора в Московском университете

были пересказаны в университетском отчете за 1834/1835 учебный год. Согласно отчету, его власть была особенно велика над казенными студентами: он следил за тем, как они совершали молитвы в течение дня, контролировал посещение воскресных служб в университетском храме; распределял и расселял их по учебным и спальным комнатам; имел полномочия в области контроля за ношением форменной одежды без всяких «неприличных украшений»; обязан был контролировать здоровье студентов, а также организовывать их быт в материальном плане, снабжать их книгами и учебными пособиями [16, с. 24].

Кроме того, инспектору предписывалось строго контролировать посещение лекций, не допускать праздного времяпрепровождения студентов, также он должен был воспретить учащимся посещение трактиров, кофеен, бильярдных и других «непозволительных мест». Функции контроля инспектор при этом делил с помощниками, а также назначаемыми «камерными студентами», следившими за порядком в студенческих «нумерах». Наконец, согласно университетскому отчету, уже к концу отчетного учебного года было «прекращено курение табаку, употребление самоваров и самовольные отлучки» казенных студентов из университета [16, с. 24], что едва ли соответствовало действительности в полной мере и было, скорее, декларацией о намерениях университетских властей.

Относительно своекоштных студентов полномочия инспектора были несколько скромнее – его помощники должны были лишь периодически навещать студентов на частных квартирах, следить за тем, чтобы они вели нравственный образ жизни дома, а также посещали лекции. В случае отсутствия на занятиях в течение нескольких дней своекоштный учащийся попадал на особый контроль инспектора и его помощников. Кроме того, в отношении этой категории университетских обитателей инспектору также вменялось в обязанность следить за их физическим здоровьем и при необходимости навещать их на дому вместе с врачом университетской больницы [16, с. 25].

Значительно более информативной как в плане конкретизации полномочий инспектора студентов, так и идейного наполнения его деятельности была опубликованная в министерском журнале «временная инструкция», данная инспектору Московского университета еще в 1834 г. на один год и положившая начало выстраиванию системы контроля над студенчеством в новых условиях после принятия Устава 1835 г. В начале инструкции декларировалось, что инспектору поручен надзор за всеми учащимися в университете – казенными, своекоштными, вольными слушателями и т.д., поскольку он – «один из главных чиновников Университета» (п. 2 инструкции) [17, с. 26-27]. В целом, выдержан-

ная в идеалистическом тоне первая часть инструкции перекликается с более поздним описанием идеальной цели университетской системы управления николаевских времен: в отчете Московского университета за 1839–1840 гг. сказано, что инспектор, как и все руководство университета, стремится к улучшению состояния студентов «в нравственном и физическом отношении» [18, с. 23]. За этой формулировкой скрывались, однако, формы значительного контроля и давления на студенчество, ярко проявившиеся на практике в 1830-1850-х гг.

Важнейшее место среди полномочий инспектора студентов по «нравственной части» занимал контроль политической благонадежности учащихся. В аналогичной инструкции, данной инспектору Санкт-Петербургского университета, на этом делался особый акцент – воспрещались всяческие неформальные кружки, общества, студенческие «сборища» и землячества [1, с. 75]. Примечательно, что инспектору и его помощникам вменялось в обязанность следить за студенческими компаниями от трёх человек, а также подслушивать и даже вмешиваться в их разговоры, что совершенно выходило за рамки тогдашних приличий и университетских обыкновений [7, с. 67]. Тем не менее, обо всех выявленных тайных обществах и даже малочисленных «сборищах» инспектор должен был немедленно сообщать попечителю [17, с. 28].

Однако даже «нравственный надзор» за студенчеством все же не был в николаевское время всеобщим и тотальным. Во-первых, от надзора инспектора де-факто освобождались своекоштные учащиеся, жившие у родителей или «благонамеренных» близких родственников. При этом, как уточнялось в инструкции, абсолютно непригодными местами для жизни признавались «ресторации, трактиры, постоялые дворы» и другие места, где могут собираться «люди подозрительного поведения». В последнем случае инспектор обязан был требовать сменить квартиру [17, с. 30], но в реальности сведений о вынужденных переездах своекоштных студентов при таких обстоятельствах исследователями пока что не обнаружено.

Во-вторых, требования всеобщего надзора за университетскими учащимися упирались в ограниченные возможности инспектора и его подчиненных. Так, в отчете Московского университета за 1836/1837 год декларировалось: «Инспектор студентов со своими помощниками имеет постоянное наблюдение за нравственностью всех учащихся, и за точным соблюдением предписанных им правил в домашнем образе жизни, во время лекций и в общественных собраниях» [19, с. 18]. Иначе говоря, инспектор обязан был следить за поведением нескольких сотен подопечных и в стенах университета, и в пространстве города, что было едва ли возможно в полной мере, даже с учетом работы его помощников.

Поскольку помощники инспектора в Московском университете были непосредственно ответственны за наблюдение за поведением подопечных и, согласно Уставу 1835 г., постоянно находились в Университете, их количество в рассматриваемую эпоху закономерно росло вслед за увеличением числа учащихся: в 1835-1836 гг. их было пятеро, в 1841-1842 гг. уже шестеро, а начиная с 1848 г. и вплоть до 1856-1857 гг. их было уже восемь человек [20, с. 4]. В Петербурге штаты были скромнее – в 1839 г. у инспектора студентов было лишь четыре помощника [1, с. 74].

В научной литературе встречается даже мнение, что не инспектор, а именно его помощник (субинспектор) был самым ближним к студентам университетским чиновником: именно у него «казенные питомцы» отпрашивались на выходные, испрашивали разрешения отобедать или отужинать вне университета. Ещё один помощник инспектора вел особый учёт студенческих проступков, пропусков лекций и других сведений, которые попадали в итоге к инспектору [21, с. 57]. Однако именно последнее обстоятельство подчеркивает тот факт, что субинспектор был несамостоятельной, технической фигурой, не принимавшей важных решений, влиявших на жизнь студентов. Такими полномочиями обладал лишь сам инспектор.

При всей широте полномочий, бюрократическом формализме предписаний и предполагавшейся строгости отношения к студенчеству со стороны инспектора была в его деятельности в университете и другая сторона. Вышеупомянутая инструкция предписывала ему обращаться со студентами «как с собственными детьми» [17, с. 30], что давало ему некоторую свободу в оценке проступков и нравственных пороков подопечных в последующие годы. На роль такого патриархального покровителя юношества прекрасно подходил назначенный в 1834 г. инспектором студентов Московского университета Платон Степанович Нахимов, флотский офицер и брат прославленного адмирала, не прибегавший к излишним строгостям и любимый студентами почтенный старик. Фигуры сменявшихся в ту же эпоху попечителей в Петербурге также не отличались излишним рвением в управлении студентами столичного университета [1, 7].

Возможно, по причине такой двойственности отношения инспектора к студентам на протяжении последовавших за принятием нового университетского Устава двух десятилетий отчеты Московского университета в части надзора за поведением учащихся сообщали, что инспектор находит поведение всех подопечных удовлетворительным. Из мер, применявшихся к ним, указывались лишь замечания, «легкие выговоры» и «кратковременный арест» [20, с. 11]. При этом реальный список возможных мер воздействия был несравненно шире: в отчете за 1834/1835 год упоминаются «замечания словесные, выго-

воры, замечания письменные на табели, арест, содержание в карцере, исключение из Университета и отправление в военную службу» [16, с. 24].

Инструкция, выданная Нахимову в 1834 г., уточняет и приводит в систему вышеуказанные меры наказания: так, арест и карцер могли назначаться инспектором на срок до семи дней, а вот повторный аналогичный проступок приводил уже к исключению из университета, а для казенных студентов – к отдаче в солдаты [17, с. 43]. Из мер же, связанных с ограничением свободы, Карцер строже – в нем не предполагалось своей постели, книг, возможностей для учебы, к нарушителю был приставлен строгий караул, а из еды предлагались только хлеб и вода [17, с. 44].

Строгие наказания, хоть и нечасто, все же применялись инспектором на практике в годы, последовавшие за принятием нового Устава. Так, в 1837 г. казенный студент-медик Козьма Соболев подвергся неким «строгим взысканиям», но инспектор в университетском отчете все же выразил надежду на его «совершенное исправление» [19, с. 18]. Иногда в рассматриваемую эпоху инспектор делал скидку и на «болезненное состояние» студентов. Так, в 1834 г. не был исключен за плохое поведение студент-медик второго курса Федор Шереметевский, однако уже в следующем учебном году его отчислили и отправили обратно в Московский воспитательный дом, питомцем которого он был изначально [16, с. 23].

С другой стороны, сами студенты порой злоупотребляли добротой Нахимова и, прикрываясь болезнью, игнорировали свои обязанности. Как следует из архивных данных, 10 мая 1837 г. ректор обратился к инспектору студентов с вопросом, почему несколько месяцев кряду не посещал профессорские лекции студент-медик Николай Успенский [22, л. 1]. Предположив, что причиной отсутствия студента стала болезнь, Нахимов запросил университетскую больницу, откуда 17 мая пришел ответ, что студент «... очень болен ломотою, от которой при вступлении в больницу не имел никакого действия в ногах, ныне он ещё слаб, скорое выздоровление не предвидится» [22, л. 4]. Далее, по всей видимости, вопрос со студентом Успенским по какой-то причине остался без внимания инспектора, и повторный запрос о его здоровье был отправлен в клинику только в апреле 1838 года, на что врачи ответили, что Успенский выписался еще в июне 1837 года. В конечном счете инспектор вынужден был доложить ректору, что ему неизвестна причина практически годичного отсутствия студента на лекциях [22, л. 7-8].

Таким образом, время от времени студенты могли выпадать из поля зрения инспектора, несмотря на все меры надзора и строгое указание инспекторской инструкции о том, что единственными уважительными причинами непосе-

щения лекций студентом являются его болезнь или арест [17, с. 33]. Стоит упомянуть также, что в случае отмены лекции профессором инспектор должен был либо распустить учащихся, либо контролировать их пребывание в аудитории в «праздное время». [17, с. 34]. Но, учитывая объем обязанностей инспектора, подобный контроль был достаточно затруднителен. Аналогичным образом инспектору и помощникам далеко не всегда удавалось поддерживать порядок в учебных комнатах казенных студентов, где инструкцией воспрещались не только шум, но и «громкие разговоры». В своих воспоминаниях Буслаев упоминает, что студенты устраивали там хоровые пения, играли на флейте и даже скрипке [10].

Не функционировала должным образом и предписанная университетскими властями система самоконтроля студенческой корпорации, когда мена не посещающих лекции и предававшихся различным порокам студентов должны были сообщаться субинспектору назначенными «старшими» из числа учащихся (они же «цензоры») [17, с. 33; 19, с. 22]. Подобная практика доношительства стремительно входила в противоречие с нарождающейся в ту эпоху корпоративной этикой студенчества.

Сам инспектор Нахимов также, как уже подчеркивалось, не стремился к излишней строгости в отношении своих подопечных. В университетских отчетах середины 1830-е гг. в разных формулировках указывалась и причина, которая, по мнению инспектора, приводила студентов к предосудительным поступкам – «неосторожность и легкомыслие молодых людей» [19, с. 18]. Верный своему служебному долгу, Нахимов делал скидку на возраст учащихся и их привыкание к новому статусу студента, к самостоятельной жизни вдалеке от родительского дома.

Впрочем, в случае грубого нарушения университетских порядков практиковалось и «удаление» учащихся из Московского университета, причем для своекоштных студентов это просто означало исключение, а казеннокоштным грозила при этом военная служба. Однако по большей части данная мера применялась активно только в середине 1830-х гг., а далее почти сошла на нет: в 1834 г. отправленных «в военную службу» было трое, в 1835/1836 учебном году был отчислен еще один студент-медик [19, с. 19], в последующие годы исключения из вуза практиковались в подавляющем большинстве случаев за «безуспешность в науках».

В отчетах за последующие годы иногда попадаются и конкретные формулировки, связанные с причиной принятия строгих мер в отношении студентов. Так, в 1845 г. из Московского университета был отчислен один студент «за грубость против своего товарища» – очевидно, инспектор вмешался своей властью в личный конфликт в студенческой среде [24, с. 27]. Это оправдывалось тем, что «безнравственное» поведение и

легкомысленное отношение к учебе нарушителей подают «худой пример» другим учащимся, и инспектор был призван бороться с такими негативными влияниями на учащуюся молодежь [19, с. 22].

Подчинение инспектору и неукоснительное соблюдение внутриуниверситетских правил было особенно важным для бедных студентов, поскольку на протяжении 1830-1840-х гг. залогом получения стипендии и казенного содержания постепенно стало осмотрительно поведение, а не только успехи в учебе [1, с. 74]. Инструкция инспектора прямо запрещала без его одобрения переводить студентов на следующий курс, вручать им медали за успехи в учебе и в науке, переводить их на казенный кошт и благотворительное содержание [17, с. 44–45]. Более того – в 1840-х гг. постепенно возникла система частичного перераспределения средств в пользу бедных, но трудолюбивых и лояльных начальству студентов, на содержания которых тратились средства, поступающие от взимавшейся со своекоштных учащихся платы за обучение [24, с. 38].

Таким образом, с принятием университетского Устава 1835 г. в достаточной краткие сроки была выстроена жесткая система мер контроля и надзора за студентами, непосредственно реализовывавшаяся инспектором и его помощниками. От студентов Московского университета, как и других учебных заведений Российской империи, отныне все больше требовалось не только прилежание в учебе, но и лояльность начальству. При этом нельзя вполне согласиться с мнением исследовательниц Казаковой и Жуковской, что инспектор после 1835 г. выполнял лишь «наблюдательную функцию» [1, с. 74-75], поскольку решение попечителя и министра относительно дальнейшей судьбы провинившегося студента прямо зависело от описания, характеристики дела и личности нарушителя, которые составлял сам инспектор.

С другой стороны, мелочная регламентация и контроль за жизнью учащихся были ограничены, во-первых, физическими возможностями инспектора и его сотрудников, во-вторых, убежденностью в необходимости снисходительного отношения к молодым «питомцам» Университета и их прегрешениям. Такой подход, в конечном счете, совпадал по духу с должностной инструкцией инспектора и вполне устраивал университетское начальство, заинтересованное в сохранении положительной репутации Московского университета перед лицом вышестоящих властей и общественности.

Данная система патриархального надзора дала сбой лишь с окончанием эпохи Николая I. Со второй половины 1850-х гг. в Московском и других университетах Империи происходил взрывной рост студенческой массы, активности студентов, их политизированности, осознания себя как корпорации и общественной силы. В

этих условиях назревал конфликт студенчества с университетским начальством, и от былой патриархальной солидарности всех членов университетской корпорации, включая инспектора, к моменту принятия Устава 1863 г. не осталось и следа [1, с. 76]. В новых исторических условиях пореформенной России систему взаимодействия студентов, преподавателей и чиновников необходимо было выстраивать, по сути, с нуля, и эта трансформация системы управления университетами и роли инспекторов в ней требует отдельного пристального изучения.

Литература и источники

1. Казакова К.С., Жуковская Т.Н. Студенты и инспекторы: от «семейного стиля» к нравственно-политическому надзору (на материалах Педагогического института и Петербургского университета 1800-1850-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 68–78.
2. Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 343 с.
3. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. Студенчество. М.: Изд-во МГУ, 2003. 464 с.
4. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
5. Харківський Національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років / под ред. С.И. Посохова. Харків: Фоліо, 2004. 750 с.
6. Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2003. 240 с.
7. Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: норма и повседневная жизнь корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63–76.
8. Университетский Устав (5 ноября 1804). [Электронный ресурс]. – URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения: 07.08.2023)
9. Анненков А.М. Российское студенчество первой трети XIX века в воспоминаниях современников // Культура исторической памяти: Материалы науч. конф., 19–22 сент. 2001 г. / Ред.-сост. А.В. Антощенко. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 106–115.
10. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989. С. 200–222.
11. Андреев А.Ю., Посохов С.И. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. М.: РОС-СПЭН, 2012. 671 с.
12. Об определении инспектора студентов при С.-Петербургском университете из посторонних чиновников // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1834. №. 11. С. 47.
13. Макарова Н.В. Студенчество в XIX веке: быт и нравы // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII – XXI века). Сборник научных статей / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Изд-во МГОУ, 2004. С. 58–66.
14. Университетский Устав (26 июля 1835). [Электронный ресурс]. – URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (дата обращения: 07.08.2023)
15. Об определении при Московском университете инспектора студентов из посторонних чиновников и пяти к нему помощников // ЖМНП. 1834. №. 6. С. 83–84.
16. Отчёт о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1834–35 учебный год. [М., 1835]. 90 с.
17. Инструкция инспектору студентов Императорского Московского университета // ЖМНП. 1834. №. 11. С. 26–46.
18. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1839–40 академический и 1840 гражданский годы. [М., 1841]. 104 с.
19. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1836–37 учебный год. [М., 1838]. 105 с.
20. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1856–57 академический и 1857 гражданский годы. [М., 1858]. 240 с.
21. Арстанова А.Г., Воронова А.А. Особенности студенческого досуга и быта в российских университетах в первой половине XIX в. // Астраханские Петровские чтения. Материалы VI Международной научной конференции «Петр Первый и имперские практики фронтального пространства». Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2022. С. 56–60.
22. ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 254. Д. 31. 8 л.
23. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1844–1845 академический и 1845 гражданский годы. [М., 1846]. 123 с.
24. Отчёт о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1846–47 академический и 1847 гражданский годы. [М., 1848]. 162 с.

References

1. Kazakova K.S., Zhukovskaja T.N. *Studenty i inspektory: ot «semeinogo stilya» k нравstvenno-politicheskomu nadzoru (na materialakh Pedagogicheskogo instituta i Peterburgskogo universiteta 1800-1850-kh gg.)* [Students and Superintendents: From "Family Style" to Moral and Political Supervision (Based on Materials of Pedagogical Institute and St. Petersburg University of 1800s – 1850s)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, Vol. 25, No. 2, pp. 68–78 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.5>
2. Nasonkina L.I. *Moskovskij universitet posle vosstanija dekabristov* [Moscow University after the Decembrist revolt]. Moscow, Moskovskogo universiteta Publ., 1972. 343 p.
3. Petrov F.A. *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [Forming the system of university education in Russia], Vol. 4, Part 2, Moscow, MGU Publ., 2003. 464 p.
4. Andreev A.Yu. *Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian Universities of XVIII – the first half of XIXth centuries in the context of European university history]. Moscow, Znak Publ., 2009. 640 p.
5. *Harkivs'kij Nacional'nij universitet im. V.N. Karazina za 200 rokov* [Kharkov National Karazin University for 200 years] (ed. by S.I. Posohov). Har'kiv, Folio Publ., 2004. 750 p. (In Ukrainian).

6. Vishlenkova E.A. *Kazanskij universitet Aleksandrovskej jepohi* [Kazan University in Alexander Epoch]. Kazan': Kazanskij (Privolzhsckij) federal'nyj universitet Publ., 2003. 240 p.
7. Zhukovskaja T.N., Kazakova K.S. *Russkij student doreformennoj jepohi: norma i povsednevnaia zhizn' korporacii* [Russian student of the pre-reform era: the normal and everyday life of a corporation]. *Otechestvennaja istorija* [National History], 2007, No. 6, pp. 63–76.
8. *Universitetskij Ustav (5 nojabrja 1804)* [University Statute, 5 November 1804]. Available at: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (Accessed 7 August 2023).
9. Annenkov A.M. *Rossijskoe studenchestvo pervoj tretej XIX veka v vospominanijah sovremennikov* [Russian students in the first third of the XIXth century in the memoirs of contemporaries]. *Kul'tura istoricheskoj pamjati: Materialy nauch. konf., 19-22 sent. 2001 g.* [Culture of historical memory: Proceeding of the sci. conf.] (ed. by A.V. Antoshhenko). Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2002, pp. 106–115.
10. Buslaev F.I. *Moi vospominanija* [My memories]. *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov*. [Moscow University in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Sovremennik Publ., 1989, pp. 200–222.
11. Andreev A.Ju., Posohov S.I. *Universitet v Rossijskoj imperii XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [University in Russian Empire in XVIII – first half of XIX centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 671 p.
12. *Ob opredelenii inspektora studentov pri S.-Peterburgskom universitete iz postoronnih chinovnikov* [On the appointment of a student inspector at St. Petersburg University from outside officials]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija (ZhMNP)* [Public education ministry journal], 1834, No. 11, p. 47.
13. Makarova N.V. *Studenchestvo v XIX veke: byt i nrawy* [Students in the XIXth century: their life and customs]. *Rossijskoe studenchestvo: uslovija zhizni i byta (XVIII - XXI veka). Sbornik nauchnyh statej* [Russian students: conditions of their life and daily life (XVIII - XIX centuries). Collection of scientific articles] (ed. by Ju.A. Poljakov). Moscow, MGOU Publ., 2004, pp. 58–66.
14. *Universitetskij Ustav (26 ijulja 1835)* [University Statute, 26 Juli 1835]. Available at: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (Accessed 7 August 2023).
15. *Ob opredelenii pri Moskovskom universitete inspektora studentov iz postoronnih chinovnikov i pjati k nemu pomoshhnikov* [On the appointment at Moscow University of an inspector of students from outside officials and five assistants to him]. *ZhMNP*, 1834, No. 6, pp. 83–84.
16. *Otchjot o sostojanii i dejstvijah Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta za 1834–35 uchebnyj god* [Report on the status and activities of the Imperial Moscow University for the 1834–35 academic year]. Moscow, 1835. 90 p.
17. *Instrukcija inspektoru studentov Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Instructions to the student superintendent of the Imperial Moscow University]. *ZhMNP*, 1834, No. 11, pp. 26–46.
18. *Otchet o sostojanii i dejstvijah Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 1839–40 akademicheskij i 1840 grazhdanskij gody* [Report on the status and activities of the Imperial Moscow University for the 1839–40 academic and 1840 civil years]. Moscow, 1841. 104 p.
19. *Otchet o sostojanii i dejstvijah Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 1836–37 uchebnyj god* [Report on the status and activities of the Imperial Moscow University for the 1836–37 academic year]. Moscow, 1838. 105 p.
20. *Otchet o sostojanii i dejstvijah Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 1856–57 akademicheskij i 1857 grazhdanskij gody* [Report on the status and activities of the Imperial Moscow University for the 1856–57 academic and 1857 civil years]. Moscow, 1858. 240 p.
21. Arstanova A.G., Voronova A.A. *Osobennosti studencheskogo dosuga i byta v rossijskih universitetah v pervoj polovine XIX v.* [Features of student leisure and life in Russian universities in the first half of the XIXth century] *Astrahanskije Petrovskie chtenija. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Petr Pervyj i imperskie praktiki frontirnogo prostranstva»* [Astrakhan Peter's Readings. Materials of the International Sci. Conf. "Peter the Great and Imperial Practices of the Frontier Space"]. Astrahan': "Astrahanskij universitet" Publ., 2022, pp. 56–60.
22. Moscow Central State Archive. F. 418. Op. 254. D. 31. 8 p.
23. *Otchet o sostojanii i dejstvijah Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 1844–1845 akademicheskij i 1845 grazhdanskij gody* [Report on the status and activities of the Imperial Moscow University for the 1844–45 academic and 1845 civil years]. Moscow, 1846. 123 p.
24. *Otchjot o sostojanii i dejstvijah Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta za 1846–47 akademicheskij i 1847 grazhdanskij gody* [Report on the status and activities of the Imperial Moscow University for the 1846–47 academic and 1847 civil years]. Moscow, 1848. 162 p.

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_98

Дата поступления (Submitted) 11.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 26.07.2023

Николай II и российская музейная сфера

МАРИНА ВИКТОРОВНА ДЕВЕЙКИС

выпускница аспирантуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург,
e-mail: deveykis@bk.ru

Аннотация. Эпоха правления последнего российского императора Николая II за последние десятилетия стала одной из наиболее востребованных тем для исследований в исторической науке. Вместе с тем, ряд связанных с ней сюжетов изучен в недостаточной степени и требует дополнительного внимания. К числу таких тем относится развитие музейного дела в Российской империи в целом и в Петербурге, по праву называемого музейной столицей страны. Таким образом, актуальность статьи не вызывает сомнений. В работе впервые на основе изучения исторических документов: «Дневников императора Николая II (1894–1918)» проанализирован аспект влияния последнего императора на российскую музейную сферу, вскрыта динамика посещений музеев, цели, предпочтения государя. При исследовании использовались общеисторические принципы: объективность, научность, историзм, а также сравнительно-исторический метод.

Ключевые слова: музеи, император Николай II, Петербург, музейная сфера, дневники императора

Nicholas II and the Russian museum sphere

MARINA VIKTOROVNA DEVEYKIS

Postgraduate degree from the Institute of
History, St. Petersburg State University
199034, Mendeleevskaya line, 5, St. Petersburg,
e-mail: deveykis@bk.ru

Abstract. The reign of the last Russian emperor Nicholas II has become one of the most popular topics for research in historical science in recent decades. At the same time, a number of subjects related to it have been insufficiently studied and require additional attention. Such topics include the development of the museum business in the Russian Empire as a whole and in St. Petersburg, rightfully called the museum capital of the country. Thus, the relevance of the article is beyond doubt. In the work for the first time on the basis of the study of historical documents: "Diaries of Emperor Nicholas II (1894-1918)" analysed the aspect of the influence of the last emperor on the Russian museum sphere, revealed the dynamics of visits to museums, goals, preferences of the sovereign. The study used general historical principles: objectivity, scientificity, historicism, as well as the comparative-historical.

Keywords: museums, Emperor Nicholas II, St. Petersburg, museum sphere, diaries of the Emperor

Эпоха правления императора Николая II (1894–1917) – важный этап подъёма Российской империи, который наблюдался во всех отраслях: промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, культуре. Важно отметить положительную роль в культурной политике императора. При нем было воссоздано женское образование, музыка и театр получили новый импульс в своем развитии. Очень показательным является письмо императору от Дирекции Императорского Музыкального Общества в связи с торжественным открытием Консерватории и Симфонических оркестров в новом помещении. «Нужно ли говорить, как нам было бы дорого присутствие Вашего Императорского Высочества, Вы в наше дело вложили столько энергии и

душевной теплоты, что отсутствие Вашего Императорского Высочества омрачило бы наш светлый праздник» [1, л. 385].

Николай II являлся также искусным ценителем живописи. Сергей Ольденбург в своей фундаментальной работе, посвящённой правлению Николая II, писал: «Русская императорская власть, следуя лучшим монархическим традициям всех времен, оказывала широкую поддержку изобразительным искусствам» [2, с. 134]. Государь часто посещал художественные и промышленные выставки, которые способствовали развитию музейного дела. В период правления Николая II наблюдался музейный подъем – было создано 23 музея. «Музей является важным институтом в системе культуры, как часть

культуры, он движется в русле общих тенденций ее развития, но в тоже время оказывает влияние на ее сферы» [3, с. 177].

Император Николай II уделял значительное внимание развитию музейной политики Петербурга и в целом страны. Для полного раскрытия вопроса нами были проанализированы «Дневники императора Николая II (1894–1917)». Рассматривая дневники императора в части музейного дела, мы можем проследить его отношение к действующим и созданным музеям на рубеже XIX–XX вв. Любые упоминания о музеях представляют особый интерес, поскольку очевидно, что государь записывал в своих дневниках лишь значимые для него события. Вместе с тем, дневниковые записи императора представляют собой достаточно ограниченный для анализа источник, поскольку Николай II в своих записях часто был достаточно лаконичен. Он скромно сообщал о том, какое впечатление на него производил тот или иной музей, какие конкретные предметы он приобретал или передавал в дар. Тем не менее, анализируя дневники мы можем глубже рассмотреть развитие музейного дела и влияние на него императора. Николай II посещал различные музеи, как в Петербурге, других городах, так и за границей, с разными целями, как чисто познавательными, так и с более практическими и торжественными. Нередко он наносил визит в музеи с кем-то из своих родственников, о чём также отмечал в своих записях. При этом стоит выделить тот факт, что в дневниковых записях мы находим упоминания музеев в период до 1905 г. несколько чаще и более редки записи о музеях после начала Первой мировой войны.

В Петербурге Николай II нередко знакомился с музеями как самостоятельно, так и в окружении своих родственников. Так, например, 10 января 1895 г., он писал о том, что вместе с императрицей Александрой Фёдоровной «вскользь посетили морской музей» [4, с. 181]. 17 февраля того же года, государь упоминал о совместном с супругой посещении акварельной выставки, во время которой правящая чета ознакомилась с музеем при школе рисования [4, с. 187]. 6 февраля 1901 г. Николай II сообщал о поездке в новое здание Зоологического музея Академии наук [4, с. 580]. На Зоологический музей император также ссылался в связи с экспонированием там необычайно хорошо сохранившихся останков мамонта, которые он осматривал 13 марта 1902 г. [4, с. 653]. От 9 февраля 1902 г. присутствовала запись о посещении Николаем II артиллерийского музея, который он «с интересом осмотрел» [4, с. 646]. 28 февраля 1903 г. император упоминал о посещении им нового музея Министерства путей и сообщения, который был «очень интересен» [4, с. 715]. В марте 1914 г. государь осматривал музей Петра Великого. В своём дневнике он записал: «Очень хорошо устроены все помещения исторических бытовых коллекций и комнаты с вещами Петра

Великого» [5, с. 15]. Это замечание представляется интересным, поскольку в совокупности с особой заботой об открытии музеев, посвящённых предыдущим императорам и трепетного внимания к российским древностям, говорит о том, сколь значимое внимание придавал государь историческим музеям. Всё это свидетельствует о достаточно широкой и разносторонней сфере интересов государя, простирающихся от глубоко знания истории к заинтересованности в сфере технических наук. Нельзя при этом сказать, что посещение всех этих музеев было рядовым явлением – в противном случае император не отметил бы эти события в своём дневнике.

Николай II нередко присутствовал на церемониях открытия музеев. 30-ого апреля 1896 г. вместе с императрицей, государь приезжал на открытие художественно-промышленного музея А. Л. Штиглица. Император в своём дневнике называл его «великолепным» [4, с. 270]. Присутствовавший на церемонии и давший её развёрнутое описание А. А. Половцов, указывал, что император с глубоким интересом осмотрел композиции музея, обратив свой взор на картины А. П. Боголюбова и выразив желание побывать в музее ещё раз, чтобы осмотреть то, что не успел в этот день [4, с. 319]. Государь нередко будет посещать данный музей и в дальнейшем. Так 21 марта 1898 г. он записал: «Поехал в музей Штиглица на выставку итальянских картин. Много очень красивых и интересных сюжетов. Купил четыре» [4, с. 399]. 13 февраля 1899 г. император вновь посещал музей, побывав на выставке картин [4, с. 458]. 2 мая того же года государь приезжал на французскую выставку в музее, где он «видел много красивых вещей и приобрел две» [4, с. 470]. Следующая запись о музее А. Л. Штиглица появилась 15 февраля 1904 г. Император записывал в своём дневнике: «В 2 ½ поехали в Музей Штиглица на открытие выставки исторических и драгоценных вещей. Осматривали ее в течение полутора часа с большим интересом. Масса красивых предметов» [4, с. 790]. Николай II довольно часто и детально описывал свои визиты в музей Штиглица, из чего можно сделать вывод о его особом статусе в эстетических предпочтениях государя. Музей Штиглица пользовался особым патронажем со стороны императора. Помимо музея Штиглица, государь также присутствовал на освящении музея А. В. Суворова [4, с. 834], однако слишком подробно о нём не распространялся в дневнике.

Приоритетом и особой заботой Николая II являлось создание и обустройство музеев, посвящённых памяти его отца, императора Александра III. Государь упоминал в своих дневниках как лично, вместе с великим князем Георгием Михайловичем, занимался отбором картин для «музея имени Папа», т.е. для Русского музея [4, с. 376]. О пристальной заботе государя о музее говорит также и следующая его запись в дневнике

от 29 февраля 1898 г.: «В 3 часа поехал осмотреть музей в память Папа, который совсем готов к открытию и произвел на меня впечатление очень приятное и цельное. Он казался вполне наполненным, и это всего в какие-нибудь два года!» [4, с. 395]. 7 марта 1898 г. император присутствовал на открытии «музея имени Папа» [4, с. 396]. В память об этом событии была выпущена медаль с двумя профилями — Александра III и Николая II, что нагляднейшим образом свидетельствует о том значении, которое Николай II придавал этому музею. Государь пристально и неустанно отмечал успехи музея в своих записях. В записи от 14 марта 1899 г. он указывал, что «музей производит впечатление давно существующего учреждения» [4, с. 396]. Николай II лично формировал коллекцию картин, которые, как он считал, целесообразно было разместить в музее памяти Александра III. По его распоряжению в собрание музея были переданы некоторые редкие полотна из высочайшего собрания. О том, что последний российский император свое особое внимание обращал на Русский музей, свидетельствуют дошедшие до наших дней воспоминания княгини М. К. Тенишевой и известного художника и искусствоведа А. Н. Бенуа. В 1898 г. княгиня М. К. Тенишева пожертвовала Русскому музею свою коллекцию изобразительного искусства, А. Н. Бенуа занимался созданием экспозиции. В последний день перед открытием Русского музея состоялся визит императора Николая II, который описан в воспоминаниях А. Н. Бенуа.

Согласно версии Бенуа, встреча с императором произошла в первом зале русской акварели музея. Давая описание этого события достаточно подробно, стараясь отметить различные детали и нюансы беседы, художник отмечал, что провел для императора экскурсию с целью знакомства с экспозициями и музейным фондом. В ходе этого «надлежало ему все рассказать про состав собрания, про его характер и значение; я отвечал на его вопросы, а перед некоторыми произведениями происходила более долгая остановка, и между мной и «самодержцем всероссийским» завязывался настоящий «обмен мнений» [6, с. 203]. Этот эпизод охарактеризовал вкус и предпочтения царя в изобразительном искусстве. В свою очередь государь, продемонстрировавший эрудицию и кругозор, активно вел дискуссии об искусстве с признанным экспертом в этой области, каким был А. Н. Бенуа. По признанию художника, Николай Александрович из всех представленных предметов искусства наибольший интерес проявил к эскизам М. В. Нестерова, в частности, к тем, которые легли в основу оформления Храма 1 марта, к акварели И. Е. Репина «Читающая дама», портрету Нувеля работы Л. С. Бакста, акварельным пейзажам Альбера Бенуа.

Сведения княгини М. К. Тенишевой расходятся с сохранившимися воспоминаниями А. Н. Бенуа

об этом событии. В частности, факт присутствия художника на встрече, также, как и его беседы с царем, не находят никакого подтверждения в ее записях. Согласно воспоминаниям княгини, именно она в тот день смогла оценить эстетический вкус и любознательность последнего из российских самодержцев. Выдержка из ее воспоминаний, посвященных этому событию: «Его величество милостиво благодарил меня, и я сопровождала его вокруг всего музея. В моем отделе он долго и подробно осматривал каждую акварель, выслушивал мои объяснения и, видимо, остался доволен» [7, с. 139].

В ходе рассмотрения в двух источниках объяснения этого противоречия можно сделать два вывода. Первый заключается в том, что между княгиней-меценатом и искусствоведем были разногласия, которые привели к обострению отношений между ними и банальному нежеланию упоминать друг друга, тем более в контексте такого значимого события. Второй возможный вывод заключается в наличии некоего соперничества между двумя людьми, много сделавшими для искусства и являющимися заметными представителями российской культуры «Серебряного века». В тех письменных источниках, которые они оставили после себя, прослеживается желание подчеркнуть собственную значимость в этом важном для внимания музейном событии.

Патронаж музея со стороны императора не ограничивался исключительно подготовкой картинной коллекции Русского музея. В 1902 г. император приобрел для этнографического музея при Русском музее единственную в мире коллекцию предметов буддистского культа, собранную Э. Э. Ухтомским. Об этом событии государь написал в своём дневнике 11 марта 1902 г.: «Поехали в Музей имени Папа, где осмотрели приобретенную мною коллекцию от Ухтомского (около 2000 статуек Будды)» [4, с. 651]. Очевидно, что приобретение данной коллекции для императора являлось совершенно незаурядным делом, если он решил отметить этот факт в своих дневниковых записях. Император не оставлял хлопот о музее и в дальнейший период его существования. 5 марта 1911 г. он писал: «В 2 1/4 поехал в музей имени Папа. ... Осмотрел выстроенную часть музея и будущий зал в память Папа. Остался доволен новым зданием и помещением для этнографических коллекций» [8, с. 548]. 8 января 1912 г. государь упоминал о том, что принял князя Георгия Михайловича «по делам музея Папа» [8, с. 634]. Николай II не уточнял о каких делах идёт речь, однако забота о музейных делах очевидна. 16 декабря 1912 г. император сообщал о покупке нескольких икон для музея Папа [8, с. 712].

Гораздо реже государь упоминал о деятельности военно-исторического музея, хотя он вероятно принимал участие в его функционировании будучи почетным председателем Российского

военно-исторического общества, по инициативе которого и был создан этот музей. 1 ноября 1907 г. он писал в своём дневнике: «Принял адм. Эссена, Будберга и Сухотина по вопросу о постройке военно-исторического музея» [8, с. 244]. В 1909 г. государь также сообщал о своём интересе к делам музея: «Принял два доклада и ген. Сухотина с чертежами по вопросу о сооружении военно-исторического музея» [8, с. 359]. Николай II более не обращался к музею в своих заметках, что определённо свидетельствует о том, что его дела ограничивались лишь организационными моментами.

Следует отметить, что в эпоху Николая II в Петербурге успешно функционировали музеи, созданные ранее на других этапах императорского периода. Деятельность этих музеев расширялась, создавались новые отделы, музейные фонды пополнялись новыми экспонатами. Многие из этих музеев посещал император. «Золотой эпохой» для Кунсткамеры стал период правления Николая II. Именно в это время существенно увеличились расходы на содержание музея. При музее был создан Попечительский совет, в который входили богатые и влиятельные люди, что позволило организовать ряд экспедиций в разные страны мира, откуда привозились различные коллекции для музея. Так, особую ценность представляет «присланная в дар профессором Майером из Лейпцига в 1900 г. бронза, найденная при раскопках в Африке, в Верхней Гвинее: разные негритянские бронзовые маски, жезлы, петух в натуральную величину, искусной работы, барельефы, изображающие местных животных – крокодила, льва, два слоновых клыка, украшенные искусной резьбой и проч.» [9, с. 54]. Коллекции музея в период с 1890 по 1910 гг. значительно увеличилась. Имя своего создателя – Петра Великого – музей получил лишь в 1903 г.: в 200-летнюю годовщину основания Санкт-Петербурга Кунсткамера стала именоваться Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого. В торжествах по поводу юбилея музея в 1914 г. принимал участие император Николай II.

С началом XX в. отмечается особый расцвет Эрмитажа. Коллекции произведений искусства и предметов старины насчитывали более 600 тысяч экспонатов [10, с. 3]. В этот период музейное дело вышло на новый уровень. Для посещения Эрмитажа условия стали более простыми в отличие от века девятнадцатого, что сделало его по настоящему открытым для широкой публики. Огромный вклад в развитие музея внес его хранитель – А. И. Сомов, видный искусствовед и организатор музейного дела. Именно он стал автором 3-х томного каталога картинной галереи Эрмитажа. Император постоянно посещал музей. Так, Николай II «поехал в Эрмитаж осматривать новые находки Археологической комиссии» [4, с. 334]; «в 4 ч. опять отправились в Эрмитаж и осмотрели новые раскопки архео-

логической комиссии и затем Петровскую галерею» [4, с. 589].

На рубеже веков успешно функционировали и пополнялись новыми коллекциями такие музеи как Музей Первого Кадетского корпуса, Морской музей, Азиатский музей, Мясной музей, Педагогический музей военно-учебных заведений и др. В эпоху правления Николая II большой популярностью пользовался Императорский сельскохозяйственный музей.

При посещении разных городов России император также уделял внимание и музеям. Так, 22 августа 1898 г. император упоминал о музее на месте раскопок в Крыму, недалеко от Херсонесского монастыря. Император указывал: «Много интересного видели там» [4, с. 428]. Здесь также прослеживается особый интерес, проявляемый государем к археологической сфере, поскольку уже 18 сентября 1902 г. государь посетил музей вновь, с любопытством осматривая новые раскопки [4, с. 684]. Помимо этого, Николай II упоминал также музей севастопольской обороны, сообщая о нём походя, среди других достопримечательностей [4, с. 684]. Именно такое перечисление наиболее чётко демонстрирует сколь естественными и привычными были такие визиты для государя, составляя его обыденный распорядок при передвижении по стране и за границей. В августе 1903 г. подобным образом император посещал также и Псков, осматривая музей в Поганкиных палатах [4, с. 745]. Тем не менее, нельзя также сказать и о том, что государь воспринимал такие визиты как чистую формальность. 16 сентября 1911 г. он вновь осматривал музей севастопольской обороны, на этот раз отмечая, что он «значительно наполнился» [8, с. 595]. Это также говорит нам об искреннем интересе, который государь испытывал даже к обыденным посещениям музеев. К этой же категории можно отнести и многочисленные посещения в различных городах полковых музеев [4, с. 733, с. 832; 8, с. 452, с. 474; 5, с. 7].

Особо следует отметить участие Николая II в проектировании и разработке музейного комплекса памяти Александра III в Москве. Речь идёт о музее изящных искусств, нынешний Пушкинский музей. 12 марта 1898 г. император писал о том, что он принимал у себя профессора Ивана Цветаева, в присутствии которого и великого князя Сергея Александровича, государь внимательно рассмотрел проект музея изящных искусств в Москве [4, с. 397]. Уже 17 августа того же года император присутствовал на закладке Музея изящных искусств [4, с. 426]. Николай II активно вникал в особенности архитектурного стиля, в котором должно было быть построено здание музея, отмечал ионические колонны. Также император оценил задумку Ивана Цветаева по поводу круглого центрального зала музея. По его задумке, в данном зале должны быть продемонстрированы статуи и бюсты наиболее

выдающихся российских деятелей науки и искусства. Кроме того, центральное место в зале должна была занимать скульптура Александра III, вокруг которой должны были располагаться бюсты Николая Александровича, Александры Федоровны, вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Государь, при этом, отмечал, что в данном случае необходим осторожный подход в выборе тех деятелей культуры, которые были бы достойны увековечивания в данном зале. 31 мая 1912 г. император совместно с семьёй присутствовал на освящении Музея изящных искусств имени Александра III. Он оставил следующую запись в своём дневнике: «В 3 часа поехал с дочками на освящение Музея изящных искусств имени Папа. После молебна обошли все залы. На меня музей своей красотой и обширностью произвел наилучшее впечатление» [8, с. 667]. Несмотря на весь интерес, который был проявлен императором при проектировке музея, государь не уделял ему такого же внимания, как Русскому музею.

Николай II стремился посещать музеи за границей, в тех местах, в которых ему удалось побывать. В апреле 1894 г., отправляясь в Кобург для заключения помолвки с Алисой Гессенской, император посетил Кобургскую крепость, превращённую к тому моменту в музей оружия [4, с. 65]. Император записал 7 апреля 1894 г. «наконец, долезли до замка и подробно осмотрели музей оружия». К сожалению, о своих впечатлениях от осмотра замка Николай II ничего не сообщал. Следующий иностранный музей, упоминаемый в дневниках – музей Торвальдсена в Копенгагене. Его император посетил 3 сентября 1896 г. во время своего заграничного турне [4, с. 295]. 13-ого октября того же года император упоминал о визите в музей замка в Висбадене [4, с. 295]. Следующая дневниковая запись, в которой упоминались иностранные музеи, приходится на 1899 г. Государь отмечал, что 25 сентября посетил музей в городе Вормс, который был размещён в церкви и который удостоился эпитета «интересный» от императора [4, с. 494], что может быть связано с глубокой религиозностью Николая. Находясь в Дармштадте в 1903 г., государь писал о посещении им готовящегося к открытию музея, который проектирует брат Александры Федоровны, великий герцог Эрнст Людвиг, активно патронировавший искусствам в своих владениях [4, с. 757]. Музеи Дармштадта

представляли особый интерес для Николая, поскольку здесь хранились экспонаты, найденные во время раскопок, проводимых профессором Кофлером. Сам император участвовал в этих раскопках, предметы, обнаруженные им, также экспонировались в музеях. В 1910 г. вновь в Гессенском герцогстве император знакомился с музеем в городе Браунфельс [8, с. 502]. После этой даты упоминаний музеев за границей в дневниках императора не встречается. Это очевидно связано с растущей напряжённостью в международных отношениях в Европе. Исходя из анализа зарубежных музеев, в которых был император Николай II, можно предположить, что основной целью их посещения была церемониальная, в определённой мере семейственная.

Таким образом, проанализировав «Дневники императора Николая II (1894–1917)» в части влияния императора на российскую музейную сферу можно сделать вывод, что Николай II достаточно плотно был вовлечен в музейную сферу в России. Его записи, оценки, суждения, встречи с учеными и деятелями культуры, присутствие на церемониях открытия, участие в формировании коллекций, повторные посещения музеев, позволяют сказать, что государь оставил значительный след в становлении и развитии музеев России и Петербурга. Есть основания полагать, что Николай II рассматривал музеи как часть культурного наследия государства. Помимо этого, государь посещал музеи с чисто эстетическими целями, как мы видим на примере музея Штиглица, особенности которого государем были отмечены. Однако наибольшим вниманием со стороны государя пользовались Русский музей и Музей изящных искусств в Москве, посвящённые памяти его отца. Для императора было чрезвычайно важно увековечивание династической памяти царствующей фамилии, поскольку данные музеи несли отчётливый мемориальный отпечаток династии Романовых. Во время церемониальных посещений музеев, совершаемых государем во время зарубежных путешествий или деловых визитов, император особый интерес проявлял к музеям в Дармштадте. Несомненно, культурная среда и характерный для правящих фигур поведенческий этос в культурной сфере играл свою роль. Поэтому можно сделать вывод о том, что император рассматривал музеи во всей их полноте, как место сосредоточения исторической, научной и культурной памяти.

Литература и источники

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 408. Оп. 1. Д. 850.
2. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. 672 с.
3. Девейкис М. В. Музеи Петербурга на рубеже XIX – XX веков // Клио. 2019. № 12. С. 175–180.
4. Дневники императора Николая II (1894–1918). / отв. ред. С. В. Мироненко. Том 1 (1894–1904). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. 1001 с.
5. Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2-х т. / Отв. ред. С. В. Мироненко. Т. 2. Ч. 2 (1914–1918). М.: РОССПЭН, 2013. 784 с.
6. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. В пяти книгах. Кн. 4, 5. / издание подготовили Н. И. Александрова, А. Л. Гришунин, А. Н. Савинов и др. М.: Наука, 1980. 743 с.

7. Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. М.: Искусство, 1991. 287 с.
8. Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2-х т. / Отв. ред. С. В. Мироненко. Т. 2. Ч. 1 (1905–1913). М.: РОССПЭН, 2013. 824 с.
9. Путеводитель по С.-Петербургу. СПб.: С.-Петерб. гор. обществ. упр., 1903. 324 с.
10. Шапиро Ю. Г. Эрмитаж. Планы выставок. Л. 1980. 32 с.

References

1. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 408. Op. 1. D. 850.
2. Ol'denburg S. S. *Carstvovanie imperatora Nikolaya II* [The Reign of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg: Petropol, 1991. 672 p. (In Russian)
3. Devejkis M. V. *Muzei Peterburga na rubezhe XIX – XX vekov* [Museums of St. Petersburg at the turn of the XIX – XX centuries] // *Klio*. 2019. № 12. pp. 175–180. (In Russian)
4. *Dnevniky imperatora Nikolaya II (1894–1918)* [Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918)]. / отв. ред. С. В. Мироненко. V. 1 (1894–1904). Moscow: The Russian Political Encyclopaedia (ROSSPEN). 2011. 1001 p. (In Russian)
5. *Dnevniky imperatora Nikolaya II (1894–1918)* [Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918)]. / отв. ред. С. В. Мироненко. V. 2, Part 2 (1914–1918). Moscow: The Russian Political Encyclopaedia (ROSSPEN). 2013. 784 p. (In Russian)
6. Benua A. N. *Moi vospominaniya. V pyati knigah. Kn. 4, 5.* [My Memoirs. In five books. Volumes 4, 5.] / izdanie podgotovili N. I. Aleksandrova, A. L. Grishunin, A. N. Savinov i dr. Moscow: Science, 1980. 743 p. (In Russian)
7. Tenisheva M. K. *Vpechatleniya moej zhizni* [Impressions of my life]. Moscow: Art, 1991. 287 p. (In Russian)
8. *Dnevniky imperatora Nikolaya II (1894–1918)* [Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918)]. / отв. ред. С. В. Мироненко. V. 2, Part 1 (1905–1913). Moscow: The Russian Political Encyclopaedia (ROSSPEN). 2013. 824 p. (In Russian)
9. *Putevoditel' po S. Peterburgu* [Guidebook to St. Petersburg]. St. Petersburg: St. Petersburg City Public Administration., 1903. 324 p. (In Russian)
10. SHapiro YU. G. *Ermitazh. Plany vystavok* [Hermitage. Exhibition plans]. Leningrad. 1980. 32 p. (In Russian)

© «Клио», 2023

© Девейкис М.В., 2023

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_104

Дата поступления (Submitted) 16.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 04.08.2023

Некоторые направления деятельности Совета Государственной обороны Российской империи в области военной политики в начале XX в.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ПРОХОРОВА

старший преподаватель кафедры международного менеджмента
Института общественных наук Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82.
e-mail: Prokhorova-es@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления деятельности Совета Государственной обороны Российской империи в области военной политики в начале XX в. В частности – разработка общего плана обороны государства в соответствии с требованиями того времени и достижения необходимого финансового обеспечения комплекса мероприятий по выполнению данного плана. На основе большого количества архивных документов и материалов раскрываются правовые механизмы финансового обеспечения русских вооруженных сил в рассматриваемый период. Прослеживаются пути решения весьма трудной задачи – согласовать по возможности две взаимно противоречащие цели. С одной стороны, государство должно сократить расходы военные, а с другой же стороны оно навлекло бы на себя тяжкий упрек, если бы заботилось безусловно только о сокращении сметы в ущерб боеспособности армии.

Ключевые слова: Конституционная монархия, Государственная Дума, Комиссия по обороне и расходованию военного бюджета ГД, Совет министров, Совет Государственной Обороны, Военное министерство, Государственный контролер, Министерство финансов, Предельный военный бюджет

Some areas of activity of the State Defense Council of the Russian Empire in the field of military policy in the early 20th century

ELENA SERGEEVNA PROKHOROVA

Senior Lecturer, the Chair of International Management, Institute for Social Sciences,
the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.
e-mail: Prokhorova-es@ranepa.ru

Abstract. The article discusses the main activities of the State Defense Council of the Russian Empire in the field of military policy in the early 20th century. In particular, the development of a general state defense plan in accordance with the requirements of that time and achieving the necessary financial support for a set of measures to implement this plan. Based on a large number of archival documents and materials, the legal mechanisms of financial support for the Russian armed forces in the period under review are revealed. The ways of solving a very difficult task are traced - to coordinate, if possible, two mutually contradictory goals. On the one hand, the state should reduce military expenditures, and on the other hand, it would incur a grave reproach if it cared only about reducing the budget to the detriment of the combat capability of the army.

Keywords: Constitutional Monarchy, State Duma, Defense and Military Budget Spending Commission of the State Duma, Council of Ministers, Council of Ministers

В начале XX в. произошли серьезные изменения в области военной политики Российской империи. С конца 1905 г. военная политика стала выработываться на принципиально новой основе. До этого времени вопросы военной политики входили в круг обязанностей в основном военного ведомства и министер-

ства иностранных дел, утверждались царем и ратифицировались Государственным Советом. «Жизнь государства мало отражалась, за исключением путей сообщения, на подготовке к войне, – отмечал видный военный историк и свидетель рассматриваемых событий А.М. Зайончковский, – Армия жила своей отдельной жизнью, а стра-

на – своей. Вся подготовка к войне ложилась на заботы военного министерства, которое своими военными заводами, заказами за границей, своим военным хозяйством, пополнением магазинов, скоплением запасов и другими мерами подготавливало театр войны в отношении удовлетворения на первые месяцы военных действий армии всем необходимым. В дальнейшем теми же способами административных распоряжений страна должна была питать войну» [1, с. 65].

После обнародования 17(30) октября 1905 г. известного манифеста в стране произошли крупные преобразования, приведшие с некоторыми оговорками к изменению государственного строя. Россия становится конституционной монархией, формируется собственный парламент – Государственная Дума. Новые государственные образования начинают настойчиво требовать вовлечения вопросов военной политики в свою компетенцию. На страницах практически всех органов печати, являвшихся рупорами различных политических движений, стали появляться многочисленные статьи на военные темы, публиковались различные проекты усиления армии. Газета «Военный голос» писала: «Судьба армии и флота, тесно связанные с судьбой России, отныне не могут более вершиться в тиши канцелярии и штабов Военного и Морского министерств и подноситься русскому народу и русскому обществу, как совершенно уже созревшие плоды бюрократической работы... Не останавливаясь на частностях, редакция «Военного голоса» теперь же считает нужным заявить, что она будет стремиться к согласованию предстоящих военных реформ с возвещенными Манифестом 17 октября 1905 г. незыблыми принципами нового государственного устройства России» [2].

Однако на первых порах прерогатива выработки военной политики оставалась у царского правительства. Только с открытием Третьей Государственной Думы 1(13) ноября 1907 г. этот вопрос вновь стал обсуждаться. 8(21) ноября фракция октябристов внесла заявление об образовании комиссии по государственной обороне, уже 10(23) ноября Дума постановила избрать комиссию. 15(28) ноября комиссия была избрана в составе 37 членов, А.М. Гучков был избран председателем [3]. В дальнейшем военные вопросы занимали в Думе значительное место. «Я должен констатировать, – вспоминал генерал А.С. Лукомский, – что за время работ III и IV Государственной Думы ни одно из представлений Военного министерства, касавшихся улучшения боеспособности армии и обороны страны не было отклонено. Государственная Дума на вопросы, касавшиеся обороны страны обращала самое серьезное внимание и неоднократно, по соглашению с комиссией обороны, нами вносились в Думу такие представления о проведении

которых в жизнь без участия Государственной Думы нельзя было и думать, так как они вызвали значительные расходы на которые министерство финансов затруднялось бы дать согласие» [4, с. 86]. Конечно, Дума не была истиной в последней инстанции, не всегда и не все от нее зависело, но определенное влияние на военную политику она оказывала.

Активная внешняя политика России на Дальнем Востоке показала необходимость объединения руководства всеми военными и политическими действиями, согласования деятельности всего высшего правительственного аппарата в целях осуществления своих планов. В условиях, когда события международной жизни стали развиваться в ускоренном темпе и требовали немедленного принятия согласованных решений, оказалось особенно очевидной неповоротливость всего аппарата государственной власти. Новые внешнеполитические шаги российского правительства потребовали постоянной боевой готовности армии, гибкости и слаженности в высшем управлении вооруженных сил, полного согласования в действиях военных и гражданских властей, цельного перспективного плана государственной обороны, являвшегося основой военной доктрины.

Таким органом стал Совет Государственной Обороны (СГО). СГО был создан 5(18) мая 1905 года рескриптом Николая II «О необходимости приступить к преобразованиям высшего управления военным ведомством», по инициативе дяди императора, профессионального военного, генерала от кавалерии и генерал-инспектора кавалерии русской армии великого князя Николая Николаевича.

Уже во втором заседании 9(22) мая военный министр А.Ф. Редигер докладывал участникам совещания: «...Только при наличии согласованных планов военного и морского ведомства можно правильно освятить и выяснить нужды и потребности государственной обороны. Наметьте ближайшие и более отдаленные задачи в развитии вооруженных сил и определить, в зависимости от степени их настоятельности, последовательность мероприятий в военном и морском ведомствах по усилению боевой готовности и готовности» [5, л.6, боб.]. Далее, он отмечал: «Вот почему в числе обязанностей Совета Государственной Обороны надлежит поставить на первое место выработку, соответственно политической обстановке, общего плана ведения войны» [6].

Были определены функции Совета Государственной Обороны (СГО). Он представлял собой рабочий орган, действительно постоянно и во всех деталях направляющий согласованную по единому плану работу всего государственно-го аппарата по усилению военного могущества России и отвечал за:

«а) установление общего плана обороны го-

сударства, соответственно политической обстановке, и объединение в этом отношении соображений и подготовительных работ военного, морского, а равно и других министерств;

б) рассмотрение планов мероприятий по усилению обороны государства по военной и морской частям, составляемых военным и морским министерствами на ближайшие периоды времени, а равно и дополнение и изменение сих планов по мере надобности;

в) рассмотрение тех требований, кои для усиления обороны государства должны быть представлены и к другим министерствам и ведомствам;

г) рассмотрение предположений военного министерства относительно важнейших мероприятий по улучшению комплектования, управления, снабжения и мобилизации армии;

д) рассмотрение списка лиц, удостоиваемых к зачислению на должности корпусных командиров и высшие; е) наблюдение за исполнением высочайше утвержденных предположений по усилению обороны государства» [7, л.16].

Однако, только к весне 1908 г. Совет Государственной обороны вплотную подошел к разработке общего плана обороны Российской империи.

Во второй половине марта состоялось шесть заседаний СГО. В работе, помимо постоянных членов принимали участие семь командующих военными округами, председатель Совета министров П.А.Столыпин, руководители важнейших министерств, в том числе иностранных дел и финансов, Государственный контролер и другие. Столыпин довел до сведения всех руководителей требования царя Николая II о выработке общего плана обороны государства. «Общий план обороны государства, – гласила Высочайшая резолюция императора, – должен быть выработан короткий и ясный – на одно или два десятилетия. По его утверждению, он должен быть неуклонно последовательно приведен в исполнение» [8, л.28]. Началась работа над созданием такого плана.

План «О государственной обороне» устанавливал три вида мероприятий по усилению военной мощи Российского государства. Первый вид мероприятий говорил о необходимости удовлетворения насущных нужд армии, о ликвидации последствий русско-японской войны и восстановлении боеспособности армии. Второй вид мероприятий предусматривал проведение на основе опыта русско-японской войны реорганизацию сухопутных сил, усиление кадров мирного времени, улучшение и увеличение вооружения.

Третья группа мероприятий представлялась в виде коренных реформ военного устройства, которые требовали продолжительного времени и были связаны с общими вопросами государственной жизни России, с развитием экономики, с подъемом культуры и науки. Они требовали

огромных средств на свое осуществление, но зато, как подчеркивал доклад, в результате их проведения «государство может войти на путь широкой активной политики, так как важнейшее оружие политики вооруженная сила государства, приобретет мощь, соответствующую мировому значению России и ее историческим делам. Эти меры включали воссоздание больших флотов на Балтийском море и Тихом океане, обеспечение армии в широком размере тяжелой артиллерией, новой инженерной и воздухоплавательной техникой. Также проведение реформы военно-учебных заведений в соответствии с новыми потребностями в офицерских кадрах и их качеством. Предполагалось осуществить переход к территориальной системе комплектования и целый ряд других мероприятий, которые можно начать частично в 1908-1909 гг. с тем, чтобы распределить их на 10-20 лет равномерно, без излишнего напряжения финансовых ресурсов России» [9, л.58, 58об.].

Высшее военное руководство все отчетливее стало осознавать, что вопросы военной политики не могут решаться лишь военным ведомством. Раскрывая сущность военного могущества России, отмечалось, что «военное могущество слагается из совокупности сил и средств, которыми оно располагает. На первом месте стоит численность населения его физические, нравственные, умственные качества, его воспитание в духе долга, преданности Престолу, любви к отечеству. Далее следуют материальные средства страны, состояние промышленности. Наконец – принятая государством военная организация, главнейшую задачу которой составляет целесообразное использование сил и средств, предоставленные в распоряжение ее, приспособив их и требованиям войны» [10, л. 330].

Далее говорилось, что «если военное могущество зависит от столь различных элементов, то соответственно и подготовка государства к вооруженному столкновению во имя своих насущных интересов не может лежать исключительно на ответственности военного ведомства в ней должны принять посильное и притом широкое участие все органы государственного управления». Исходя из этого, с 1909 г. все активнее для выработки военной доктрины привлекаются почти все гражданские министерства. Подтверждением тому является составленный канцелярией Совета министров России «Свод отзывов гражданских ведомств о плане Государственной обороны». В этом обширном документе на основании резолюции царя представлены соображения от всех министерств и ведомств по плану государственной обороны. Свои предложения изложили министерства Иностранных дел, Императорского двора и уделов, Финансов, Юстиции, Торговли и Промышленности, Путей Сообщения, Народного Про-

свещения, Внутренних Дел, Главное управление Почт и Телеграфов, Управление по делам Местного Хозяйства, Департамент Полиции и Общих дел, Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием, Ведомство Православного Исповедования и другие. Практически все они с пониманием восприняли эту важную задачу и высказали ряд дельных предложений по выработке единых действий на ближайшее десятилетие в области укрепления военного могущества России. И практически все ведомства указывали на то, что претворение в жизнь предложений невозможно без дополнительных финансовых средств и крупных экономических затрат, которыми данные министерства к сожалению не располагают» [11, л.1об].

Действительно любые самые замечательные, целесообразные программы реальны только в том случае, если обеспечены необходимыми и финансовыми средствами и достаточными возможностями экономики.

Еще в ходе военной реформы 1862-1874 г. ее «отец» тогдашний военный министр Д.А. Милютин подчеркивал, что перед военным министерством поставлена «весьма трудная задача – согласовать по возможности две взаимно противоречащие цели. С одной стороны, оно должно всемерно стараться облегчить то бремя, которое расходы военные составляют для государства. А с другой же стороны оно навлекло бы на себя тяжкий упрек, если бы заботилось, безусловно, только о сокращении сметы в ущерб благосостояния и благоустройства армии» [12, с. 51].

Такая же задача стояла и через сорок лет при проведении следующей военной реформы 1905-1912 гг. В начале реформы финансирование Военного ведомства осуществлялось по предельному бюджету, который составлялся заранее на пять лет. Так, по предельному бюджету в 1904-1908 гг. военному ведомству было предназначено к отпуску 1680550000 руб. не считая расходов на перевооружение артиллерии. Кроме того, были добавлены расходы на улучшение быта солдат – 127300000 руб., и на перевооружение артиллерии 106750000 руб. Общая прибавка по сравнению с размерами ассигнования на 1903 г. определялась без перевооружения в 258856000 руб., то есть на 51770000 руб. в год. А вместе с перевооружением в 365600000 руб. или в среднем по 73120000 руб. в год.

Однако этих средств явно не хватало для проведения реорганизации вооруженных сил. Более того, наличных средств предельного военного бюджета было недостаточно для покрытия всех расходов, как по текущему довольствию войск, так и по воссозданию расстроенных в ходе русско-японской войны материально-технических запасов. Обстановка требовала значительных дополнительных ассигнований.

Помощник военного министра генерал А.А.

Поливанов на заседании СГО 9 (22) апреля 1907 г. заявил: «Чтобы наши армии были бы доведены до того положения, которое признается нормальным в иностранных государствах, необходимо около 2,5 млрд. руб. ... Из числа этих потребностей необходимых для удовлетворения нужд вопиющих, нужно около полумиллиарда. Если к этой цифре прибавить еще около 800 млн. руб. на флот, то нельзя признать, что расходование таких средств может оказаться государственным казначейству совершенно невозможным» [13, с.24]. Действительно, финансовое положение России в это время было сложным и исключало возможность полного удовлетворения нужд военного ведомства. Поэтому военное министерство вынуждено было резко сократить испрашиваемую сумму. Военное министерство представило смету в 424,88 млн. руб. единовременных и 75,65 млн. руб. ежегодных ассигнований, распределив их по основным управлениям. Расчеты основывались на основании обеспечения лишь самых необходимых нужд. Например, интендантскому управлению планировалось выделить всего 45,6 млн. руб., тогда как неукомплектованность неприкосновенных запасов продовольствия и вещевого имущества составляла 96 млн. руб.» [14, с. 14]. Но и эти расчеты не были утверждены.

В июле 1907 г. была образована межведомственная комиссия под председательством начальника канцелярии военного министерства генерала Забелина. Комиссия к концу 1907 г. закончила свою работу, определив общую сумму средств для восстановления боеготовности армии в 315 млн. руб. Военный министр вошел с представлением в Совет министров об ассигновании этой суммы из государственного казначейства сверхсметным кредитом, добавкой к действующему предельному военному бюджету военного ведомства.

Совет министров, рассмотрев 1 (13) февраля 1908 г. представление военного министра, постановил образовать Особое совещание под председательством помощника военного министра генерала Поливанова. В него вошли высшие чины контрольного, финансового и военного ведомств с задачей, «полного выяснения вопроса о размере средств, потребных для доведения армии до состояния должной боеготовности. А также с тем, чтобы на основании работ означенного совещания, Военное министерство выработало подробное по сему предмету представление. И, по одобрении его Советом Государственной Обороны и Советом министров, внесло таковое на утверждение – законодательных учреждений» [15, л. 4].

9 (22) мая 1908 г. СГО рассмотрел результаты работы Особого совещания Поливанова и одобрил их. Военный министр, руководствуясь постановлением СГО, вошел в мае 1908 г. в Совет министров с представлением «Об отпуске

средств на расходы, необходимые на пополнение запасов и материальной части и на постройку для них помещений». В нем он писал: «Имею честь испрашивать одобрения на внесение в Государственную Думу прилагаемого в проекте представления об ассигновании Военному министерству кредита в 298 млн 922 тыс. руб. на расходы на пополнение запасов и материальной части и на постройку помещений» [16, л.4]. В проекте военный министр просил ассигнование означенной суммы распределить следующим образом: в 1908 г. – 54594000 руб.; в 1909 – 68628000 руб.; в 1910 – 64161000 руб.; в 1911 – 55444000 руб.; в 1912 – 24322000 руб.; в 1913 – 17571000 руб.; в 1914 – 13122000 руб. в 1915 – 10080000 руб., причем сумму в 54594000 руб. (т.в. на 1908 г. отпустить сверхлимитным кредитом, а суммы, требующиеся в последующие годы заносить в сметы Военного министерства [17, л.8об].

Военное министерство встало перед серьезными затруднениями в получении испрашиваемых средств. Эти затруднения выражались в том, что рамки существующего и уже утвержденного предельного военного бюджета не позволяли выполнить все мероприятия. Финансирование по предельному бюджету становилось тормозом военной реформы [18, л.16].

Кроме того, дальнейшее формирование государственного бюджета, в том числе и военного, стало прерогативой Государственной Думы, обойти которую в этом вопросе было невозможно. Поэтому успех всей военной реформы стал во многом зависеть от позиции Думы.

Члены Государственной Думы активно включились в работу над военным бюджетом. 6 (19) и 9 (22) мая 1908 г. на заседаниях бюджетной комиссии были принят ряд положений. Так, поступили предложения о том, что «необходимо, чтобы военное ведомство, одновременно с составлением сметы на 1908 г. разработало план реорганизации дела государственной обороны, приняв во внимание удовлетворение всех действительных потребностей армии по снабжению и вооружению, в связи с возможным сокращением ее мирного состава и безусловным устранением, как непроизводительных расходов, так и расходов не повышающих боевой готовности армии» [19].

27 мая 1908 г. общее собрание Государственной Думы приступило к обсуждению общей сметы Военного министерства за 1908 г. С докладом выступил Гучков, который отметил: «В общем надо сказать, пути намечены правильно, и единственный упрек, который можно сделать, – это робость, нерешительность с которой идут по этому пути. А также и то, что эти реформы как они ни важны, все же не охватывают собой всей той области вопросов, которая должна быть поднята» [20, с.2548-2585]. 3 (16) июня 1908 г. Дума приняла закон об ассигновании военного ведомства, лишь на 6 млн. руб. сократив креди-

ты, просимые военным министром. В июле царь утвердил законопроект.

С января 1909 г. Государственная Дума отменила действие предельного военного бюджета. Впредь военное министерство выходило в бюджетную комиссию со сметой на каждый год. Это в значительной степени облегчало работу военному министерству и давало возможность маневра при проведении военной реформы. Обыкновенные расходы военного ведомства с 1908 г. неуклонно повышались. Тем не менее, полного обеспечения финансами всех преобразований в военной области достичь не удалось. Более того, многие статьи расходов военного министерства в 1910-1913 гг. подвергались значительному сокращению, что отрицательно сказывалось на результатах реформирования.

Одной из причин недостаточного финансового обеспечения реформ в армии являлась приверженность царя и ряда высших руководителей государства к военно-морскому флоту. Это приводило к перекосу в развитии вооруженных сил. Россия, имевшая огромную сухопутную границу и фактически запертые во внутренних Балтийском и Черном морях основные силы флота, тем не менее, стала отдавать приоритет флоту. Если обыкновенные расходы на сухопутные войска увеличились за пять лет примерно на 50 млн., то расходы по Морскому министерству за то же время утроились. В 1909 г. Морское министерство расходовало менее одной пятой обыкновенной сметы Военного министерства, а в 1913 г. – уже более 400 млн [21, с.601-629]. Такое неравномерное распределение средств объяснялось тем, что в высших эшелонах власти победили сторонники идеи – «Россия – великая морская держава». Реальный же учет той роли, которую играли сухопутные войска в военной организации России, неизбежно привел бы к тому, что флот не получил бы тех кредитов, на которые рассчитывало Морское министерство. Николай II был ярким сторонником великодержавного флота, Царь в 1908 г. передал дело распределения кредитов между армией и флотом из СГО Особому совещанию под председательством премьер-министра П.А.Столыпина, выступавшего за создание мощного линейного флота.

Улучшение финансового положения страны в 1909-1913 гг. привело к увеличению ассигнований на армию. Так, если с 1908 по 1910 гг. было израсходовано на армию и флот 1702,4 млн. руб. (в среднем по 576,5 млн.) руб. в год. То в 1911-1913 гг. эта сумма возросла до 2148,63 млн. руб. (в среднем по 716,21 млн. руб. в год) [22, с. 49]. Но именно в этот период возникли новые трудности в реализации военных программ. Выяснилось, что ассигнование необходимых средств еще не гарантирует выполнения всех планов. В первую очередь, решения проблемы перевооружения и технического перевооружения армии. Ее решение было связано с общим состоянием

экономики страны, с ликвидацией отсталости ряда отраслей промышленности, в том числе и военной. Оказалось, что ускорить производство новейших образцов вооружения просто невозможно. Представители Государственного контроля в ходе проверки расходования Военным министерством средств, пришли к следующему выводу. «Основной причиной неиспользования чрезвычайных кредитов по артиллерийским сметам 1909-1913 гг. надлежит признать неисправность в выполнении заказов, зависевшую, в свою очередь, от неподготовленности заводов, запоздания в их оборудовании, новизны дела в отношении некоторых производств» [23, с. 35, 37].

Подводя итоги изложенному, можно сделать вывод, что основными направлениями дея-

тельности Совета Государственной обороны в 1905-1909 гг. в области военной политики были разработка общего плана обороны государства в соответствии с требованиями того времени и достижение необходимого финансового обеспечения комплекса мероприятий по выполнению данного плана.

Военные преобразования осуществлялись в принятых новых законодательных органах – Совета Государственной обороны и Государственной Думы, в первую очередь Комиссии по обороне и по бюджету. После принятия «Общего плана о государственной обороне», олицетворявшего собой военную доктрину Российской империи законами и законодательными актами были проведены крупные финансовые и правовые изменения в армии и на флоте.

Литература и источники

1. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М. 1926. С.65.
2. Военный голос.-1906,- № 1.
3. См.: Гучков А.М. К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной Думе третьего созыва. 1908-1912 гг. СПб.1912; Государственная Дума. Сессия I. ч. 1. Стенографические отчеты. СПб. 1908; Сессия 2. ч. Ш. СПб.1910; Обзор ч. Ш. СПб.1910; Обзор деятельности Государственной Думы Третьего созыва. Ч.1-3.СПб. 1912.
4. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Берлин.1922. Т.1. С.86.
5. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 830. Оп. 1.Д. 11.
6. О создании, деятельности и роли Совета Государственной Обороны подробнее см.: Кузин В.В.Совет Государственной Обороны в России (1905-1909 гг.); Дисс. канд... ист. наук. М., 1950.
7. РГВИА. Ф.1. Оп. 2. Д.11.
8. РГВИА. Ф.830. Оп.1. Д.11.
9. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.153.
10. РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Д.170.
11. РГВИА. Ф.2000. Оп.1 Д. 153.
12. Цит. по Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М. 1952.
13. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916. М. 1924.
14. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960.
15. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 116.
16. РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Д.143.
17. РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Д. 143.
18. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1, Д. 82.
19. Государственная Дума. Созыв 3.Стенографический отчет. Сессия I,ч.3. Д. 78.СПб.1908
20. Государственная Дума. Созыв 3. Доклады бюджетной комиссии.
21. Отчет Госконтроля за 1908 г.
22. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917) М. 1950.
23. Отчет Государственного Контролера за 1909г. СПб. 1910. С. 35. Отчет Государственного Контролера за 1913 г. СПб,1914.

References

1. Zaionchkovsky A.M. *Podgotovka Rossii k imperialisticheskoi voine* [Russia's preparation for the imperialist war]. Moscow, 1926. p.65.
2. Military voice. 1906, no. 1 (In Russ.).
3. Guchkov A.M. On the issue of state defense. Speeches in the State Duma of the third convocation. 1908-1912 St. Petersburg, 1912; State Duma. Session I. Part 1. Verbatim reports. St. Petersburg, 1908; Session 2. St. Petersburg, 1910; Review of St. Petersburg, 1910; Review of the activities of the State Duma of the Third Convocation. Part 1-3.St. Petersburg, 1912 (In Russ.).
4. Memoirs of General A.S. Lukomsky. Berlin. 1922. Vol.1. p.86.
5. The Russian State Military Historical Archive (hereinafter RGVIA). F. 830. Op. 1.D. 11
6. On the creation, activities and role of the Council of State Defense for more information, see: Kuzin V.V. Council of State Defense in Russia (1905-1909); Diss. Candidate of... ist. sciences. Moscow, 1950.
7. RGVIA. F.1. Op. 2. D.11.
8. RGVIA. F.830. Op.1. D.11.
9. RGVIA. F.2000. Op.1. D.153.
10. RGVIA. F. 2000. Op.1. D.170.
11. RGVIA. F.2000. Op.1 D. 153.
12. Quoted by Zaionchkovsky P.A. Military reforms of 1860-1870 in Russia. Moscow, 1952 (In Russ.).
13. Polivanov A.A. *Iz dnevnikov i vospominanii po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika. 1907-1916* [From diaries and memoirs of the post of Minister of War and his assistant]. 1907-1916. Moscow, 1924.
14. Sidorov A.L. *Finansovoe polozhenie Rossii v gody pervoi mirovoi voiny (1914-1917)* [The financial situation of Russia during the First World War (1914-1917)]. Moscow, 1960.
15. RGVIA. F. 830. Op. 1. D. 116.
16. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 143.
17. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 143.
18. RGVIA. F. 2000. Op. 1, D. 82.

19. The State Duma. Convocation 3. Verbatim report. Session I, part 3. 78. St. Petersburg, 1908. 20. State Duma. Convocation 3. Reports of the Budget Commission.
21. State Control Report for 1908.
22. Sidorov A.L. *Finansovoe polozhenie Rossii v gody pervoi mirovoi voiny (1914-1917)* [The financial situation of Russia during the First World War (1914-1917)]. Moscow, 1960.
23. Report of the State Controller for 1909. St. Petersburg. 1910. P. 35. Report of the State Controller for 1913 St. Petersburg, 1914 (In Russ.).

© «Клио», 2023

© Прохорова Е.С., 2023

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_111

Дата поступления (Submitted) 06.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 23.07.2023

Проблема денационализации в промышленной политике антибольшевистских правительств в 1918 году

ИРИНА ВАЛЕНТИНОВНА КУПЦОВА

доктор исторических наук, профессор
кафедры регионального и муниципального управления
факультета государственного управления
МГУ им. М.В. Ломоносова
119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4.
e-mail: ivkuptsova@mail.ru

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ МАЗИН

аспирант 3-го года обучения
кафедры Истории государственного
и муниципального управления
Факультета государственного управления
МГУ им. М.В. Ломоносова
119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4.
e-mail: r.s.nizamfor@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу механизма проведения денационализации, используемого антибольшевистскими правительствами в 1918 году. Положение о денационализации имело место в программных декларациях большинства антибольшевистских правительств. Ее целями являлись восстановление промышленного потенциала для обеспечения армии и общества, а также расширение своей социальной базы за счет предпринимательского сообщества. Степень разработанности проблемы денационализации разными правительствами отличалась, но механизм проведения был схожим и включал несколько этапов: установочный, подготовительный и основной. На первом этапе (установочном) разрабатывалась нормативно-правовая база денационализации и создавались институты в виде специальных комиссий, действовавших под эгидой Министерств промышленности и торговли. На втором этапе – подготовительном – специально созданные комиссии должны были провести проверку состояния промышленных предприятий, подлежащих денационализации. На этом же этапе продолжалось совершенствование законодательства. Третий этап – основной – предполагал вынесение Комиссией решения и его исполнение. При передаче прав собственникам предприятий государство продолжало сохранять над ними контроль.

Ключевые слова: антибольшевистские правительства, промышленная политика, денационализация, Министерство промышленности и торговли, Гражданская война

The problem of denationalization in the industrial policy of the anti-Bolshevik governments in 1918

IRINA VALENTINOVNA KUPTSOVA

PhD, professor,
Department of regional and municipal administration,
School of Public Administration,
Moscow State University (Lomonosov)
119192, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27, building 4.
e-mail: ivkuptsova@mail.ru

ALEKSEI VIKTOROVICH MAZIN

Postgraduate student of the 3rd year of study
of the department History of state
and municipal administration
School of Public Administration,
Moscow State University (Lomonosov)

119192, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27, building 4.
e-mail: r.s.nizamfor@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the mechanism of denationalization used by the anti-Bolshevik governments in 1918. The provision on denationalization took place in the program declarations of most anti-Bolshevik governments. Its goals were the restoration of industrial potential to provide for the army and society, as well as the expansion of the social base at the expense of the business community. The degree of development of the problem of denationalization by different governments differed, but the mechanism of implementation was similar and included several stages: installation, preparatory and basic. At the first stage (installation), the regulatory framework for denationalization was developed and institutions were created in the form of special commissions operating under the auspices of the Ministries of Industry and Trade. At the second stage – preparatory – specially created commissions had to check the condition of industrial enterprises subject to denationalization. At the same stage, the improvement of legislation continued. The third stage – the main one – involved the adoption by the Commission of a decision and its implementation. When transferring the rights to the owners of enterprises, the state continued to maintain control over them.

Keywords: anti-Bolshevik governments, industrial policy, denationalization, Ministry of Industry and Trade, Civil War

Институт собственности – это ключевой экономический и правовой институт, задача которого – одна из функций государства. Национализация/ денационализация является инструментом экономической политики, определяющим степень государственного регулирования экономики. В ходе социальных катаклизмов, революций и гражданских войн, когда право собственности повсеместно нарушается, власть сталкивается с необходимостью решения этой проблемы.

Несмотря на то, что отдельные аспекты проблемы получили освещение в исследованиях С.В. Карпенко [1], В.Г. Медведева [2], В.М. Рышкова [3], М.В. Ходякова [4], Р.А. Хазиева [5] комплексный анализ, позволяющий выявить общие тенденции проведения денационализации разными антибольшевистскими правительствами до настоящего времени отсутствует.

Целью статьи является выявление механизма проведения денационализации, используемого антибольшевистскими правительствами в 1918 году.

После прихода к власти большевиков одним из основных их экономических мероприятий была национализация, которая начала проводиться с ноября 1917 года и достигла апогея в рамках политики военного коммунизма. В результате исполнения декретов о национализации предприятий отдельных отраслей к осени 1918 г. государству было передано 9542 предприятия [6, с.10].

Приходящие к власти в годы гражданской войны в разных регионах России антибольшевистские правительства проводили политику денационализации с целью восстановления промышленного потенциала и расширения своей социальной базы за счет предпринимательского сообщества. Так, Временный правитель на Дальнем Востоке Д.Л. Хорват в своем дневнике писал: «Государство не может благоденствовать, если оно не призовет к сотрудничеству частную инициативу. Большевики же стремятся весь на-

род обратить в стадо баранов. Правительство взяло на себя промышленность, обрабатывающую и добывающую, торговлю, воспитание детей и кормление грудных ребят. Оно взяло на себя контроль и регулирование устава частной жизни отдельных лиц» [7, с. 218]. Многие лидеры Белого движения считали свободу торговли и либерализацию государственного регулирования промышленности необходимым условием успешного развития страны. Положение о денационализации имело место в программных декларациях большинства антибольшевистских правительств. Степень разработанности проблемы денационализации разными правительствами отличалась, но механизм проведения был схожим и включал несколько этапов которые можно условно назвать установочным, подготовительным и основным.

На первом этапе (установочном) принимался рамочный нормативно-правовой акт – постановление, в котором отмечалась необходимость проведения денационализации, указывались условия и риски, назначались ответственные органы.

Одним из первых таких нормативно-правовых актов стало постановление Западно-Сибирского Комиссариата от 1 июня 1918 года «О денационализации». В нем проведение денационализации рассматривалось лишь в общих чертах, детали предполагалось разработать в будущем. В постановлении имело место предостережение от вмешательства в жизнь предприятий, а ответственность за сохранность имущества возлагалась на коллективы предприятий [8, с. 64].

28 июня 1918 года Западно-Сибирский Комиссариат принял постановление «О денационализации предприятий» [8, с. 155] за подписями Уполномоченных Временного Сибирского Правительства Б.Д. Маркова, М.Я. Линдберга и В.О. Сидорова, а также Управляющего делами Комиссариата Г.К. Гинса. Согласно этому постановлению захваченные Советской властью

или местными рабочими органами промышленные предприятия подлежали возвращению прежним владельцам или их правопреемникам. Отдел торговли и промышленности Западно-Сибирского Комиссариата под руководством профессора П.П. Гудкова по особому указанию учреждал органы, ответственные за денационализацию. В случае угрозы прекращения деятельности предприятия или уменьшения объемов производства, такие предприятия должны были оставаться под управлением Отдела торговли и промышленности. Органы управления предприятием должны были обеспечивать его безостановочную работу и отвечать за сохранность его имущества. Если бывший владелец не мог прибыть для управления предприятием, а также прислать свое доверенное лицо, Отдел торговли и промышленности самостоятельно назначал управляющих предприятием, либо же утверждал прежний их состав. При этом, Отдел не нес ответственности за возможные убытки, которые могли стать следствием этого решения. Органы рабочего контроля подлежали гражданской и уголовной ответственности в случае, если за время их управления предприятие понесло ущерб по их вине [8, с. 156].

Данное постановление носило, в основном, рамочный характер и описывало процесс денационализации лишь в самых общих чертах, что было недостаточно для обеспечения успешной работы уполномоченных органов на местах. Такую осторожность можно объяснить опасением усугубить тяжелое состояние промышленности быстрыми и необдуманными экспериментами.

К этому же периоду относятся и попытки более детальной регламентации процесса денационализации в виде «Правил». Например, для уточнения принципов перехода прав собственности Временное Сибирское Правительство 24 июля 1918 года опубликовало «Правила возвращения владельцам горных предприятий, захваченных (национализированных) в период Советской власти».

Подготовка и проведение денационализации возлагались на Министерства торговли и промышленности (реже – Отделы), под эгидой которых формировались специально создаваемые Комиссии (губернские и уездные), а также губернские советы народного хозяйства. Органы для проведения денационализации учреждались особыми нормативными актами в каждом отдельном случае.

Например, в Среднем Поволжье денационализация регламентировалась Приказом от 9 июля 1918 года № 93 «Об образовании комиссии по денационализации фабрично-заводских предприятий». В данные комиссии входили государственные служащие, представители фабрикантов и заводчиков, профсоюзов, бывшие владельцы национализированных промышленных предприятий, инженеры и техники [9, л.16, 37].

На территории, подконтрольной Комучу, в августе 1918 года учреждались уездные комиссии для участия в денационализации предприятий [10]. Непосредственно руководство процессом денационализации предприятий осуществлял Губернский совет народного хозяйства [11, с. 114].

Согласно «Правилам возвращения владельцам горных предприятий, захваченных (национализированных) в период Советской власти» от 24 июля 1918 года на территории, подконтрольной Временному Сибирскому правительству, для денационализации горнопромышленных предприятий были созданы специальные комиссии. В них учреждались должности особо уполномоченных при Министерстве промышленности и торговли, которые «были вправе лично или через командированных ими лиц производить ревизию горнопромышленных предприятий, стихийно захваченных рабочими, либо же национализированных распоряжением Советской власти, образовать специальную комиссию под своим председательством и привлекать к ее работе представителя Губернского Комиссариата; представителя Губернской земской управы; окружного инженера или его заместителя; представителя Министерства Труда по назначению этого Министерства; представителя местного отделения Государственного Банка; представителя Государственного контроля; представителя Совета съезда золотопромышленников или аналогичных учреждений; иных лиц, которых Особо уполномоченный посчитает необходимым привлечь» [12, л. 12].

Для осуществления денационализации предприятий, не относящихся к горнопромышленному делу, должны были быть сформированы уездные Комиссии. Постановлением Министра торговли и промышленности Временного Сибирского правительства от 30 июля 1918 года образование в уездах Комиссий по возвращению предприятий и имущества, захваченных в период Советской власти, было возложено на губернские и областные комиссариаты [12, л. 15].

Это было маркером того, что горнопромышленные (т.е. стратегически важные предприятия) представляли для государства особый интерес и с их денационализацией оно не спешило, закрепив принятие финального решения за собой, в то время как местные производства, зачастую достаточно мелкие, были переданы в компетенцию местных властей.

Данные уездные Комиссии организовывались под председательством лица по назначению губернского или областного Комиссариата. Комиссии образовывались в составе одного представителя уездного земства, одного представителя от судебного ведомства, одного представителя казачьей войсковой управы, одного представителя от торгово-промышленного домовладельческого класса (при наличии таких

объединений), причем деятельность комиссий не подлежала остановке в случае неприбытия кого-либо из этих представителей [12, л. 15].

В распоряжении комиссии находилась канцелярия, в составе секретаря и писцов, командированных, по мере необходимости, из числа служащих Управления уездной милиции.

Расходы на содержание канцелярии, дополнительные вознаграждения служащих Управления уездного комиссара за работу в комиссии, расходы по поездкам должны были производиться за счет уездного комиссара при последующем возмещении Министерством торговли и промышленности.

Итогом первого этапа являлось создание нормативно-правового и институционального обеспечения денационализации.

На втором этапе – подготовительном – специально созданные комиссии должны были провести проверку состояния промышленных предприятий, подлежащих денационализации, по итогам которой формулировались предложения правительству по реализации дальнейших мероприятий. На этом же этапе продолжалось совершенствование законодательства.

Важнейшей задачей специальных комиссий был мониторинг состояния промышленных предприятий, подлежащих денационализации. Например, в Западно-Сибирской области была разработана специальная анкета для владельцев всех прежде национализированных предприятий. Они или их уполномоченные должны были в течение двух недель после опубликования «Правил» предоставить особо уполномоченному список ответов на следующие вопросы:

1) «Кем и когда данное предприятие было национализировано (по распоряжению Советской власти или по собственной инициативе рабочих).

2) Известны ли ему какие-либо документы или распоряжения о национализации данного предприятия.

3) Что было сделано на предприятии с момента его национализации, а именно:

- какие были произведены заготовки, на какую сумму и в каком количестве, через кого производилась заготовка, какие из заготовок были оплачены;

- какие суммы, ссуды/субсидии были получены предприятием от государственных или иных учреждений, с какой целью, в какие сроки и в каком размере, куда они были израсходованы и осталась ли неизрасходованной какая-либо их часть;

- было ли произведено какое-либо переустройство на предприятии с момента его национализации;

- какое имущество, припасы и материалы были реквизированы, израсходованы или перевезены в другие места;

- какое количество полезных ископаемых

было добыто на предприятиях по месяцам с момента их национализации, куда данные ископаемые были направлены, были ли получены за них денежные средства и от кого, а также куда они были израсходованы;

- какие лица входили в состав коллектива по управлению предприятием и где они находятся в данный момент;

- в каком положении находился вопрос об обеспечении предприятия припасами, материалами, топливом и рабочими. Была ли возможность доставить недостающее, и, если она присутствовала, из каких районов, по каким ценам и в каком количестве;

- в каком состоянии находились расчеты с рабочими, служащими и поставщиками и какие средства имелись у владельца предприятия;

- в каком положении находилось оборудование. Была ли возможность продолжать производство и, если нет, то по какой причине;

- сколько еще продукции/ископаемых можно было произвести/добыть до конца года;

- каково общее финансовое положение предприятия и каковы были намерения владельца по финансированию в будущем;

- было ли предприятие заложено (в целом или частями);

- каким было в общем настроение рабочих и служащих на данном предприятии» [12, л. 12].

После изучения состояния промышленного предприятия, которое предполагалось денационализировать, комиссия приступала к рассмотрению дела, процесс которого регламентировался «Инструкцией управляющего министерством торговли и промышленности уездным Комиссиям по возвращению предприятий и имуществ, захваченным в период Советской власти», принятой 2 октября 1918 года. Обязательным условием начала деятельности Комиссии была публикация об открытии действий в губернских, областных и уездных печатных органах [12, л. 16]. Срок действий Комиссии определялся в два месяца со дня публикации, с возможностью пролонгации. Этой возможностью Комиссии нередко пользовались. Так, например, в Красноярске, Комиссия действовала с июня 1918 года по январь 1919 года [3, с. 92].

В публикации об открытии действий указывался предельный срок для подачи заявлений о возвращении предприятий (не менее шести месяцев). Лицам и учреждениям, не подавшим в срок таких заявлений, следовало обращаться для восстановления и защиты своих прав в суд.

Итогом второго этапа являлся сбор необходимой информации для рассмотрения Комиссией вопроса о передаче промышленного предприятия в собственность бывшего владельца.

На третьем этапе – основном – Комиссия рассматривала вопрос о возвращении предприятий, принимала решение.

Комиссия приступала к разрешению вопро-

сов на основании письменных заявлений граждан, чьи права на владение или пользование предприятием были нарушены Советской властью. Стоит отметить, что Комиссия принимала к рассмотрению лишь претензии о нарушении владения или пользования, которые, ввиду представленных доказательств, не могли подлежать сомнению. В противном случае – стороны должны были обращаться в судебные учреждения.

Заседания Комиссии созывались председателем по мере поступления дел. При этом, комиссии докладывалось о поступлении заявления не позднее, чем через неделю. Для законности постановлений Комиссии необходимо было присутствие не менее трех ее членов, включая председателя. Постановления комиссии принимались большинством голосов, а при равенстве – решающий голос был у председателя. Кроме того, разбирательство дела происходило публично. Оно открывалось докладом одного из членов Комиссии, затем следовали объяснения сторон. Стороны могли приводить свидетелей и предоставлять свои доказательства.

После ознакомления со всеми доказательствами Комиссия принимала постановление, которое объявлялось публично на том же заседании, на котором разбирательство дела было окончено. Причем при объявлении постановления Комиссия обязана была объяснить сторонам о порядке и сроке обжалования такового [12, л. 17]. Ее постановления могли быть обжалованы в недельный срок со дня их объявления Министру торговли и промышленности. Однако, обжалование постановления Комиссии не приостанавливало его исполнения.

Постановление Комиссии излагалось в письменной форме с приведением вкратце обстоятельств и мотивов, на которых оно основывалось и приводилось в исполнение чинами уездной милиции по назначению уездного комиссара. В необходимых случаях комиссия имела право делегировать одного из членов для присутствия при исполнении.

Оконченные дела Комиссии хранились в архивах уездных комиссаров. По завершению деятельности комиссия обязана была предоставить подробный отчет Министру торговли и промышленности.

Деятельность Комиссии была строго регламентирована инструкцией. Широкое представительство различных организаций разной направленности, отсутствие директивного принятия решений и возможность проводить практически полноценные судебные заседания (с последующим отчетом Министру) минимизировала шанс ошибок при возвращении прав владельцам предприятий.

Аналогичные комиссии были созданы в Поволжье приказом Комуча от 9 июля 1918 года № 93 и имели столь же широкое представительство от различных местных организаций [13, с.

457].

На третьем этапе обеспечивалось исполнение решения Комиссии. Для объявления о принятых особо уполномоченным или специальной комиссией решениях служащим и рабочим предприятий особо уполномоченный командировал туда избранное им лицо. Средства для командирования отпускались Министерством торговли и промышленности, но, при этом, должны были быть компенсированы владельцами предприятий [12, л. 13].

Согласно «Правилам», если была необходимость отправки на предприятие вооруженного отряда, то особо уполномоченный должен был собрать комиссию, которая решила бы этот вопрос совместно с начальником гарнизона.

В случае если владелец предприятия стал бы ходатайствовать об открытии кредита, то особо уполномоченный представлял Министерству торговли и промышленности свое заключение на данное прошение.

В случае, если предприятие не могло быть немедленно возвращено владельцу по каким-либо причинам (отказ владельца принять предприятие, отсутствие владельца или его доверенного лица и т.д.), особо уполномоченный обязан был принять меры по охране данного предприятия и продолжению его непрерывного функционирования, а также представить в Министерство промышленности и торговли свое мнение о целесообразности дальнейшего функционирования предприятия [12, л. 14].

Разработанный механизм проведения денационализации позволял не только вернуть владельцам их предприятия в максимально сжатые сроки, но и обеспечивал Министерство торговли и промышленности необходимой информацией для того, чтобы иметь представление о состоянии промышленности на подконтрольных территориях. Эти сведения уже могли лечь в основу разработки промышленной политики.

Стоит отметить, что за время отсутствия собственника, предприятие могло оказаться на грани выживания. Так что многим вернувшимся на свои заводы собственникам пришлось решать в кратчайшие сроки важную задачу – восстановление экономической дееспособности предприятия.

В случае, если владелец предприятия не желал возвращаться в охваченную гражданской войной страну, предприятие из разряда частных переводилось в казенные.

Имели место прецеденты, когда правительство возмещало владельцам промышленных предприятий понесенные в процессе национализации потери при условии покрытия долгов по всем ранее взятым кредитам (например, Временное Сибирское правительство) [14, ст. 39].

При этом, на протяжении всего лета 1918 года продолжал существовать ряд вопросов, для единообразного разрешения которых всеми ве-

домствами отсутствовали общие руководящие указания. В частности:

Вопрос об ответственности казны за вред и убытки, причиненные владельцам за время существования Советской власти.

Ответственность казны за обязательства, совершенные от ее имени органами Советской власти.

Судьба промышленных предприятий, владельцы которых отказываются их принимать.

Обязанность владельцев предприятий возвратить в казну суммы, полученные ими от органов Советской власти [12, л. 20].

В сентябре 1918 г. был подготовлен проект постановления Временного Сибирского правительства, в котором данные вопросы разрешались.

Так, убытки, причиненные владельцам предприятий действиями органов Советской власти, подлежали возмещению со стороны лиц, совершивших захват предприятий и причинивших убыток [12, л. 24]. Все обязательства, совершенные от имени казны Советской властью и созданными ими учреждениями, считались не подлежащими исполнению. Владельцы предприятий, которым во время Советской власти были отпущены денежные средства, обязаны были возвратить их казне.

Данные пункты в значительной мере характеризовали двойственность отношения государства к своим правам и обязательствам.

Был решен и вопрос о действиях в случае, если владелец предприятия не мог или отказался его принимать. Если предприятие имело общегосударственное значение, то Министерство торговли и промышленности назначало администрацию. Если такого значения предприятие не имеет, Министр объявлял о ликвидации предприятия.

Впрочем, еще до публикации законодательных актов, уточняющих процесс передачи прав собственности бывшим владельцам, во многих, например, сибирских городах предприятия возвращались к собственникам стихийным обра-

зом, с одобрения местных властей [16, с. 50].

Зачастую передача прав собственникам предприятий осуществлялась де-факто, и государство продолжало сохранять над ними контроль, оправдывая это стратегической важностью этих предприятий (как было, в частности, с горнопромышленными предприятиями) [2, с. 30].

Также необходимо отметить, что во всех вышеуказанных случаях денационализации фабрик и заводов, правительства оставляли за собой право объявлять промышленные предприятия национальной собственностью, если того требовали государственные интересы. Основным инструментом для этого контроля становилось регулирование процесса денационализации промышленных предприятий. Так, например, Временное областное правительство Урала также, провозгласив курс на возвращение предприятий прежним владельцам, сохранило право, в случае необходимости, оставить их под своим контролем [16, с. 90].

Комуч, при этом, мог корректировать промышленную политику либо выкупом важных на данный момент предприятий, либо их кредитованием. При проведении возврата предприятий владельцам в Поволжье старались максимально учитывать интересы всех сторон, в том числе, рабочих, что вело к затягиванию и бюрократизации денационализации [11, с. 114].

Возвращение бывшим владельцам захваченных у них предприятий производилось на основании постановлений. Подобным образом сохранялся централизованный контроль над денационализацией.

Таким образом, механизм денационализации, проводимой антибольшевистскими правительствами в 1918 году, имел нормативно-правовое и институциональное обеспечение, и представлял комплекс мероприятий по передаче собственности бывшим владельцам. Особенностью проводимой денационализации являлось сохранение в значительной степени контроля государства за промышленными предприятиями.

Литература и источники

1. Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917-1920 гг.). М.: Издательство Ипполитова, 2006. 455 с.
2. Медведев В.Г. Законодательная и административная деятельность антисоветских правительств в сфере промышленности и транспорта в годы гражданской войны в России // Право и политика. 2021. № 9. С. 24-37.
3. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.
4. Ходяков М. В. Центробежный синдром: сепаратизм в экономике России. 1917–1920 гг. / Centrifugal Syndrome: Separatism in the Economics of Russia. 1917–1920. М.; Нью-Йорк; СПб.: изд-во «Северный крест», 2008. 310 с.
5. Хазиев Р. А. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг.: Характеристика источников. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 2000. 184 с.
6. Аневич Ю.В. История национализации в области промышленного производства в России. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-natsionalizatsii-v-oblasti-promyshlennogo-proizvodstva-v-rossii> (дата обращения: 10.05.2023)
7. Луговая А.В. «У меня на руках было большое русское дело...» Воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата (часть I) // Новейшая история России, 2012, № 2. С. 191-223.
8. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.). Сборник документов и материалов / сост. Шишкин В.И. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2005. 246 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-749. Оп.1. Д.1.
10. «Вестник Комуча». 1918. 8 сентября

11. Рынков В.М. Путь в никуда: социальная политика комитета членов Всероссийского учредительного собрания (июнь - ноябрь 1918 г.) // НИР. 2019. № 1. С. 110-132.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-199. Оп. 2. Д. 49.
13. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь-октябрь 1918 года // Архив новейшей истории России / отв. ред. Б. Ф. Додонов – Москва: РОССПЭН, 2011. – Т. XI. 631 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства от 2 августа 1918 года, № 4. Омск, 1918.
15. Шереметьева Д.Л. Уездные газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.). / Отв. ред. В. И. Шишкин. Вып. 2. Новосибирск, 2011. С. 49-69.
16. Иванов А.В. Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 года): к истории изучения проблемы // Известия УрГЭУ. 2013. №2 (46). С. 89-95.

Referencies

1. Karpenko С. В. *Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917-1920 gg.)*. [Essays on the history of the White movement in southern Russia (1917-1920)]. Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova Publ., 2006. 455 p.
2. Medvedev V.G. *Zakonodatel'naya i administrativnaya deyatel'nost' antisovetskikh pravitel'stv v sfere promyshlennosti i transporta v gody grazhdanskoj vojny v Rossii* [Legislative and administrative activity of anti-Soviet governments in the sphere of industry and transport during the years of the civil war in Russia]. *Pravo i politika* [Law and politics]. 2021. No. 9. P. 24-37.
3. Rynkov V.M. *Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918 – 1919 g.)* [Social policy of the anti-Bolshevik regimes in the east of Russia (second half of 1918 – 1919)]. Novosibirsk, 2008. 440 p.
4. Khodyakov M. V. *Tsentrobezhnyy sindrom: separatizm v ekonomike Rossii. 1917–1920 gg.* [Centrifugal Syndrome: Separatism in the Economics of Russia. 1917–1920] Moscow; New-York; St. Petersburg, "Severnnyy krest" Publ., 2008. 310 p.
5. Khaziyev R. A. *Gosudarstvennoye administrirovaniye ekonomiki i rynek na Urale v1917–1921 gg.: Kharakteristika istochnikov* [State administration of the economy and the market in the Urals in 1917–1921: Characteristics of sources]. Ufa: IZD-VO Bashkirskogo un-ta Publ., 2000. 184 p.
6. Anevich YU.V. *Istoriya natsionalizatsii v oblasti promyshlennogo proizvodstva v Rossii* [The history of nationalization in the field of industrial production in Russia]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-natsionalizatsii-v-oblasti-promyshlennogo-proizvodstva-v-rossii> (accessed: 10.05.2023).
7. Lugovaya A.V. «U menya na rukakh bylo bol'shoye russkoye delo...» *Vospominaniya iz arkhiva general-leytenanta D. L. Khorvata (chast' I)* ["I had a big Russian case on my hands..." Memoirs from the archive of Lieutenant-General D. L. Horvath (part I)]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Recent history of Russia], 2012, no. 2. P. 191-223.
8. *Zapadno-Sibirskiy komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (26 maya – 30 iyunya 1918 g.)*. *Sbornik dokumentov i materialov / sost. Shishkin V.I.* [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (May 26 - June 30, 1918). Collection of documents and materials / comp. Shishkin V.I.] Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2005. 246 p.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R-749. Op.1. D.1.
10. «Vestnik Komucha». 1918. 8 sentyabrya ["Messenger of Komuch". 1918. September 8].
11. Rynkov V.M. *Put' v nikuda: sotsial'naya politika komiteta chlenov Vserossiyskogo uchreditel'nogo sobraniya (iyun' - noyabr' 1918 g.)* [The Road to Nowhere: Social Policy of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly (June - November 1918)] // NIR. 2019. No. 1. P. 110-132.
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)*. [State Archive of the Russian Federation (GA RF)]. F. R-199. Op. 2. D. 49.
13. *Zhurnaly zasedaniy, prikazy i materialy Komiteta chlenov Vserossiyskogo Uchreditel'nogo sobraniya, iyun'-oktyabr' 1918 goda* [Journals of meetings, orders and materials of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly, June-October 1918] // Arkhiv noveyshey istorii Rossii / отв. ред. Б. Ф. Додонов]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. Vol. XI. 631 p.
14. *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva ot 2 avgusta 1918 goda, № 4. Omsk, 1918.* [Collection of legalizations and orders of the Provisional Siberian Government of August 2, 1918, No. 4. Omsk, 1918].
15. Sheremet'yeva D.L. *Uyezdnyye gazety Sibiri v period «demokraticheskoy kontrrevolyutsii» (konets maya – seredina noyabrya 1918 g.)* [Uyezd newspapers of Siberia during the "democratic counter-revolution" (end of May - mid-November 1918)]. *Instituty grazhdanskogo obshchestva v Sibiri (XX – nachalo XXI v.)* [Institutions of civil society in Siberia (XX - beginning of the XXI century)]. Ed. V. I. Shishkin. Iss. 2. Novosibirsk, 2011. Pp. 49-69.
16. Ivanov A.V. *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika Vremennogo oblastnogo pravitel'stva Urala (avgust–noyabr' 1918 goda): k istorii izucheniya problemy* [Socio-economic policy of the Provisional Regional Government of the Urals (August-November 1918): on the history of the study of the problem]. *Izvestiya UrGEU*. 2013. No.2 (46). Pp. 89-95.

© «Клио», 2023

© Купцова И.В., Мазин А.В., 2023

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_118

Дата поступления (Submitted) 15.06.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 02.07.2023

Первые опыты советской власти по управлению кустарной промышленностью регионов

АЛМАЗ РАФИСОВИЧ ГАПСАЛАМОВ

кандидат экономических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, заведующий кафедрой экономики и менеджмента 423600, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, 89, e-mail: gapsalamov@yandex.ru

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА БОЧКАРЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры педагогики, 423600, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, 89, e-mail: tatyana-n-boch@mail.ru

ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

кандидат экономических наук, доцент, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры экономики и менеджмента, 423600, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, 89, e-mail: vasvladlev@mail.ru

ЛУТФИЛЛО МАМАНОВИЧ АБДУНАЗАРОВ

доктор педагогических наук (PhD), доцент, Кокандский государственный педагогический институт имени Мукими, заведующий кафедрой географии и основ экономических знаний, 150700, Республика Узбекистан, Ферганская область, г. Кокан, ул. Турон, 23, e-mail: lutfullo_abdunazarov@mail.ru

Благодарности

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Аннотация. Введение. Представленное исследование посвящено вопросам становления системы управления мелкой кустарной промышленностью в советской экономике. Методы и материалы. Методологической базой представленной статьи стал подход на основе применения принципа историзма. Руководствуясь этим принципом, автор стремился показать изменение роли кустарной промышленности в экономике Советской России. Рассматриваемый принцип использовался в совокупности с методами научного познания. В работе над статьей автором использовались такие общенаучные методы исследования, как анализ, синтез, дедукция и абстрагирование. Анализ. На примере данных, полученных в архивах Беларуси и Республики Татарстан показаны особенности формирования механизмов управления кустарной промышленностью в постреволюционный период. Рассмотрены основные законодательные акты, повлиявшие на развитие данной формы предприятий, показаны организационные изменения в системе управления кустарной промышленностью. Результаты. Доказано, что советская власть уделяла повышенное внимание развитию кустарной промышленности в рассматриваемый период, что определяло постоянные организационные и законодательные изменения. Выявлено, что начальная рассеянность, рассогласованность действий, неподготовленность и отсутствие понимания по вопросам управления кустарной

промышленностью с течением времени сменилась более целенаправленной политикой. Автором выявлена такая особенность, как идентичность проявления практики управления кустарной промышленностью на уровне страны и регионов не только в условиях отраслевой централизации, но и в более ранний период.

Ключевые слова: кустарная промышленность, предприятие, экономика, система управления, Советская Россия, Республика Беларусь, Республика Татарстан

The first experiences of the Soviet government in the management of the handicraft industry of the regions

ALMAZ RAFISOVICH GAPSALAMOV

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Head of the Department of Economics and Management
423600, 89 Kazanskaya str., Yelabuga, Republic of Tatarstan, Russian Federation,
e-mail: gapsalamov@yandex.ru

TATIANA NIKOLAEVNA BOCHKAREVA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Associate Professor of the Department of Pedagogy,
423600, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Yelabuga, ul. Kazanskaya, 89,
e-mail: tatyana-n-boch@mail.ru

VLADIMIR LVOVICH VASILIEV

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Associate Professor of the Department of Economics and Management,
423600, 89 Kazanskaya str., Yelabuga, Republic of Tatarstan, Russian Federation,
e-mail: vasvladlev@mail.ru

LUTFILLO MAMANOVICH ABDUNAZAROV

Doctor of Pedagogy (PhD), Associate Professor, Kokan State Pedagogical Institute, Faculty of Natural Sciences,
150700, 23 Turon str., Kokan city, Fergana region of the Republic of Uzbekistan,
e-mail: lutfullo_abdunazarov@mail.ru

Acknowledgments

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program.

Abstract. Introduction. The presented study is devoted to the study of the role and importance of small-scale handicraft industry in the Soviet economy. Methods and materials. The methodological basis of the presented article was an approach based on the application of the principle of historicism. Guided by this principle, the author sought to show the changing role of handicraft industry in the economy of Soviet Russia. The principle under consideration was used in conjunction with the methods of scientific cognition. In the work on the article, the author used such general scientific research methods as analysis, synthesis, deduction and abstraction. **Analysis.** On the example of data obtained in the archives of Belarus and the Republic of Tatarstan, the features of the transformation of the handicraft industry in the post-revolutionary period are shown. The main legislative acts that influenced the development of this form of enterprises are considered, organizational changes in the management system of the handicraft industry are shown. **Results.** It is proved that the Soviet government paid increased attention to the development of handicraft industry in the period under review, which determined constant organizational and legislative changes. Based on the size of enterprises, this organizational form was more adaptable in the conditions of the general economic crisis, which led to their survival in the post-revolutionary period. The author revealed such a feature as the identity of the forms of management of the handicraft industry at the level of the country and regions, not only in the condi-

tions of sectoral centralization, but also in an earlier period.

Keywords: handicraft industry, enterprise, economics, management system, Soviet Russia, Republic of Belarus, Republic of Tatarstan

Введение. Особое место в постреволюционный период занимала мелкая кустарная промышленность. Большая советская энциклопедия под «кустарной промышленностью» понимает «начальную, раннюю стадию развития и низшую форму капитализма в промышленности; преимущественно мелкое домашнее товарное производство на рынок или децентрализованную (раздаточную) мануфактуру, основанную на эксплуатации непосредственного товаропроизводителя – кустаря торговым и промышленным капиталом» [2]. В целом согласимся с представленным определением, добавив, что данная форма организации промышленного производства состояла из небольших предприятий, выпускающих продукцию небольшими объемами и используя ручной труд.

Научная новизна состоит в том, что авторы на примере двух регионов (Беларусь и Республика Татарстан) выявили особенности формирования системы управления кустарной промышленностью советской экономики в постреволюционный период, а также степень воздействия принимаемых решений на организационные единицы.

Территориальные рамки выбраны не случайно. Они определяются не только разным географическим положением, но также иными условиями становления советской власти, политическими пертурбациями в ходе гражданской войны и др., что показывает и во многом объясняет многообразие и специфику формирования системы управления кустарной промышленностью.

Целью представленного исследования является исследование практики взаимодействия государственной советской власти и органов управления на местах в области управления кустарной промышленностью в постреволюционный период.

Задачи исследования:

- исследование эволюции системы управления кустарной промышленностью в постреволюционный период;
- выявление специфики управления кустарной промышленностью на примере отдельных регионов;
- исследование воздействия законодательных актов на структурные изменения в управлении кустарной промышленностью.

Методы и материалы. Методологической базой представленной статьи стал подход на основе применения принципа историзма. Руководствуясь этим принципом, авторы стремились показать изменение роли кустарной промышленности в экономике Советской России. Рассматриваемый принцип использовался в совокупности с методами научного познания.

В работе над статьей автором использовались такие общенаучные методы исследования, как анализ, синтез, дедукция и абстрагирование.

Анализ. Революционные события 1917 года во многом деморализовали экономику практически всех регионов России. Экономический и политический кризис, отсутствие единой власти, конфронтация между партиями и слоями общества, продолжающаяся война, привели к потере управляемости экономической сферой общества. Несомненно, в большей степени это касалось крупных и средних предприятий, но затронуло и небольшие. На какой-то период времени власть практически полностью потеряла контроль над работой мелкой промышленности, не имея даже представление об общем количестве кустарей. Подтверждением этого тезиса является постановление № 176 по Совету народного хозяйства Западной Коммуны (от 05 ноября 1918 г., г. Смоленск), в котором указывалось на необходимость скорейшей постановке на учет, всех «...частных, торговых и промышленных предприятий» [3, л. 159] (за некоторым исключением) и установлении штрафа в размере от 1000 до 3000 рублей для тех предприятий кто не успеет этого сделать.

Только в 1918 года было решено взять этот сегмент промышленного производства под учет. Интересно, что в разных регионах молодого советского государства этот процесс проходил по-разному и с применением разных органов управления. Так, на примере архивных данных, полученных в Национальном архиве Республики Беларусь, нами обращено внимание, что сбором информации по предприятиям региона занимался отдел внутренней торговли наркомата торговли и промышленности, а также местный губернский отдел народного комиссариата торговли и промышленности. В таких же регионах, как бывшая Казанская губерния, где указанные органы еще не начали действовать, регистрация возлагалась на экономические отделы губернских советов рабочих и крестьянских депутатов.

Тем не менее, начальная рассеянность, рассогласованность действий, неподготовленность и отсутствие понимания по вопросам управления кустарной промышленностью, сменилась более целенаправленной политикой. В условиях, когда крупные предприятия испытывали ресурсный голод, многие небольшие предприятия не только не прекратили свою деятельность, но и значительно усилили ее. Это в свою очередь обусловило интерес к ней новой власти с позиции получения налогов, готовых продуктов и занятости населения. Нам думается, что этим объясняется появление ряда протекционистских мер,

принятых государством по защите кустарных производств. Так, Положение от 6 мая 1919 года за №14 «О мерах содействия кустарной промышленности» и Декрет ВЦИК «О мерах содействия кустарной промышленности» закрепляли право, при котором «...все предприятия мелкой кустарной и ремесленной промышленности не подлежат ни муниципализации, ни национализации, ни конфискации, иначе как в особо исключительных случаях и по специальным постановлениям Президиума ВСНХ» [5, л. 5; 1].

Принятие данных нормативных документов была направлена на защиту мелких собственников от массовой вседозволенности вновь созданных советов на местах. Однако до принятия в 1920 году Декрета СНК РСФСР «О регулировании кустарных промыслов и национализации промышленности» и практически идентичных документов в других регионах, понятие «кустаря» было достаточно размыто, вследствие чего им можно было достаточно сильно манипулировать. Декрет дал им четкую характеристику, определив их «ремесленниками-одиночками, работающими без помощи не только наемных рабочих, но и своих родственников» и «ремесленниками, работающими в одиночку или применяющих труд своих родственников и имеющих в обучении не более 2 учеников в возрасте не моложе 14 лет и не старше 18 лет» [4, л. 1]. Нам думается, что указание на возраст учеников четко разграничило кустарное от более крупных производств, не позволив «под крылом» ученичества привлекать дополнительную рабочую силу. Для таких производств вводилось понятие «мелко-промышленные предприятия» [4, л. 2, 87], владелец которых мог привлекать для работы не более 10 наемных рабочих или не более 3 рабочих при одном двигателе, сверх членов его семьи.

Однако несмотря на то, что декрет запрещал использование кустарями наемных работников, в Отчете экономического совещания при Совете Народных Комиссаров Белоруссии [9, с. 34] мы находим информацию, что помимо 1553 кустарей, работавших на своих предприятиях, также насчитывалось 212 наемных работников.

Одновременно с этим в декрете подтверждалось, что кустарные заведения, как сами по себе, так и собранные в них запасы сырья, материалов, топлива и оборудования не подлежат ни национализации, ни муниципализации. Сами кустари освобождались от трудовой повинности, им предоставлялось право продавать свою продукцию в пределах местного рынка, принимать заказы от частных лиц из материалов, принадлежащих последним и назначаемых для личного потребления.

Правовое разграничение форм промышленных предприятий, и выгодное положение в правовом поле формы кустарного производства, создало предпосылки для появления лжеорга-

низаций. Угроза потери своего дела в результате национализации или муниципализации собственности, толкали владельцев предприятий к формированию фиктивной отчетности. На что последовал ответ, в виде издания 2 октября 1920 г. декрета, предписывающего губсовнархозам «...пересмотреть право на существование всех производственных артелей, промысловых кооперативов, товариществ и всякого рода кустарных объединений» [4, л. 8]. В частности, на основании этого декрета кустарно-кооперативный отдел Гомельского губсовнархоза предписал всем предприятиям, зарегистрировавшимся после 1-го января 1918 года представить не позже 15 января 1920 года списки членов учредителей и членов правления. Для тех, кто подал неправильные сведения или скрылся от проверки ждало изъятие всего имущества, а также принудительными работами.

На региональном уровне при советах народного хозяйства стали создаваться отделы, имеющие задачи учета и контроля за действующими предприятиями. Так, во второй половине 1918 года при Казанском областном совнархозе был создан отдельный Кооперативный отдел, в управлении которого находилась и кооперативная, и кустарная промышленность. К середине 1919 года он был переоформлен в Кустарно-кооперативный отдел Казанского совнархоза, а ровно через год в Управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации Казанского совета народного хозяйства. Но и то ненадолго. После того, как была образована Татарская АССР управление получило название – Управление татарской кустарной промышленности (Таткустпром).

Аналогичные отделы создавались и в других регионах, одновременно с этим определялись их органы управления и структура. В частности, в Кулстпроме Белоруссии во главе стояла Коллегия, состоящая из 3 лиц: 1 член назначался президиумом совнархоза Белоруссии, 1 – комиссариатом земледелия и 1 – правлением губернского союза по промысловой секции. Одновременно с этим упразднялся отдел кустарной и мелкой промышленности Комитета земледелия (Комзем) и соответствующий отдел при совнархозе. Весь аппарат переходил в состав Кулстпрома Белоруссии.

Непосредственно сами кулстпромы были подчинены только Главкулстпрому. Кулстпромы становились единственными организаторами и координаторами низовой промышленности на местах. Никакой государственный орган не мог вмешиваться в их работу. Эффективность вновь создаваемых органов управления находилась на крайне низком уровне. Этому способствовала слабая материальная и финансовая база, а также недостаточная численность квалифицированной рабочей силы. Фактически работа проводилась номинально, по-настоящему се-

рьезной работы не осуществлялось.

Также формировалась однотипная организационная структура кустпромов, обычно состоявших из административно-организационного, производственного (производственно-технического), финансово-счетного отделов и отдела снабжения.

По мере стабилизации экономической ситуации в стране, укреплении централизации власти на местах в период новой экономической политики, можно говорить о новой попытке реформирования системы управления кустарной индустрии. На примере Татарской АССР в 1925/26 году в рамках Управления государственной промышленности (Угпром) республиканского совнархоза (ТСНХ) был организован новый отдел, призванный контролировать и координировать деятельность низовой кустарной промышленности. Но и в данном случае, по причине недостатка организационных ресурсов, реализовать всю запланированную работу советской власти на местах не удалось. ТСНХ был вынужден организовать единый отдел по изучению и контролю за деятельностью кустарной промышленностью. Докладные материалы экономических совещаний (Экосо) фонда «Татарского совета народного хозяйства» свидетельствуют, что руководство оторванной от Казани кустарной промышленности было новым делом для Угпрома. Руководство работой кустарной промышленности началось со знакомства и инструктирования кустарей и их объединений [6, л. 23об, 72].

Выстраивание вертикали управления в конце 1920 – 1930 годов, процессы индустриализации и коллективизации обусловили следующий виток организационных перестановок в системе управления кустарной промышленностью. Она стала постепенно вплетаться в систему отраслевого управления. Так, в частности, 1 октября 1929 г. при Татарском совнархозе был создан Отдел кустарной промышленности в составе заведующего и 2 инструкторов [7, л. 243-244]. Однако, практически сразу отдел был упразднен, а контроль за деятельностью кустарей был поручен одному экономисту планово-экономического отдела Татарского совнархоза. Данный факт наглядно свидетельствует о быстром развороте государственной промышленной политики в сторону не только централизации управления, но и умаления роли малых форм предприятий в

Советском Союзе в конце 1920-х годов.

Следующим шагом стало создание единых союзных органов управления кустарной промышленностью, призванных содействовать кустарям, согласовывать работы всех ведомств и предприятий, разрабатывать регламенты и положения и т.п. [8, л. 101] Особое место отводилось рассмотрению перспективных планов и контрольных цифр кустарной промышленности, что служит дополнительным доказательством включения кустарей в систему вертикали государственного управления, и подчинения их плановым показателям. Примером такого рода органов стало образование при Экономическом совете РСФСР Комитета промысловой и кустарной промышленности. Одновременно с союзными, аналогичные органы управления создавались в автономных республиках. Задачи заключались в осуществлении единого управления и содействия укреплению и развитию промысловой кооперации и кустарной промышленности; согласования их работы с единым планом народного хозяйства и т.д.

Результаты. Подводя краткие итоги исследования, следует указать на следующие особенности развития кустарной промышленности:

- исходя из размеров предприятий, они обладали большей адаптивностью в условиях общеэкономического кризиса, что обусловило их выживаемость в постреволюционный период;
- советская власть, нуждающаяся в готовой продукции, в условиях политического кризиса и гражданской войны стремилась подчинить своему контролю данную форму организации экономики;
- идентичность форм управления кустарной промышленностью на уровне страны и регионов не только в условиях отраслевой централизации, но и в более ранний период;
- включение данной формы организации экономики в отраслевую систему управления в период проведения индустриализации.

Кустарные предприятия, во многом спасшие экономику России в постреволюционное время, в условиях индустриального рывка конца 1920-х – 1930-е годы не могли оставаться в автономном и обособленном режиме. Потребности государства в ресурсах и готовых изделиях требовали подчинения всех форм предприятий единому контролю и подчинению.

Литература и источники

1. Знамя революции. 1919. 27 мая.
2. Кустарное производство. URL: https://gufo.me/dict/bse/%D0%9A%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата обращения: 24.03.2022).
3. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 159.
4. НА РБ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
6. НА РТ. Ф. Р-787. Оп.1. Д.569. Л.23об, 72.
7. НА РТ. Ф. Р-787. Оп.1. Д.1144. ЛЛ.243-244.
8. НА РТ. Ф. Р-128. Оп.1. Д.1986. Л.101.
9. Первый отчет экономического совещания при Совете Народных Комиссаров Белоруссии. Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1922. 189 с.

References

1. *Znamja revoljucii* [The banner of the revolution]. 1919. 27 May.
2. *Kustarnoe proizvodstvo* [Handicraft production]. Available at: https://gufo.me/dict/bse/%D0%9A%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (accessed: 24.03.2022). (In Russian)
3. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus'* [National Archives of the Republic of Belarus] (NA RB). F. 1. Op. 1. D. 2. L. 159. (In Belarus)
4. NA RB. F. 87. Op. 1. D. 2. L. 1. (In Belarus)
5. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan* [National archive of the Republic of Tatarstan] (NA RT). F. R-787. Op. 1. D. 1. L. 5. (In Russian)
6. NA RT. F.R-787. Op.1. D.569. L.23ob, 72. (In Russian)
7. NA RT. F. R-787. Op.1. D.1144. LL.243-244. (In Russian)
8. NA RT. F. R-128. Op.1. D.1986. L.101. (In Russian)
9. *Pervyj otchet jekonomicheskogo soveshhanija pri Sovete Narodnyh Komissarov Belorussii* [The first report of the economic meeting at the Council of People's Commissars of Belarus]. Minsk: Gos. izd-vo Belorussii, 1922. 189 s. (In Russian)

© «Клио», 2023

© Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н., Васильев В.Л., Абдуназаров Л.М., 2023

УДК 791 (470+571)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_124

Дата поступления (Submitted) 02.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 09.07.2023

Участие кооперативных организаций в кинофикации сельской местности в 1920-е годы

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

доктор исторических наук,
доцент, кафедра отечественной истории,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет
185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск,
пр. Ленина, д. 33.
e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается роль кооперации в кинофикации и развитии отечественного кинематографа в 1920-е годы. Правление Центросоюза разработало проект по созданию Всероссийского кооперативного акционерного общества кинематографии. В организацию, основанную на смешанных кооперативных и акционерных началах, предполагалось включить центральные союзы потребительской, сельскохозяйственной, промысловой, лесной кооперации. Большое внимание уделено организации товарищества по кинофикации деревни «Сельское кино». Учредителями «Селькино» являлись различные государственные учреждения и ведомства, кооперативные союзы (Центросоюз, Сельскосоюз, Плодовинсоюз, Льноцентр, Всеколес). Идею создания «Селькино» поддержали Дома крестьянина, региональные союзы кооперации, уездные земельные управления и другие организации. Поскольку «Селькино» не справилось с задачей кинофикации деревни, после Всесоюзного партийного совещания по кинематографии (1928) киноработа на селе передана потребкооперации; определено место кооперации в «продвижении кино в деревню», проведении мероприятий по увеличению количества киноустановок в сельской местности. В ходе исследования рассмотрена политика государства в отношении потребкооперации как основного канала кинофикации деревни, что стало частью ее общей культурно-просветительной работы. Также удалось проследить социокультурную динамику развертывания кооперативной киносети в сельской местности в 1920-е годы. В целом потребительская кооперация как крупная хозяйственная организация внесла существенный вклад в распространение киноустановок в сельской местности.

Ключевые слова: кооперация, кинематограф, кинофикация, «Селькино», «продвижение кино в деревню»

The participation of co-operative organizations in rural cinema development in the 1920s

ELENA VASILYEVNA DIANOVA

doctor of historical sciences,
associate professor at the Department of National history,
Institute of history, political and social sciences,
Petrozavodsk state university,
185910, Russian, Republic of Karelia, Petrozavodsk,
Lenin Ave., 33. e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Abstract. The article highlights the role of cooperation in cinematography and the development of domestic cinema in the 1920s. The Board of the Centrosoyuz has developed a project to create the All-Russian Cooperative Joint-Stock Society of Cinematography. The organization, based on mixed cooperative and joint stock principles, was supposed to include the central unions of consumer, agricultural, trade, and forest cooperation. Much attention is paid to the organization of the association for the cinematography of the village "Rural Cinema". The founders of Selkino were various state institutions and departments, cooperative unions (Tsentrosoyuz, Selskosoyuz, Plodovinsoyuz, Flax center, Vsekoles). The idea of creating "Selkino" was supported by the Peasant's Houses, regional unions of cooperation, county land administrations and other organizations. Since "Selkino" failed to cope with the task of filming the village, after the All-Union Party Conference on Cinematography (1928), film work in the countryside was transferred to consumer cooperatives; the place

of cooperation in "moving cinema to the countryside" and carrying out activities to increase the number of film installations in rural areas has been determined. In the course of the study, the policy of the state in relation to consumer cooperation as the main channel for filming the village, which became part of its general cultural and educational work, was considered. It was also possible to trace the socio-cultural dynamics of the deployment of a cooperative cinema network in rural areas in the 1920s. In general, consumer cooperation, as a large economic organization, has made a significant contribution to the distribution of cinema installations in rural areas.

Keywords: *cooperation, cinematography, cinematography, "Selkino", "promotion of cinema in the countryside"*

Введение

В настоящее время кино стало предметом изучения представителей различных гуманитарных наук: киноведами, кинокритиками, искусствоведами, культурологами, философами, литературоведами, историками, социологами. Понятие «кино» (кинематограф) включает не только само зрелище, основанное на использовании кинотехнической аппаратуры, но и систему его организации. К кинематографу относятся производство и приобретение киноустановок; кинопрокат и кинопрокатные организации, обслуживающие кинозрителя; инфраструктура кинотеатров, зданий и помещений, обеспечивающая демонстрацию фильмов.

Можно обозначить основные проблемы, которые нашли отражение в современной научной литературе о кино. В первую очередь авторов интересуют история отечественного кинематографа [1], [2], становление и развитие советской системы кинопроизводства [3], [4], [5], деятельность кинематографических организаций [6]. Киноиндустрия страны рассматривается в русле массовой культуры в России [7]. К истории кинематографа относятся вопросы, связанные с открытием частных и ведомственных кинотеатров при нэпе [8]. В научных трудах рассматриваются такие вопросы, как: влияние кино на социокультурный облик крестьянства [9], специфика деревенского кинорепертуара [10], [11], особенности деревенского кино [12]. Среди научных трудов о «деревенском кино» необходимо отметить монографию Л. Н. Мазур и О. В. Горбачева «Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа» [13]. В книге рассмотрены теоретические и методические вопросы изучения советского художественного кинематографа как уникального источника по истории российской деревни в XX в., проведена реконструкция основных сюжетов сельской истории.

В исследованиях отразились вопросы о развитии деревенского и клубного кинопроката [14], кинофикации сельской местности в 1920-е гг. [15], [16]. При нэпе приобретением кинопередвижек для деревни занимались политико-просветительные учреждения, городские шефы, кооперативные союзы. Ранее в отдельной публикации рассматривалось использование кино в культурно-просветительной работе кооперации [17]. В данной статье идет речь об участии кооперативных организаций в кинофикации сельской

местности в 1920-е гг., проведении мероприятий, направленных на приобретение и увеличение числа кинопередвижек и стационарных киноустановок для деревни.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем описываются проект и попытка создания кооперативных кинематографических организаций, роль кооперативных объединений в «продвижении кино в деревню». Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть политику государства в отношении потребкооперации как основного канала кинофикации деревни, выявить кооперативные формы кинообслуживания сельского населения, предусмотренные в планах Центросоюза и Главполитпросвета; проследить социокультурную динамику развертывания кооперативной киносети в сельской местности в 1920-е гг.

Основными источниками исследования выступают архивные материалы, справочники, информационные кооперативные издания, периодическая печать, в том числе еженедельная газета «Кино» и журналы «Жизнь искусства», «Изда-читальня», «Советское кино». Также использован сборник «Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.» [18], где представлен комплекс документов по истории органов управления киноделом. Компаративистский подход и анализ статистических сведений позволили выявить поступательное движение в деле кинофикации деревни с участием кооперативных объединений. Исторический нарратив дает возможность описать деятельность кооперативных союзов в сфере культурной модернизации, связанной с применением достижений науки и техники (кинематографа).

Кооперация и кинематографические организации

В 1920-е гг. «советское кино оказалось на стыке корпоративных интересов и на перекрестке культурной политики многих полуавтономных институтов власти СССР: центральной, местной, национальных союзных республик, Красной Армии и его политуправления, Коминтерна и Межрабпома, органов государственной безопасности, московских властей, цензурных ведомств разных уровней», различных учреждений и организаций, в том числе кооперативных [19, с. 10].

Центральные и областные кооперативные союзы самостоятельно установили тесные деловые отношения с кинопрокатными органи-

ями. Они сотрудничали с Госкино (Центральное государственное фотокинопредприятие), «Совкино» (Всероссийское фото-кинематографическое акционерное общество «Советское кино»), «Межрабпом-Русь» / «Межрабпомфильм» и «Пролеткино» (Акционерное общество «Пролетарское кино»). «Совкино» получило права на импорт, производство и исключительное право проката кинофильмов на территории РСФСР. В ведении «Совкино» находились кинофабрики, снимавшие художественные и просветительные фильмы, предприятия по производству киноматериалов и аппаратуры, кинотеатры и передвижные киноустановки. Киноагентства и отделения «Совкино», снабжая картинами районные и областные союзы кооперации, обеспечивали кинолентами деревенский и городской прокат.

В деле приобретения киноаппаратов, проведения киносеансов и выбора кинолент кооперативные союзы сталкивались с некоторыми трудностями, даже конкуренцией с «Совкино» и другими кинематографическими организациями. Неслучайно в 1923 г. в правлении Всероссийского Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза) зародился проект о создании Всероссийского кооперативного акционерного общества кинематографии. В Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) обратился с данным предложением член правления Центросоюза В. Я. Белоусов. В служебной записке на имя члена коллегии Народного комиссариата просвещения В. Н. Мещерякова он представил проект устава предлагаемого общества (задачи, средства, состав, структура управления и деятельность).

По проекту В. Я. Белоусова, основная цель Всероссийского кооперативного акционерного общества кинематографии заключалась в «организации кинематографического дела в России на наиболее рациональных, кооперативно-общественных началах» в полном контакте с государственными органами, ведущими эту работу. Основной капитал общества определялся суммой в 1 млн руб. и составлялся путем выпуска акций. Стоимость одной акции составляла 50 тыс. руб. золотом.

Деятельность Всероссийского кооперативного акционерного общества кинематографии предполагала: а) производство кинолент и их съемку; б) организацию проката кинолент; в) организацию кооперативной аренды существующей сети кинематографов и ее возможное расширение; г) продвижение кинематографа в деревню. Предлагалось организовать Центральную прокатную контору в Москве и ее отделения на местах.

В общество входили акционеры – кооперативные организации, профессиональные союзы и государственные органы, а также физические лица. В. Я. Белоусов представил список кооперативных союзов и организаций, которые могли

войти в состав Всероссийского кооперативного акционерного общества кинематографии: Центросоюз, Всероссийский союз промысловой кооперации (Всекопромсоюз), Всероссийский союз лесной кооперации (Всеколес), Всероссийский союз картофелеводов (Союзкартофель), Всероссийский союз льноводов (Льноцентр), Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз), Кооперативное издательство, секция железнодорожной потребительской кооперации при Центросоюзе РСФСР (Транспосекция), Военная кооперация, Московское потребительское общество, Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк), Коопвнуторг (Управление внутренней кооперативной торговли). Общее собрание акционеров избирало правление, совет и ревизионную комиссию [18, с. 89–91].

По всей видимости, в Наркомпросе служебная записка В. Я. Белоусова осталась без внимания, и его проект о создании Всероссийского кооперативного акционерного общества кинематографии никто не поддержал. Правление Центросоюза решило вступить в уже существовавшее общество «Пролетарское кино». 4 января 1924 г. организационно-инструкторский отдел Центросоюза издал циркуляр «О вступлении пайщиками в “Пролеткино” с целью использования его для кооперативной пропаганды и агитации». Губернские союзы, вступив пайщиками в «Пролеткино», получали право проката фильмов и киноаппарата на льготных условиях. В культурно-просветительных целях они могли делать заказы на съемки нужных художественных, производственных и агитационных фильмов. Акционерное общество «Пролеткино» снабжало союзы потребкооперации передвижными киноаппаратами для обслуживания деревни и развертывания кооперативной киносети на своей периферии [20, д. 1/2, л. 20].

20–31 марта 1924 г. проходило I Всесоюзное совещание по киноделу. 29 марта 1924 г. на совещании выступал нарком просвещения А. В. Луначарский с докладом «Революционная идеология и кино», в котором обрисовывал общее положение в стране. Если города, не только большие, но и средние, по словам наркома, были обеспечены кинотеатрами, то маленькие города и рабочие районы нуждались в «продвижении кино», но «самое тяжелое – это распространение кино в деревне, где оно является только суррогатом». В некоторых Домах крестьянина и больших школах имелись стационарные киноустановки, но «их очень и очень мало». Деревне нужна «техника функционирующих летом странствующих кино, которые могут переезжать с места на место, которые будут привлекать колоссальное внимание», т. е. кинопередвижки [18, с. 182].

На I Всесоюзном совещании по киноделу отмечались недостатки в кинообслуживании

населения, прежде всего, проживающего в сельской местности. В резолюции, принятой на совещании, подчеркивалось, что «кино в СССР не находится в том положении, которого оно заслуживает», при этом большую роль в развитии кинодела в стране может сыграть кооперация. Приветствовалась инициатива представителей кооперативных союзов, предлагавших принять участие в кинофикации «в целях вовлечения этим путем широких масс населения (особенно крестьянских) в сферу воздействия важнейшего культурно-просветительного орудия» и «лучшего и наиболее мощного средства коммунистической пропаганды и агитации» – кинематографа. Совещание дало задание Главполитпросвету, ВЦСПС и ЦК профсоюза работников искусства (Рабис) «разработать вопрос об участии кооперации в деле широкого распространения советского кино» [18, с. 184].

В 1925 г. в целях «всемерного содействия строительству советского кино как орудия просвещения масс, пропаганды идей коммунизма», а также для борьбы против проникновения в кино явной и замаскированной пропаганды буржуазной и мелкобуржуазной идеологии» образовано Общество друзей советского кино (ОДСК). Способствуя «приближению кино к рабочим и крестьянским массам», ОДСК могло отвлечь их «от нездоровых развлечений». В Центральный совет ОДСК, избранный в ноябре 1925 г., вошли представители ВСНХ, Наркомпроса, Главполитпросвета, ЦК РКП(б), Госкино, «Севзапкино», ВЦСПС и других организаций, в том числе Центрсоюза [18, с. 290, 291].

С выдвинутым лозунгом «Лицом к деревне!» на первый план вышла задача ее кинофикации, для чего требовалось снабдить сельскую глубинку киноустановками. На 1 августа 1924 г. всю сельскую местность РСФСР обслуживало 100 передвижек, а стационарных аппаратов не было совсем [21, с. 23]. В то же время «в условиях слабой связи с деревней при нашем бездорожье и, главное, при скудости нашего государственного бюджета самым дешевым и в то же время самым надежным проводником просвещения в массы является кино» [22, 1925, 24 марта, с. 1].

Однако Госкино «собственных шагов по работе в деревне не предпринимало», лишь обслуживало разные организации, «предназначенные для культурной работы на селе (политпросветы, кредитные товарищества, кооперацию, деревенские ячейки РКП(б), РКСМ, шефов и т.п.) на самых льготных условиях, предоставляя им в прокатное пользование на короткие и продолжительные сроки кинопередвижки с персоналом и оборудованием, киноаппараты, “волшебные” фонари, кинокартины, диапозитивы, а также продавая в кредит киноустановки» [18, с. 207].

Весьма скромные результаты кинообслуживания сельской местности Госкино объясняло тем, что «совершенно нет аппаратуры», так как

«из-за границы ее ввозить запрещено, собственное производство наладить еще не удалось». Кроме того, «непосредственное ведение культурной работы в деревне посредством кино в его задачи совершенно не входит». Поэтому «опорными пунктами работы кино в деревне должны явиться кооперативы, избы-читальни, Дома крестьянина, кредитные товарищества, школы и ячейки РКП(б) и РКСМ в волостях». Госкино обязалось взять на себя работу по снабжению деревенских организаций, занимающихся культурно-просветительной работой, «хорошими дешевыми передвижками, “волшебными” фонарями, диапозитивами, кинолентами на самых льготных условиях и с долгосрочным кредитом» [18, с. 208, 209].

Главполитпросвет взялся за распространение передвижных аппаратов, на 1 октября 1925 г. в деревне насчитывалось действующих 339 передвижных и 68 стационарных установок [21, с. 23]. Спрос на передвижки и киноустановки постоянно повышался. Требования сельских жителей поступали в различные организации, начиная от «Крестьянской газеты» и кончая «Совкино». Между тем, «дело кинофикации деревни уперлось в тупик», так как дальнейшее распространение кинопередвижек требовало новых средств. Возникал вопрос: «Откуда их взять?» [22, 1925, 25 декабря, с. 4]. Главполитпросвет при поддержке партии и государства попытался его решить путем создания новой киноорганизации.

«Селькино»

В начале 1926 г. на заседании Художественного совета по делам кино при Главполитпросвете приняли постановление о создании акционерного общества «Сельское кино», или «Селькино», которое строилось «на прочных коммерческих основах». В «Селькино» намеревались «сосредоточить все дело распространения деревенских кинопередвижек и установок, передав «Селькино» соответствующие функции Главполитпросвета». Кинокомиссия ЦК РКП(б) и Наркомпрос РСФСР санкционировали организацию «Селькино» [22, 1926, 2 февраля, с. 5]. Главная задача «Селькино» состояла в том, чтобы «чтобы производить специальную аппаратуру, чтобы упорядочить деревенский прокат» [18, с. 354]; «дать деревне более дешевые и прочные киноаппараты и понятные и полезные для деревни киноленты» [23, 1926, № 3, с. 32].

Госкино, «Совкино» и «Пролеткино» обеспечивали прокат фильмов в городах. Сельская местность, как правило, оставалась вне сферы обслуживания кинопрокатными организациями. Основная задача «Селькино» заключалась «в извлечении сил и средств деревни для кинофикации самой деревни», что, по сути, означало «кооперирование населения вокруг кино» и создание деревенских кинотовариществ [18, с. 353, 354]. «Селькино» не ставило своей главной

задачей создать новое производство кинокартин. Оно, «посвятив себя специально работе на деревню», могло «заказывать именно те картины, которые больше всего будут нужны и лучше всего пригодны для деревни» [22, 1926, 12 января, с. 2].

Учредителями товарищества по кинофикации деревни «Селькино» являлись Главполитпросвет, Центральный сельскохозяйственный банк (ЦСХБ), Народный комиссариат земледелия (Наркомзем), Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), Государственное издательство (Госиздат), газеты «Правда», «Беднота», «Крестьянская газета», «Новая деревня», центральные кооперативные союзы (Сельхозсоюз, Центросоюз, Плодовинсоюз, Лыноцентр, Всеколес), Всеработземлес, Всекомпромбанк, Госстрах, «Совкино», ЦК ККОВ, ПУР РККА, «Электрострой». В марте 1926 г. «Селькино» вступил Народный комиссариат здравоохранения.

Организаторы «Селькино» руководствовались кооперативными принципами. Предполагалось, что основой формирования финансовой базы «Селькино» станут паевые взносы центральных учреждений и капитал, привлекаемый от низовых крестьянских организаций. Основной капитал по уставу определялся в размере 750 тыс. руб. Пай определен в сумме 5 руб. Паявые взносы должны были поступить от таких пайщиков «Селькино», как: Госстрах, «Крестьянская газета», «Новая деревня», ЦСХБ, Сельхозсоюз (200 тыс. руб.); Госиздат, Наркомзем, ПУР РККА, Госкино, Всеработземлес (200 тыс. руб.); Электробанк, «Правда», «Беднота», Центральный Дом крестьянина, Московский Дом крестьянина, ЦК профсоюзов железнодорожников, деревообделочников, работников сахарной промышленности (150 тыс. руб.). Крупнейшими пайщиками были ВСНХ и «Совкино» (300 тыс. руб.). Принять участие в финансировании «Селькино» и приобретения его паев могли тресты «Хлебопродукт», «Электрострой» и другие организации [18, с. 353].

В 1926 г. Президиум ЦК крестьянских обществ взаимопомощи вступил пайщиком в «Селькино» и призвал низовые крестьянские комитеты вступать в пайщики «Селькино» [22, 1926, 2 марта, с. 6]. В товариществе могли принимать участие сельсоветы, низовые крестьянские организации, сельские кооперативы, комитеты крестьянской взаимопомощи. На местах возникали кооперативные формы кинообслуживания населения, кинотоварищества и киноартели.

«Селькино» планировало привлечь средства сельского населения, поскольку «своими корнями “Селькино” должно проникать в гущу деревень и опираться на низовые кооперативные, общественные и прочие организации деревни». По подсчетам финансовой комиссии «Селькино», значительные денежные поступления ожидалось от низовых крестьянских объединений

(почти 370–390 тыс. руб.). Так, кредитная кооперация к 1926 г. имела 9 тыс. низовых ячеек. Если бы каждая ячейка взяла два пая на 10 руб., то их бы паевой взнос в «Селькино» составил 90 тыс. руб. В сельскохозяйственной и потребительской кооперации насчитывалось до 60 тыс. низовых ячеек. Приобретение паев в среднем по 5 руб. на ячейку давало сумму 300 тыс. руб. Все остальные организации (избы-читальни, комитеты взаимопомощи, совхозы, губернские и уездные советские организации), исходя из количества организаций 100 тыс. и размера пая 3 руб. на каждую организацию могли дать до 300 тыс. руб. [24, 1926, № 1, с. 24; № 3, с. 25].

Еженедельная газета «Кино», сообщив о планах создания организации «Селькино», попросила читателей, интересующихся вопросом кинофикации деревни, высказаться: «Нужно ли организовывать “Селькино” и что могут те или иные организации принести в это дело для его успешного развития?» [22, 1925, 25 декабря, с. 4]. Судя по первым откликам из разных мест, интерес к «Селькино» был «огромный». Так, «политпросветработники из провинции высказывались в пользу данной организации». Они надеялись, что «Селькино» создаст «более нормальные условия для кино-работы в деревне, специально изучая интересы деревни, ее платежеспособности, “капризов” деревни и других специфических деревенских условий». Также возникали опасения, «не распылит ли она средства уже существующих кино-предприятий, не будет ли она совершать параллельную работу» [22, 1926, 12 января, с. 2; 2 февраля, с. 4].

На местах шла агитация с призывами вступить пайщиками в «Селькино», что нашло сочувствие у кооператоров. На Дальнем Востоке в Приморской губернии киноработу в течение ряда лет вел союз приамурских кооперативов. Опыт работы кинопередвижек в деревне дал хорошие результаты. Приамурский сельсоюз поддержал идею создания «Селькино», стал вести переговоры с союзами других видов кооперации и Дальполитпросветом о том, в какой форме можно было бы принять участие в «Селькино». Кооператоры с Дальнего Востока предлагали привлечь в «Селькино» все виды кооперации, Сельхозбанк, Всекобанк, земельные управления, политпросветы, а также созданные на местах губернские, уездные и волостные кооперативные товарищества «Кино в деревню». Все эти организации должны войти членами в «Селькино», поскольку «только при участии самих масс возможно быстрое накопление средств для кинофикации деревни», низовые ячейки «Селькино» займутся сбором паевых взносов [22, 1926, 19 января, с. 4].

В «Селькино» вносили деньги деревенские кооперативы, волисполкомы, даже отдельные крестьянские общества и крестьяне-единоличники. Уже в начале января 1926 г. в печати появ-

вились первые сообщения о добровольных пожертвованиях в «Селькино». К примеру, жители города Карачева Брянской губернии, признав организацию «Селькино» своевременной, решили вступить пайщиками в это товарищество, купив паи по 5 и 10 руб. На собрании составили список местных обществ, организаций и учреждений, оплативших паевые взносы. Среди них Добровольное пожарное общество, Карачевский политехпросвет, книжный магазин, комитет взаимопомощи, Всеработземлес, профсоюзы советских работников и работников просвещения, Карачевский отдел губернского союза кооперативов, Карачевское единое потребительское общество, Верещенское сельскохозяйственное товарищество, Льноторг, Пенькотрест, «Хлебопродукт», Госторг, Сахаротрест, Кожсиндикат, Сельпромсоюз, Нефтесиндикат. Всего в городе Карачев будущие пайщики «Селькино» собрали 955 руб.

Брянский районный союз кооперации (райсоюз) согласился внести в «Селькино» пай в 100 руб., предложив всем низовым кооперативам тоже приобрести паи. С поддержкой «Селькино» выступили кооперативные, профсоюзные и другие организации Бежецкого уезда Тверской губернии. В Новгородской губернии Валдайско-Любницкий сельсоюз приобрел пай на сумму всего 5 руб., но обещал провести кампанию по привлечению кооперированного населения к участию в «Селькино». В Смоленской губернии Рославльский сельпромсоюз согласился стать пайщиком «Селькино» [22, 1926, 5 января, с. 2].

В организационную комиссию «Селькино» ежедневно поступали заявления от Домов крестьянина, союзов и обществ потребительской, сельскохозяйственной и кредитной кооперации, общественных организаций и уездных земельных управлений с просьбой зачислить их пайщиками. В марте 1926 г. пайщиками «Селькино» утверждены организации, осуществившие перевод денег и приобретение паев, среди них Дома крестьянина: Владимирский (75 руб.), Богородский (25 руб.), Костромской (50 руб.), Свердловский (50 руб.), Донской окружной (50 руб.), Барбинский (50 руб.)

Также пайщиками «Селькино» стали Валдайско-Любинский райсоюз, Воткинское общество потребителей, Сакмаро-Уральское потребительское общество, Бирский райсоюз, Муромский райсоюз, Мариупольский райсоюз, Котельнический союз потребительских обществ, Северо-Кавказский краевой союз сельскохозяйственных кооперативов, Шунгенский союз кооперативов. Приток средств «самотеком» не прекращался. В апреле 1926 г. общая сумма поступивших средств «из деревни непосредственно от низовых организаций» равнялась 35 тыс. руб. [22, 1926, 30 марта, с. 4; 20 апреля, с. 2].

15 апреля 1926 г. в Ассоциации революционной кинематографии (АРК) состоялась дискус-

сия о «Селькино». Дискуссия началась с доклада работника Наркомпроса А. Б. Урицкого, «нарисовавшего безотрадную картину кино-снабжения деревни органами Совкино», руководители которого «не понимают, не хотят понимать и не могут понять», что дело деревенского кинопроката должно быть передано другой хозяйственной организации, которая была бы ответственна за питание деревни картинами и аппаратами».

Участвовавшие в дискуссии крестьяне, приехавшие в Москву с разных концов страны, один за другим высказались за организацию «Селькино»: «Необходимость в организации “Селькино” так велика, что, несмотря на неоформленность его центра, паевые взносы поступают с мест стихийным самотеком. Все, кто работает в деревне и с деревней: органы потребительской и сельскохозяйственной кооперации, Дома крестьянина, комитеты крестьянской взаимопомощи, все они спешат заявить о своем вступлении в пайщики “Селькино”. И шлют деньги». Крестьяне «по-деревенски прямо они заявили, что кино им нужно, как хлеб. Но что получить этот хлеб они надеются только через “Селькино”. Дело деревенского проката должно быть передано организации, которой крестьянство верит. Крестьянство верит “Селькино”. Доверять же это дело “Совкино” нельзя, оно себя скомпрометировало в глазах деревни. Деревня понатужится, но паи, нужные для осуществления “Селькино” соберет». Дискуссия в АРК показала, «что деревня доверяет «Селькино»».

Однако против организации «Селькино» выступили председатель правления «Совкино» К. М. Шведчиков и член правления «Совкино» И. П. Трайнин. Они полагали, что «с теми задачами, которые ставятся перед этим обществом, справится и аппарат Совкино» [22, 1926, 20 апреля, с. 4]. Мощная оппозиция в лице руководителей «Совкино» сдерживала деятельность «Селькино» по кинофикации деревни.

Тем не менее, предложение «Селькино» по обслуживанию деревни на основе самоорганизации населения встретило большой отклик на селе. Во многих деревнях и селах образовались массовые ячейки в форме киноартелей, кинокооперативов и кинотовариществ, ставивших своей целью приобретение кинопередвижек.

Потребительская кооперация – «основной канал продвижения кино в деревню»

За время новой экономической политики число городских кинотеатров и их пропускная способность «возросли в огромной мере». В 1927/28 г. город был кинофицирован почти на 100%, в городах действовали государственные и частные кинотеатры. Жители больших и малых городов имели возможность смотреть кинофильмы также в заводских и рабочих клубах, которые были кинофицированы на 95%, только 5% клубов нуждались в расширении киносети. [18, с. 207]. По

данным Общества друзей советского кино, в 1928 г. в стране имелось всего лишь 3% кинофицированных населенных пунктов с населением более 2 тыс. человек [18, с. 366].

В сельской местности количество киноустановок разного типа постоянно росло: на 1 октября 1926 г. – 839 и 126, на 1 октября 1927 г. – 1186 и 292, на 1 апреля 1928 г. – 2038 и 714 соответственно (всего 2752) [25, с. 5]. Ученные в 1927 г. 1186 деревенских кинопередвижек РСФСР распределялись между различными учреждениями: политпросветам и отделам народного образования принадлежало 40%, кооперации – 8%, местными Советам – 15%, профсоюзам – 15%, частникам – 1%, отделениям и агентствам «Совкино» – 3%, остальным организациям – 18% [26, с. 24].

В первой половине 1928 г. в РСФСР насчитывалось уже 1747 сельских передвижек и 436 стационарных киноустановок, но и они не могли обслужить все население. В среднем на 50 тыс. человек сельского населения приходилась одна киноустановка. Получалось, что крестьянин мог посетить кино один раз в четыре года. Практически все сельское население оставалось оторванным от кинематографа, а деревенская киносеть оставалась «катастрофически малой» [23, 1928, № 9, с. 26].

Между организациями деревенские киноустановки распределялись таким образом, что на 1 апреля 1928 г. 46,3% всех передвижных и стационарных киноустановок страны принадлежало учреждениям политпросвета, 14,2% – потребительской кооперации. Политпросветы имели в своем распоряжении 948 кинопередвижек и 326 стационарных установок (всего 1274), потребительская кооперация – 349 и 42 соответственно (всего 391). Доля кооперации в общем количестве деревенских киноаппаратов несколько увеличилась с 8% до 14,2%, но участие союзов потребительских обществ в кинофикации имело случайный характер, и, несмотря на некоторые успехи, достигнутые отдельными кооперативными организациями, общие результаты в продвижении кино в деревню были незначительными [25, с. 5].

Кроме того, возникла другая проблема. Из учтенных в первой половине 1928 г. более 2 тыс. киноаппаратов в деревенской киносети РСФСР работало лишь 30%. Поэтому возникла новая задача – «воскрешение замерших кинопередвижек». Бюро кинопередвижек при Центральном совете ОДСК вело переговоры с Центросоюзом о совместной работе в деревне. Деревенская кооперативная сеть могла явиться «лучшей базой для кинофикации деревни» [24, 1927, № 1, с. 18, 19].

28 февраля 1928 г. правление Центросоюза приняло постановление «О работе системы потребительской кооперации в области кинофикации деревни», где приводились данные о развитии кооперативной киносети. На террито-

рии РСФСР к 1 октября 1927 г. насчитывалось 1186 кинопередвижек, находящихся в ведении «Совкино» и других организаций, из них на долю потребкооперации приходилось около 300 передвижных киноаппаратов. На территории РСФСР кинофицировано 20% деревень, а на территории СССР – от силы 6–7%. Постоянную работу с кино вели 104 союза потребкооперации, имевшие в своем распоряжении 200 кинопередвижек. Постановление поощряло дальнейшее продолжение работы «в области кинофикации деревни» [27, 1928, № 18, с. 10].

В Москве 15–21 марта 1928 г. состоялось Всесоюзное партийное совещание по кинематографии, проходившее после XV съезда ВКП(б). Участники Всесоюзного партийного совещания отметили значение кино в деревне как «орудия пролетариата в деле переработки индивидуалистических взглядов мелкого хозяйчика, орудия втягивания широких крестьянских масс в дело социалистического переустройства советской страны, орудия втягивания этих масс в организацию крупного общественного хозяйства вместо существующего раздробленного мелкого». Соответственно, «кино в деревне должно быть использовано как одна из наиболее удобных форм воздействия на массы в качестве показом делом нового строительства в разных отраслях» [28, с. 337].

На Всесоюзном партийном совещании по кинематографии выступал представитель Центросоюза Агеев, который отметил разрыв между культурными запросами деревни и современным уровнем развития кино. Сохранялась «огромная отсталость деревни от города в пользовании культурными благами», при этом выделялись «ничтожные средства для удовлетворения этой растущей потребности (совершенно незначительное количество киноустановок, сверхпредельная изношенность фильмов, когда вместо картины на экране идет сплошной дождь, организационная неурядица)» [28, с. 337].

По словам Агеева, в деревне действовало «очень много всяких организаций, занимающихся кино, но нет ни одной, которая бы серьезно ставила эту работу». Между тем потребительская кооперация могла стать одной из главных организаций, ведущих работу в области кино в деревне. Во-первых, потому, что она представляла собой наиболее разветвленный аппарат потребительских обществ; во-вторых, потребительская кооперация обладала «сравнительно крупными культурными ресурсами в виде культфондов» для развертывания культурно-просветительной работы до 12–15 млн руб.; в-третьих, кооперация «наиболее приспособлена к проведению киноработы не только как культурного, но и как хозяйственного предприятия», могла поставить это дело лучше, чем Наркомпрос. По данным Центросоюза, в 1927/28 г. 25 % кинопередвижек в деревне принадлежало потребкооперации.

104 союза потребительских обществ вели более или менее постоянную работу с кино. В основном в союзах имелось по две-три передвижки [28, с. 338].

Заместитель заведующего отделом по работе в деревне ЦК ВКП(б) В. Н. Мещеряков поддержал предложение представителя Центросоюза о том, что «к делу кинофикации деревни надо широко привлечь кооперацию, главным образом потребительскую». В свою очередь «политпросветы должны также всячески пробуждать инициативу местных организаций в посылке ими кинопередвижек в деревню» [29, № 14, с. 17].

В резолюции Всесоюзного партийного совещания давалось указание на «распределение обязанностей и прав различных организаций и учреждений, заинтересованных в кинофикации деревни» (сельские кооперативы, профсоюзы), и «широкое привлечение общественных сил деревни и средств самого населения путем самообложения». Кооперация привлекалась «к обслуживанию потребностей кинофикации деревни как в направлении снабжения деревенского кино запасными частями, так и в отношении содействия снабжению фильмами от прокатчика-монополиста». Местные союзы потребкооперации должны были включить в сферу своей деятельности создание деревенских кинотовариществ и обществ. На практике это означало «кооперирование населения вокруг кино». Всесоюзное партийное совещание по вопросам кино поставило перед Центросоюзом и областными союзами потребкооперации «задачу по организации товариществ и обществ по линии кино» [28, с. 455, 456].

В 1920-е гг. основная задача кооперации в деревне состояла в том, чтобы «найти для крестьянина доступный путь к поднятию и развитию его хозяйства, вытеснить посредника и заменить частный рынок кооперативной системой». Культурно-просветительная работа кооперативов на селе рассматривалась как «основа кооперирования распыленных крестьянских хозяйств» на пути к социализму [30, с. 7]. Киноработа потребительской кооперации становилась частью ее общей культурно-просветительной деятельности.

Потребность в выпуске и прокате фильмов на кооперативные темы способствовала учреждению еще 8 июня 1926 г. кинобюро при Центросоюзе, оно приступило к работе 1 октября того же года. Официальное оформление кино-бюро произошло лишь 1 апреля 1928 г., которое преобразовали в кино-радио-фото-отдел при Культуправлении (Управлении культурно-просветительной работой) Центросоюза [31, с. 66, 288].

14–19 мая 1928 г. состоялось Всесоюзное организационное совещание при Центросоюзе. Следуя директивам партийного совещания по вопросам кино, кооперативное собрание согласилось с требованием привлечь кооперацию к кинофикации деревни, считать кино-работу как

органическую часть всей своей работы, используя кино для агитационно-пропагандистских и культурно-просветительных мероприятий.

С развертыванием киноработы при организационных отделах районных союзов предлагалось создавать кинобюро. В их задачи входили разработка конкретного плана разверстки киноаппаратов; вовлечение потребительских обществ в кино работу; организация маршрутов; наблюдение за нагрузкой кинопередвижек; составление программ киносеансов; правильное использование аппаратов; финансово-хозяйственные вопросы; выделение средств для снабжения обществ фильмами и аппаратами и др. Практическое проведение кино-работы на местах осуществлялось через потребительские общества. В низовой сети работники сельпо занимались подготовкой и организацией киносеансов, оповещением населения, продажей билетов [25, с. 123, 124].

12 июля 1928 г. СНК РСФСР принял постановление «Об основных директивах по составлению пятилетнего плана развития кинодела в РСФСР». СНК РСФСР признал, что система потребкооперации являлась «наиболее разветвленной общественной организацией, осуществляющей задачи хозяйственного и культурного строительства в деревне»; «одной из самых крупных организаций в деле продвижения кино в деревню» и наиболее приспособленной к проведению кинофикации деревни «с организационно-хозяйственной стороны». При нэпе потребкооперация, проявив инициативу и энергию в деле развития кино-работы в деревне, уже достигла некоторых успехов». Однако имелись районы, где одна кинопередвижка приходилась на 90 тыс. человек сельского населения, а также районы, куда «кинопередвижка еще ни разу не заезжала». Постановление от 12 июля 1928 г. СНК РСФСР указало, что «основным каналом продвижения кино в деревню должна быть потребкооперация», хозяйственная система с многомиллионными членскими массами и многотысячным кооперативным активом. Соответственно на средства потребкооперации и под ее руководством требовалось «развернуть широкую сеть деревенских киноустановок; обеспечить эту сеть достаточным фондом кинофильмов кооперативного и общего содержания» [32, № 87, ст. 571].

На основе постановления СНК РСФСР «Об основных директивах по составлению пятилетнего плана развития кинодела в РСФСР» от 12 июля 1928 г. разработан пятилетний план кинофикации деревни. По плану к концу пятилетки деревенская киносеть должна иметь не менее двух кинопередвижек на волость и трех на район. Сельскую местность будут обслуживать 12 тыс. кинопередвижек, из них – 8,5 тыс. кооперативных передвижек, и 4 тыс. стационарных киноустановок, из них – 2 тыс. кооперативных

установок. На потребкооперацию возлагалась основная часть всей сельской кино-работы (по кинопередвижкам – 75%, по стационарным установкам – 50 %) [25, с. 15, 121].

Кинематографический отдел Центросоюза предложил двухлетний план кинофикации деревни на 1929–1930-е гг. С 1 апреля 1928 г. по 1 апреля 1930 г. планировалось развернуть в деревне через систему потребкооперации 2300 кинопередвижек и 170 стационарных установок (вместо 3800 и 350 по общему плану роста де-

ревенской киносети РСФСР). Один киноаппарат приходился на 10 сельских потребительских обществ [33, № 3, с. 95]. Затем Центросоюз пересмотрел контрольные цифры роста кооперативной киносети РСФСР, хотя для кооперативных областных союзов они оставались ориентировочными и требовали уточнения [25, с. 18].

Контрольные цифры, спущенные областным и республиканским союзам потребкооперации, отличались от показателей, предложенных планом роста деревенской киносети РСФСР. Теперь

Таблица 1
План роста деревенской киносети РСФСР в 1928–1933 годы

Кинопередвижки					
Год	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Всего по РСФСР	3600	5600	8000	10300	12000
На долю потребкооперации	1600	3800	5600	7000	8500
Стационарные киноустановки					
Год	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Всего по РСФСР	950	1550	2300	3200	4000
На долю потребкооперации	100	350	1000	1600	2000

Таблица 2
Контрольные цифры кооперативной киносети РСФСР на 1929/30 год

Область / край / республика РСФСР	Кинопередвижки	Стационарные киноустановки
Северный край	168	16
Ленинградская	140	13
Западная	150	14
Московская	290	27
Иваново-Вознесенская	147	13
Нижегородская	200	25
Центральная Черноземная область	365	36
Уральская	351	26
Башкирия	85	3
Средне-Волжская	275	85
Татарская АССР	103	7
Чувашская АССР	43	-
Нижне-Волжская	430	37
Крым	60	3
Дагестан	27	2
Северный Кавказ	400	40
Казахстан	183	15
Киргизия	33	-
Сибирь	350	29
Бурят-монгольская	35	-
Якутия	14	-
Дальневосточный край	140	8
ИТОГО	3889	399

они превышали общие контрольные цифры пятилетнего плана кинофикации деревни: вместо 3800 передвижек и 350 стационарных киноустановок на 1929/30 г. требовалось привезти в сельскую местность 3889 передвижных и 399 стационарных киноаппаратов. Причем распределение между областями, краями и автономными республиками было неравномерным.

Уже через год можно было говорить о достигнутых успехах кооперации в деле кинофикации деревни. Если на 1 апреля 1928 г. было всего 300 кооперативных кинопередвижек, что составляло около 13 % к их общему количеству РСФСР, то на 1 октября 1928 г., т. е. за 7 месяцев, число кинопередвижек возросло до 700, или более чем в 2 раза. К 1 апреля 1929 г. количество кинопередвижек потребкооперации доходило до 1500, что составляло более 50% всей деревенской киносети РСФСР [27, 1929, № 21, с. 22].

Кинофикация сельской местности силами потребкооперации должна «проводиться систематически на основе хозрасчета и на основе привлечения широких масс крестьянского населения и организации вокруг этой работы всей деревенской общественности (партийных, профсоюзных, общественных организаций, учительства, комсомола и кооперативного актива)» [27, 1929, № 19, с. 27].

Расширение киносети осуществлялось путем продажи на кредит кооперативным союзам, органам народного образования и учреждениям политпросвета портативных кинопроекторов «ГОЗ» с динамо-приводами. Для деревенского и клубного проката устанавливался особо льготный тариф за прокат как игровых лент, так и кинохроники и научно-популярных фильмов, Центросоюз заключил договор с трестом «Госшвеймашина», по которому с октября 1928 г. вводились льготные условия для покупки киноаппаратов в кредит [34, с. 155].

В конце 1920-х гг. произошло прикрепление районных и областных союзов потребкооперации к определенному отделению или агентству «Совкино». К Северо-западному отделению «Совкино» относились союзы, расположенные на территории Северо-западной области и Карельской АССР (Северо-западный союз областной потребкооперации, Карело-Прионежский, Великолуцкий, Лужский, Лодейнопольский, Псковский, Череповецкий районные союзы). К Северному отделению относились союзы, расположенные на территории Архангельской, Вологодской, Ярославской и Костромской и Иваново-Вознесенской губерний, в том числе Вологодский союз и Архангельский губсоюз. Вятское агентство обслуживало союзы, расположенные на территории Вятского и Северо-Восточного районов, в том числе Вятский, Северо-Двинский, Котласский, Верхне-Вохомский, Югский районные союзы потребительской кооперации [27, 1929, № 2, с. 28, 35–36].

В зависимости от экономического благосостояния тех или иных районов вся территория РСФСР была поделена на зоны кинопроката. К первой зоне относились центральные промышленные и земледельческие районы. В этой зоне платили 8 руб. в день за прокат; вторая зона, менее обеспеченная, платила за прокат кинопрограммы 5 руб. в день. Для третьей зоны, в состав которой входили национальные меньшинства и автономные республики, тариф был понижен до 4 руб. Программа, составленная из короткометражных фильмов, оплачивалась в размере 50% тарифа [23, 1928, № 9, с. 28].

Предварительные итоги подвело III Всесоюзное культурное совещание по вопросу о киноработе потребительской кооперации (15–21 июля 1929 г.). Истекший 1928/29 год в области кинофикации деревни дал неплохие результаты. В сельскую местность направлено 1569 кинопередвижек (137% плана) и 27 стационарных киноустановки (35% плана), выпущено 9 названий лент кооперативного содержания. Участие кооперации в кинофикации деревни являлось ее вкладом в культурную революцию и «дело борьбы с деревенской темнотой, пьянством, религиозным дурманом и экономической отсталостью» [25, с. 115, 119]. На 1 октября 1929 г. в РСФСР насчитывалось 1809 кинопередвижек и 50 стационарных установок. В 1929/30 г. количество киноаппаратов планировали довести до 3800 и 350 соответственно. При этом с мест поступили заявки на 4184 кинопередвижки и 402 стационарные киноустановки, что превышало контрольные цифры [23, д. 11/125, л. 98].

В период с 25 июля по 4 августа 1930 г. проходило I Всесоюзное совещание работников кооперации по кинофикации деревни, созванное Центросоюзом СССР и РСФСР. В резолюции I Всесоюзного кино-совещания при Центросоюзе говорилось о том, что «потребительская кооперация должна рассматривать кино-работу как органическую часть всей деятельности по культурно-бытовому обслуживанию широких масс деревни» и «как мощное средство коммунистической агитации пропаганды» [27, 1930, № 32–33, с. 831].

В кинофикации деревни потребкооперация, «тесно связанная с батрацко-бедняцкими и середняцкими массами села и всесторонне обслуживающая хозяйственные и культурные нужды этих масс», сумела обеспечить кинообслуживание населения и достичь существенных результатов. На 4 октября 1930 г. в кооперативной киносети действовало около 7 тыс. кинопередвижек и 900 стационарных киноустановок, что обусловлено главными преимуществами кооперации. Наличие разветвленной низовой сети и «опора на широкую кооперативную общественность» создали предпосылки для успешной кино-работы потребкооперации как основного канала для продвижения кино в деревню.

Однако некоторые союзы выразили стремление передать киноработу в деревне другим организациям, не имевшим для этого необходимой базы. У отдельных кооперативных союзов отсутствовала «четкая классовая линия», что нашло отражение «в недостаточном внимании к обслуживанию социалистического сектора в деревне, политической недооценке роли кино в социалистическом строительстве, слабой политико-воспитательной работе вокруг кино», что сводило кино только к развлечению» [27, 1930, № 32-33, с. 831].

При осуществлении плана кинофикации сельской местности окружные и областные союзы потребкооперации столкнулись с непредвиденными трудностями. Оказалось, что различные ведомства и кинопрокатные организации, в том числе монополист проката «Совкино», увидели в кооперации конкурента и «отнеслись в самом начале к выступлению потребительской кооперации как кинофикатора деревни далеко неблагоприятно» [25, с. 12]. Среди прочих недостатков кооперативной работы по кинофикации деревни выделялись такие, как: кустарная работа кинопередвижек из-за отсутствия необходимой материальной базы, неподготовленность аппарата Центросоюза к специфической киноработе, нехватка или полное отсутствие кинемехаников в кооперативных союзах.

Полностью устранить имевшиеся недостатки в работе по кинофикации деревни в системе Центросоюза не удалось, так как 12 мая 1931 г. принято постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О потребительской кооперации». Постановление предусматривало разгрузку потребкооперации от несвойственных ей функций, в частности, передачу культурного обслуживания другим ведомствам, но «с сохранением соответствующего отчисления кооперации на культурное обслуживание своих пайщиков». Кооперативная киносеть, стационарные киноаппараты и деревенские кинопередвижки передавались из Центросоюза в ведение «Союзкино» [35, № 29, ст. 224]. В результате по решению ЦК ВКП (б) и СНК СССР деятельность потребкооперации в области кинофикации деревни оказалась свернутой, а кинооборудование, приобретенное за счет отчислений пайщиков и культфондов потребительских обществ и союзов, передавалось государственному ведомству кинематографии.

Заключение

Таким образом, в 1920-е гг. кооперативные объединения сыграли определенную роль в развитии отечественного кинематографа. Областные и районные союзы кооперации установили сотрудничество с предприятиями и киностудиями Госкино, «Совкино», «Пролеткино», «Межрабпом-Русь» / «Межрабпомфлм». Они пользовались услугами агентств и отделений «Совкино», получая там киноленты для дере-

венского и городского проката. Для «организации кинематографического дела в России на наиболее рациональных, кооперативно-общественных началах» правление Центросоюза подготовило проект о создании Всероссийского кооперативного акционерного общества кинематографии. В товарищество, основанное на смешанных кооперативных и акционерных началах, предполагалось включить центральные союзы потребительской, сельскохозяйственной, промысловой и лесной кооперации (Центросоюз, Сельскосоюз, Всекопромсоюз, Всеколес); специальные союзы (Союзкартофель, Лыноцентр); Транспосекцию, Кооперативное издательство, военную кооперацию, Всекобанк, Коопвнторг.

Поскольку в Наркомпросе данный проект никто не поддержал, правление Центросоюза решило вступить в уже существовавшее общество «Пролеткино». Оно могло снабжать союзы потребкооперации кинопередвижками для обслуживания деревни и развертывания кооперативной киносети на периферии. На I Всесоюзном совещании по киноделу (1924) говорилось о привлечении кооперации «к делу широкого распространения советского кино». Намереваясь принять активное участие в развитии кинематографа, Центросоюз вступил в Общество друзей советского кино.

С выдвиганием лозунга «Лицом к деревне!» оказалось, что сельская местность осталась вне сферы обслуживания кинопрокатными организациями, так как Госкино, «Совкино» и «Пролеткино» обеспечивали прокат фильмов только в городах. В 1926 г. для кинофикации деревни Художественный совет по делам кино при Главполитпросвете предложил создать общество «Сельское кино». «Селькино» должно было аккумулировать средства крестьянского населения для приобретения киноаппаратов и проката фильмов. Учредителями «Селькино» являлись различные государственные учреждения и ведомства, центральные кооперативные союзы (Центросоюз, Сельскосоюз, Плодовинсоюз, Лыноцентр, Всеколес). Идею создания «Селькино» поддержали региональные союзы кооперации, Дома крестьянина, уездные земельные управления и другие организации. На местах получили распространение кооперативные формы кинообслуживания населения. Однако в силу разных причин, в первую очередь финансовых и организационных, «Селькино» не выполнило возложенную на него задачу кинофикации деревни.

В 1928 г. после Всесоюзного партийного совещания по кинематографии киноработа в сельской местности передана потребкооперации. Кооперативная система обладала необходимыми денежными ресурсами, была более приспособленной к «продвижению кино в деревню» и с культурной, и с хозяйственной точки зрения. Показатели развития кооперативной киносети

вошли в пятилетний план кинофикации деревни. Потребкооперация добилась значимых успехов в приобретении киноаппаратов для сельской местности. К 1 апреля 1929 г. количество кооперативных кинопередвижек составляло более 50% всей деревенской киносети РСФСР. В дальнейшем количество стационарных и передвижных киноустановок только увеличивалось, но с принятием постановления ЦК ВКП (б)

и СНК СССР «О потребительской кооперации» (1931) участие потребкооперации в кинофикации деревни прекратилось, а приобретенное на средства пайщиков оборудование перешло к государству. В целом, отмечая положительную социокультурную динамику развертывания кооперативной киносети в сельской местности в 1920-е гг., можно сказать о большом вкладе потребкооперации в кинофикацию деревни.

Литература и источники

1. Беленький И. В. История кино. Киносъемки, кинопромышленность, киноискусство. М.: Альпина Паблишер, 2019. 402 с.
2. История отечественного кино / отв. ред. Л. М. Будяк. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 523 с.
3. Зоркая Н. М. История советского кино. СПб: Алетейя, 2005. 544 с.
4. Русина Ю. А. История советского кино. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. 104 с.
5. Анискин М. А. Становление советской системы кинопроизводства (1920–1930-е гг.) // Власть. 2016. № 10. С. 154–159.
6. Рябчикова Н. С. «Пролеткино»: от «Госкино» до «Совкино» // Киноведческие записки. 2010. № 94/95. С. 90–108.
7. Лебедева В. Г. Судьбы массовой культуры в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 354 с.
8. Жданкова Е. А. Частные кинотеатры в годы НЭПА как «свободное» культурное пространство // Время, вперед! Культурная политика в СССР: Сборник статей. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С. 210–232.
9. Полянская Л. Ю. Влияние радио- и кинофикации деревни на социокультурный облик крестьянства Среднего Поволжья (1921–1929 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). С. 130–132.
10. Горбачев О. В. Кино для деревни: советский художественный кинематограф и крестьянский зритель в 1920-е – начале 1950-х гг. // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. Выпуск 17. С. 230–244.
11. Дианова Е. В. Кино для деревни: репертуар сельских кинопередвижек 1920-х гг. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XII Всероссийской научной конференции с международным участием. Выпуск 12. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 129–133;
12. Мазур Л. Н. «Деревенское» кино как исторический источник: опыт количественного анализа // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 344–355.
13. Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа: монография. М.: РОССПЭН, 2022. 350 с.
14. Федюк А. В. Деревенский и клубный кинопрокат в СССР в условиях новой экономической политики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, выпуск 1. С. 147–154.
15. Кулачков В. В., Конова В. И. Радиовещание и кинематограф в сельской местности 1920-х гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) // История: факты и символы. 2021. № 1 (26). С. 31–38.
16. Гончаренко О. Н. Становление кинофикации в Тюменском крае в 1919–1939 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (86). С. 63–66.
17. Дианова Е. В. Кино в культурно-просветительной работе северной кооперации // Клио. 2016. № 7 (115). С. 153–162.
18. Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: Документы / Сборник. М.: РОССПЭН; РГАЛИ, 2016. 605 с.
19. Максименков Л. В. Введение // Кремлевский кинотеатр, 1928–1953: документы. М.: РОССПЭН, 2005. С. 7–78.
20. Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-509. Оп. 17.
21. Советское кино перед лицом общественности: сборник дискуссионных статей. М.: Теакинопечать, 1928. 173 с.
22. Кино. Еженедельная газета. М., 1925–1926.
23. Изба-читальня: издание Главполитпросвета и ЦК ВЛКСМ. М., 1926–1928.
24. Советское кино: орган художественного отдела Главполитпросвета. М., 1926–1927.
25. Каринцев Н. А. Киноработа потребительской кооперации в деревне. Руководство для инструкторов-культурников, киноинструкторов и киномехаников. М.: Центросоюз, 1930. 151 с.
26. Трайнин И. П. Кино на культурном фронте. М.: Теакинопечать, 1928. 106 с.
27. Информационный бюллетень Центросоюза СССР и РСФСР. М., 1928–1930.
28. Пути кино. Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии. М.: Теакинопечать, 1929. 465 с.
29. Жизнь искусства: журнал Ленинградского губернского политпросвета. Л., 1928.
30. Паперный С. Л. Кооперативное просвещение в деревне. М.: Центросоюз, 1929. 175 с.
31. Кино-справочник на 1929 год. М.; Л.: Теакинопечать, 1929. 491 с.
32. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. М., 1928.
33. Союз потребителей: кооперативный и общественно-экономический журнал. М., 1929.
34. Лебедев Н. А. Очерк истории кино СССР: немое кино (1918–1934). М.: Искусство, 1965. 582 с.
35. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. М., 1931.

References

1. Belenky I. V. *Istoriya kino. Kinos`emki, kinopromy`shlennost`, kinoiskusstvo* [History of cinema. Filming, film industry, film art]. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 402 p.
2. *Istoriya otechestvennogo kino* [History of national cinema]. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2005. 523 p.
3. Zorkaya N. M. *Istoriya sovetskogo kino* [The history of Soviet cinema]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2005. 544 p.
4. Rusina Yu. A. *Istoriya sovetskogo kino* [History of Soviet cinema]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University Publ., 2019. 104 p.

5. Aniskin M. A. *Stanovlenie sovetskoj sistemy` kinoproizvodstva (1920–1930-e gg.)* [Formation of the Soviet system of film production (1920–1930s)]. *Vlast` [Power]*. 2016. No. 10. Pp. 154–159.
6. Ryabchikova N. S. «Proletkino»: ot «Goskino» do «Sovkino» [“Proletkino”: from “Goskino” to “Sovkino”]. *Kinovedcheskie zapiski [Film Studies Notes]*. 2010. No. 94/95. Pp. 90–108.
7. Lebedeva V. G. *Sud`by` massovoj kul`tury` v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret` XX veka* [The fate of mass culture in Russia. The second half of the 19th - the first third of the 20th century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2007. 354 p.
8. Zhdankova E. A. *Chastny`e kinoteatry` v gody` NE`PA kak «svobodnoe» kul`turnoe prostranstvo* [Private cinemas during the years of the New Economic Policy as a “free” cultural space]. *Vremya, vpered! Kul`turnaya politika v SSSR: Sbornik statej* [Time, forward! Cultural policy in the USSR: Collection of articles]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House Publ., 2013. Pp. 210–232.
9. Polyanskova L. Yu. *Vliyanie radio- i kinofikacii derevni na sociokul`turny`j oblik krest`yanstva Srednego Povolzh`ya (1921–1929 gg.)* [Influence of radio and cinematography of the village on the socio-cultural image of the peasantry of the Middle Volga region (1921–1929)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvedenie. Voprosy` teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Tambov: Diploma, 2010. No. 1(5). Pp. 130–132.
10. Gorbachev O. V. *Kino dlya derevni: sovetskij xudozhestvenny`j kinematograf i krest`yanskij zritel` v 1920-e – nachale 1950-x gg.* [Cinema for the village: Soviet art cinema and the peasant audience in the 1920s - early 1950s.] *Dokument. Arxiv. Istorija. Sovremennost` : sbornik nauchny`x trudov* [Document. Archive. Story. Modernity: a collection of scientific papers]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2017. Issue. 17. Pp. 230–244.
11. Dianova E. V. *Kino dlya derevni: repertuar sel`skix kinoperedvizhek 1920-x gg.* [Cinema for the village: the repertoire of rural cinemas in the 1920s.] *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: materialy` XII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem* [The capital and the provinces: the relationship between the center and regions in the history of Russia: materials of the XII All-Russian scientific conference with international participation]. Issue 12. St. Petersburg: Leningrad State University. A. S. Pushkina, 2021. Pp. 129–133;
12. Mazur L. N. «Derevenskoe» kino kak istoricheskij istochnik: opy`t kolichestvennogo analiza [«Rural» cinema as a historical source: the experience of quantitative analysis]. *Aktual`ny`e problemy` agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy`: istochniki i metody` issledovaniya* [Actual problems of agrarian history of Eastern Europe: sources and research methods]. 2011. No. 1. Pp. 344–355.
13. Mazur L. N., Gorbachev O. V. *Sovetskie fil`my` o derevne: opy`t istoricheskoy interpretacii xudozhestvennogo obraza: monografiya* [Soviet films about the village: an experience of historical interpretation of the artistic image: monograph]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2022. 350 p.
14. Fedyuk A. V. *Derevenskij i klubny`j kinoprokat v SSSR v usloviyax novoj e`konomicheskoj politiki* [Rural and club film distribution in the USSR under the new economic policy]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2008. V. 7, issue 1. Pp. 147–154.
15. Kulachkov V. V., Konova V. I. *Radioveshhanie i kinematograf v sel`skoj mestnosti 1920-x gg. (na materialax Bryanskoj, Smolenskoj i Gomel`skoj gubernij)* [Broadcasting and cinematography in rural areas in the 1920s. (on the materials of the Bryansk, Smolensk and Gomel provinces)]. *Istorija: fakty` i simvolny`* [History: facts and symbols]. 2021. № 1 (26). Pp. 31–38.
16. Goncharenko O. N. *Stanovlenie kinofikacii v Tyumenskom krae v 1919–1939 gg.* [Formation of cinematography in the Tyumen region in 1919–1939]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvedenie. Voprosy` teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. 2017. No. 12-1 (86). Pp. 63–66.
17. Dianova E. V. *Kino v kul`turno-prosvetitel`noj rabote severnoj kooperacii* [Cinema in the cultural and educational work of northern cooperation] *Klio [Clio]*. 2016. No. 7 (115). Pp. 153–162.
18. *Kino: organizaciya upravleniya i vlast`. 1917–1938 gg.: Dokumenty` / Sbornik* [Cinema: organization of management and power. 1917–1938: Documents / Collection]. Moscow: ROSSPEN; RGALI Publ., 2016. 605 p.
19. Maksimenkov L. V. *Vvedenie [Introduction]. Kremlevskij kinoteatr, 1928–1953 : dokumenty* [Kremlin cinema, 1928–1953: documents]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. Pp. 7–78.
20. *Nacional`ny`j arxiv Respubliki Kareliya* [National archive of the Republic of Karelia]. Fund R-509. Inv. 17.
21. *Sovetskoe kino pered liczom obshhestvennosti: sbornik diskussionny`x statej* [Soviet cinema in the face of the public: a collection of discussion articles]. Moscow: Teakinopechat Publ., 1928. 173 p.
22. *Kino. Ezhenedel`naya gazeta* [Cinema. Weekly newspaper]. Moscow, 1925–1926.
23. *Izba-chital`nya: izdanie Glavpolitprosveta i CzK VLKSM* [Izba-reading room: the publication of the Glavpolitprosveta and the Central Committee of the Komsomol]. Moscow, 1926–1928.
24. *Sovetskoe kino: organ xudozhestvennogo otdela Glavpolitprosveta* [Soviet cinema: organ of the art department of the Glavpolitprosveta]. Moscow, 1926–1927.
25. Karintsev N. A. *Kinorabota potrebitel`skoj kooperacii v derevne. Rukovodstvo dlya instruktorov-kul`turnikov, kinoinstruktorov i kinomexanikov* [Film work of consumer cooperation in the countryside. Guide for cultural instructors, film instructors and projectionists]. Moscow: Tsentrosoyuz Publ., 1930. 151 p.
26. Trainin I. P. *Kino na kul`turnom fronte* [Cinema on the cultural front]. Moscow: Teakinopechat Publ., 1928. 106 p.
27. *Informacionny`j byulleten` Centrosoyuza SSSR i RSFSR* [Information Bulletin of the Central Union of the USSR and the RSFSR]. Moscow, 1928–1930.
28. *Puti kino. Pervoe Vsesoyuznoe partijnoe soveshhanie po kinematografii* [Ways of cinema. First All-Union Party Conference on Cinematography]. Moscow: Teakinopechat, 1929. 465 p.
29. *Zhizn` iskusstva: zhurnal Leningradskogo gubernskogo politprosveta* [Life of Art: Journal of the Leningrad Provincial Political Education]. Leningrad, 1928.
30. Paperny S. L. *Kooperativnoe prosveshhenie v derevne* [Cooperative education in the village]. Moscow: Tsentrosoyuz Publ., 1929. 175 p.
31. *Kino-spravochnik na 1929 god* [Cinema guide for 1929]. Moscow; Leningrad: Teakinopechat Publ., 1929. 491 p.
32. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Raboche-krest`yanskogo Pravitel`stva RSFSR* [Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR]. Moscow, 1928.
33. *Soyuz potrebitelej: kooperativny`j i obshhestvenno-e`konomicheskij zhurnal* [Union of consumers: cooperative and socio-economic journal]. Moscow, 1929.
34. Lebedev N. A. *Ocherk istorii kino SSSR: nemoe kino (1918–1934)* [Essay on the history of cinema of the USSR: silent cinema (1918–1934)]. Moscow: Art, 1965. 582 p.
35. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-krest`yanskogo Pravitel`stva SSSR* [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR]. Moscow, 1931.

УДК 94(470.75) «1921–1924»

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_137

Дата поступления (Submitted) 11.06.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 29.07.2023

Политические настроения беднейшего крестьянства Юга России в условиях становления новой экономической политики

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРАНОВ

доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры политологии и политического управления, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 237, e-mail: baranovandrew@mail.ru

АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ИШИН

доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», профессор кафедры истории России Института «Таврическая академия» (структурное подразделение), Россия, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4, e-mail: a.ischin@yandex.com

Аннотация. Актуальность темы в том, что исследование политических настроений беднейшего слоя крестьянства Юга России при переходе от политики военного коммунизма к НЭПу важно для понимания трансформаций взаимоотношений власти и различных слоёв крестьянства в многоукладном обществе 1920-х гг. Цель статьи – определить факторы и проявления политических настроений беднейшего слоя крестьянства Юга России в период становления НЭПа (весна 1921–1924 гг.). Методология исследования включает в себя структурно-функциональный и сравнительно-исторический анализ. Авторы исследовали статистику социальной и этнической структуры южнороссийского крестьянства, нормативно-правовые акты, документы региональных партийных организаций РКП(б), информационные сводки и обзоры органов ВЧК–ОГПУ. В итоге исследования сделаны выводы. Процессы социальной дифференциации в итоге политики военного коммунизма привели к обеднению всех слоёв южнороссийского крестьянства. Беднейший слой земледельцев состоял в русских областях из «иногородних», а в автономных областях – из низкостатусных сословий традиционного общества. Сохранялось переплетение классовых, сословных и этнических факторов стратификации. Беднейшее крестьянство поддерживало Советскую власть из прагматических мотивов, будучи заинтересовано в радикальном переделе земли, ликвидации привилегий казачества и закреплении общинного землевладения. Поэтому интересы партийно-государственных органов власти и бедняков совпадали не всегда. Становление НЭПа (весна 1921 – 1924 гг.) привело к постепенному расширению социальной базы власти, создало возможности гражданского примирения. В то же время, ряд категорий бедняков (красные партизаны, ветераны Гражданской войны) проявляли неприятие НЭПа.

Ключевые слова: крестьянство, беднейший слой, Юг России, политические настроения, факторы, новая экономическая политика, становление.

Political moods of the poorest peasantry of the South of Russia in the context of the formation of a new economic policy

ANDREY VLADIMIROVICH BARANOV

Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Kuban State University, Professor of the Department of Political Science and Political Management, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya str., 149, room 237, e-mail: baranovandrew@mail.ru

ANDREY VYACHESLAVOVICH ISHIN

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Professor of the Department

*of Russian History of the Institute "Taurida Academy" (structural unit),
Russia, Simferopol, ave. Academician Vernadsky, 4,
e-mail: a.ischin@yandex.com*

Abstract. The relevance of the topic is that the study of the political moods of the poorest stratum of the peasantry of Southern Russia during the transition from the policy of war communism to the NEP is important for understanding the transformations of the relationship between the authorities and various strata of the peasantry in the multicultural society of the 1920s. The purpose of the article is to determine the factors and manifestations of the political moods of the poorest stratum of the peasantry of Southern Russia during the formation of the NEP (spring 1921–1924). The methodology of the study includes structural-functional and comparative-historical analysis. The authors studied the statistics of the social and ethnic structure of the South Russian peasantry, normative legal acts, documents of regional party organizations of the RCP(b), information reports and reviews of the organs of the Cheka–OGPU. As a result of the study, conclusions are drawn. The processes of social differentiation as a result of the policy of war communism led to the impoverishment of all strata of the Southern Russian peasantry. The poorest stratum of farmers consisted of "nonresidents" in the Russian regions, and in the autonomous regions – of low-status estates of traditional society. The interweaving of class, class and ethnic stratification factors persisted. The poorest peasantry supported the Soviet government out of pragmatic motives, being interested in a radical redistribution of land, the elimination of the privileges of the Cossacks and the consolidation of communal land ownership. Therefore, the interests of the party-state authorities and the poor did not always coincide. The formation of the NEP (spring 1921–1924) led to a gradual expansion of the social base of the government, created opportunities for civil reconciliation. At the same time, a number of categories of the poor (Red partisans, Civil War veterans) showed rejection of the NEP.

Keywords: peasantry, the poorest stratum, the South of Russia, political sentiments, factors, new economic policy, formation.

Актуальность научной проблемы в том, что политические настроения социальных групп выступают чутким барометром политических процессов, являются фактором становления политических систем. Исследование политических настроений беднейшего слоя крестьянства Юга России в условиях перехода от политики военного коммунизма к НЭПу актуально для понимания трансформаций взаимоотношений власти и различных слоёв крестьянства в многоукладном обществе 1920-х гг.

Цель работы – определить факторы и проявления политических настроений беднейшего слоя крестьянства Юга России в период становления НЭПа (весна 1921 – осень 1924 гг.).

Географические рамки статьи – территория Северо-Кавказского края, включая его автономные области, а также Крымской АССР.

Историография проблемы такова. Исходя из критериев идеологической направленности и полноты источниковой базы, можно выделить основные этапы развития исследований.

Первый этап (1920-е – середина 1950-х гг.) характерен тем, что современники и участники событий – сотрудники статистических ведомств, партийных и советских органов (А.А. Пономарёв [1], И.М. Гольдентул [2], Г.И. Ладоха [3], Н.Л. Янчевский [4]) создали первые обзорные работы о расслоении крестьянства и его политических настроениях. Позиция беднейшего крестьянства расценивалась упрощённо-позитивно. Наиболее активно такие работы издавались на Дону и Кубани. Показателен и научный сборник, посвященный десятилетию «советизации» Крыма [5]. Его авторы дали обзор положения крымско-

го крестьянства, уделив внимание борьбе с повстанческими выступлениями и национальной политике. В 1930-х – начале 1950-х гг. изучение темы почти полностью прекратилось, оценки настроений крестьянства делались на основе узкого круга источников.

Второй этап (1956 – середина 1980-х гг.) характерен попытками советских историков расширить источниковую основу исследований и круг аспектов темы, сохраняя неизменной идеологическую направленность выводов. Внимание стало уделяться «политическому бандитизму» начала 1920-х гг., сложным вопросам земельной и налоговой политики, взаимоотношениям «иностранцев» крестьян и казаков. Проявился интерес к вопросам общественного мнения и психологии крестьянства. Таковы работы В.П. Данилова [6] и Ю.А. Полякова [7] на общероссийском материале, М.И. Овчинниковой [8], П.Г. Чернопицкого [9], Н.Г. Цыганаша [10], Я.А. Перехова [11] – на примере южнороссийского крестьянства.

Третий этап развития историографии начинается в 1988 г. и продолжается по сей день; он выделен по критерию методологического и идейного плюрализма. Качественно расширилась источниковая основа исследований, были освоены концепции социальной истории и крестьяноведения, исторической психологии. На материалах Юга России историю крестьянства и его политических настроений анализировали Я.А. Перехов [12], С.А. Кислицын [13], А.В. Баранов [14], А.П. Скорик [15], С.А. Хубулова [16] и мн. др. Среди историков, внесших важный вклад в изучение политических настроений крымского кре-

стьянства, отметим А.Г. и В.Г. Зарубиных [17], Н.Е. Дементьева и К.Ю. Коновалова [18], Е.А. Горюнову [19], А.В. Ишина [20]. Политические настроения крестьянства Юга России анализируются в монографиях В.В. Касьянова, А.В. Баранова, А.В. Ишина и А.Ю. Рожкова [21; 22].

Но особенности положения и политических настроений беднейшего крестьянства Юга РСФСР в 1921–1924 гг. исследованы недостаточно. Мало внимания уделяется факторам позиций беднейших крестьян в политических процессах данного периода истории.

Методология исследования включает в себя структурно-функциональный и сравнительно-исторический анализ, что позволяет определить факторы социального статуса и политических настроений беднейшего крестьянства, установить сходства и различия его позиций в политических процессах на протяжении 1921–1924 гг. в различных регионах Юга России.

Авторы исследовали статистику социальной и этнической структуры южнороссийского крестьянства (на основе текущих обследований и переписей населения), нормативно-правовые акты, документы региональных партийных организаций РКП(б), информационные сводки и обзоры органов ВЧК–ОГПУ.

Всеобщая перепись 1926 г. зафиксировала население Северо-Кавказского края 8 363,5 тыс. чел., включая 19,8% горожан. В числе сельских жителей 95% назвали земледелие основным источником дохода. Крестьянство как класс составило около 80% населения [23, т. 5, с. 46–50]. Бедняцкими можно считать для 1922–1927 гг. хозяйства на Юге РСФСР без инвентаря и с посевом менее 4 дес. земли, с 1 коровой и 1 лошастью. Их работники были вынуждены наниматься в чужие хозяйства. Размеры хозяйств значительно колебались в пределах округов и районов. Стоимость основных средств производства основных слоёв в 1925–1926 гг. распределялась так: бедняков – до 400 р., середняков – от 400 до 1600 р. и зажиточных – свыше 1600 р. [24, л. 3].

Южнороссийское крестьянство 1920-х гг. оставалось единым классом с общностью образа жизни и самосознания. Выделявшиеся в ходе расслоения группы сельскохозяйственных рабочих и предпринимателей были связаны с основной массой крестьян через ряд переходных слоёв. Ведущая тенденция дифференциации в 1920–1927 гг. – рост удельного веса середняков. Вследствие уравнительного передела земли и раскулачивания середняк стал главным действующим лицом деревни. Но по производственному потенциалу он приближался к дореволюционной бедняцкой группе, как доказала В.Б. Жиромская [25, с. 27–96]. Архаизация хозяйства, сильнейшие удары по зажиточному слою вызвали укрепление общины. В её пользовании к началу 1927 г. находилось 94,4% угодий на Юге России [26, с. 120–121].

Тенденции расслоения крестьянства Юга России и всего СССР сходны. Удельный вес батраков и бедноты в крестьянстве края уменьшился за 1923–1927 гг. с 50,6 до 39,9%; середняков – вырос с 46,7 до 55,0%; кулаков – с 2,7 до 6,1% (по выборочным расчетам на основе ряда признаков) [27]. Социальные прослойки бедноты, это, во-первых, вдовы, сироты, инвалиды, часть беженцев. Во-вторых, безынвентарные и беспосевные семьи, жившие за счет продажи рабочей силы. В-третьих, временно обедневшие. Четкие грани между ними провести трудно. В 1920 г. на Юге России было 24% хозяйств без посевов [28, с. 308–310], 67% из них занимались промыслами, 60,8% уходивших на промыслы становились наемными работниками, в том числе половина из них – вне сельского хозяйства [28, с. 325]. Промыслами занимались 12,4% в группе хозяйств с посевом 0,1–4,0 дес.; 41,5% семей этого слоя не имели скота; 32,3% не имели коров; 68,9% – инвентаря [28, с. 324, 325, 293, 294, 297, 326]. Итак, преобладающей тенденцией мобильности беднейшей группы крестьянства была её пролетаризация.

Специфика крестьянства на Юге России определялась под сильнейшим воздействием сословности, деления на казачество и «иногогородных» как системообразующие группы сообщества. Донское, Кубанское и Терское казачьи войска в 1914 г. насчитывали 3 117 тыс. чел. (33% населения края без Черноморской губернии). Лица невойскового сословия до революции подразделялись на три группы. Первая (коренные крестьяне) жила на государственных землях или приобретала участки на правах собственности за пределами казачьих станиц. По зажиточности и политическим взглядам коренные крестьяне близки казакам. Вторая группа (иногогородные, имеющие осёдлость) имела право приобретать в собственность усадьбы, потомственно пользоваться землей и платила за это казачьим общинам. Третью группу составляли иногородные квартиранты – арендаторы войсковых и частных земель, самые маломощные и бесправные. Вторую и третью группы, близкие по политическим позициям, объединялись под названием «иногогородных». В сумме они дают 2 760 тыс. чел., т.е. 29,2% жителей Юга России (1914 г.) [29, с. 32]. Количество «иногогородных», прежде всего – бедняцкого и батрацкого слоёв, быстро росла вследствие миграции из других регионов России.

Поскольку в первой половине 1920-х гг. сословная принадлежность не учитывалась, сравнить социальное расслоение казаков и «иногогородных» можно по Всесоюзной переписи 1926 г. Трудовые хозяйства составляли подавляющее большинство всех сословных групп, в том числе самых зажиточных – казаков. Итог дала многофакторная группировка хозяйств в работе Л.И. Лакизо: 17,4% бедняцких и батрацких, 77,3%

средняцких и 5,3% кулацких семей среди казачества. Состав «иностранцев» и коренных крестьян выглядит так: 48,29% бедняков и батраков; 46,41% середняков; 5,3% кулаков [30, с. 60–61; 31, с. 57, 202–203, 224–225]. Такую оценку мы считаем наиболее обоснованной.

Сходные пропорции социальных слоёв отмечались в Крымской АССР и автономных областях Северо-Кавказского края. Специфика данных регионов была в переплетении имущественных и этнических признаков стратификации.

Так, в Крыму наибольшие размеры землепользования на душу населения имели немцы, болгары, греки, а наименьшие – часть крымских татар, жившая на Южном побережье [32, с. 92]. По причине голода и засухи 60,1% крестьянских хозяйств Крыма остались без скота, приблизительно столько же – без сельхозинвентаря, 28,8% без посева, а 29,2% смогли засеять в 1922 г. только по 1 десятине [33, с. 12].

В автономиях Северного Кавказа бедняцкая часть земледельцев была наиболее многочисленной среди горцев, а зажиточная – среди казачества на равнине. По расчётам А.Х. Даудова и Д.И. Месхидзе со ссылкой на газету «Горская беднота», в 1920 г. на ингуша приходилось 0,2 дес., на чеченца – 0,4 дес., а на казака Сунженской линии – 4,8 дес. земли [34, с. 100–101]. Уравнительный передел земли мог проводиться только путём понижения статуса одних этносоциальных групп населения за счёт других.

Объективные экономические трудности послевоенного времени (голод, эпидемии, жёсткий дефицит посевных материалов и фуража) были значительно усугублены методами управления. Продразвёрстка, установленная для Юга России (без Крыма) весной 1920 г. в размерах 30 млн пуд., осенью была увеличена до непосильных 120 млн пуд. [35]. Выполнение продразвёрстки на Юге России составило с 1 октября 1920 по 30 сентября 1921 г. 57,932 млн пуд. зерна из 120,0 плановых [36, с. 428–430].

Политика военного коммунизма предусматривала национализацию не только помещичьих и церковных, но и зажиточных крестьянских хозяйств. Это провоцировало широкое недовольство. ВЦИК и СНК РСФСР 18 ноября 1920 г. приняли декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях». Данный акт сохранил землепользование казачьих трудовых хозяйств в размерах обслуживания собственными силами (без наёмного труда), запретив куплю-продажу и аренду участков. Предложения части партработников немедленно перераспределить наделы казаков в пользу «иностранцев», чтобы создать совхозы на конфискованных участках были отвергнуты. Тем самым задача достичь уравнительного землепользования откладывалась. К 1923 г. средний душевой надел составлял в Донской области 3,74 дес. у казаков и 1,0 – у крестьян; в Куба-

но-Черноморской области – 3,25 и 1,19 дес.; в Терской губернии – 7,39 и 4,36 дес. [37, с. 11]. П.Г. Чернопицкий рассчитал количество земли, перешедшей во владение горцев (1145,4 тыс. дес.) [9, с. 28]. Итак, земельный конфликт между казаками, «иностранцами» и горцами усугублял последствия уравнительной реформы.

Огромной ошибкой стала передача 1134 конфискованных помещичьих имений Крыма в государственный фонд и создание на их основе совхозов. Большая часть совхозной земли весной 1921 г. пребывала необработанной. При том, что совхозам передали до 1 млн десятин земли, 40% крестьян Крыма оставались безземельными [38, с. 163–167].

Тяжелейшим образом на положении крестьян сказывались запрет частной торговли и свёртывание денежного обращения. Органы власти в конце 1920–1921 гг. часто проводили кампании по «изъятию излишков», в ходе которых конфисковывали имущество даже бедняков. Положение усугубляло злоупотребления и произвол. Так, при продразвёрстке происходили «бесчисленные злоупотребления должностных лиц, хищения и аферы продагентов» [39, с. 13]. «Отдельные красноармейские отряды занимались грабежами, и никто их... не мог остановить» [40, с. 87].

На конфликтность политики указывала одна из её задач, озвученная в марте 1921 г. на первой Симферопольской уездной конференции РКП(б) М. Султан-Галиевым: «углубление классово-дифференциации и классового расслоения среди городского населения и крестьянства нацменьшинств окраин» [цит. по: 41, с. 35].

Враждебность значительной части крестьян к политике власти вылилась в повстанческое движение, которое документы партийных и советских органов именовали «политическим бандитизмом» или «движением “бело-зеленых”». Движение формировалось с весны 1920 г. из недовольных политикой Советской власти бывших военнослужащих армии П.Н. Врангеля, казаков и крестьян. Нередко к ним присоединялись уголовники. Зачастую отряды возглавлялись белыми офицерами. На Дону, Кубани и Тереке движение имело направленность казачьего «самостийничества», а в автономиях Северного Кавказа оно развивалось в русле требований шариатского правления и газавата против коммунистов. Сословные и этнорелигиозные требования зачастую объединяли различные имущественные слои земледельцев.

Обозначим тенденции, характерные для «бело-зеленых». Во-первых, – широкая опора повстанцев на сельское население. Поддержка проявлялась в участии земледельцев в антибольшевистском вооружённом движении. Наряду с тяжёлой экономической ситуацией и мерами военного коммунизма, росту мятежей способствовала умелая агитация повстанче-

ских отрядов. Вторая тенденция – стремление «бело-зелёных» установить тесные связи с антибольшевистским подпольем в городах [42, л. 30]. По оценкам Оперативного управления штаба войск внутренней службы РСФСР, к началу 1921 г. состояло на учете 71 248 повстанцев, из них 19 640 – на Юге страны (в Северо-Кавказском военном округе) [43, л. 7]. Позже «бело-зелёные» в СКВО уменьшились в числе с 6 180 чел. на 1 октября 1921 г. до 1 567 к 1 июля 1922 г. и 259 чел. к 1 июля 1923 г. [44, с. 14–15]. Их полная ликвидация в русских областях достигнута только осенью 1924 г.

Поворотным этапом в отношениях крестьянства Юга России с Советской властью стало внедрение новой экономической политики (НЭПа). Эта стратегия развития начала складываться в марте 1921 г. в резолюциях X съезда РКП(б), будучи вызванной растущими протестами крестьянства (Тамбовское восстание, повстанческое движение в Сибири и на Юге России). НЭП изначально рассматривался В.И. Лениным как ограниченная, тактическая уступка. Первоначально (до осени 1921 г.) речь шла лишь о замене продразверстки продналогом и разрешении натурального продуктообмена в местном масштабе.

По решению Совнаркома РСФСР от 28 марта 1921 г., в недоимочных местностях вводился до летней жатвы принудительный сбор «единовременного продовольственного наряда» (10 млн пуд. зерновых культур) [45]. До 1 июня 1921 г. органы власти в Крыму сохраняли продразвёрстку (планировалось взимание продовольственного хлеба в размере 2 млн пудов, кормового зерна – 2,4 млн пудов и фуража – 2,4 млн пудов). Развёрстка взималась по завышенным нормам и стимулировала протестные настроения, вплоть до вооружённых выступлений. Отрядами ВЧК сверх развёрстки дополнительно изымалось продовольствие у крестьян.

Политические настроения крестьянства весной 1921 г. оставались враждебными власти. По мнению Кубано-Черноморского обкома РКП(б), трудно было отыскать станицы вне влияния «бело-зелёных». Делегат II областной партконференции Асаульченко полагал, что большевики «еле держались» в станицах: «Те массы, которые били Врангеля, теперь бьют коммунистов» [46, л. 11–12]. Доверие к продналогу уменьшалось из-за проднаряда, воспринятого как «новая хитрость коммунистов» и усугубившего сомнения в прочности власти. «Обзор парторганизаций РСФСР к 5 октября 1921 г.» содержал оценку: «Отношение большинства казаков к Коммунистической партии резко отрицательное, причем они определённо разделяют Советскую власть от коммунистов... К новой экономической политике казачество относится недоверчиво» [47, л. 11]. Напротив, «иностранцы» воспринимали РКП(б) как защитницу от казачества и часто подменя-

ли классовые интересы сословными, хотя тоже страдали от произвола органов власти. Демобилизованные красноармейцы и красные партизаны были недостаточно лояльным властью слоем крестьян, подчас проявляя левацкие уравнилельные настроения.

Политические течения в рамках движения «бело-зелёных» весьма многообразны. Преобладало казачье течение «самостийников» в духе правозероковского «трудоустройства». Проявлялось и монархическое течение офицеров и части зажиточных казаков без массовой поддержки. Происходили также крестьянские выступления за «Советы без коммунистов», близкие правозероковским лозунгам. Происходил переход на сторону мятежников популярных командиров РККА (К.Т. Вакулина, Г.С. Маслакова), что объясняет участие Б.М. Думенко и Ф.К. Миронова, настороженности власти к красным партизанам. Существовало и анархистское движение, мало отличающееся от уголовщины.

Мы можем судить о лозунгах повстанцев по их листовкам, приказам и воспоминаниям участников движения. В таких документах можно выделить преобладающее смысловое ядро. Это – неприкосновенность «трудоустройства» собственности и раздел помещичьих земель; равенство казаков и «иностранцев» (кроме переселенцев, приехавших в 1914–1920 гг.); власть свободно избранных советов без коммунистов и ВЧК; созыв Учредительного собрания; прощение сдавшихся красноармейцев и советских служащих; антисемитизм [48, л. 56, 73–76, 9]. Характерны призывы К.Т. Вакулина: создать крестьянские союзы и «диктатуру деревни» над городом; разрешить все партии, кроме черносотенных и монархических; «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!» [49, с. 588–590, 714–715].

Изучение «бело-зелёного» движения в развитии показывает, что наивысшая активность мятежников отмечалась во время обострения продовольственного кризиса: с осени 1920 по весну 1922 гг. Наиболее массовыми группировками на Юге России можно признать «Армию возрождения России» под командованием М.А. Фостикова (в Баталпашинском и Лабинском отделах Кубани), отряды К.Т. Вакулина, Г.С. Маслакова, Я. Фомина, Сычёва (на Дону и в Ставрополе), «Кубанскую повстанческую армию» М.А. Пржевальского и П.А. Савицкого (в Краснодарском отделе Кубани), «Народные войска Северного Кавказа» В.А. Даутокова-Серебрякова (на Тереке и Верхней Кубани). На Черноморском побережье Кавказа проявлялись крестьянские выступления «зеленоармейцев», не связанные с казачьими.

В середине апреля 1921 г. стал наблюдаться усиленный рост «бело-зелёных» и в Крыму. Они группировались преимущественно в районе Алушты и Красноармейска (ныне Ялты). В

докладе Крымской областной чрезвычайной комиссии отмечалось, что «политический бандитизм» «постепенно со сходом снега и с появлением зелени увеличивался..., из мелких групп бандитов образовались более значительные банды, у каковых хотя в то время не было связи между собой, но почти каждая... банда имела в городах и селах свои подпольные организации, являвшиеся для бандитов главным источником пополнения живой силы, оружия, продовольствия, подачи сведений военного характера» [42, л. 96]. По воспоминаниям одного из руководителей Крымской АССР В. Ибраимова, действовали десятки отрядов численностью от 20 до 70 чел. каждый [50]. Постепенно они распространились по всему полуострову. Борьба с повстанческими отрядами продолжалась в Крыму до 1923 г., но особую остроту приобрела весной – осенью 1921 г.

К наиболее активным формированиям следует отнести следующие. В Красноармейском (Ялтинском) районе весной 1921 г. действовали отряды бывшего пристава Алушты Кочубарова в количестве 120 чел., полковника Станишевского (прозвище Безрукий), который в документах ВЧК именуется «атаманом Улу-Узеньской группы «бело-зеленых», численностью 60 чел., полковника Мамуладзе в числе 50 бойцов, мелкого торговца, жителя г. Ялты, социалиста Апаса численностью 50 чел., Поликарпова (он же Грозный) – 32 чел., ротмистра Абадзе – 30 чел., чернорабочего Муштафы-Курбы численностью 30 чел., полковника Жоржа в количестве 7 чел. В Бахчисарайском районе действовало формирование полковника Мотицирова, в которое входило до 300 бойцов. В Карасубазарском районе проявляли активность отряды ротмистра Глазаря и поручика Алешина (он же Фролов) – по 25 чел. каждый. В Симферопольском районе действовали группы капитана Спаи – 32 чел. и атамана Захарченко – 25 чел. В Севастопольском районе дислоцировался отряд капитана Васильева из 17 чел. [42, л. 57, 60, 66, 67, 96 об]. Состав повстанцев был непостоянным. Ряд группировок делал ставку на национализм.

IV Крымская областная конференция РКП(б) в мае 1921 г. приняла решение наделить землей бедняков за счет сокращения земельной площади совхозов. За совхозами сохранялись только особо ценные участки. В июле 1921 г. местные земельные органы приступили к наделению землей неимущих крестьян. Был принят закон Крымской АССР «О земле», который признал сохранение трудовых наделов крестьян в существующих размерах.

Крестьяне требовали большего, и XI Всероссийская партконференция РКП(б) 19–22 декабря 1921 г. приняла решения о возврате к рыночным механизмам, допущении различных форм собственности, включая приватизацию мелких предприятий и добровольную организацию кооперативов, разрешение частных заготовок продовольствия.

Постепенное снижение уровня протестных настроений в значительной мере вызвано внедрением мер новой экономической политики, образованием и развитием выборных органов управления, заменивших ревкомы. В августе – сентябре 1921 г. проведены выборы в сельские Советы. В конце октября – начале ноября на уездных съездах Советов были избраны делегаты первого Всекрымского съезда Советов, который состоялся 7–11 ноября 1921 г. Аналогичные действия предпринимались на Дону, Тереке, в Кубано-Черноморье и Ставрополье. В отношении повстанцев с июня 1922 г. стала проводиться дифференцированная политика, поощрявшая добровольную сдачу рядовых участников и их амнистию.

Причины спада повстанчества, начиная с лета 1922 г., отмечены в закрытом письме Юго-Восточного бюро ЦК: «Если раньше значительные слои деревни сочувствовали и всемерно поддерживали бандитизм, то ныне деревня, ищущая порядка, в большинстве своем враждебна бандам, поскольку они грабят также и население. При массовых операциях даже казаки активно боролись против банд. Только верхушки кулачества... продолжают являться опорой бандитизма» [51, л. 2]. А.И. Микоян отмечал повсеместную небывалую тягу к мирному труду, что заставляло изолированных политических бандитов сдаваться [52, с. 27]. Немногие сопротивлявшиеся группы переходили к уголовным деяниям.

В конце 1922 г. был принят Земельный кодекс РСФСР, признавший трудовое общинное землепользование. 10 мая 1923 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет об едином сельскохозяйственном налоге, взимаемом в денежной форме. Вследствие НЭПа с 1923 г. посевная площадь увеличивалась. Это обусловило рост урожаев. Крестьянам выдавались долгосрочные кредиты, предприняты меры по их снабжению инвентарем и средствами для борьбы с вредителями. Наблюдался подъём и в животноводстве.

В 1923–1924 гг. всё больший удельный вес стали приобретать невоенные формы сопротивления действиям властей, возникавшие стихийно и не преследовавшие далеко идущих целей. В частности, таково укрывательство посевов от обложения, принявшее массовый характер. Широко был распространен, особенно в богатых селениях, саботаж землеустроительных работ. Недовольство крестьян выражалось на собраниях беспартийных конференций и сельских сходов, стал популярным лозунг создания «Крестьянского союза» в качестве защитника интересов земледельцев.

В заключение отметим, что на политические настроения бедняцкого слоя крестьянства Юга России в первой половине 1920-х гг. существен-

но влияли следующие факторы: 1) переплетение социально-классовой, сословной и этнической структур общества; 2) глубокий хозяйственный кризис, в котором оказался Юг России после Гражданской войны; 3) последствия и рецидивы политики военного коммунизма; 4) запоздалое и неполное применение мер новой экономической политики; 5) специфика национальной политики, проводимой партийно-государственной властью.

Процессы социальной дифференциации в итоге политики военного коммунизма привели к обеднению всех слоёв южнороссийского крестьянства. Беднейший слой земледельцев состоял в русских областях из «иногородних», а в автономных областях – из низкостатусных сословий традиционного общества. Сохранялось переплетение классовых, сословных и этнических факторов стратификации. Беднейшее крестьянство поддерживало Советскую власть из

прагматических мотивов, будучи заинтересовано в радикальном переделе земли, ликвидации привилегий казачества и закреплении общинного землевладения. Поэтому интересы партийно-государственных органов власти и бедняков совпадали не всегда.

Становление НЭПа (весна 1921 – 1924 гг.) привело к постепенному расширению социальной базы власти, создало возможности гражданского примирения. В то же время, ряд категорий бедняков (красные партизаны, ветераны Гражданской войны) проявляли неприятие НЭПа.

Политические настроения беднейшего слоя крестьянства Юга России в первой половине 1920-х гг. претерпели существенную трансформацию: от полного неприятия значительной его частью большевистской модели власти до постепенной адаптации к политической системе в условиях перехода к новой экономической политике.

Литература и источники

1. Пономарёв А.А. К характеристике расслоения северокавказской деревни (Материалы). Ростов н/Д: Северо-Кавказское краевое статистическое управление, 1925. 90 с.
2. Гольдентул И.М. Земельные отношения на Кубани: Краткий очерк. Ростов н/Д; Краснодар: Буревестник, 1924. XII, 96, VIII с.
3. Ладоха Г.И. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар: Буревестник, 1923. 122 с.
4. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. Т. 2. 157, 2 с.
5. Десять лет советского Крыма: Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920–1930 / под ред. Козлова, Антоноука, Кудрявцева и др. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1930. 559 с.
6. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.
7. Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 511 с.
8. Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного университета, 1972. 199 с.
9. Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного университета, 1987. 230 с.
10. Цыганаш Н.Г. Общественно-политические настроения сельского населения Северного Кавказа в период перехода к нэпу // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного университета, 1984. С. 81–86.
11. Перехов Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1966. 21 с.
12. Перехов Я.А. Власть и казачество: Поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д: Гефест, 1997. 137, 1 с.
13. Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в XX веке. Ростов н/Д: Ростиздат, 2007. 415 с.
14. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1999. 345, 1 с.
15. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Иное понимание советской власти: история социальной борьбы «красных партизан» в 1920–1930-х гг. (на материалах Юга России) // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. С. 230–238.
16. Хубулова С.А. «Неудобный класс»: Некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного северокавказского крестьянства. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, 2003. 144 с.
17. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: АнтикВА, 2008. 728 с.
18. Дементьев Н.Е., Коновалов К.Ю. Социальная дифференциация крымского крестьянства в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 17. С. 116–119.
19. Горюнова Е.А. О политических настроениях крымского крестьянства в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 3. С. 324–327.
20. Ишин А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов: национальные, идеологические, структурные особенности // Научный диалог. Екатеринбург, 2022. Т. 11, № 3. С. 395–414.
21. Касьянов В.В., Баранов А.В., Ишин А.В., Рожков А.Ю. Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 248 с.
22. Касьянов В.В., Баранов А.В., Ишин А.В., Рожков А.Ю. Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 450 с.
23. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. 5. VIII, 388 с.
24. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 5. Д. 567.
25. Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М.: Наука, 1996. 154, 3 с.
26. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927. М.: ЦСУ СССР, 1928. 520 с.
27. Красное знамя. Краснодар, 1927. 18 ноября.
28. Труды ЦСУ. М.: ЦСУ СССР, 1926. Т. 14. Вып. 1-а. 359 с.

29. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного университета, 1977. 214 с.
30. Лакизо Л.И. Характеристика кулачества северокавказской деревни (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов н/Д, 1980. № 4. С. 57–63.
31. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Северо-Кавказский край. Отдел 2. Занятия. М.: ЦСУ СССР, 1929. Т. 22. VII, 516 с.
32. Волобуев О.В. Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX в. // Отечественная история. 1999. № 2. С. 89–99.
33. Мона Ж.Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920–1940 гг.): особенности, трудности, просчеты: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Днепропетровск, 1992. 28 с.
34. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. 224 с.
35. Советский Юг. Ростов н/Д, 1920. 29 сентября.
36. Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М.: ЦСУ СССР, 1924. XVI, 481 с.
37. Одинцов С.С. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Ростов н/Д, 1927. № 11. С. 3–15.
38. Ишин А.В. Общественно-политическая ситуация в Крыму накануне образования Крымской АССР (по материалам органов ВЧК) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 163–167.
39. Ишин А.В. Крым в 1921–1941 гг. / Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S 12. С. 13 [Электронный ресурс]. – URL: <https://history.jes.su/s207987840001738-0-2> (дата обращения: 18.07.2023).
40. Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму / предисловие, подготовка текста и комментарии С.А. Усова // Крымский архив. Симферополь, 1996. № 2. С. 83–97.
41. Брошеван В.М., Форманчук А.А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь: Таврия, 1992. 127 с.
42. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 69.
43. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 217. Оп. 2. Д. 38.
44. Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К.В.О. по данным за июнь 1922 г. Ростов н/Д: Штаб СКВО, 1922. 32 с.
45. Советский Юг. Ростов н/Д, 1921. 10 мая.
46. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 85.
47. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1180.
48. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-757. Оп. 2. Д. 40.
49. Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы. / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Международной фонд «Демократия», 1997. 792 с.
50. Красный Крым. Симферополь, 1926. 19 декабря.
51. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 24. Д. 202.
52. Стенографический отчет Краевого ЭКОСО Юго-Востока России. Ростов н/Д: Донская гостипография, 1922. 67 с.

References

1. Ponomaryov A.A. K kharakteristike rassloeniya severokavkazskoi derevni (Materialy) [On the characteristics of the stratification of the North Caucasian village (Materials)]. Rostov-on-Don: Northern-Caucasus Regional Statistical Bureau, 1925. 90 p.
2. Gol'dentul I.M. Zemel'nye otnosheniya na Kubani: Kratkij ocherk [Land relations in the Kuban: A brief essay]. Rostov-on-Don; Krasnodar: Burevestnik Publ., 1924. XII, 96, VIII p.
3. Ladokha G.I. Ocherki grazhdanskoj bor'by na Kubani [Essays on the civil struggle in the Kuban]. Krasnodar: Burevestnik Publ., 1923. 122 p.
4. Yanchevskij N.L. Grazhdanskaya bor'ba na Severnom Kavkaze [Civil struggle in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: Sevkavkniga Publ., 1927. Vol. 2. 157, 2 p.
5. Desyat' let sovetskogo Kryma: Sbornik, posvyashchennyi desyatiletiju sovetizatsii Kryma. 1920–1930 [Ten Years of the Soviet Crimea: A collection dedicated to the decade of Sovietization of the Crimea. 1920–1930]. ed. by Kozlov, Antonyuk, Kudryavtsev and others. Simferopol': Crimean State Publ., 1930. 559 p.
6. Danilov V.P. Sovetskaya dokolkhoznyaya derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya [Soviet pre-kolkhoz village: social structure, social relations]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 359 p.
7. Polyakov Yu.A. Perekhod k nepu i sovetskoe krest'yanstvo [Transition to the NEP and the Soviet peasantry]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 511 p.
8. Ovchinnikova M.I. Sovetskoe krest'yanstvo Severnogo Kavkaza (1921–1929 gg.) [The Soviet peasantry of the North Caucasus (1921–1929)]. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ., 1972. 199 p.
9. Chernopitskij P.G. Derevnya Severokavkazskogo kraja v 1920–1929 gg. [Village of the North Caucasus region in 1920–1929]. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ., 1987. 230 p.
10. Tsyganash N.G. Obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya sel'skogo naseleniya Severnogo Kavkaza v period perekhoda k nepu [Socio-political moods of the rural population of the North Caucasus during the transition to the NEP]. Oktyabr'skaya revolyutsiya i izmeneniya v oblike sel'skogo naseleniya Dona i Severnogo Kavkaza [The October Revolution and changes in the appearance of the rural population of the Don and the North Caucasus]. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ., 1984, pp. 81–86.
11. Perekhov Ya.A. Politika Kommunisticheskoi partii po vovlecheniyu kazachestva Dona i Kubani v sotsialisticheskoe stroitel'stvo (1920–1925 gg.): avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk [The policy of the Communist Party on the involvement of the Cossacks of the Don and Kuban in socialist construction (1920–1925): abstract of dissertation ... D.Sc. (Hist.)]. Rostov-on-Don, 1966. 21 p.
12. Perekhov Ya.A. Vlast' i kazachestvo: Poisk soglasiya (1920–1926 gg.) [Power and Cossacks: The search for consent (1920–1926)]. Rostov-on-Don: Gefest Publ., 1997. 137, 1 p.
13. Kislitsyn S.A., Kirichenko A.S. Ukaz i shashka: politicheskaya vlast' i donskie kazaki v XX veke [Decree and saber: political power and the Don Cossacks in the twentieth century]. Rostov-on-Don: Rostizdat Publ., 2007. 415 p.
14. Baranov A.V. Mnogoukladnoe obshchestvo Severnogo Kavkaza v usloviyakh novej ekonomicheskoi politiki [Multicultural society of the North Caucasus in the context of the new economic policy]. Krasnodar: Kuban State University Publ., 1999. 345, 1 p.
15. Skorik A.P., Tikidzh'yan R.G. Inoe ponimanie sovetskoi vlasti: istoriya sotsial'noi bor'by "krasnykh partisan" v 1920–

- 1930-kh gg. (na materialakh Yuga Rossii) [A different understanding of Soviet power: the history of the social struggle of the "Red partisans" in the 1920s–1930s (based on materials from the South of Russia)] *Prepodavatel' XX vek* [Teacher of the XXI century], 2009, no 3, pp. 230–238.
16. Khbulova S.A. "Neudobnyj klass": Nekotorye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnodemograficheskogo razvitiya dokolkhoznoego severokavkazskogo krest'yanstva ["Inconvenient class": Some problems of socio-economic and ethnodemographic development of the pre-kolkhoz North Caucasian peasantry]. Vladikavkaz: Northern-Ossetian State University after K.L. Khetagurov Publ., 2003. 144 p.
17. Zarubin A.G., Zarubin V.G. Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj voiny v Krymu [Without winners. From the history of the Civil War in the Crimea]. 2nd ed., correct. and add. Simferopol': AntikVA Publ., 2008. 728 p.
18. Dement'ev N.E., Konovalov K.Yu. Sotsial'naya differentsiatsiya krymskogo krest'yanstva v 1920-e gody [Social differentiation of the Crimean peasantry in the 1920s]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region]. Simferopol', 2001, no 17, pp. 116–119.
19. Goryunova E.A. O politicheskikh nastroeniyakh krymskogo krest'yanstva v 1920-e gody [On the political moods of the Crimean peasantry in the 1920s]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region]. Simferopol', 1998, no 3, pp. 324–327.
20. Ishin A.V. Povstancheskoe dvizhenie "belo-zelenykh" v Krymu v pervoj polovine 1920-kh godov: natsional'nye, ideologicheskie, strukturnye osobennosti [The insurgent movement of the "white-greens" in Crimea in the first half of the 1920s: national, ideological, structural features]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. Ekaterinburg, 2022, vol. 11, no 3, pp. 395–414.
21. Kas'yanov V.V., Baranov A.V., Ishin A.V., Rozhkov A.Yu. Vzaimootnosheniya partijno-gosudarstvennoj vlasti i polietnichnogo obshchestva v khode realizatsii natsional'noi politiki (na materialakh Severo-Kavkazskogo kraja i Krymskoj ASSR, 1920-e gg.) [The relationship of party-state power and multiethnic society during the implementation of national policy (based on the materials of the North Caucasus Region and the Crimean ASSR, 1920s)]. Krasnodar: Kuban State University Publ., 2021. 248 p.
22. Kas'yanov V.V., Baranov A.V., Ishin A.V., Rozhkov A.Yu. Natsional'naya politika v Severo-Kavkazskom krae i Krymskoj ASSR, 1920-e gg.: institutsional'ny i kommunikatsionny aspektы vzaimodeistviya vlasti i obshchestva [National policy in the North Caucasus Region and the Crimean ASSR, 1920s: institutional and communication aspects of interaction between government and society]. Krasnodar: Kuban State University Publ., 2022. 450 p.
23. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union population Census of 1926]. Moscow: CSU of USSR Publ., 1928. Vol. 5. VIII, 388 p.
24. Gosudarstvennyj arkhiv Rostovskoj oblasti (dalee – GARO) [The State Archive of the Rostov Region (further – GARO)]. F. R-1390. Op. 5. D. 567.
25. Zhiromskaya V.B. Posle revolyutsionnykh bur': naselenie Rossii v pervoj polovine 20-kh godov [After the revolutionary storms: the population of Russia in the first half of the 20s]. Moscow: Nauka Publ., 1996. 154, 3 p.
26. Itogi desyatletiya Sovetskoj vlasti v tsifrah. 1917–1927 [The results of the decade of Soviet power in numbers. 1917–1927]. Moscow: CSU of USSR, 1928. 520 p.
27. Krasnoe znamy [The Red banner]. Krasnodar, 1927. November 18.
28. Trudy TsSU [Proceedings of the CSU]. Moscow: CSU of USSR, 1926. Vol. 14. Issue 1-a. 359 p.
29. Kozlov A.I. Na istoricheskom povorote [At a historic turn]. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ., 1977. 214 p.
30. Lakizo L.I. Kharakteristika kulachestva severokavkazskoi derevni (po materialam Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1926 g.) [Characteristics of the kulaks of the North Caucasian village (based on the materials of the All-Union population Census of 1926)] *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the North Caucasian Scientific Center of the Higher School. Social Sciences]. Rostov-on-Don, 1980, no 4, pp. 57–63.
31. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Severo-Kavkazskij kraj. Otdel 2. Zanyatiya [All-Union Population Census of 1926. The North Caucasus Region. Department 2. Professions]. Moscow: CSU of USSR, 1929. Vol. 22. VII, 516 p.
32. Volobuev O.V. Rozhdenie i sud'by novoi krymskoj gosudarstvennosti v pervoj polovine XX v. [The birth and fate of the new Crimean state in the first half of the XX century]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History]. 1999, no 2, pp. 89–99.
33. Mona Zh.N. Razvitie sel'skogo khozyaistva v Krymskoj ASSR (1920–1940 gg.): osobennosti, trudnosti, proshchety [Development of agriculture in the Crimean ASSR (1920–1940): features, difficulties, miscalculations]: abstract of dissertation ... D.Sc. (Hist.). Dnepropetrovsk, 1992. 28 p.
34. Daudov A.Kh., Meskhidze D.I. Natsional'naya gosudarstvennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (1917–1924 gg.) [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917–1924)]. S. Petersburg: S.-Petersburg State University Press, 2009. 224 p.
35. Sovetskij Yug [The Soviet South]. Rostov-on-Don, 1920. September 29.
36. Sbornik statisticheskikh svedenij po Soyuzu SSR, 1918–1923 [Collection of statistical data on the USSR, 1918–1923]. Moscow: CSU of USSR Publ., 1924. XVI, 481 p.
37. Odintsov S.S. Sel'skoe khozyaistvo Severo-Kavkazskogo kraja k desya-tiletyu Oktyabr'skoj revolyutsii [Agriculture of the North Caucasus region to the tenth anniversary of the October Revolution]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo kraevogo ispolnitel'nogo komiteta* [Bulletin of the North Caucasus Regional Executive Committee]. Rostov-on-Don, 1927, no 11, pp. 3–15.
38. Ishin A.V. Obshchestvenno-politicheskaya situatsiya v Krymu nakanune obrazovaniya Krymskoj ASSR (po materialam organov VChK) [The socio-political situation in Crimea on the eve of the formation of the Crimean ASSR (based on the materials of the CHEKA bodies)]. *Chernomorsko-Sredizemnomorskij region v sisteme natsional'nykh interesov Rossii: istoriya i sovremennost'* [The Black Sea-Mediterranean region in the system of national interests of Russia: history and modernity]. Krasnodar: Kuban State University Publ., 2021, pp. 163–167.
39. Ishin A.V. Krym v 1921–1941 gg. [Crimea in 1921–1941]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2017, no S 12, p. 13. Available at: <https://history.jes.su/s207987840001738-0-2> (Accessed 05 July 2023).
40. Sultan-Galiev M.Kh. O polozhenii v Krymu [On the situation in the Crimea] preface, text preparation and comments by S.A. Usov. *Krymskij Arkhiv* [Crimean Archive]. Simferopol', 1996, no 2, pp. 83–97.
41. Broshevan V.M., Formanchuk A.A. Krymskaya respublika: god 1921-j: Kratkij istoricheskij ocherk [The Crimean Republic: the year 1921: Brief historical essay]. Simferopol': Taurida Publ., 1992. 127 p.
42. Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Krym (dalee – GARK) [The State Archive of the Republic of Crimea (further – GARK)]. F. 1. Op. 1. D. 69.
43. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (dalee – RGVA) [The Russian State Military Archive (further – RGVA)]. F. 217. Op. 2. D. 38.
44. Kratkij periodicheskij obzor povstancheskogo dvizheniya na territorii S.-K.V.O. po dannym za iyun' 1922 g. [A brief periodic review of the insurgent movement on the territory of N.-K.M.D. according to data for June 1922]. Rostov-on-Don: Headquarters of the N.-K.M.D., 1922. 32 p.
45. Sovetskij Yug [The Soviet South]. Rostov-on-Don, 1921. May 10.
46. Tsentr dokumentatsii noveishej istorii Krasnodarskogo kraja (dalee – TsDNIKK) [The Center for Documentation of the

- Current History of the Krasnodar Territory (further – CDNIKK). F. 1. Op. 1. D. 85.
47. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv sotsial'no-politicheskoj istorii (dalee – RGASPI) [The Russian State Archive of Socio-Political History (further – RGASPI)]. F. 17. Op. 3. D. 1180.
48. Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraja (dalee – GAKK) [The State Archive of the Krasnodar Territory (further – GAKK)]. F. R-757. Op. 2. D. 40.
49. Filipp Mironov (Tikhij Don v 1917–1921 gg.). Dokumenty i materialy [Philip Mironov (Quiet Don in 1917–1921). Documents and materials] ed by V. Danilov, T. Shanin. Moscow: International Foundation “Democracy”, 1997. 792 p.
50. Krasnyj Krym [Red Crimea]. Simferopol', 1926. December 19.
51. RGASPI [RGASPI]. F. 85. Op. 24. D. 202.
52. Stenograficheskiy otchet Kraevogo EKOSO Yugo-Vostoka Rossii [Verbatim report of the Regional ECOSO of the South-East of Russia]. Rostov-on-Don: Don State Printing House, 1922. 67 p.

© «Клио», 2023

© Баранов А.В., Ишин А.В., 2023

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_147

Дата поступления (Submitted) 17.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 29.07.2023

Военно-учебные заведения Ленинграда в годы Великой Отечественной войны

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛОВЕЦКИЙ

доктор исторических наук, профессор,

доцент кафедры истории

Военный университет имени князя Александра Невского.

23001, Москва, ул. Б. Садовая, 14

e-mail: polovez53@mail.ru

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВОЛОДИНА

доктор исторических наук, доцент,

доцент кафедры истории

Военный университет имени князя Александра Невского.

23001, Москва, ул. Б. Садовая, 14

e-mail: volodinanatalya@mail.ru

ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ ОБУХОВ

кандидат исторических наук,

старший преподаватель кафедры истории

Военный университет имени князя Александра Невского.

23001, Москва, ул. Б. Садовая, 14

e-mail: obuhov.ron@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории военно-учебных заведений Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В ней показано, что с началом войны в военно-учебных заведениях были проведены досрочные выпуски, а значительная часть постоянного состава академий и училищ ушла на фронт, в действующую армию. Учебные заведения противовоздушного профиля с первых дней войны приняли участие в защите города от воздушных нападений противника. Личный состав ряда военно-учебных заведений проявил героизм и мужество в боевых действиях при защите города от немецко-фашистских захватчиков. Кратко рассматривается процесс эвакуации военно-учебных заведений в тыловые районы страны, освещаются особенности становления и интенсификации учебного процесса в интересах фронта.

Публикация осуществлена в соответствии с Планом военно-исторической работы Вооруженных Сил Российской Федерации на 2023 г., в рамках создания научно-справочного труда «Битва за Ленинград в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Энциклопедия».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Санкт-Петербург, Ленинград, военно-учебные заведения, военные академии, военные училища

Military educational institutions of Leningrad during the Great Patriotic War

SERGEY DMITRIEVICH POLOVETSKY

Doctor of Historical Sciences, Professor,

Associate Professor of the Department of History

Prince Alexander Nevsky Military University.

23001, Moscow, B. Sadovaya str., 14

e-mail: polovez53@mail.ru

NATALIA ANATOLYEVNA VOLODINA

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of History

Prince Alexander Nevsky Military University.

23001, Moscow, B. Sadovaya str., 14

e-mail: volodinanatalya@mail.ru

OLEG YURYEVICH OBUKHOV

*Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer of the Department of History
Prince Alexander Nevsky Military University,
23001, Moscow, B. Sadovaya str., 14
e-mail: obuhov.ron@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of military educational institutions of Leningrad during the Great Patriotic War. It shows that with the beginning of the war, early graduates were held in military educational institutions, and a significant part of the permanent staff of academies and colleges left for the front, for the active army. From the first days of the war, anti-aircraft educational institutions took part in protecting the city from enemy air attacks. The personnel of a number of military educational institutions showed heroism and courage in combat operations while defending the city from the Nazi invaders. The process of evacuation of military educational institutions to the rear areas of the country is briefly considered, the features of the formation and intensification of the educational process in the interests of the front are highlighted.

The publication was carried out in accordance with the Plan of military-historical work of the Armed Forces of the Russian Federation for 2023, as part of the creation of a scientific reference work "The Battle for Leningrad in the Great Patriotic War of 1941–1945: Encyclopedia".

Keywords: The Great Patriotic War, St. Petersburg, Leningrad, military educational institutions, military academies, military schools

Накануне Великой Отечественной войны Ленинград был крупным центром подготовки военных кадров для Вооруженных Сил СССР. По подсчетам авторов в городе и его пригородах дислоцировались: военные академии – 6; военные училища – 24; военные школы ВВС – 3; военные курсы – 4.

Сразу же, после начала Великой Отечественной войны личный состав всех военно-учебных заведений города выступил на защиту Родины.

Командиры и курсанты Ленинградского артиллерийского технического училища зенитной артиллерии во взаимодействии со 2-м корпусом ПВО осуществляли непосредственное прикрытие города Ленинграда от ударов с воздуха. Для решения этой задачи в училище были сформированы две батареи 76-мм и 37-мм зенитных пушек и пулеметное отделение. Зенитные подразделения училища заняли огневые позиции и совместно со 192-м зенитно-артиллерийским полком отражали налеты фашистской авиации. Они вели интенсивный огонь, сбив самолет противника [1, с. 37].

В первые месяцы войны во всех военно-учебных заведениях были проведены досрочные выпуски. Их выпускники пополнили ряды действующей армии.

В период с июля по ноябрь 1941 г. на фронт были направлены более 50% слушателей Военной электротехнической академии связи Красной армии имени С.М. Буденного. В академии активизировалась разработка предложений, направленных на повышение устойчивости, надежности, ускорение ремонта средств связи в боевых условиях. Впоследствии совместно с офицерами Балтийского флота личный состав академии выполнил научно-техническое сопровождение работ по прокладке телефонного ка-

беля по дну Ладожского озера, что обеспечило в условиях блокады города устойчивую связь с Большой землей [2].

Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова осуществила два досрочных выпуска военных врачей [3, с. 164]. В первые же дни войны на фронт были направлены две трети профессоров и преподавателей академии. Они возглавили 70 % медицинских служб фронтов, 61 % медицинских служб армий и должностей главных специалистов. В интересах Ленинградского фронта часть медицинского персонала осталась в блокированном городе и самоотверженно трудилась в клиниках академии. Всего за период блокады на территории академии было зафиксировано более одной тысячи взрывов авиационных бомб и артиллерийских снарядов [4].

25 июня 1941 г. в военно-морских училищах города состоялся первый досрочный выпуск. Большинство выпускников было направлено в сухопутные войска. К 15 июля 1941 г. в действующие части убыли 2500 человек из состава военно-морских училищ Ленинграда [5, с. 39].

30 июня 1941 г. состоялись досрочные выпуски командного и командно-авиационного факультетов Военно-морской академии. Более половины преподавательского и лаборантского состава было откомандировано на действующие флоты [6, с. 122].

В середине июля и в августе 1941 г. в Ленинградском артиллерийском техническом училище зенитной артиллерии были проведены досрочные выпуски молодых командиров и воентехников (775 человек) набора 1940 года [1, с. 42]. Участвуя в боях, личный состав училища продолжал готовить кадры зенитчиков. Освоение курсантами сложной боевой зенитной техники проходило непосредственно на огневых

позициях в Красном Селе и в лагере под Ропшей [7, с. 31–32].

В течение июля-сентября 1941 г. в войска были направлены свыше 700 выпускников Ленинградского Краснознаменного училища военных сообщений имени М.В. Фрунзе. Для курсантов наборов военного времени срок подготовки составил 9 месяцев. Первые военный выпуск (30 человек) был направлен в железнодорожные войска и линейные органы военных сообщений 25 января 1942 г. [8].

Начиная с первых дней войны, в военно-учебных заведениях началась коренная перестройка всего учебно-воспитательного процесса. Они перешли на ускоренные сроки подготовки кадров для фронта.

Так, в учебные планы Ленинградского Краснознаменного училища военных сообщений имени М.В. Фрунзе вносились кардинальные перемены: подавляющее время отводилось общевойсковым и специальным предметам, значительно увеличилась доля таких дисциплин, как тактика, военная топография, огневая подготовка и военно-медицинская подготовка. Выпускные экзамены отменялись [8].

Ряд военно-учебных заведений приняли участие в оборонительных сражениях Северного фронта, образованного 24 июня на базе управления и войска Ленинградского военного округа. Командующим фронтом был утвержден генерал-лейтенант М.М. Попов, членами Военного совета – корпусной комиссар комиссар И.Н. Клементьев, дивизионный комиссар А. А. Кузнецов и бригадный комиссар Т.Ф. Штыков, начальником штаба – генерал-майор Д.Н. Никишев.

4 июля 1941 г. Военный совет Северного фронта получил директиву Ставки Главного Командования № 91/НГШ о подготовке обороны на подступах к Ленинграду, подписанную начальником Генерального штаба РККА генералом армии Г.К. Жуковым. В связи с явной угрозой прорыва противника в районе Пскова войскам фронта предписывалось немедленно занять рубеж обороны на фронте Нарва, Луга, Старая Русса, Боровичи [9, с. 8].

В соответствии с полученными распоряжениями Военный совет фронта на следующий день, 5 июля принял решение создать Лужскую укрепленную позицию и привлечь для ее обороны оперативную группу под командованием генерал-лейтенанта К.П. Пядышева. Однако, возможности Северного фронта были крайне ограничены. Поэтому в целях усиления наших войск, разворачивающихся на оборонительных рубежах, было принято решение привлечь личный состав, вооружение и боевую технику военно-учебных учебных заведений Ленинграда.

На Лужский рубеж обороны были выдвинуты Ленинградское Краснознаменное пехотное училище имени С.М. Кирова, Ленинградское стрелково-пулеметное училище и Ленинградские

бронетанковые курсы усовершенствования командного состава [10, с. 206].

В состав особой артиллерийской группы под командованием полковника Г.Ф. Одинцова вошли артиллерийская батарея 1-го Ленинградского артиллерийского училища имени Красного Октября, артиллерийский полк 3-го Ленинградского артиллерийского училища, полк артиллерийских курсов усовершенствования командного состава. Также в состав группы полковника Г.Ф. Одинцова был включен зенитный дивизион Ленинградского артиллерийского технического училища зенитной артиллерии под командованием инженер-полковника Ф.В. Болотова [10, с. 206].

Этот курсантский зенитный дивизион особого назначения положил начало созданию Лужского района ПВО. Первую атаку немецких самолетов он отбил 4 июля 1941 г. 7 июля огнем 76-мм зенитных орудий дивизион поразил два «Юнкерса-88», 8 июля – бомбардировщик «Хейнкель-111». В течение июля это зенитное подразделение постоянно отражало нападение воздушного противника, сбив до начала августа 1941 г. 9 фашистских самолетов [7, с. 33].

О героических действиях командиров и курсантов на Лужском рубеже в книге «Ордена Ленина Ленинградский военный округ: Исторический очерк» написано следующее: «14 июля передовой отряд врага под прикрытием артиллерийско-минометного огня пытался форсировать Лугу. Курсанты Краснознаменного пехотного училища имени С.М. Кирова заставили гитлеровцев откатиться назад. Но на следующий день немецким войскам, получившим подкрепление, удалось захватить плацдарм. Командиры и курсанты-кировцы дрались буквально за каждый клочок земли, за каждый окоп, не давая врагу расширить прорыв. На позиции кировцев обрушивались огневые шквалы, их бомбили с воздуха. Гитлеровцы подожгли лес, в котором оборонялись курсанты, но подразделения офицеров Г.В. Шкловского, А. М. Девяткова, Н. В. Киселева, М. П. Максина, В. Е. Сергеева стояли насмерть. Начальник училища полковник Г.В. Мухин и комиссар училища батальонный комиссар Я.В. Завалишин, как и другие командиры и политработники, находились па самых ответственных участках переднего края, своим примером воодушевляя курсантов.

17 июля гитлеровское командование бросило па позиции курсантов основные силы танковой дивизии. Бой продолжался непрерывно 15 часов. Фашисты потеряли не менее 600 солдат, но не продвинулись ни на шаг. Многих своих товарищей недосчитались кировцы в том бою. Смертью храбрых пали командир батальона подполковник А. Кузнецов, секретарь парткомиссии училища старший политрук Г.Е. Боев, командир взвода лейтенант П. И. Шумилин, курсанты С. Ф. Шарков, А. С. Антипов и другие» [10, с. 207].

Ценой этих потерь и массового героизма (старший курс проучился всего 9 месяцев, младший – 46 дней) командиры и курсанты свыше месяца на своем участке фронта сдерживали немецкое наступление на Ленинград. В боях на Лужском рубеже училище потеряло 797 человек, из них 173 человека убитыми и 150 пропавшими без вести. Через неделю после кровопролитных боев, 22 августа 1941 г. 400 человек без традиционных экзаменов выпускались командирами РККА и уходили на фронт, а курсанты младших курсов для продолжения учебы направлялись на Урал – в город Березники Пермской области [11].

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 г. 1-е Ленинградское Краснознаменное военное пехотное училище имени С.М. Кирова было награждено вторым орденом Красного Знамени [12].

По распоряжению Управления военно-морских учебных заведений в конце июня 1941 г. в Ленинграде была сформирована отдельная бригада курсантов, в составе пяти батальонов: Военно-морского училища им. Ф.Э. Дзержинского, Военно-морской медицинской академии, Военно-морского хозяйственного училища и учебного отряда подводного плавания имени С.М. Кирова. Командиром бригады был назначен контр-адмирал С.С. Рамишвили [13, с. 215].

К 1 июля бригада заняла участок обороны от Петергофа до Нарвы по берегу Финского залива протяженностью 50 км. Перед ней была поставлена задача по уничтожению воздушных десантов противника и охраны тылов Северного фронта. Штаб бригады находился в Петергофе. Курсантская бригада имела на вооружении только стрелковое оружие. 14 июля 1941 г. немецко-фашистские войска подошли к Кингисеппу и захватили плацдармы на правом берегу реки Луги. В результате кровопролитных боев удалось задержать продвижение противника, однако два батальона курсантской бригады понесли тяжелые потери [13, с. 215].

29 августа 1941 г. в Кронштадт прибыла героически сражавшаяся под Таллином 1-я особая бригада морской пехоты под командованием полковника Т. М. Парафило. Бригаде были переданы два батальона бригады курсантов со всем вооружением. Бригада полковника Т.М. Парафило героически сдерживала наступление противника под Красным Селом, затем отошла к Петергофу, где позднее была расформирована [13, с. 216].

В начале сентября 1941 г. понесшая значительные потери курсантская бригада была выведена из района боевых действий и вернулась в Ленинград.

На лужской укрепленной позиции мужественно действовали также курсанты Ленинградского военно-инженерного училища. Под

командованием подполковника А.Д. Цирлина (впоследствии генерал-полковник инженерных войск) саперы минировали местность и ставили проволочные заграждения. В середине августа 1941 г. на оборону подступов к Красному Селу и Красногвардейску были направлены курсанты Военно-политического училища НКВД и слушатели курсов младших политруков [10, с. 222].

В июле-августе 1941 г. командиры и курсанты Ленинградского Краснознаменного училища военных сообщений имени М. В. Фрунзе принимали участие в боевых действиях по охране войскового тыла Северного фронта на Лужском оборонительном рубеже, в подготовке партизанских баз на территории Ленинградской области.

Личный состав военно-учебных заведений Ленинграда был занят на оборонительных работах. Военные академии, курсы и училища, дислоцировавшиеся в Ленинграде и ближайших к нему населенных пунктах, активно участвовали в устройстве оборонительных сооружений и заграждений в самом Ленинграде, на Ленинградской линии обороны и на Ленинградском укрепленном рубеже.

Так, личный состав Ленинградского артиллерийского технического училища зенитной артиллерии во главе с начальником училища бригадным инженером Т.А. Туклиным в начале июля 1941 г. западнее и южнее Красного Села принял участие в создании укрепленного района. Кроме того, училище обеспечивало своим транспортом подвоз боеприпасов для всей артиллерии укрепленного района [7, с. 32].

С первых дней войны профессорско-преподавательский состав военно-учебных заведений вносил значительный вклад в дело отпора врагу, повышения боеспособности частей и соединений армии и флота.

Сложные задачи выполняли медицинские работники Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова. Они, борясь за жизнь раненых воинов, в госпиталях, размещенных в Инженерном замке, во Дворце пионеров, школах и других общественных зданиях, выполняли исключительно сложные операции. Они, вместе с лучшими врачами города, надевшими военную форму, только в июле 1941 г. вернули в строй свыше 30 тыс. воинов, раненых в боях с врагом [10, с. 239].

Осенью 1941 г. часть военно-учебных заведений Ленинграда была расформирована, а остальные были передислоцированы в тыловые районы страны.

Так, 9 августа 1941 г. приступило к эвакуации в Томск Ленинградское артиллерийское техническое училище зенитной артиллерии. Оно проходило при собственном зенитном прикрытии в составе четырех эшелонов с личным составом, имуществом, учебно-материальной базой. До возвращения в Ленинград в 1944 г. училище располагалось на базе Томского политехнического института имени С.М. Кирова [1, с. 44].

21–29 августа 1941 г. Ленинградское Краснознаменное пехотное училище имени С.М. Кирова передислоцировалось в город Березники Молотовской области (Пермский край). Училище выпустило в качестве командиров и направило на различные участки вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками 4.298 человек [12].

С ноября 1941 г. по июль 1944 г. в Самарканде находилась Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова. В сентябре 1942 г. в ее состав была включена Военно-медицинская академия РККА, прибывшая из Куйбышева. За годы войны академия подготовила свыше 1800 военных врачей. Около 70% начальников и главных специалистов медицинской службы фронтов, флотий и Главного военно-санитарного управления составляли воспитанники академии [3, с. 164].

Военно-морская академия осуществляла свою деятельность в Астрахани и Самарканде. Научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава академии была направлена на решение стоявших перед Военно-Морским Флотом боевых задач. Всего за этот период по заданию командования ВМФ было создано свыше 300 научных работ. Преподаватели академии командировались на действующие флоты. Велась большая работа по повышению научной квалификации преподава-

телей. 1 апреля 1944 г. за заслуги перед Родиной в деле подготовки высококвалифицированных офицерских кадров Военно-Морского Флота и успешную научно-исследовательскую работу, направленную на повышение боевой деятельности ВМФ, академия была награждена орденом Ленина [5, с. 39].

Таким образом, история деятельности военно-учебных заведений Ленинграда в годы Великой Отечественной войны является важной, но недостаточно изученной проблемой. В данной статье авторы обозначили лишь ряд аспектов этой темы, которая, безусловно, требует дальнейшей разработки. Необходимо более детально рассмотреть динамику и количество выпускников военно-учебных заведений, а также должностных лиц постоянного состава академий и училищ, убывших на фронт, в действующую армию. В плане военно-патриотического воспитания особое внимание необходимо обратить на примеры мужества и героизма, проявленные личным составом военно-учебных заведений, при защите рубежей Ленинграда, в период ведения боевых действий на подступах к городу. Необходимо более подробно рассмотреть процесс эвакуации военно-учебных заведений в тыловые районы страны, осветить особенности становления и интенсификации учебного-воспитательного процесса в интересах фронта.

Литература и источники

1. Санкт-Петербургское высшее зенитное ракетное командное ордена Красной Звезды училище / Под. ред. В.И. Щербакова. СПб.: Изд-во уч-ща, 1998. 286 с.
2. Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного: на передовых рубежах научно-технического прогресса // Арсенал Отечества. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/255-voennaya-akademiya-svyazi?ysclid=lk5kk i95t7147015 099> (дата обращения: 16.07.2023).
3. Военная Энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. 544 с.
4. Историческая справка // Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vmeda.org/history/> (дата обращения: 16.07.2023).
5. Римашевский А.А., Щерблыкин О.В. От чудо-башни до военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия» // Морской сборник. 2011. № 2 (1967). С. 36–42.
6. Сысоев В. Военно-морской академии – 150 лет // Военно-исторический журнал. 1977. № 2. С. 121–123.
7. Фролов Н.А. Подготовка офицеров войсковой противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал». 2005. № 5. С.31–32.
8. Хайремдинов Л. Учебный день начинается с паровозного гудка. Уникальный военный вуз готовит специалистов в историческом месте Санкт-Петербурга // Красная звезда. 2020. 13 апреля.
9. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н.Л. Волковского. М., СПб: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство „Полигон“», 2004. 766 с.
10. Ордена Ленина Ленинградский военный округ: Исторический очерк. Л.: Лениздат, 1968. 564 с.
11. Балуевский Ю. Н. Традиция жить вечно // Красная звезда. 2008. 23 мая.
12. Шапиро Б. ЛПКУ им С. М. Кирова в боях на Лужском рубеже [Электронный ресурс]. – URL: <https://proza.ru/2018/07/31/642> (дата обращения: 10.07.2023).
13. Абрамов Е.П. «Черная смерть». Советская морская пехота в бою. М.: Яуза, 2009. 1070 с.

References

1. Sankt-Peterburgskoe vysshee zenitnoe raketnoe komandnoe ordena Krasnoj Zvezdy uchilishhe [St. Petersburg Higher Anti-Aircraft Missile Command School of the Order of the Red Star]. Ed. V.I. Shherbakov. St. Petersburg, Izd-vo uch-shha Publ., 1998. 286 p.
2. Voennaja akademija svyazi imeni Marshala Sovetskogo Sojuza S.M. Budennogo: na peredovyh rubezhah nauchno-technicheskogo progressa [Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny: at the forefront of scientific and technological progress]. Arsenal Otechestva [Arsenal of the Fatherland]. 2014. No. 1. Available at: <https://arsenal-otechestva.ru/article/255-voennaya-akademiya-svyazi?ysclid=lk5kk i95t7147015 099> (accessed: 16.07.2023).
3. Voennaja Jenciklopedija [Military Encyclopedia]: in 8 vols. Moscow, Voenizdat Publ., 1994. Vol. 2. 544 p.
4. Istoricheskaja spravka // Voенno-medicinskaja akademija imeni S.M. Kirova [Historical reference // Military Medical Academy named after S.M. Kirov]. Available at: <https://www.vmeda.org/history/> (accessed: 16.07.2023).
5. Rimashevskij A.A., Shhebylykin O.V. Ot chudo-bashni do voennogo uchebno-nauchnogo centra VMF «Voенno-morskaja akademija» [From the miracle tower to the military educational and scientific center of the Navy “Naval Academy”]. Mor-skoy sbornik [Sea collection]. 2011. No. 2 (1967). Pp. 36–42.
6. Sysoev V. Voенno-morskoy akademii - 150 let [Naval Academy - 150 years]. Voенno-istoricheskij zhurnal [Military histo-

ry journal]. 1977. No. 2. Pp. 121–123.

7. Frolov N.A. Podgotovka oficerov vojskovoј protivovozdushnoj oborony v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Training of military air defense officers during the Great Patriotic War]. Voенno-istoricheskij zhurnal [Military history journal]. 2005. No. 5. Pp.31–32.

8. Hajremdinov L. Uchebnyj den' nachinaetsja s parovoznogo gudka. Unikal'nyj voennyj vuz gotovit specialistov v istoricheskom meste Sankt-Peterburga [The school day begins with a locomotive whistle. A unique military university trains specialists in the historical place of St. Petersburg]. Krasnaja Zvezda [Red Star]. 2020. 13 Apr.

9. Blokada Leningrada v dokumentah rassekrechennyh arhivov [Siege of Leningrad in documents of declassified archives]. Ed. N.L. Volkovsky. Moscow, St. Petersburg, AST Publ.; Poligon Publ., 2004. 766 p.

10. Ordena Lenina Leningradskij voennyj okrug: Istoricheskij ocherk [Order of Lenin Leningrad Military District: Historical Sketch]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1968. 564 p.

11. Baluevskij Ju. N. Tradicijam zhit' vечно [Traditions live forever]. Krasnaja Zvezda [Red Star]. 2008. 23 May.

12. Shapiro B. LPKU im S. M. Kirova v bojah na Luzhskom rubezhe [LPKU named after S. M. Kirov in the battles at the Luga line]. Available at: <https://proza.ru/2018/07/31/642> (accessed: 10.07.2023).

13. Abramov E.P. «Chernaja smert'». Sovetskaja morskaja pehota v boju [“Black Death”. Soviet Marines in battle]. Moscow, Jauza Publ., 2009. 1070 p.

© «Клио», 2023

© Половецкий С.Д., Володина Н.А., Обухов О.Ю., 2023

УДК 314.743

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_153

Дата поступления (Submitted) 17.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 23.07.2023

Демографические изменения в составе русской эмиграции Синьцзян-Уйгурского автономного района

Благодарности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке CSC.

ЛЮ ЛЭЙ

аспирант, кафедра исторического регионоведения, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 193231, Россия, Санкт-Петербург, проспект Солидарности, д. 27
Китайская Народная Республика, Синьцзян-Уйгурский автономный район, г. Урумчи, ул. Цзян Цюань, д. 35.
e-mail: liulej@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на то, что динамика численности русского населения Синьцзяна является одним из наиболее актуальных вопросов изучения русского зарубежья, данная проблематика была слабо освещена в научной литературе, посвященной указанному региону. Целью данного исследования является выявление основных моментов изменения численности и структуры русской эмиграции в процессе ее расселения по территории Синьцзяна, а также факторов, повлиявших на данный процесс. На основании документов из государственных архивов, а также материалов периодической печати и литературных источников были выявлены основные группы эмигрантов, проживавших на указанной территории до заключения Кульженского договора, а именно старообрядцы и русские, оказавшиеся заброшенными в Синьцзян в результате политических и религиозных пертурбаций; отмечены главные причины роста численности русских, на тот момент являвшихся подданными Российской Империи. Кроме того, нами были представлены данные об открытии факторий и основании консульств после подписания Кульженского договора и Петербургского договора; объяснено сокращение численности войск в белогвардейских отрядах после их вступления на территорию Синьцзяна; проведен анализ расселения русских на указанной территории до революции, а так же в период с 20-х по 40-е годы XX века; определены особенности демографического состава русских эмигрантов с начала образования Китайской Народной Республики и до настоящего времени.

Ключевые слова: Синьцзян, Китай, русская эмиграция, численность, расселение

Demographic changes in the composition of Russian emigration in the Xinjiang Uygur autonomous region

LIULEI

postgraduate, department of historical regional studies,
Institute of History, St. Petersburg State University,
193231, Solidarity Avenue, 27, Building 1.
People's Republic of China, Xinjiang Uygur Autonomous
Region, Urumqi, st. JianQuan, 35.
e-mail: liulej@yandex.ru

Abstract. The dynamics of the Russian population in Xinjiang is one of the most pressing issues in studying the Russian diaspora. At the same time, this issue has been poorly covered in the academic literature. The paper aims to identify the main points of change in the number and structure of Russian emigration in its settlement in Xinjiang and the factors that influenced this process. Based on documents from state archives, as well as materials from periodicals and literary sources, resulted in the following conclusions. The main groups of emigrants in Xinjiang were Old Believers and Russians, who were abandoned in Xinjiang due to political and religious upheavals before the conclusion of the Treaty of Kulja. The main reasons for the growth in the number of Russians were subjects of the Russian Empire. The article presented some data about the opening of trading posts and the foundation of consulates after the Treaty of Kulja and the Treaty of Saint Petersburg. Explained the reduction in the number of the White Guard after they entered Xinjiang. This paper analyzed the

Азию стали Кульджинский договор и Петербургский договор, согласно которым русские купцы получали исключительное право на торговлю на территории Синьцзяна [4, с. 48-50, 86-87], что привело к увеличению их численности в ряде регионов провинции. Под руководством консульств, основанных в разных точках провинции, были сформированы русские торговые сети.

По таблице 1 можно заметить, что 53.4% русских подданных жили в Или, Тарбагатае, Урумчи и Кашгаре (бывший Шуфу), то есть более половины представителей русской диаспоры было сосредоточено в тех городах, в которых присутствовало консульство.

Поражение русских войск на фронтах Первой мировой войны привело к падению политического престижа России в Синьцзяне. До прихода белой армии в 1920 году, в 1919 году численность русских в Синьцзяне была невелика: после 1919 года во всей провинции с учетом женщин и детей их насчитывалось около 5 тысяч [6, л. 36].

После Октябрьской революции на территорию Синьцзяна начали отступать крупные белогвардейские казачьи войска, основную массу которых составляли Оренбургская армия атамана А.И. Дутова, Семиреченская армия атамана Б.В. Анненкова и корпус генерала А.С. Бакича.

В сентябре 1920 года начальник штаба Илийских войск сообщил, что в Суйдине, Чимпандзы, Боротале, Чугучаке и Тарбагатае находится десять тысяч разоруженных белогвардейцев [7, л. 25]. Всего, по китайским сведениям, в Синьцзянской провинции насчитывалось около пятнадцати тысяч белых [8, с. 5]. Таким образом, на начальном этапе в Синьцзяне собралось значительное количество белогвардейцев.

Однако с первых дней пребывания русских эмигрантов в регионе их численность постоянно менялась. На начальном этапе отряд под командованием А.С. Бакича был самым многочисленным, тогда как в отряде А.И. Дутова имелось наименьшее количество бойцов, а отряд Б.В. Анненкова был чуть больше, чем у А.И. Дутова [9, с. 277].

После вхождения в Китай боевой состав лагеря А.С. Бакича сократился почти наполовину. В сводке, датированной 10 июня 1920 года, было указано, что в Чугучаке находится отряд генерала А.С. Бакича численностью в семь тысяч оренбургских казаков, имеющим, по слухам, в своем распоряжении оружие, артиллерию и пулеметы [10, л. 97]. К июлю 1920 года в лагере осталось 1468 офицеров, 3557 солдат, 721 член семей военнослужащих и 1000 гражданских беженцев – всего 6746 человек [11, л. 62об].

В июне 1920 года А.И. Дутов с разоруженным отрядом оренбургских казаков в три тысячи человек, которые жили в лагерях, имея возможность работать на воле, находился в городе Суйдин. Ожидалось, что идущий к А.И. Дутову отряд Б.В. Анненкова – «кавказполк» численностью в пятьсот человек, который был брошен

Б.В. Анненковым во время его бегства в Китай, прибудет туда же [10, л. 97]. В том же месяце А.И. Дутов в своем письме А.С. Бакичу указал в отношении отряда Б.В. Анненкова следующее: «Об Анненкове – дело его закончено... и последняя тысяча, бывшая с Б.В. Анненковым, значительно поредела, разбежались, осталось не больше 400 человек» [12, с. 390].

В сентябре 1920 года А.С. Бакич писал российскому посланнику в Пекине: «Прошу помощи отряду, который состоит из одной тысячи четырехсот офицеров, трех тысяч пятисот солдат, казаков и одной тысячи гражданских чинов и членов семейств... вернуться в Советскую Россию, отряд за выходом всех казенных средств, частных сбережений обречен предстоящей зимой на гибель от холода и голода» [13, л. 131]. Итак, за короткое время отряд потерял еще около тысячи человек.

15 августа 1920 года с разрешения генерал-губернатора Синьцзяна отряд Б.В. Анненкова начал марш из лагеря «Веселый» до административного центра провинции, города Урумчи. Из информационных обзоров советского консульства в Кульдже следует, что всего в отряде к этому времени осталось 1500 человек [14, с. 31]. По другим данным, от августа 1920 года, отряд Б.В. Анненкова насчитывал 1300 человек, а оружие имелось только у его личной охраны [15, л. 171].

Отряд А.И. Дутова, стоявший в Мазаре, в 48-ми верстах на восток от Джаркента, и в Суйдине, «общей численностью в 200 человек деморализован до крайности и влачит жалкое существование» [15, л. 172].

Итак, из-за непрерывной потери боевых единиц белая армия постепенно утрачивала одно из своих преимуществ в борьбе с красной армией.

6 февраля 1921 года А.И. Дутов был ликвидирован, А.С. Бакич стал новым лидером белой эмиграции в Синьцзяне, а Б.В. Анненков в то время отбывал наказание в местах лишения свободы. Скоро А.С. Бакич также был убит в результате операции, разработанной Советской Россией совместно с китайскими властями. В 1927 году Б.В. Анненков был передан СССР и, после открытия суда, который состоялся в Семипалатинске, был приговорен к расстрелу [16, с. 41].

После инцидента 18 сентября 1931 года, известного как Маньчжурский инцидент, японские шпионы развернули активную разведывательную деятельность в Сибири, где уже жили китайские эмигранты из трех северо-восточных провинций (Ляонин, Цзилинь, Хэйлуцзян). В связи с тем, что внешность последних схожа с японской, они находились под подозрением советского правительства, что привело к депортации китайского населения с территории советского Дальнего Востока в Синьцзян. Многие из депортированных китайцев состояли в браке с русскими, поэтому в 1930-х годах на территорию Синь-

Таблица 2.

Схема расселения русских в Синьцзяне в 1944 году. [5, с. 41].

Регион	1	Дихуа	Чанцзи	СуйЛай	Фуфан	Цитай	
Численность	847	705	9	115	7	11	
Регион	2	Хоргос	Кульджа	СуйДин	Яньшар	Боро-Тала	ЦзинХэ
		450	4587	692	614	84	23
Численность	9170	Текес	ГунХа	Вэньцюань	НинСи	Калмакуре	Кунгес
		386	491	158	138	373	1174
Регион	3	Шуфу	Янгишар	Маралбаши			
Численность	23	11	9	3			
Регион	4	Чугучак	Шихо	Дурбульд-жин	Шавань	ХэФэн	Юйминь
Численность	6944	2517	2436	937	384	3	637
Регион	5	Бурчун	Хабахэ	Зимунай	Шара-Сумэ	ФуЮнь	Булун-Тохой
Численность	2203	1657	278	2	203	57	6
Общая численность	19392						

цзяна прибывали не только китайцы, но и члены таких смешанных русско-китайских семей. Прибыв в Синьцзян, русские жёны и дети получали китайское гражданство и, после соблюдения необходимых формальностей, становились частью русского населения Синьцзяна. С 1935 года представители русской эмиграции были официально признаны как нация, так называемый «гуйхуацзу» (归化族, досл. «натурализованная нация»). Несомненно, это событие склоняло русских к более активному получению китайского гражданства. В середине 1940-х годов в Синьцзяне жили 19392 человек.

По таблице 2 нетрудно заметить, что русские по-прежнему предпочитают жить в городах Кульджа и Чугучак. Это связано с тем, что раньше здесь были русские фактории и консульства, и, несмотря на то, что они исчезли в начале XX века, некоторые политические и торговые связи в этих регионах все-таки остались. Более того, после восстановления отношений между Китаем и Советским Союзом местные консульства были учреждены заново, что создавало более благоприятные условия для жизни. Русские также селились в окрестностях городов Кульджа и Чугучак, а также в уездах Бурчун и Дурбульджин, в г. Шихо. В основном, до образования КНР, русское население жило на Северо-Западе Синьцзяна, сформировав своего рода диаспору.

В ноябре 1945 года Президиумом Верховного Совета СССР был опубликован приказ «О восстановлении советского гражданства русских граждан, находящихся на территории Синьцзяна и Шанхая». Согласно указу, за восстановление гражданства отвечало советское консульство в Урумчи. В это время часть «гуйхуацзу» приняла советское гражданство, но некоторые отказались от него в пользу китайского гражданства [17, с. 163].

В 1953-1980 годах наблюдалось сокращение численности русских в Синьцзяне в результате коллективизации, которая прошла в регионе, и

репатриации части русской диаспоры, а также ухудшения советско-китайских отношений и культурной революции.

В первое время коллективизации еще можно было избежать, и в начале 1950-х годов старообрядцы старались уклониться от участия в ней. Однако, когда местная администрация стала повсеместно организовывать сельскохозяйственные производственные кооперативы и народные коммуны, избегать участия в ней стало труднее, и жизнь старообрядцев значительно ухудшилась. С 1954 года некоторые члены данного религиозного движения вернулись в СССР [18, с. 183]. После ухудшения отношений между СССР и КНР в 1959 году отток русского населения из Синьцзяна на Запад, а именно в Австралию, США, Бразилию, Аргентину и Канаду усилился, причем немалую роль в этом сыграла религиозная пропаганда миссионеров из Англии и Австралии. Большинство эмигрантов добирались до пункта назначения через море.

Некоторые представители русской эмиграции решили остаться в Синьцзяне, но были вынуждены скрывать свою национальность, чтобы избежать гонений и сопутствующих их статусу проблем. Согласно переписи 1980 года, число русских на территории Синьцзяна составляло лишь 560 человек, что стало самым низким показателем за всю историю присутствия русских в этих местах.

Ситуация улучшилась после перехода к политике реформ в 1978 году, что вызвало позитивные сдвиги и в национальной политике КНР. После этого русское население Синьцзяна и КНР в целом стало увеличиваться. Согласно переписи 2000 года в Синьцзяне насчитывалось 8935 русских, что на то время составляло примерно 57 % всего русского населения страны (15609 русских). В основном они жили в Кульдже, Чугучаке и Урумчи. По данным переписи населения, прошедшей в 2010 году, в КНР проживало примерно 15393 русских. Данные переписи не-

посредственно по Синьцзяню отсутствуют, но даже на основании имеющихся данных можно сделать вывод, что по сравнению с 2000 годом общая численность русских в Китае не сильно изменилась. Таким образом, можно заключить, что доля русских в Синьцзяне составляет свыше 50 % от общего количества представителей данного этноса, проживающих на территории КНР. По последним данным переписи населения, которая проходила в Китае в 2020 году, на территории страны проживает 16136 русских, основная масса которых сосредоточена в Синьцзяне и Хэйлунцзяне [19].

Таким образом, после 1919 года численность русских сильно выросла в связи с белой эмиграцией. Однако вследствие разгрома отрядов А.И. Дутова, Б.В. Анненкова и А.С. Бакича число рус-

ских в Синьцзяне резко сократилось. Ввиду того, что в Синьцзяне были более благоприятные условия для жизни, многие русские постепенно заселились сюда еще до образования КНР. После основания КНР изменение численности русских можно охарактеризовать следующим образом: «быстрый рост – резкое сокращение – плавное развитие». В последние годы численность элосыцзу увеличивалась уже за счёт естественного прироста населения. Следует отметить, что основная часть элосыцзу по-прежнему сконцентрирована в северной части Синьцзяна. Подобный характер размещения сложился исторически и восходит к событиям, упомянутым выше. Несмотря на расширение географии, расселение элосыцзу в Синьцзяне в целом не претерпело кардинальных изменений.

Литература и источники

1. Косицын Д.Ф. Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: Рукопись инока Парфения, сообщенная Д. Ф. Косицыным // Русский вестник. 1878. №9. С.5-21.
2. Хисамутдинов А. А. В поисках земли обетованной: русские старообрядцы из России через Азию в Америку: монография. Владивосток.: Дальневосточный университет, 2015. 59 с.
3. Benson L. The Russians in Xinjiang: From immigrants to national minority // Central Asian Survey. 1989. №2. P. 97-129.
4. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). Москва: Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 219 с.
5. 江梅. 新疆俄罗斯人研究 (1840-1944). 新疆大学硕士研究生学位论文. 新疆, 2003. 57 с. [Цзян Мэй. Исследование о Синьцзянских русских (1840-1944). Магистерская работа. Синьцзян, 2003. 57 с.]
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.62. Оп.2. Д.131.
7. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.Референтура по Синьцзяну. Оп.1. П.101. Д.1.
8. 杨雯. 民国时期的新疆俄罗斯人. 新疆大学硕士研究生学位论文. 新疆, 2007. 55 с. [Ян Вэнь. Русские в Синьцзяне в 1912-1949 гг. Магистерская работа. Синьцзян, 2007. 55 с.]
9. Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009. 573 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.122. Оп.2. Д.46.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5881. Оп.2. Д.986.
12. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. Москва: Центрполиграф, 2006. 688 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5881. Оп.2. Д.985.
14. Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920-1930-е гг.). Москва: «Нобель Пресс», 2013. 278 с.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.122. Оп.2. Д.46.
16. Иванов Н.Т. По другую сторону баррикад. Политические портреты лидеров Белого движения. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1995. 100 с.
17. 薛衍天. 民国时期中苏关系史(下). 北京: 中共党史出版社, 2009. 300 с. [Сюэ СяньТянь. История советско-китайских отношений в периоде Китайской Республики. Пекин: Изд-во истории Коммунистической партии Китая, 2009. 300 с.]
18. Цутому Цукад. Коллективизация сельского хозяйства в Синьцзян Уйгурском Автономном районе (КНР) и старообрядцы-кержаки (XX в.) // IV центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия / Кызыл, 2018. С.182-185.
19. 第七次全国人口普查汇总数据[электронные ресурсы] – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2021/indexch.htm> (дата обращения 15.01.2022) [Всеобщая перепись населения в 2020 г. в Китае].

References

- Kositsyn D.F. *Pervye izvestiya o russkikh v Kul'dzhe i prisoedinenie k Rossii Kirgizskoi stepi: Rukopis' inoka Parfeniya, soobshchennaya D. F. Kositsynym* [The first news about the Russians in Ghulja and the annexation of the Kirghiz steppe to Russia: manuscript of the monk parfeniy, reported by D.F. Kositsyn]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin]. 1878. No.9. pp. 5-21.
2. *Khislamutdinov A. A. V poiskakh zemli obetovannoi: russkie staroobryadtsy iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku: monografiya* [In Search of the Promised Land: Russian Old Believers from Russia through Asia to America: Monograph]. Vladivostok.: Dal'nevostochnyi universitet Publ., 2015. 59 p.
3. Benson L. The Russians in Xinjiang: From immigrants to national minority. *Central Asian Survey*. 1989. №2. pp. 97-129.
4. Grimm E.D. *Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii na Dal'nem Vostoке (1842-1925)* [Collection of treaties and other documents on the history of international relations in the Far East (1842-1925)]. Moscow: Izdanie Instituta vostokovedeniya im. N.N. Narimanova Publ., 1927. 219 p.
5. Tszyan Mei. *Issledovanie o Sin'tszyanskikh russkikh (1840-1944)* [The Russians in Xinjiang (1840-1944)]. *Magisterskaya rabota*. Sin'tszyan, 2003. 57 p.
6. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History]. F.62. Op.2. D.131.
7. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (AVP RF)* [Archive of the foreign policy of the Russian Federation]. F. Referentura po Sin'tszyanu. Op.1. P.101. D.1.
8. Yan Ven'. *Russkie v Sin'tszyane v 1912-1949 gg* [Russians in Xinjiang in 1912-1949]. *Magisterskaya rabota*. Sin'tszyan, 2007. 55 p.
9. Abdullaev K.N. *Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX veka* [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the XX century]. Dushanbe: Irfon Publ., 2009. 573 p.
10. RGASPI. F.122. Op.2. D.46.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F.5881. Op.2. D.986.

12. Ganin A.V. *Ataman A.I. Dutov* [Ataman A.I. Dutov]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2006. 688 p.
13. GARF. F.5881. Op.2. D.985.
14. Nazemtseva E.N. *Russkaya emigratsiya v Sin'tszyane (1920-1930-e gg.)* [Russian emigration in Xinjiang (1920-1930s)]. Moscow: «Nobel' Press» Publ., 2013. 278 p.
15. RGASPI. F.122. Op.2. D.46.
16. Ivanov N.T. *Po druguyu storonu barrikad. Politicheskie portrety liderov Belogo dvizheniya* [Over the barricades. Political portraits of the leaders of the white movement]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute Publ., 1995. 100 p.
17. Syue Syan'Tyan'. *Istoriya sovetsko-kitaiskikh otnoshenii v periode Kitaiskoi Respubliki* [The history of Soviet-Chinese relations in the period of the Republic of China]. Beijing: Izd-vo istorii Kommunisticheskoi partii Kitaya, 2009. 300 p.
18. Tsutomu Tsukad. *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva v Sin'tszyan Ugurskom Avtonomnom raione (KNR) i starobryadtsy-kerzhaki (XX v.)* [Collectivization of agriculture in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (PRC) and Kerzhak Old Believers (XX century)]. *IV tsentral'noazaiskie istoricheskie chteniya. Prostranstvo kul'tur: cherez prizmu edinstva i mnogoobraziya* [IV Central Asian historical readings. Space of cultures: through the prism of unity and diversity]. Kyzyl, 2018. pp.182-185.
19. *Vseobshchaya perepis' naseleniya v 2020 g. v Kitae* [General Population Census in 2020 in China]. Available at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (accessed: 15.01.2022).

© «Клио», 2023

© Лю Лэй, 2023

УДК 94 (47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_159

Дата поступления (Submitted) 16.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 26.07.2023

Роль Хабаровского краевого отделения общества «СССР – Япония» в укреплении советско-японских культурных связей (1960 – 1985 гг.)

СТАНИСЛАВ ВАДИМОВИЧ СЛИВКО

кандидат исторических наук, доцент кафедры
Отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО
«Тихоокеанский государственный университет
680000, Россия, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, д. 68.
e-mail: tov.slivko@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты деятельности Хабаровского краевого отделения общества «СССР – Япония» (ОСЯ), направленной на укрепление советско-японских культурных связей в 1960-1985 гг. Выделены основные приоритетные направления работы отделения общества, рассмотрена их реализация и социально-политический эффект. Определены функции Хабаровского краевого отделения ОСЯ в системе советско-японских отношений. Автором сделан вывод, что они в значительной степени определялись задачами формирования у жителей Японии положительных представлений об СССР, оказания поддержки советскому внешнеполитическому курсу методами и средствами народной дипломатии, развития дружественных отношений между советскими людьми и японцами на различных уровнях взаимодействия. Особое внимание уделяется личному вкладу руководителей и активистов Хабаровского отделения общества в развитие советско-японской дружбы.

Ключевые слова: Дальний Восток, СССР, Хабаровский край, общество СССР-Япония, советско-японские культурные связи, М.П. Даниловский

The role of the Khabarovsk regional branch of the society “USSR – Japan” in strengthening Soviet-Japanese cultural ties (1960 – 1985)

STANISLAV VADIMOVICH SLIVKO

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department
of National and World History, Pacific National University
680000, Russia, Khabarovsk, st. K. Marx, 68.
e-mail: tov.slivko@mail.ru

Abstract. The article considers various aspects of the activity of the Khabarovsk regional branch of the society «USSR - Japan» (OSE) aimed at strengthening Soviet-Japanese cultural ties in 1960-1985. The main priority directions of work of division of the society have been allocated, their implementation and socio-political effect have been considered. The functions of the Khabarovsk regional branch of the OSE in the system of Soviet-Japanese relations have been determined. The author concludes that they were largely determined by the tasks of forming positive ideas about the USSR among the inhabitants of Japan, supporting the Soviet foreign policy by means of popular diplomacy, developing friendly relations between Soviet people and Japanese at various levels of interaction. The Khabarovsk branch of the society has a significant personal contribution to the development of Soviet-Japanese friendship, and leaders and activists of the Khabarovsk branch have a significant personal contribution to the development of Soviet-Japanese friendship.

Keywords: Far East, USSR, Khabarovsk Territory, USSR-Japan society, Soviet-Japanese cultural ties, M.P. Danilovsky

В современных отечественных исследованиях активно изучаются различные грани истории советско-японских отношений в послевоенное время. Не осталась без внимания и история общества «СССР-Япония», чья

роль в нормализации отношений между двумя странами признана весьма существенной [1-8]. Несмотря на то, что в литературе рассмотрена деятельность общества на всесоюзном уровне и дана характеристика работы некоторых регио-

нальных организаций, отсутствуют публикации, в которых рассматривались бы усилия Хабаровского краевого отделения общества «СССР – Япония» по развитию советско-японских культурных связей. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Разгром милитаристской Японии, положивший конец Второй мировой войне, изменил международную обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако начавшаяся «холодная война» вновь создала угрозу безопасности дальневосточным границам. Несмотря на создание и укрепление в регионе социалистических государств, являвшихся союзниками СССР (Китайская народная республика, Корейская народно-демократическая республика, Демократическая республика Вьетнам), США рассматривали оккупированную Японию в качестве территории для размещения своих военных баз. После окончания оккупации и подписания Сан-Францисского договора (1952 г.) Япония стала стратегическим союзником США в регионе. Американская сторона прилагала немалые усилия для того, чтобы подтолкнуть японские правящие круги к занятию конфронтационной позиции в отношении СССР.

Однако, настроения японской общественности и заинтересованность различных слоев японского общества в расширении сотрудничества с СССР стали причиной, которая послужила серьезным фактором нормализации межгосударственных отношений с Советским Союзом. 19 октября 1956 г. СССР и Япония подписали Совместную советско-японскую декларацию, восстановившую дипломатические отношения между двумя странами и заложившую основу для налаживания добрососедских связей.

Развитие народной дипломатии стало важнейшим фактором сохранения дружбы и мира между советским и японским народами. В 1958 г. было создано общество «СССР-Япония» (ОСЯ). Хабаровское отделение общества «СССР – Япония» возникло в 1960 г., одним из первых в Советском Союзе [9, с.31]. В первой половине 1960-х гг. в Хабаровском крае возрастал интерес общественности к расширению контактов с зарубежными странами, в первую очередь среди молодежи, что выразилось в создании клубов интернациональной дружбы. Большое значение имела помощь хабаровчан жителям пострадавшей в августе 1963 г. от наводнения и землетрясения Ниигаты, после чего между городами были установлены побратимские связи. В этих условиях Хабаровскому отделению общества «СССР-Япония» предстояло стать организатором и координатором контактов советской и японской общественности на территории Хабаровского края.

В 1965 г. председателем правления Хабаровского отделения общества «СССР-Япония» стал ректор ХПИ М. П. Даниловский, бессменно за-

нимавший этот общественный пост до 1987 г. В немалой степени благодаря его усилиям деятельность общества на территории Хабаровского края приобрела широкий размах и получила международный резонанс. Надежными соратниками Михаила Павловича стали его заместители писатель В.М. Ефименко, редактор радиокомитета журналист Н.П. Вторушин, ответственный секретарь Хабаровского отделения ОСЯ зав.кафедрой иностранных языков политехнического института Г.Г. Золотницкая, члены правления Н.А. Коробенков, З.В. Завгородняя, В.А. Тюрин и другие [10, л.23-24,36].

К 1976 г. Хабаровское отделение Общества «Япония-СССР» состояло из 63 коллективных членов (в 1974 г. их насчитывалось 52), что позволяет судить о достаточно широком размахе работы [11, л.16]. Среди них были крупнейшие предприятия и учебные заведения (Универсальный кабельный завод имени 50-летия СССР, станция и вокзал Хабаровск-I ДВЖД, Хабаровское отделение «Интурист», Хабаровский политехнический, медицинский и железнодорожный институты, Дальневосточная студия кинохроники, Хабаровский объединенный авиаотряд и др.), Хабаровский городской интерклуб, интерклубы морских портов Маго, Де-Кастри, Мыс Лазарева, ряд теплоходов, заходивших в порты Японии [10, л.34].

Хабаровское отделение общества «СССР-Япония» развивало следующие основные направления деятельности:

- прием японских делегаций, прибывавших в СССР по приглашению Центрального правления Общества «СССР-Япония»;
- оказание помощи в организации работы с туристами и делегациями, прибывавшими в СССР по приглашениям других общественных организаций Советского Союза: профсоюзов, комсомола, Ассоциации породнённых городов и т.д.
- ознакомление советских людей с японской действительностью, работа с активом предприятий, организаций, учебных заведений, являющихся объектами показа для иностранцев;
- распространение среди членов японских делегаций и туристических групп советской литературы, фотоматериалов, музыкальных пластинок и т.д.

Реализуя эти направления деятельности, правление Хабаровского отделения общества «СССР-Япония» тесно взаимодействовало с советскими и партийными органами власти, Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), ВЛКСМ, ВЦСПС, Всесоюзным обществом «Знание», органами государственной безопасности.

Особую роль в реализации этих направлений играл Хабаровск, ставший в 1960-1980-х гг. крупнейшим центром японского туризма на Дальнем Востоке. Ответственный секретарь Хабаровского отделения ССОД Н.А. Шаповалов в 1974

г. отмечал, что «восемьдесят процентов иностранцев, посещающих Хабаровск в качестве туристов и различного рода делегаций составляют японцы». Вполне естественно поэтому, что Хабаровское отделение общества «СССР-Япония» проводит наиболее интенсивную информационно-пропагандистскую работу. Возглавляет его большой энтузиаст интернациональной работы ректор Хабаровского политехнического института профессор Даниловский Михаил Павлович» [11, л.15-17]. В отчете работы общества «СССР-Япония» (Москва) за 1973 г. приведена следующая оценка работы отделения: «Хабаровское отделение, наряду с Находкинским и Иркутским отделениями, также ведет особенно активную деятельность, поскольку через эти города идет большой поток японских делегаций и туристов, следующих морским и воздушным транспортом через Дальний Восток и Сибирь...» [11, л.15-17].

Работа с делегациями туристов велась с учетом продолжительности их пребывания в Хабаровске. Отделение общества организовывало для них экскурсии на предприятия, в учебные заведения, посещение музеев, выставок, встречи с активом отделения Общества «СССР-Япония», со знаменитыми жителями Хабаровска. Проводились встречи с членами интерклубов, а при наличии времени организовывались демонстрации советских фильмов, озвученных на японском языке.

В 1972 г. Хабаровск посетил первый «Караван дружбы» - группа жителей японского города Хокодате во главе с его мэром Яно Ясуси. В состав делегации вошли представители деловых кругов, депутаты муниципалитета, сотрудники мэрии, представители рабочих организаций и местного исполкома Коммунистической партии Японии, представители молодежных и спортивных организаций. Они ознакомились с городом, с достопримечательными местами, побывали на предприятиях, в школах и институтах. 9 июня делегация «Каравана дружбы» посетила Хабаровский политехнический институт, где состоялась встреча с активом Хабаровского отделения общества «СССР-Япония». Выступая перед членами делегации, М. П. Даниловский рассказал о работе, проводимой отделением, которая способствовала укреплению дружеских связей между советским и японским народами. Гости не только осмотрели институт, но и присутствовали на экзаменационных испытаниях студентов [12].

Начиная с 1973-1974 гг. «Корабли дружбы», «Круизы мира» и «Караваны молодежи», многочисленные делегации породненных городов приобрели большую популярность. Например, летом 1974 г. в Хабаровске состоялись встречи ряда представительных делегаций рабочего класса Японии, в особенности многомиллионного японского профобъединения «Сохё». В мае

1974 года в Хабаровске была проведена встреча профсоюзного актива города с профсоюзной делегацией молодых металлургов Японии. На встречах только с японской стороны присутствовало 270 металлургов профсоюза «Синнитэцу», во главе с заместителем секретаря ЦК профсоюзов работников металлургической промышленности Японии «Тэкко Рорен» - Конья Сигэити [11, л.15-17]. Подобные мероприятия имели большое политическое значение и способствовали укреплению авторитета СССР среди различных слоев населения Японии, прежде всего рабочего класса и трудовой интеллигенции.

Большое внимание уделяло Хабаровское отделение общества «СССР-Япония» организации работы со специализированными туристическими группами из Японии. Таких групп только в 1976 г. Хабаровске побывало несколько: группа любителей птиц, группа работников лесного хозяйства Японии, группа медсестер, несколько групп учителей по туру «Летние каникулы в СССР», музыкальный ансамбль Токийского института домоводства. Японские гости высоко оценили организацию работы с ними в Хабаровске. Положительный отзыв о пребывании в Хабаровске группы любителей птиц дал один из ее участников в газете японских коммунистов «Акахата». Председатель правления Общества «Япония-СССР» Хидзиката и управляющий директор Японо-советского туристического бюро Янасэ в своем письме М.П. Даниловскому писали: «Многоуважаемый господин Даниловский! Позвольте выразить Вам благодарность за Ваш теплый прием и содействие, которое Вы оказали японским туристическим группам, направленным нашей фирмой совместно с Обществом «Япония-СССР» в течение сего года. По возвращении из поездок все участники групп выражают мнение, что их пребывание в Вашем городе было очень интересным и полезным благодаря Вашему вниманию. В особенности члены групп любителей птиц, народных танцев, волейболистов, специалистов по лесному хозяйству и медсестёр выражают большую благодарность за Вашу любезную помощь во время их пребывания в СССР...» [10, л.39]

с 20 августа по 2 сентября 1979 г. в Хабаровске проходил XIV Тихоокеанский научный конгресс под девизом «Природные ресурсы Тихого океана — на благо человечества». В его работе приняли участие около 2 тысяч делегатов и гостей из 46 стран мира. 14 комитетов, около 100 секций и симпозиумов обсуждали широкий круг проблем естественных и социальных наук. 29 августа делегация ученых Японии, участвовавших в конгрессе, посетила Хабаровский политехнический институт (ХПИ) по приглашению профессорско-преподавательского коллектива и студентов вуза. С приветственным словом к японским ученым обратился ректор института, профессор М. П. Даниловский. Он рассказал

японским ученым об институте, о специальностях, по которым готовят инженеров для народного хозяйства Дальнего Востока. Выступившие затем представители японской делегации поделились своими впечатлениями о конгрессе и Хабаровске. Они ответили на вопросы преподавателей ХПИ о постановке высшего образования в Японии, о научных проблемах в области освоения богатств Тихого океана, над которыми работают ученые Японии [13].

М.П. Даниловский писал: «Наш город посещают различные люди из Японии - рабочие и ученые, губернаторы и учителя, люди преклонного возраста и молодежь. Всех их хабаровчане встречают с присущим советским людям радушием и гостеприимством. Мы принимаем меры, чтобы самые различные делегации, отдельные группы и туристы из Японии имели бы хорошие условия для ознакомления с жизнью советского народа, его достижениями в области народного хозяйства, строительства и культуры. В крепнущей дружбе между советским и японским народами мы видим залог мира и безопасности наших народов» [14, л.16].

Японская сторона по достоинству оценила активную деятельность М.П. Даниловского, направленную на расширение и укрепление советско-японского сотрудничества, о чем свидетельствуют многочисленные обращения на его имя со словами признательности. С 28 ноября по 5 декабря 1979 г. по приглашению Общества японо-советских связей М.П. Даниловский находился в Японии. Во время поездки Михаил Павлович встречался с японскими студентами и преподавателями в нескольких городах. На встречах он рассказывал о деятельности общества «СССР-Япония», развитии г. Хабаровска, достижениях советской высшей школы, развитии высшего образования на Дальнем Востоке. Также ректор ознакомился с японской системой образования и особенностями обучения студентов в различных высших учебных заведениях Японии [15, л.44-46].

Большое внимание в деятельности Хабаровского отделения общества «СССР-Япония» уделялось ознакомлению хабаровской обществу с жизнью японского народа. М.П. Даниловский отмечал: «Советские люди глубоко уважают трудолюбивый и талантливый японский народ. Они стремятся больше узнать о его жизни, о достижениях в области науки и техники, литературы и искусства. И мы прилагаем много сил, чтобы ознакомить жителей нашего края с жизнью соседа, рассказываем как трудящиеся Японии борются за мир, за разоружение, за превращение Японского моря в море мира. Общество знакомит людей с достижениями японской культуры, литературы искусства, организует выставки, лекции, беседы и доклады. Члены нашего общества, посетившие Японию, выступают в рабочих коллективах, по радио и телевидению с

лекциями и беседами о своих поездках по Японии и о встречах с ее народом. Их статьи печатаются в газетах и журнале «Дальний Восток». Много таких лекций и докладов провели активисты нашего общества Алексей Отраков, Николай Наволочкин, Александр Терехов и другие. Писатель Василий Ефименко написал интересный роман о жизни японского юноши, издал путевые заметки (Имеется в виду роман В.М. Ефименко «Ветер богов» и книга путевых заметок «От Хабаровска до Ниигаты», опубликованные в 1967 г. – С.С.)» [14, л.15]. В Хабаровске регулярно проводились вечера советско-японской дружбы, неизменно оказывалось содействие в проведении различных выставок. Благодаря деятельности Хабаровского отделения ряд советских учреждений и учебных заведений наладили непосредственный обмен фотовыставками, детскими рисунками и т.д. с японскими организациями и обществами дружбы. Коллективы школ №12, 34, 51 г. Хабаровска установили побратимские отношения со школами «Хакусан», «Хакусин», «Акацукка» в городе Ниигата [14, л.2].

Важное место в деятельности Хабаровского краевого отделения ОСЯ занимала работа с клубами интернациональной дружбы хабаровских вузов. Рассмотрим их функции в развитии советско-японских культурных связей на примере клуба интернациональной дружбы ХПИ, который был окружен большой заботой ректора М.П. Даниловского. Деятельность клуба широко освещалась на страницах институтской газеты «За инженерные кадры». Со временем для информации о работе интерклуба в газете появилась специальная рубрика «Интернациональная страничка». Интерклуб проводил большую работу по приобщению студентов ХПИ к изучению жизни в зарубежных странах, овладению иностранными языками, организации контактов со студенчеством зарубежных стран, встречам международных делегаций в стенах института. Организовавшись как сообщество студентов, которые желали внести свой вклад в укрепление дружбы между народами и упрочение мира, интерклуб политехнического института к 1967 г. уже имел свой устав, гимн, регулярные занятия планировались на 3 месяца вперед. При организации работы использовался опыт одного из лучших интерклубов страны – интерклуба Московского автомобильно-дорожного института (МАДИ). Интерклуб активно привлекал к своим мероприятиям преподавательский состав - лекторов-международников и побывавших за границей сотрудников института.

Уже с самого начала своей работы в 1964 г. интерклуб особое внимание обратил на установление связей со студенческой молодежью Японии и изучение японского языка [16]. 21-23 августа 1965 г. пятеро студентов ХПИ принимали участие во встрече советской и японской общественности, которая происходила в Хабаровске. Сре-

ди выступавших японских гостей было немало представителей учительского сообщества, преподавателей и студентов вузов, которые рассказали о борьбе прогрессивных кругов японского общества против возрождения милитаризма в стране, проявлении солидарности с национально-освободительной борьбой вьетнамского народа, стремлении к укреплению дружбы с СССР. По словам участницы встречи И.И. Фишер, «три дня на встрече царила атмосфера дружеского взаимопонимания, где мы встречались с японскими делегатами — на заседаниях и митингах, в парке и театре, в перерывах между заседаниями и просто на улицах. <...> Им очень понравился наш город, радушие советских людей. Они обещали, возвратившись на Родину, рассказать правду о советских людях, о нашей стране. Мы приобрели немало новых друзей, значит крепче стало дело мира» [17].

В 1965 г. студенты отправили в Высшую школу г. Ниигата памятный адрес и магнитную пленку с записью концерта самодеятельности. Весной 1965 г. институт посетили мэр Ниигаты, господин Ватанабэ, профессора и студенты Токийского университета [18]. Традицией стала работа отдельных членов интерклуба на погрузке японских лесовозов в Де-Кастри в каникулярный период.

Члены интерклуба активно переписывались с молодежью из других стран. В 1966 г. завязалась переписка студентов института со студентами из Японии. В своей статье студентка Н. Гладышева делилась впечатлениями интерклубовцев от переписки с иностранцами: «В письмах наши друзья интересуются буквально всем: наукой, культурой и искусством, нравами и бытом нашего города. Многие из них изучают русский язык, но в основном переписка ведется на английском, немецком и французском языках. Большую помощь и поддержку оказывают нам кафедры иностранных языков. Вопросы в письмах задаются самые разнообразные, молодежь за рубежом следит за жизнью нашей страны, читают произведения советских поэтов и писателей. Переписка завязывается самым различным образом, вкусы и интересы наших друзей очень разнообразны... Например, один молодой японец пожелал переписываться с каким-нибудь студентом из Хабаровска, который научил бы его играть на русской балалайке» [19].

Летом 1966 г. президент интерклуба Петр Терешин работал на японской выставке прибрежной торговли в Хабаровске. В этом году институт посетили участники самодеятельности и спортивная делегация из Ниигаты. О широте международных контактов института можно судить по тому факту, что только за 4 месяца 1967 г. гостями вуза стали около 40 иностранцев, в основном японцев — ими были студенты торгового факультета университета «Васэда». 27 июля 1967 г. ХПИ посетила новая японская делегация. Вот как описывала встречу студентка Л. Кирзнос: «Го-

сти пробыли у нас целый день, познакомились со студентами, преподавателями, посмотрели лаборатории, аудитории, спортивный и актовый залы. По тону беседы и вопросам, которые задавали японцы нам — чувствовалось дружеское отношение к русским. Мы не звали японского, наши гости не знали русского. И все-таки после официальной части беседа продолжалась уже без переводчика. Вспоминались английские слова, но больше помогали улыбки и жесты» [20]. Студенты сравнивали условия обучения в Японии и СССР, обсуждали способы проведения досуга, делились своими увлечениями и рассказывали о жизненных приоритетах.

В 1976 г. большая группа участников молодежного каравана «Дружба-76» по приглашению Хабаровского отделения общества «СССР-Япония» посетила Хабаровский политехнический институт и встретилась с его студентами. В ходе встречи японские гости продемонстрировали оранжировку цветов в японском стиле (икэбана) и чайную церемонию, а затем состоялся концерт художественной самодеятельности. Одной из организаторов этого события стала К.А. Сафронова (тренер сборной команды ХПИ по спортивной гимнастике), оставившая свои воспоминания об этой встрече: «Михаил Павлович Даниловский поручил мне подготовиться к встрече, в программу которой входили демонстрация японского искусства икебаны, чайная церемония по-японски и чаепитие по-русски. Приготовление начались за месяц до приезда гостей. <...> Стол получился у нас настолько красивым, что ректор был просто поражен. <...> Помню, что японская делегация подарила нашему ректору огромную куклу в очень красивой упаковке, а Михаил Павлович подарил им один из наших самоваров» [21, с. 124-125].

«Члены интерклубов стоят в авангарде советского студенчества при встречах с иностранцами. Они являются как бы образцом, по которому иностранные туристы составляют представление о советской молодежи. Мы стремимся быть требовательными к себе во всех отношениях» — так оценивали свою роль в организации международных встреч студенты интерклуба политехнического института [19].

Хабаровское краевое отделение общества «СССР-Япония» в 1960-1980-е гг. сумело объединить усилия представителей научной и творческой интеллигенции, трудовых коллективов, учащейся молодежи Хабаровска и Хабаровского края с целью выстраивания постоянных контактов советской и японской общественности на Дальнем Востоке. Развитие советско-японских культурных связей стало важнейшей частью расширения международного сотрудничества между Хабаровским краем и различными префектурами Японии, способствовало расширению знаний о Японии среди дальневосточников. Народная дипломатия продолжала сохраняться

даже в условиях ухудшения официальных советско-японских отношений, что позволяло развивать дружбу между советским и японским народами.

Литература и источники

1. Баринов Ю. В. Движение за дружбу с Японией на примере Саратовского движения 1970–1980 гг. // Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов. Москва: Институт Дальнего Востока РАН. 2015. С. 446–450.
2. Бекленищева М. В. Региональный опыт международного сотрудничества в СССР в 1955–1991 гг. в современной историографии. // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Вып. 20. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2020. С. 120–132.
3. Дыцышен В.Г. Иркутское отделение общества «СССР-Япония»: из истории народной дипломатии в советско-японских отношениях // Ежегодник «Япония». 2021. Том 50. С.222-248.
4. Дробница А. В., Корчевский А. В. Становление и развитие советско-японского научного сотрудничества в 1950-х – 1960-х гг. // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1 (54). С. 105–111.
5. Царек И. Ф. Становление и развитие дружеских связей молодежи СССР и Японии в 1960–1970 гг. // Россия, Сибирь и страны АТР. Тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во Иркутского университета. 1994. С. 77–80.
6. Чижикова О. В. Деятельность советских обществ дружбы и культурной связи со странами Азии в Приангарье в 1960–1980-е гг. (опыт сравнительного анализа). // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 59–64.
7. Чижикова О. В. История развития дружественных связей породненных городов Иркутской области и Монголии, Японии в 1960–1980-е гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 89–93.
8. Чижикова О. В. История развития побратимских связей городов Приангарья и Японии в 1960–1980-е гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 28–34.
9. Афонин Б.М. Культурный и гуманитарный аспекты российско-японских отношений (краткий ретроспективный обзор // ТРУДЫ ИИАЭ ДВО РАН, 2019. Том 24. № 3. С.23-37.
10. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.Р-328. Оп.1. Д.16.
11. ГАХК, Ф. Р-328, Оп.1. Д. 10.
12. «Караван дружбы» в ХПИ // За инженерные кадры. 1972. № 22 (266). 17 июня.
13. Гости института // За инженерные кадры. 1979. № 23 (540). 3 сентября.
14. ГАХК. Ф.2009. Оп.1. Д.270.
15. ГАХК. Ф. Р-328, Оп.1. Д. 35.
16. О доме судят по хозяину // За инженерные кадры. 1967. № 14(69). 27 апреля.
17. Фишер И.И. Мы приобрели новых друзей // За инженерные кадры. 1965. № 1 (1). 1 сентября.
18. Тихоокеанский государственный университет. В 3 кн. Кн. 2. История в фотодокументах / под общ. ред. проф. Н. Т. Кудиновой. М.: ИИА «БИ-Арт-Груп», 2008. 240 с.
19. Гладышева Н. Связи крепнут. Из опыта работы интерклуба нашего института. За инженерные кадры. 1968. № 19 (113). 8 июня.
20. Кирзнос Л. Помогали улыбки и жесты // За инженерные кадры. 1967. №25 (80). 7 сентября.
21. Тихоокеанский государственный университет. В 3 кн. Кн. 3. История в воспоминаниях. М, 2008. – 350 с.

References

1. Barinov Yu. V. *Dvizhenie za druzhbu s Yaponiei na primere Saratovskogo dvizheniya 1970–1980 godov* [Movement for friendship with Japan: the case of the Saratovsk movement of the 1970s–1980s]. In *Rossiyskoe yaponovedenie segodnya: K 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov* [Russian Japanology today: On the 20th anniversary of the Association of Japanologists]. 2015. pp. 446–450.
2. Beklenishcheva M. V. 2020. *Regional'nyi opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva v SSSR v 1955–1991 gg. v sovremennoy istoriografii* [Regional experience of international cooperation in the USSR in 1955–1991 in contemporary historiography]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Document. Archive. History. Present times: A collection of scholarly works]. 2020. No. 20. pp. 120–132.
3. Dacyshen V.G. *Irkutskoe otdelenie obshchestva «SSSR-Yaponiya»: iz istorii narodnoj diplomatii v sovetsko-yaponskikh otnosheniyah* [Irkutsk branch of the society “USSR-Japan”: from the history of public diplomacy in Soviet-Japanese relations]. *Ezhegodnik «Yaponiya»* [Yearbook “Japan”]. 2021. Vol. 50. Pp.222-248.
4. Drobniatsa A. V. *Korchevskii A. V. Stanovlenie i razvitie sovetskoyaponskogo nauchnogo sotrudnichestva v 1950–1960-kh gg.* [Establishment and development of scientific collaboration of the USSR and Japan in the 1950–1960s]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia]. 2011. No.1 (54), pp.105–111.
5. Tsarek I. F. *Stanovlenie i razvitie druzheskikh svyazei molodezhi SSSR i Yaponii v 60–70 gody* [Establishment and development of friendly ties of the youth of the USSR and Japan in the 1960–70s]. In *Rossiya, Sibir' i strany ATR. / Tezisy dokladov k nauchno-prakticheskoi konferencii* [Russia, Siberia, and the Asia Pacific nations / Academic-practical conference abstracts]. Irkutsk: Publishing of Irkutsk University. 1994. pp. 77–80.
6. Chizhikova O. V. *Deyatelnost' sovetskikh obshchestv druzhby i kul'turnoi svyazi so stranami Azii v Priangar'e v 1960–1980-e gg. (opytsravnitel'nogo analiza)* [Activities of Soviet societies of friendship and cultural ties with Asian nations in the Angara Region in the 1960–1980s (an attempt of comparative analysis)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2010. 2 (10). pp.59–64.
7. Chizhikova O. V. *Istoriya razvitiya druzhestvennykh svyazei porodnennykh gorodov Irkutskoi oblasti i Mongolii, Yaponii v 1960–1980-e gg.* [History of development of friendly ties of sister cities of the Irkutsk Oblast with Mongolia and Japan in the 1960–1980s]. *Gumanitarnye, sotsial'noekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic, and Social Sciences]. 2014. No. 7. pp. 89–93.
8. Chizhikova O. V. *Istoriya razvitiya pobratimskikh svyazei gorodov Priangar'ya i Yaponii v 1960–1980-e gody* [History of development of sister city ties of the cities of the Angara Region and Japan in the 1960–1980s]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2015. No. 1. pp.28–34.
9. Afonin B.M. *Kul'turnyy i humanitarnyy aspekty rossijsko-yaponskikh otnoshenij (kratkij retrospektivnyy obzor)* [Cultural and humanitarian aspects of Russian-Japanese relations (a summary retrospective review)]. *Trudy IIAE DVO RAN* [Proceedings of the IIAE FEB RAS]. 2019. Volume 24. no. 3. pp.23-37.
10. *Gosudarstvennyy arhiv Habarovskogo kraja* [State archive of the Khabarovsk Territory] GAHK. f.R-328. op.1. d.16.
11. GAHK f.R-328. op.1. d. 10.

12. «*Karavan druzhby*» v HPI [“Caravan of Friendship” in KhPI]. *Za inzhenernye kadry* [For engineering personnel]. 1972. No. 22 (266). June 17.
13. *Gosti instituta* [Guests of the Institute]. *Za inzhenernye kadry* [For engineering personnel]. 1979. No. 23 (540). September 3.
14. GАНK f. 2009. op.1. d. 270.
15. GАНK f. R-328. op.1. d. 35.
16. *O dome sudyat po hozyainu* [A house is judged by its owner]. *Za inzhenernye kadry* [For Engineering Personnel]. 1967. No.14(69). 27 April.
17. Fisher I.I. *My priobreli novyh druzej* [We have made new friends]. *Za inzhenernye kadry* [For engineering personnel]. 1965. No.1(1). September 1.
18. *Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet. V 3 kn. Kn. 2. Istoriya v fotodokumentah* [Pacific State University. In 3 books. Book. 2. History in photographic documents]. ed. prof. N. T. Kudinova. Moscow, RIA “BI-Art-Group” Publ., 2008. 240 p.
19. Gladysheva N. *Svyazi krepnut. Iz opyta raboty interkluba nashego instituta* [Ties are getting stronger. From the experience of the interclub of our institute]. *Za inzhenernye kadry* [For engineering personnel]. 1968. No. 19 (113). June 8.
20. Kirznos L. *Pomogali ulybki i zhesty* [Smiles and cruelty helped]. *Za inzhenernye kadry* [For engineering personnel]. 1967. No.25(80). September 7th.
21. *Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet. V 3 kn. Kn. 3. Istoriya v fotodokumentah* [Pacific State University. In 3 books. Book. 3. History in photographic documents]. ed. prof. N. T. Kudinova. Moscow, RIA “BI-Art-Group” Publ., 2008. 350 p.

© «Клио», 2023

© Сливко С.В., 2023

УДК 94(470):327»1991/1992»

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_166

Дата поступления (Submitted) 15.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 24.07.2023

Международная реакция на запрет КПСС и проблема атлантизма после холодной войны

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ МОЧАЛОВ

соискатель степени кандидата исторических наук
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
e-mail: dosoldschool@yandex.ru

РАМАЗАН РАДЖАБОВИЧ МАГОМЕДОВ

доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
Оренбургский филиал Российского
экономического университета им. Г. В. Плеханова
460000, Российская Федерация,
г. Оренбург, ул. Ленинская/Пушкинская, 50/51-53,
e-mail: rr-magomedob@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается международная реакция на антикоммунистическую политику Российской Федерации периода первых постсоветских лет, а также эволюция атлантизма в новых международных условиях. На материале общественно-политической периодики того времени и документов архива Президентского центра Б.Н. Ельцина предпринята попытка реконструировать ту часть международной дискуссии по этим вопросам, которая была доступна русскоязычному читателю тех лет. Выделяются основные мотивы и система аргументации заинтересованных сторон, которые поддерживали или критиковали меры российского правительства. Основными линиями аргументации была апелляция к истории, праву и необходимости защитить демократию, причем к данным мотивам обращались в равной степени все стороны. На фоне противоречивых оценок отмечается единство мнений в том, что событие имеет серьезное международное значение. Делается вывод о наличии противостояния по вопросу не только между левыми и правыми политическими силами на международной арене, но и между США и западноевропейскими странами, поскольку антикоммунизм воспринимался как обоснование американской гегемонии. Неоднородность реакции и превалирование критических оценок позволяют заключить, что преследование КПСС скорее объясняется внутривнутриполитическими мотивами России, нежели обстановкой поражения в холодной войне.

Ключевые слова: антикоммунизм, КПСС, холодная война, атлантизм, либеральные реформы, политические партии

International reaction to the prohibition of the CPSU and the problem of Atlanticism after the Cold War

DMITRII PETROVICH MOCHALOV

Applicant for a Degree Candidate of Historical Sciences
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, Sovetskaya St., 19
e-mail: dosoldschool@yandex.ru

RAMAZAN RADZHABOVICH MAGOMEDOV

Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, Sovetskaya St., 19
Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics
460000, Orenburg, Leninskaya/Pushkinskaya St., 50/51-53
e-mail: rr-magomedob@yandex.ru

Abstract. This article examines the international reaction to the anti-communist policy of the Russian Federation during the first post-Soviet years, as well as the evolution of Atlanticism in the new international conditions. On the material of socio-political periodicals of that time and documents from the archive of the Presidential Center B.N. Yeltsin, an attempt was made to reconstruct that part of the international discussion on these issues that was accessible to the Russian-speaking reader of those years. The main motives and the system of argumentation of stakeholders who supported or criticized the measures of the Russian government are highlighted. The main lines of argumentation were an appeal to history, law and the need to defend democracy, and all parties equally appealed to these motives. Against the background of conflicting assessments, there is a consensus that the event is of serious international significance. It is concluded that there is a confrontation on the issue not only between left and right political forces in the international arena, but also between the United States and Western European countries, since anti-communism was perceived as a justification for American hegemony. The heterogeneity of the reaction and the prevalence of critical assessments allow us to conclude that the persecution of the CPSU is more likely due to Russia's domestic political motives than the situation of defeat in the Cold War.

Keywords: *anti-communism, CPSU, cold war, Atlanticism, liberal reforms, political parties*

С уходом таких идеологических дисциплин как «научный коммунизм» и «история КПСС», влияние идеологии нашей страны на международные отношения, будь то «мировой революционный процесс» или же отдельные региональные процессы, практически не рассматривается.

С одной стороны, это связано с господствовавшим долгое время тезисом об окончательной деидеологизации международных отношений после окончания холодной войны. С другой – отсутствием запроса у государства и общества на продолжение исследования истории КПСС и международного коммунистического движения. В связи с этим такие темы, как влияние всемирно-исторического поражения социализма на международные отношения, и влияние отказа от коммунизма на роль России в этих отношениях, до сих пор оказались не отрефлексированы.

Можно упомянуть только отдельные работы, косвенно затрагивающие данную тему. Например, к таковым относится «Кому наследует РФ?» В.Г. Чичерюкина [1]. Эта публицистическая работа, написанная, тем не менее, профессиональным историком, рассматривает с самых различных сторон вопрос правопреемства современной России и коммунистического СССР, а также конфликт подобного наследия с миром эмигрантской России. Однако в подавляющем большинстве случаев повествование сосредоточено вокруг вопросов исторического сознания, декоммунизации и историографических проблем. В общем и целом, книга посвящена влиянию феномена существования двух культурных пространств, претендующих на одно и то же прошлое, и влиянию этого конфликта на современную общественно-политическую обстановку. Вопросы внешней политики в ней затрагиваются мало и исключительно в плоскости возобновления взаимодействия современной России с осколками эмигрантского сообщества, существующего за рубежом.

Схожая по тематике книга С.В. Волкова намеренно игнорирует тему международной реакции на запрет КПСС и отказа России от коммуни-

стической идеологии. С.В. Волков высказывается на тему разрыва правопреемства между современной Российской Федерацией, СССР и Российской империей весьма определенно: «Не имеет тут значения и так называемое “международное признание”, которое лишь фиксирует отношение к данной геополитической реальности других стран, которым вопрос о том, как нынешняя власть на данной территории соотносится с предшествующей, достаточно безразличен. Но для жителя самой страны, для уяснения сущности существующего в ней государственного режима важно не то, кем считают его другие страны, а то, кем этот режим сам себя считает» [2, с. 165].

Подобное утверждение не бесспорно. Несмотря на неразработанность проблемы, в смежных по тематике работах уже сформировалась позиция, что падение власти КПСС в России оказало большое влияние как на систему международных отношений, так и на положение России в этой системе. Интересно, что подобный взгляд принадлежит в основном иностранной литературе или же тем работам, которые созданы в тесном сотрудничестве с иностранными фондами.

В сборнике «Россия и Запад: Внешняя политика Кремля глазами либералов» высказывается мысль о том, что именно страх возрождения коммунизма на территории постсоветского пространства побуждал западные правительства идти не только на деятельную помощь правительству Б.Н. Ельцина, но и снизить давление на Россию в плане осуществления собственных внешнеполитических проектов [3, с. 31].

Коллективный доклад Трехсторонней комиссии «Взаимодействие с Россией. Следующая фаза» также содержит тезис о том, что уход России от коммунистической диктатуры – один из основных процессов, определяющих внешнеполитический курс, как самой России в 1990-х, так и курс большинства западных стран в отношении Российской Федерации в тот период [4, с. 20-21].

Наиболее полно к раскрытию рассматриваемой темы подошла работа Дж. Голдгейера и

М. Макфола «Цель и средства. Политика США в отношении России после “холодной войны”». Не смотря на довольно ограниченное место, уделенное непосредственно рассмотрению борьбы с международным коммунизмом в 1990-е и 2000-е годы, авторы сумели выдвинуть четкую концепцию, согласно которой администрация Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего имели разный внешнеполитический курс в отношении России в силу различия своих политических задач. В то время как Б. Клинтон был сосредоточен на предотвращении возврата России к коммунизму, Дж. Буш-младший отбросил представление о возможности подобного исхода, посчитав миссию по демократизации постсоветского пространства завершенной, и начал использовать ассиметричное ослабление России для односторонних международных инициатив в интересах США и осуществлял их в тех масштабах, в которых не позволяла себе администрация Б. Клинтона [5, с. 27].

Таким образом, запрет КПСС и отказ России от социализма можно рассматривать как событие глобального масштаба, вызвавшее перемены даже во внешней политике за океаном. Более того, американские авторы склонны рассматривать состоявшийся сценарий как негативный для Америки, поскольку, по их мнению, угроза возврата коммунизма в 1990-е годы была крайне переоценена и США могли начать проведение более жесткой политики в отношении России без особых последствий намного раньше [5, с. 403-404]. Для рассматриваемой нами темы данный вывод примечателен тем, что страх перед КПСС и внутренняя коммунистическая оппозиция в России в каком-то смысле защищали страну на международной арене еще десятилетие после демонтажа коммунизма.

Только со второй половины 2010-х годов в отечественную литературу проникают оценки, пытающиеся осмыслить саму «деидеологизацию» как идеологический конструкт, а антикоммунизм – как значимый фактор международных отношений.

В одном из докладов научно-экспертной сессии «Российский либеральный эксперимент: итоги и анализ» была высказана идея о том, что антикоммунизм был мифологемой не только и не столько для сокрушения марксизма, но и вообще всех несогласных с атлантизмом и американизмом интеллектуалов. Это была часть большой пропагандистской стратегии с целью обвинить всех критиков западных ценностей в том, что они «работают на жернова коммунизма» и тем самым поставить интеллектуальную среду Европы перед ограниченным выбором: советский коммунизм или атлантизм [6, с. 193-194].

В 2022 году член-корреспондент РАН Ф.Г. Войтоловский, рассуждая о роли антикоммунизма в формировании послевоенного атлантизма,

заметил, что он строился не только как антитеза советской идеологии, но также выполнял роль консолидации и подчинения воле США тех международных акторов, которые в отсутствии столь мощного образа врага, каким был мировой коммунизм, никогда бы не признали доминирование Америки [7, с. 70].

Обозначенная историографическая ситуация обуславливает актуальность более глубокого рассмотрения международной реакции на запрет КПСС и последствий этого шага для международных отношений и перемены роли России в этих отношениях.

Несмотря на привлечение ряда документов архива Президентского центра Б.Н. Ельцина, надежнее всего проследить международную реакцию на запрет КПСС по такому массовому и вместе тем широкому по охвату источнику как зарубежная пресса. В те годы отечественные газеты вели целые разделы, где кратко знакомили читателей с материалами зарубежных коллег, в основном из западной Европы. Безусловно, подобное информирование носило выборочный характер и отражало редакторскую политику как в подборе зарубежных изданий по политическому спектру, так и в выборе освещаемых тем. Однако эта выборочность современников становится тем ценнее, что тема в равной степени интересовала и россиян, и европейцев.

Вопреки ожиданиям, в подавляющем большинстве случаев западные издания отнеслись к запрету коммунистических структур в России с изрядной долей скепсиса и даже некоторым неодобрением, что резко контрастировало с настроением российской прессы тех лет. Это объясняет тот факт, почему именно оппозиционная к реформам Б.Н. Ельцина пресса наиболее активно предпочитала перепечатывать зарубежные материалы о том же «Деле КПСС» в Конституционном суде, а правительственная «Российская газета» не опубликовала ни одного подобного обзора за полуторагодовой период с августа 1991 по декабрь 1992.

Газета «Нью-Йорк Таймс» позволила себе следующее замечание по поводу свершенного запрета: «В какой мере демократов можно считать демократами, если коммунистом в Америке теперь быть безопаснее, чем в Советском Союзе?» [8]. В том же материале выражалась тревога, что репрессии против коммунистов со стороны бывших же коммунистов могут привести к расколу общества и гражданской войне в стране с ядерным оружием [8]. Вместе с тем, как отмечал корреспондент «Правды» в Америке, антипатия к коммунизму в США была столь велика, что запрет компартии не вызвал значительных возмущений, хотя американское общественное мнение охотно вступилось за отдельные коммунистические газеты, по отношению к которым российское правительство, формально разрешив их выход, предприняло тактику финансово-

го удушения [9].

Би-би-си в ноябре 1991 года констатировала, что запрету коммунистической партии в России не стоит придавать большого значения. Новая политическая элита слишком тесно повязана с предыдущим опытом, никуда не делась и масса рядовых членов КПСС. Если партии в целом, как единой структуре, нанесен «смертельный удар», то в остальном «мало что изменилось» [10].

Французская «Монд», а также британские «Гардиан» и «Дейли телеграф» обратились к Конституционному суду по «Делу КПСС», начавшемуся в 1992 году, крайне скептически, почти высмеивая инициативу демократов подать к коммунистам встречный иск об антиконституционности компартии. Несмотря на то, что сам Б.Н. Ельцин в ходе своего международного визита в США позиционировал данный суд как большое достижение в движении к демократии [11], европейская пресса не воспринимала процесс всерьез, видя в нем фарс или, в лучшем случае, политическое дело, но никак не строго юридический процесс [12]. Немецкий «Шпигель» считал подобное дело с юридической точки зрения весьма сомнительным, особенно для государства, претендующего на статус правового. Позиция защитников антикоммунистических указов немецкой прессой была охарактеризована как слабая, а сердцевина процесса виделась обозревателям в том, что чем большие трудности испытывают правительства Б.Н. Ельцина в осуществлении реформ, тем более нуждаются в призраке КПСС как «козле отпущения» для консолидации общества [13].

Французский еженедельник «Экспресс» откровенно высмеивал процесс над КПСС, напоминая, что даже А.Д. Сахаров и А.И. Солженицын начинали с верного служения делу коммунистической партии. В целом, отмечала газета, тенденция искать «политическую безупречность в тоталитарных государствах» ведет только к дальнейшим извращениям принципов права [14]. В той же стране «Паризьен» и «Юманите» рассматривали исход конституционного суда по «Делу КПСС» как поражение Б.Н. Ельцина, а «Фигаро» иронизировала над российским президентом, что после решения КС РФ тот уже никогда не сможет утверждать, что навсегда покончил с коммунизмом в России [15].

Интересны мнения авторитетных частных лиц из-за рубежа, которые собирались сторонниками и противниками запрета КПСС. Несмотря на то, что они проникали в отечественную прессу тех лет как в чисто прагматических целях, в качестве подкрепления позиции той или иной стороны, так и через новости короткой строкой, спустя годы эти материалы являются своеобразным срезом общественного мнения зарубежных стран относительно антикоммунистических мер в России.

В газете «Известия» за 1992 целый разворот

был отведен под публикацию западных лидеров общественного мнения, которые одобряли преследование коммунистов. Были приведены заявления солидарности с действиями правительства Российской Федерации со стороны Маргарет Тэтчер, Конгресса США, международной хельсинской группы, Женевской инициативы по психиатрии и депутата Европарламента от Великобритании Николаса Бетелла [16]. На страницах российской прессы в пользу запрета КПСС высказывались известный американский историк Р.Э. Пайпс [17] и действовавший на тот момент президент Польши Лех Валенса [18]. Независимый демократический союз Чили в своем поздравлении президенту Б.Н. Ельцину с победой над ГКЧП сравнивал российского президента с А. Пиночетом и надеялся на помощь новой России в борьбе с коммунизмом в латинской Америке [19, л. 172-177].

Конечно же, довольно надежным источником негативных мнений о запрете КПСС для левых сил в России была международная солидарность прочих коммунистических партий всего мира. Последняя подкреплялась не только общим прошлым и единой идейной платформой, но и тем фактом, что своими действиями новые российские власти осложнили деятельность не только российским коммунистам, но и всему мировому коммунистическому движению [20; 21]. Это стало еще одной знаковой переменной в мировой политике тех лет – из всемирной базы коммунизма Россия превращалась в основного его врага.

Редактор «Аванте!», главной партийной газеты Коммунистической партии Португалии, отмечал в своем интервью корреспонденту «Правды», что антикоммунистическая волна в бывшем СССР была использована политическими противниками партии, чтобы дискредитировать коммунистов в канун выборов [22]. Поражение социализма в СССР нанесло косвенный удар даже по британским лейбористам, чей тезис о демократическом социализме был в те годы дискредитирован поражением социализма в принципе [23].

Возможно, именно с этим связан тот факт, что за КПСС были вынуждены заступиться даже правые социал-демократы, которые традиционно были не только идеологическими противниками своих и восточноевропейских компартий, но также их прямыми конкурентами за традиционный левый электорат.

П. Глоц, член Президиума СДПГ и бывший статс-секретарь министерства образования и науки ФРГ, весьма скептически оценивал антикоммунистические меры в России. Он указывал на неэффективность запрета на профессии и запрета компартии, существовавшие в ФРГ еще в годы холодной войны. По его мнению, политические вопросы нужно решать политически и использование для этого судебных органов – путь

тупиковый [24]. Подобную позицию выразил секретарь по международным делам Социал-демократической партии Австрии К. Шрамек. Он отмечал, что практика запретов для Европы в принципе является устаревшим инструментом, так как демократия обладает «достаточной силой самоочищения» и такая крайняя мера адекватна только к тем партиям и движениям, которые прямо прибегают к насилию. По мнению К. Шрамека, «запреты ни коим образом не вписываются в нормы политической жизни цивилизованного государства» [25].

Весьма традиционной и ожидаемой была поддержка КПСС от братских партий старой Европы. Солидарность КПСС в ее борьбе за легализацию высказывали Испанская коммунистическая партия [22] и компартия Чехии и Моравии [26]. Американский левый публицист и член компартии США М. Давиду сравнил Конституционный суд по «Делу КПСС» с маккартистскими разбирательствами в нью-йоркском окружном суде, свидетелем которых он когда-то был, причем сравнение было не в пользу российского суда [27].

Некоторые коммунистические партии не ограничили одним только символическим выражением поддержки. Коммунистическая партия Греции создала межпартийный общественный комитет для противодействия антидемократическим и антикоммунистическим тенденциям в России, в работу которого включились не только левые, но также ряд умеренно правых и беспартийных общественных деятелей и организаций. В заявлении греческих общественников в том числе было упомянуто: «Необходимо отменить антидемократические решения, восстановить законную деятельность всех без исключения запрещенных партий и организаций. Необходимо поставить заслон антикоммунистической истерии, разрушению исторических памятников и музеев... Попытки уничтожить завоевания Октябрьской революции ведут к ослаблению демократических прав и социальных завоеваний трудящихся во всем мире. Крушение Советского Союза может иметь непредсказуемые последствия для всеобщего мира» [28]. Печатный орган Компартии Греции «Ризоспастис» организовал сбор средств для помощи российским коммунистам и уже в феврале 1992 года передал первую сумму коммунистическим лидерам г. Москвы [29].

Интересно отметить, что новую эпоху характеризовало и наличие исключений. Среди массовых коммунистических партий, не беря в расчет членов троцкистского IV Интернационала, существовали организации, положительно отреагировавшие на запрет КПСС. Например, Коммунистическая партия Японии в октябре 1991 года заявила, что считает КПСС олицетворением «гегемонизма и социалистического империализма» и потому считает закономерным и

желательным ее исчезновение [30].

Так же как и депутатам-антикоммунистам, сторонникам КПСС удалось заручиться поддержкой видных общественных деятелей зарубежья, причем даже тех, которые ранее были противниками коммунистических режимов в своих странах. Достаточно сказать, что нашлось 11 членов Парламентской ассамблеи Совета Европы, в основном от левых партий, которые подписали открытое письмо с обвинением России в нарушении прав человека и ограничении политической свободы из-за запрета деятельности КПСС [31, л. 130]. Депутаты представляли Финляндию, Францию, Норвегию, Чехию, Кипр, Грецию, Болгарию, Сан-Марино, Данию и Испанию. Оригинал документа был уничтожен в секретариате Г.Э. Бурбулиса [31, л. 129], так что на сегодняшний день письмо существует только в копии.

Будучи в прошлом генеральным директором чехословацкого телевидения и членом КПЧ, И. Пеликан был исключен из партии за поддержку «пражской весны» и вынужден был эмигрировать. На момент 1992 года ему удалось продолжить политическую карьеру в качестве депутата Европарламента от Итальянской социалистической партии. И. Пеликан публично высказался против запрета советской компартии, обосновывая это тем, что коммунистические организации восточного блока никогда не были однородны, в них всегда существовали различные крылья, которые не могут нести коллективную ответственность и которые в равной степени должны быть разрешены, чтобы предоставить обществу выбор между реформистами и догматиками. По мнению И. Пеликана, запрет КПСС привел к вытеснению из политической жизни миллионов людей, которые могли бы принести пользу обществу [32].

Бывший чехословацкий диссидент М. Лакаш считал, что история суду не подвластна в принципе. Однако, дело не только в том, что упущено время, но и в том, что отсутствует предмет разбирательства: КПСС не может быть приравнена к НСДАП, идеи «нового Нюрнберга» не состоятельны. Нацисты были осуждены именно за военные преступления, преступления против человечества. Тот факт, что режим правления КПСС не был демократическим, еще не делает его автоматически преступным. По его мнению, процесс над КПСС не получит того общественного отклика на западе, на который рассчитывает российское правительство [33].

Заместитель председателя законодательной комиссии болгарского парламента, И. Школагерский, присоединился к тем, кто выступал против преследования КПСС. Он считал, что именно Коммунистической партии Советского Союза принадлежит заслуга в инициации демократических перемен в своей стране и восточной Европе в целом, а запрет коммунистов будет шагом назад в достижении демократического обще-

ства [34]. Старший адвокат верховного суда Индии Р.К. Гарг в интервью «Правде» квалифицировал антикоммунистические указы Б.Н. Ельцина как «явное превышение власти, не отвечающие никаким принципам демократии» и считал, что принцип коллективной ответственности в данном случае неприемлем [35].

Необходимо отметить, что отечественная пресса тех лет не ограничивалась одними только перепечатками зарубежных материалов и собственными репортажами, но также пыталась оценить последствия происходящего для будущего облика мировой политики. Однако, конкретно этот аспект рассматривался реже всего.

Репортер «Правды», В. Герасимов, отслеживая процессы декоммунизации и принятия люстрационных законов в Восточной Европе, приходил к выводу, что эти процессы были осторожными и весьма умеренными до тех пор, пока КПСС находилась в Советском Союзе на легальном положении. После запрета партии и начала антикоммунистической кампании в российском обществе, «охота на ведьм» в странах бывшего Варшавского договора резко активизировалась. Таким образом, автор приходил к выводам о том, что своим решением Б.Н. Ельцин спровоцировал погром левых сил во всей Восточной Европе [36].

«Рабочая трибуна» рассматривала преследование КПСС двояко: как часть договоренностей по получению поддержки Запада в обмен на капитуляцию в холодной войне, и как попытку избавиться от наиболее сильного конкурента в борьбе за власть [37].

В принципе, власти и не скрывали подобную подоплеку своих действий. Министр иностранных дел РФ А.В. Козырев в ходе своего визита во Францию в конце 1992 года активно апеллировал к коммунистической угрозе внутри России и призывал воскресить доктрину сдерживания и отбрасывания коммунизма теперь уже применительно к внутривнутриполитическим делам России. Оппозиционная пресса отмечала, что в Европе подобные заявления были восприняты со скепсисом, так как все происходящее было больше похоже на попытку конкретных министров и конкретного правительства спасти свою репутацию за счет переключивания провалов на какую-то угрозу со стороны оппозиции [38].

Тем более, становилось очевидно, что позиция российского МИД не попадает в новую европейскую конъюнктуру. Буквально за 2 месяца до заявления А.В. Козырева в защиту советских коммунистов выступил французский министр иностранных дел Р. Дюма, который апеллировал к заслугам коммунистов в антигитлеровском сопротивлении в годы второй мировой и, что особенно важно, уверял, что поражение советского коммунизма угрожает миру единоличной гегемонией США [39].

В пользу этой позиции свидетельствовало от-

крытое письмо 37-го президента США Р.М. Никсона 41-му президенту США Дж. Бушу «Как проиграть холодную войну». Симптоматично, что его перевод на русский язык отложился в личных документах Б.Н. Ельцина и содержит пометки, свидетельствующие о том, что руководство России прорабатывало этот документ. В нем указывалось, что поражения коммунизма мало для того, чтобы считать холодную войну выигранной, необходимо также, чтобы окончательно победила демократия [40, л. 1]. В содержании письма раскрывается то, что под последними словами имелось в виду установление мировой гегемонии США. В меморандуме Никсона Америка именуется «единственной сверхдержавой мира» [40, л. 4]. По его мнению, именно в России будет решаться судьба следующего века и именно успех рыночных реформ в России поможет окончательно добить оставшиеся коммунистические режимы, в противном случае США ждет новое противостояние, Россию – новая диктатура (правда, не обязательно коммунистическая), а мир в целом – новый подъем авторитаризма [40, л. 2-3]. С одной стороны, письмо проникнуто симпатиями к происходящим в России переменам и содержит требование оказывать новому российскому режиму помощь всеми возможными средствами, даже в ущерб ближайшим интересам самих Соединенных Штатов [40, л. 5-7]. Однако, о довольно потребительском отношении свидетельствует пассаж о том, что если реформы провалятся, то США потеряет Россию в качестве сферы влияния также, как потеряла в 1950-х Китай [40, л. 8]. С учетом колониального положения Китая в первой половине XX века, подобное сравнение можно считать довольно унижительным.

Американский журналист В. Бевинс, выпустивший исследование, целиком посвященное борьбе США с мировым коммунизмом, отмечал, что холодная война и гибель советского коммунизма не привела даже к малому – существенному сокращению военного бюджета [41, с. 313], не говоря уже о том, что второй мир в подавляющем большинстве случаев не получил ни материального благополучия, ни демократических режимов [41, с. 320-321]. Таким образом, мир получил только американскую гегемонию и не более.

Подводя итог, необходимо отметить, что набирающие сегодня актуальность тенденции к поиску взаимосвязи антикоммунизма и атлантизма не являются совершенно новым выводом в науке. Так или иначе, эти тенденции отмечались уже современниками, однако, в силу господства тезиса о деидеологизации международных отношений, эти выводы просто длительное время не были востребованы.

Касательно конкретно обстановки на момент запрещения деятельности КПСС обращает на себя внимания факт крайней неоднородности в оценках этого поступка со стороны различных

по своей политической ориентации европейских элит и крайне неблагоприятной настрой европейской прессы к этому шагу. Это позволяет усомниться в тезисе о том, что ликвидация КПСС была частью символической «сделки» по капитуляции в Холодной войне и предполагать, что данный шаг был продиктован скорее внутренней потребностью российского правительства.

Из тех факторов, которые отталкивали мировое сообщество от принятого правительством

Б.Н. Ельцина решения, можно выделить неприятие столь грубого инструментария политической борьбы, который, однако, был неизбежен для малоопытных правительств реформаторов, а также изменение международных реалий. В новом противостоянии, теперь уже гегемонии США, прежние идеологемы холодной войны работали скорее в пользу Америки, обосновывая ее право на единоличную руководящую роль в Западном мире.

Литература и источники

1. Чичерюкин В.Г. Кому наследует РФ? : проблемы десоветизации, исторического мародерства и расколотого сознания. М.: Пробел-2000, 2010. 161 с.
2. Волков С.В. Почему РФ – еще не Россия. Невостребованное наследие империи. М.: Вече, 2010. 347 с.
3. Россия и Запад. Внешняя политика Кремля глазами либералов / под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Либеральная миссия, 2009. 86 с.
4. Ватанабэ К. Взаимодействие с Россией. Следующая фаза: доклад для Трехсторонней комиссии рабочей группы в составе: Кодзи Ватанабэ (от Азиатско-Тихоокеанского региона), Родерик Лайн (от Европы), Строб Тэлбот (от Северной Америки) / пер. с англ. Д. Васильева. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 251 с.
5. Голдгейер Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М.: Международные отношения, 2009. 519 с.
6. Никандров А.В. Либеральный универсализм против коммунизма: западноевропейское идейно-политическое и интеллектуальное противостояние второй половины XX века // Российский либеральный эксперимент: итоги и анализ. Материалы научно-экспертной сессии. М.: Наука и политика, 2014. С. 191-198.
7. Рудаков В.Н. [Интервью с Ф.Г. Войтоловским] Поглощение Европы // Историк. 2022. №6 (90). С. 66-73.
8. Линник В. Все смешалось... // Правда. 1991. №205 (26653). С. 3.
9. Линник В. До правового общества еще далеко // Правда. 1991. №214 (26662). С. 4.
10. Intercent // Правда. 1991. №264 (26712). С. 5.
11. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 20. № fono_060.
12. Процесс может стать фарсом // Правда. 1992. №75 (26829). С. 3.
13. Григорьев Е. Нужен козел отпущения // Правда. 1992. №77 (26831). С. 3.
14. Владимирова Ю. Секут себя сами // Правда. 1992. №101 (26855). С. 4.
15. Лютый А. «Ельцин проиграл свой процесс» // Правда. 1992. №179 (26933). С. 3.
16. Буковский В.К. Коммунизм и демократия несовместимы // Известия. 1992. № 166 (23740). С. 3.
17. Мнение зарубежных наблюдателей // Труд. 1992. № 103 (21627). С. 1.
18. Борецкий Р. [Интервью с Л. Валенсой] Катынский крест на коммунизме // Новое время. 1992. № 44 (2470). С. 22–23.
19. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 170.
20. Мочалов Д. П., Невзорова И.В. Деятельность Международного отдела ЦК КПСС по материалам конституционного суда РФ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 1(57). С. 62-71.
21. Мочалов Д. П., Магомедов Р.Р. Антикоммунизм как фактор выстраивания внешнеполитического курса Российской Федерации в 1991-1992 годах // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 218-223.
22. Волков В., Орехов Б. Останутся коммунистами // Правда. 1991. №224 (26672). С. 5.
23. Киселев А. Тризна по социализму // Рабочая трибуна. 1991. №200 (500). С. 3.
24. Григорьев Е. [Интервью с П. Глоцем] Запреты – не политика // Правда. 1992. №82 (26836). С. 3.
25. Мельников И. [Интервью с К. Шрамеком] «Запрет – неоправданный и политически неумный шаг» // Правда. 1992. №91 (26845). С. 3.
26. Крушинский А. Правда из «Правды» // Правда. 1992. №143 (26897). С. 7.
27. Давидов М. «Особая концепция демократии» // Правда. 1992. №77 (26831). С. 3.
28. Защищая поруганные идеалы // Правда. 1991. №288 (26736). С. 5.
29. [Широкую кампанию сбора средств...] // Правда. 1992. №39 (26793). С. 1.
30. [Против возрождения КПСС...] // Правда. 1991. №238 (26686). С. 1.
31. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 7. Оп. 1. Д. 110.
32. Крушинский А. [Интервью с И. Пеликаном] «Оппозиция необходима» // Правда. 1991. №288 (26736). С. 5.
33. Крушинский А. [Интервью с М. Лакатошом] История трибуналу неподвластна // Правда. 1992. №90 (26844). С. 1, 3.
34. Кузнецов Л. [Интервью с И. Школагерским] Зачем утверждать беззаконие? // Правда. 1991. №288 (26736). С. 5.
35. Байков В. [Интервью с Р. К. Гаргом] Явное превышение власти // Правда. 1991. №288 (26736). С. 5.
36. Герасимов В. Бумеранг возвращается // Правда. 1991. №268 (26716). С. 2.
37. Казанцев В. Пока народ безмолвствует, политики судятся // Рабочая трибуна. 1992. №84 (637). С. 1, 2.
38. Бельяков В. Парижская палитра Андрея Козырева // Правда. 1992. №168 (26922). С. 3.
39. Ролан Дюма о коммунистах // Советская Россия. 1991. №166 (10617). С. 3.
40. Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1513.
41. Бевинс В. Метод «Джакарта»: Антикоммунистический террор США, изменивший мир. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 440 с.

References

1. Chicheryukin V.G. *Komu nasleduet RF? : problemy desovetizatsii, istoricheskogo maroderstva i raskolotogo soznaniya* [Who will inherit the Russian Federation? : problems of de-Sovietization, historical looting and split consciousness]. Moscow, Probel-2000 Publ., 2010. 161 p.
2. Volkov S.V. *Pochemu RF – eshche ne Rossiya. Nevostrebovannoe nasledie imperii* [Why the Russian Federation is not Russia yet. The unclaimed legacy of the empire]. Moscow, Veche Publ., 2010. 347 p.

3. Rossiya i Zapad. Vneshnyaya politika Kremlya glazami liberalov [Russia and the West. The foreign policy of the Kremlin through the eyes of liberals] / edited by I.M. Klyamkin. Moscow, Liberal'naya missiya Publ., 2009. 86 p.
4. Vatanabe K. Vzaimodeistvie s Rossiei. Sleduyushchaya faza: doklad dlya Trekhstoronnei komissii rabochei gruppy v sostave: Kodzi Vatanabe (ot Aziatsko-Tikhoookeanskogo regiona), Roderick Lain (ot Evropy), Strob Telbot (ot Severnoi Ameriki) [Interaction with Russia. Next phase: report to the Trilateral Commission working group consisting of: Koji Watanabe (for Asia Pacific), Roderick Line (for Europe), Strobe Talbot (for North America)] / translated from English by D. Vasil'eva. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2007. 251 p.
5. Goldgeier Dzh., Makfol M. Tsel' i sredstva. Politika SShA v otnoshenii Rossii posle «kholodnoi voyny» [Purpose and means. US policy towards Russia after the Cold War]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. 519 p.
6. Nikandrov A.V. Liberal'nyi universalizm protiv kommunizma: zapadnoevropeiskoe ideino-politicheskoe i intellektual'noe protivostoyanie vtoroi poloviny KhKh veka [Liberal Universalism versus Communism: Western European Ideological, Political and Intellectual Confrontation in the Second Half of the 20th Century]. Rossiiskii liberal'nyi eksperiment: itogi i analiz. Materialy nauchno-ekspertnoi sessii [Russian liberal experiment: results and analysis. Materials of the scientific expert session]. Moscow, Nauka i politika Publ., 2014. pp. 191-198.
7. Rudakov V.N. [Interv'yu s F.G. Voitolovskim] Pogloshchenie Evropy [[Interview with F.G. Voitolovsky] Absorption of Europe]. Istorik [Historian], 2022, no. 6 (90), pp. 66-73.
8. Linnik V. Vse smeshalos'... [Everything is mixed...]. Pravda [Truth], 1991, no. 205 (26653), p. 3.
9. Linnik V. Do pravovogo obshchestva eshche daleko [The legal society is still far away]. Pravda [Truth], 1991, no. 214 (26662), p. 4.
10. Intercent. Pravda [Truth], 1991, no. 264 (26712), p. 5.
11. Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina [Boris Yeltsin Presidential Center]. F. 20. № fon_060.
12. Protsess mozhet stat' farsom [The process can become a farce]. Pravda [Truth], 1992, no. 75 (26829), p. 3.
13. Grigor'ev E. Nuzhen kozel otpushcheniya [Need a scapegoat]. Pravda [Truth], 1992, no. 77 (26831), p. 3.
14. Vladimirov Yu. Sekut sebya sami [They cut themselves]. Pravda [Truth], 1992, no. 101 (26855), p. 4.
15. Lyutyi A. «El'tsin proigral svoi protsess» [«Yeltsin lost his trial»]. Pravda [Truth], 1992, no. 179 (26933), p. 3.
16. Bukovskii V.K. Kommunizm i demokratiya nesovmestimy [Communism and democracy are incompatible]. Izvestiya [The News], 1992, no. 166 (23740), p. 3.
17. Mnenie zarubezhnykh nablyudatelei [Opinion of foreign observers]. Trud [Labor], 1992, no. 103 (21627), p. 1.
18. Boretskii R. [Interv'yu s L. Valensoi] Katynskii krest na kommunizme [[Interview with L. Walesa] Katyn Cross on communism]. Novoe vremya [The New Times], 1992, no. 44 (2470), pp. 22-23.
19. Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina [Boris Yeltsin Presidential Center]. F. 6. Op. 1. D. 170.
20. Mochalov D. P., Nevzorova I.V. Deyatel'nost' Mezhdunarodnogo otdela TsK KPSS po materialam konstitutsionnogo suda RF [Activities of the international Department of the Central Committee of the CPSU (based on the data of the Constitutional court of the Russian Federation)]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki [News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences], 2021, no. 1(57), pp. 62-71. doi: 10.21685/2072-3024-2021-1-7
21. Mochalov D. P., Magomedov R.R. Antikommunizm kak faktor vystraivaniya vneshnepoliticheskogo kursa Rossiiskoi Federatsii v 1991-1992 godakh [Anti-communism as a factor in shaping the foreign policy of the Russian Federation in 1991-1992]. Samarskii nauchnyi vestnik [Samara Journal of Science], 2022, T. 11, no. 4. pp. 218-223. doi: 10.55355/snv2022114209
22. Volkov V., Orekhov B. Ostanutsya kommunistami [Will remain communist]. Pravda [Truth], 1991, no. 224 (26672), p. 5.
23. Kiselev A. Trizna po sotsializmu [Funeral feast on socialism]. Rabochaya tribuna [Working tribune], 1991, no. 200 (500), p. 3.
24. Grigor'ev E. [Interv'yu s P. Glotsem] Zaprety – ne politika [[Interview with P. Glotz] Prohibitions are not politics]. Pravda [Truth], 1992, no. 82 (26836), p. 3.
25. Mel'nikov I. [Interv'yu s K. Shramekom] «Zapret – neopravdannyi i politicheski neumnyi shag» [[Interview with K. Shramek] «Prohibition is an unjustified and politically stupid step»]. Pravda [Truth], 1992, no. 91 (26845), p. 3.
26. Krushinskii A. Pravda iz «Pravdy» [Truth from «Truth»]. Pravda [Truth], 1992, no. 143 (26897), p. 7.
27. Davidou M. «Osobaya kontseptsiya demokratii» [«Special Concept of Democracy»]. Pravda [Truth], 1992, no. 77 (26831), p. 3.
28. Zashchishchaya porugannye idealy [Defending broken ideals]. Pravda [Truth], 1991, no. 288 (26736), p. 5.
29. [Shirokuyu kampaniyu sbora sredstv...] [A massive fundraising campaign...]. Pravda [Truth], 1992, no. 39 (26793), p. 1.
30. [Protiv vozrozhdeniya KPSS...] [Against the revival of the CPSU...]. Pravda [Truth], 1991, no. 238 (26686), p. 1.
31. Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina [Boris Yeltsin Presidential Center]. F. 7. Op. 1. D. 110.
32. Krushinskii A. [Interv'yu s I. Pelikanom] «Oppozitsiya neobkhodima» [[Interview with I. Pelikan] «Opposition is necessary»]. Pravda [Truth], 1991, no. 288 (26736), p. 5.
33. Krushinskii A. [Interv'yu s M. Lakatoshom] Istoriya tribunalu nepodvlastna [[Interview with M. Lakatos] History is not subject to the tribunal]. Pravda [Truth], 1992, no. 90 (26844), p. 1, 3.
34. Kuznetsov L. [Interv'yu s I. Shkolgerskim] Zachem utverzhdat' bezzakonie? [[Interview with I. Shkolgersky] Why assert lawlessness?]. Pravda [Truth], 1991, no. 288 (26736), p. 5.
35. Baikov V. [Interv'yu s R. K. Gargom] Yavnoe prevyshenie vlasti [[Interview with R.K. Garg] Clear Abuse of Power]. Pravda [Truth], 1991, no. 288 (26736), p. 5.
36. Gerasimov V. Bumerang vozvrashchaetsya [Boomerang is back]. Pravda [Truth], 1991, no. 268 (26716), p. 2.
37. Kazantsev V. Poka narod bezmolstvuet, politiki sudyatsya [While the people are silent, the politicians are suing]. Rabochaya tribuna [Working tribune], 1992, no. 84 (637), p. 1, 2.
38. Bol'shakov V. Parizhskaya palitra Andrey Kozyreva [Parisian palette of Andrey Kozyrev]. Pravda [Truth], 1992, no. 168 (26922), p. 3.
39. Rolan Dyuma o kommunistakh [Roland Dumas on communists]. Sovetskaya Rossiya [Soviet Russia], 1991, no. 166 (10617), p. 3.
40. Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina [Boris Yeltsin Presidential Center]. F. 1. Op. 1. D. 1513.
41. Bevins V. The Jakarta Method: Washington's Anticommunist Crusade and the Mass Murder Program that Shaped Our World. New York, Public Affairs, 2020. 320 p. (Russ. ed.: Bevins V. Metod «Dzhakarta»: Antikommunisticheskii terror SShA, izmenivshii mir. Moscow, Al'pina nonfikshn Publ., 2023. 440 p.).

УДК 323, 329.05, 342.728, 94(470)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_174

Дата поступления (Submitted) 28.06.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 07.07.2023

Проблемы деполитизации правоохранительной системы РФ после 1993 г.

ЕВГЕНИЙ ИГОРЕВИЧ ВОЛГИН

кандидат политических наук, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, исторический факультет МГУ.
e-mail: plytony@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть деполитизацию правоохранительной системы РФ как целостную политико-правовую стратегию, которую осуществляла государственная (президентская) власть после завершения кризиса 1993 г. Деполитизация милиции, прокуратуры и спецслужб, отныне включенных в президентскую «вертикаль», была направлена главным образом на то, чтобы оградить личный состав этих ведомств от несанкционированного влияния партийно-политической оппозиции, которая обрела парламентскую легитимацию после электоральной реформы. Главным инструментарием деполитизации правоохранительной системы РФ в новых условиях выступала выверенная кадровая политика Президента и его Администрации, которая предусматривала подбор в руководство правоохранительных и силовых ведомств лояльных Б.Н. Ельцину лиц. Те правоохранители, которые на волне «демократической инерции», некоторое время сохранявшейся после падения «августовской республики», пытались демонстрировать модель подведения, отличную от президентской стратегии, не вписывались в новую конфигурацию, а потому оперативно заменялись более благонадежными кадрами. Особенно остро после 1993 г. стоял вопрос о деполитизации Конституционного Суда, который также оказался вовлечен в политическое противостояние. В статье рассматривается реформа Суда, частью которой стали, опять же, персональные перестановки внутри этого органа, направленные на то, чтобы нивелировать влияние оппозиционно настроенных судей. Достаточно политизированным на первых порах также казался институт Уполномоченного по правам человека в РФ, учрежденный после принятия новой Конституции. В этой связи даже пришлось временно приостановить работу этого органа до тех пор, пока не был принят соответствующий закон, который предусматривал, в том числе, непартийный статус федерального правозащитника.

Ключевые слова: Деполитизация, Б.Н. Ельцин, Президент, Конституционный Суд, Федеральная служба безопасности, федеральный закон, прокуратура, Уполномоченный по правам человека в РФ

Problems of depoliticization of the law enforcement system of the Russian Federation after 1993

EVGENIY IGOREVICH VOLGIN

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University.
119192, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27, building 4
e-mail: plytony@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the depoliticization of the Russian law enforcement system as an integral political and legal strategy that was carried out by the state (presidential) authorities after the end of the 1993 crisis. The depoliticization of the police, the prosecutor's office and the special services, now included in the presidential "vertical", was aimed mainly at protecting the personnel of these departments from the unauthorized influence of the party-political opposition, which gained parliamentary legitimation after the electoral reform. The main tool for depoliticization of the law enforcement system of the Russian Federation in the new conditions was the adjusted personnel policy of the President and his Administration, which provided for the selection of loyal B.N. Yeltsin personnel. Those heads of law enforcement departments

who, on the wave of “democratic inertia” that persisted for some time after the fall of the “August Republic”, tried to demonstrate a model of summing up that was different from the presidential strategy, did not fit into the new configuration, and therefore were promptly replaced by more trustworthy personnel. Particularly acute after 1993 was the question of the depoliticization of the Constitutional Court, which was involved in political confrontation. The article discusses the reform of the Court, part of which was a personal reshuffling within this body, aimed at leveling the influence of opposition-minded judges. In this regard, even the work of this body had to be suspended until the relevant law was adopted, which provided, among other things, for the non-partisan status of a federal human rights activist.

Keywords: *Depoliticization, B.N. Yeltsin, President, Constitutional Court, Federal Security Service, federal law, prosecutor's office, Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*

Введение. Проблема департизации правоохранительной системы обрела особую актуальность в позднесоветские годы, когда новое российское руководство провозгласило курс на обретение государственного суверенитета РСФСР. Однако ввиду сопротивления партийно-союзного центра, основные акты о департизации армии, КГБ и других органов безопасности были приняты в РСФСР сразу после провала августовского путча [1, с. 102-123; 2, с. 547-559; 3, с. 113-134]. В годы «августовской республики», когда деятельность КПСС на территории России была окончательно запрещена, известная проблема утратила свою остроту. Однако кризис 1993 г. резко обострил политическую поляризацию государственного аппарата, включая силовые структуры. Если руководители одних ведомств сохраняли лояльность Президенту, то некоторые подчиненные переходили на сторону Парламента или занимали выжидательную позицию. После преодоления «кризиса двоевластия» главе государства, которому отныне напрямую подчинялись силовые министерства де-юре, предстояло обеспечить их политическую лояльность де-факто.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть проблему деполитизации правоохранительной системы РФ как целостную политико-правовую стратегию, которую осуществляла президентская власть, чтобы не допустить давления партийной (прежде всего – коммунистической) оппозиции, на правоохранительные органы и спецслужбы в условиях кризисной внутривластной ситуации. Актуальность данной темы диктуется практически полным отсутствием исследований, посвященных деполитизации и департизации МВД, ФСБ, а также органов конституционного правосудия в известный период. Раскрытие заявленной проблематики позволяет лучше уяснить перипетии политической истории России 1990-х. В качестве основных методов были задействованы проблемно-хронологический, институциональный, системный и формально-юридический подходы.

Правовая база деполитизации: основные противоречия. По самым общим оценкам в России в 1990-е гг. насчитывалось около 10-15 млн сотрудников различных правоохранительных органов и спецслужб (МВД, ФСБ, ФАПСИ, ФПС и т.д.). [4, с. 73]. «Люди в погонах» (не считая чис-

ленности Вооруженных Сил) представляли собой не только ценный электоральный ресурс, но также являлись ключевым инструментом поддержания государственной стабильности. В первые постсоветские годы, характеризовавшиеся глубоким трансформационным кризисом, активизировались различные реваншистские антисистемные силы, которые пытались распространить свое влияние в обществе, дезорганизованном радикальными реформами. В первую очередь это касалось силовиков, утративших свой высокий социальный статус. В сложившейся ситуации было необходимо юридически оградить эту социально-профессиональную категорию от негативного влияния оппозиционных сил (в первую очередь – коммунистической и националистической направленности, которым было что предложить силовикам).

Основные нормативные акты, ограничивавшие право правоохранителей состоять в политических объединениях, были приняты еще в годы «августовской республики». Однако здесь имелись некоторые пробелы. Так, если проблема «институциональной департизации» была решена однозначно (законодательство содержало запрет на пребывание партийных ячеек в государственных, в т.ч. правоохранительных органах), то вопросы кадровой департизации, ограничивавшей право силовиков состоять в общественно-политических объединениях, оставляли некоторые неясности. Казалось, что законодатель, руководствуясь довольно странной логикой, применил здесь весьма избирательный подход [5, с. 122]. Так, в начале 1990-х гг. не допускалось членство в политических объединениях судей, военнослужащих (в т.ч. органов внешней разведки), а также сотрудников федеральных органов государственной охраны [6, 7, 8].

При этом прокуроры (до 1995 г.), сотрудники федеральных органов государственной безопасности и федеральных органов охраны, а также работники милиции, налоговой полиции и таможни, согласно законодательству, в своей служебной деятельности должны были руководствоваться законами РФ и не быть связанными с решениями политических партий [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18].

Подобная «правовая диверсификация» может объясняться лишь отсутствием у законодателя единого системного подхода к решению

проблемы департизации должностных лиц, стоящих на страже закона. Кроме того, те же офицеры спецслужб, непартийный статус которых не был напрямую зафиксирован в специальном законодательстве, попадали под действие Закона РСФСР 1993 г. «О статусе военнослужащих», запрещавшего «людям в погонах» состоять в общественных объединениях, преследующих политические цели.

Руководство правоохранительных органов как гарант деполитизации. После 1991 г. в политическом дискурсе проблема департизации правоохранительных органов поднималась довольно редко. Хотя иногда отмечалось, что в этих структурах до сих пор не преодолены последствия партийного диктата, когда некомпетентные секретари обкомов и райкомов КПСС, перешедшие еще в советские годы на работу в правоохранительные органы, «прижились и пустили корни» [19, с. 53]. Поэтому ключевое значение в деле дальнейшей департизации известных ведомств подчас играли их непосредственные руководители. Так, глава Службы внешней разведки Е.М. Примаков и его преемник В.И. Трубников, по сообщениям СМИ, «показали пример истинной деполитизации в служении Отечеству» [20].

Правда, иногда случались недоразумения. Так, 22 февраля 1995 г. некто А. Веденкин дал телеинтервью, в котором позиционировал себя не только как сторонник радикальных (фашистских) взглядов, имеющего обширные связи в одиозном «Русском национальном единстве» (РНЕ), но также заявил, что в российских спецслужбах «работает 90 % наших людей». Это интервью, показанное по российскому телевидению в прайм-тайм, вызвало политический скандал и потребовало соответствующей реакции, которая не заставила себя ждать. В этой связи пресс-секретарь директора СВР Т. Самолис была вынуждена выступить с опровержением, в котором, в частности, заявила: «СВР уже несколько лет как деполитизирована, ее сотрудники – живые люди, которые могут придерживаться самых разных взглядов – от либеральных и социалистических до коммунистических, но никак не фашистского толка». С разведчиками, согласно официальным заявлениям соответствующих пресс-служб, солидаризовались сотрудники ФСК, Службы Безопасности Президента и Главного управления охраны. «В стройном хоре возмущенных выходкой г-на Веденкина не хватает, однако, голосов представителей ГРУ, ФАПСИ и МВД, которые, возможно, сочли просто недостойной такую полемику», – заявили в связи с этим СМИ [21]. Однако, судя по всему, демарш Веденкина представлял собой отнюдь не спонтанное заявление, а являлся политической провокацией, приуроченной к появлению президентского «антифашистского» указа.

Другой пример: Сергей Степашин, возглав-

лявший в 1990-е гг. практически все силовые структуры (ФСК – ФСБ, Минюст и МВД), сделал немало для их деполитизации. Под лозунгом: «Никакой политики» Степашин, по словам коммунистической печати, «вышибал» из сослуживцев моральный дух. Будучи главой МВД, С. Степашин накануне выборов 1999 – 2000 гг. потребовал от подчиненных пребывать вне политических баталей. «Если кому-то хочется сидеть в президиумах и ходить на митинги, пусть снимает погоны», – заявил министр на заседании коллегии МВД [22, 23]. С другой стороны, генерал-майор МВД А. Гуров, вошедший в 1999 г. в «первую тройку» блока «Единство», едва ли знал о такой директиве. Кроме того, к моменту выборов сам генерал-полковник С. Степашин, уже не занимавший высоких государственных постов, вошел в «первую тройку» партии «Яблоко». Генеральный прокурор РФ А. Казанник также заверял общественность, что полностью покончил с политикой в своем ведомстве. При этом сам генпрокурор порой находился под жестким политическим давлением Президента. Однако, по словам Казанника, он всегда выдерживал этот прессинг [24].

Между тем, успешно противостоя натиску президентской власти, генпрокурор не нашел в себе силы, чтобы воспрепятствовать реализации политического решения новой Думы, объявившей в феврале 1994 г. амнистию участникам «антиельцинского мятежа». Сделав ряд политических заявлений, генпрокурор покинул свой пост, вознамерившись заняться созданием «Партии единства и национального прогресса», чтобы объединить всех «высококонкретных и законопослушных граждан» [24, 25, 26].

С другой стороны, имели место случаи, когда, пользуясь пробелами в законодательстве, действующие прокуроры становились партийными деятелями. Так, С. Горячева, зампрокурора г. Владивосток, в 1991 – 1995 г. состояла в руководящих органах Компартии (ЦИК и ЦК). На выборах во II Думу Горячева была включена в «первую тройку» федерального списка КПРФ [27]. Ее непосредственный начальник в лице генпрокурора Ю. Скуратов выражал амбивалентное отношение к подобной практике. Настаивая на необходимости соблюдения законодательных требований, с одной стороны, Скуратов в то же время не без удовлетворения отмечал наличие в прокуратуре сильных и авторитетных личностей, которые востребованы обществом [28]. Однако вскоре сам Юрий Ильич, расследуя громкие политические дела, дал повод заподозрить Генпрокуратуру в наличии партийно-политических пристрастий [29]. Как бы то ни было, в 1995 г. появилось законодательное ограничение, запрещавшее работникам прокуратуры выступать членами общественно-политических объединений, а также принимать участие в их деятельности [30].

Наконец, В. Путин, назначенный 25 июля 1998 г. директором ФСБ, решительно пресекал попытки втянуть чекистов в политические разборки. В ноябре 1998 г. разгорелся скандал, связанный с резонансной пресс-конференцией офицеров Управления по разработке и пресечению деятельности преступных объединений, заявивших о подготовке убийства Б. Березовского по заданию руководства. Прокуратура, очевидно, не желая идти на конфликт с ФСБ, не спешила с привлечением к ответственности высокопоставленных заказчиков. Это вынудило Березовского обратиться с открытым письмом к Путину. Олигарх указывал на наличие в ФСБ «заговора партноменклатуры», возрождении «политического сыска» и откровенной «слежки за оппозицией». Владимир Путин дал решительную отповедь подобным инсинуациям. В ответной статье с характерным названием «ФСБ – не меченная карта, чтобы ею козырять в политических интригах» Путин отверг все обвинения Березовского, одновременно заверив, что ни при каких обстоятельствах спецслужбы не будут участвовать в политических играх или обслуживать партийные интересы [31, 32, 33]. Директор ФСБ также опроверг наличие в его ведомстве каких-либо политических группировок. «Если бы они были, я бы добивался того, чтобы их ликвидировать», – заявил Путин, попутно реорганизовав управление, офицеры которого пытались устроить известную «политическую сенсацию» [34].

С другой стороны, было бы наивно полагать, будто руководство спецслужб и силовых ведомств, оберегая своих сотрудников от несанкционированного участия в политике, оставались беспристрастными наблюдателями, когда речь шла о продвижении провластных партий или кандидатов на очередных выборах. Так, накануне парламентских выборов 1999 г. премьер-министр собрал совещание, на котором, помимо представителей Центризбиркома, также присутствовали силовики (директор ФСБ Н. Патрушев, и.о. генпрокурора В. Устинов, секретарь Совбеза С. Иванов, министр юстиции Ю. Чайка). «И почему до полного комплекта не пригласили глав МВД, МЧС, Минобороны и главу Генштаба?», – иронизировала по этому поводу пресса [35]. Неудивительно, что на съезде объединения «Отечество» Ю. Лужков заявил, что «партия власти» в борьбе против своих политических противников использует военно-силовые структуры [36].

Действительно, по данным СМИ, в ходе избирательной кампании в III Думу на базе того же МВД стараниями министра внутренних дел В. Рушайло был создан едва ли не избирательный штаб, оказывающий поддержку кандидатам от проправительственного блока «Единство» [37]. По словам видного оппозиционера, депутата-коммуниста В. Илюхина, «команды, указания и наставления», за кого голосовать давались по всей системе МВД (аналогичные распоряжения

шли также по линии Минобороны) [38]. И, судя по всему, результаты превзошли ожидания. За блок «Единство» голосовали не только силовики, но также их «подопечные». Так, по свидетельству министра юстиции В. Чайки, из 180 тыс. узников СИЗО, принявших участие в голосовании, большинство выбрало «партию власти» («Единство эзков», – именно так охарактеризовала этот «электоральный феномен» либеральная печать) [39].

Не менее важным оставался контроль спецслужб над подсчетом голосов. И здесь сложно переоценить роль ФАПСИ, по каналам которого работала автоматизированная система подсчета голосов ГАС «Выборы». Неудивительно, что генерал А. Старовойтов, возглавлявший это агентство в 1991 – 1998 гг., по свидетельству того же В. Илюхина, «без стеснения похвалялся», будто своей победой на выборах 1996 г. Б. Ельцин был обязан лично ему [38]. Это свидетельство кажется вполне обоснованным, если учитывать ту атмосферу, которая царил в Администрации Президента в момент подведения итогов голосования в III Думу. Тогда начальник Управления по вопросам внутренней политики А. Логинов требовал от сотрудников Федерального агентства правительственной связи и информации оперативно предоставлять ему самые актуальные данные с тем, чтобы скорее доложить эти цифры руководителю Администрации Президента А. Волошину. Когда же успех «Медведя» стал очевидным, директор ФАПСИ В. Матюхин предложил поднять характерный тост: «За нашу победу!» [40].

Органы госбезопасности: политическое перестроение. Политический кризис 1993 г. вскрыл серьезные проблемы в деятельности Министерства безопасности РФ, которое фактически стало преемником упраздненного КГБ СССР на территории России. Его глава, генерал В. Баранников не одобрял попыток Ельцина использовать силовые методы для преодоления кризиса двоевластия. Проявленная нелояльность вкупе с подозрениями в коррупции, привели к отставке Баранникова. Его преемником стал генерал-полковник Н. Голушко. Однако и он, по данным СМИ, в период октябрьского кризиса недостаточно подробно информировал Президента о действиях «непримиримой оппозиции». Крайне противоречивая информация поступала о действиях чекистов во время наивысшего обострения политического противостояния в ночь с 3 на 4 октября 1993 г. По одним данным, органы безопасности, уставшие от двоевластия, проявили лояльность по отношению Президенту. По другим сведениям, сотрудники МБ в Москве заняли нейтральную позицию, а Е. Савостьянов (замминистра – начальник управления МБ РФ по г. Москве), считавшийся едва ли не главной опорой Президента в «органах», и вовсе призывал своих коллег спастись бегством [41].

21 декабря 1993 г. Б. Ельцин упразднил Министерство безопасности. В президентском указе говорилось, что система органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – КГБ – МБ оказалась нерформируемой, а все предпринимаемые попытки ее реорганизации носили внешний, косметический характер. К настоящему времени стратегическая концепция обеспечения госбезопасности у министерства отсутствует, контрразведывательная работа ослаблена, а система политического сыска законсервирована и легко может быть воссоздана. На месте МБ создавалась Федеральная служба контрразведки (ФСК РФ), во главе которой оставался Н. Голушко. Многим работникам МБ для зачисления в новую структуру было необходимо пройти специальную аттестацию [42, 43].

Грядущая аттестация, которая ожидала около 250 руководителям высшего звена бывшего МБ, вызывала беспокойство. Ибо никто не знал, какими именно критериями будет руководствоваться аттестационная комиссия, ведь единственным на тот момент документом, регламентирующим известную процедуру, являлась устаревшая инструкция 1986 г. [44]. Ходили слухи, будто грядущая акция ставит своей целью убрать из ФСК «партийных выдженцев», которых там и так практически не осталось [45]. Однако по заверениям Голушко, предстоящую аттестацию не следовало рассматривать как «отсев» и уж тем более – делить граждан единого российского государства на «своих» и «чужих» по партийной ориентации [46].

Для проведения аттестации была сформирована комиссия, куда, помимо Н. Голушко и его зама С. Степашина, вошли Секретарь Совета Безопасности О. Лобов (председатель), а также советник Президента по вопросам прав человека С. Ковалев. Первое заседание, по сообщениям СМИ, носило формальный характер. При аттестации учитывались не только профессионализм и патриотизм, но также личная преданность контрразведчиков Президенту. Первые 12 аттестуемых прошли испытание без проблем и были рекомендованы в качестве кандидатов на руководящие посты в ФСК. И хотя соискателям не задавали трудных вопросов («Где вы были 3-4 октября 1993 года?»), по данным СМИ, «в коленках некоторых генералов ощущалась дрожь» [47]. С другой стороны, аттестация, как и обещал Голушко, не превратилась в чистку: из почти 250 аттестуемых не выдержали испытания всего 14 чел., т.е. 5%. Тем не менее, некоторые сотрудники выражали скепсис по поводу результатов очередной реорганизации. Так, один высокопоставленный офицер ФСК заметил, что за последние два с половиной года аббревиатура его ведомства менялась четыре раза: «Если раньше мы гордо назывались чекистами, то теперь – “фискалами”» [48, 49].

После создания ФСК представители либе-

ральной общественности выражали беспокойство относительно перспектив возрождения в России политического сыска (об этом прямо говорилось в указе Президента). Тем более, что новый директор ФСК Н. Голушко в советские годы занимал разные должности в структуре небезызвестного Пятого управления КГБ [50], в задачи которого входила борьба с идеологическими диверсиями (т.е. выполнение функций политической полиции). Однако сам Голушко неоднократно заверял, что Президент не ставит перед спецслужбами задач по преследованию инакомыслящих [46, 49, 51]. Действительно, весной 1994 г. Б. Ельцин, выступая на Всероссийском совещании руководителей ФСК, говорил о необходимости борьбы с политическим экстремизмом, но при этом подчеркивал, что его не интересует контроль над политическим поведением граждан [52].

28 февраля 1994 г. Н. Голушко подал в отставку «по состоянию здоровья». Однако подлинной причиной ухода главного контрразведчика стало его распоряжение выпустить на свободу «мучеников Лефортова» после того, как Дума приняла постановление об амнистии [53]. Борис Ельцин, по свидетельству очевидцев, был «буквально взбешен» этим поступком [54, с. 97]. Премьером Голушко стал его первый заместитель – генерал-полковник Сергей Степашин (назначен 2 марта 1994). В сентябре 1991 г. российский депутат Степашин, возглавлявший парламентскую комиссию по расследованию деятельности КГБ по организации путча, опубликовал резонансную статью: «КГБ СССР должен быть ликвидирован» [49]. В те годы Сергей Вадимович выступал сторонником решительной департизации органов государственной безопасности [54, с. 97]. 3 апреля 1995 г. ФСК была преобразована в Федеральную службу безопасности РФ. Согласно Положению об ФСБ, сотрудники этой организации в своей служебной деятельности должны были руководствоваться законами и не могли быть связаны решениями политических партий и движений [55]. Примечательно, что при создании ФСК подобная формулировка в указе отсутствовала [43].

Необходимость в услугах спецслужб возрастала по мере приближения к судьбоносным выборам 1999 – 2000 гг. 6 июля 1998 г. Президент утвердил новое Положение о ФСБ [56] в структуре которой появилось Управление конституционной безопасности. Новое подразделение должно было активизировать агентурное проникновение в оппозиционные политические структуры. Любопытно, но в составе КГБ СССР ранее существовало Управление защиты конституционного строя (Управление «З»), которое было учреждено в августе 1989 г. на базе реорганизованного Пятого Управления [50]. По свидетельству С. Степашина, несмотря на смену вывески, новое подразделение занималось прежней

деятельностью: следило за новоявленными партиями и движениями «демократической» ориентации. «В разработке» Управления «З» находились представители новой российской администрации (Президент РСФСР, Председатель Верховного Совета, народные депутаты). 23 сентября 1991 г. Управление по защите конституционного строя было упразднено. «С этого момента слежка, или политический сыск, или надзор по политическим мотивам... были прекращены полностью», – констатировал последний председатель КГБ В. Бакатин [57, с. 85]. И вот спустя почти семь лет Б. Ельцин, ранее говоривший о необходимости пребывания спецслужб вне политики, решил восстановить белую практику. Другое дело, что директор ФСБ Н. Ковалев, по некоторым данным, не поддерживал президентскую инициативу. Поэтому Кремлю понадобился новый руководитель [58].

Финансовый фактор – гарант аполитичности силовиков. Тем не менее, несмотря на вышеназванные законодательные ограничения, спецслужбы, как отмечали СМИ накануне президентских выборов 1996 г., хотя были формально департизированы, но отнюдь не деполитизированы. Обозреватели указывали, что почти три четверти личного состава органов госбезопасности начинали свою карьеру еще в советские годы и поголовно состояли в КПСС. В то же время, журналисты отмечали, что после всех пертурбаций начала 1990-х гг. чекисты (в случае кризисного обострения ситуации) едва ли бы стали участвовать в неконституционных играх власти и оппозиции. Судя по анонимным опросам отставных и действующих офицеров ФСБ и ГРУ, настроения в спецслужбах было подавленным. Кадровые офицеры выражали недовольство как низкими окладами, так и профессиональной невостребованностью (в условиях, когда высшее руководство страны провозгласило прозападный внешнеполитический курс, у России, как утверждало высшее руководство, практически не осталось врагов, против которых могли бы работать спецслужбы). В то же время в преддверии выборов офицеры госбезопасности все-таки склонялись в сторону Ельцина. Это объяснялось отнюдь не горячей симпатией к первому Президенту России, а новыми возможностями, которые открывались в эпоху радикальных перемен (так, например, многие офицеры ФСБ по выходе в отставку надеялись влиться в коммерческие или охранные структуры) [59].

Немаловажным фактором, сдерживавшим политизацию личного состава спецслужб и органов внутренних дел, стали пусть невысокие, но стабильные выплаты денежного содержания (особенно по сравнению с ситуацией в Вооруженных Силах, которые во второй половине 1990-х гг. находились в наиболее бедственном положении). Так, в июле 1996 г. потребность в финансах на выплату денег военнослужащим

была удовлетворена лишь на 4,4 %. При этом аналогичные потребности МВД были удовлетворены на 96 %, ФАПСИ – на 94 %, ФСБ и ФПС – на 100 % [60]. Разумеется, потребности армии и спецслужб казались несопоставимыми (даже несли не брать в расчет гигантское недофинансирование предприятий ВПК). Тем не менее, несправедливость этой диспропорции слишком сильно бросалась в глаза.

Даже в 1998, дефолтном году, власть старалась исполнять свои финансовые обязательства перед «избранными» категориями силовиков. Так, с одной стороны, в августе 1998 г. общая задолженность силовых министерств и ведомств составляла 50 млрд (деноминированных) руб. В то же время львиная доля этих средств (порядка 38-41 млрд) приходилось, опять же, на Министерство обороны. Менее критически выглядела ситуация в МВД, где общая задолженность превысила 7,7 млрд руб. В ФПС она составляла 2,3 млрд, в МЧС – 278 млн., в ФСБ – всего 200 млн руб. (своевременные выплаты сотрудникам госбезопасности обеспечивались за счет отвлечения средств спецназначения) [61, 62].

Проблема деполитизации Конституционного Суда после 1993 г. Случилось так, что созданный в России в 1991 г. высший орган конституционного правосудия, призванный стать беспристрастным арбитром в спорах между ветвями власти, оказался в эпицентре политического противостояния. В ночь с 21 на 22 сентября 1993 г., Суд, собравшись на экстренное заседание, признал Указ № 1400 неконституционным, что создавало условия для импичмента Б. Ельцина. Лишь несколько судей голосовали против такого решения. 6 октября 1993 г. председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин подал в отставку. Но это «жертвоприношение», которое, по мнению прессы, совершили коллеги Зорькина, чтобы задобрить победившее «политическое божество» [47, 63, 64], не спасло Конституционный Суд от фактической ликвидации в его прежнем виде. 7 октября 1993 г. Президент приостановил деятельность КС до принятия новой Конституции [65].

Новый ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» вступил в силу лишь в июле 1994 года [66]. Одной из причин обновления законодательства о КС стала необходимость уточнения правовых норм, предусматривавших аполитичный статус высшего органа конституционного правосудия [67, 68]. Как и прежде, судьи Конституционного Суда не могли принадлежать к политическим партиям и движениям, входить в их руководящие органы, материально поддерживать, участвовать в политических акциях (избирательных кампаниях, партийных съездах и конференциях), вести политическую агитацию и пропаганду, заниматься иной политической деятельностью.

При этом новый закон не содержал былого запрета на рассмотрение Конституционным Судом

политических дел, что в контексте нового этапа деполитизации КС могло показаться странным. На самом деле, в предыдущем варианте данная формулировка казалась не вполне удачной, ибо Суд зачастую рассматривал именно «политические дела», если понимать под этим правовое разрешение споров между различными органами власти. «Конституционный судья исследует правовую оболочку политической жизни», – охарактеризовал данную ситуацию В. Зорькин [69]. В то же время по новому закону у Суда отсутствовало право представлять заключения о неконституционности действий и решений высших должностных лиц по собственной инициативе (такая практика могла осложнить политический кризис, что произошло в 1993). В новом законе содержался исчерпывающий перечень вопросов, относящихся к компетенции КС [70, с. 71-74].

Конституционный Суд также утратил возможность рассматривать вопросы о конституционности политических партий. Данная поправка, по свидетельству члена конституционного суда Б. Эбзеева, стала предметом острых дискуссий во время заседаний рабочей группы Конституционного совещания. Сам Эбзеев считал, что вопрос о легитимности партий, взаимодействующих с государством по поводу реализации политической власти, должен был решать именно Конституционный, а не Верховный Суд [71, с. 10]. Однако подобный подход не нашел поддержки как по политическим, так и по правовым основаниям. Политический аспект был связан с не вполне удачной (для Президента) практикой разрешения Конституционным Судом вопросов о законности коммунистических и лево-патриотических организаций в 1992 – 1993 г. (например, «дело КПСС» или признание нелегитимным указа Б. Ельцина, который пытался воспрепятствовать становлению Фронта национального спасения, сыгравшего ключевую роль в октябрьском кризисе). Правовой аспект касался новых полномочий Конституционного Суда, который отныне занимался исключительно вопросами права, а не исследованием фактов. Необходимость разрешения споров о легитимности партий неминуемо бы заставила высший орган конституционного правосудия погружаться в изучение непосредственной деятельности последних, т.е. исследовать факты.

Важным аспектом деполитизации Конституционного Суда стало изменение процедуры его формирования. Ранее судей КС избирал Съезд народных депутатов по представлению Председателя Верховного Совета. В 1991 г. кандидаты выдвигались парламентскими фракциями. Согласно новой Конституции, вопрос о назначении на должность судьи КС рассматривал Совет Федерации по представлению Президента. При этом число судей увеличивалось с 13 до 19 (это было вызвано стремлением Президента обеспечить количественный перевес над теми судья-

ми, которые не поддержали Указ № 1400) [72].

Исключительное значение приобретал вопрос о том, кто станет новым председателем Конституционного Суда. 13 февраля 1995 г. на эту должность был избран Владимир Туманов (д.ю.н., профессор, депутат Думы от фракции ПРЕС). Его кандидатура вполне устраивала президентскую сторону. В 1992 г. Туманов выступал экспертом в «деле КПСС», доказывая правомерность роспуска территориальных структур Компартии. Депутаты Совфеда при утверждении Туманова на должность судьи КС «пытали» его на предмет политических пристрастий, но он ответил на все вопросы достойно, а потому беспрепятственно прошел сквозь «сенатское чистилище». С самого начала своей деятельности в качестве председателя КС Туманов заявил, что пренебрежение принципом деполитизации в работе Суда привело к нарушению системы сдержек и противовесов. Новые председатель заверил, что отныне КС не опустится до политических распрей. Действительно, после 1993 г. Конституционный Суд сторонился политических конфликтов, а его новый председатель не без удовлетворения отмечал резкое сокращение попыток использовать КС как инструмент борьбы за власть (хотя коммунист-радикал В. Илюхин, напротив, считал, что после 1993 г. Конституционный Суд как раз-таки превратился в «команду политиков») [73, 74, 75, 76, 77].

Совет Федерации, будучи достаточно деполитизированным органом, выступал надежным фильтром, не пропускавшим в ряды конституционных судей политически ангажированных кандидатов, даже если те лоббировались самим Президентом. Так, сенаторы не утвердили кандидатуру М. Федотова, который повторно пытался влиться в состав КС (первая попытка была предпринята в 1991). Не помогло ни отсутствие у соискателя партийного прошлого (членства в КПСС), ни ходатайство премьер-министра В. Черномырдина. Очевидно, сказалось активное участие Федотова в резонансном «деле КПСС» на стороне Президента, а также его положительное отношение к Указу № 1400 [78]. Совфед также провалил кандидатуру М. Митюкова, коммуниста с 25-летним стажем, который после выхода из КПСС успел побывать в различных политических объединениях демократической ориентации. На этот раз сенаторам не понравились политические колебания соискателя, т.к. судья, по словам одного члена СФ, прежде всего должен иметь убеждения, а не метаться, «как жезл по ветру» [79]. Не прошел в состав КС и бывший помощник Президента по правовым вопросам М. Краснов. Гораздо охотнее сенаторы утверждали не столичных политиков с громкими фамилиями, а малоизвестных правоведов и судей из регионов.

Судья Валерий Зорькин: между политикой и правом. Пока Конституционный Суд бездейство-

вал, непросто складывалась судьба его бывшего председателя. Валерий Зорькин стоял перед простым выбором: остаться судьей или же начать политическую карьеру (накануне выборов в I Думу ему поступали предложения от различных избирательных объединений, от которых он пока отказывался) [80]. С 1 декабря 1993 г. судебные полномочия Зорькина были приостановлены его коллегами в связи с политической деятельностью, которую якобы продолжал вести экс-председатель КС. Аналогичным образом судьи поступили с другим членом Конституционного Суда – Владимиром Лучиным, который часто выступал в печати с недопустимыми политическими заявлениями (Лучин в знак протеста даже объявил голодовку). Однако через несколько месяцев полномочия Зорькина и Лучина были восстановлены. Очевидно, сыграло свою роль то, что российское правосудие еще не знало прецедентов наказания судей за участие в политической деятельности.

В. Зорькин тяжело переживал сложившуюся ситуацию. С одной стороны, экс-председатель КС по-прежнему опровергал слухи о том, что собирается уйти в оппозицию. Но когда в марте 1994 г. появилась информация о формировании нового антиельцинского движения «Согласие во имя России», в числе его учредителей, помимо известных оппозиционеров (Г. Зюганова, А. Руцкого, С. Бабурина), числился и Валерий Зорькин. Разумеется, политический активизм судьи КС, буквально недавно выведенного из-под санкций, вызвал негативную реакцию его коллег. Одни СМИ отмечали, что судья «вышел за все пределы», другие писали, что экс-председатель КС «стал просто больным человеком». Зорькин, в свою очередь, упирал на то, что участвовал лишь в «разовой» политической акции, тогда как самого объединения пока что не сложилось: «Если мне предложат вплотную заняться движением, тогда я буду выбирать...». Он считал, что в условиях, когда прежний закон о КС фактически отменен, а новый еще не принят, ни один нормативный акт не запрещает ему заниматься политической деятельностью [47, 81, 82]. Как бы то ни было, но своими действиями Валерий Зорькин ставил под удар не только себя, но и Конституционный Суд, будущее которого оставалось неясным [83, с. 32-33, 84, 85, 86, 87, 88].

Однако, когда в конце мая 1994 г. в Парламентском центре около 300 представителей различных оппозиционных объединений собрались на первое заседание Национального совета движения «Согласие во имя России», В. Зорькин, заявленный в качестве основного докладчика, отсутствовал «по состоянию здоровья». В кулуарах ходили слухи, будто судью «строго предупредили» коллеги: его появление в компании Руцкого и Проханова станет для них «последней каплей». Спустя некоторое время Зорькин все-таки сделал свой окончательный выбор: «Я не принад-

лежу к какой-либо... партии. Моя партия – это Право, Конституция, Закон». «Зорькин все еще дорожит судейской мантией и не торопится поменять ее на тогу народной трибуны», – писали по этому поводу СМИ [89, 90, 91, 92, 93].

Уполномоченный по правам человека в РФ: политический деятель или соцработник? Еще одно поприще, которое законодатель решил оградить от партийного влияния, касалось государственной правозащитной деятельности. Как известно, первым российским омбудсменом в 1994 г. стал известный правозащитник, бывший политзаключенный, депутат Думы и член политсовета партии «Демократический выбор России» Сергей Ковалев. Ковалев приступил к исполнению обязанностей в отсутствие федерального закона об Уполномоченном по правам человека, поэтому оставался политиком и депутатом. Однако в марте 1995 г. он был отозван депутатами со своего поста ввиду откровенно антироссийской позиции, который занял в ходе войны в Чечне.

Следующий омбудсмен появился в России лишь спустя три года (в мае 1998). За это время был принят ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ», который запрещал федеральному правозащитнику состоять в партиях и вообще заниматься политической деятельностью [94]. Однако само избрание нового омбудсмена стало результатом политической сделки между парламентскими фракциями. Этот пост желали получить коммунисты, которые едва могли провести своего кандидата без поддержки депутатов от «партии власти». Фракция НДР, в свою очередь, стремилась сместить с поста председателя комитета по обороне мятежного генерала Л. Рохлина. В результате коммунисты «сдали» Рохлина, проголосовав за его смещение, в обмен на избрание на должность федерального омбудсмена Олега Миронова (д.ю.н., профессора, члена ЦК КПРФ) [95].

Избрание Уполномоченным по правам человека «нераскаявшегося коммуниста» (как писали либеральные СМИ) вызвало бурю негодования «демократической» общественности [96, 97, 98, 99]. Однако О. Миронов, решительно отвергая все политические обвинения, заявил о том, что готов сотрудничать со всеми представителями российского правозащитного движения (С. Ковалевым, Ю. Рыбаковым, В. Борщевским). Свою главную задачу новый омбудсмен видел в защите прав человека от произвола властей (в первую очередь Миронов планировал разобраться с практикой массовых задержек зарплат). Но прежде всего новый правозащитник планировал создать элементарную организационную структуру, необходимую для обеспечения своей деятельности, ибо предшественник, по словам Миронова, «не оставил в наследство ни здания, ни аппарата, ни оргтехники».

Понимая, что работа омбудсмена, ранее со-

стоявшего в ЦК КПРФ, находится под пристальным вниманием либеральной общественности, Олег Орестович сторонился публичной политики, сформулировав свое кредо следующим образом: «Я не политик, а защитник». О. Миронов избегал участия в политических ток-шоу и митингах, а на провокационные приглашения побывать в Чечне (куда часто летал С. Ковалев) отвечал, что ему «нечего делать там, где идет война» [100, 101, с. 16].

Новый омбудсмен старался в первую очередь решать социально-бытовые проблемы населения. Но и такая тактика «малых дел» все равно вызвала критику недоброжелателей, упрекавших Миронова в том, что приемная Уполномоченного стала «прибежищем для замордованных властью, мыкающих горе и нужду отечественных страдальцев», а потому все больше напоминает райком КПСС. Причем, критика звучала не только «справа», но и «слева». Когда осенью 1998 г. О. Миронов выступал в Думе со своим первым отчетом, некоторые депутаты от КПРФ упрекали правозащитника в том, что его «совсем не видно». Даже Г. Зюганову пришлось выступить за своего товарища.

Заключение. После запрещения деятельности КПСС в августе 1991 г., а также разгрома «непримиримой оппозиции» в октябре 1993 г. проблема деполитизации силовых структур и правоохранительных ведомств изменила свое содержание. Если в 1990 – 1993 гг. речь шла о т.н. «декоммунизации», связанной с устранением однопартийного диктата и его рудиментов, то после принятия «ельцинской» Конституции, утвердившей новую конфигурацию российской политической системы, где известную «шестую статью» во многом заменили положения о президентстве, деполитизация армии, милиции и спецслужб, отныне включенных в президентскую «вертикаль», была направлена главным образом на то, чтобы оградить личный состав

силовых и правоохранительных ведомств от не санкционированного влияния антиельцинской партийно-политической фронды, укрепившейся в виде партийных фракций в Госдуме после проведения электоральной реформы.

Главным инструментарием деполитизации правоохранительной системы РФ в новых условиях выступали не столько законодательные ограничения политических прав судей, прокуроров, сотрудников МВД и офицеров спецслужб (которые были введены еще в 1991 – 1992), сколько выверенная кадровая политика Президента и его администрации, которая предусматривала подбор в руководство т.н. министерств «со звездочкой» (т.е. напрямую подчиненных Президенту) лояльных и лично преданных Б. Ельцину лиц. Те правоохранители, которые на волне «демократической инерции», сохранявшейся после падения «августовской республики», пытались продемонстрировать модель подведения, несколько отличную от президентской стратегии, не вписывались в новую конфигурацию, а потому оперативно заменялись более благонадежными кадрами (причем, окончательной лояльности силовиков «офису Ельцина» удалось добиться лишь к концу 1990-х гг., что во многом предопределило успех спецоперации «Преемник»).

Разумеется, для сохранения единства правоохранительной системы и обеспечения государственной безопасности было крайне важно, чтобы соответствующие структуры оставались максимально ограждены от партийно-политического влияния. Однако это вовсе не означает, что «компетентные органы» могут действовать вне какой-либо системы сдержек и противовесов, целиком и полностью выполняя волю одного человека, пусть даже обличенного президентской властью. Ибо даже в СССР после смерти И.В. Сталина спецслужбы были подотчетны высшему партийно-политическому руководству, во многом носившему коллективный характер.

Литература и источники

1. Волгин Е.И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 4. С. 102–123.
2. Волгин Е.И. Проблема департизации государственной власти в РФ после 1993 года // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 22. № 2. С. 547–559. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-2-547-559.
3. Волгин Е.И. Проблема деполитизации Вооруженных Сил и правоохранительных органов СССР и РСФСР – РФ в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2018. № 2. С. 113–134.
4. Серебрянников В.В. Армия в общественно-политических взаимодействиях // Социс. 1996. № 4. С. 67–74.
5. Суворов Л.К. Об ограничении политических прав и свобод работников правоохранительных органов // Государство и право. 1994. № 11. С. 119–126.
6. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ (далее – Ведомости РФ). 1992. № 30. Ст. 1792.
7. Ведомости РФ. 1992. № 32. Ст. 1869.
8. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=102023110 (дата обращения: 25.03.2022).
9. Ведомости РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
10. Контур Норматив. [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5537> (дата обращения: 14.03.2022).
11. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/96d9d5703b9e8e5e4e3c6a64d6bc5960e67665b6/ (дата обращения: 15.03.2020).
12. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. Ст. 562.
13. Собрание законодательства РФ (далее – СЗ РФ). 1999. № 14. Ст. 1666.
14. Ведомости РФ. 1993. № 29. Ст. 1114.

15. Ведомости РФ. 1993. № 29. Ст. 1110.
16. СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.
17. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/kodeks/tamozhennyi-kodeks-rossiiskoi-federatsii-utv-vs-rf/> (дата обращения: 11.03.2022).
18. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-23121992-n-4202-1/> (дата обращения: 27.06.2023).
19. Ларин А. Почему программы борьбы с преступностью терпят крах // Президентский контроль. 1995. № 4. С. 52–53.
20. Российская газета. 1996. 12 января.
21. Независимая газета. 1995. 2 марта.
22. Правда. 1999. 22 июля.
23. Парламентская газета. 1998. 24 декабря.
24. Известия. 1994. 5 марта.
25. Общая еженедельная газета. 1994. 15–21 апреля.
26. Законность. 1994. № 5. С. 4.
27. LENTA.RU. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/lib/14175609/> (дата обращения: 15.03.2022).
28. Ъ. 1995. 25 ноября.
29. Российская газета. 1998. 30 мая.
30. Ельцин Центр. [Электронный ресурс]. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/32751/> (дата обращения: 15.03.2022).
31. Российская газета. 1998. 18 ноября.
32. Парламентская газета. 1998. 18 ноября.
33. Ъ. 1998. 13 ноября.
34. Известия. 1998. 19 декабря.
35. Сегодня. 1999. 18 декабря.
36. Власть. 1999. № 9. С. 20.
37. Россия. 1999. 17 декабря.
38. Правда. 1999. 8 апреля.
39. Сегодня. 1999. 23 декабря.
40. Ъ. 1999. 21 декабря.
41. Ъ. 1995. 11 февраля.
42. Ельцин Центр. [Электронный ресурс]. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/41740/> (дата обращения 15.03.2022)
43. Контур Норматив. [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27098> (дата обращения: 15.03.2022).
44. Общая еженедельная газета. 1994. 18–24 марта.
45. Россия. 1994. 11 января.
46. Известия. 1994. 3 февраля.
47. Московские новости. 1994. 30 января–6 февраля.
48. Ъ. 1994. 11 февраля.
49. Известия. 1994. 2 марта.
50. История отечественных спецслужб и правоохранительных органов. [Электронный ресурс]. – URL: https://shieldandsword.mozohin.ru/personnel/golushko_n_m.htm (дата обращения: 16.03.22).
51. Известия. 1994. 12 июля.
52. Независимая газета. 1994. 27 мая.
53. Ъ. 1994. 1 марта.
54. Степашин С.В. Пойти в политику и вернуться. Синдбад, 2022. 272 с.
55. СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.
56. СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3320.
57. Бакатин В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992. 267 с.
58. Независимая газета. 1998. 28 июля.
59. Ъ Власть. 1996. № 19. С. 18–19.
60. Независимая газета. 1996. 19 сентября.
61. Независимая газета. 1998. 18 августа.
62. Московские новости. 1998. 27 сентября – 4 октября.
63. Независимая газета. 1998. 14 марта.
64. Новая газета. 1996. 30 сентября – 6 октября.
65. Президент России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4550> (дата обращения: 5.01.2022).
66. СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
67. Независимая газета. 1994. 31 мая.
68. Известия. 1994. 29 июня.
69. Советская Россия. 1996. 5 октября.
70. Собакин В., Страшун Б. В защиту Закона о Конституционном Суде // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1995. № 1. С. 71–74
71. Эбзеев Б. Конституционный Суд РФ: новая страница жизни // Человек и закон. 1994. № 11. С. 3–12.
72. Новая газета. 2011. 17 июня.
73. Независимая газета. 1996. 25 июля.
74. Независимая газета. 1996. 18 октября.
75. Известия. 1995. 14 февраля.
76. Ъ. 1995. 9 марта.
77. Ъ. 1995. 6 июня.
78. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/?date=10.03.1997> (дата обращения 9.01.2022).
79. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/?date=05.04.1999> (дата обращения: 09.01.2022).
80. Независимая газета. 1999. 23 февраля.
81. Независимая газета. 1994. 27 апреля.
82. Общая еженедельная газета. 1994. 25 – 31 марта.
83. Бланкенагель А. Российский Конституционный Суд: видение собственного статуса // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1994 № 2. С. 32–33.
84. Независимая газета. 1994. 22 марта.
85. Общая еженедельная газета. 1994. 18 – 24 марта.

86. Известия. 1994. 22 марта.
87. Российская газета. 1994. 8 апреля.
88. Ъ. 1994. 23 марта.
89. Московские новости. 1994. 28 мая – 5 июня.
90. Ъ. 1994. 20 мая.
91. Общая еженедельная газета. 1994. 3 – 9 июня.
92. Новая ежедневная газета. 1994. 22 октября.
93. Ъ. 1994. 31 мая.
94. СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.
95. СЗ РФ. 1998. № 21. Ст. 2217.
96. Независимая газета. 1998. 23 мая.
97. Новые известия. 1998. 23 мая.
98. Известия. 1998. 27 мая.
99. Ъ. 1998. 23 мая.
100. Ъ. 1998. 5 июня.
101. Российская Федерация. 1998. № 18–19. С. 16.
102. Новые известия. 1998. 2 декабря.

References

1. Volgin E.I. *Problema departizacii v Rossii v nachale 1990-h gg.* [The problem of departization in Russia in the early 1990th]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2014, Series 8 "History", no. 4, pp. 102-123.
2. Volgin E.I. *Problema departizacii gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii posle 1993 goda* [The problem of the departization of state power in the Russian Federation after 1993]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of Tambov University], 2022, Humanities series, vol. 22, no. 2, pp. 547-559. doi: 10.20310/1810-0201-2022-27-2-547-559
3. Volgin E.I. *Problema depolitizacii Vooruzhennyh Sil i pravo-ohranitel'nyh organov SSSR i RSFSR – RF v nachale 1990-h gg.* [The problem of depolitization of the armed forces and law enforcement agencies of the USSR and the RSFSR – RF in the early 1990s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2018, Management series (State and society) 21, no. 2, pp. 113-134.
4. Serebrjannikov V.V. *Armija v obshhestvenno-politicheskikh vzaimodej-stvijah* [Army in socio-political interactions] // *Socis*, 1996, no. 4, pp. 67-74.
5. Suvorov L.K. *Ob ogranichenii politicheskikh prav i svobod rabotnikov pravoohranitel'nyh organov* [On the restriction of political rights and freedoms of law enforcement officers]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1994, vol. 11, pp. 119-126.
6. *Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii* [Vedomosti of the Russian Federation], 1992, no. 30, art. 1792.
7. *Vedomosti of the Russian Federation*, 1992, no. 32, art. 1869.
8. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=102023110 (Accessed 25 March 2022).
9. *Vedomosti of the Russian Federation*, 1992, no. 8, art. 366.
10. Kontur Normativ. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5537> (Accessed 14 March 2022).
11. Konsul'tant Pljus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/96d9d-5703b9e8e5e4e3c6a64d6bc5960e67665b6/ (Accessed 15 March 2022).
12. *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation], 1993, no. 7, art. 562.
13. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1999, no. 14, art. 1666.
14. *Vedomosti of the Russian Federation*, 1993, no. 29, art. 1114.
15. *Vedomosti of the Russian Federation*, 1993, no 29, art. 1110.
16. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1996, no. 22, art. 2594.
17. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii* [Laws, codes and regulations of the Russian Federation]. Available at: <https://legalacts.ru/kodeks/tamozhennyi-kodeks-rossiiskoi-federatsii-utv-vs-rf/> (Accessed: 11 March 2022).
18. Konsul'tant Pljus. Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-23121992-n-4202-1/> (Accessed 15 March 2022).
19. Larin A. *Pochemu programmy bor'by s prestupnost'ju terpjat krah* [Why Crime Programs Fail]. *Prezidentskij kontrol'* [Presidential control], 1995, no. 4, pp. 52-53.
20. *Rossijskaja gazeta*. 1996. January 12.
21. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1995. March 2.
22. *Pravda*. 1999. July 22.
23. *Parlamentskaja gazeta*. 1998. 1998. December 24.
24. *Izvestija*. 1994. March 5.
25. *Obshhaja ezhenedel'naja gazeta*. 1994. April 15-21.
26. *Zakonnost'* [Legality], 1994, no. 5, pp. 4.
27. LENTA.RU. Available at: <https://lenta.ru/lib/14175609/> (Accessed 15 March 2022).
28. *Kommersant*. 1995. November 25.
29. *Rossijskaja gazeta*. 1998. May 30.
30. El'cin Centr. Available at: <https://yeltsin.ru/archive/act/32751/> (Accessed 16 March 2022).
31. *Rossijskaja gazeta*. 1998. November 18.
32. *Parlamentskaja gazeta*. 1998. November 18.
33. *Kommersant*. 1998. . November 13.
34. *Izvestija*. 1998. December 18.
35. *Segodnja*. 1999. December 18.
36. *Vlast'* [Power], 1999, no. 9, p. 20.
37. *Rossija*. 1999. December 17.
38. *Pravda*. 1999. April 8.
39. *Segodnja* 1999. December 23.
40. *Kommersant*. 1999. December 21.
41. *Kommersant*. 1995. February 11.
42. El'cin Centr. Available at: <https://yeltsin.ru/archive/act/41740/> (Accessed 16 March 2022).

43. Kontur Normativ. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27098> (Accessed 16 March 2022).
44. Obshhaja ezhenedel'naja gazeta. 1994. March 18-24.
45. Rossiya. 1994. January 11.
46. Izvestija. 1994. February 3.
47. Moskovskie novosti. 1994. January 30 – February 6.
48. Kommersant. 1994. February 11.
49. Izvestija. 1994. 2 marta.
50. *Istorija otechestvennyh spetsluzhb i pravoohranitel'nyh organov* [History of domestic special services and law enforcement agencies]. Available at: https://shieldandsword.mozohin.ru/personnel/golushko_n_m.htm (Accessed 16 March 2022).
51. Izvestija. 1994. 12 July.
52. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1994. May 27.
53. Kommersant. 1994. March 1.
54. Stepashin S.V. Poiti v politiku i vernut'sja [Go into politics and come back]. Sindbad Publ., 2022. 272 p.
55. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1995, no. 15, art. 1269.
56. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1998, no. 28, art. 3320.
57. Bakatin V. *Izbavlenie ot KGB* [Getting rid of the KGB], Moscow, Novosti Publ., 1992. 267 p.
58. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1998. July 28.
59. Kommersant Vlast'. 1996, no. 19, pp. 18-19.
60. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1996. September 19.
61. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1998. August 18.
62. Moskovskie novosti. 1998. September 27 – October 4.
63. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1998. March 14.
64. Novaja gazeta. 1996. September 30 – October 6.
65. Prezident Rossii. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4550> (Accessed 17 March 2022).
66. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1994, no. 13, art. 1447.
67. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1994. March 31.
68. Izvestija. 1994. July 29.
69. Sovetskaja Rossija. 1996. 5 October.
70. Sobakin V., Strashun B. *V zashhitu Zakona o Konstitucionnom Sude* [In defense of the Law on the Constitutional Court]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie* [Constitutional Law: An Eastern European Perspective], 1995, no. 1, pp. 71-74.
71. Jebzeev B. *Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii: novaja stranica zhizni* [The Constitutional Court of the Russian Federation: a new page in life] // *Chelovek i zakon* [Person and law], 1994, no. 11, pp. 3-12.
72. Novaja gazeta. 2011. July 17.
73. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1996. July 25.
74. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1996. October. 18.
75. Izvestija. 1995. February 14.
76. Kommersant. 1995. March 9.
77. Kommersant. 1995. June 6.
78. *Sovet Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii* [Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Available at: <http://council.gov.ru/activity/meetings/?date=10.03.1997> (Accessed 18 March 2022).
79. *Sovet Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii* [Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Available at: <http://council.gov.ru/activity/meetings/?date=05.04.1999> (Accessed 18 March 2022).
80. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1999. February 23.
81. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1994. April 27.
82. Obshhaja ezhenedel'naja gazeta. 1994. March 25-31.
83. Blankenagel' A. *Rossijskij Konstitucionnyj Sud: videnie sobstvennogo statusa* [Russian Constitutional Court: vision of its own status]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie* [Constitutional Law: An Eastern European Perspective], 1994, no. 2, pp. 32-33.
84. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1994. March 22.
85. Obshhaja ezhenedel'naja gazeta. 1994. March 18-24.
86. Izvestija. 1994. March 22.
87. Rossijskaja gazeta. 1994. April 8.
88. Kommersant. 1994. March 23.
89. Moskovskie novosti. 1994. May 28 – June 5.
90. Kommersant. 1994. May 20.
91. Obshhaja ezhenedel'naja gazeta. 1994. June 3-9.
92. Novaja ezhednevnaia gazeta. 1994. October 22.
93. Kommersant. 1994. May 31.
94. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1997, no. 9, art. 1011.
95. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1998, no. 21, art. 2217.
96. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper]. 1998. May 23.
97. Novye izvestija. 1998. May 23.
98. Izvestija. 1998. May 27.
99. Kommersant. 1998. May 23.
100. Kommersant. 1998. June 5.
101. *Rossijskaja Federacija* [Russian Federation], 1998, no. 18-19, pp. 16.
102. Novye izvestija. 1998. December 2.

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_186

Дата поступления (Submitted) 17.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 11.08.2023

Урегулирование греко-болгарского территориального спора на Парижской мирной конференции 1946 г. и его историческое значение

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА МАРТЮКОВА

аспирантка исторического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

кафедра истории России XX-XXI веков

125167, Российская Федерация, г. Москва, ул. Красноармейская 11/4.

e-mail: eamartyukova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию важной проблемы о территориальной принадлежности Западной Фракии на Парижской мирной конференции 1946 г. и о роли советской дипломатии в ее решении. Рассмотрены интересы и политика Греции, Болгарии, СССР и западных держав в этом регионе, военное и политико-дипломатическое противоборство Греции, с одной стороны, Болгарии, с другой, а также степень влияния советского государства на решение вопроса о Западной Фракии. Целью данной статьи является исследование национально-территориальных притязаний Греции на Фракию, которые обсуждались на Парижской мирной конференции. На основе рассмотрения документальных архивных материалов в ходе исследования автор статьи пришел к выводу, что в процессе решения вопроса о греко-болгарской границе, Греция потерпела неудачу. Дается оценка результатов усилий правительства СССР по защите территориальной целостности Болгарии. Деятельное участие СССР было направлено на поддержание мира в регионе. Приведенный в статье материал показывает активную борьбу СССР за потенциального союзника на Балканах. Сравнивая позиции сторон, автор показывает ход политической борьбы вокруг принятия окончательных решений о Западной Фракии. Методологической основой исследования являются принципы историзма и системности, которые предполагают рассмотрение явлений и фактов во всей их совокупности и развитии в соответствии с условиями конкретной исторической эпохи. Также используется принцип объективности. Актуальность проблемы исследования объясняется необходимостью обеспечения территориальной целостности государств и, в то же время, сложностью формирования новых государственных образований в приемлемых границах для всех противоборствующих сторон, путем нормализации в них межэтнических отношений и с учетом геополитических факторов. Научная новизна исследования состоит в том, что на основе привлечения новых архивных документальных материалов предпринята попытка изучения вопроса об установлении греко-болгарской границы в 1946 г. в ходе утверждения территориальных изменений после Второй мировой войны. В научной литературе в подобном ракурсе данная проблема до сих пор специально не ставилась.

Ключевые слова: Парижская конференция 1946 г., советская дипломатия, Западная Фракия, Болгария, Греция, СССР, дипломатическая борьба, Цалдарис, Молотов, Вышинский

Settlement of the Greek-Bulgarian territorial dispute at the Paris Peace Conference in 1946 and its historical significance

ELIZAVETA ALEKSANDROVNA MARTYUKOVA

Postgraduate of the History Faculty of

Moscow State University

Department of Russian History of the XX-XXI centuries, 125167,

Moscow, Krasnoarmeiskaya street, building 11/4.

e-mail: eamartyukova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of an important problem of the territorial affiliation of Western Thrace at the Paris Peace Conference of 1946 and the role of Soviet diplomacy in its solution. The interests and policies of Greece, Bulgaria, the USSR and the Western powers in this region, the military and political-diplomatic confrontation between Greece, on the one hand, and Bulgaria, on the other, as well as the degree of influence of the Soviet state on the solution of the question of Western Thrace are considered. The purpose

of this article is to study the national-territorial claims of Greece to Thrace, which were discussed at the Paris Peace Conference. Based on the review of documentary archival materials during the study, the author of the article came to the conclusion that in the process of resolving the issue of the Greek-Bulgarian border, Greece failed. The evaluation of the results of the efforts of the USSR government to protect the territorial integrity of Bulgaria is given. The active participation of the USSR was aimed at maintaining peace in the region. The material presented in the article shows the active struggle of the USSR for a potential ally in the Balkans. Comparing the positions of the parties, the author shows the course of the political struggle around the adoption of final decisions on Western Thrace. The methodological basis of the study is the principles of historicism and consistency, which involve the consideration of phenomena and facts in their entirety and development in accordance with the conditions of a particular historical era. The principle of objectivity is also used. The relevance of the research problem is explained by the need to ensure the territorial integrity of states and, at the same time, the complexity of forming new state entities within acceptable borders for all warring parties, by normalizing interethnic relations in them and taking into account geopolitical factors. The scientific novelty of the study consists in the fact that, based on the involvement of new archival documentary materials, an attempt was made to study the issue of establishing the Greek-Bulgarian border in 1946 during the approval of territorial changes after World War II. In the scientific literature, this problem has not been specifically posed in such a perspective until now.

Keywords: *Paris conference of 1946, Soviet diplomacy, Western Thrace, Bulgaria, Greece, USSR, diplomatic struggle, Tsaldaris, Molotov, Vyshinsky*

Нестабильная международная обстановка на глобальном и региональном уровнях в условиях перехода к многополярному миру, когда коллективный Запад пытается всеми силами противостоять новым центрам силы, обуславливает важный императив изучения современных конфликтов и способов их урегулирования. Актуальность проблемы исследования объясняется необходимостью обеспечения территориальной целостности государств и, в то же время, сложностью формирования новых государственных образований в приемлемых границах для всех противоборствующих сторон путем нормализации в них межэтнических отношений и с учетом геополитических факторов. Возрастает роль многосторонних институтов в разрешении конфликтных ситуаций и обеспечении безопасности на глобальном и региональном уровнях. В настоящее время возросло внимание государств к незатухающим конфликтам на Ближнем Востоке, в Восточной Европе. Многогранность природы конфликтов позволяет обратиться к историческому опыту Парижской мирной конференции 1946 г., когда государства Антигитлеровской коалиции и бывшие союзники фашистской Германии в Европе смогли договориться по наиболее острым вопросам и нашли решения, которые представляли из себя компромиссы на основе баланса интересов, исключающего получение односторонних преимуществ. Мир не должен вновь стать ареной противоборства и притязаний государств для осуществления своих политических амбиций, которые вполне могут привести к новой мировой войне.

После завершения Второй мировой войны встал вопрос о судьбе и статусе европейских стран – союзников побежденной Германии. Державы-победительницы, так же, как и побежденные, были заинтересованы урегулировать взаимоотношения в короткие сроки, чтобы сосредоточиться на решении проблем после-

военного устройства мира. Парижская мирная конференция проходила с 29 июля по 15 октября 1946 г. На ней рассматривались проекты мирных договоров по урегулированию спорных вопросов путем переговоров, которые были подготовлены Советом министров иностранных дел (далее СМИД) [20]. Подготовка проектов мирных договоров была завершена Советом министров иностранных дел США, СССР, Англии, Франции 18 июля 1946 г. По большинству статей договоров было достигнуто соглашение между великими державами. Участникам Парижской мирной конференции предстояло всесторонне изучить проекты мирных договоров и принять активное участие в разработке ряда статей. Проекты мирных договоров представляли собой довольно объемистые тома, отпечатанные на французском, английском и русском языках [16].

На конференции сталкивались две противоположные тенденции послевоенного мирного урегулирования: одна – наиболее резко была выражена дипломатией США и Великобритании, и другая, которую отстаивал Советский Союз и страны советского блока. На Парижской конференции прения были публичными и обсуждались установки отдельных делегаций [20].

Проблема урегулирования границы с Болгарией для Греции всегда стояла на повестке дня балканского вектора внешней политики СССР. На Парижской конференции 1946 г. вопрос относительно Западной Фракии и греко-болгарской границы вызывал большие разногласия. Перед руководителями внешней политики Греции стояла задача защитить свои национально-территориальные претензии.

Западная Фракия являлась частью Болгарии, территорией, имеющей важное значение для национальной безопасности СССР в Средиземноморье. С запада она граничила с Эгейской Македонией – греческой частью исторической Македонии, разделенной в 1913 г. между Сербией,

Грецией и Болгарией, с востока – с европейской Турцией (Восточной Фракией). Край располагал лишь мелкими портовыми городками (Дедеагач, Макри, Порто-Лагос), но он был стыком пространственно-политических воззрений (геополитических образов стран и регионов). С одной стороны, обладание Западной Фракией делало Болгарию средиземноморской страной, с другой – позволяло России через Болгарию получить выход в Средиземное море в обход Турции и проливов [25]. Следует отметить напряженную работу дипломатов по выходу СССР из многочисленных столкновений с западными державами в период Парижской мирной конференции. На Парижской конференции присутствовали также и члены фракийской делегации, которую возглавлял начальник отдела пропаганды при министерстве информации Болгарии Никола Спиров [3, л. 199].

Советско-греческие отношения на Парижской мирной конференции 1946 г. остаются недостаточно исследованными в отечественной историографии. Общие вопросы по международным отношениям накануне и во время Второй мировой войны, а также по послевоенному мирному урегулированию рассматривались в работах историка Л.Е. Гришаевой [6-13]. Национально-территориальные притязания Греции, озвученные на Парижской мирной конференции в том или ином аспекте, затрагивали многие авторы. Следует отметить труды А.А. Калинина [14, 15], специалиста по истории Греции Т.В. Никитиной [21, 22], А.П. Салькова [25, 26], а также статью значительной фигуры среди исследователей албанской истории Н.Д. Смирновой [27]. Для понимания сути работы советской дипломатии на конференции особо следует отметить воспоминания выдающегося советского дипломата К.В. Киселева [16] – руководителя делегации Белорусской ССР в Париже.

Все эти работы внесли ценный вклад в изучение послевоенной истории международных отношений и работы Парижской мирной конференции и раскрывают участие советской дипломатии в ее деятельности.

В период проведения Парижской мирной конференции 1946 г. греческие дипломаты сосредоточили свои усилия в первую очередь на том, чтобы добиться признания своих интересов в Болгарии. Исправление границ с Болгарией входило в список неразрешенных территориальных вопросов.

ПОЗИЦИЯ БОЛГАРИИ ПО ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЙ ФРАКИИ

Среди делегатов Парижской конференции 1946 г. не было единства по вопросу получения Грецией значительных территорий. Позиция советского правительства была благоприятной для Болгарии, так как греческие национальные претензии не совпадали с национальными интересами СССР. На I-III сессиях Совета министров

иностранного дела – международного органа, состоящего из министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Китая и Франции, который поднимал вопросы по разрешению претензий Греции, СССР поддержал претензии Болгарии на территорию края.

14 августа 1946 г. Парижская конференция заслушала министра иностранных дел Болгарии и премьер-министра Греции. Каждый из них сделал обширный исторический экскурс и привел аргументы в свою пользу. Болгарский министр Г. Кулишев апеллировал к участию Болгарии в войне с Германией, непомерном размере репараций в пользу Греции, непричастности болгарской армии к разрушениям на оккупированной ими Западной Фракии, невозможности реализовать принцип экономического выхода к морю [26]. Основываясь на этом, Болгария просила возвратить ей Западную Фракию, обеспечив территориальный выход к Эгейскому морю. Дипломатическая активность СССР в поддержке Болгарии могла бы помочь советскому государству с выходом к Средиземному морю в обход Турции и проливов [26]. Таким образом, Болгария также планировала получить значительную часть территории Западной Фракии из-за ограничения ее выхода в Средиземное море. СССР, как великая держава и страна-победитель по результатам Второй мировой войны, на которой лежала ответственность за принятие значимых для судеб мира решений, поддерживала Болгарию – страну «народной демократии», входившую в советский блок. СССР ясно предвидел пагубные последствия удовлетворения греческих национально-территориальных претензий и усилия советской делегации были направлены на создание устойчивого мира в регионе.

По мнению Болгарии, после Балканской войны 1912-1913 гг., когда страна пошла на самые большие жертвы и вынесла на своих плечах главную тяжесть войны с Турцией, Греция стремилась удвоить свою территорию. Тогда от Болгарии была отторгнута наибольшая часть Эгейской территории, населенная в большинстве славянами и освобожденная болгарскими войсками. В 1919 г. от Болгарии была отторгнута еще одна часть ее территории, а именно – Западная Фракия, которая обеспечивала выход к Эгейскому морю, которая была передана Греции после неудачной военной экспедиции в Малой Азии. Сейчас греческое правительство требовало 1/10 часть болгарской территории, на которой не было ни одной греческой деревни. Для того, чтобы оправдать свою попытку новой аннексии болгарской территории, греческое правительство выдвигало в качестве оснований три «болгарские агрессии» (1912-1913, 1916-1919 и 1941-1944 гг.) [3, л. 236].

Болгария потеряла естественный выход к Эгейскому морю¹, представляющему для нее жизненную необходимость. Эгейское побере-

жье между реками Марицей и Местой являлось неотъемлемой частью важного географического района. Болгария была лишена естественных и необходимых линий коммуникации с внешним миром, что способствовало нищете и экономическому застою. Эгейское побережье было недоступно для международной торговли. Деятельность в этом районе ограничивалась незначительной местной торговлей [3, л. 234-236]. Следовательно, справедливое решение, с точки зрения Болгарии, принятое на конференции имело бы самые благоприятные результаты для болгарского народа и других стран.

ГРЕЧЕСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАПАДНОЙ ФРАКИИ

Представители Греции, выступая на пленарных заседаниях конференции и в комиссии по политическим и территориальным вопросам для Болгарии, выражали требования передачи Греции значительной части нынешней болгарской территории, мотивируя свое требование «стратегическими» соображениями и именуя предлагаемые ими территориальные изменения «стратегическим исправлением границы». Удовлетворение греческих претензий означало бы, что северо-восточная граница Греции была бы значительно отодвинута на север и находилась бы в 95 км от болгарской столицы Софии и всего в 35 км от Пловдива – второго по величине города Болгарии [24]. Цалдарис говорил о том, что Греция неоднократно предоставляла Болгарии все экономические льготы в портовом городе Дедеагаче (греч. Александруполис). Греция ставила под сомнение активное участие Болгарии в войне против Германии [3, л. 337, 338]. Цалдарис ссылался на главу советской делегации В.М. Молотова, который говорил, что агрессия и захват чужих территорий и стран не должны были оставаться безнаказанными [3, л. 220]. Все это увенчивалось выводом: «Вражеская страна пришла на конференцию, чтобы изложить территориальные требования к союзной стране, жертве агрессии держав оси. Положение стран-агрессоров не должно оказаться лучше, чем положение их жертв» и подготавливало официальное выдвижение Грецией встречных территориальных претензий к Болгарии, обсуждавшихся в кулуарах. Некоторые западные представители Дж. Бирнс (США) и Х. Александер (Великобритания) поддерживали позицию Греции [26, л. 40, 41]. Территориальные требования Греции в отношении Болгарии основывались, в первую очередь, на требованиях греческой безопасности, а именно для того, чтобы укрепить границу в том пункте, откуда Греция трижды подверглась вторжению на протяжении одного поколения [26, л. 37]. Таким образом, греческая дипломатия в данном случае руководствовалась, прежде всего, военно-стратегическими соображениями, не задумываясь о последствиях выдвигаемых национально-территориальных претензий, так как

греко-болгарские противоречия являлись одним из наиболее сложных вопросов Парижской конференции.

ДЕБАТЫ О ГРЕЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЯХ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1946 Г.

Пресса Софии писала, что интересы Болгарии и Греции на конференции были представлены двумя идеями. Поддержать идею Болгарии означало поддержать демократическое развитие Балкан, положить конец военным распрям, укрепить мир и братское сотрудничество между балканскими народами. Поддержать идею Греции не означало ничего другого, кроме полного противоречия решению Крымской конференции, нового поощрения возрождения фашизма. Это означало работать не для мира, а для вражды на Балканах, чтобы этот полуостров и впредь оставался пороховым погребом Европы [3, л. 266]. Таким образом, советская дипломатия оказалась втянутой в жаркий греко-болгарский спор за Западную Фракию. Советские представители поддерживали болгарскую делегацию и поэтому стремились не допустить раздела Болгарии. Советский Союз должен был играть активную роль в проблеме Западной Фракии в целях предотвращения удовлетворения национально-территориальных претензий Греции и увеличения её территории. На Парижской мирной конференции СССР продолжал критиковать греческие внешнеполитические инициативы, касательно греко-болгарской границы.

Проблема Западной Фракии выявила серьезные расхождения в видении подходов к процессу мирного урегулирования греческих национально-территориальных претензий. Греко-американский совет передал представителям прессы заявление, в котором отмечалось, что греческое правительство выдвигало на мирной конференции лишь территориальные претензии, касающиеся балканских стран дружественных СССР, и не выдвигало других законных претензий, которые могли бы поставить в затруднительное положение Англию. Выступая против передачи Западной Фракии Греции, но требуя уплаты Болгарией репараций Греции, Совет говорил о реакционном характере греческого правительства, которое разжигало разногласия между союзниками. Заявление критиковало Цалдариса за его «скандальное молчание» в отношении греческих претензий на Восточную Фракию и Кипр и указывало, что Цалдарис умышленно избегал поднимать те вопросы, которые могли бы поставить в неловкое положение англичан [3, л. 315, 316]. Такие заявления облегчали советскому и болгарскому руководству борьбу против стремлений Греции добиваться максимального приращения территорий.

Газета «Таймс» касательно вопроса о притязании болгар на Западную Фракию называла Болгарию проклятием Балкан [3, л. 283]. По мне-

нию другой американской газеты, поведение Болгарии во время войны не давало ей право предъявить требования Греции [3, л. 268]. Американская пресса говорила о враждебности Болгарии по отношению к Греции и, следовательно, она должна была испытать на себе всю тяжесть проигравшей во Второй мировой войне стороны.

Позиция Англии основывалась на стратегических соображениях. С ее стороны, позиции Греции были бы сильнее, если бы она была сговорчивей в деле предоставления Болгарии выхода к морю, чем это было в период между двумя войнами [3, л. 253].

Белградская газета «Борьба» писала, что правители Греции пытались использовать мирную конференцию для того, чтобы внести смуту среди балканских народов, ударить по послевоенному миру и сотрудничеству. Под маской защиты Фракии, Греция требовала болгарские земли, которые этнографически, географически и исторически всегда принадлежали Болгарии [3, л. 255]. Югославская позиция по греческим претензиям была на стороне стран советского блока.

В дискуссиях на Парижской мирной конференции выступили по нескольку раз все члены комиссии. Представители Советского Союза, Белорусской ССР, Украинской ССР, Чехословакии, Югославии справедливо указывали, что «стратегические соображения», о которых говорила греческая делегация, сводятся, в сущности, к тому, чтобы сделать стратегически уязвимыми основные политические и экономические центры Болгарии, что территориальные требования греческой делегации необоснованны. Защитниками притязаний греческой делегации были представители Австралии, Англии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза [16]. Следовательно, позиции разных сторон на Парижской мирной конференции 1946 г. выдвигались исходя из стремления усилить влияние в данном регионе или исходя из общих интересов стабилизации ситуации на Балканах, что позволило Советскому Союзу не допустить принятия невыгодных для него решений. Так, с точки зрения советской делегации, претензии Цалдариса не соответствовали целям и задачам Парижской мирной конференции, поскольку они не только не способствовали созданию устойчивого мира в Европе, но, наоборот, подрывали его основы.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1946 Г.

СССР отстаивал позицию, которая показывала, что Болгария активно участвовала в войне и способствовала освобождению Греции. Глава греческой делегации Цалдарис пытался поставить под сомнение активное участие Болгарии в войне против фашистской Германии. С ответом Цалдарису выступил представитель советской делегации К. Новиков, который убедительно показал, что участие Болгарии в войне было эффективным и способствовало освобо-

ждению Греции и Югославии, равно как и окончательному разгрому гитлеровского фашизма [16]. Болгарская армия сразу после переворота 9 сентября 1944 г. до заключения соглашения о перемирии встала на сторону союзных держав против Германии. Советская делегация считала большой заслугой Болгарии, что она закончила военную подготовку и концентрацию войск в минимальный срок. Свыше 12 дивизий освободили большую часть Македонии и Сербии, уничтожили немецкие войска и организовали активную помощь советским войскам на Дунае [3, л. 337, 338]. Болгарская армия потеряла в боях 32 тысячи убитыми и ранеными [16].

По мнению главы делегации Украинской ССР на Парижской конференции Д.З. Мануильского, греческие представители не понимали глубоких изменений и демократических преобразований, которые произошли на Балканах. Следовало установить мир, который не мешал бы нормальному экономическому развитию каждой страны, в чем были заинтересованы все государства и все народы, стремящиеся восстановить нарушенные войной экономические и торговые связи. Таким образом, ни одно из прибрежных на Эгейском море государств не должно было быть отрезано от выхода в него [3, л. 227]. Единственным нормальным решением вопроса было бы возвращение к Бухарестскому договору 1913 г. в части, касающейся Западной Фракии [3, л. 224]. По мнению советской делегации, «стратегические соображения» Греции, в сущности, сводились к тому, чтобы сделать стратегически уязвимыми основные политические и экономические центры Болгарии, претензии не соответствовали целям Мирной конференции, подрывали основы создания устойчивого мира на Балканах [28, л. 283]. В момент, когда Греция восстанавливала свои исторические права на Додеканесские острова, оторванные от нее на протяжении длительного времени, у Болгарии тоже были основания для того, чтобы поставить вопрос о полноценном выходе к Эгейскому морю, от которого она была отрезана 27 лет назад. Принимая во внимание исторические и национальные права болгарского народа на Западную Фракию, исключительную важность предоставления Болгарии выхода к Эгейскому морю, советская делегация настаивала на изучении предложения Болгарии по вопросу о Западной Фракии [28, л. 288]. Таким образом, экспансионистские претензии Греции встретили резкий отпор со стороны советской делегации.

Также В.М. Молотов заявлял, что болгары могли бы быть спокойны в отношении своей границы с Грецией. Занимая жесткую позицию на переговорах со своими оппонентами [1, л. 17], глава советской делегации был уверен, что контроль над спорной территорией останется у Болгарии.

Официальные поправки к проекту догово-

ра поступили 21 августа 1946 г. К тому времени были разработаны предложения советской делегации о Западной Фракии и о выходе Болгарии к Эгейскому морю. Они опирались на постановления мирных конференций после Первой мировой войны. Тогда в результате компромисса было решено зафиксировать отказ Болгарии «от всех прав и правооснований на территорию Фракии» при одновременном предоставлении ей гарантий свободного экономического выхода к Эгейскому морю. Над Западной Фракией устанавливался греческий суверенитет. Требованием Болгарии было превращение Западной Фракии в автономную область под международным управлением. В кулуарах Парижской мирной конференции такой проект также обсуждался и, как считали советские эксперты, «интернационализация» Западной Фракии, устраивающая болгар, имела больший успех, чем передача ее под болгарский суверенитет. Во-первых, он менее обиден для греков; во-вторых, он может заинтересовать другие государства, в частности США, которые в таком случае будут претендовать на определенное место в управлении Западной Фракией. Для Советского Союза интернационализация Западной Фракии также была более выгодна, чем оставление этой территории.

Оба противостоящих друг другу лагеря затягивали обсуждение вопросов, связанных с болгаро-греческой границей, хотя позиции сторон были четко определены. Греция восстановила свои исторические права на Додеканесские острова и у Болгарии тоже были все основания поставить вопрос о полноценном выходе к Эгейскому морю [26, л. 41]. Постоянно шел поиск дополнительных аргументов. Советский блок выступал за передачу Западной Фракии Болгарии и за отклонение греческой «стратегической» поправки [27, л. 14]. Представители советского блока уже не ставили вопроса об интернационализации, а настаивали на присоединении Западной Фракии к Болгарии [27, л. 13]. Это способствовало росту антисоветских настроений в Греции. В октябре 1946 г. греческая газета «Акрополис» писала, что у г. Молотова имеется мусорная корзина, куда он бросил все наши жертвы, героизм и свои обязательства [29]. Западные делегации осознавали нереальность греческих требований, но использовали их в интересах обострения полемики.

Таким образом, советская дипломатия проявила активность в защите болгарских интересов и оказала существенное влияние на членов делегаций Парижской конференции 1946 г. в целях недопущения удовлетворения притязаний Греции на территорию Западной Фракии, что явно усилило бы позиции США и Великобритании.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ГРЕКО-БОЛГАРСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Представитель в Комиссии от США Дж. Кефери заявил, что болгарская аргументация от-

носительно Западной Фракии не произвела на него впечатления. Он также отверг и «стратегическую» поправку греков, которая заключалась в изменении границы в пользу Греции за счет присоединения к ней 1/10 части территории Болгарии [27, л. 13], сославшись на ставший славянским состав населения этих территорий, который создал бы трудности для самой Греции, если они будут присоединены к ней [27, л. 14, 15]. Таким образом, территориально-политическое разграничение в Западной Фракии стало для дипломатии на Парижской конференции серьезной международной проблемой. Во время работы конференции греческая делегация вела борьбу за привлечение на свою сторону западных держав. Наличие в США политиков, готовых пойти на пересмотр Ялтинских договоренностей и дестабилизацию ситуации на Балканах, было немалым, что облегчало американской дипломатии вести переговоры против стремления Греции добиться приращения новых территорий.

1 октября 1946 г. греческие требования о стратегических изменениях границ с Болгарией были отклонены. Советский представитель заявлял, что Греция сейчас находилась вне опасности со стороны новой демократической Болгарии. Вслед за ним выступил американский делегат, который выразил сомнение в развитии демократии в Болгарии. Позднее комиссия пришла к соглашению о том, чтобы границы Болгарии остались такими же, какими они были на 1 января 1941 г. [4, л. 295]. Заявляя против национально-территориальных притязаний Греции, американская дипломатия выступала в роли проводника от западных держав справедливых принципов организации международных отношений.

Политическая комиссия по Болгарии одобрила предложение СМВД о сохранении существовавшей на тот момент болгаро-греческой границы, что по мнению советской делегации «соответствовало интересам устойчивого мира в Европе». «Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой» – сказал Молотов 14 октября, говоря о результатах Парижской конференции [28, л. 342, 343].

Решения Парижской конференции по урегулированию вопроса о греко-болгарской границе вызвали протест некоторых слоев греческого населения. Председатель греческого парламента Теотокис направил от имени парламента телеграмму председателю Парижской мирной конференции, четырем министрам иностранных дел, председателю Вооруженных сил СССР, председателю Палаты представителей и Сената США, председателю Палаты общин и Палаты лордов Англии и председателю учредительного собрания Франции об изумлении о решении относительно греческих требований по вопросу обеспечения безопасности греко-болгарских границ [5, л. 6]. Афинские служащие устроили де-

монстрацию протеста против отклонения территориальных требований Греции. Представители демонстрантов вручили письменный протест посольствам Англии, СССР, Франции и США. Участвовавшие в демонстрации хитосы кричали около советского посольства, «Даешь Софию! Позор! Долой славян!». Особенно горькие упреки раздавались по адресу Англии, так как она до последнего времени искусственно создавала иллюзия, что поддержит любые притязания Греции. Газета «Акрополис» 4 октября 1946 г. в передовой статье писала, что Греция стала жертвой доверия и, если бы ей об этом сказали ранее, она бы не дожидаясь пошла к России и поговорила с ней по-хорошему, чтобы можно было воспользоваться поддержкой Сталина, так как он умел поддерживать своих друзей. Газета задавала вопрос, почему бы Сталину не поддержать греков, если он поддерживал на переговорах албанцев и болгар. Также высказывалось мнение, что СССР поймет свою ошибку и откажется от своей несправедливой позиции по отношению к Греции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному анализу работы Парижской мирной конференции 1946 г., можно сделать следующие выводы. Принятие на конференции согласованных решений по важным вопросам в очередной раз показало возможность международного сотрудничества государств с разным общественным строем. Однако

решения эти не были однозначными. Во время работы заседаний делегаций конференции сторонами предлагались различные варианты компромисса. Грецией и Болгарией отстаивались собственные национально-государственные интересы, используя исторические, этнические, стратегические и географические аргументы в свою пользу на обладание спорной территорией. Это не могло не вызвать опасений у СССР и других государств, стремившихся к стабилизации обстановки в Европе. Вопрос о недопущении передачи Греции Западной Фракии был важнейшей задачей советской дипломатии на Парижской конференции. В результате Греция так и не смогла получить часть территории Западной Фракии, что явно усилило бы влияние Великобритании и США. В соответствии с мирным договором Греции и Болгарии от 10 февраля 1947 г. границы между ними оставались прежними, какими они существовали на 1 января 1941 г. Конечно, минусом было то, Болгария и Советский Союз не получили выхода в Восточное Средиземноморье, имевшего геополитическое значение в условиях формирующейся послевоенной блоковой системы под эгидой США и Великобритании. Вместе с тем, напряженное послевоенное разрешение проблемы Западной Фракии было урегулировано мирным путем, что привело к локализации острого международного регионального конфликта.

Примечания

¹ Необходимость выхода Болгарии к свободному морю констатировалась в статье 48 договора, подписанного в Нейи. Экономический доступ к морю не мог быть использован на практике поскольку ни одно болгарское правительство не взяло на себя решение, связанное с вложением значительных капиталов в строительство нескольких портов и дорог на иностранной территории [3, л. 233].

Библиография

1. АВП РФ. Ф.84. О.29. П.26. Д.21.
2. ГАРФ. Ф.Р-4459. О.27. Д.5256.
3. ГАРФ. Ф.Р-4459. О.27. Д.5257.
4. ГАРФ. Ф.Р-4459. О.27. Д.5259.
5. ГАРФ. Ф.Р-4459. О.27. Д.5260.
6. Гришаева Л.Е. Границы государств и международные региональные конфликты в межвоенный период (1919-1939) // Вестник ученых-международников. Изд-во: Дипломатическая академия МИД РФ. 2022. № 2(20), С. 239-278.
7. Гришаева Л.Е. Историческая роль ООН в современном мире // Дипломатическая служба. 2021. Т. 17. № 1(94). С. 6-21.
8. Гришаева Л.Е. Начало и итоги Второй мировой войны: спорные вопросы // Дипломатическая служба. 2019. № 6(87). С. 15-41.
9. Гришаева Л.Е. О виновниках и победителях во Второй мировой войне // Дипломатическая служба. 2020. № 2(89). С. 6-35.
10. Гришаева Л.Е. ООН: 75 лет после Второй мировой войны // Дипломатическая служба. 2020. № 5(92). С. 6-32.
11. Гришаева Л.Е. Черчилль о Второй мировой войне: спорные вопросы истории // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 2(24). С. 202-224.
12. Гришаева Л.Е. Черчилль о разделе сфер влияния и новом устройстве мира // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 166-190.
13. Гришаева Л.Е. Ядерное наследие Черчилля // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4(22). С. 144-175.
14. Калинин А.А. Греция и вопросы территориального урегулирования после Второй мировой войны (1945-1946 гг.) // 1945 год: Формирование основ послевоенного мироустройства: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 286-309.
15. Калинин А.А. На переднем рубеже холодной войны: США, СССР и гражданская война в Греции (1944-1949 гг.). Киров: Науч. Изд-во ВятГУ, 2018. 616 с.
16. Киселев К.В. Записки советского дипломата. Москва: Политиздат, 1974. 527 с.
17. Мартюкова Е.А. Позиция СССР в ООН по «Греческому» вопросу (1946 – начало 1947 гг.). // Клио. 2021. № 03(171). С. 131-140.
18. Мартюкова Е.А. Позиция СССР в ООН по разрешению «греческой» проблемы в 1947 г. // Человеческий капи-

тал. 2021. № 5(149) S2. С. 175-188.

19. Мартюкова Е.А. Позиция СССР в ООН по урегулированию «греческого» вопроса (вторая половина 1947-1951 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 5. С. 94-112.
20. Мартюкова Е.А. СССР и проблема Северного Эпира на Парижской мирной конференции 1946 г. // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 3. С. 43-57.
21. Никитина Т.В. Российско-греческие отношения в XX веке. Очерки / Т.В. Никитина; под общ. Ред. Л.С. Белоусова. СПб.: Алетейя, 2020. 214 с.
22. Никитина Т.В. Петрунина О.Е. Этноконфессиональный фактор в политической жизни Греции в годы Второй мировой (1940-1944) и гражданской (1946-1949) войн: к постановке проблемы // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2014. №1. С. 184-201.
23. Парижские мирные договоры 1947 г. (К 70-летию Парижской мирной конференции) // URL: <https://bit.ly/2P2YP2G> (дата обращения: 09.03.2022)
24. Правда, №213(10295), 7 сентября 1943 г. С.3.
25. Сальков А.П. «Процентное соглашение» Черчилля – Сталина (октябрь 1944 г.) и проблема Западной Фракии. Веснік БДУ. Сер. 3. № 2. 2005. С. 25-26.
26. Сальков А.П. СССР и проблема выхода Болгарии к Эгейскому морю на Парижской мирной конференции 1946 г. // ВЕСНИК ВІЦЕБСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА УНІВЕРСИТЭТА. 2005. № 3(37).
27. Смирнова Н.Д. Греческий вопрос на Парижской мирной конференции // Сталин и холодная война. М., ИВИ РАН, 1997. С. 6-22.
28. Советские делегации на Парижской конференции [Текст]: Сборник выступлений и материалов. Июль-окт. 1946 г. / М-во иностр. дел. СССР. - Москва: тип. МИД СССР, 1947.
29. Юнгблуд В. Т. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров: Изд-во ВятГУ, 2014. 510 с.

References

1. Archive of the foreign policy of the Russian Federation (AVP RF). F.84. O.29. P.26. D.21.
2. State Archive of the Russian Federation (GARF). F.R-4459. O.27. D.5256.
3. GARF. F.R-4459. O.27. D.5257.
4. GARF. F.R-4459. O.27. D.5259.
5. GARF. F.R-4459. O.27. D.5260.
6. Grishaeva L.E. *Granitsy gosudarstv i mezhdunarodnye regional'nye konflikty v mezhoennyi period (1919-1939)* [Borders of states and international regional conflicts in the interwar period (1919-1939)]. *Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov. Izd-vo: Diplomaticeskaya akademiya MID RF* [Bulletin of international scientists. Publishing house: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation], 2022, no. 2(20), pp. 239-278.
7. Grishaeva L.E. *Istoricheskaya rol' OON v sovremennom mire* [The historical role of the UN in the modern world]. *Diplomaticeskaja sluzhba* [Diplomatic Service], 2021, Vol. 17. no. 1(94). pp. 6-21.
8. Grishaeva L.E. *Nachalo i itogi Vtoroi mirovoi vojny: spornye voprosy* [Beginning and results of the Second World War: controversial issues]. *Diplomaticeskaja sluzhba* [Diplomatic Service], 2019, no. 6(87). pp. 15-41.
9. Grishaeva L.E. *O vinovnikakh i pobeditelyakh vo Vtoroi mirovoi vojne* [On the culprits and winners in World War II]. *Diplomaticeskaja sluzhba* [Diplomatic Service], 2020, no. 2(89). pp. 6-35.
10. Grishaeva L.E. *OON: 75 let posle Vtoroj mirovoj vojny* [UN: 75 years after World War II]. *Diplomaticeskaja sluzhba* [Diplomatic Service], 2020, no. 5(92). pp. 6-32.
11. Grishaeva L.E. *Cherchill' o Vtoroi mirovoi vojne: spornye voprosy istorii* [Churchill on the Second World War: controversial issues of history]. *Vestnik Diplomaticeskoi akademii MID Rossii. Rossija i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world], 2020, no. 2(24). pp. 202-224.
12. Grishaeva L.E. *Cherchill' o razdele sfer vliyaniya i novom ustroistve mira* [Churchill on the division of spheres of influence and the new structure of the world]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2020, no. 8. pp. 166-190.
13. Grishaeva L.E. *Yadernoe nasledie Cherchillya* [Churchill's Nuclear Legacy]. *Vestnik Diplomaticeskoi akademii MID Rossii. Rossija i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world], 2019, no. 4(22). pp. 144-175.
14. Kalinin A.A. *Grecija i voprosy territorial'nogo uregulirovaniya posle Vtoroj mirovoj vojny (1945-1946 gg.)* [Greece and issues of territorial settlement after the Second World War (1945-1946)]. *1945 god: Formirovanie osnov poslevoennogo miroustrojstva: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* [1945: Formation of the foundations of the post-war world order: a collection of materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. Kirov, 2015, pp. 286-309.
15. Kalinin A.A. *Na perednem rubezhe holodnoj vojny: SShA, SSSR i grazhdanskaja vojna v Grecii (1944-1949 gg.)* [At the forefront of the Cold War: the USA, the USSR and the civil war in Greece (1944-1949)]. Kirov, Nauch. Publishing house of Vyatka State University, 2018. 616 p.
16. Kiselev K.V. *Zapiski sovet'skogo diplomata* [Notes of a Soviet diplomat]. Moscow, Politizdat, 1974. 527 p.
17. Martyukova E.A. The position of the USSR in the UN on the «Greek» question (1946 - early 1947). *Klio*, 2021, no. 03(171). pp. 131-140 (In Russ.).
18. Martyukova E.A. *Pozitsiya SSSR v OON po razresheniyu «grecheskoi» problemy v 1947 g.* [The position of the USSR in the UN on resolving the «Greek» problem in 1947]. *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2021, no. 5(149). pp. 175-188.
19. Martyukova E.A. *Pozitsiya SSSR v OON po uregulirovaniyu «grecheskogo» voprosa (vtoraya polovina 1947-1951 gg.)* [The position of the USSR in the UN on the settlement of the «Greek» question (the second half of 1947-1951)]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical journal: scientific research], 2021, no. 5. pp. 94-112.
20. Martyukova E.A. *SSSR i problema Severnogo Epira na Parizhskoi mirnoj konferencii 1946 g.* [The USSR and the Problem of Northern Epirus at the Paris Peace Conference in 1946]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical journal: scientific research], 2022, no. 3. pp. 43-57.
21. Nikitina T.V. *Rossijsko-grecheskie otnosheniya v XX veke. Ocherki* [Russian-Greek relations in the XX century. Essays] / T.V. Nikitina; pod obshh. Red. L.S. Belousova. St. Petersburg, Alerteja Publ., 2020. 214 p.
22. Nikitina T.V. Petrunina O.E. *Etnokonfessional'nyi faktor v politicheskoj zhizni Gretsii v gody Vtoroi mirovoi (1940-1944) i grazhdanskoi (1946-1949) vojn: k postanovke problemy* [Ethno-confessional factor in the political life of Greece during the Second World (1940-1944) and Civil (1946-1949) wars: to the formulation of the problem]. *Istoricheskie Issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU* [Historical Research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University], 2014, no. 1. pp. 184-201.
23. The Paris Peace Treaties of 1947. To the 70th Anniversary of the Paris Peace Conference. Available at: <https://bit.ly/2P2YP2G> (Accessed 09 March 2022).
24. Pravda, no.213 (10295), 7 September 1943, P.3.
25. Sal'kov A.P. «Protseptnoe soglashenie» Cherchillya – Stalina (oktyabr' 1944 g.) i problema Zapadnoi Frakii [«Percent-

- age agreement» Churchill - Stalin (October 1944) and the problem of Western Thrace]. *Vesnik BDU. Ser. 3.* [Bulletin BDU. Ser. 3], 2005, no. 2, pp. 25-26.
26. Sal'kov A.P. *SSSR i problema vykhoda Bolgarii k Egeiskomu moryu na Parizhskoi miroi konferentsii 1946 g.* [The USSR and the Problem of Bulgaria's Access to the Aegean Sea at the Paris Peace Conference of 1946]. *VESNIK VICEBSKAGA DZJaRZhAŸNAGA UNIVERSITeTA*, 2005, no. 3(37).
27. Smirnova N.D. *Grecheskii vopros na Parizhskoi miroi konferentsii* [The Greek Question at the Paris Peace Conference]. *Stalin i holodnaja vojna* [Stalin and the Cold War], Moscow, IVI RAN Publ., 1997. pp. 6-22.
28. *Sovetskiye delegatsii na Parizhskoy konferentsii [Tekst]: Sbornik vystupleniy i materialov. Iyul'-okt. 1946 g.* [Soviet delegations at the Paris Conference [Text]: Collection of speeches and materials. July-Oct. 1946]. *M-vo inostr. del. SSSR.* [Foreign Ministry affairs. THE USSR], Moscow, 1947.
29. Jungbljud V.T. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939-1947 gg.* [On the contrary courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939-1947], Kirov, Izd-vo VjatGU Publ., 2014, 510 p.

© «Клио», 2023

© Мартюкова Е.А., 2023

ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ/ CHARACTERS OF HISTORY

УДК 94 (47). 930.2

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_195

Дата поступления (Submitted) 12.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 21.07.2023

Отражение этапа военной биографии А. В. Голицына эпохи борьбы с Лжедмитрием II в зеркале разрядных, летописных и иностранных источников

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТРАПЕЗНИКОВ

магистрант 2 курса

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет»,

кафедра источниковедения

117449, Москва, Улица Шверника, 19к1.

e-mail: trapeznikoff.dima2018@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируется наиболее выдающийся этап военной биографии князя Андрея Васильевича Голицына.

Смутное время являлось периодом наибольшей активности князя А. В. Голицына.

Количество назначений, в особенности воинских, показывает несоизмеримый с предыдущим периодом рост. Однако кризис приказного делопроизводства, вызванный политическими пертурбациями, привел к сложностям в оценке деятельности конкретных представителей военно-служилого класса.

Период борьбы с Лжедмитрием является одним из самых освещенных этапов в военной биографии князя А. В. Голицына. Именно в момент наивысшего кризиса на первый план вышло молодое поколение полководцев. Одним из наиболее выдающихся и был князь А. В. Голицын.

Научная новизна работы заключается в анализе наиболее насыщенного этапа биографии князя А. В. Голицына

Как показал анализ литературных источников, разрядные материалы позволяют составить наиболее полный список назначений конкретного представителя военно-служилого класса. В то же время разрядные записи довольно сухо сообщают подробности боевых выходов и боестолкновений. В этом ключе выгодно отличаются данные, предоставляемые летописными материалами. Свидетельства иностранцев обладают наиболее выдающимся информационным богатством, однако уступают в достоверности, как разрядам, так и летописям.

Ключевые слова: воевода, князь А. В. Голицын, летописи, разрядные книги, Лжедмитрий II, сражение, иностранные источники

Reflection of the stage of the military biography of A. V. Golitsyn of the era of the struggle against False Dmitry II in the mirror of discharge, annalistic and foreign sources

DMITRY ALEKSEEVICH TRAPEZNIKOV

2nd year Master's student

Moscow State University,

Department of Source Studies

117449, Moscow, Shvernik Street, 19k1.

e-mail: trapeznikoff.dima2018@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the most outstanding stage of the military biography of Prince Andrei Vasilyevich Golitsyn.

The Time of Troubles was the period of the greatest activity of Prince A.V. Golitsyn.

The number of prescriptions, especially military ones, shows a period of growth that is incommensurable with age. However, the challenge of a crisis in production, the occurrence of emergency situations of perturbations, led to difficulties in the characteristics of specific types of activities of a service class soldier.

Prince A.V. Golitsyna. It was at the moment of the offensive that the young generation of commanders from among the most prominent came to the fore, and A.V. Golitsyn was the only prince.

Scientific novelty of the work in the analysis of the most intense stages of the biography of Prince A. V. Golitsyn

As the analysis of literary sources showed, the discharge materials made it possible to obtain the most complete list of representatives of the representatives of the military class. At the same time, bit records provide rather dry details about events and events. In this vein, profitable data exported by summer materials. The testimonies of foreigners have the most outstanding informational wealth, but they have problems, both in categories and annals.

Keywords: *voivode, Prince A.V. Golitsyn, chronicles, discharge books, False Dmitry II, battle, foreign sources*

Период борьбы с Лжедмитрием II являлся одним из самых напряженных в военном плане отрезке Смутного Времени. Одну из ведущих ролей в этом противостоянии сыграл князь Андрей Васильевич Голицын.

Целью работы является подробный анализ этапа служилой биографии князя А. В. Голицына, а именно реконструкция его военной деятельности в период борьбы с Лжедмитрием II на основе разрядных, летописных и иностранных источников.

Задачами статьи выступают раскрытие роли князя А. В. Голицына в ключевых событиях данной эпохи, а также определение степени достоверности и информационного богатства отобранных источников.

Историография. Особую ценность представляет работа С. А. Белокурова «Разрядные записи за смутное время 1907 года» [1]. Автор не только собрал большинство разрядных записей за указанный период, но и сделал важные выводы о характере подобных источников. Разрядные записи — один из важнейших источников по политической и военной истории России XVI–XVII веков, поскольку в них фиксировались официальные государственные распоряжения, отражающие ежегодные назначения бояр и дворян на военную, гражданскую и придворную службу.

Наиболее ранней работой посвящённой конкретно князю А. В. Голицыну является статья С. А. Клепика «Полководцы смутного времени» [2]. Автор данной работы особенно выделяет тактические способности и выдающиеся личные качества князя.

Особенно следует отметить работы В. Н. Козлякова в которых помимо военных действий рассматривается роль самого князя А. В. Голицына. В первую очередь работу, «Василий Шуйский» [3] где даётся подробнейший обзор событий эпохи борьбы с Лжедмитрием II. Для определения статуса А. В. Голицына к началу данного этапа, привлечена работа того же автора «Лжедмитрий I» [4].

Так как данный этап военной биографии князя А. В. Голицына является наиболее насыщенным, важное значение имеет работа Курбатова О. А. «Военная история русской Смуты начала XVII века» [5].

Источниковая база исследования. Основными источниками выступают разрядные [1] и

летописные материалы [6, с. 263-411, 7], однако, данный период военной биографии князя А. В. Голицына имеет широкое освещение в иностранных источниках [6, с. 9-263; 8]. Особенно ценными являются воспоминания участников непосредственных боестолкновений, в частности, воспоминания Н. М. Мархоцкого [9].

Объектом исследования выступает один из этапов военной биографии князя А. В. Голицына, а именно действия полководца в период борьбы с Лжедмитрием II.

Предметом исследования отражение данного этапа службы, а также анализ различных версий отдельных эпизодов в разрядных, летописных и иностранных источниках.

Научная новизна заключается в привлечении нового массива источников и реконструкция конкретного этапа военной биографии отдельного представителя военно-служилого класса.

В мае 1607 года еще до взятия Тулы на юго-западной границе Русского государства впервые появляется Лжедмитрий II.

По сведениям разрядов, против него были направлены двое князей Голицыных — Иван и Федор Васильевичи. И если первый широко представлен в самых разнообразных источниках, то Федор Васильевич Голицын больше нигде не упоминается [1, с. 91]. Даже с небольшим контингентом Лжедмитрий II представлял серьезную угрозу.

Василий Иванович оценил по достоинству угрозу со стороны нового самозванца, особенно учитывая его неустойчивое положение. Кроме того, самозванец двигался в направлении Северной земли, которая традиционно готова была оказать поддержку любым антиправительственным силам, не говоря уже о «царе Дмитрие Ивановиче».

Большая часть наиболее заметных правительственных военачальников была направлена в различные части страны для окончательного уничтожения сил мятежников. Однако А. В. Голицын в этом списке не упомянут.

Иван Васильевич Голицын, хоть и имел боевой опыт (в частности, командовал смоленской служилой корпорацией в битве у села Заборье), не обладал достаточными боевыми способностями для парирования угрозы со стороны очередного самозванца. Между тем А. В. Голицын, в короткий период, одержавший сразу две зна-

чительные победы, вполне мог быть направлен против Лжедмитрия II.

Поэтому можно допустить, что автор источника вместо «Андрея Васильевича» указал не существовавшего «Федора Васильевича».

В этих условиях И. В. Голицын хоть и имевший боевой опыт, но не являвшийся особенным полководцем, был довольно неоднозначным выбором. Однако если предположить, что на месте «Федора Васильевича» был А. В. Голицын, воевода, получивший достаточный боевой опыт, то подобное назначение кажется закономерным [3, с. 143]. В этом случае выглядит обоснованным и решение Лжедмитрия II, отказавшегося вступить в военное противостояние с братьями Голицыными. Впрочем, в пару к И. В. Голицыну мог быть поставлен Федор Васильевич Головин, о чем транслирует другая разрядная запись [1, с. 91]. Данное место в разрядах неясно, очевидно, переписчик сделал ошибку, но какую именно – в имени или в фамилии – определить трудно, поскольку любой вывод в данном случае будет слишком гипотетичным.

В это же время в Речи Посполитой закончился рокош (бунт шляхты против короля), после которого значительное количество опытных и подготовленных бойцов осталось не у дел. Особенно опасной была польская кавалерия и ее отборная гусария [6, с. 59-60].

Лучшая кавалерия Европы вкупе с наемниками, которые были обучены по образцам современного военного искусства, представляли более грозную силу, чем дворянские и казачьи отряды князя А. А. Телятевского.

30 апреля 1607 года новая армия Лжедмитрия II, которая состояла из мятежников и иностранных контингентов, вступила в сражение с правительственными войсками под Болховым [6, с. 61]. В том боевом выходе А. В. Голицын командовал Передовым полком и первый подвергся атакам со стороны армии самозванца [1, с. 91].

Внезапная атака неприятеля всегда была «ахиллесовой пятой» русской армии, так как на марше подразделения зачастую двигались вне боевой готовности (оружие и доспехи находились в обозе). Например, войско князя Петра Ивановича Шуйского именно так было разбито поляками и литовцами в 1564 году.

С появлением Лжедмитрия II особое значение приобрели Мнишки, которые фактически находились в положении пленников в Ярославле. Юрий Мнишек как тесть «царя Дмитрия» и один из крупнейших польских магнатов вполне мог представлять угрозу, как в польском сейме, так и во главе своей частной армии.

Однако гораздо более опасной в этом смысле была Марина Мнишек.

Помимо статуса жены «царя Дмитрия», Марина была венчана как русская царица, что придавало ей самостоятельное значение [6, с. 161-168].

И несмотря на то, что оба венчания (брачное

и «на царство») прошли с явными нарушениями, в глазах сторонников «истинного царя» это придавало ей большую легитимность, чем родовые права князей Шуйских [6, с. 154].

В условиях нарастающей опасности для столицы Василий IV решает отослать Мнишков в Речи Посполитую. Для конвоирования «послов» была сформирована трехполковая рать во главе с князем А. В. Голицыным.

Вторым воеводой в Большом полку А. В. Голицына был Яков Петрович Барятинский, талантливый, но неродовитый полководец, в будущем он не раз будет занимать место заместителя князя Голицына.

Отправившись из Москвы 1 августа 1607 года, отряд на следующий день вернулся в Москву, позднее Мнишки перешли в стан самозванца, усилив его легитимность, по крайней мере, в глазах его сторонников. К сожалению, причины по которым А. В. Голицын резко вернулся в столицу, в источниках не указаны.

16 августа А. В. Голицын вместе с Я. П. Барятинским возглавляет двухполковую рать, посланную против Александра Юзефа Лисовского, однако успеха его полевое соединение не добились [1, с. 177].

7 сентября 1608 года А. В. Голицын был отправлен за подкреплениями в многолюдный и укрепленный Ярославль [1, с. 14].

Позднее А. В. Голицын прикрывал Владимирское Ополье, однако, узнав о грядущем мятеже в Суздальской земле, принял самостоятельное решение об отходе к столице. Скорее всего, контингент под командованием А. В. Голицына был довольно немногочисленным.

Весной 1609 года А. В. Голицын возглавил оборону столицы со стороны Сретенских ворот [1, с. 15-16].

В период с 30 апреля 1607 года по 25 июля 1609 года А. В. Голицын был не востребован на службе. И. А. Клепиков объясняет подобное отношение со стороны властей «неродовитостью» князя [9, с. 2-25]. Данный аргумент не является убедительным, так как высокое местническое положение А. В. Голицына не раз указывалось в других источниках.

Более достоверную причину, по которой князь А. В. Голицын практически не участвовал в борьбе с Лжедмитрием II, обозначает С. Жолкевский: в момент пребывания самозванца в Калуге младший Голицын был заподозрен в переговорах с самозванцем. Более того, вместе с князем Иваном Михайловичем Воротынским он был на какое-то время помещен под стражу.

Учитывая, что в дальнейшем А. В. Голицын и И. М. Воротынский будут главными участниками антипольского заговора, можно предположить, что обвинения против князя были ложными.

Триумфальным возвращением князя А. В. Голицына стало второе сражение на реке Ходынке в июле 1609 года. К сожалению, в разрядных

источниках не встречаются указания на командующий состав в боестолкновении. Сражение получило относительно подробное описание не только в разрядах, но и в летописных источниках.

Командный состав упоминается лишь в Столяровском списке Карамзинского хронографа [7, с. 343]. Во главе армии указан Дмитрий Шуйский, брат Василия Ивановича. Однако, принимая во внимание ограниченные полководческие способности последнего можно предположить, что тактическое командование осуществлял второй воевода, указанный в списке, то есть А. В. Голицын.

Как и битва на Восьме, второе сражение на реке Ходынке практически не получило освещения в историографии.

К концу июля 1609 года Тушино превратилось в укрепленный лагерь и стало мощной опорой для армии самозванца.

Тушинские отряды распространились по всей стране и даже в столице, положение Василия IV было крайне шатким. Бояре и служилые люди активно переходили из лагеря в лагерь. Значимость грядущего сражения особенно подчеркивается в «Новом Летописце»: «Гетман же Ружинский и полковники, и русские воры, которые в Тушине [были], бояре и дворяне и всякие люди, вознесясь гордостю великой, собрались и все пошли под Москву потому, что город деревянный, [железа его], придя, выжечь, а людей изрубить» [6, с. 331].

«Тушинским перелетом», учитывая необоснованные обвинения и опалу со стороны монарха, вполне мог стать и А. В. Голицын. М. В. Скопин-Шуйский, лучший полководец страны, в это время находился далеко на севере, остальные воеводы либо «вышли из возраста» (Ф. И. Мстиславский), либо не обладали соответствующим боевым опытом (братья А. В. Голицына).

Решающее значение в битве могли приобрести польские гусары. Стоит отметить, что этот род войск представлял собой лучшую кавалерию раннего Нового времени. Более того, атаки тяжелой конницы не встречали эффективного способа противодействия со стороны русских войск. Даже «гуляй-город» не мог составить серьезное препятствие для польских гусар.

Возглавлял вражескую армию гетман Роман Кириллович Ружинский, один из наиболее опытных польских полководцев, который разбил армию Василия IV на р. Ходынке 25 мая 1608 года [6, с. 60-62].

В битве участвовали три полка, а, следовательно, и три «гуляй-города».

Помимо летописных и разрядных версий данного сражения, довольно подробное описание представлено в «записках о Московской войне» Н. Мархоцкого. Стоит отметить, что Н. Мархоцкий лично участвовал в сражении, поэтому сведения, представленные им, имеют высокую

достоверность.

Как и в битве на реке Восьма, А. В. Голицын избрал лучший прием современной ему русской тактики: заняв предварительно оборонительную позицию, подвести кавалерию противника под обстрел из полевых укреплений и перейти в сокрушительную контратаку.

В начальный момент сражения А. В. Голицын принял решение спровоцировать атаку противника через реку Ходынку. Для этого «гуляй-города» были выдвинуты прямо к реке. Судя по всему, полевые укрепления продвигались под прикрытием конницы. Н. Мархоцкий описывает, что, заметив движение московских войск, противник изначально принял их за кавалерию.

Однако опытные польские командиры разгадали замысел А. В. Голицына, что видно из последующей тактики противника. Скорее всего, как и на Восьме, противник обладал численным преимуществом, это объясняет рискованную атаку через реку без предварительной разведки.

Первыми подразделениями, которые вступили в бой со стороны противника, были три казацкие хоругви. Стоит отметить, что название «казацкие» означает не состав хоругвей, а род войск. «Казацкими» назывались подразделения, которые преимущественно состояли из легкой конницы, однако за ними двигалась гусарская хоругвь, состоявшая из тяжелой кавалерии.

При приближении вражеской кавалерии русская конница расступилась, а из «гуляй-города» был произведен залп артиллерии и ручного огнестрельного оружия. Под массированным огнем казацкие хоругви начали беспорядочное отступление. Судя по всему, на это и рассчитывали польские командиры. Ведь в дальнейшем гусарская хоругвь, которая практически не понесла потерь от обстрела, сумела потеснить русскую кавалерию.

После этого польская конница перешла в атаку на «гуляй-города» и сумела уничтожить часть пехоты, находившейся в них. За этим последовали закономерные действия для этой эпохи, то есть разграбление обоза, тем не менее, часть пехоты уцелела и даже сохранила боеспособность. Учитывая, что каждый воз представлял собой отдельное подразделение, пехота могла довольно быстро перегруппироваться.

В описании данного аспекта сражения от записок Н. Мархоцкого выгодно отличаются сообщения летописей. В частности, «Новый летописец» отмечает, что «и пешие люди едва устояли» [6, с. 331]. Передышка позволила русской коннице перегруппироваться у других «гуляй-городов» и перейти в контратаку.

Следует отметить, что большая часть потерь всегда приходилась именно на отступавшего противника.

Кавалерия А. В. Голицына преследовала неприятеля до реки и смогла обратить в бегство

пехоту, стоявшую на другом берегу реки Ходынки. По меткому замечанию Н. Мархоцкого, «так что, когда дойдет до битвы, плохо, если у пеших ротмистров будут кони» [9, с. 96-97]. Только у реки Химки (более 10 км от реки Ходынки) донские казаки во главе с И. М. Заруцким смогли остановить продвижение царских войск [9, с. 96-97].

Победа на реке Ходынке стала вершиной тактического гения князя А. В. Голицына.

Растаскивание армии противника по частям, контратака и активное использование полевой фортификации являлись приемами, которые А. В. Голицын уже применял в битве на реке Восьма. После этого сражения тушинцы больше не предпринимали серьезных попыток штурма столицы.

После победы на реке Ходынке А. В. Голицын возглавляет правительственные войска, которые концентрировались в Можайске, который стал опорным центром для правительственных войск в западных уездах. В это же время другие царские отряды освобождают северные и южные районы страны.

К сожалению, практически вся военная деятельность А. В. Голицына в этот период не получила достаточного освещения в источниках. Согласно сведениям из «Бельского летописца», А. В. Голицын вместе с Д. И. Мезецким сумели отбить митрополита Филарета у полковника Руцкого [10, с. 257].

Данный факт может быть косвенным объяснением особой лояльности «романовских» источников (в первую очередь «Нового летописца») по отношению к младшему Голицыну. Однако в самом «Новом летописце» данный эпизод не обозначен.

Назначение А. В. Голицына на данный участок могло быть связано с несколькими факторами.

Во-первых, западное направление в этот период становится ключевым.

Несмотря на то, что Лжедмитрий II продолжал обороняться в Калуге, главной угрозой стала армия польского короля. Помощь Швеции (военного противника Речи Посполитой) в борьбе против самозванца на стороне Василия IV стала формальным поводом для объявления полномасштабной войны Московскому государству. В этих условиях особое значение приобрела дорога к Смоленску, так что присутствие на

этом направлении опытного воеводы вполне оправданно.

Во-вторых, Голицыны традиционно были связаны со смоленской землей. Помимо частного руководства смоленской служилой корпорацией на полях сражений, здесь располагалась большая часть поместий братьев Голицыных [11, с. 34], хотя чаще всего смоленскими полками руководил брат А. В. Голицына, Иван Васильевич [1, с. 10, 219]. Также на воеводстве в Смоленске скончался Василий Юрьевич Голицын, отец братьев Голицыных.

Как к командующему на западном направлении, в октябре 1609 года к А. В. Голицыну обратился воевода Смоленска Михаил Борисович Шейн. В данном письме он обращается к нему как к непосредственному начальнику:

«Государю моему князю Ондрею Васильевичу, великого твоего жалованья искатель Михалец Шейн челом бьет» [6, с. 355]. Кроме того, А. В. Голицын виделся М. Б. Шейну наиболее дальновидным полководцем, который смог бы оценить стоящую перед Смоленском военную угрозу.

Последним крупным боевым выходом для А. В. Голицына стала Клушинская битва 24 июня 1610 года, однако он был отстранен от командования в пользу царского брата, Дмитрия Ивановича Шуйского.

Стоит отметить, что подобный шаг привел к поражению царской армии.

Этот этап военной биографии князя А. В. Голицына представлен в источниках довольно неоднозначно. Если в битве у села Троицкого-Лобанова он командовал Передовым полком, то дальнейшие назначения свидетельствуют об опальном положении князя, что подтверждается иностранными источниками. Тем не менее, условиях наибольшей опасности для государства он стал фактическим главнокомандующим русской армией в битве на реке Ходынке. В сражении у столицы он проявил весь свой полководческий талант.

Армия Лжедмитрия II, состоявшая из отборных иностранных контингентов, была разгромлена в данном сражении и прекратила попытки захвата столицы. К сожалению, впоследствии А. В. Голицын был отстранен от командования, что привело к разгрому правительственных войск.

Литература и источники

1. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. (7113-7121 г.). М.: издание Имп. об-ва истории и древностей, российских при Московском ун-те, 1907. 311 с.
2. Клепиков С. А. Полководцы смутного времени. М.: 1918. С 24-25.
3. Козляков В. Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 301 с.
4. Козляков В. Н. Лжедмитрий I. М.: Молодая гвардия, 2009. 253 с.
5. Курбатов, О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М: Квадрига, 2014. 240 с.
6. Хроники Смутного времени. Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. Новый летописец. М. 1998. 608 с.
7. Болтин Б. Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: 1869. 541 с.
8. Кузнецова В. И., Кулакова И. П. Памятники Смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы / М.: Изд-во МГУ, 2001. 464 с.
9. Мархоцкий Н. М. История Московской войны. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН),

2000. 223 с.

10. Бельский летописец. Полное собрание русских летописей, т. 34, М.: 1978. С. 238-271.

11. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 624 с.

References

1. Belokurov S. A. *Razryadnyya zapisi za Smutnoe vremya. (7113-7121 g.)* [Belokurov, S. A. Discharge records for the Time of Troubles. (7113-7121)] Moscow, izdanie Imp. o-va istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom un-te, 1907. 311 p.
2. Klepikov I. A. *Polkovodcy smutnogo vremeni* [Commanders of Troubled Times]. Moscow, 1918. pp. 24-25.
3. Kozlyakov V. H. Vasilij Shujskij [Vasily Shuisky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 301 p.
4. Kozlyakov V. N. Lzhedmitrij I [False Dmitry I]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 253 p.
5. Kurbatov O. A. *Voennaya istoriya russkoj Smuty nachala XVII veka* [Military history of the Russian Time of Troubles at the beginning of the 17th century]. Moscow, Kvadriga Publ., 2014. 240 p.
6. *Hroniki Smutnogo vremeni. Konrad Bussov. Arsenij Elassonskij. Elias Gerkman. «Novyj letopisec»* [Chronicles of the Time of Troubles. Konrad Busov. Arseny Elassonsky. Elias Gerkman. «The New Chronicler»]. Moscow, 1998. 608 p.
7. Boltin B. Zapiski // Popov A. *Izbornik slavyanskih i russkih sochinenij i statej, vnesennyh v hronografy russkoj redakcii* [Collection of Slavic and Russian works and articles included in the chronographs of the Russian edition]. Moscow, 1869. 541 p.
8. Kuznecova V. I., Kulakova I. P. *Pamyatniki Smutnogo vremeni. Tushinskij vor: lichnost', okruzenie, vremya. Dokumenty i materialy* [Tushinsky thief: personality, environment, time. Documents and materials]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 2001. 464 p.
9. Marhockij N. M. *Istoriya Moskovskoj vojny* [History of the Moscow war]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 223 p.
10. *Bel'skij letopisec. Polnoe sobranie russkih letopisej* [Belsky chronicler. Complete collection of Russian chronicles]. vol. 34, Moscow, 1978. pp 238-271.
11. Pavlov A. P. *Dumnye i komnatnye lyudi carya Mihaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie* [Duma and room people of Tsar Mikhail Romanov: prosopographical research]. Vol. 2. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2018. 624 p.

© «Клио», 2023

© Трапезников Д.А., 2023

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_201

Дата поступления (Submitted) 31.05.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 29.06.2023

Просвещённая бюрократия на службе Российской империи (В.И. Вешняков)

НАДЕЖДА БОРИСОВНА ПОСТИКЭ

аспирант 3 года обучения,
кафедра Истории государственного и муниципального управления
Факультет Государственного управления,
Московской государственной университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы д. 1
e-mail: baski0783@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье на примере отдельной истории государственного чиновника делается попытка охарактеризовать новый тип государственного служащего, сформировавшийся в Российской империи ко II половине XIX в. в результате развития высшей школы. Под термином «просвещенный» бюрократ автор понимает не носителя идей общественно-политического течения «Просвещения», но продукт развития образования и науки внутри чиновничьей среды. Работа построена на анализе автобиографии, хранящейся в фондах Российского государственного исторического архива (далее РГИА), и трудов В.И. Вешнякова, иллюстрирующих его профессиональные достижения и отражающих его общественно значимые стремления.

Цель настоящей статьи – проследить на примере развития карьеры правительственного чиновника II половины XIX в. механизмы формирования посвященной бюрократической элиты. Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи: охарактеризовать основные этапы государственной службы В.И. Вешнякова; проанализировать научные труды и вклад в развитие ведомства за годы службы; оценить роль индивидуальной инициативы на правительственном посту; установить уровень вовлеченности в международное общественно-научное поле представителей правительственных учреждений империи на конкретном примере. Работа опирается на принципы историзма, основным методом работы с материалом является историко-системный метод, дающий возможность провести анализ деятельности В.И. Вешнякова, как целостного явления прошлого в его связи с внешними историческими событиями и определить его источники внутренней мотивации общественной деятельности. Применение историко-генетического метода позволит раскрыть процессы преобразования управленческих функций чиновника в ходе развития административного потенциала.

Ключевые слова: просвещенная бюрократия, российские чиновники, история Российской империи XIX в, гражданская служба, Министерство государственных имуществ

Enlightened bureaucracy in the service of the Russian Empire (V. I. Veshnyakov)

NADEZHDA B. POSTIKE

PhD student 3 years of study
Department of History of State and Municipal Administration
Faculty of Public Administration
Moscow State University. M.V. Lomonosov
Russian Federation, Moscow, Leninskiye Gory, 1
e-mail: baski0783@gmail.com

Abstract. In this article, using the example of a separate history of a government official, an attempt is made to characterize a new type of civil servant that was formed in the Russian Empire by the second half of the XIX-th century as a result of the development of higher education. By the term “enlightened” bureaucrat, the author understands not the bearer of the idea of the socio-political current of Enlightenment, but the product of the development of education and science within the official environment. The work is based on the analysis of the autobiography, stored in the funds of the Russian State Historical Archive (hereinafter RSHA) and the works by V.I. Veshnyakov illustrating his professional achievements and reflecting his socially significant aspirations.

The purpose of this article is to trace the mechanisms of formation of an enlightened bureaucratic elite by the example of the career development of a government official in the second half of the XIX-th century. To achieve this goal, the following tasks will be solved: to characterize the main stages of V.I. Veshnyakov's public service, to analyze scientific works and contribution to the development of the department over the years of the service, to assess the role of individual initiative in a government post; to establish the role of involvement in the international socio-scientific field of representatives of government institutions of the Empire on the concrete example. The work is based on the principles of historicism, the main method of working with the material is the historical-systematic method, which makes it possible to analyze the activities of V.I. Veshnyakov as an integral phenomenon of the past in its connection with external historical events and to determine its sources of internal motivation of social activity. The use of the historical-genetic method will reveal the processes of transformation of the managerial functions of an official during the development of administrative potential.

Keywords: Enlightened bureaucracy, Russians officials, the history of Russian Empire XIX century, civil servant, the Ministry of State property

Со II половины XIX в. в Российской империи меняется традиционный формат распределения высших должностей гражданской службы: постепенно отставных военных сменяют профессиональные администраторы. Начало процессу формирования нового состава высшей администрации империи было положено в царствование императора Александра I, благодаря проведению образовательной реформы, стимулировавшей появление и развитие высших учебных заведений. Транзит молодых российских специалистов во властные структуры обеспечил научную основу правительственным мероприятиям по реформированию социального и экономического устройства Российской империи и способствовал появлению нового типа чиновника – «просвещенного бюрократа» [1, с. 36]. Ярким представителем подобного типа государственного служащего был Владимир Иванович Вешняков (1830-1906) – экономист, историк, статист, более сорока лет, прослуживший в Министерстве государственных имуществ и прошедший за это время путь от помощника редактора до товарища министра.

Родился Владимир Иванович в Санкт-Петербурге, в 1830 г. в семье чиновника. В 1848 г. окончил с золотой медалью Ларинскую гимназию и поступил в Петербургский университет на юридический факультет [2, л.1]. Еще на последнем курсе гимназии Владимир Иванович начал дополнительно заниматься историей. На третьем курсе университета он писал диссертацию по русской истории: «О причинах возвышения Московского княжества». Руководителем Вешнякова в этой работе был профессор Н. Г. Устрялов, в то время занимавший пост декана историко-филологического факультета Петербургского университета. Диссертация была удостоена золотой медали и напечатана в 1851 г. [3]. Работа над диссертацией сблизила В.И. Вешнякова с Н.Г. Устряловым, который прочил талантливому молодому человеку карьеру ученого.

В 1852 г. Владимир Иванович был принят на службу в статистическое отделение департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ (далее МГИ), на

должность помощника редактора. Свою службу в департаменте Вешняков начал под руководством начальника отделения К.С. Веселовского с разработки различных вопросов по истории и статистике государственных крестьян и государственных имуществ [2, л. 2]. В МГИ интерес к истории он смог реализовать в серии работ, посвященных исследованию происхождения различных «наименований земледельческого сословия», составивших впоследствии разряд государственных крестьян. Всестороннее исследование типов крестьянского состояния позднее было объединено в сборник под названием «Исторический обзор происхождения различных названий государственных крестьян» и опубликовано на страницах журнала Министерства в течение 1857 г. [4].

Кроме безусловной научной ценности, проведенное Вешняковым исследование имело важное экономическое значение. Вешняков, при разработке проблематики исследования опирался главным образом, юридические и исторические акты, что позволило учитывать устоявшиеся формы хозяйствования при выработке оптимальных механизмов распределения земельной собственности среди государственных крестьян, утративших этот статус, после вступления в силу Императорского Манифеста 19 февраля 1861 г. Кроме этого, в течение всей службы Вешняков часто выступал автором и редактором исторических очерков и обзоров, относящихся к деятельности министерства Государственных имуществ.

Основной исторический труд Вешнякова посвящен обзору пятидесятилетней деятельности МГИ и является ценным источником сведений о его деятельности и литературным памятником [5]. Работая над составлением Обзора, Владимир Иванович положил начало систематизации архива Министерства, включающего на тот момент более 200 тысяч дел [6]. Кроме того, он был инициатором публикации сборника «Исторических материалов из Архива Министерства государственных имуществ», представляющих научный и общественный интерес. Открытость политики главного сель-

скохозяйственного ведомства империи способствовала консолидации государственных и общественных усилий по развитию сельскохозяйственной отрасли.

Посвятив свою жизнь служению интересам сельскохозяйственного ведомства, Владимир Иванович всесторонне исследовал генезис сельскохозяйственной политики в России. Примечательна в этом отношении его работа, посвященная исследованию деятельности Экспедиции государственного хозяйства, опубликованная в 1902 г. [7]. Эта статья представляет собой первое всестороннее исследование создания и деятельности прообраза сельскохозяйственного ведомства страны. Работа написана строго научным языком на основе анализа правительственных постановлений и архивных материалов, хранящихся в архиве МГИ, и является ценным источником сведений о хозяйственной политике императора Павла I. По мнению Вешнякова идея создания Экспедиции государственного хозяйства была внушена Павлу I А.А. Самборским, протоиереем Софийского собора с. Павловска. Будучи близким к цесаревичу лицом и страстным поклонником английского земледелия, он сопровождал Павла в заграничное путешествие в 1781 г., когда, вероятно и увлек его идеей основать учреждение по образцу «Board of Agriculture» Артура Юнга. В.И. Вешняков приписывал идею создания «Board of agricultural» Артуру Юнгу, в то время как, он являлся только секретарем этой ассоциации, которая была создана «усилиями сэра Джона Синклера по предложению, сделанному в 1790 году Уильямом Маршаллом» [8]. Разнообразная, но кратковременная деятельность экспедиции вобрала в себя все основные направления правительственного попечительства сельскому хозяйству империи. Экспедиция была устроена при Сенате и объединила выдающихся людей своего времени. Среди них два сенатора: А.В. Храповицкий и П.П. Тарбеев, среди других членов особо Вешняков выделял Софийского протоиерея А.А. Самборского и статского советника, ботаника К.И. Габлица [7, с.7].

Анализируя результаты деятельности экспедиции, Вешняков распределил их по нескольким основным направлениям: 1) Развитие земледелия через распространение сельскохозяйственного образования; 2) Устройство хлебных магазинов, как механизм страхования от неурожая; 3) Организация внутреннего порядка в казенных имениях; 4) попечение об иностранных колонистах; 5) выработка мер по развитию отдельных отраслей сельского хозяйства, таких как: скотоводство, овцеводство, шелководство, виноградарство; 6) развитие картографии 7) управление лесной частью и межевание и наделение землей однодворцев [7, с. 11]. Неудачи проектов экспедиции Вешняков относил на счет нестабильной позиции правящего монарха, но, не смотря на

частую смену состава, труды и доклады членов экспедиции «носили на себе не теоретический характер, но стремились учесть экономические условия и национальные особенности местного населения» [7, с. 61-62]. Проекты экспедиции не остались забытыми, они нашли отражение в деятельности МГИ и определили стратегии государственной аграрной политики вплоть до реформ 1860-х гг.

Глубокое знание научных основ экономического устройства общества, внимательное и ответственное отношение к результату своей деятельности и стремление к систематическому обоснованию государственной политики в сфере землепользования способствовали стремительному росту карьеры молодого чиновника. В 1857 г. Владимир Иванович сопровождал директора департамента земледелия А.П. Заблодского-Десятовского в служебной поездке по России, продлившейся три месяца [2, л. 3]. В ходе этой командировки Вешняков смог обследовать сельскохозяйственные административные и учебные заведения Бессарабии, Крыма, Черноземных и Центральных губерний империи. Личное знакомство с состоянием сельской администрации и сельскохозяйственных учебных заведений, а также глубокие познания административно-хозяйственного устройства быта земледельческого сословия способствовали назначению Вешнякова на должность делопроизводителя при вновь образованной особой комиссии об устройстве быта государственных крестьян в 1858 г. [2, л. 4].

Значителен вклад Вешнякова в становление сельскохозяйственного образования в России. По возвращению из служебной поездки в Москву, он был представлен новому министру государственных имуществ Н.М. Муравьеву и привлечен им к работе над написанием проекта устава и штата первой российской сельскохозяйственной академии – Петровской земледельческой и лесной академии, созданной по инициативе Императорского Московского общества сельского хозяйства (далее ИМОСХ), и подведомственной министерству [2, л. 3].

В конце 1861 г. Вешняков был командирован министром М.Н. Муравьевым за границу для изучения организации сельскохозяйственных учреждений в странах Западной Европы. В ходе поездки Владимир Иванович ознакомился с административным и хозяйственным устройством в Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Италии. Результатом этой поездки стала работа «Обзор сельскохозяйственных учреждений», изданный министерством в 1861 г. и награжденный ИМОСХ в 1864 г. золотой медалью. Кроме описания организации однотипных учреждений, Владимир Иванович проанализировал развитие крестьянского вопроса в странах Западной Европы. При этом Вешняков подчеркивал, что соединение административных функций над смежными с

сельскохозяйственным производством сфера управления может привести к упрощению процедур оптимизации работы сельскохозяйственных производственных цепочек и устранению противоречий при реализации различных стратегий развития сельского хозяйства в целом [9, с. IX].

По мнению Вешнякова, основная цель сельскохозяйственной администрации должна включать в себя решение общих задач, таких как:

1) Обеспечение равномерного распределения правительственной помощи при решении глобальных задач, требующих значительных финансовых и административных затрат, к которым можно отнести: распространение сельскохозяйственного образования, сбор и обработка информации об актуальном состоянии сельскохозяйственного производства, развитие благоприятной сельскохозяйственной инфраструктуры: развитие дорог, систем орошения, поддержание научно-практической деятельности и т.п.;

2) разработка и обеспечение исполнения эффективного сельскохозяйственного законодательства, в том числе регламентация агрономической образовательной деятельности;

3) стимуляция общественной предприимчивости в сфере сельскохозяйственного производства и вовлеченности отдельных предпринимателей в общероссийской производственное поле по средствам популяризации деятельности региональных сельскохозяйственных обществ.

Выводом из этого исследования стала мысль автора о неизбежности создания особого министерства земледелия, торговли и промышленности, которую автор последовательно поддерживал в своих статьях, приводимых в разных периодических отчетах и изданиях, которые проходили через его редакцию.

В работах, посвященных исследованию устройства коммерческих предприятий, Вешняков разделял тезис европейских авторов о единстве теоретической основы экономического обоснования всякой производственной деятельности: «цель любого предприятия, будь то промышленность, земледелие или торговля заключается в приобретении богатства, а непременное условие – личная собственность и свободная мена» [10, с. 2]. Признавая всякую деятельность людей направленной на получение финансового достатка, Вешняков в переводе работы Ж.Г. Курселя-Сенеля соглашается с автором, который разделил современное ему общество по трем различным родам деятельности: 1) капиталисты – обладающие капиталом, но не занятые его производством; 2) работники – получающие плату за труд и 3) предприниматели – объединяющие в себе капитал и труд. Основным качеством и достоинством предпринимателя, по мнению автора являлась ответственность [10, с. 4]. Будучи активным, заинтересованным

членом общества, предприниматель выстраивает эффективную работу своего предприятия обеспечивает процветание себе и своему делу в частности и государству в целом.

В переведенной Вешняковым в 1860 г., работе Ж.Г. Курсель-Сенеля был представлен анализ состояния французского земледелия. Автор перевода, обращая внимание читателей на различия политических и экономических реалий двух стран, намекает на ценность работы ввиду ожидающихся экономических преобразований в российском обществе [10, с. 437]. «Земледелие не есть рутина, а искусство: землю можно обрабатывать хорошо и дурно, и как бы ни была хороша обработка, она может быть всегда улучшена», - писал он [10, с. 438]. Он обращал особое внимание на однотипные проблемы, которые приходилось решать в государствах, обладающих различными социальными и экономическими условиями протекания хозяйственной деятельности. «Как бы ни были обдуманы земледельческие усовершенствования, - отмечал он, - введение их встречает большое препятствие в рутинных привычках... земледелец - необразованный и бедный, он чувствует себя бессильным в присутствии человека просвещенного и располагающего капиталами, и боится, чтобы он не воспользовался его слабостью, для введения улучшений, о свойствах и пользе которых он не знает» [10, с. 459]. Это препятствие, по мнению автора, может быть устранено только посредством продолжительных усилий для распространения начального и специального земледельческого образования.

Вешняков считал развитие поземельной собственности среди земледельцев первым рычагом к развитию сельскохозяйственной промышленности. Он подготовил небольшой очерк, посвященный состоянию крестьянской собственности в России на кануне реформ 1860-х гг. В этой работе автор, анализировал эволюцию поземельной собственности среди крестьян и пришел к выводу о совершенно не развитом институте собственности у крестьян. Из 33 губерний европейской части Российской империи только 3% крестьян приобрели в собственность земли после постановления 1801 г. [11]. Кроме того, важным фактором, способствующем развитию сельскохозяйственной промышленности Вешняков считал распространение образования среди крестьян [12, с. 12].

Находясь в должности директора департамента сельского хозяйства и промышленности с 1874 г. Вешняков провел решительные преобразования, направленные на систематизацию работы сельскохозяйственных учебных заведений. В 1878 г. департаментом был разработан и принят Устав и Положение для земледельческих училищ [13]. В 1883 г. разработано и принято Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах [14]. Разработкой этих актов

Министерство заложило основу формирования нормативно-правового обеспечения системы сельскохозяйственного образования в Российской империи.

Отличное знание европейских языков и близкое знакомство с хозяйственно-экономическим укладом стран Западной Европы позволило Владимиру Ивановичу неоднократно представлять министерство на международной арене. Поездки на всемирные выставки в Париж в 1864 г. и в Вену в 1873 г. предоставили Вешнякову возможность глубоко изучить особенности стратегий экономической политики Западно-Европейских стран по направлению развития сельскохозяйственной промышленности.

Большое внимание Вешняков уделял развитию статистики для обеспечения эффективного управления сельским хозяйством. В Императорском Русском Географическом обществе от возглавлял отдел статистики. Владимир Иванович принимал участие в международных статистических конгрессах в Берлин в 1863 г. и в Гаагу в 1869 г., в качестве представителя сразу правительственного и общественного учреждений (МГИ и Императорского Русского географического общества). Он стал инициатором систематического сбора сведений о состоянии сельского хозяйства в разных регионах страны, тем самым положил начало централизованному сбору сельскохозяйственной статистики. При нем был налажен процесс регистрации текущих сельскохозяйственных явлений через привлечение постоянных корреспондентов [15]. В результате департамент земледелия и промышленности стал издавать непрерывную летопись сельскохозяйственной жизни страны, отраженной в фундаментальных статистических отчетах начиная с 1884 г. [16]. Издания статистических сборников ежегодно представлялись императору [16, л. 33].

Еще одной стороной деятельности Вешнякова стал анализ проблем развития рыбной промышленности. По данным доклада, сделанного им на международном статистическом конгрессе в Гааге, доход от рыболовства принес России в 1866г. прибыль на 80 млн. франков (20 млн. руб. серебром). Согласно статистическому анализу, это значительно превосходило показатели всех других стран участников конференции и подчеркивало важность рыболовной отрасли для экономики Российской империи [18, с. 19]. Вешняков стал инициатором подготовки отдельного справочника для рыбопромышленников – «Рыболовство и законодательство». К этой работе он еще в 1884 г., но справочник вышел только в 1894 г. [2, л. 12] В этом справочнике Вешняков, опираясь на широкий круг источников, дал всесторонний обзор состоянию рыболовной промышленности в России. Кроме того, в справочнике была представлена информация о состоянии рыболовного промысла и его нормативному регулированию в

странах Западной Европы. Автором была принята попытка провести сравнительный анализ законодательства по рыболовству разных стран, с опорой на общедоступные литературные источники и официальные отчеты. Всестороннее рассмотрение проблематики развития рыбопромышленности позволило автору определить место российского рыболовства в международной сети рыбопромышленности как преимущественно речное. А обзор успехов, достигнутых различными странами в процессах переработки и сохранения продукции, поддержании биологического разнообразия и охраны водных ресурсов позволили автору сделать выводы о перспективах развития рыбопромышленной отрасли в России и роли правительства по их достижению [19, с. LXXVI]. Кроме того, Владимир Иванович председательствовал на первом съезде рыбопромышленников в 1888 г. [20].

Осознавая роль правительства в обеспечении промышленного и сельскохозяйственного роста, Вешняков многократно совершал командировочные поездки в различные губернии для совещания с представителями сельскохозяйственных и торгово-промышленных обществ. В результате этих поездок были учреждены Комиссии по содействию развития сельскохозяйственного машиностроения и исследованию кустарной промышленности. Вешняков подготовил несколько работ по исследованию состояния русской промышленности, среди них: «Русская промышленность и ее нужды» [21, 508]. К числу важнейших работ Вешнякова, имевших большое практическое значение для можно отнести составление «Сборника законов и постановлений для земледельцев и сельских хозяев» [22]. Сборник представлял собой универсальный справочник землевладельца, рассчитанный на все сословия земельных собственников, и содержал актуальные законы и постановления, действующие на территории Российской империи и, регламентирующие права и обязанности лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве.

Владимир Иванович принимал активное участие в общественно-научной жизни российского общества. В Вольном экономическом обществе Вешняков занимал пост вице-президента, и, как председатель его политико-экономического отделения, принимал участие в разработке проблемы земледельческого кредита [23]. Вешняков состоял почетным членом всех русских сельскохозяйственных обществ. С 1883 г. Владимир Иванович занимал пост товарища министра государственных имуществ, через год он был назначен сенатором. За написание труда по истории 50-летней деятельности министерства Вешняков получил звание статс-секретаря [2, л. 6]. Прослужив в Министерстве государственных имуществ более сорока лет, тридцать из которых – в департаменте сельского хозяйства,

Вешняков прошел путь от низшей ступени до самой высшей. С января по апрель 1893 г. Владимир Иванович временно исполнял обязанности министра, до назначения на эту должность А.С. Ермолова. После назначения министром Ермолова, Вешняков был назначен членом Государственного совета и произведен в Действительные тайные советники.

Светлый ум и живая инициатива этого удивительного человека, сумевшего применить свои многочисленные таланты на административно-хозяйственном поприще в самый сложный период трансформации социально-экономических отношений российского общества XIX в. Способствовали построению эффективных систем управления, направленных на стабильное развитие сельского хозяйства и промышленности Российской империи. Владимир Иванович многочисленными трудами и инициативными преобразованиями в период своей длительной

службы в главном сельскохозяйственном ведомстве страны подтвердил выводы сделанные им в начале служебной карьеры в ходе исследования роли сельскохозяйственной администрации для развития сельского хозяйства и представленные в отчете о поездке по странам Западной Европы в 1861 г.: «сельскохозяйственная администрация только тогда достигнет плодотворных результатов, если она действительно будет прислушиваться к выражению нужд земледельческого класса, если она не довольствуясь своими официальными, административными органами, сделает участниками своей деятельности местные агрономические общества и подобные им учреждения. И если она, с другой стороны, подвергнет заявления местных нужд беспристрастному обсуждению центральных совещательных учреждений, составленных из деятельных представителей сельского хозяйства и администрации» [9, с. XXVII].

Литература и источники

1. Ружицкая И.В. «Просвещенные бюрократы» - новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 36-43.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.911. оп.1. д.1.
3. Вешняков В.И. О причинах возвышения Московского княжества // СПб: Изд. Ун-та. 1851. 175 с.
4. Вешняков В.И. Статистика разных предметов по ведомству МГИ. Исторический обзор происхождения разных названий государственных крестьян // Журнал Министерства государственных имуществ. СПб. 1857. № LXII, с. 13-35. № LXIII. с. 9-33, № LXV, с. 56-96.
5. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837-1887. в 6 частях. СПб: Паровая скоропечатня Яблонской и Перотт. 1888.
6. Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. вып. I. СПб. Тип.: В. Безобразова. 1891. 237 с.
7. Вешняков В.И. Экспедиция государственного хозяйства (1797-1803 гг.) // СПб. Тип.: Товарищества «Общественная польза». 1902. 61 с.
8. Электронный путеводитель / British Express. Passionate about British heritage. Board of agriculture 1793-1822 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britainexpress.com/History/articles.htm?article=28> (дата обращения: 25.05.2023).
9. Вешняков В.И. Обзор сельскохозяйственных учреждений в Англии. Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Италии. СПб. Тип.: Мин. Гос. Имуществ, 1866. 954 с.
10. Курсель-Сенель Ж.Г. Руководство к теоретическому и практическому изучению предприятий промышленных, торговых и земледельческих. Перевод с фр. и ред. В.И. Вешнякова. СПб. Тип.: Безобразова. 1860. 620 с.
11. Электронный путеводитель / Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. т. XXVI. № 20075. [Электронный ресурс]. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 25.05.2023).
12. Вешняков В.И. Крестьяне-собственники в России // СПб. Тип.: В. Безобразова и комп. 1858. 134 с.
13. Электронный путеводитель / Полное собрание законов Российской империи. Собр. II т. 53. № 58586. [Электронный ресурс]. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=379&part=1082 (дата обращения 25.05.2023).
14. Электронный путеводитель / Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. т. 3 № 1919. [Электронный ресурс]. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=491&part=1455 (дата обращения 25.05.2023).
15. 1881 год в сельскохозяйственном отношении, по ответам полученным от хозяев // Деп. земл. и сел. пром. СПб. Тип: МВД. 1882. 40 с.
16. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев: Вып. 1884-1905. СПб. Тип: Мин. Гос. Имуществ. 1884-1905.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. оп. 46. д. 121.
18. Вешняков В.И. Международный статистический конгресс в Гааге // СПб. Тип.: В. Безобразова и комп. 1869. 30 с.
19. Вешняков В.И. Рыболовство и законодательство // СПб.: Тип. Тренке и Фюсно. 1894. 736 с.
20. Доклад председателя бывшего съезда рыбопромышленников В.И. Вешнякова Российскому обществу рыболовства и рыбоводства. в заседании 1889 г. СПб: тип.: Демакова. 1890. 9 с.
21. Вешняков В.И. «Русская промышленность и ее нужды» // Вестник Европы, т. 5. кн. 10. 1870. С. 508-528.
22. Вешняков В.И. Сборник законов и постановлений для земледельцев и сельских хозяев. СПб. Тип.: Тренке и Фюсно. 1879. 560 с.
23. ВЭО (С-Петербург) Политико-экономический комитет. Заседание 1870 г. по вопросу о земледельческом кредите и способах осуществления его в России: (стенограф. отчет) / председатель В.И. Вешняков. СПб. Тип.: «Общественная польза». 1870. 5 с.

References

1. Ruzhickaya I.V. "Prosveshchennye byurokraty" - novyy tip rossijskih chinovnikov: opyt harakteristiki [The "Enlightened bureaucrats" - a new kind of Russian civil servant: an attempt of characterization]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia.] 2008. No. 1. pp. 36-43.

2. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). F.911. op.1. d.1. (Unpublished Source).
3. Veshnyakov V.I. *O prichinah vozysheniya Moskovskogo knyazhestva* [On the reasons for the rise of the Moscow principality]. St-Petersburg, The University Publ. 1851. 175 p.
4. Veshnyakov V.I. *Statistika raznyh predmetov po vedomstvu MGI. Istoricheskij obzor proiskhozhdeniya raznyh nazvanij gosudarstvennyh krest'yan* [Statistics of various subjects according to the Department of MGI. Historical overview of the origin of different titles of state peasants]. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv* [The Journal of the Ministry of State Property]. St-Petersburg. 1857. No. LXII, c. 13-35. No. LXIII. c. 9-33, No. LXV, pp.56-96.
5. *Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnej deyatel'nosti Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv 1837-1887. v 6 chastya.* [Historical review of the fifty-year activity of the Ministry of State Property 1837-1887. in 6 parts]. St-Petersburg, Parovaya skoropechatnaya Yablonskoj i Perott Publ. 1888. (in Russian).
6. *Istoricheskie materialy iz arhiva Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv. vyp. I.* [Historical materials from the archive of the Ministry of State Property. Vol. I.] St-Petersburg. V. Bezobrazov Publ. 1891. 237 p. (in Russian).
7. Veshnyakov V.I. *Ekspediciya gosudarstvennogo hozyajstva (1797-1803 gg.)*. [Veshnyakov V.I. Expedition of the state economy (1797-1803)]. St-Petersburg, *Tovarishchestva» Obshchestvennaya pol'za»* Publ. 1902. 61 p.
8. British Express. Passionate about British heritage. Board of agriculture 1793-1822. Available at: <https://www.britainexpress.com/History/articles.htm?article=28> (accessed 25.05.2023).
9. Veshnyakov V.I. *Obzor sel'skohozyajstvennyh uchrezhdenij v Anglii. Francii, Bel'gii, Gollandii, Germanii i Italii* [Survey of agricultural establishments in England. France, Belgium, Holland, Germany and Italy]. St-Petersburg. The Ministry of the state property Publ., 1866. 954 p.
10. *Traité Théorique et pratique des Entreprises industrielles, commerciales & agricoles ou manuel des affaires* par J-G Courselle-Seneuil. Paris. Guillaumin et Cⁱ Publ. 1855. 527 p. [Rus. ed.: Veshnyakov V.I. St-Petersburg. V. Bezobrazov Publ. 1860. 620 p.].
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. I. b. XXVI. No. 20075. Available at: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 25.05.2023).
12. Veshnyakov V.I. *Krest'yane-sobstvenniki v Rossii* [Peasant proprietors in Russia]. St-Petersburg, V. Bezobrazova Publ. 1858. 134 p.
13. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. II b.53. No. 58586. Available at: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=379&part=1082 (accessed 25.05.2023).
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. III. b.3 no. 1919. Available at: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=491&part=1455 (accessed 25.05.2023).
15. *1881 god v sel'skohozyajstvennom otnoshenii, po otvetam poluchennym ot hozyaev* [1881 in agricultural terms, according to the answers received from the owners]. *Departament zemledeliya i sel'skoj promyshlennosti* [Department of Agriculture and Rural Industry]. St-Petersburg. The ministry of the interior Publ. 1882. 40 p. (in Russian).
16. *Sel'skohozyajstvennye i statisticheskie svedeniya po materialam, poluchennym ot hozyaev* [Agricultural and statistical information on materials received from the owners]. Vol. 1884-1905. St-Petersburg. The Ministry of the state property Publ. 1884-1905. (in Russian).
17. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 381. op. 46. d.121. (Unpublished Source).
18. Veshnyakov V.I. *Mezhdunarodnyj statisticheskij kongress v Gaage* [The International Statistical Congress in The Hague]. St-Petersburg. V. Bezobrazova Publ., 1869. 30 p. (in Russian).
19. Veshnyakov V.I. *Rybolovstvo i zakonodatel'stvo* [Fisheries and legislation]. St-Petersburg, Trenke i Fyusno Publ. 1894. 736 p.
20. *Doklad predsedatelya byvshego s"ezda rybopromyshlennikov V.I. Veshnyakova Rossijskomu obshchestvu rybolovstva i rybovodstva. v zasedanii 1889 g.* [Report of the chairman of the former congress of fishermen V.I. Veshnyakov to the Russian Society of Fisheries and Fisheries. at a meeting in 1889], St-Petersburg, Demakov Publ. 1890. 9 p. (in Russian).
21. Veshnyakov V.I. «*Russkaya promyshlennost' i ee nuzhdy*» [Russian industry and its needs]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], vol.5. b.10. 1870, pp. 508-528.
22. Veshnyakov V.I. *Sbornik zakonov i postanovlenij dlya zemledel'cev i sel'skih hozyaev.* [Collection of laws and regulations for farmers and rural owners]. St-Petersburg, Trenke i Fyusno Publ. 1879. 560 p.
23. *VEO (S-Peterburg) Politiko-ekonomicheskij komitet. Zasedanie 1870 g. po voprosu o zemledel'cheskom kredite i sposobah osushchestvleniya ego v Rossii: (stenograf. otchet) predsedatel' V.I. Veshnyakov* [Free Economic Society (St. Petersburg) Political and Economic Committee. Meeting of 1870 on the issue of agricultural credit and methods of its implementation in Russia: (shorthand report) chairman V.I. Veshnyakov], St-Petersburg. «Obshchestvennaya pol'za» Publ., 1870. 5 p. (in Russian).

© «Клио», 2023

© Постикэ Н.Б., 2023

УДК 94(47)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_208

Дата поступления (Submitted) 12.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 23.07.2023

Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс и генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц в советском плену

БОРИС ЛЬВОВИЧ ХАВКИН

доктор исторических наук,
профессор Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская площадь, д. 6
E-mail: novistor@mail.ru

Аннотация. В статье на основе российских и немецких источников и литературы рассматривается проблема взаимоотношений генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса и генерала артиллерии Вальтера фон Зайдлица в советском плену. Сложные и противоречивые отношения между Паулюсом и Зайдлицем во многом определяли ситуацию со старшими офицерами и генералами вермахта в советском плену и были связаны с политикой советских властей, стремившихся вовлечь пленных немецких генералов и старших офицеров в антифашистскую работу. В отношении Паулюса и Зайдлица эта работа велась как в рамках операции НКВД «Сатрап», так и в более широком плане - на основе «Национального комитета “Свободная Германия”» и «Союза немецких офицеров»; она продолжалась и после роспуска этих организаций. Однако вопрос влияния взаимоотношений Паулюса и Зайдлица на их судьбу в сталинградском котле, в советском плену и в послевоенных судьбах этих немецких военачальников не получил еще должного освещения в литературе. Решению этой задачи посвящена данная статья.

Ключевые слова: Вторая мировая война, история военного плена, «Национальный комитет “Свободная Германия”», «Союз немецких офицеров», генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс, генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц, операция «Сатрап»

BORIS LVOVICH KHAVKIN

Doctor of Historical Sciences,
Professor Historical and Archival Institute
Russian State University for the Humanities
125047, Moscow, Miuskaya square, 6
E-mail: novistor@mail.ru

Field Marshal Friedrich Paulus and Artillery General Walter von Seydlitz in Soviet captivity

Abstract. Based on Russian and German sources and literature, the article examines the problem of the relationship between Field Marshal Friedrich Paulus and Artillery General Walter von Seydlitz in Soviet captivity. The complex and contradictory relations between Paulus and Seydlitz largely determined the situation with senior officers and generals of the Wehrmacht in Soviet captivity and were connected with the policy of the Soviet authorities, who sought to involve captured German generals and senior officers in anti-fascist work. In relation to Paulus and Seydlitz, this work was carried out both within the framework of the NKVD operation “Satrap”, and more broadly – on the basis of the “Free Germany National Committee” and the “Union of German Officers”; it continued even after the dissolution of these organizations. However, the question of the influence of the relationship between Paulus and Seidlitz on their fate in the Stalingrad cauldron, in Soviet captivity and in the post-war destinies of these German military leaders has not yet received proper coverage in the literature. This article is devoted to solving this problem.

Keywords: World War II, history of military captivity, «National Committee “Free Germany”», “Union of German Officers”, Field Marshal Friedrich Paulus, Artillery General Walter von Seydlitz, Operation “Satrap”

Введение
Важной частью истории Второй мировой войны является история военного плена,

в частности сюжеты, связанные с пребыванием в советском плену представителей германской военной элиты - военачальников высшего ран-

га. Опровергая мнение, что немецкие генералы в плен не сдаются, в советский плен попали 376 германских генералов [1] (в литературе называется также число 403 [2, с.359, сн.3]), включая трех генерал-фельдмаршалов: Фридриха Паулюса, Эвальда фон Клейста и Фердинанда Шёрнера.

Причем Паулюс, как отмечал историк из ФРГ Г. Кноп, не был «самым крупным трофеем»: Шёрнер и Клейст по своему положению командующих группами армий были значительно выше Паулюса – командующего 6-й армией [3, с.11]. Однако именно Паулюсу суждено было стать первым в германской военной истории фельдмаршалом, сдавшимся в плен, «главным пленником» Сталинграда, одним из символов Победы Красной армии в битве на Волге, изменившей ход не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

История пребывания в советском плену Паулюса и его генералов подробно описана в советской (российской) [4] и германской (Боннской ФРГ, ГДР, Берлинской ФРГ) [5] историографии. Однако связанные с политикой советских властей взаимоотношения Паулюса и Зайдлица, второго по рангу офицера сталинградской группировки вермахта, во многом определяли ситуацию с немецкими старшими офицерами и генералами в советском плену. Эти сложные и противоречивые отношения еще не получили должного освещения в литературе и нуждаются в дальнейшем изучении.

Цель нашей статьи – рассказать о пребывании Паулюса и Зайдлица в советском плену, об отношениях между ними и их влиянии на судьбы обоих пленных немецких генералов. Источниковую основу статьи составили российские и германские источники – коллекция бывшего «Особого архива» (ныне РГВА) [6], документы ГАРФ [7], материалы Военного архива ФРГ (Bundesarchiv/Militaerarchiv) [8].

Основная часть

31 января 1943 г. командующий 6-й армией вермахта генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс вместе со всем своим штабом сдался в плен войскам 64-й армии генерал-лейтенанта М.С.Шумилова. В тот же день был взят в плен командир 51-го армейского корпуса генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц.

12-13 июля 1943 г. в лагере № 27 в подмосковном Красногорске был создан немецкий антифашистский «Национальный комитет “Свободная Германия”» (НКСГ), в состав которого вошли 38 человек: 13 политэмигрантов, 13 военнопленных солдат и 12 военнопленных офицеров чином не выше майора. Отсутствие в НКСГ старших офицеров и генералов вермахта вызывало у большинства военнопленных сомнения в авторитетности и значимости этой организации, призванной по замыслу “Научно-ис-

следовательского института № 99” (так в целях конспирации именовалась комиссия Исполкома Коминтерна, а после его роспуска – ЦК ВКП (б) по работе с военнопленными) заниматься разложением армии врага. В “Институте № 99” и в ведомстве Берии было решено создать антифашистскую организацию генералов и старших офицеров – Союз немецких офицеров (СНО). В августе 1943 г. наркомом внутренних дел была одобрена предложенная заместителем начальника ГУПВИ комиссаром госбезопасности (генерал-майором) Н.Д. Мельниковым кандидатура президента СНО – бывшего командира 51-го армейского корпуса 6-й армии генерала артиллерии Вальтера фон Зайдлица. Хотя Зайдлиц и занимал высокое положение в вермахте, фигура генерал-фельдмаршала Паулюса на посту главы СНО была бы, разумеется, для советской стороны предпочтительнее. Но Паулюс возражал как против создания этой организации, так и против своего участия в ней.

О желании вступить в СНО заявили бывшие командиры: 389-й пехотной дивизии генерал-майор Мартин Латтманн, 295-й пехотной дивизии генерал-майор д-р Отто Корфес, 376-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Александр фон Даниэльс. Однако 17 генералов во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, а также 1-й адъютант Паулюса полковник Вильгельм Адам 1 сентября 1943 г. в заявлении советскому правительству осудили своих коллег: «Мы резко осуждаем путь борьбы, который избрал “Союз немецких офицеров”. Военнопленный не может знать действительного положения в своей стране... военнопленный, призывающий народ и армию против их вождя, вносит разложение в их ряды и ослабляет свой народ в самое тяжелое для него время. То, что делают офицеры и генералы, принадлежащие к “Союзу”, является государственной изменой. Мы глубоко сожалеем, что они пошли по этому пути. Мы их больше не считаем своими товарищами, и мы решительно отказываемся от них» [9, с. 88-89].

Зачинщик заявления 17-и, Паулюс, у которого были трения с Зайдлицем еще со времен Сталинградского котла (Паулюс отклонял все предложения Зайдлица идти на прорыв из окружения), был по настоянию Зайдлица удален из лагеря №48 и помещен на специальный объект – дачу Дуброво под Москвой, где подвергался усиленной психологической обработке. Как вспоминал фельдмаршал, «преследовалась цель вовлечь меня, и тем самым остальных генералов, в движение “Свободная Германия”, чтобы таким единством добиться более сильного воздействия на вооруженные силы и народ. После многочисленных бесед (с генералами И.А. Петровым и Н.Д. Мельниковым, полковником И.С. Брагинским [10], старшим оперуполномоченным В.С. Штерном [11], профессором Арнольдом – А.Я. Гуральским [12, с. 108] и другими советскими спецпро-

пагандистами – Б.Х.), явившихся для меня основательным испытанием, я лично все же не мог отступить от моей точки зрения. Но я обещал, что постараюсь убедить генералов, находившихся в Войкове, отказаться от упомянутого выше письменного порочащего заявления относительно действий генералов фон Зайдлица, Корфеса и Латтманна... Кроме того, я объявил, что впредь не должно быть каких-либо коллективных действий против движения “Свободная Германия” и что никто не имеет права в своих решениях ссылаться на мою позицию» [13].

11 – 12 сентября 1943 г. в Лунёво был учрежден СНО во главе с Зайдлицем. О создании СНО объявила газета НКСГ “Свободная Германия” [14], были опубликованы документы СНО [15, с. 185-236], а на имя Берии направлен секретный рапорт: “Всё предусмотренное программой проведено полностью и в соответствии с мероприятиями, разработанными нами ранее ... В состав комитета избрано 19 человек, заранее подобранных нами ... Все делегаты подписали документы: “Союз немецких офицеров: задачи и цели” и “Обращение к немецким генералам и офицерам, к народу и армии... Круглов, Петров, Мельников” [16, с. 89-90].

Работа с пленными генералами, прежде всего с Паулюсом, продолжалась. В спецсообщении «О работе с военнопленным фельдмаршалом Паулюсом», подписанном Мельниковым 27 сентября 1943 г., говорилось, что «Паулюс еще не может принять окончательного решения... и высказал Латтманну и фон Даниэльсу сомнение в отношении того, нужно ли сейчас идти по пути разложения действующей германской армии... После этих разговоров с Паулюсом генерал Латтманн заявил нашему оперативному работнику [В.С. Штерну – Б.Х.], что он намерен вопрос об участии Паулюса в офицерском союзе поставить перед ним в категорической форме и что, если Паулюс будет продолжать колебаться, прекратить с ним всякие отношения. Генерал фон Даниэльс, не разделяя этих выводов генерала Латтманна, сообщил: “Паулюс все равно к нам придет, но это только вопрос времени. Сейчас он еще надеется на то, что с Германией еще не все потеряно, и поэтому боится сказать свое окончательное слово”» [17].

Практическая работа СНО, ставшего частью движения “Свободная Германия” на платформе НКСГ, свелась в основном к пропаганде, которая велась как на фронте, так и в лагерях военнопленных. Однако Паулюс, публично более не осуждая Зайдлица и его единомышленников, участия в работе СНО не принимал. Опасения Гитлера, что в “крысоловке” (так он называл внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке. – Б.Х.) Паулюс непременно заговорит, выступит по радио с порочащим фюрера воззванием, не оправдались [18, с. 462-463]. Может быть потому, что обращение с Паулюсом было весьма корректным.

Да и в “крысоловке” его не держали. Фельдмаршал находился в хороших условиях в лагерях и специальных объектах в Красногорске, Суздале, Чернцы, Войково, Лунёво, Дуброво и Томилино, получал сытную пищу и папиросы, квалифицированную медицинскую помощь. Паулюс много читал, вел переписку [19].

Благоразумное молчание пленного фельдмаршала было оценено Берлином. Гитлер, который в ночь на 31 января 1943 г. произвел Паулюса в фельдмаршалы в надежде, что Паулюс предпочтет смерть плену, 1 февраля поносил его последними словами “за трусость, отсутствие характера и чести”. Однако 3 февраля 1943 г., когда вся Германия погрузилась в национальный траур, объявленный в связи с разгромом Сталинградской группировки войск “Третьего рейха” и его сателлитов, Гитлер почтил память фельдмаршала Паулюса, “павшего смертью храбрых вместе с геройскими солдатами 6-й армии”, а в мае 1943 г. наградил главного пленника Сталинграда знаком “Дубовые листья” (регистрационный № 187) к ранее врученному ордену “Рыцарский крест” [20].

Москва, в свою очередь, не оставляла попыток включить Паулюса в антифашистскую работу. “Обработка” Паулюса проводилось по специальному плану «Сатрап», разработанному Кругловым и утвержденному Берией [21]. Важную роль в привлечении Паулюса к СНО должен был сыграть Зайдлиц. Однако со времени создания СНО прошел почти год и более полутора лет со времени пленения фельдмаршала, прежде чем Паулюс открыто заявил о своем переходе на антигитлеровскую позицию. Решающую роль в этом сыграли успехи Красной Армии на фронтах в 1943 – 1944 гг., ее приближение к границам Германии, и, разумеется, события в Берлине 20 июля 1944 г.

Несмотря на то, что участникам заговора против Гитлера не удалось установить контакты с деятелями НКСГ и СНО, прежде всего с Зайдлицем, военный руководитель антигитлеровского заговора полковник генштаба Клаус фон Штауффенберг симпатизировал Зайдлицу и искал связи с ним. По свидетельству перешедшего после 20 июля 1944 г. на советскую сторону фронта майора генштаба Иохима Куна, Штауффенберг еще в апреле 1944 г. сказал Куну, что возможно путь Зайдлица был не так уж и неверен [22].

Однако реакция Зайдлица и Паулюса на предпринятое их коллегами покушение на Гитлера была противоречивой и нервной. “До чего докатилась наша армия! Покушаться на главнокомандующего – это какие-то балканские методы”, – не сдержал своих эмоций Зайдлиц [23, с.179]. Остро переживал события Паулюс: “Если сведения о выступлении Браухича соответствуют действительности, то положение в Германии чрезвычайно тяжелое, так как Браухич пользуется огромным влиянием. Но этого не может быть.

Я хорошо знаю Браухича и не допускаю мысли, чтобы он сделал такой шаг”.

В беседе с начальником оперативного отдела лагеря №48, состоявшейся 24 июля 1944 г., фельдмаршал был осторожен. “Мне трудно высказать свое отношение к событиям в Германии, так как я не располагаю достаточной информацией... Я с самого начала принял твердое решение не принимать никакого участия в политической жизни, пока я являюсь военнопленным. Это решение я не намерен пересматривать и в данный момент”, – заявил он.

В то же время, как отмечали в отчете на имя Круглова генерал Петров и полковник Швец, «руководящие генералы офицерского союза фон Зайдлиц, Латтманн и Ленски безгранично рады выступлениям против Гитлера в Германии. Независимо от программных вопросов Браухича, Кейтеля и фон Бока, совместные действия генералов из “Союза немецких офицеров” возможны и крайне желательны по двум вопросам: а) свержение Гитлера; б) заключение мира... Для организованного выступления против Гитлера всех военнопленных немецких генералов, находящихся в СССР, и привлечение к этому фельдмаршала Паулюса генералы из Офицерского Союза считают целесообразным ... немедленно взять Паулюса на объект 25-в, где начать обработку его вместе с новыми военнопленными генералами, выступившими в печати против Гитлера и готовыми к выступлениям в дальнейшем (Гофмейстер, Мюллер, Фелькерс и др.)» [24, с.101-102].

8 августа 1944 г., в тот день, когда в Берлине по приказу Гитлера был повешен генерал-фельдмаршал фон Витцлебен, друг Паулюса, главный пленник Сталинграда заявил о своем вступлении в борьбу с Гитлером. «События последнего времени, – говорил Паулюс по радио “Свободная Германия”, – сделали для Германии продолжение войны равнозначным бессмысленной жертве. Для Германии война проиграна. В таком положении страна оказалась в результате государственного и военного руководства Адольфа Гитлера... Методы обращения с населением в занятых областях со стороны части уполномоченных Гитлера преисполняют отвращением каждого настоящего немца и вызывают во всем мире гневные упреки в наш адрес. Если немецкий народ сам не отречется от этих действий, он будет вынужден нести за них полную ответственность. Германия должна отречься от Адольфа Гитлера и установить новую государственную власть, которая прекратит войну и создаст нашему народу условия для дальнейшей жизни и установления мирных, даже дружественных отношений с нашими теперешними противниками» [25].

В тот же день, 8 августа 1944 г., Берия доложил Сталину об обращении Паулюса “К немецкому народу и военнопленным офицерам и солдатам, находящимся в СССР” и представил Сталину немецкий подлинник и русский перевод докумен-

та [26].

“Развитие военных событий до лета 1944 г. позволило мне осознать, что Гитлер не намерен сделать вывод из ставшего бесперспективным положения и что поэтому он ввергает немецкий народ в невообразимую катастрофу, – писал впоследствии Паулюс. – К тому же я получил возможность составить более полное представление о систематических зверствах и мероприятиях по истреблению населения оккупированных областей, которые проводились по приказу Гитлера. Мне стало ясно: Гитлер не только не мог выиграть войну, но и не должен ее выиграть, что было бы в интересах человечества и в интересах германского народа. Так я пришел к выводу, что теперь уже важно было ... поощрять враждебные нацизму силы и разложением фронта добиться прекращения борьбы и тем самым избежать ужасной окончательной катастрофы” [27, с. 94].

Выступление Паулюса получило широкий отклик в Германии. В рапорте о важнейших политических событиях начальник Главного управления имперской безопасности Э.Кальтенбруннер немедленно доложил об этом рейхсleiterу М. Борману. На нацистское руководство заявление Паулюса произвело столь сильное впечатление, что внешнеполитической разведке Шелленберга было поручено произвести идентификацию его подписи под обращением о присоединении к движению “Свободная Германия”, как и подписей других немецких генералов, присоединившихся к этому движению. Экспертиза установила безусловную подлинность подписей. Семье Паулюса было предложено публично осудить поступок своего мужа и отца, отречься от него и сменить фамилию. Когда они решительно отказались выполнить эти требования, то были подвергнуты “ограничению в правах”: сын фельдмаршала капитан вермахта Эрнст Александр Паулюс был заточен в крепость Кюстрин, а жена фельдмаршала Елена Констанция Паулюс, урожденная румынская графиня Розетти-Золеску, была заключена в концлагерь Дахау.

14 августа 1944 г. фельдмаршал Паулюс вступил в СНО, о чем Берия немедленно доложил Сталину [28, с.233]. На следующий день Паулюс и 29 пленных немецких генералов подписали обращение к генералам и офицерам армейской группы “Норд”, отрезанной в Прибалтике, о чем 21 августа Берия сообщил Сталину и Молотову [29]. Для Паулюса началась активная антинацистская работа, о ходе которой был подробно информирован Кремль. По инициативе Паулюса было принято составленное по его проекту обращение 50 пленных генералов к немецкому народу и вермахту. Паулюс признал, что война проиграна и призвал немецкий народ покончить с Гитлером и войной [30, с. 235].

Этот документ стал этапом на пути мировоззренческой эволюции подписавших его немец-

ких генералов. Как справедливо отмечает военный историк из ФРГ Ф. Уле-Веттер, “большинство генералов, и в их числе Паулюс, решились на сотрудничество с русскими, стремясь к поражению свастики, а не во имя Сталина и коммунистов России” [31, S.342].

Следует признать, что эволюция мировоззрения Паулюса произошла не только в результате внутреннего переосмысления и переоценки им национал-социализма и германо-советской войны. На Паулюса оказало существенное влияние давление со стороны руководства ГУПВИ (генералов Петрова и Мельникова, полковника Швеца), спецпропагандистов Брагинского и Штерна. Советским офицерам в работе с Паулюсом активно помогали немецкие военачальники, взятые в плен в июне 1944 г. в результате разгрома группы армий Центр, активисты НКСГ и СНО – генералы Зайдлиц, Сикст фон Армин, Гофмейстер, Винценц Мюллер. Давление на Паулюса сочеталось с посулами. Как отмечал в докладной записке от 2 августа 1944 г. старший оперуполномоченный Штерн, Паулюс сказал, что метод непрерывного нажима на него лишь вызывает протест, что мешает ему принять решение. Предложения, сделанные ему генералом Петровым, неприемлемы. “Единственный вопрос, над которым он хочет подумать, это вопрос его участия в органах самоуправления на освобожденной территории Германии. Хотя и этот вопрос для него является трудным... В результате всего разговора мне было ясно, – писал Штерн, – что Паулюс отходит уже от позиции, занимаемой им в беседе с генералом Петровым и полковником Швец вечером 1.VIII.44 г. Поэтому я счел нужным наступать на него. Я сказал ему, что выступление 17 генералов дает нам право требовать от него определить свою позицию: считает ли он себя маршалом немецкого народа или маршалом Гитлера, ибо как с маршалом Гитлера мы имеем право расправиться с ним политически, т.е. представить его перед миром как врага будущей демократической Германии, который должен делить судьбу гитлеровской клики. В этом случае сами немцы постараются, чтобы его имя не было покрыто ореолом мученика – так что позорная смерть, по-моему, для него более неприемлемая, чем предложения, которые ему сделал генерал Петров, т.е. стать маршалом немецкого народа” [32, с. 232-233].

В разговоре со Штерном 4 августа 1944 г. Паулюс поинтересовался позицией советского руководства относительно формирования немецкой освободительной армии из числа военнопленных и был “очень доволен” ответом Штерна, что Москва не заинтересована в том, чтобы немцы стреляли в немцев [32, с.233]. Отметим, что проекты создания немецких антинацистских боевых частей НКСГ (“армии Зайдлица”) разрабатывались президентом СНО начиная с осени 1943 г. [33], однако дальше создания не-

больших диверсионно-разведывательных и пропагандистских групп дело не пошло.

Через шесть недель после своего вступления в СНО Паулюс обратился с личным письмом к Сталину. Излагая “как маршал маршалу” свои “глубокие соображения и надежды”, Паулюс просил Сталина принять его [34]. Сталин никогда не встречался со своим высокопоставленным пленником, однако могущественное покровительство кремлевского хозяина и после войны продолжало защищать Паулюса. Хотя в СССР и были собраны необходимые для судебного процесса над Паулюсом материалы, суд над ним не состоялся. В этом его судьба выгодно отличалась от участи многих его коллег, в частности двух других пленных генерал-фельдмаршалов вермахта – Клейста и Шёрнера, которых, в отличие от Паулюса, содержали не на подмосковных дачах со своими поварами и ординарцами, а в тюрьмах МГБ [35, S. 212-214].

Все же Паулюсу пришлось выступить перед судом. Но не в роли обвиняемого, а в качестве свидетеля обвинения на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. Поездке в Нюрнберг предшествовало заявление Паулюса правительству СССР от 9 января 1946 г., содержащее подробный рассказ о вкладе германского генералитета в подготовку войны. Паулюс признавал и свою вину: “Я несу тяжелую ответственность за то, что я тогда, под Сталинградом, вполне добровольно выполнял приказы военных руководителей, действовавших сознательно преступно... Как оставшийся в живых под Сталинградом, я считаю себя обязанным дать удовлетворение русскому народу” [36, с. 592, 599].

11 и 12 февраля 1946 г. свидетель Паулюс был допрошен Международным военным трибуналом. Особое значение в устах Паулюса, непосредственно участвовавшего в разработке плана “Барбаросса”, приобрели обвинения, выдвинутые им против подсудимых Кейтеля и Йодля. В Нюрнберге, вспоминая Сталинград, “где погибли от холода, голода и снега сто тысяч немецких солдат”, Паулюс подчеркнул, что инициатива антифашистского движения среди пленных не была привнесена русскими, но “исходила из рядов армии”, которую он привел к Сталинграду [36, с. 611-620].

Выступления Паулюса и генерала Бушенхгена в Нюрнберге, активную роль в подготовке которых сыграло МВД СССР, явились полной неожиданностью не только для подсудимых, защиты и прессы, но и для ближайшего окружения Паулюса из числа военнопленных. Немецкие пленные информировали советские “компетентные органы” о высказывании Зайдлица, о котором министр внутренних дел Круглов доложил Сталину, Молотову и Берии: “Все это отдает сенсацией, испытываешь какое-то странное чувство. Пару лет тому назад мы предлагали

Паулюсу самому сделать русским заявление... о том, чтобы помочь вскрыть действительных виновников войны. Паулюс ... отказался от этого. Он колеблющийся человек”.

После возвращения из Нюрнберга Паулюс жил на подмосковной даче МВД в Томилино. Там же находились генералы Винценц Мюллер, которого Круглов назвал “нашим агентом”, и Вальтер Шрейбер. Круглов так заботился о своем главном подопечном, что даже (с разрешения Сталина и Молотова) отправил Паулюса, а за кампанию с ним Мюллера и Шрайбера, на двухмесячный отдых и лечение в Крым [37].

30 сентября 1945 г. Берия обратился к Сталину с предложением ликвидировать ставшие после войны ненужными НКСГ и СНО. Ведомством Берии военнопленные-активисты этих организаций были поставлены на “специальный учет”. 26 сентября 1945 г. бывший Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, затем заведующий отделом международной информации ЦК ВКП (б) Г.М. Димитров и первый заместитель начальника ГУПВИ А.З. Кобулов представили Берии свои предложения о процедуре роспуска НКСГ и СНО. 30 сентября 1945 г. Берия направил Сталину сообщение, в котором, ссылаясь на решения состоявшейся летом 1945 г. в Берлине конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, просил согласия на ликвидацию НКСГ и СНО. Через месяц, 30 октября 1945 г., “закрытым” решением Политбюро ЦК ВКП (б) эти организации были распущены, политическая и культурно-просветительская работа с пленными была возложена на ГУПВИ, а президенту НКСГ Эриху Вайнерту предложили созвать объединенный пленум “с участием руководящих лиц НКСГ и СНО” и объявить о самороспуске этих организаций, что и было сделано 2 ноября 1945 г. [38].

Не прошло и года после роспуска НКСГ и СНО, как Берия и Кобулов поняли свою ошибку: они лишились важного инструмента политического воздействия на пленных немцев с помощью самих немцев. Возникла идея создания Центра пропагандистской работы среди пленных. Зайдлиц на главную роль в этом Центре не годился: “информаторы” среди пленных все чаще приводили его высказывания, вызывавшие неудовольствие Кремля и Лубянки.

Недоверие советских властей к Зайдлицу нарастало постепенно. 19 мая 1944 г., выступая на совещании начальников служб, занимавшихся разложением войск противника (7-х отделов), начальник Главного политуправления Красной Армии генерал-полковник А.С. Щербаков потребовал внимательно следить за руководителями НКСГ, потому что у “них свои планы”, некоторые из них хотят “противопоставить Советский Союз союзникам, столкнуть” их. “Генерал Зайдлиц, - сказал Щербаков, - представил нам несколько документов. В них предлагалось объявить Наци-

ональный комитет немецким правительством и дать тем самым ему возможность вести работу как временному правительству или полуправительству. Нужно работать так, чтобы мы их использовали в целях победы Красной Армии, и не допускать, чтобы они нас использовали” [39]. 25 мая 1944 г. заместитель председателя Совнаркома СССР Д.З. Мануильский сообщил Щербакову, что “составление «Меморандума Зайдлица» было провокационным действием фашистской группы внутри СНО” [40, с. 46].

Позднее “информаторы” фиксировали негативные высказывания Зайдлица о Крымской конференции: “По-видимому, Германия будет поделена между США, Англией, СССР и Францией. СНО больше ничего не может сказать немецкому народу, а немцам остается только покориться ... От Германии останутся одни только клочки, лучшим исходом для Германии было бы присоединение к СССР в качестве 17-й советской союзной республики” [41]. Решения Потсдамской конференции о восточных границах Германии Зайдлиц оценивал как “холодный Майданек” для немецкого народа, который обязан Советскому Союзу тем, что у немцев “отнимут все области на восток от Одера и Нейсе... Где тут справедливость? ... Красный империализм принимает чрезвычайные меры”. По поводу затянувшегося решения вопроса о репатриации генералов из СНО Зайдлиц говорил, что, “когда пребывание в этой стране станет пройденным этапом, можно будет трижды перекреститься. Здесь мы переживаем одни разочарования” [42].

11 июня 1946 г. к Паулюсу в Томилино с предложениями подготовить проект новой организации немецких военнопленных приехал представитель ГУПВИ подполковник Л.Ф. Парпаров. Уже на следующий день фельдмаршал представил свой проект, предусматривавший создание среди военнопленных регулярной секции, входящей в состав СЕПГ – “Демократического союза”. Когда Паулюсу было указано на несоответствие его проекта сделанному ему предложению, фельдмаршал, как отмечал Кобулов в письме Круглову, “принял наш вариант”. 16 июня 1946 г. готовый документ, названный Паулюсом “Дополнения к моему предложению от 12.VI.1946 г.” [43], был передан Кобулову. Паулюс, признавая, что произошло недоразумение, писал о необходимости создания среди военнопленных “Движения СЕПГ”, включающего “кадры”, “сторонников” и “сочувствующих”. Однако ни “Движение СЕПГ”, ни “Демократический союз” во главе с Паулюсом так и не были созданы: очевидно, на Лубянке поняли всю утопичность этой затеи.

Фельдмаршал переключился на научную работу. На даче в подмосковном поселке Томилино, где вместе с Паулюсом, которого обслуживали ординарец Эрвин Шульте и повар Лев Георг [44], жили генералы Зайдлиц и Мюллер и полковник Адам [45, S. 466-468], шла работа по кон-

сультированию фильма “Сталинградская битва”. По заданию военно-исторического управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР Паулюс и Зайдлиц независимо друг от друга написали воспоминания о ходе боев на германо-советском фронте [46].

Среди рукописей Паулюса, опубликованных в СССР, но оставшихся вне поля зрения ученых как России, так и ФРГ – критический анализ вышедшей в 1949 г. в Западной Германии брошюры генерал-полковника Ф. Гальдера “Гитлер как полководец” Паулюс был первым немецким исследователем, который развенчал миф о “превентивном” характере войны против СССР: “Не Восток угрожал Гитлеру и Германии, а Гитлер угрожал Востоку” [47, с. 102].

После возвращения из Нюрнберга Паулюс, весьма лояльный по отношению к советским властям, все чаще думал о своей работе в советской зоне оккупации Германии. “Я вам скажу, – говорил он генералу Бушенхагену 30 марта 1946 г., – какие должности русские могут предложить нам: 1) главный начальник полиции в советской зоне; 2) президент “Красного Креста”; 3) русско-немецкое общество” [48]. Однако подержанные Кругловым неоднократные заявления Паулюса советскому правительству с просьбой “рассмотреть вопрос о возможности своего использования в восточной зоне при восстановлении Германии” Сталин оставлял без ответа [49]. Не помогло и поздравительное письмо Паулюса и генерал-лейтенанта Бамлера по случаю 70-летия “господина генералиссимуса”, в котором Сталин был назван “великодушным другом немецкого народа” [50]. Отметим, что Зайдлиц от подписания этого письма уклонился.

Лишь после смерти Сталина Паулюс смог навсегда покинуть СССР. “Прежде, чем я покину Советский Союз, – писал он в заявлении советскому правительству от 24 октября 1953 г., – я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришел в их страну в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как ее друг”. Свой главный вывод, выстраданный им за долгие годы войны и плена, генерал-фельдмаршал бывшей германской армии сформулировал так: “Судьбу германского народа нельзя строить на базе идеи господства, а только лишь на базе длительной дружбы с Советским Союзом и всеми другими миролюбивыми народами” [51]. На следующий день, 25 октября 1953 г., он уже был в Восточном Берлине.

Паулюс, “почетный гость немецкого социалистического государства”, сразу же попавший в ГДР под негласное наблюдение органов госбезопасности [52], поселился на вилле в дачном пригороде Дрездена “Белый олень”, где и умер 1 февраля 1957 г.

По-иному сложилась судьба Зайдлица, роковую роль в которой сыграл его бывший командарм. В январе 1949 г. Зайдлиц подал заявление

с просьбой о репатриации в восточную зону, чтобы “работать там на хозяйственной работе, предпочтительно по коневодству” и выразил желание взять туда свою семью, проживавшую в английской зоне в городе Ферден в районе Ганновера. Главнначальствующий Советской военной администрации в Германии генерал армии В. И. Чуйков и руководство СЕПГ дали свое согласие. 12 ноября 1949 г., когда перед Зайдлицем, как писал Кобулов, “был конкретно поставлен вопрос о репатриации его в ближайшее время в Германскую Демократическую Республику при условии переезда туда его семьи, он выразил явное нежелание поселиться в восточной зоне” [53]. Кобулову донесли о недопустимых высказываниях бывшего президента СНО: “Это невыносимое требование! Что это все значит? Если нам не доверяют, пусть нам это прямо скажут. Без гарантии в отношении участи моих детей мне никогда не удастся убедить свою жену. Почему я должен верить, что для нас действительно сделают все возможное? ... Я – не политический деятель; я выступал против Гитлера как генерал; Это же было и в интересах англичан и американцев. Я не могу согласиться, что за это англичане могут причинить зло мне или моей семье... Я же не шахматная фигура, которую можно переставлять как угодно” [54].

После этих высказываний своего товарища по фронту и плену, Паулюс выразил Кобулову сомнения в политической устойчивости Зайдлица. 15 ноября 1949 г. германский фельдмаршал направил первому заместителю начальника ГУПВИ следующее письмо: “Глубокоуважаемый господин генерал! ... В ходе ... беседы и связанных с ней разговоров с генералом фон Зайдлицем у меня создалось впечатление, что при репатриации его в восточную зону могут возникнуть такие затруднения, которые поставят под вопрос целесообразность этого мероприятия. Согласно неоднократным заявлениям генерала фон Зайдлица, его семья настолько связана с тем городом, в котором она в настоящее время проживает (гор. Ферден – английская зона), и со своими родственниками и друзьями, находящимися исключительно в западной зоне, что ему (Зайдлицу) будет исключительно трудно склонить свою семью к переезду в восточную зону. Сможет ли Зайдлиц ... при любых условиях остаться в восточной зоне, убедить свою жену в правильности этого решения, представляется мне ... мало вероятным. Между тем человек с разладом в душе ... не в состоянии продолжительное время делать плодотворную работу. Это должно рано или поздно привести к срыву. Если я до сих пор старался влиять на генерала фон Зайдлица с тем, чтобы укрепить в нем желание работать в восточной зоне, то я также исходил из того соображения, что при возвращении в западные зоны с ним, как с политически уязвимым лицом, могут произойти нежелательные осложнения. Та-

кая опасность, конечно, существует; но я считаю ее гораздо менее значительной, чем вред, который будет причинен в случае, если работа фон Зайдлица в восточной зоне кончится срывом, то есть, если он в один прекрасный день заявит: "Я больше не могу здесь оставаться". Я считаю своей обязанностью ознакомить Вас с этим положением вещей как в интересах дела, так и в интересах самого моего товарища" [55].

В результате бывший президент СНО был внесен в список "реваншистски настроенных генералов" [56], которые обязательно фигурировали среди кандидатов на предание суду военного трибунала [57].

24 мая 1950 г. Зайдлиц был арестован и помещен в московскую Бутырскую тюрьму. Он был обвинен в преступлениях, предусмотренных 1-й статьей Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. [58]. После знакомства с обвинительным заключением Зайдлиц сказал сокамернику – немецкому офицеру: "На суде я скажу всю правду, выступлю как Георгий Димитров". Узнав об этом из доноса сокамерника, Кобулов приказал ускорить "расследование".

"Дело" Зайдлица было рассмотрено 8 июля 1950 г. на закрытом судебном заседании военного трибунала войск МВД Московского военного округа без участия защиты и свидетелей. Заседание началось в 11 часов 35 минут, а в 15 часов 55 минут был оглашен приговор: 25 лет тюремного заключения. Выслушав его, генерал сказал: "Лучше бы я сразу умер" [59, с. 181-183].

26 сентября 1955 г. Президиум ЦК КПСС утвердил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении немецких граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов СССР.

4 октября 1955 г. осужденный гитлеровской и сталинской юстицией бывший вице-президент НКСГ и президент СНО Вальтер фон Зайдлиц был "выдворен за пределы СССР". Перед тем как навсегда покинуть Советский Союз, он обратился к Председателю Президиума Верховного Совета СССР маршалу К.Е. Ворошилову с благодарственным письмом: "Завтра, покидая территорию Советского Союза, я испытываю глубокую потребность выразить свою сердечную благодарность Верховному Совету СССР за все то хорошее, что я здесь пережил и узнал за время моего более чем 12-летнего пребывания" [60].

Вальтер фон Зайдлиц жил в ФРГ, где и умер в 1976 г. Смертный приговор, вынесенный ему нацистским судом в 1944 г., был отменен в ФРГ в 1956 г. Но лишь через 20 лет после смерти, 23 апреля 1996 г., он был реабилитирован в России [61, с. 251].

Выводы

Сравнивая судьбы Паулюса и Зайдлица в сталинградском котле и советском плену, можно

констатировать, что между ними было много общих черт, и, в то же время, различий. Высокопоставленные германские военные верно служили Гитлеру и были исполнителями, причем весьма эффективными, (а Паулюс еще одним из разработчиков) нацистской агрессии против СССР. Сомнения в правильности гитлеровской стратегии и тактики появились у Паулюса и Зайдлица лишь в тот момент, когда Гитлер обрек 6-ю армию на гибель в сталинградском котле. Учитывая беззащитное вероломство Гитлера, Паулюс был обязан наконец-то решиться на самостоятельные действия. Командующий 6-й армией осознавал эту необходимость, но до последней возможности выполнял приказ Гитлера держаться. Тогда же проявились первые серьезные разногласия между Паулюсом и Зайдлицем, который призывал к прорыву кольца окружения изнутри.

Однако и Паулюс, в последний день Сталинградской битвы произведенный в генерал-фельдмаршалы, и Зайдлиц, действуя вопреки неписанному правилу: «немецкие генералы в плен не сдаются», добровольно сдались в советский плен, впервые нарушив волю Гитлера. Это стало началом их движения к антигитлеровскому сопротивлению. По этому пути они шли с разной скоростью. Зайдлиц в сентябре 1943 г. возглавил СНО и активно включился в антифашистскую работу на платформе НКСГ. Паулюс сначала осудил поступок Зайдлица, затем долго колебался и сомневался в правильности своей «нейтральной» линии поведения в плену. Лишь после провала заговора группы германских военных против Гитлера 20 июля 1944 г. фельдмаршал встал на антинацистскую позицию. Активную роль в антинацистском «перевоспитании» Паулюса сыграли советские спецпропагандисты, действовавшие по плану «Сатрап».

Несмотря на то, что их семьи в Германии были репрессированы, Паулюс и Зайдлиц активно включились в антифашистскую работу. В сотрудничестве с советским командованием и немецкими коминтерновцами Паулюс и Зайдлиц явно конкурировали между собой. Если Зайдлиц предлагал создать «немецкую антифашистскую армию» под его командованием, то Паулюс выступил в качестве свидетеля советского обвинения на Нюрнбергском процессе, разоблачая своих бывших начальников Кейтеля и Йодля.

Паулюс и Зайдлиц недолго любили друг друга. Зайдлиц считал Паулюса человеком слабым и недостаточно решительным. Паулюс ревниво относился к Зайдлицу на посту президента СНО и рассматривал его сотрудничество с советскими властями как вынужденное и неискреннее.

Роковую роль в судьбе Зайдлица сыграл донос, отправленный в 1949 г. Паулюсом Сталину на своего бывшего командира корпуса. Паулюс доказывал, что Зайдлица ни в коем случае нельзя выпускать из СССР, так как он не станет жить

в ГДР, а использует репатриацию, чтобы сбегать в Западную Германию, где проживает его семья. Паулюс, выражая недоверие Зайдлицу, обрекал его в СССР на незавидную судьбу. Очевидно, Паулюс при этом руководствовался мотивами личной мести и стремлением заслужить расположение Сталина. После смерти Сталина Паулюс был репатриирован в Восточную Германию (ГДР), в то время как Зайдлиц был осужден в СССР как

военный преступник.

Ни Паулюс, ни Зайдлиц не нашли своего места в послевоенной Германии. Паулюс в Восточной Германии был чужим, живя на правах «почетного гостя» ГДР; Зайдлиц считался в ФРГ «предателем» и «изменником». Ни тому, ни другому немцы не могли простить гибель 6-армии на берегах Волги, в то время как командовавшие ей генералы слались в плен и остались живы.

Литература и источники

1. Справка начальника тюремного отдела МВД СССР полковника П.С. Буланова от 28 сентября 1956 г. – Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 1п Оп. 30-е. Д. 1. Л. 1–2.
2. Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900-1945. Сплетение истории. – М.: Новый хронограф, 2014. – 424 с.
3. Кноп Г. Генералы третьего рейха. – М.: АСТ, Астрель, 2007. – 512 с.
4. Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. – М.: Патриот, 1990. – 208 с.; Борозняк А.И. Генерал-фельдмаршал Паулюс: эволюция мировоззрения // НКСГ – 50 лет: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва/Красногорск, 7-9 сентября 1993 г. Красногорск: Мемор. музей нем. антифашистов, 1994. – 186 с.; Марковчин В. В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. – М.: Детектив Пресс, 2000. – 320 с.; Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. – М.: Вече, 2004 – 352 с.
5. Görliitz W. Paulus. „Ich stehe hier auf Befehl“. Lebensweg des Generalfeldmarshalls Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachlaß, Briefen und Dokumenten. - Frankfurt a. M.: Bernard und Graefe, 1960. - 272 S.; Reschin L. Feldmarschall im Kreuzverhör. Friedrich Paulus in sowjetischer Gefangenschaft 1943–1953. – Berlin: Ed. q – 1996 - 328 S; Chavkin B. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955 // Forum für osteuropäische Zeitgeschichte, 1997, № 2; Steinkamp P. Generalfeldmarschall Friedrich Paulus. Ein unpolitischer Soldat? – Erfurt: Sutton, 2001, - 127 S.; Diedrich T. Paulus. Das Trauma von Stalingrad. Eine Biographie. - Paderborn-Muenchen-Wien-Zuerich: Schöningh, 2008, - 579 S.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 451/п, 454, 463/п.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401, 9492.
8. Bundesarchiv/Militaerarchiv (BA/MA). Bestand № 55. Nachlass/Depot Seydlitz-Kurzbach; BA/MA. Bestand № 372. Nachlass Paulus.
9. “Союз немецких офицеров”. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник. 1993. № 0. С. 88-89.
10. Брагинский И.С. Великолукская агитоперация // «Особый фронт». Под общей редакцией М.И. Бурцева. М.: Военное издательство, 1986, с. 34-45. Файн В.Я. Жизнь востоковеда. По материалам личного архива профессора И.С. Брагинского. М.: Институт Востоковедения РАН, 2018, 424 с.; Файн В.Я. Полковник И.С. Брагинский и его пропагандисты // Файн В.Я. Семейные архивы раскрывают тайны Великой Отечественной войны. Гл. 3. М.: изд-во «Триумф», 2019. - 200 с.
11. Stern, Wolf. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/wolf-stern> (дата обращения - 17.04.23).
12. О А.Я. Гуральском см.: Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. М.: Междунар. отношения, 1994. 397 с.
13. Военно-исторический журнал. 1960. №3. С. 95–97.
14. Freies Deutschland. № 8/9. 15.09.1943.
15. Die Gruendung des Bundes deutscher Offiziere. Protokoll der Gruendungstagung. September 1943. – Nationalkomitee “Freies Deutschland”, 1943. Русский перевод: За Германию – против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета “Свободная Германия” и Союза немецких офицеров. М., 1993. С. 185–236.
16. “Союз немецких офицеров”. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник. 1993. № 0. С. 89-90.
17. РГВА. Ф.454. Оп.2. Д.6. Л.120-121.
18. Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. - 758 с.
19. Учетное дело военнопленного Паулюса. - РГВА. Ф. 463п. Д. 17, Л. 8.
20. РГВА. Ф.463п. Д. 17, Л. 3об; Bundesarchiv/Militaerarchiv. (BA/MA). Bestand № 372. Nachlass Paulus.
21. Хавкин Б.Л. Фельдмаршал «Сатрап» и генерал «Презус» // Независимое военное обозрение. 03.02.2006.
22. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. // Новая и новейшая история. 2002. №3. с.152. Прим. 24.
23. Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену // НКСГ – 50 лет: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва/Красногорск, 7-9 сентября 1993 г. Красногорск: Мемор. музей нем. антифашистов, 1994. 186 с.
24. “Союз немецких офицеров”. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник. 1993. № 0. С.101-102.
25. Цит. по русскому переводу радиообращения Паулюса, опубликованному в газете “Правда” 15.12.1944 г.
26. Архив Президента Российской Федерации (далее – АПРФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 498. л. 73.
27. Военно-исторический журнал. 1960. № 3. С. 94.
28. Решин Л.Е. Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе НКСГ и СНО в зеркале московских документов // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996. – 288 с.
29. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66, Л. 241.
30. Цит. по: Хавкин Б. Германские фельдмаршалы в советском плену // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2013. № 1. С. 229-258.
31. Uhle-Wetter F. Höhe- und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte / Franz Uhle-Wettler. – Mainz: v. Hase & Koehler, 1984. - 348 S.
32. Решин Л.Е. Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе НКСГ и СНО в зеркале московских документов // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. Красногорск. 1996. С. 224-234.
33. РГВА. Ф. 451/п. Оп. 2. Д. 6. Л.126-129; там же. Д. 7. Л. 174; там же. Оп. 3, д. 7. Л. 12-15.

34. АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 498, Л. 80-82.
35. Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der Justiz Stalins // "Gefangen in Russland". Graz – Wien, 1995. S.212-214.
36. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т.2. М.: Издательство Юридической литературы. 1958. 863 с.
37. Письмо Круглова Сталину и Молотову от 8 июля 1946 г. – ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 160.
38. РГВА. Ф. 451. Оп. 4. Д. 10. Л. 12.
39. Центральный архив министерства обороны РФ. Ф. 32. Оп. 65607. Д. 30. л. 146-147.
40. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 400 с.
41. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 322-324.
42. РГВА. Ф. 451. Оп. 5. Д.22. Л. 96-101.
43. "Большая часть военнопленных пополнит ряды Социалистической единой партии Германии. Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса // Источник. 1994. № 3. С. 102-107.
44. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 337. Л. 26.
45. Bei Paulus in Turmilino (Турмилино - так Вильгельм Адам ошибочно называет поселок Томилино). - Adam W. Der schwere Entschluss. - Berlin: Vlg d.Nation, 1965. - 504 S.
46. Паулюс Ф. Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом // Сталинград: уроки истории. М., 1980. с. 290-291; О написании Зайдлицем военно-исторических заметок, рассказывающих о действиях ударной группы "Зайдлиц" по прорыву Демянского котла в марте - апреле 1942 г., над которыми автор работал "охотно и добросовестно", упоминается в справке, подписанной Кобуловым 30 ноября 1949 г. – РГВА. Ф. 451. Оп. 5. Д. 22. Л. 96-101.
47. Генерал-фельдмаршал Паулюс о брошюре Гальдера "Гитлер как полководец" // Военно-исторический журнал. 1962. №5. С. 93-105.
48. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2, Д. 200. Л. 198-201.
49. Сопроводительная записка Круглова от 16 июля 1948 г., направленная Сталину, Молотову и Берии, а также Заявление Паулюса от 29 июня 1948 г. советскому правительству. – ГАРФ. Ф.Р-9401, Оп. 2, Д. 200, Л. 373-377; Письмо Вышинского и Круглова Сталину от 29 марта 1950 г. "О возможности репатриации Паулюса" и подготовленный ими проект распоряжения правительства СССР "О репатриации генерал-фельдмаршала бывшей германской армии Фридриха Паулюса". – ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 268-269; Письмо Круглова от 29 февраля 1952 г. Сталину, Молотову, Маленкову, Берии о возможности репатриации Паулюса в ГДР. – ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2, Д. 337. Л. 26.
50. Сопроводительное письмо Круглова Сталину от 24 декабря 1949 г. и поздравительное письмо Паулюса и Бамлера Сталину от 20 декабря 1949 г. – ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 236. Л. 322-323.
51. Правда, 1.11.1953.
52. 2-й и 3-й пункты распоряжения Совета Министров СССР о репатриации Паулюса гласили: "2. Обязать уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации (тов. Голикова) принять от МВД СССР Фридриха Паулюса и направить его в распоряжение Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова для использования на работе в одном из провинциальных городов Германской Демократической Республики. 3. Обязать МГБ СССР (тов. Абакумова) установить за Паулюсом в Германии соответствующее наблюдение" – ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 269.
53. Справка на военнопленного генерала артиллерии бывшей германской армии фон Зайдлиц Вальтера. – РГВА. Ф. 451. Оп. 5. Д. 22. Л. 96-101.
54. Документальная коллекция ЦА ФСБ РФ. Док. №2. – Национальный комитет "Свободная Германия" и Союз немецких офицеров. С. 237-238.
55. Письмо Паулюса Кобулову от 15 ноября 1949 г. в переводе с немецкого см.: Национальный комитет "Свободная Германия" и Союз немецких офицеров. С. 239-240. Док. №3.
56. Директива № 00201 от 22.03.1950 г. – ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 9. Д. 49. Л. 17.
57. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 32-34.
58. Обвинительное заключение по делу Зайдлица см.: РГВА. Ф. 451. Оп. 5. Д. 225. Л. 117-122.
59. Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену // НКСГ – 50 лет... Красногорск: Мемор. музей нем. антифашистов, 1994. - 186 с.
60. Письмо Зайдлица Ворошилову от 3. 10.1955 г. – РГВА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 19. Л. 265-266.
61. Письмо Главной военной прокуратуры РФ о реабилитации Зайдлица. – Всеволодов В.А. «Срок хранения - постоянно!» = Zur Ständigen aufbewahrung: краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27 (1942-1950 гг.). – Красногорск: Мемор. музей нем. антифашистов, 2003. – 271 с.

References

1. Blank, A.S., Khavkin, B.L. *Vtoraja zhizn' fel'dmarshala Pauljusa* [The Second Life of Field Marshal Paulus]. Moscow, Patriot Publ., 1990. 208 p. (In Russian)
2. Bezymensky L.A. *Gitler i germanskije generaly* [Hitler and German Generals]. Moscow, Veche Publ., 2004. 352 p. (In Russian)
3. Boroznyak A.I. *General-fel'dmarshal Pauljus: e'voljucziya mirovozzreniya* [Field Marshal Paulus: the evolution of the worldview]. *NKSG – 50 let: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferenczii* [NKSG - 50 years: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow/Krasnogorsk, 7-9 sent. 1993. Krasnogorsk: Memor. muzej nem. Antifashistov Publ., 1994. 186 p. (In Russian)
4. Khavkin B.L. *Rossija i Germaniya: 1900-1945. Spletenie istorii* [Russia and Germany: 1900-1945. Plexus of history]. Moscow: Novy'j khronograf Publ., 2014. 424 p. (In Russian)
5. Kostyrchenko G.V. *V plenu u krasnogo faraona* [Captured by the Red Pharaoh]. Moscow: International relationships Publ., 1994. 397 p. (In Russian)
6. Vsevolodov V.A. "Srok hranenija - postojanno!" = *Zur Ständigen aufbewahrung: kratkaja istorija lagerja voennoplennyh i internirovannyh UPVI NKVD-MVD SSSR № 27 (1942-1950 gg.)* ["Shelf life - permanently!" = Zur Ständigen aufbewahrung: a brief history of the camp of prisoners of war and internees of the UPVI of the NKVD-MVD of the USSR No. 27 (1942-1950)]. Krasnogorsk: Memor. museum of german anti-fascists Publ., 2003. (In Russian)
7. Reshin, L.E. "General artillerii Val'ter Aleksandr fon Zaydlits v sovetskom plenu" [Artillery General Walter Alexander von Seidlitz in Soviet captivity]. "NKSG – 50 let": *sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferenczii (Moskva/Krasnogorsk, 7-9 sentjabrja 1993 g.)* ["NKSG - 50 years": collection of materials of the International scientific-practical conference (Moscow/Krasnogorsk, September 7-9, 1993)]. Krasnogorsk: Memor. museum of german anti-fascists Publ., 1994. (In Russian)
8. Reshin L.E. *Usiliya po privlecheniyu general-fel'dmarshala Pauljusa k rabote NKSG i SNO v zerkale moskovskikh dokumentov* [Efforts to involve Field Marshal Paulus in the work of the NKSG and SNO in the mirror of Moscow documents].

- National Committee "Free Germany" and the Union of German Officers. Krasnogorsk: Memor. museum of german anti-fascists Publ., 1996, p. 224-234. (In Russian)
9. Semiryaga M.I. *Kak my upravljali Germaniej* [How We Ruled Germany]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 1995. (In Russian)
10. Fine, V.Ya. *ZHizn' vostokoveda. Po materialam lichnogo arhiva professora I.S. Braginskogo* [The life of an Orientalist. Based on the materials of the personal archive of Professor I.S. Braginsky]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018, 424 p. (In Russian)
11. Fine V.Ya. *Polkovnik I.S. Braginskij i ego propagandisty* [Colonel I.S. Braginsky and his propagandists]. IN Fejn V.YA. *Semejnye arhivy raskryvayut tajny Velikoj Otechestvennoj vojny* [Family archives reveal the secrets of the Great Patriotic War]. Part 3. Moscow: Publishing house "Triumph", 2019. 200 p. (In Russian)
12. Markovchin V.V. *Fel'dmarshal Paulyus: ot Gitlera k Stalinu* [Field Marshal Paulus: from Hitler to Stalin]. Moscow, Detective Press, 2000. 320 p.

© «Клио», 2023
© Хавкин Б.Л., 2023

УДК 94(510)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_219

Дата поступления (Submitted) 04.06.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 17.06.2023

Синьхайская национальная революция в Китае и её итоги: два пути одного народа (историко-политологический аспект) (часть 2)

ИРИНА ЮРЬЕВНА ЛАПИНА

заведующая кафедрой истории и философии
СПбГАСУ, доктор исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
190005, 2-я Красноармейская ул., 4, Санкт-Петербург
e-mail: clio@spbgasu.ru

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ КАРГАПОЛЬЦЕВ

доцент кафедры истории и философии СПбГАСУ,
кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
190005, 2-я Красноармейская ул., 4, Санкт-Петербург
e-mail: clio@spbgasu.ru

Аннотация. Освещаются причины, характер и основные итоги Синьхайской революции 1911-1912 гг. в Китае. Анализируются последующие события гражданской войны между сторонниками буржуазно-националистической и коммунистической концепциями дальнейшего развития Китая. Рассматриваются исторические портреты политических лидеров как монархического, так и после-революционного Китая. Особое внимание уделяется биографиям Сунь Ятсена, Чан Кайши и Мао Цзэдуна. Приводятся данные о борьбе китайцев с японской агрессией 1937-1945 гг. и втором этапе гражданской войны в Китае.

Аргументируются данные о достижениях и проблемах китайской государственности во второй половине XX – начале XXI века. Актуализируются особенности советско-китайских и российско-китайских отношений в годы Холодной войны и периода становления многополярного мира. Приводится обширный источниковедческий материал. Первая часть этой статьи опубликована в «Клио» №6, 2023 г. С. 111-121.

Ключевые слова: Синьхайская революция, Гоминьдан, Сунь Ятсен, Чан Кайши, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, гражданская война в Китае, японский милитаризм, Манчжоу-Го, Китайская республика Тайвань

Xinhai National Revolution in China and its results: two ways of one people (historical and political aspect) (part 2)

IRINA YURIEVNA LAPINA

Head of the Department of History and Philosophy of SPbGASU,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor St. Petersburg State
University of Architecture and Civil Engineering (SPbGASU),
190005, 2nd Krasnoarmeyskaya street, 4, St. Petersburg
e-mail: clio@spbgasu.ru

SERGEY YURIEVICH KARGAPOLTSEV

Associate Professor of the Department of History and
Philosophy of SPbGASU,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
St. Petersburg State University of Architecture and Civil
Engineering (SPbGASU),
190005, 2nd Krasnoarmeyskaya street, 4, St. Petersburg
e-mail: clio@spbgasu.ru*

Abstract. The causes, nature and main results of the Xinhai Revolution of 1911-1912 are highlighted in China. The subsequent events of the civil war between the supporters of the bourgeois-nationalist and communist concepts of China's further development are analyzed. The historical portraits of political leaders of both monarchical and post-revolutionary China are considered. Particular attention is paid to the biographies of Sun Yat-sen, Chiang Kai-shek and Mao Zedong. Data are given on the struggle of the Chinese aggression of 1937-1945 and the second stage of the civil war in China.

The data on the achievements and problems of Chinese statehood in the second half of the 20th – early 21st century is argued. The features of the Soviet-Chinese and Russian-Chinese relations during the years of the formation of a multi-molar world are analyzed. Provides extensive source material. The first part of this article was published in *Klio* No. 6, 2023, pp. 111-121.

Keywords: *Xinhai Revolution, Kuomintang, Sun Yat-sen, Chiang Kai-shek, Mao Zedong, Deng Xiaoping, Civil war in China, Japanese militarism, Manchukuo, Republic of China Taiwan*

1 октября 1949 г. в Пекине Мао Цзэдун торжественно провозгласил создание КНР и провел военный парад победителей. Стоящего на трибуне Мао восторженное население приветствовало криками «Ван суй» – живи и здравствуй – как ранее приветствовало китайских императоров. Мир КПК с Гоминьданом так и не был заключен и формально КНР и Китайская республика (остров Тайвань) до сих пор находятся в состоянии войны. Генералиссимус Чан Кайши в Тайбэе также объявил о создании государства на острове Тайвань – Китайской Республики Тайвань, став его первым президентом. С 1950 г. конфликт «двух Китаев» – коммунистического и буржуазно-националистического – был одним из очагов холодной войны: Советский Союз поддерживал КНР, а США – Китайскую Республику Тайвань. Данная расстановка сил проявила себя и в Корейской войне 1950-1953 гг., где СССР и КНР поддерживали коммунистический Север освобожденной от японцев страны (бывшая зона советской оккупации), а США – капиталистический Юг. Несмотря на большие жертвы, война закончилась вничью, так и оставив границу противостояния систем по 38-й параллели северной широты [1; 2; 3].

Сложившаяся расстановка сил на Юго-Востоке послевоенной Азии отражала политическую ситуацию, определённую реалиями Холодной войны и диктаторскими амбициями пришедших к власти лидеров: два Китая и две Кореи – южная, – Республика Корея, образованная 15 августа 1948 г., и северная, – Корейская Народно-Демократическая Республика (далее – КНДР), образованная 9 сентября 1948 г. Сохраняя видимость независимости и равнопартисипации с СССР, Мао ревниво относился к славе Сталина, во всем ему подражая и заимствуя приёмы и стиль управления государством. Как следствие, – борьба с буржуазными пережитками и жёсткое подавление инакомыслия, культурная революция и попытка кустарной индустриализации. Конечно,

помощь из СССР в КНР продолжала поступать и в немалом количестве (техника, вооружение, продовольствие, медикаменты и проч.), но Мао не спешил благодарить за неё публично, как и не желал позиционировать себя зависимым от Советского Союза вассалом. Противоречия между СССР и КНР накапливались постепенно, однако разоблачение культа личности Сталина в 1956 г., начавшаяся политика десталинизации и отказ Н.С. Хрущева передать Китаю ядерное оружие или технологию его производства привели к расколу в отношениях, хотя видимость единства стран коммунистического блока сохранялась обеими сторонами. Отметим также, что схожие с Мао алгоритмы поведенческих стереотипов выработал в себе лидер КНДР и основатель первой в мире коммунистической династии – Ким Ир Сен (1912-1994), – маршал, генералиссимус и «Великий вождь», получивший в 1998 г. посмертный титул «Вечного президента КНДР» [4; 5].

Стремясь ускорить строительство коммунизма, в 1958 г. Мао Цзэдун обосновал необходимость перехода к политике «Большого скачка», целью которого был резкий подъем производства и укрепления индустриальной базы на советский манер для вывода страны из аграрного типа экономики (сельхозпродукция аграрного сектора составляла 90% от китайского ВВП). Детального планирования модернизационного прорыва не разрабатывалось, ставка делалась на энтузиазм, а не профессионализм. При этом ожидалось добиться резкого роста темпов коллективизации и сельхозпродукции, а также производства стали за счет массового строительства кустарных мини-плавильных. Однако ожидания «Великого кормчего» не оправдались, поскольку, несмотря на благоприятные погодные условия, урожай 1958 г. оказался невысоким. Причиной стало отвлечение миллионов крестьян на выплавку бесполезной, в силу низкого своего качества, стали и борьбу с воробьями (считая, что пернатые мародёры поедают слиш-

ком много зерна, уничтожившие практически всех воробьев китайцы столкнулись с еще большим вредителем в лице насекомых, которых как раз и склёвывали воробьи). Но дальше было еще хуже: в 1959 г. урожай почти полностью погиб из-за масштабного наводнения вышедшей из берегов Янцзы (только от водной стихии число жертв составило более 2 млн человек), а в 1960 г. плантации риса и пшеницы поразила сильнейшая засуха. В следствии возникшего небывалого по масштабу голода погибло по разным оценкам от 20 до 40, и даже до 45 млн человек, а и без того низкая заработная плата в городах упала на 10%. В январе 1961 г. политику «Большого скачка» остановили решением IX пленума ЦК КПК, а необходимое для пропитания зерно экстренно закупили в Австралии и Канаде. Уместно отметить, что с СССР отношения к этому времени были уже испорчены, да и в Советском Союзе с производством зерна и мяса также возникли проблемы из-за сокрушительного провала целинной кампании, авантюрного увлечения Н.С. Хрущёвым (1894-1971) кукурузой и массового забоя скота с целью «догнать и перегнать Америку» [6].

Еще одной политической авантюрой Мао Цзэдуна, решившего избавить «Красный Китай» от буржуазных пережитков прошлого путём вовлечения революционно настроенной молодежи (в основном из маргинальных слоев китайских низов) в «борьбу с внутренними и внешними ревизионистами» и возможной «реставрации капитализма», стала так называемая «Культурная революция». Официальным началом кампании было 8 августа 1966 г., когда на площади Тяньаньмэнь в Пекине Мао, посредством специально организованного митинга, призвал молодежь включиться в борьбу за «идеалы революции» и «светлое будущее всего народа». Целью организованных погромов «врагов китайского трудового народа» было стремление показать американским империалистам и советским ревизионистам «истинно революционную борьбу для достижения великой победы». Основными участниками развернувшегося действия были вооруженные чем попало отряды хунвейбинов («красных охранников»), погруживших страну в разгул анархии, мародерства и убийств. Поводом для расправы могли быть обнаруженные «излишки» продовольствия, предметы «роскоши» (диван, кресла, кровать или костюм), а также «буржуазная литература» или предметы личной гигиены. Учитывая численность погромщиков (счет хунвейбинов шел на десятки миллионов человек), страна быстро погрузилась в хаос, а обнищание масс достигло критических величин. По мнению идеологов «Культурной революции» жителям КНР полагалось жить коммуналами, питаться один раз в день, денно и нощно работать без выходных и отпусков, ходить в тёмного цвета стёганных фуфайках (ватниках),

спать на соломенных циновках, а из литературы и настенной агитации иметь лишь сборники или листовки с цитатами Мао Цзэдуна. Всех нарушителей предложенного режима ожидала жестокая расправа (повешение, забивание камнями или палками) или изгнание из мест проживания. В некоторых провинциях Китая дело доходило и до ритуального людоедства (поедание «врагов революции»), которым занимались наиболее радикальные группировки погромщиков, «революционный порыв» которых зачастую дополнялся алкоголем или наркотиками. Как следствие, – около двух миллионов жертв и более 100 млн пострадавших [7; 8; 9; 10; 11]. Уже в 1967 г. на подавление происходивших бесчинств Мао вынужден был послать 30-тысячное армейское соединение. Общую картину вакханалии насилия и беззакония дополняли «разборки» между группировками хунвейбинов и изоофаней («бунтарей»), объединявших радикально настроенных на революционный террор представителей рабочей молодёжи (стремились доказать Мао Цзэдуну свою преданность и наибольшую значимость), а также столкновения с теми и другими стихийно формировавшихся рабочих дружин самообороны. В 1968 г. военным удалось пресечь людоедство, однако команды о прекращении «Культурной революции» от Мао не поступило и движение хунвейбинов продолжалось до 1975-1976 гг., окончательно иссякнув лишь после смерти «Великого кормчего». К тому времени в стране были закрыты практически все театры, музеи, библиотеки и рестораны, а из продажи исчезли косметика, бижутерия, модная одежда и часы. В «Поднебесной» царили полный разгром и всеобщая нищета, коснувшаяся даже партийной номенклатуры и высших функционеров. Результаты многолетней кампании творившегося произвола публично Мао никак не комментировал, по-прежнему оставаясь в массовом сознании непогрешимым «вождём и учителем». Трудно сказать, насколько всё это соответствовало реальному мнению рядовых китайцев, но в одном Мао Цзэдун оказался прав: именно он ещё в 1960-е годы спрогнозировал распад СССР, считая, что отступивший от норм революционной борьбы «советский ревизионизм неизбежно ведёт к реставрации капитализма» [12]. Несмотря на совершенные ошибки и выстроенную диктатуру с культом своей личности, Мао Цзэдун, покоящийся в усыпальнице-мавзолее на площади Тяньаньмэнь, остался в памяти граждан КНР как непререкаемый авторитет и «Председатель Мао» – «Великий кормчий, вождь и учитель» [13; 14; 15; 16; 17; 18].

Накал внутренней политики Китая прямо или косвенно отражался и на внешних «фронтах» маоизма. Так, после серии провокаций со стороны китайского пограничья на Дальнем Востоке в марте 1969 г. произошел вооруженный конфликт между КНР и СССР в районе острова Даманско-

го (кит. – Чжэньбаодао) на р. Уссури в 230 км к югу от Хабаровска и в 35 км к западу от райцентра Лучегорск. Апогей событий пришелся на 2 и 15 марта, когда советские части вынуждены были применить новейшие тогда реактивные системы залпового огня «Град». Остров удалось отстоять, но окончательно перестрелки прекратились лишь 11 сентября 1969 г. По советским данным со стороны СССР суммарные потери в ходе боестолкновений составили 58 убитыми и 94 ранеными солдат и офицеров пограничных и сухопутных войск, а также один танк Т-62 (был захвачен китайцами и ныне находится в музее НОАК); со стороны КНР – около 800 убитыми и более тысячи ранеными. К результатам конфликта также можно отнести решение советского руководства о необходимости строительства объездной железной дороги, вошедшей в историю как Байкало-Амурская магистраль (построенный еще в царское время Транссиб, проходящий в 30-50 км от границы, в случае войны с Китаем был бы уязвим), и наращивание дальневосточной группировки советских войск. Для Китая же эти события положили начало процессу дипломатического сближения с США, а также подготовке к войне СССР, вследствие чего пошла на спад «Культурная революция». Что касается дальнейшей судьбы острова Даманский, то при М.С. Горбачеве (1931-2022) по причине изменения русла Уссури и в целях достижения добрососедских отношений с Китаем, 19 мая 1991 г. он был «втихую» передан КНР, что РФ было подтверждено и окончательно закреплено в 1997 г. (дополнительно в 2004-2005 гг. Китаю было переданы «спорные» острова Тарабаров, а также части островов Большого Уссурийского и Большого в Амурской области, общей площадью в 327 кв. км) [19; 20, с. 151, 263-264; 21; 22; 23; 24; 25].

Активность внешней политики и территориальные претензии к соседним государствам являли себя и после кончины Мао Цзэдуна. Яркой иллюстрацией тому стал китайско-вьетнамский пограничный конфликт 1979 г., вошедший в историю как «первая социалистическая война». Китаем в то время управлял дуумвират Председателя ЦК КПК Хуа Гофэна (1921-2008), распорядившегося о строительстве в 1976-1977 г. мавзолея Мао Цзэдуна, и Председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Дэн Сяопина (1904-1997), – «отца» проведенных в конце 1970-х – 1980-х гг. реформ и китайского экономического «чуда» по строительству «среднезажиточного общества Сяокан» (соединение коммунистической идеологии и капиталистического способа производства в рамках «четырёх модернизаций»: оборонной промышленности, сельского хозяйства, науки и промышленного производства). Основной замысел своих реформ «Советник Дэн» высказал еще в 1973 г., озвучив их знаменитый императив: «не важно какого цве-

та кошка, лишь бы она ловила мышей». Выдержавший опалу за неприятие идей «Культурной революции» и противостояние «Банде четырёх», возглавляемой четвертой женой Мао – Цзян Цин (1914-1991), Дэн Сяопин формально не руководил государством, но как политический идеолог КПК и начальник Генерального штаба НОАК, фактически решал все основные вопросы жизнедеятельности КНР с 1977 по 1989-1992 гг., включая отстранение от власти двух генеральных секретарей ЦК КПК – Ху Яобана (1915-1989) и Чжао Цзыяна (1919-2005). При этом, Дэн считал неприемлемым для Китая распространение либеральных идей и принципов демократии западного типа, видя в них угрозу китайскому традиционализму и государственному устоям. 25 октября 1987 г., на XIII съезде КПК, Дэн Сяопин был назван «главным архитектором китайских реформ» [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Именно в то время в еще промышленно слабой КНР закладывался фундамент экономического роста и превращения аграрной страны в промышленную сверхдержаву, тогда как промышленный гигант СССР активно разваливался собственным руководством, быстро превращаясь из геополитической сверхдержавы в неофеодалную колонию коллективного Запада с фискально-сырьевым типом экономики и номенклатурно-олигархической вертикалью власти.

Возвращаясь к китайско-вьетнамской войне, отметим, что боевые действия происходили в Северном Вьетнаме в течение одного месяца: с 17 февраля по 16 марта 1979 г. Агрессию КНР косвенно поддержали США, оборону Вьетнама – СССР, МНР, Куба и Индия. Со стороны Китая во вторжении участвовало более 200 тыс. бойцов НОАК при поддержке 400-500 танков; со стороны Вьетнама ей противостояли около 100 тыс. бойцов регулярной армии и 150 тыс. ополченцев. Данные о потерях весьма противоречивы, но в любом случае счёт шёл на десятки тысяч убитых и раненых, сотни единиц бронетехники и артиллерийских орудий [33, р. 103; 34, р. 80; 35, р. 158]. Причины случившегося столкновения двух социалистических стран своими корнями уходят во внешнюю политику как провозглашенной 2 сентября 1945 г. Демократической Республики Вьетнам (далее – ДРВ), так и КНР, долгое время поддерживавшей вьетнамцев в борьбе с французским колониализмом, как в рамках Второй мировой войны, когда Вишисткий режим маршала А.-Ф. Петена (1856-1951) объявил запрет на деятельность коммунистов не только во Франции, но и в Индокитае; так и в период Первой Индокитайской войны 1946-1954 гг. (независимость Вьетнама от Франции была достигнута 21 июля 1954 г.) [36, с. 15]. Наряду с СССР, Китай помогал социалистическому Вьетнаму, президентом которого был Хо Ши Мин (1890-1969), и в войне против США, поддерживавших капиталистический юг страны – Республику Вьетнам со столицей

в Сайгоне, президентом которой был Нго Динь Зьем (1901-1963), убитый в ходе военного переворота 2 ноября 1963 г. (в открытой фазе США воевали против Северного Вьетнама с 1965 по 1973 г.) [37].

Однако падение Сайгона, случившееся 30 апреля 1975 г., и произошедшее 2 июля 1976 г. объединение двух частей Вьетнама, ставшего Социалистической Республикой Вьетнам (далее – СРВ), существенно изменило расстановку сил на южном пограничье Китая. Под шумок войны, КНР еще в 1974 г. аннексировала Парасельские острова, расположенные в 230 км к юго-востоку от острова Хайнань (с кит. – «морской юг»). Поскольку на эти острова претендовали также Вьетнам и Китайская Республика Тайвань, административно относящая их к городу Гаосёну, в Южно-Китайском море возник новый очаг напряженности. Этот факт, а также полная переориентация внешней политики СРВ на СССР, с которым у КНР были основательно испорчены отношения еще со времен хрущевской «оттепели», развели отношения коммунистических режимов Китая и Вьетнама до состояния предвоенной напряженности. Жáру добавили союзные КНР «красные кхмеры» диктатора Пол Пота (1925-1998) в Камбодже, которые предъявили территориальные претензии СРВ, организовав ряд пограничных провокаций, что в потенциале создавало ещё один очаг напряженности в Юго-Восточной Азии. В ноябре 1978 г., после заключенного договора о дружбе и сотрудничестве с СССР, войска СРВ вторглись в Камбоджу (Кампучию) и свергли изуверский режим Пол Пота, уничтожившего почти три миллиона человек под предлогом «борьбы за светлое будущее идеалов коммунизма» [38]. На его место был возведен лояльный Вьетнаму Хенг Самрин (род. в 1934 г.). Всё это крайне взвинтило официальный Пекин, покровительствовавший свергнутому Пол Поту и не собиравшийся спокойно наблюдать над процессом военно-политической и экономической интеграции СССР с СРВ, на основании которой Советский Союз мог устраивать военно-морские и военно-воздушные базы на территории Вьетнама. Пограничный спор по разграничению водораздела Тонкинского залива, захват войсками СРВ нескольких островов Парасельской и Спратлийской гряды в северной части Южно-Китайского моря, а также кампания по выдавливанию проживавших во Вьетнаме китайцев за пределы страны (в 1975-1978 гг. было изгнано более 280 тыс. китайцев), предопределили жёсткую фазу уже имевшего место конфликта (с 1974 по 1979 г. в ходе пограничных боестолкновений погибло более 300 китайцев). Перед самым вторжением во Вьетнам, заместитель председателя Военного совета КНР Дэн Сяопин совершил первый официальный визит в США, встретившись там с президентом Д. Картером (род. в 1924 г.) с целью найти точки соприкосновения и

взаимные интересы в борьбе с «советским экспансионизмом». Зримыми результатами этой встречи стало взаимное открытие посольств, ответный визит в КНР вице-президента США У. Мондейла (1928-2021) в августе 1979 г., а также достигнутые соглашения по вопросам текстильного производства, делам морской торговли и связям гражданской авиации. Вне всяких сомнений, достигнуто было и полное взаимопонимание двух сторон по вопросу предстоящего вторжения китайских войск во Вьетнам. Как уже указывалось, оно началось 17 февраля 1979 г. по трем направлениям: лаокайскому, каобанскому и лангшонскому. Первоначально агрессорам сопутствовали локальные успехи, однако по мере ввода в боевой строй мобилизованных резервистов Вьетнама и начавшейся партизанской войны, китайское наступление было отражено на всех направлениях. На море боевые действия не велись, чему основной причиной было сосредоточение с опорой на военно-морскую базу в Камране крупной (более 30 единиц) кораблей и подводных лодок Тихоокеанского флота СССР. И хотя китайским войскам ценой больших потерь все же удалось захватить приграничные районы Лангшон и Каобанг, дальнейшего продвижения соединений НОАК вглубь Вьетнама не состоялось (отдельные стычки между войсками КНР и СРВ продолжались до 1988-1990 гг.). КНР же оценила поход и его результаты успешными, чему активно способствовала китайская диаспора во Вьетнаме, насчитывавшая более 1,2 млн человек [39]. Еще одним результатом сложившегося кризиса стал выход КНР из заключенного в 1950 г. советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Вышеупомянутые реформы Дэн Сяопина начались раньше советской перестройки (в 1979 г.), но затронули только сферу экономики. Политически КНР оставалась тоталитарным государством с однопартийной политической системой, в котором не допускались никакое инакомыслие и либеральные свободы. Однако активная часть населения, среди которой лидировала учащаяся молодежь, стремилась как-то повлиять на общественную жизнь Китая. В некоторой степени на умонастроения китайцев могли повлиять и события в странах западного соцблока, включая СССР (как раз в это время – с 15 по 18 мая 1989 г. – Пекин посетил глава СССР М.С. Горбачев), где на глазах расшатывались устои коммунистической законности и морали, а также кончина бывшего генсека ЦК КПК Ху Яобана, сочувствовавшего идеям политической либерализации КНР. Как следствие, с 15 апреля по 4 июня 1989 г. в Пекине прошла волна оппозиционных митингов, главными участниками которых были студенты столичных вузов и профильных училищ. Собиравшиеся на площади Тяньаньмэнь протестовали против монополизации власти коммунистической партией, коррупции, а также отсутствия

политических свобод и свободного выезда за границу. Игры в демократию закончились 4 июня 1989 г. кровавой расправой над митингующими армейскими подразделениями НОАК, в ходе которой протестное движение было подавлено на корню с применением огнестрельного оружия и бронетехники. Данные о погибших и раненых сильно разнятся, колеблясь от нескольких сотен до нескольких тысяч человек (на Западе вообще число жертв событий 1989 г. оценивают в 7 тыс. человек). Кроме того, 8 активистов были казнены, хотя в реальности их число могло быть и бóльшим [40, р. 16; 41; 42].

Сценарий «Пекинской весны» оказался во многом схожим с «Пражской весной» 1968 г., с той лишь разницей, что никакого вмешательства внешних сил для подавления внутренней оппозиции в КНР не было. С другой стороны, события 1989 г. в Пекине отчасти совпали со всплесками националистических выступлений против «диктатора Кремля» в Средней Азии, Закавказье и Прибалтики, где также для разгона протестующих применялась сила, хотя и в несоизмеримо меньших объемах. Причинами поражения протестного движения в Китае стали его стихийность, хаотичность действий (или, скорее, бездействия), отсутствие политических лидеров и какой бы то ни было координации. Еще одним результатом событий на площади Тяньаньмэнь стало отстранение от власти и отправка под домашний арест Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна, сочувствовавшего настроениям оппозиции и высказывавшего мнение о необходимости демократизации и либерализации политических институтов внутренней жизни Китая. Новым главой КПК и КНР стал Цзянь Цзэминь (1926-2022). В итоге, из своего кризиса Поднебесная вышла путём совмещения политического режима КПК и элементов рыночной экономики по типу капиталистического Запада. СССР же из своего кризиса, разросшегося из структурного в системный по ходу так называемой «перестройки», заложившей основы процессам деиндустриализации, приватизации, развала Вооруженных Сил, «парада суверенитетов» и «криминальной революции», так и не вышел, распавшись в конце 1991 г. на 15 национально-административных осколков, в одночасье ставших независимыми государствами, некогда единой страны.

Китайская цензура по сей день купировывает всякую информацию о кровавой расправе над митингующими на площади Тяньаньмэнь, да и сам народ предпочитает ничего не вспоминать, опасаясь преследований и понижения «социального рейтинга». Знаковым индикатором китайского деспотизма является и проблема религиозно-этнического притеснения ряда коренных народов КНР, крайне обострившаяся в течении последнего десятилетия: уйгуров (тюркоязычных мусульман Восточного Туркестана, проживающих на Северо-Западе страны в Синь-

цзян-Уйгурском автономном районе), тибетских буддистов (вследствие начавшихся репрессий и массового разрушения монастырей, имевших место после «освобождения» Тибета войсками НОАК в 1950 г., в 1959 г. в Индию вынуждены были бежать Далай-лама и 100 тыс. его единоверцев), а также 10,5 млн мусульман-хуэйцев (потомки арабских колонистов, осевших в Китае еще 1,5 тыс. лет назад), проживающих в регионе Нинся. По западным источникам, суммарное число убитых и заключенных без суда в «лагеря перевоспитания» составляет несколько миллионов человек [43, р. 101-119; 44; 45, р. 61-63]. Всего же, по приблизительной оценке, сделанной французскими экспертами, жертвами коммунизации Китая следует считать не менее 65 млн человек [46, с. 37].

Коренным китайцам, как говорится, тоже проблем хватает. Как выше уже указывалось, на технологиях тотальной цифровизации (повсеместно расположенные видекамеры с функцией распознавания лиц, биометрические паспорта, электронный документооборот, бесконтактные системы расчёта, цифровой юань QR-коды и проч.) в 2014-2020 гг. Китай ввел у себя, на зависть евро-американским глобалистам, систему «оптимизации управления общественными процессами на основе социального рейтинга», превратив 1,5-миллиардную страну в единое и подконтрольное коммунистической партии, посредством искусственного интеллекта, киберпространство во имя «построения гармоничного социалистического общества». Сутью данной новации является дифференциация китайского населения на лояльных (поощряются административно-финансовыми бонусами и преференциями) и нелояльных (подвергаются штрафным санкциям с понижением гражданских прав и свобод) системе государственного управления жителей, то есть обладателей, соответственно, высоких и низких социально-кредитных рейтингов. Свою эффективность эта система показала в период пандемийных ограничений и массовой вакцинации населения от COVID-19 (SARS-CoV-2) в 2020-2022 гг. Уместно вспомнить, что то была далеко не первая эпидемия, стартовавшая из американских биологических лабораторий в Китае: атипичная пневмония 2002 г. (SARS-CoV-1), «птичий грипп» 2007 г. (H5N1) и «свиной грипп» 2009/2020 (G4EA H1N1). Излишне говорить, что практически все придумки в области цифровой экономики и IT-технологий, как в Китае, так и в других странах мира, подаются под видом «нового этапа научно-технической революции» и безальтернативного условия для «глобального экономического роста», в реальности являясь, прежде всего, инструментом тотального контроля и управления массовым сознанием людей со стороны технократического лобби политического истеблишмента и бизнес-финансовой олигархии [47; 48; 49].

Расширение сферы влияния Китая включает

в себя и интеграцию с ранее утраченными территориями. Так, после 156-летнего пребывания в статусе колонии Великобритании (с 1842 по 1997 гг.), в ночь на 1 июля 1997 г. в состав КНР вошли полуостров Коулун (Цзюлун) с островами Гонконг и Лантау, а также еще 260-ми мелкими островами северного побережья Южно-Китайского моря (численность населения административного района Гонконга на 2023 г. составляет около 7,5 млн. человек), в связи с окончанием срока аренды. Передача, выполненная в процессе деколонизации Гонконга Великобританией (аренда этих территорий «владычицей морей» у еще монархического Китая была оформлена на 99 лет в 1898 г.), предусматривала учреждение в этом анклаве юго-восточной части страны «специального административного района» со статусом автономии в составе КНР. Согласно совместной китайско-британской декларации, заключенной на 50 лет, Гонконг сохраняет за собой право на самостоятельную административную и хозяйственную деятельность, хождение гонконгского доллара и английского языка в качестве второго государственного, а КНР обеспечивает его военную защиту и осуществляет внешнюю политику, исходя из провозглашенного принципа: «Одна страна – две системы». Проще говоря, по взаимной договоренности сторон, Гонконг сохраняет экономическую независимость от Китая и свободный рынок в торгово-финансовой и производственной сферах, а для политических реформ был устроен переходный период [50].

Однако, несмотря на все преференции, данные Гонконгу руководством КНР во главе с Ху Цзиньтао (род. в 1942 г.), имел место и значительный отток наиболее состоятельной и мобильной части населения из последнего осколка Британской колониальной империи на Запад. Распространение китайского законодательства и коммунистической идеологии, включая контроль над выборным процессом в местные органы власти, породили нарастающее недовольство значительной части населения присоединенных к КНР территорий. В конце 2014 г. (с 28 сентября по 15 декабря) это вылилось в так называемую «Революцию зонтиков» (волну протестов, социальной основой которой составили гонконгские служащие и студенты), жестко подавленную китайскими властями посредством полиции и судопроизводства. При этом Китай официального предостерег США от вмешательства в этот конфликт, считая его своим внутренним делом [51; 52; 53]. В 2019 г. имела место еще одна волна протестов, также пресеченная без каких бы то ни было уступок и компромиссов. В результате диктата КНР экономика Гонконга начала терять прежние темпы развития, а сам регион перестал быть столь привлекательным для комфортного и безмятежного проживания. Многие политологи прогнозируют в перспективе и неизбежность интеграции КНР с Тайванем (численность насе-

ления Тайваня на 2023 г. составляет почти 23,3 млн. человек), формат которой может иметь как мирный, так и военный сценарии. Справедливости ради следует отметить, что в отличие от КНДР, авторитарные режимы восточных деспотий коммунистического пояса – Китай, Вьетнам и Лаос – либо избавились, либо постепенно избавляются от дурмана коммунистических иллюзий, выстраивая экономическую и национальную политику на принципах здравого смысла и прагматической целесообразности. Взаимоотношения РФ и КНР всё более укрепляются, особенно в сферах торгово-экономического партнерства и политического взаимодоверия в условиях совместного противостояния «ускользающему доминированию коллективного Запада». Обе страны, и КНР, и РФ, не вмешиваются во внутренние дела друг друга и позиционируют себя сторонниками многополярного мира. Во многом успех этих отношений определяется комплиментарностью к ним действующих глав государств – Президента РФ В.В. Путина (род. в 1952 г.) и Председателя КНР Си Цзиньпина (род. в 1953 г.), лично знакомых с марта 2010 г. Накануне официального визита китайского лидера в Москву по случаю очередного (третьего) переизбрания на высшую государственную должность КНР на пятилетний срок, состоявшегося 20-22 марта 2023 г., В.В. Путин и Си Цзиньпин опубликовали статьи с анализом как текущей обстановки в мире, так и необходимости дальнейшего укрепления двусторонних отношений между Россией и Китаем [54; 55]. В то же время, переоценивать потенциал российско-китайских отношений в текущем периоде пока не приходится, поскольку КНР не выступает в поддержку проводимой ВС РФ Специальной военной операции на Украине с целью её денацификации и демилитаризации, не признает Крым и присоединенные территории Донбасса и Северного Причерноморья (Луганскую и Донецкую Народные Республики, а также Запорожскую и Херсонскую области) на основании проведенных там референдумов российскими, и не высказывает намерений о военной помощи РФ в случае дальнейшей эскалации конфликта и открытой агрессии против России стран Североатлантического альянса (НАТО), занимая, по сути, выжидательно-пацифистскую позицию. С другой стороны, еще со времён Мао Цзэдуна КНР придерживается принципа военно-политической внеблоковости, предпочитая этому (со времён Дэн Сяопина) торгово-экономическое сотрудничество на основе многовекторности и традиционализма [56; 57]. Основным инструментом и основой этому, и в Китае, и в России, считается Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС), образованная 15 июля 2001 г. (штаб-квартира ШОС находится в Пекине, генеральным секретарём Организации является Чжан Мин). Нынешний формат ШОС объединяет 9 государств евро-ази-

атского и ближневосточного пространства (Индия, Иран, Казахстан, Киргизия, КНР, Пакистан, РФ, Таджикистан и Узбекистан) с проживающими на их территории 3,5 млрд человек. Помимо торгово-экономического и энергетического сотрудничества, главными задачами ШОС провозглашены борьба с сепаратизмом, терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком, а также развитие сферы научно-культурного и образовательного взаимодействия. В определённой степени ШОС можно рассматривать как восточный противовес торгово-экономическому агломерату США и Евросоюза, включающему в себя вторую половину планетарного человечества [58; 59; 60]. Ещё одним межгосударственным объединением в области торгово-экономического сотрудничества с участием КНР и РФ является организация БРИКС, образованная в июне 2006 г. и включающая в себя пять государств (Бразилию, РФ, Индию, КНР и ЮАР), совокупно занимающих около 30% земной поверхности и объединяющих 42% мирового населения [61]. Серьёзный потенциал этой структуры, до недавнего времени имевшей все перспективы для расширения, оказался серьёзно подорван минувшей пандемией COVID-19 и продолжающейся волной антироссийских политико-экономических санкций. Преодолеют эти международные структуры брошенные им внешние и внутренние вызовы, или, под давлением евро-американских геополитических центров, придут в состояние стагнации и поэтапного распада, покажет среднесрочная историческая перспектива.

Подытоживая, отметим, что на сегодняшний день именно КНР является едва ли не главным бенефициаром системы глобальной экономики и транснациональной логистики, поставляя свою продукцию во все точки мира, в котором, как правило, заказчик опосредовано дистанцирован от производителя. Однако пандемия COVID-19 с её локдаунами и относительно высокой смертностью (нынешний Китай по численности населения опустился на второе место после Индии) нанесла сильнейший удар по выстроенному за три десятилетия алгоритму, в ходе чего в КНР произошло как снижение темпов эконо-

мического прироста национального ВВП, так и перенос основного объёма потребления на внутренний рынок (данный факт диагностируется и показателями планирования на 14-ю пятилетку 2021-2025 гг.). В сочетании с тотальной автоматизацией и роботизацией производственного сектора экономики, ведущих к неизбежному вытеснению человеческого труда и сокращению рабочих мест, а также зависимостью Поднебесной от импорта энергетических и сырьевых ресурсов (нефти, газа и леса), данный феномен может быстро изменить социальную расстановку китайского общества. Если положение высоко обеспеченной части населения (около 150 млн человек) едва ли может серьёзно ухудшиться, то так называемый средний слой (около 500 млн человек) рискует быстро исчерпать свой покупательский потенциал и пополнить и без того многочисленную массу (около 800 млн человек) китайской бедноты. Серьёзным образом на экономику Поднебесной влияет и ухудшение отношений между КНР и США, основной причиной чему является принципиальное расхождение мнений по тайваньскому вопросу и продолжающиеся торгово-финансовые отношения КНР с РФ. С другой стороны, именно расширение внутреннего потребления способно стимулировать развитие современных технологий и привлечь дополнительные инвестиции для дальнейшей модернизации китайского рынка труда, сельского хозяйства и улучшения материального положения тех самых 800 млн китайских бедняков [62; 63].

Впрочем, пока это только аналитические прогнозы, имеющие лишь вероятностную величину реализации. Как будут развиваться дальнейшие события на самом деле в растущем экономически и численно КНР, и как будет отдаваться в них политическое эхо Синьхайской революции, ставшей своеобразным трамплином для прихода к власти коммунистического режима (в этом смысле аналогии с Февральской революцией 1917 г. в России более чем очевидны), покажет время. Отметим лишь, что история современного Китая – будь то социалистический (КНР) или буржуазный (Тайвань, Гонконг) его форматы – динамична, интересна и во многом поучительна.

Литература и источники

1. Blair C. The Forgotten War: America in Korea, 1950-1953. – New-York: Times Books, 1987. – 1136 p.
2. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 годов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – 328 с.
3. Ачкасов Н.Б., Ачкасов Б.Н. Война в Корее. – М.: Вече, 2018. – 272 с. – (Локальные войны России).
4. Ланьков А.Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. – М.: Восток-Запад, 2005. – 445 с.
5. Балканский А.Ю. Ким Ир Сен / вступительная статья Э.В. Лимонова. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 272 с. – (Жизнь замечательных людей).
6. Ярёмченко Ю.В. «Большой скачок» и народные коммуны в Китае. – М.: Политиздат, 1968. – 143 с.
7. Делюсин Л.П. «Культурная революция» в Китае. – М.: Знание, 1967. – 48 с.
8. Gray J., Cavendish P. Chinese communism in crisis. Maoism and the Cultural Revolution. – New York; Washington; London: Frederick A. Praeger, 1968. – 279 p.
9. Желуховцев А.Н. «Культурная революция» с близкого расстояния: Записки очевидца. – М.: Политиздат, 1973. – 262 с.
10. Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960-1966 гг.). // Информационный бюллетень / РАН. Ин-т Дал. Востока. Часть 1. – М., 1988. – № 4. С. 1-121.
11. Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960-1966 гг.). // Информационный бюллетень / РАН. Ин-т Дал. Востока. Часть 1. – М., 1988. – № 4. С. 1-121.

- ть / РАН. Ин-т Дал. Востока. Часть 2. – М., 1988. – № 5. С. 1-241.
12. Делюсин Л.П. «Культурная революция»: тридцать лет спустя // Вестник научной информации / Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. РАН. – 1997. – № 5. С. 64-83.
  13. Ли Чжисуй. Мао Цзэдун. Записки личного врача / The Private Life of Chairman Mao. В 2-х томах / Пер. с англ. А. Скоморохова. Т. 1. – Мн.: ИнтерДайджест, 1996. – 384 с.
  14. Ли Чжисуй. Мао Цзэдун. Записки личного врача / The Private Life of Chairman Mao / Пер. с англ. А. Скоморохова. В 2-х томах. Т. 2. – Мн.: ИнтерДайджест, 1996. – 364 с.
  15. Шорт Ф. Мао Цзэдун / Мао. A Life / Пер. с англ. Ю.Г. Кирьяка. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 606 с. – (Лицо в истории).
  16. Галенович Ю.М. Мао Цзэдун вблизи. – М.: Русская панорама, 2006. – 325 с. – (Лидеры Китая).
  17. Панцов А.В. Мао Цзэдун. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 867 с. – (Жизнь замечательных людей).
  18. Юн Чжан, Холлидей Дж. Неизвестный Мао / Mao: The Unknown Story / Пер. с англ. И.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2007. – 845 с.
  19. Лавренов С.Я., Попов И.М. Советско-китайский раскол // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – М.: Астрель, 2003. С. 336-369. – (Военно-историческая библиотека).
  20. Рябушкин Д.С. Мифы Даманского. – М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. – 396 с.
  21. Рябушкин Д.С. Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969. – М.: Фонд Русские витязи, 2015. – 172 с., ил. – (Ратное дело).
  22. Рябушкин Д.С. Это было на Даманском. – Казань: Бук, 2019. – 258 с., ил.
  23. Плугатарёв И. Оружейные дебюты Даманского // Оружие. – 2006. – № 10. С. 40-47.
  24. Морозов В. Даманский – 1969 // Техника и вооружение: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 1. С. 7-14.
  25. Петров И.И. Советско-китайские войны. Пограничники против маоистов. – М.: Яуза; Эксмо, 2017. – 348 с.: ил, портр. – (Герои в зелёных фуражках).
  26. Выступления и высказывания Дэн Сяопина. – М.: Прогресс, 1979. – 285 с.
  27. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его наследники. – М.: Международные отношения, 1979. – 400 с.
  28. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 384 с.
  29. Дэн Сяопин. О строительстве специфически китайского социализма. – Пекин: Изд-во лит. на иностр. языках, 1985. – 100 с.
  30. Усов В.Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976-1984). – М.: Ин-т Дал. Востока РАН, 2003. – 189 с.
  31. Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. – М.: Стилсервис, 2009. – 842 с.
  32. Панцов А.В. Дэн Сяопин. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 558 с. – (Жизнь замечательных людей).
  33. King V. Chen. China's War with Viêt Nam, 1979: Issues, Decisions, and Implications. – Stanford University: Hoover Institution Press, 1987. – 234 p.
  34. Chan G. China and international organizations: Participation in Non-Governmental Organizations Since 1971. – Oxford: Oxford University Press, 1989. – 225 p.
  35. Tucker S.-C. Vietnam. – London: University College London Press, 2002. – 244 p.
  36. Дэвидсон Ф. Война во Вьетнаме (1946-1975) / The History 1946-1975 Vietnam at War / Пер. с англ. Александра Колина. – М.: Изографус; Эксмо, 2002. – 814 с., 8 л. ил, портр. – (Колониальные войны и локальные конфликты).
  37. Willbanks J. (ed.). Vietnam War: The Essential Reference Guide. – Santa Barbara, Ca.: ABC-CLIO, 2013. – 341 p.
  38. Самородный О. Пол Пот: Камбоджа – империя на костях? – М.: Алгоритм, 2013. – 320 с. – (Титаны и тираны).
  39. Ильинский М.М. Китай-Вьетнам: Четвёртый фронт // Индокитай. Пепел четырёх войн (1939-1979). – М.: Вече, 2000. С. 418-486. – (Военные тайны XX века).
  40. Langley A. Tiananmen Square: Massacre Crushes China's Democracy Movement. – Minneapolis: Compass Point Books, 2009. – 96 p.
  41. Brown J. June Fourth: The Tiananmen Protests and Beijing Massacre of 1989. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 288 p.
  42. Chen T. Made in Censorship: The Tiananmen Movement in Chinese Literature and Film. – New York: Columbia University Press, 2022. – 248 p.
  43. Starr F. Xinjiang: China's Muslim borderland. – Armonk, New-York: M.E. Sharpe Inc., 2004. – 484 p.
  44. Clarke M.-E. Xinjiang and China's Rice in Central Asia – A History. – London: Routledge, 2011. – 224 p.
  45. Palmer D., Shive G., Wickeri Ph. Chinese religious life. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 296 p.
  46. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Дж.-Л. Чёрная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии: 95 миллионов жертв / Le Livre Noir du Communisme / Пер. с фр. – 2-е издание. – М.: Три века истории, 2001. – 780 с.
  47. Mo Chen, Grossklags J. An Analysis of the Current State of the Consumer Credit Reporting System in China // Proceedings on Privacy Enhancing Technologies. – 2020. – № 4. P. 89-110.
  48. Donnelly D. China Social Credit System Explained – What is it & How Does it Work? // New Horizons Global Partner, 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.nhglobalpartners.com> (дата обращения: 29.05.2023).
  49. Се Чжэньчжэнь. Российско-китайское цифровое сотрудничество: вызовы и способы взаимодействия // Вопросы истории. – 2023. – № 1 (1). С. 120-131.
  50. Patten C. East and West: The Last Governor of Hong Kong on Power Freedom and the Future. – New York: Crown; London: Macmillan, 1998. – 304 p.
  51. Bradsher K., Buckley C. Hong Kong Leader Reaffirms Unbending Stance of Elections // New York Times. – Oct. 20, 2014 [Электронный ресурс] URL: <https://www.archive.nytimes.com> (дата обращения: 1.06.2023).
  52. Макаренко Г. «Закрыли зонтик»: чем закончились 75 дней протеста в Гонконге // РБК. – 11 декабря 2014, 21:47 [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 1.06.2023).
  53. Ramzy A., Wong A. Hong Kong's Umbrella Revolution: One Year Later // New York Times. – Sept. 25, 2015 [Электронный ресурс] URL: <https://www.archive.nytimes.com> (дата обращения: 1.06.2023).
  54. Путин В.В. Россия и Китай – партнёрство, устремлённое в будущее // Жэньминь Жибао. – 19 марта 2023, 23:00 [Электронный ресурс] URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/707743> (дата обращения: 20.03.2023)
  55. Си Цзиньпин. Упорно двигаться вперед, к новым перспективам дружбы, сотрудничества и совместного развития Китая и России (авторская статья для российских СМИ) // Российская газета. – 20 марта 2023 [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2023/03/20/uporno-dvigatsia-vpered-k-novym-perspektivam-druzhby-sotrudnichestva-i-sovmestnogo-razvitiia-kitaia-i-rossii.html> (дата обращения: 21.03.2023).
  56. Hyer E. The Pragmatic Dragon: China's Grand Strategy and Boundary Settlements. – Vancouver: UBC Press, 2015 – 372 p.
  57. Chao Rong Phua Ch. Towards Strategic Pragmatism in Foreign Policy: Cases of United States of America, China and Singapore. – Routledge, 2021. – 171 p.
  58. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития / Сост.: А.Ф. Клименко. – М.: ИДВ РАН, 2008. – 400 с.

59. Chabal P. Concurrences Interrégionales Europe-Asie au 21ème siècle – Brussels: Peter Land, 2015. – 388 p.
 60. Chabal P. L'Organisation de Coopération de Shanghai et la construction de «la nouvelle Asie». – Brussels: Peter Land, 2016. – 492 p.
 61. Lissovolik Y., Vinokurov E. Extending BRICS to BRICS+: Potential for Development Finance, Connectivity, and Financial Stability // Area Development and Policy. – 2019. – Vol. 4, no. 2. – P. 117-133.
 62. Чжан Ци. Как построить среднезажиточное общество // Китай. – 2021. – № 5. С. 16-19.
 63. Чзин Ту. Пятилетний переходный период // Китай. – 2021. – № 5. С. 26-27.

References

1. Blair C. The Forgotten War: America in Korea, 1950-1953. – New-York: Times Books, 1987. – 1136 p.
 2. Torkunov A.V. *Zagadochnaya voina: koreiskii konflikt 1950-1953 godov* [Mystery War: Korean Conflict 1950-1953]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2001. 328 p.
 3. Achkasov N.B., Achkasov B.N. *Voyna v Koree* [War in Korea]. Moscow, Veche Publ., 2018. 272 p.
 4. Lankov A.N. *KNDR vchera i segodnya. Neformal'naya istoriya Severnoi Korei* [North Korea yesterday and today. Informal history of North Korea]. Moscow, "East-West" Publ., 2005. 445 p.
 5. Balkanskii A.Yu. *Kim Ir Sen / vstupitel'naya stat'ya E.V. Limonova* [Kim Il Sung / introductory article by E.V. Limonov]. Moscow, Young guard Publ., 2011. 272 p.
 6. Yaremenko Yu.V. «*Bol'shoi skachok*» i narodnye kommuny v Kitae [The Great Leap Forward and People's Communes in China]. Moscow, Political publishing house, 1968. 143 p.
 7. Delyusin L.P. «*Kul'turnaya revolyutsiya*» v Kitae ["Cultural Revolution" in China]. Moscow, Znanie Publ., 1967. 48 p.
 8. Gray J., Cavendish P. Chinese communism in crisis. Maoism and the Cultural Revolution. – New York; Washington; London: Frederick A. Praeger, 1968. – 279 p.
 9. Zhelokhovtsev A.N. «*Kul'turnaya revolyutsiya*» s blizkogo rasstoyaniya: Zapiski ochevidtza ["Cultural Revolution" at close range: Notes of an eyewitness]. Moscow, Political publishing house, 1973. 262 p.
 10. Usov V.N. *KNR: ot «bol'shogo skachka» k «kul'turnoi revolyutsii» (1960-1966 gg.)* [PRC: From the "Great Leap Forward" to the "Cultural Revolution" (1960-1966)]. *Informatsionnyi byulleten' / RAN. In-t Dal. Vostoka* [Newsletter / RAS. Institute of the Far East]. Part 1. Moscow, 1988. No. 4. Pp. 1-121.
 11. Usov V.N. *KNR: ot «bol'shogo skachka» k «kul'turnoi revolyutsii» (1960-1966 gg.)* [PRC: From the "Great Leap Forward" to the "Cultural Revolution" (1960-1966)]. *Informatsionnyi byulleten' / RAN. In-t Dal. Vostoka* [Newsletter / RAS. Institute of the Far East]. Part 2. Moscow, 1988. No. 5. Pp. 1-241.
 12. Delyusin L.P. «*Kul'turnaya revolyutsiya*»: tridsat' let spustya ["Cultural Revolution": thirty years later]. *Vestnik nauchnoi informatsii / In-t mezhdunarodnykh ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy RAN* [Bulletin of Scientific Information / Institute of International Economic and Political Studies RAS]. 1997. No. 5. Pp. 64-83.
 13. Li Zhishui. *Mao Tzedun. Zapiski lichnogo vracha* [Mao Zedong. Notes of a personal doctor] / The Private Life of Chairman Mao. In 2 vols. / Translation from English by A. Skomorokhova. Vol. 1. Minsk, InterDigest Publ., 1996. 384 p.
 14. Li Zhishui. *Mao Tzedun. Zapiski lichnogo vracha* [Mao Zedong. Notes of a personal doctor] / The Private Life of Chairman Mao. In 2 vols. / Translation from English by A. Skomorokhova. Vol. 2. Minsk, InterDigest Publ., 1996. 364 p.
 15. Short F. *Mao Tzedun* [Mao Zedong]. Translation from English by Yu.G. Kiryak. Moscow, AST, Transitbook Publ., 2005. 606 p.
 16. Galenovich Yu.M. *Mao Tzedun vblizi* [Mao Zedong up close]. Moscow, Russian panorama Publ., 2006. 325 p.
 17. Pantsov A.V. *Mao Tzedun* [Mao Zedong]. Moscow, Young guard Publ., 2007. 867 p.
 18. Yun Zhang, Holliday J. *Neizvestnyi Mao* [Unknown Mao]. Translation from English by I.A. Igorevsky. Moscow, Centerpolygraph Publ., 2007. 845 p.
 19. Lavrenov S.Ya., Popov I.M. *Sovetsko-kitaiskii raskol* [Soviet-Chinese split]. IN: *Sovetskii Soyuz v lokal'nykh voynakh i konfliktakh* [The Soviet Union in local wars and conflicts]. Moscow, Astrel Publ., 2003. Pp. 336-369.
 20. Ryabushkin D.S. *Mify Damanskogo* [Myths of Damansky]. Moscow, AST, Transitbook Publ., 2004. 396 p.
 21. Ryabushkin D.S. *Ostrov Damanskii. Pogranichnyi konflikt. Mart 1969* [Damansky Island. Border conflict. March 1969]. Moscow, Russian Knights Foundation Publ., 2015. 172 p.
 22. Ryabushkin D.S. *Eto bylo na Damanskom* [It was in Daman]. Kazan, Buk Publ., 2019. 258 p.
 23. Plugatarev I. *Oruzheinye debyuty Damanskogo* [Damansky's weapon debuts]. *Oruzhie* [Weapon]. 2006. No. 10. Pp. 40-47.
 24. Morozov V. *Damanskii – 1969* [Damansky - 1969]. *Tekhnika i vooruzhenie: vchera, segodnya, zavtra* [Equipment and weapons: yesterday, today, tomorrow]. 2015. No. 1. Pp. 7-14.
 25. Petrov I.I. *Sovetsko-kitaiskie voyny. Pogranichniki protiv maoistov* [Soviet-Chinese wars. Border guards against the Maoists]. Moscow, Yauza; Eksmo Publ., 2017. 348 p.
 26. *Vystupeniya i vyskazyvaniya Den Syaopina* [Speeches and sayings of Deng Xiaoping]. Moscow, Progress Publ., 1979. 285 p.
 27. Burlatskii F.M. *Mao Tzedun i ego nasledniki* [Mao Zedong and his heirs]. Moscow, "International relationships" Publ., 1979. 400 p.
 28. Burlatskii F.M. *Mao Tzedun, Tszyan Tsin i Sovetnik Den* [Mao Zedong, Jiang Qing and Advisor Deng]. Moscow, EXMO-Press Publ., 2002. 384 p.
 29. Deng Xiaoping. *O stroitel'stve spetsificheskii kitaiskogo sotsializma* [On the construction of specifically Chinese socialism]. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 1985. 100 p.
 30. Usov V.N. *KNR: ot «kul'turnoi revolyutsii» k reformam i otkrytosti (1976-1984)* [PRC: from "cultural revolution" to reforms and opening up (1976-1984)]. Moscow, Institute of Far East RAS Publ., 2003. 189 p.
 31. Usov V.N. *Den Syaopin i ego vremya* [Deng Xiaoping and his time]. Moscow, Steelservice Publ., 2009. 842 p.
 32. Pantsov A.V. *Den Syaopin* [Deng Xiaoping]. Moscow, Young guard Publ., 2013. 558 p.
 33. King V. *Chen. China's War with Viet Nam, 1979: Issues, Decisions, and Implications*. – Stanford University: Hoover Institution Press, 1987. 234 p.
 34. Chan G. *China and international organizations: Participation in Non-Governmental Organizations Since 1971*. – Oxford: Oxford University Press, 1989. 225 p.
 35. Tucker S.-C. *Vietnam*. – London: University College London Press, 2002. – 244 p.
 36. Davidson F. *Voyna vo V'etname (1946-1975)* [Vietnam War (1946-1975)]. Translation from English by Alexander Kolin. Moscow, Isographus; Eksmo Publ., 2002. 814 p.
 37. *Willbanks J.* (ed.). *Vietnam War: The Essential Reference Guide*. – Santa Barbara, Ca.: ABC-CLIO, 2013. – 341 p.
 38. Samorodnii O. *Pol Pot: Kambodza – imperiya na kostyakh?* [Pol Pot: Is Cambodia an empire on the bones?]. Moscow, Algorithm Publ., 2013. 320 p.
 39. Ilinskii M.M. *Kitai-V'etnam: Chetvertyi front* [China-Vietnam: The Fourth Front]. IN *Indokitai. Pepel chetyrekh voyn (1939-1979)* [Indochina. Ashes of four wars (1939-1979)]. Moscow, Veche Publ., 2000. Pp. 418-486.
 40. Langley A. *Tiananmen Square: Massacre Crushes China's Democracy Movement*. – Minneapolis: Compass Point

Books, 2009. – 96 p.

41. Brown J. June Fourth: The Tiananmen Protests and Beijing Massacre of 1989. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 288 p.
42. Chen T. Made in Censorship: The Tiananmen Movement in Chinese Literature and Film. – New York: Columbia University Press, 2022. – 248 p.
43. Starr F. Xinjiang: China's Muslim borderland. – Armonk, New-York: M.E. Sharpe Inc., 2004. – 484 p.
44. Clarke M.-E. Xinjiang and China's Rice in Central Asia – A History. – London: Routledge, 2011. – 224 p.
45. Palmer D., Shive G., Wickeri Ph. Chinese religious life. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 296 p.
46. Courtois S., Werth N., Panne J.-L., Paczkowski A., Bartoszek K., Margolin J.-L. *Chernaya kniga kommunizma: Prestupleniya, terror, repressii: 95 millionov zhertv* [The Black Book of Communism: Crime, terror, repression: 95 million victims] / Le Livre Noir du Communisme / Translation from French, 2nd ed. Moscow, "Three centuries of history" Publ., 2001. 780 p.
47. Mo Chen, Grossklags J. An Analysis of the Current State of the Consumer Credit Reporting System in China // Proceedings on Privacy Enhancing Technologies. – 2020. – № 4. P. 89-110.
48. Donnelly D. China Social Credit System Explained – What is it & How Does it Work? // New Horizons Global Partner, 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.nhglobalpartners.com> (дата обращения: 29.05.2023).
49. Xie Zhenzhen. *Rossiisko-kitaiskoe tsifrovoe sotrudnichestvo: vyzovy i sposoby vzaimodeistviya* [Russian-Chinese digital cooperation: challenges and ways of interaction]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2023. No. 1 (1). Pp. 120-131.
50. Patten C. East and West: The Last Governor of Hong Kong on Power Freedom and the Future. – New York: Crown; London: Macmillan, 1998. – 304 p.
51. Bradsher K., Buckley C. Hong Kong Leader Reaffirms Unbending Stance of Elections // New York Times. Oct. 20, 2014 [Электронный ресурс] URL: <https://www.archive.nytimes.com> (дата обращения: 1.06.2023).
52. Makarenko G. «Zakryli zontik»: chem zakonchilis' 75 dnei protesta v Gonkonge ["Closed the umbrella": what ended the 75 days of protest in Hong Kong]. RBC. – 11 December 2014, 21:47. Available at: <https://www.rbc.ru> (accessed: 1.06.2023).
53. Ramzy A., Wong A. Hong Kong's Umbrella Revolution: One Year Later // New York Times. Sept. 25, 2015 Available at: <https://www.archive.nytimes.com> (accessed: 1.06.2023).
54. Putin V.V. *Rossiya i Kitai – partnerstvo, ustremlennoe v budushchee* [Russia and China – a partnership looking to the future]. People's Daily. March 19, 2023, 23:00. Available at: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/707743> (accessed: 20.03.2023).
55. Xi Jinping. *Uporno dvigat'sya vpered, k novym perspektivam druzhby, sotrudnichestva i sovmejnogo razvitiya Kitaya i Rossii (avtorskaya stat'ya dlya rossiiskikh SMI)* [Persistently moving forward towards new prospects for friendship, cooperation and joint development of China and Russia (Original article for the Russian media)]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper]. March 20, 2023. Available at: <https://rg.ru/2023/03/20/uporno-dvigatsia-vpered-k-novym-perspektivam-druzhby-sotrudnichestva-i-sovmejnogo-razvitiia-kitaia-i-rossii.html> (accessed: 21.03.2023).
56. Hyer E. The Pragmatic Dragon: China's Grand Strategy and Boundary Settlements. – Vancouver: UBC Press, 2015 – 372 p.
57. Chao Rong Phua Ch. Towards Strategic Pragmatism in Foreign Policy: Cases of United States of America, China and Singapore. – Routledge, 2021. – 171 p.
58. *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya* [Shanghai Cooperation Organization: Toward New Frontiers of Development]. Compiled by A.F. Klymenko. Moscow, IDV RAS, 2008. 400 p.
59. Chabal P. Concurrences Interrégionales Europe-Asie au 21ème siècle– Brussels: Peter Land, 2015. – 388 p.
60. Chabal P. L'Organisation de Coopération de Shanghai et la construction de «la nouvelle Asie». – Brussels: Peter Land, 2016. – 492 p.
61. Lissovlik Y., Vinokurov E. Extending BRICS to BRICS+: Potential for Development Finance, Connectivity, and Financial Stability // Area Development and Policy. – 2019. – Vol. 4, no. 2. – P. 117-133.
62. Zhang Qi. *Kak postroit' srednezazhitnoe obshchestvo* [How to build a moderately prosperous society]. *Kitai* [China]. 2021. No. 5. Pp. 16-19.
63. Ching Tu. *Pyatiletnii perekhodnyi period* [Five year transition period]. *Kitai* [China]. 2021. No. 5. Pp. 26-27.

© «Клио», 2023

© Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю., 2023

УДК: 94(47).084.8

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_08_230

Дата поступления (Submitted) 13.07.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 09.08.2023

Водные пути снабжения блокадного Ленинграда. Рецензия на монографию «Водные дороги жизни блокадного Ленинграда: малоизвестные страницы»

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОЛТОРАК

*доктор исторических наук, профессор
профессор Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого (СПбПУ)
195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: poltorak2006@yandex.ru*

Аннотация. Монография С.В. Федулова, В.Н. Половинкина, В.В. Соколова «Водные дороги жизни блокадного Ленинграда: малоизвестные страницы» [1] посвящена 80-летию полного снятия блокады Ленинграда. 900 дней и ночей защитники и жители города на Неве находились в блокаде. Самыми тяжелым периодом для них были 1941–1942 годы. В это время снабжение города, эвакуация жителей и промышленных предприятий осуществлялась по Ладожскому озеру. Помимо снабжения Ленинграда необходимо было обеспечивать всем необходимым Кронштадт и защитников Ораниенбаумского плацдарма по Финскому заливу.

Обороной города и всеми мероприятиями по его снабжению руководил Военный совет Ленинградского фронта. Непосредственную организацию и транспортировку грузов и пассажиров по Водным дорогам жизни осуществлял Краснознаменный Балтийский флот и входящая в его состав Ладожская военная флотилия.

В монографии впервые системно раскрыта ключевая роль Ладожской военной флотилии в функционировании Летней дороги жизни, благодаря чему успешно осуществлялось снабжение Ленинграда, были проложены по дну Ладожского озера силовой электрический кабель и трубопровод. А также показана важная роль, которую сыграл флот, как в обороне Ленинграда, так и в полном снятии блокады, а именно в передислокации 2-й Ударной армии, участвовавшей в операции «Январский гром».

Монография представляет интерес для широкого круга читателей, а также для специалистов-историков, занимающихся вопросами героического блокадного Ленинграда. Северная столица стала для всей страны примером мужества. Ничто не может заслонить этого мученического подвига ленинградцев и защитников города.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Ладожское озеро, Финский залив, Ладожская военная флотилия, Военный Совет Ленинградского фронта, Краснознаменный Балтийский флот

Water supply routes of blockade Leningrad. Review of the monograph “Water roads of life in blockade Leningrad: little-known pages”

SERGEY NIKOLAEVICH POLTORAK

*Dr. Sci. (Historical), Professor
Professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
195251, Russia, St. Petersburg, Politekhnicheskaya st., 29
e-mail: poltorak2006@yandex.ru*

Abstract. Monograph S.V. Fedulov, V.N. Polovinkin, V.V. Sokolov “Water roads of the life of blockade Leningrad: little-known pages” [1] is dedicated to the 80th anniversary of the complete lifting of the blockade of Leningrad. For 900 days and nights, the defenders and residents of the city on the Neva were in blockade. The most difficult period for them was 1941–1942. At that time, the supply of the city, the evacuation of residents and industrial enterprises was carried out along Lake Ladoga. In addition to supplying Leningrad, it was nec-

essary to provide Kronstadt and the defenders of the Oranienbaum bridgehead along the Gulf of Finland with everything necessary.

The defense of the city and all measures for its supply were led by the Military Council of the Leningrad Front. The direct organization and transportation of goods and passengers along the Waterways of Life was carried out by the Red Banner Baltic Fleet and the Ladoga military flotilla, which is part of it.

For the first time, the monograph systematically reveals the key role of the Ladoga military flotilla in the functioning of the Summer Road of Life, thanks to which Leningrad was successfully supplied, a power cable and a pipeline were laid along the bottom of Lake Ladoga. It also shows the important role played by the fleet, both in the defense of Leningrad and in the complete lifting of the blockade, namely in the redeployment of the 2nd Shock Army, which participated in the operation "January Thunder".

The monograph is of interest to a wide range of readers, as well as to historians dealing with the issues of the heroic besieged Leningrad. The northern capital has become an example of courage for the whole country. Nothing can obscure this martyrdom of the people of Leningrad and the defenders of the city.

Keywords: *Blockade of Leningrad, Lake Ladoga, Gulf of Finland, Ladoga Military Flotilla, Military Council of the Leningrad Front, Red Banner Baltic Fleet*

80 лет тому назад в годы военного лихолетья началась подготовка к полному снятию блокады Ленинграда. 900 дней и ночей защитники и жители города на Неве в невероятных условиях не только выживали, но и вели жестокую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Артиллерийские обстрелы, бомбежки, но самое главное – голод не смогли сломить у защитников и жителей Ленинграда волю к победе. Период с 20 ноября по 25 декабря 1941 года считается самым тяжелым в истории блокады. В это время паек был снижен до минимума. Так служащие, дети и иждивенцы получали всего по 125 г хлеба, рабочим полагалось 250 г, а тем, кто трудился в горячих цехах – 375 г. [2]

Вместе с тем Ленинград находился в энергетической блокаде. Волховская электростанция находилась на оккупированной территории. Во всей энергосистеме работала только электростанция ГЭС-1, сотрудники которой собирали остатки топлива на эвакуированных или остановивших работу предприятиях, разбирали на дрова деревянные дома. 25 января 1942 года – самый тяжелый день для энергетики Ленинграда. ГЭС-1 несла нагрузку всего в 3000 кВт. Топлива оставалось на несколько дней. Электроэнергию получали только хлебозавод, госпиталь и Смольный [3].

Первая блокадная зима показала, что помимо острой нехватки продовольствия, осажденный Ленинград также испытывает серьезный дефицит топлива. Это сказывалось на боеспособности частей Ленинградского фронта, которые были вынуждены ограниченно использовать грузовики, тягачи, танки и самолеты, так как топлива для них не хватало. Благодаря знаменитой «Дороге жизни» частично проблему с топливом удалось решить, но все равно городу отчаянно не хватало бензина, керосина и солянки. В конце 1941 – начале 1942 года на Ленинградском фронте сложилась катастрофическая ситуация с топливом: вставал грузовой автотранспорт, было нечем заправлять танки. Ввели жесткие лимиты на расход горюче-смазочных материалов. С Большой земли горючее доставляли по Ладожскому озеру в железных бочках. Немцы охотились за баржами с

воздуха. Запуск Дороги жизни по замерзшей Ладоге помог лишь отчасти. Все понимали: весной лед растает, и подвоз прекратится [4].

Еще одной немаловажной проблемой являлась эвакуация жителей города и оборудования ленинградских предприятий. При этом единственным путем снабжения и обеспечения было Ладожское озеро.

В сложившихся условиях блокады обострился вопрос снабжения Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота и Ленинграда. Для решения всех вопросов обороны и снабжения был создан единый центр руководства – Военный Совет Ленинградского фронта, в состав которого, в том числе, входило командование Краснознаменного Балтийского флота и руководство города.

Следует отметить, что вопросы обеспечения блокадного Ленинграда были отражены в отечественной историографии. Так, снабжение города при помощи транспортной авиации отражено в [5]. Список ленинградских промышленных предприятий, подлежащих эвакуации представлен в опубликованном Постановлении ГКО № 99сс от 11.07.41 г. [6]. Наличие транспортных средств и их участие в перевозках по Ладожскому озеру показаны в труде В.М. Ковальчука «Ленинград и Большая Земля - Ленинград Блокада Подвиг» [7].

Снабжение блокадного Ленинграда электроэнергией при помощи проложенного по дну Ладожского озера: подводного высоковольтного кабеля, что отражено в статье Ф. Вейткова «Энергетический прорыв блокады» [8, с. 28], а топливом в статье А. Фальковича «Подводная артерия» [9, с. 26]. Особенностью данных статей являлось то, они опубликованы сразу же после войны на основе воспоминаний очевидцев, участвовавших в проводимых работах.

Особой ценностью рецензируемой монографии является то, что авторы раскрыли рассматриваемую проблему комплексно, во всем ее многообразии, гармонично и целостно. При этом, используя архивные источники, освещая, казалось бы, известные события и пути обеспечения блокадного Ленинграда, авторами были введены

в научный оборот малоизвестные факты. Вместе с тем авторы аргументированно обосновали, что водные пути снабжения в период навигации действительно являлись водными Дорогами жизни, это свидетельствует о том, что содержание монографии полностью соответствует ее названию.

В монографии логически стройно показана динамика развития водной трассы по Ладожскому озеру. Используя материалы из архивного фонда Ладожской военной флотилии, авторы в *первой главе* показали проблемы, которые возникли в навигации в период сентябрь – ноябрь 1941 года. А именно: малое количество водных транспортных средств, неподготовленность причалов и логистических путей сообщения [10, л. 9-10] и пути преодоления руководством обороны Ленинграда.

Логически правильно авторами во *второй главе* были использованы воспоминания Главного конструктора – начальника Конструкторского бюро Балтийского судостроительного завода С.А. Базилевского, свидетельствующие не только как ленинградские предприятия решали проблему обеспечения Ладожской военной флотилии водными транспортными средствами [11, с. 60-65], но и в каких условиях, и какие задачи им приходилось решать. Благодаря героическому труду ленинградских судостроителей было построено значительное количество оригинальных водных транспортных средств, таких как: большие железные баржи; озерные железнодорожные паромы, позволявшие переправлять паровозы, грузовые вагоны, а также самоходные тендеры.

О транспортировке из Ленинграда пустых железнодорожных цистерн по Ладожскому озеру вплавь была публикация Н. Гуценского [12]. Однако авторы, используя архивные фонды Тыла Краснознаменного Балтийского флота, раскрыли как особенности прокладки слиповых путей, так и способы их транспортировки. Все это авторы проиллюстрировали схемами и фото из архивных фондов [13, л. 28].

Оценивая деятельность Летней дороги жизни блокадного Ленинграда в навигацию 1942 года, авторы в *третьей главе* отмечают, что основная задача, поставленная перед Ладожской военной флотилией Государственным Комитетом обороны (ГКО) СССР на 1942 год, была выполнена. За кампанию 1942 года через Ладожское озеро было перевезено 1008100 тонн грузов (что составляло к заданию ГКО СССР 104,7%, к заданию Военного Совета (ВС) Ленинградского фронта 81,7%) и 795400 чел. пассажиров (к заданию ГКО СССР 143,3%, к заданию ВС Ленинградского фронта 160,5%) [14, л. 30].

В *четвертой главе* монографии авторами показано, каким образом осуществлялась прокладка от Волховской ГЭС в блокадный Ленинград высоковольтного электрического кабеля, значительная часть которого проходила по дну Ладожского озера. Однако особое внимание авторами

уделено прокладке подводного трубопровода. Используя ранее неизвестные архивные документы из фонда Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) Краснознаменного Балтийского флота ЦАМО РФ (архив ВМФ) авторы показали, каким образом, какими средствами и силами был сделан и проложен трубопровод. Особое внимание было уделено прокладке его подводной части. При этом авторами был сделан важный акцент на то, что именно благодаря деятельности водной Дороги жизни удалось выполнить данные виды работ, тем самым обеспечить блокадный Ленинград электроэнергией и топливом.

Пятая глава монографии посвящена функционированию в условиях блокады водных путей сообщения Финского залива и деятельности Кронштадтского морского завода (КМЗ). Следует отметить, что история КМЗ описана в коллективном труде под общей редакцией Г.Н. Муру «История отечественного военного судоремонта» [15, с. 93-137]. Однако авторы рецензируемой монографии на основе архивных источников раскрыли малоизвестные аспекты деятельности данного предприятия в блокадных условиях, направленные на оборону Кронштадта и обеспечение водных путей сообщения Финского залива. Издание повествует, в каких условиях и каким образом руководство КМЗ решало такие важные и необходимые в технологическом процессе вопросы как водоснабжение, пароснабжение, воздухообеспечение, энергоснабжение.

Раскрывая особенности функционирования водных коммуникаций Финского залива в невероятно тяжелой обстановке, авторы отмечают, что благодаря эффективности защитники Ораниенбаумского плацдарма и Кронштадта выстояли в нечеловеческих условиях фактически двойной блокады. Вместе с тем, авторами описана уникальная операция по передислокации водными путями сообщения Финского залива 2-й ударной армии, принявшей участие в операции «Январский гром», позволившей полностью снять блокаду Ленинграда.

Необходимо отметить акценты, расставленные авторами о том, что функционирование водных путей сообщения по Финскому заливу существенно отличалось от водных путей сообщения по Ладожскому озеру. Это было обусловлено тем, что, во-первых, водное сообщение с Кронштадтом и Ораниенбаумом сложилось еще в мирное время (оборудованы фарватеры и пристани). Во-вторых, водное сообщение по Финскому заливу находилось под постоянным артиллерийским огнем и авиационными налетами противника в обстановке серьезной минной опасности. В-третьих, в данных условиях водная трасса по Финскому заливу функционировала три года. Однако их объединяет то, что в условиях тяжелой блокады Ленинграда данные водные трассы по праву можно называть водными Дорогами жизни.

Особую ценность рецензируемой работе придает описание ратных подвигов и трагедий экипажей, фактически гражданских, вспомогательных судов, обеспечивающих водные Дороги жизни, а именно: теплохода «Кремль», транспорта № 549.

В качестве иллюстрации изложенного в монографии материала авторами представлено большое количество схем, чертежей и фотографий из архивных фондов.

Таким образом, рецензируемая монография свидетельствует о глубоком раскрытии авторами исследованной актуальной проблемы. Работа выполнена на высоком научном уровне, достоверность которого определена большим массивом архивных источников, позволяющим всесторонне исследовать и показать роль водных коммуникаций по Ладожскому озеру и Финскому заливу в годы блокады Ленинграда.

Литература и источники

1. Федулов С. В., Половинкин В. Н., Соколов В. В. Водные дороги жизни блокадного Ленинграда: малоизвестные страницы. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023. 404 с.
2. Нормы хлеба в блокадном Ленинграде: паек блокадников | ВКонтакте [Электронный ресурс] <https://vk.com/@piterhistory-normy-hleba-v-blokadnom-leningrade-paek-blokadnikov> (дата обращения 23.06.2023)
3. Как в блокадный Ленинград тянули «кабель жизни». Уникальные дневники и фото | Известия | Яндекс Дзен [Электронный ресурс] <https://zen.yandex.ru/media/iz/kak-v-blokadnyi-leningrad-tianuli-kabel-jizni-unikalnye-dnevnik-i-foto> (дата обращения 30.07.2022)
4. Нитка под Ладогой. Как тянули бензопровод в блокадный Ленинград – РИА Новости, 28.01.2019 [Электронный ресурс] <https://ria.ru/20190128/1549934840.html> (дата обращения 30.07.2022)
5. Кремль и Смольный: момент истины. Неизвестная блокада [Электронный ресурс] <https://history.wikireading.ru/58194> (дата обращения 06.10.2022).
6. Постановление ГКО № 99сс от 11.07.41 – Википедия [Электронный ресурс]. https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ГКО_№_99сс_от_11.07.41 (дата обращения 06.10.2022)
7. Перевозки по Ладожскому озеру в 1941 г. – Ковальчук В.М. Ленинград и Большая Земля – Ленинград Блокада Подвиг [Электронный ресурс] <http://blokada.otrok.ru/library/koval/03.htm> (дата обращения 06.10.2022).
8. Вейтков Ф. Энергетический прорыв блокады // Техника молодежи 1946 № 5-6. – С. 28.
9. Фалькович А. Подводная артерия // Техника молодежи 1946 № 5-6. – С. 26.
10. Филиал Центрального архива Министерства Российской Федерации (Архив Военно-Морского флота) (далее – Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ)). Ф. 505. Оп. 8. Д. 44. Л. 9-10.
11. Базилевский С.А. Из моих воспоминаний. Рукопись. ФГУП «Крыловский государственный научный центр». 1970. – 145 с.
12. Гущенский Н.О. Эвакуации цистерн из блокадного Ленинграда. | Музей «История Правобережья Невского района» [Электронный ресурс] https://vk.com/wall-191588286_316 (дата обращения 28.03.2023).
13. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 6. Д. 786. Л. 28.
14. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 505. Оп. 28603. Д. 14. Л. 30.
15. История отечественного военного судоремонта. Книга третья. Заводы. Люди. Корабли. Под общей редакцией Муру Г.Н. – СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут». – 2011. – 624 с.

References

1. Fedulov S.V., Polovinkin V.N., Sokolov V.V. *Vodnye dorogi zhizni blokadnogo Leningrada: maloizvestnye stranicy* [Waterways of life in blockade of Leningrad: little-known pages]. Saint Petersburg. Publ. house of St. Petersburg Electrotechnical University "LETI", 2023. 404 p.
2. *Normy хлеба v blokadnom Leningrade: paek blokadnikov* [Norms of bread in blockade of Leningrad: rations of people]. Available at: <https://vk.com/@piterhistory-normy-hleba-v-blokadnom-leningrade-paek-blokadnikov> (accessed 23.06.2023)
3. *Kak v blokadnyj Leningrad tyanuli "kabel" zhizni". Unikal'nye dnevniki i foto* [How the "cable of life" was pulled into blockade Leningrad. Unique diaries and photos]. *Izvestiya* [News]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/iz/kak-v-blokadnyi-leningrad-tianuli-kabel-jizni-unikalnye-dnevnik-i-foto> (accessed 30.07.2022)
4. *Nitka pod Ladogoj. Kak tyanuli benzoprovod v blokadnyj Leningrad* [Thread near Ladoga. How they pulled the gas pipeline to blockade Leningrad]. Publ. RIA News, 28.01.2019. Available at: <https://ria.ru/20190128/1549934840.html> (accessed 30.07.2022)
5. *Kreml' i Smol'nyj: moment istiny. Neizvestnaya blokada* [The Kremlin and Smolny: the moment of truth. Unknown blockade]. Available at: <https://history.wikireading.ru/58194> (accessed 06.10.2022).
6. *Postanovlenie GKO No 99ss ot 11.07.41* [Decree of the State Defense Committee No 99ss from 11.07.41]. Available at: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (accessed 06.10.2022)
7. Kovalchuk V.M. *Perevozki po Ladozhskomu ozeru v 1941 g. Leningrad i Bol'shaya Zemlya – Leningrad Blokada Podvig* [Transportation on Lake Ladoga in 1941. Leningrad and the Great Land – Leningrad Blockade Feat]. Available at: <http://blokada.otrok.ru/library/koval/03.htm> (accessed 06.10.2022).
8. Vejtov F. *Energeticheskij proryv blokady* [Energy breakthrough blockade]. *Zhurnal "Tekhnika molodezhi"* [Journal «Technology of Youth»], 1946. No. 5-6. P. 28.
9. Fal'kovich A. *Podvodnaya arteriya* [Submarine artery]. *Zhurnal "Tekhnika molodezhi"* [Journal «Technology of Youth»], 1946. No. 5-6. P. 26.
10. Branch of the Central Archive of the Ministry of Russian Federation (archive of the Navy). F. 505. Op. 8. D. 44. P. 9-10.
11. Bazilevskij S.A. *Iz moih vospominanij. Rukopis'* [From my memories. Manuscript]. *FGUP «Krylovskij gosudarstvennyj nauchnyj centr»* [Federal State Unitary Enterprise "Krylov State Research Center"]. 1970. 145 p.
12. Gushchenskij N.O. *Evakuacii cistern iz blokadnogo Leningrada* [Evacuation of tanks from blockade Leningrad]. *Muzej "Istoriya Pravoberezh'ya Nevskogo rajona"* [Museum "History of the Right Bank of the Nevsky District"]. Available at: https://vk.com/wall-191588286_316 (accessed 28.03.2023).
13. Branch of the Central Archive of the Ministry of Defense (archive of the Navy). F. 161. Op. 6. D. 786. P. 28.
14. Branch of the Central Archive of the Ministry of Defense (archive of the Navy). F. 505. Op. 28603. D. 14. P. 30.
15. Muru G.N. *Istoriya otechestvennogo voennogo sudoremonta. Kniga tret'ya. Zavody. Lyudi. Korabli* [History of domestic military ship repair. Book three. Factories. People. Ships]. Saint Petersburg, Publ. house «Gangut», 2011. 624 p.

12+

KLIO
A MONTHLY SCHOLARLY JOURNAL
(12 issues a year)

КЛИО
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ Журнал для ученых
№08 (200)
2023

Главный редактор
Выпускающий редактор
Корректор
Верстка

С.Н. Полторак
А.В. Зотова
А.В. Зотова
Н.А. Федорова

Дата выхода в свет «Клио» №08 (200) – 21.08.2023

Ежемесячное издание

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации №П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Издательство ООО «Полторак»

Адрес издательства и редакции:

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11, лит. А, пом. 1 Н

Тел./факс: +7(950)0241405, +7(931)3332009

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

<http://clioscience.com>

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного редакционной коллегией
в типографии ООО «ПСП-ПРИНТ»

192212, Санкт-Петербург, ул. Белградская, д. 30, лит. А, пом. 15 Н

Тел.: (812) 655-09-33

Подписано в печать 17.08.2023 Формат 60x84 1/8

Объем 20,5 п.л. Тираж 500. Заказ № 6212. Цена свободная

На журнал «Клио» осуществляется подписка по каталогу «Урал-Пресс».

Индекс 14243

Уважаемые коллеги!

Журнал для учёных «Клио» принимает к публикации работы историков всех специальностей, а также культурологов, филологов, философов и представителей других специальностей, делающих в своих статьях акцент на историческую составляющую.

К рассмотрению принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся материалы.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ (в случае отрицательной рецензии для доработки или переработки текста статьи), а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

The editorial staff of the journal «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the journal in their countries.

Please contact us by e-mail:

poltorak2006@yandex.ru

English version of website of the journal «Klio»:

clioscience.com/en/

